ТРУДЫ

VI АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО СЪѢЗДА

ВЪ ОДЕССѢ

(1884 г.).

1718-О

ТОМЪ II.

СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ 9 ТАБЛИЦЪ И СЪ РИСУНКАМИ ВЪ ТЕКСТѢ.

ОДЕССА.
Типографія А. Шульце, Ланжероновская улица, домъ Карузо, № 36.
1888.

Печатается по опредѣленію Редакціоннаго Комитета VI-го Археологическаго Съѣзда.

Предсѣдатель Комитета ***Ѳ. Успенскій.***

ОГЛАВЛЕНІЕ

къ тому II „Трудовъ VI-го Археологическаго Съѣзда".

СТР.

1. *В. П. Модестова.* О русскомъ произношеніи и правописаніи греческихъ словъ, особенно въ приложеніи къ собственнымъ именамъ всякаго рода, относящимся къ древне-греческимъ колоніямъ на берегахъ Понта Эвксинскаго 1
2. *И. В. Цвѣтаева.* Поминка по Фридрихѣ Готлибѣ Велькерѣ 8
3. *И. В. Помяловскаго.* О танаитскихъ коллегіяхъ 24
4. *В. Н. Юргевича.* Замѣчанія о нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Новороссійскаго края, заслуживающихъ археологическаго изслѣдованія 29
5. *П. И. Люперсольскаго.* О Каллипидахъ у Иродота (IV, 17) 42
6. *В. В. Латышева.* Сообщеніе о ходѣ работъ по изданію общаго сборника греческихъ и латинскихъ надписей сѣвернаго побережья Чернаго моря. 44
7. — О календаряхъ Ольвіи, Тиры и Херсонеса Таврическаго 56
8. *А. М. Подшивалова.* Нѣкоторыя данныя для историческаго изслѣдованія о правителяхъ Босфора Киммерійскаго по лапидарнымъ и нумизматическимъ памятникамъ 72
9. *А. В. Орѣшникова.* Босфоръ Киммерійскій въ эпоху Спартокидовъ по надписямъ и царскимъ монетамъ 80
10. *Христіана Гиля.* О босфорскихъ монетахъ съ монограммами ВАΣ ВАΥ и ΚΦΡ 104
11. *П. О. Бурачкова.* По поводу брошюры А. В. Орѣшникова: «Босфоръ Киммерійскій въ эпоху Спартокидовъ» 114
12. *Людвига Ф. Бруна.* По поводу тирасскихъ монетъ императора Адріана. 119
13. *Леопольда Ф. Воеводскаго.* О происхожденіи названія Чернаго моря.. 124
14. *И. К. Суручана.* Опытъ доказательства мѣстонахожденія скиѳскаго укрѣпленія Алектора и Золотаго Берега Константина Багрянороднаго. 129

15. *В. Г. Тизенгаузена.* Записка Дюбрюкса: Нѣсколько замѣтокъ о различныхъ родахъ гробницъ, находящихся въ окрестностяхъ Керчи... 135
16. *A. Papadopoulos-Kérameus.* Le Hiéron de Zeus-Urius et le monastère de St. Jean-Baptiste-Phobéros à l'embouchure du Pont-Euxin, d'après un manuscrit du XII siècle..... 140
17. *I. H. Mordtmann.* Extraits d'écrivains Ottomans concernant la topographie et l'histoire de la côte d'Asie du Haut-Bosphore..... 163
18. — Notice sur les antiquités trouvées au Hiéron..... 169
19. *A. Papadopoulos-Kérameus.* Communications archéologiques d'Albanie ... 171
20. — Documents patriarcaux (Léontopolis en Pologne. Cafa en Crimée)... 177
21. *I. H. Mordtmann.* Quelques observations sur deux inscriptions Grecques ayant trait à l'histoire de la Géorgie..... 182
22. *C. G. Curtis.* De quelle nation étaient ces étrangers venus de la Crimée, qui se présentaient à Busbecq, ambassadeur allemand à Constantinople?. 187
23. *А. И. Кирпичникова.* Успеніе Богородицы въ легендѣ и въ искусствѣ. 191
24. *А. Г. Люикса.* Планы древнихъ церквей Константинополя..... 250
25. *Ѳ. И. Успенскаго.* Византійскіе землемѣры. Наблюденія по исторіи сельскаго хозяйства..... 272
26. *М. Н. Бережкова.* Русскіе плѣнники и невольники въ Крыму..... 342
27. *Г. П. Перетятковича.* Малороссіяне въ Оренбургскомъ краѣ при началѣ его заселенія..... 373
28. *А. П. Маркевича.* Одесса въ народной поэзіи..... 398
29. *Я. Ѳ. Головацкаго.* Объ изданіяхъ Виленской археографической коммиссіи. 419
30. *В. Н. Юргевича.* Примѣчаніе къ статьѣ: Замѣчанія о нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Новороссійскаго края..... 434
Опечатки..... 435

О русскомъ произношеніи и правописаніи греческихъ словъ, особенно въ приложеніи къ собственнымъ именамъ всякаго рода, относящимся къ древне-греческимъ колоніямъ на берегахъ Понта Эвксинскаго.

В. И. Модестова.

Съѣзды ученыхъ хороши не только тѣмъ, что могущественнымъ образомъ содѣйствуютъ движенію науки, вызывая по многимъ вопросамъ работу совокупными силами, но и тѣмъ, что даютъ прекрасный случай къ соглашенію по вопросамъ практическимъ, вопросамъ, иногда очень назойливымъ, которые постоянно преслѣдуютъ людей, пишущихъ по той или другой наукѣ, но которые никакъ не могутъ быть рѣшены однимъ, двумя учеными, даже десяткомъ ихъ, а требуютъ общаго согласія или по крайней мѣрѣ согласія очень многихъ представителей отечественной учености. Гдѣ же можетъ идти съ большимъ правомъ рѣчь объ установленіи согласія русскаго ученаго міра по какому либо практическому вопросу, какъ не въ такомъ собраніи, гдѣ сходятся вмѣстѣ цѣлыя сотни русскихъ ученыхъ, совокупный голосъ которыхъ является какъ бы голосомъ русской науки?

Вопросъ, который я имѣю честь представить на ваше рѣшеніе, такого рода, что рѣшеніе его, какъ мнѣ кажется, должно предшествовать занятіямъ съѣзда по отдѣлу древностей греческаго періода. Прежде чѣмъ мы начнемъ говорить и спорить о древнихъ греческихъ поселеніяхъ въ этомъ краѣ, намъ, чтобъ не представлять собой вавилонскаго смѣшенія языковъ, необходимо условиться въ какой нибудь системѣ русской передачи греческихъ названій мѣстностей здѣшняго края, если не вообще въ русскомъ произношеніи греческихъ именъ всякаго рода. Въ самомъ дѣлѣ, странную мы будемъ представлять изъ себя картину, если одни изъ насъ, напр. члены здѣшняго Общества исторіи и древностей, будутъ нѣкій приморскій городъ называть *Одиссосъ*, другіе, напр. профессора петербургскаго университета, *Одиссъ*, а всѣ другіе члены съѣзда—*Одессъ*. Слушатели наши могутъ подумать, что туть дѣло идетъ о трехъ разныхъ городахъ. Не менѣе странно будетъ слышать, когда одни изъ насъ, напр. тѣ-же члены здѣшняго Общества исторіи и древностей, будутъ называть прамать нынѣшней Керчи *Пантикапея*, а другіе, желая быть болѣе правильными

въ передачѣ древнихъ греческихъ названій, будутъ называть тотъ же городъ—*Пантикапей*; или, когда одни будутъ говорить о *Херсонисѣ*, другіе о *Херсонесѣ*. Если эта разница въ передачѣ однихъ и тѣхъ же словъ непріятна, когда является въ книгахъ, обнаруживая неустановленность нашего ученаго языка, свидѣтельствующую въ свою очередь о слабости нашей науки, то она вдвойнѣ непріятна при устной бесѣдѣ, гдѣ даже по обыкновеннымъ практическимъ условіямъ нельзя допустить, чтобы люди одинъ и тотъ-же предметъ въ одно и то-же время называли различно, какъ кому вздумается.

Поэтому нельзя не воспользоваться настоящимъ случаемъ, когда у насъ вообще настоитъ такая практическая нужда въ соглашеніи о формѣ передачи греческихъ, а отчасти и латинскихъ названій, нельзя, говорю я, не воспользоваться имъ для того, чтобы сколько-нибудь ограничить существующую у насъ въ этомъ отношеніи анархію, которая не представляетъ рѣшительно ничего себѣ подобнаго ни въ одной литературѣ. Какъ тяжела эта анархія, это чувствуетъ не только школа, гдѣ во всемъ требуется система, но и всѣ мы, которымъ приходится писать по классической древности. Въ настоящее время я лично нахожусь въ особенно непріятномъ положеніи вслѣдствіе отсутствія у насъ сколько-нибудь согласной системы произношенія греческихъ словъ или однообразнаго способа ихъ русской транскрипціи, взявъ на себя редакцію перевода «Реальнаго Словаря классической древности» Любкера, гдѣ на каждомъ шагу представляется необходимость имѣть установленное произношеніе или транскрипцію и гдѣ всякое разнообразіе въ системѣ передачи древнихъ названій положительно не должно быть допускаемо.

Впрочемъ я хочу вести рѣчь не о томъ, какому произношенію мы должны отдать преимущество въ греческомъ чтеніи—нѣмецкому, носящему въ западной Европѣ названіе *Эразмова*, или національному греческому, носящему въ той же Европѣ названіе *Рейхлинова*. Кстати сказать, послѣднее названіе, нерѣдко употребляемое у насъ учителями и въ приложеніи къ намъ, не имѣетъ ровно никакого смысла въ нашемъ отечествѣ, гдѣ искони или по крайней мѣрѣ за пять столѣтій до Рейхлина существовало произношеніе, сохраненное современными Греками, которое впослѣдствіи ввелъ Рейхлинъ въ Германіи. Было бы напрасно поднимать здѣсь вопросъ о томъ, какъ надобно вообще читать по гречески, такъ какъ опытъ убѣждаетъ насъ, что ни теоретическое, ни практическое соглашеніе тутъ не возможно. Не смотря на очевидную искусственность Эразмовскаго произношенія, не соотвѣтствующаго никакому періоду живого греческаго языка, не смотря на полное противорѣчіе его исторіи нашего образованія, нашимъ литературнымъ преданіямъ, начинающимся съ усвоенія нами славянскаго перевода книгъ Священнаго Писанія, многіе въ настоящее время и слышать не хотятъ о замѣнѣ его новогреческимъ, которому вполнѣ остаются у насъ вѣрными, за малыми исключеніями, только духовныя учебныя заведенія.

Съ другой стороны, не смотря на то, что въ новогреческомъ чтеніи есть очевидные недостатки, въ нѣкоторыхъ случаяхъ значительно искажающіе подлинный характеръ древняго произношенія хорошихъ періодовъ, на сколько оно намъ извѣстно, не смотря на то, что литературная практика настоящаго столѣтія рѣшительно усвоила намъ транскрипцію многихъ греческихъ именъ въ духѣ Эразмовскаго произношенія, полная неприкосновенность новогреческаго чтенія находитъ у насъ также горячихъ защитниковъ. Тутъ, говорю я, соглашеніе невозможно, какъ оно ни желательно.

Да и пусть каждый читаетъ греческій текстъ, какъ ему угодно, про себя, въ школѣ или даже и въ нашемъ собраніи. Это—дѣло вкуса и привычки. Такъ ли, иначе-ли читается по гречески, во всякомъ случаѣ важность имѣетъ смыслъ читаемаго древняго текста, а не его произношеніе. Но въ живомъ интересѣ каждаго изъ насъ лежитъ то, чтобы въ русскомъ языкѣ греческія названія имѣли по возможности однообразную форму. Это однообразіе должно быть двухъ родовъ: 1) оно касается способа произношенія греческихъ буквъ; 2) русскаго окончанія греческихъ именъ.

Относительно перваго пункта я позволю себѣ предложить слѣдующее. Всѣ мы читаемъ болѣе или менѣе однообразно по латыни, хотя и всѣ читаемъ неправильно. Не входя ни въ какое разсужденіе о преимуществѣ Эразмовскаго или новогреческаго произношенія, мы могли бы условиться передавать греческія названія по русски, слѣдуя тому произношенію, какое было принято Римлянами. Такой способъ соглашенія я выставляю главнымъ образомъ потому, что считаю принятіе его всѣми наименѣе затруднительнымъ; но при этомъ имѣю въ виду еще то обстоятельство, что съ точки зрѣнія вѣрности древнегреческому чтенію латинское произношеніе наименѣе подлежитъ критикѣ. Не подлежитъ сомнѣнію, и всякому знакомому съ надписями хорошо извѣстно, что въ Греціи однообразнаго выговора не было, какъ нѣтъ его въ разныхъ областяхъ и провинціяхъ Италіи для итальянскаго языка, въ разныхъ частяхъ Германіи для нѣмецкаго языка, какъ нѣтъ его даже и въ нашемъ отечествѣ. Но также вѣрно, что было произношеніе аттическое, произношеніе людей образованныхъ, людей ученыхъ, произношеніе, котораго держались грамматики, которое они узаконивали, какъ единственно правильное и которое въ этомъ видѣ усвоивалось образованнымъ римскимъ обществомъ, римскими учеными, римскими грамматиками. Такимъ образомъ, если обыкновенная латинская транскрипція греческихъ словъ не ручается за то, что такъ именно произносились слова во всей Греціи, даже во всей Аттикѣ, то она очень сильно говоритъ о томъ, какъ приблизительно говорили и писали образованные люди въ вѣкъ Перикла въ Аѳинахъ и тѣмъ болѣе о томъ, какъ произносили въ послѣдующее время ученые люди въ Александріи, желая произносить наилучшимъ образомъ, въ аттическомъ духѣ (я долженъ оговориться, что въ высказанныхъ мною соображеніяхъ нѣтъ ничего новаго, и подобныя

имъ неоднократно высказывались). Во всякомъ случаѣ, произнося наприм. *Гомеръ*, *Геродотъ*, *Херсонесъ*, *Милетъ*, *Александрія*, мы не только удовлетворяемъ современному вкусу передачи греческихъ именъ, но и приближаемся къ тому произношенію въ древней Греціи, которое было наилучшимъ или по крайней мѣрѣ было достояніемъ людей образованныхъ. Такимъ образомъ я предлагаю греческое η вообще произносить какъ лат. ē, αι какъ мы произносимъ лат. ae, ει какъ i, или ē (этотъ дифѳонгъ передается двояко и въ латинскомъ языкѣ), οι какъ лат. oe. Я не вхожу здѣсь, конечно, въ вопросъ, на сколько точно мы знаемъ латинское произношеніе во всѣхъ случаяхъ и на сколько мы соблюдаемъ въ своемъ произношеніи то, что мы знаемъ относительно этого точнаго произношенія. Передъ нами--вопросъ практическій, какъ установить однообразную передачу на русскомъ языкѣ греческихъ названій лицъ и мѣстностей, и лучшимъ средствомъ для этого, по крайней мѣрѣ такимъ, на которомъ мы всего скорѣе можемъ сойтись, можетъ служить послѣдованіе методу перехода греческихъ словъ въ латинскій языкъ, при чемъ чтеніе латинское предполагается наше обычное, традиціонное. Исключеніе изъ характера этого традиціоннаго чтенія необходимо сдѣлать лишь одно, именно греческое *κ*=лат. *c* не передавать по русски звукомъ *ц*, какъ совершенно неправильнымъ, какъ не соотвѣтствующимъ въ данномъ случаѣ ни греческому *k*, ни латинскому *c*, которое никогда не выражало собой звука *ц*, а всегда выражало звукъ *к*, за исключеніемъ того древнѣйшаго періода, когда оно кромѣ звука *к* выражало еще собой звукъ греческой гаммы (γ), т. е. русскаго гортаннаго *г*. Если мы будемъ соблюдать только эти правила для передачи греческихъ именъ на свой языкъ, то уже значительно будетъ достигнуто столь желанное единство правописанія и произношенія. Въ данномъ случаѣ это единство не будетъ значительно нарушено тѣмъ, будемъ ли мы передавать греч. β посредствомъ *в* или посредствомъ *б*, т. е. будемъ ли мы говорить *Ольвія*, какъ это у насъ вошло въ привычку, или *Ольбія*, равно какъ не будетъ нарушено и тѣмъ будемъ ли мы ευ передавать черезъ эв (ев), какъ это соотвѣтствуетъ традиціонному русскому произношенію, отвѣчающему, къ тому же, и характеру русскаго языка, или черезъ *эу*, какъ это болѣе соотвѣтствуетъ латинскому произношенію, т. е. будемъ ли мы писать напр. *Эвклидъ* или *Эуклидъ* (какъ впрочемъ никто не пишетъ), *Эвфоріонъ*, или *Эуфоріонъ* и т. д. Необходимо только, чтобъ греческихъ дифѳонговъ у насъ никто не произносилъ такъ, какъ произносятся нѣмецкіе дифѳонги, такъ какъ такое произношеніе столько же будетъ несоотвѣтствовать греческому языку, сколько и всякой, достойной уваженія, русской традиціи. Эти *ай*, *эй*, *ой*, встрѣчающіяся теперь очень часто въ русской печати при передачѣ греческихъ словъ, не имѣютъ для себя у насъ рѣшительно никакого оправданія. Эти звуки могутъ еще быть употребляемы въ школѣ для чисто школьныхъ потребностей, но внѣ школы для нихъ ни въ устномъ произношеніи, ни въ транскрипціи не

должно быть никакого мѣста. Что касается передачи простого придыханія посредствомъ *г*, то и здѣсь можно предоставить дѣло на благоусмотрѣніе каждаго, такъ какъ выраженіе и не выраженіе звукомъ или знакомъ на письмѣ этого придыханія также не составитъ большаго ущерба для однообразія системы выговора или транскрипціи. Русскій языкъ и наша литературная традиція одинаково допускаетъ и то и другое. Мы говоримъ *Гомеръ*, но въ то-же время *Ипполитъ*. Обязательность здѣсь была бы не умѣстною. Она болѣе умѣстна въ требованіи систематическаго употребленія θ тамъ, гдѣ Греки употребляли θ, замѣнявшуюся у Римлянъ самымъ послѣдовательнымъ образомъ комбинаціей *th*. Какъ бы мы ни выражали греч. θ въ устномъ произношеніи, она не можетъ быть въ русской транскрипціи замѣняема рѣшительно ничѣмъ, кромѣ θ.

Но само собою разумѣется, что *есть вышеуказанныя правила для русской передачи греческихъ названій приложимы только къ тѣмъ случаямъ, гдѣ наша передача болѣе или менѣе колеблется и не представляется окончательно установленною.* Такимъ образомъ никто и ничто не можетъ насъ заставить произносить не *Θивы*, а *Тэбы*, не *Аθины*, а *Атэны*, не *Византія*, а *Византія*, или *Византій* и т. п. Тутъ мы всѣ однообразны, и потому наши правила, касающіяся установленія однообразія, не могутъ имѣть въ данномъ случаѣ приложенія.

Гораздо проще соглашеніе относительно русскаго окончанія при передачѣ на нашъ языкъ греческихъ собственныхъ именъ. Здѣсь намъ слѣдуетъ быть лишь сколько-нибудь научными, чтобъ единство системы было установлено. Нѣтъ никакого научнаго основанія употреблять по русски женскій родъ тамъ, гдѣ по гречески средній. По этому нельзя говорить *Пантикапея*, когда по гречески Παντικάπαιον (по лат. Panticaraeum), а слѣдуетъ говорить и писать *Пантикапей*. Нельзя говорить и писать *Одиссосъ* или *Одессосъ* а слѣдуетъ говорить и писать *Одессъ*, такъ какъ греческая конечная сигма есть лишь знакъ именит. падежа, а не принадлежитъ къ основѣ слова. Окончаніе во всякомъ, сохранившемъ флексію, языкѣ должно быть свое, свойственное этому языку, а не чужому, передаваться же изъ чужого языка должна только основа. Стоитъ только принять всѣмъ это научное соображеніе за правило, и единство нашего произношенія и правописанія въ окончаніи по занимающей насъ категоріи словъ будетъ установлено. Такимъ образомъ мы весьма легко можемъ согласиться въ томъ, чтобы говорить: *Палланътъ, Креонтъ, Пелопъ, Кронъ*, а не *Паллантъ, Креонъ, Пелопсъ, Кроносъ*, какъ это, къ сожалѣнію, часто встрѣчается даже въ ученыхъ сочиненіяхъ, не говоря о газетахъ, журналахъ и популярныхъ книгахъ, гдѣ вообще правописаніе находится въ состояніи самой вопіющей анархіи, прежде всего свидѣтельствующей о слабости научнаго образованія большинства пишущей братіи. Но само собою разумѣется, что и здѣсь нельзя нарушать правописанія словъ, установившихся въ извѣстной формѣ до

такой степени, что нѣтъ никакого различія въ правописаніи ихъ, кто бы ни имѣлъ съ такими словами дѣла. Къ такимъ словамъ я отношу между прочимъ названія греческихъ острововъ, которыя всѣми употребляются въ такой формѣ: *Родосъ, Хіосъ, Делосъ* и т. д., а не въ формѣ: *Родъ, Хій, Делъ*, какъ бы слѣдовало по нашей теоріи.

Относительно установленія однообразія въ русскихъ окончаніяхъ греческихъ словъ нѣкоторое затрудненіе представляетъ 1) то, что греческія окончанія разнообразнѣе русскихъ, а 2) то, что въ греческихъ словахъ существуетъ долгота и краткость слоговъ, которой нельзя не брать во вниманіе при русскомъ произношеніи или транскрипціи. Ясное дѣло, что не одинаковое отношеніе мы должны имѣть къ окончанію ος и къ окончанію ως, къ ες и ης или (тѣмъ паче) къ ῆς. Между тѣмъ въ русскомъ языкѣ соотвѣтствующихъ отличій мы не имѣемъ. А такъ какъ чѣмъ-нибудь нужно же выразить, что ος и ως, ες, ης и ῆς не одно и то-же, то намъ и приходится прибѣгать напр. къ такой комбинаціи: слова съ окончаніями на ως и ῆς передавать въ полной греческой формѣ: *Миносъ, Стратоклесъ* и т. п., но въ послѣднемъ случаѣ правописаніе, уравнивающее окончанія ες, ης и ῆς у насъ до того установилось, что напр. никто не скажетъ: *Периклесъ, Софоклесъ, Гераклесъ*, какъ слѣдовало бы, а всѣ говорятъ и пишутъ: *Перикль, Софоклъ, Геракль*. Съ этимъ установившимся обычаемъ, безъ сомнѣнія, нужно считаться, и правописаніе *извѣстныхъ* словъ оставить такъ, какъ оно прочно установилось, но за то въ словахъ *мало извѣстныхъ* или мало употребительныхъ было бы лучше держаться выраженія долготы слога, по крайней мѣрѣ въ словахъ съ облеченнымъ удареніемъ.

Очень важно также, чтобъ греческія имена мужескаго рода на ας (1-го склоненія) передавались по русски въ соотвѣтствующей имъ въ нашемъ языкѣ формѣ именъ съ основой на *а*, какъ *Ѳома*, *Илья* и т. п. Мы должны писать и говорить непремѣнно: *Хаврія, Никія, Павзанія, Меналка*, а не *Хаврій, Никій, Павзаній, Меналкъ* и т. п. Но и тутъ не безъ исключеній, зависящихъ отъ установившагося для нѣкоторыхъ именъ всеобщаго употребленія въ другой формѣ. Всѣ говорятъ: *Эпаминондъ, Пелопидъ, Пиѳагоръ* а не *Эпаминонда, Пелопида, Пиѳагора*. Если всѣ, то, значитъ, нѣтъ нужды и требовать, чтобъ эти имена слѣдовали у насъ общему правилу, мною предлагаемому. Впрочемъ правило объ уравненіи ας перваго склоненія съ русскимъ *а* имѣетъ все свое значеніе лишь по отношенію къ именамъ *лицъ* мужескаго рода. Оно не можетъ быть прилагаемо къ рѣкамъ или къ горамъ, такъ какъ рѣки и горы не имѣютъ въ нашемъ языкѣ окончаній на *а* въ мужескомъ родѣ, а мы не имѣемъ права измѣнять родъ подлинника и дѣлать изъ мужескаго рода женскій. Такимъ образомъ и тутъ намъ приходится удерживать въ русской передачѣ полную греческую форму, напр. *Эвротасъ*, если мы не хотимъ говорить *Эвротъ*, чтобъ не совершенно уподоблять окончаніе ας окончанію ος, что не научно и неправильно.

Намѣтивъ, милостивые государи, здѣсь въ краткихъ чертахъ систему передачи греческихъ именъ на русскій языкъ, я только предлагаю ее вашему вниманію, какъ наиболѣе способную, по моему мнѣнію, быть принятою представителями разныхъ направленій въ данномъ вопросѣ, но при этомъ я самъ лично подчинюсь всякой другой системѣ, лишь бы только было между нами на чемъ-нибудь установлено согласіе, по крайней мѣрѣ на время этого съѣзда. Если-бъ намъ удалось согласиться въ этомъ отношеніи болѣе прочнымъ образомъ, такъ, чтобы каждый изъ насъ держался впослѣдствіи въ своихъ сочиненіяхъ принятой нами русской передачи греческихъ именъ, то, смѣю думать, это была бы не малая заслуга, какую могло бы оказать настоящее собраніе русскихъ ученыхъ нашей литературѣ, русскому образованію, русской будущей школѣ.

P. S. Въ слѣдствіе состоявшагося постановленія III отдѣленія съѣзда о томъ, чтобы я представилъ списокъ древне-греческихъ названій городовъ и другихъ мѣстностей южной Россіи, въ которомъ были бы приняты во вниманіе какъ теоретическія требованія, такъ и установившееся употребленіе, считаю нужнымъ привести здѣсь лишь такія названія, которыя или обыкновенно употребляются неправильно или могутъ служить образцомъ при произношеніи и транскрипціи имъ подобныхъ, или имѣютъ наибольшую важность по значенію и обилію сохранившихся въ мѣстахъ, ими обозначаемыхъ, памятниковъ древности. Къ этому для полноты системы рекомендуемой транскрипціи прибавлю нѣсколько именъ божествъ и писателей, имѣвшихъ отношеніе къ греческимъ колоніямъ на нашихъ берегахъ Понта Эвксинскаго, равно какъ и лицъ, встрѣчающихся на памятникахъ.

Такимъ образомъ нужно писать и говорить:

Агасиклесъ (не Агасиклъ)	Одессъ (не Одессосъ, не Одиссосъ)
Ахиллесъ (не Ахиллъ)	Ольвія
Борисѳенъ	Пантикапей (не Пантикапея)
Босфоръ	Парѳеній (не Парѳеніонъ)
Гераклея (не Ираклія)	Перисадъ (не Пайрисадъ)
Гермонактъ (не Гермонаксъ)	Посидонъ (не Посейдонъ)
Геродотъ (не Иродотъ)	Посидоній (не Посейдоній)
Герръ (не Герросъ)	(гавань) Символовъ (не Симболовъ)
Гипанисъ (правильнѣе Гипань)	Скилакъ (не Скилаксъ)
Гипакирисъ (правильн. Гипакирь)	Страбонъ (не Стравонъ)
Деметра (не Димитра)	Стратоклесъ (не Стратоклъ)
Лигдамидъ (не Лигдамисъ)	Танаида (городъ)
Лисія (не Лисій)	Танаидъ (лучше чѣмъ Танаисъ, рѣка)
Меотида	Тирасъ и Тира
Миѳридатъ (не Митридатъ и не Миѳрадатъ	Трапезунтъ (гора, не Трапезусъ)
Нимфей (не Нимфеонъ и не Нимфея)	Харакъ (не Хараксъ)
	Херсонесъ (не Херсонисъ).

В. Модестовъ.

Поминка по Фридрихѣ Готлибѣ Велькерѣ.

И. В. Цвѣтаева.

Мм. Гг.

4-го ноября (нов. ст.) текущаго 1884 г. исполнится сто лѣтъ со дня рожденія человѣка, которому наука классической филологіи и археологіи обязаны весьма многимъ въ своихъ настоящихъ успѣхахъ. Уже одно то обстоятельство, что онъ былъ въ Германіи первымъ профессоромъ, который началъ преподавать исторію древняго искусства съ каѳедры и тѣмъ самымъ проложилъ путь новой университетской дисциплинѣ, достигшей потомъ въ западной Европѣ столь блестящаго положенія, уже одно это даетъ ему право на вниманіе потомства. Сознаніе важности какъ этой, такъ и другихъ научныхъ заслугъ его внушаетъ мнѣ смѣлость—въ виду близости его столѣтняго юбилея—посвятить его памяти нѣсколько словъ въ вашемъ почтенномъ собраніи. Имя этого ученаго Фридрихъ Готлибъ Велькеръ.

Фридрихъ Готлибъ Велькеръ родился 4-го ноября 1784 г. въ мѣстечкѣ Грюнбергъ въ Гессенскомъ герцогствѣ въ семьѣ сельскаго пастора Генриха Велькера. Къ духовному званію принадлежалъ онъ и по своимъ дѣдамъ и прадѣдамъ до самаго отдаленнаго колѣна, насколько могла сохраниться память о о томъ въ его родѣ. Третій въ числѣ 13 братьевъ и сестеръ, онъ еще маленькимъ мальчикомъ обратилъ вниманіе домашнихъ своими необыкновенными способностями и какой-то упрямой волей, проявившейся въ немъ чрезвычайно рано. Первоначальное образованіе онъ получилъ подъ руководствомъ отца, обучавшаго его, между прочимъ, древнимъ и новымъ языкамъ, пока многочисленныя занятія по приходу и необходимость помогать въ элементахъ обученія и другимъ дѣтямъ, число которыхъ увеличивалось все болѣе и болѣе, не заставили его принять въ домъ учителя.

Въ Германіи и сто лѣтъ тому назадъ легко было найти хорошо подготовленныхъ домашнихъ учителей съ солиднымъ университетскимъ образованіемъ, которые притомъ за весьма умѣренную плату добросовѣстно и нерѣдко съ полнымъ увлеченіемъ исполняли свои обязанности, дѣлаясь впо-

слѣдствіи истинными друзьями принявшаго ихъ дома. Такимъ именно наставникомъ и оказался нѣкто Христіанъ Мюнхъ, вступившій въ семью Велькера вслѣдъ за окончаніемъ университетскаго курса. Объ этомъ учителѣ своей юности знаменитый филологъ вспоминалъ съ живѣйшей благодарностью и въ поздніе годы своей жизни, уже покрытый Европейской славой и ласкаемый признательностью своихъ многочисленныхъ учениковъ и слушателей. Этому домашнему руководителю будущій профессоръ обязанъ своимъ необыкновенно обширнымъ первоначальнымъ классическимъ образованіемъ.

До шестнадцатилѣтняго возраста Велькеръ научился въ области классической филологіи столь многому, прочелъ столькихъ латинскихъ и греческихъ авторовъ, что остается лишь удивляться, какъ хватало у мальчика времени для всего этого. По разсказамъ самого Велькера, онъ изъ римскихъ авторовъ прочелъ въ эти годы: Федра, Корнелія Непота; Галльскую войну Цезаря, Epistolae ad familiares, De officiis, нѣсколько рѣчей Цицерона, Саллюстія, нѣсколько книгъ Тита Ливія, Курція, Флора и цѣлую хрестоматію изъ Naturalis Historia Плинія Старшаго; изъ поэтовъ были переведены весь Горацій и Виргилій, Тибуллъ и Метаморфозы, Tristia и посланія ex Ponto Овидія и нѣсколько комедій Теренція. Погречески начали его учить на двѣнадцатомъ году, и къ указанному выше сроку имъ были прочитаны: Новый Завѣтъ, отрывки изъ Ѳеофраста, нѣсколько діалоговъ Платона, разсказовъ Плутарха и Исократъ, вся Иліада, нѣсколько пѣсней Одиссеи, идиллій Ѳеокрита, болѣе существенное изъ греческихъ лириковъ, царь Эдипъ Софокла и др. Нерѣдко юный филологъ дѣлалъ свои переводы письменно. На 15 и 16 годахъ онъ работалъ упорно уже надъ Пиндаромъ, котораго, хотя съ большимъ напряженіемъ силъ, и прочелъ по знаменитому въ то время изданію Гейне. Впрочемъ трудности этого текста казались ему иногда столь значительными, что сокрушалась и его, повидимому, несокрушимая энергія: такъ, разъ пятнадцатилѣтній классикъ по поводу какого-то непонятнаго мѣста вышелъ изъ себя и швырнулъ вдоль своей комнаты хорошо переплетенную и вообще для небогатаго отца дорого стоившую книгу Гейне.

Домашнее образованіе Велькера далеко не ограничивалось одними древними языками. Онъ тогда же ознакомился съ исторіей латинской и греческой литературы, съ греческими и римскими древностями, съ классической миѳологіей, которая, какъ извѣстно, послѣ сдѣлалась однимъ изъ любимыхъ его предметовъ, и древней политической исторіей—по лучшимъ существовавшимъ тогда пособіямъ. Особое стараніе прилагалъ его учитель и къ преподаванію математики.

Французскому и англійскому языкамъ научился онъ также въ эти ранніе годы. Подъ руководствомъ отца, онъ прочелъ тогда трагедіи Вольтера, нѣсколько комедій Мольера, нѣкоторыя изъ сочиненій Фридриха Великаго и разные историческіе мемуары. Нужно-ли прибавлять, что Велькеръ жадно знакомился съ лучшими произведеніями своей отечественной литературы, тѣмъ болѣе что въ домѣ нахо-

дились цѣлыхъ три фамильныхъ шкафа съ книгами — его отца, его дѣда и дяди. Фридрихъ, росшій возлѣ этихъ шкафовъ, не могъ не пристраститься къ чтенію.

И сказаннаго, Мм. Гг., совершенно достаточно, чтобы видѣть, какъ необыкновенно много работалъ Велькеръ, когда ему не было и 16 лѣтъ, какъ замѣчательно разносторонне было его первоначальное образованіе. Но мы должны прибавить къ этому, что подъ руководствомъ того же Мюнха онъ прилежно занимался еврейскимъ языкомъ, ибо нѣсколько библейскихъ книгъ имъ было прочитано въ подлинникѣ еще въ родительскомъ домѣ. Тотъ-же наставникъ ознакомилъ его съ началами другихъ восточныхъ языковъ. Въ это-же время онъ учился музыкѣ на клавикордѣ и флейтѣ, которую не покидалъ и въ молодые годы своей профессорской дѣятельности. Состязаніе на рапирахъ, бѣганье на конькахъ и танцы дополняли физическое воспитаніе Велькера.

Кончился ему 16-й годъ, когда отецъ рѣшилъ помѣстить его въ Гиссенскій Педагогіумъ или, по нашему, въ гимназію. Но послѣ такого домашняго воспитанія не трудно угадать, что долженъ былъ посовѣтовать слишкомъ скромному сельскому пастору директоръ этой гимназіи. Пораженный обширностью и не по лѣтамъ глубиной познаній въ древнихъ языкахъ этого юноши, добросовѣстный педагогъ сразу увидѣлъ, что экзаменующемуся нечего дѣлать въ его школѣ, что его мѣсто въ университетѣ, а не въ гимназіи. Оцѣнка этого экзаменатора была совершенно справедлива, такъ какъ спустя два года этотъ же самый юноша возвратился въ педагогіумъ, но уже въ званіи учителя.

16-ти лѣтъ Велькеръ записался на богословскій факультетъ Гиссенскаго университета. На выборъ факультета вліяли и оріентальныя студіи, начатыя имъ подъ руководствомъ своего домашняго учителя, а также и духовное званіе отца. Съ первыхъ же дней студенчества онъ принялся за практическое изученіе церковнаго краснорѣчія. Произнося проповѣди и въ университетской аудиторіи, онъ по праздникамъ ходилъ въ окрестныя деревни, знакомился тамъ съ священниками и произносилъ за нихъ съ церковныхъ каѳедръ свои поученія. Впрочемъ такое увлеченіе ораторской дѣятельностью было весьма непродолжительно. Изъ личныхъ воспоминаній Велькера извѣстно, что въ университетѣ онъ болѣе занимался еврейскимъ языкомъ, переводилъ съ арабскаго коранъ и остальное время посвящалъ то классической филологіи, то новой литературѣ, то общестуденческой жизни.

Студенческое время для Велькера продолжалось всего два года. По истеченіи этого срока, онъ принялъ мѣсто преподавателя въ томъ самомъ педагогіумѣ, о которомъ сказано нами выше. Вскорѣ, получивъ степень доктора за диссертацію, вызванную чтеніемъ Иліады [1]), онъ открылъ курсъ лекцій на богословскомъ факультетѣ того же университета — по исторіи и экзегезѣ

[1]) Exercitatio philologica imaginem Ulyssis quae in Iliade exstat adumbrans.

библіи ветхаго и новаго завѣта. Занимаясь обученіемъ въ школѣ, читая лекціи въ университетѣ, сотрудничая въ разныхъ богословскихъ журналахъ, работая надъ метрическимъ переводомъ Плача Іереміи, 19-ти лѣтній ученый находилъ время и для своихъ излюбленныхъ классическихъ студій: его въ эту пору занимаютъ Пиндаръ, Эсхилъ, Софоклъ, Argonautica Аполлонія и многое другое. Метрическіе переводы изъ греческихъ авторовъ Велькеръ любилъ уже тогда, считая это лучшей школой для усвоенія поэтическихъ красотъ оригинала. Въ переводной дѣятельности Велькеръ находился тогда подъ вліяніемъ Іоганна Генриха Фосса, знаменитаго переводчика Гомера.

Симпатіи къ классической филологіи имъ овладѣвали болѣе и болѣе, такъ что уже въ лѣтній семестръ 1806 г. онъ вмѣстѣ съ богословскими лекціями открылъ курсъ по объясненію Эсхилова Прометея.

Не удовольствовавшись первымъ опытомъ, онъ рѣшился покинуть на время университетскую каѳедру и отправиться для изученія древняго міра на мѣстѣ. На первый разъ онъ избралъ Италію, которая уже въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ не давала ему покоя, маня молодое воображеніе ученаго столько же роскошью своей природы, сколько и чарующимъ величіемъ уцѣлѣвшихъ тамъ памятниковъ античной жизни.

Не имѣя другихъ средствъ для совершенія дальняго путешествія, начинающій профессоръ положился на крѣпость своихъ молодыхъ ногъ и пустился въ дорогу пѣшкомъ съ котомкой за плечами. Теперь, когда однимъ изъ благодарныхъ учениковъ Велькера обнародованы его дневникъ и письма, относящіяся къ этой порѣ жизни[1]), мы можемъ шагъ за шагомъ слѣдить за восторгами путника, бодро и съ постоянно возраставшимъ интересомъ подвигавшагося къ этой обѣтованной для него землѣ и наконецъ достигшаго вѣчнаго города. Путешествіе его продолжалось три мѣсяца. Прошедши Германію и въ разныхъ направленіяхъ исходивши Швейцарію, онъ чрезъ Симплонъ спустился въ Сѣверную Италію. Въ чудные итальянскіе октябрскіе дни онъ прошелъ Миланъ, Бергамо, Верону, Падую и Венецію. Въ этомъ послѣднемъ городѣ онъ впервые въ жизни встрѣтился съ оригиналами греческой скульптуры, исторіи которой впослѣдствіи столько послужилъ онъ. Стремясь послать по морю привѣтъ Греціи, онъ пытался подняться на колокольню св. Марка, а когда по причинѣ военнаго времени это оказалось невозможнымъ, то восторженный 20-лѣтній юноша попросился на одинъ корабль и оттуда съ мачты любовался голубою далью Адріатики и въ этомъ неудобномъ, висячемъ положеніи посылалъ свои вздохи къ берегамъ Далмаціи и еще болѣе далекому горизонту, за которымъ скрывались Итака и Греція.

---

[1]) Das Leben Friedrich Gottlieb Welcker's. Nach seinen eignen Aufzeichnungen und Briefen von Reinhard Kekulé. Leipzig 1880.

Налюбовавшись вдоволь картинами Венеціанской школы, обошедши всѣ замѣчательные дворцы, галлереи, собранія древностей, побывавъ повсюду, куда только можно было проникнуть изъ ученаго и художественнаго интереса, Велькеръ направился къ югу. Въ Болоньѣ, также увлекшей молодаго ученаго богатствомъ своихъ художественныхъ и ученыхъ собраній, онъ остановился на нѣсколько дней. Здѣсь онъ посѣтилъ знаменитаго языковѣда Мецціофанти, который съ одинаковой свободой говорилъ сначала съ нимъ по нѣмецки, а потомъ тутъ же обратился съ разговоромъ къ одному малайскому миссіонеру на языкѣ, родномъ этому послѣднему. Здѣсь же онъ счелъ долгомъ сдѣлать визитъ и женщинѣ-профессору греческ. яз. въ Болонскомъ университетѣ г-жѣ Tambroni. Именитая въ то время эллинистка, польщенная вниманіемъ молодаго нѣмецкаго профессора, показала ему не задолго предъ тѣмъ написанное ею самой греческое стихотвореніе въ подражаніе Пиндару и была очень удивлена той легкостью, съ которой Велькеръ перевелъ это стихотвореніе.

Въ началѣ ноября онъ былъ уже въ Римѣ. Легко себѣ представить, какое впечатлѣніе произвелъ этотъ городъ на 20-лѣтняго молодаго человѣка, который уже задолго мечталъ о немъ и читалъ всевозможныя путешествія и описанія Италіи, существовавшія въ западноевропейской литературѣ. Влюбившись въ вѣчный городъ заранѣе, Велькеръ, какъ и естественно было ожидать, отдался со всѣмъ увлеченіемъ его лѣтъ впечатлѣніямъ новой обстановки. Обошедши Римъ и повстрѣчавшись лицомъ къ лицу со всѣмъ, что дорогаго представляетъ этотъ городъ для человѣка, посвятившаго себя изученію древняго міра, Велькеръ восторженно пишетъ своимъ: «Римъ—это теперь моя невѣста, которую я люблю съ ея недостатками»: Rom ist jetzo meine Braut, die ich liebe mit ihren Fehlern.

Послѣ первыхъ восторговъ, послѣ этого безотчетнаго и незнавшаго никакой системы обзора вѣчнаго города и его привлекательныхъ окрестностей, для Велькера настало время болѣе опредѣленнаго отношенія къ окружающему, тѣмъ болѣе, что ему выпалъ счастливый случай войти легко и сразу въ самый просвѣщенный кругъ ученыхъ, художниковъ, литераторовъ и любителей искусствъ, какой тогда существовалъ въ Римѣ. Центромъ и сборнымъ пунктомъ этого круга служилъ домъ прусскаго посланника при папскомъ дворѣ Вильгельма Гумбольдта. Здѣсь сходились тогда всѣ, кого интересовали искусство, наука, поэзія, философія, всѣ безъ различія національностей, званія и возраста: Итальянцы и Французы, Нѣмцы, Датчане и Шведы, Англичане и Русскіе, князья, римскіе патриціи и бѣдные художники, люди преклонныхъ лѣтъ и юноши. Знаменитый ученый не только ласково принялъ начинающаго гиссенскаго приватъ-доцента, но и ввелъ его въ свою семью, предложивъ ему мѣсто домашняго учителя при дѣтяхъ. Поселившись въ его домѣ, Велькеръ сразу очутился въ этомъ учено-художественномъ кругѣ, попасть въ который всякій

почелъ бы для себя за большую честь. Здѣсь онъ встрѣтился съ именитымъ и до нашихъ дней археологомъ Цэга, съ немен'ѣе извѣстнымъ эпиграфистомъ Гаэтано Марини, съ Торвальдсеномъ, Раухомъ, поэтессой Фридерикой фонъ Брунъ и очень многими другими. Состоя со всѣми въ хорошихъ отношеніяхъ, особенно близко сошелся онъ съ Цэгой, который и сталъ его истиннымъ учителемъ въ римскихъ древностяхъ. Угрюмый, сосредоточенный въ себѣ, извѣрившійся въ людяхъ вслѣдствіе тяжелыхъ превратностей въ личной судьбѣ, съ виду ко всему равнодушный, этотъ ученый старикъ разгадалъ личность молодаго энтузіаста, приблизилъ его къ себѣ и послѣ рѣдкій день въ вечернее время не сходился съ нимъ для прогулокъ по Риму и художественно-археологическихъ бесѣдъ. Несомнѣнно, что лучшаго истолкователя сокровищъ древняго Рима ни Велькеръ, ни кто другой не могли бы найти тогда. Въ своемъ антикварномъ, археологическомъ образованіи Велькеръ обязанъ Цэгѣ весьма многимъ. Позднѣе онъ доказалъ свою признательность къ своему наставнику: ибо онъ не только перевелъ его сочиненіе о древнихъ римскихъ барельефахъ вмѣстѣ съ другими его археологическими изслѣдованіями на нѣмецкій языкъ, но написалъ весьма теплую біографію его и собралъ его обширную переписку [1]).

Явившись въ Римъ *филологомъ* въ собственномъ значеніи этого слова, Велькеръ подъ вліяніемъ окружавшихъ его памятниковъ древности все болѣе и болѣе входилъ въ область пластическаго искусства и становился археологомъ. Здѣсь ему со всей силою представилась недостаточность одного чтенія и изученія древнихъ авторовъ безъ параллельнаго наглядного знакомства съ древними искусствами и древней жизнью по монументальнымъ памятникамъ. Оттого-то въ одномъ изъ своихъ писемъ къ отцу послѣ неоднократныхъ посѣщеній виллы Медичи, гдѣ въ залахъ Французской Академіи собрано было большое количество гипсовыхъ слѣпковъ съ памятниковъ античнаго искусства, онъ восклицаетъ: «Что значитъ занятіе книгами въ сравненіи съ созерцаніемъ такихъ произведеній древняго художества, какъ Ніоба, Юнона—Людовизи, Паллада, найденная въ Веллетри, Медицейская Венера, Аполлонъ и пр.! И какъ безжизненъ самъ Софоклъ передъ божественной высотой, радостью и граціей, которыя со всѣхъ сторонъ струятся на тебя въ одной залѣ хорошихъ антиковъ! Я охотно отказался бы на много лѣтъ отъ всей греческой поэзіи, если-бы я могъ въ замѣнъ этого взять съ собою столько античныхъ изображеній, сколько хотѣлъ бы я набрать. Когда мы говоримъ объ изящныхъ искусствахъ, то я называю бѣдной ту страну, которая не владѣетъ гипсовыми слѣпками съ антиковъ.» Что эта мысль о значеніи

[1]) Die antiken Basreliefe von Rom—mit den Erklärungen von Georg Zoega, übersetzt etc. Giessen 1811—1812. Georg Zoega's Abhandlungen herausgeg. u. mit Zusätz. begleit. etc. Göttingen 1817. Zoegas Leben. Sammlung seiner Briefe und Beurth. sein. Werke. Stuttgart—Tübingen, 1819.

слѣпковъ съ памятниковъ древняго искусства, какъ орудія при изученіи древняго міра, не была здѣсь брошена Велькеромъ мимоходомъ, мы убѣдимся въ этомъ немного ниже.

Впрочемъ справедливость требуетъ сказать, что увлеченіе монументальной археологіей не шло у Велькера на счетъ литературы. Этотъ удивительно дѣятельный молодой ученый умѣлъ находить время для всего и, по видимому, наиболѣе опасался односторонности въ своемъ развитіи. У насъ есть несомнѣнныя доказательства того, что въ этотъ римскій періодъ своей жизни онъ занимался не только древнимъ, но и новымъ искусствомъ, не только древней, но и новой литературой: онъ читалъ, дѣлая притомъ письменные конспекты прочитаннаго, греческихъ поэтовъ и ораторовъ и римскихъ историковъ, онъ изучалъ сочиненія о римскихъ и вообще находившихся въ Италіи развалинахъ, штудировалъ Вазари и Фіорилло для исторіи живописи, читалъ Данта, Петрарку, Тасса, нерѣдко пробуя свои силы въ метрическихъ переводахъ, далѣе Макіавелли и Алфіери; онъ знакомился съ народными пѣснями Рима, Неаполя, Сициліи и Венеціи, онъ собиралъ италіанизмы и занимался испанской литературой и различными испанскими діалектами. Его серьезно интересовали за это время военныя пѣсни и пословицы Басковъ; отъ Басковъ онъ переходитъ къ Нибелунгамъ.

И что всего знаменательнѣе, читая и работая столь много, Велькеръ въ эти молодые годы далеко не былъ какимъ-либо анахоретомъ, намѣренно убѣгавшимъ отъ радостей жизни. Не говоря уже о томъ, что онъ принималъ дѣятельное участіе въ вечернихъ собраніяхъ у Гумбольдта и поддерживалъ свои многочисленныя римскія знакомства, онъ былъ не прочь отъ всѣхъ тѣхъ развлеченій, которыя предпринималъ ученo-художественный кругъ, куда принадлежалъ онъ. Нѣмецкая колонія иногда любила собираться въ остеріяхъ, невсегда щегольскихъ и богато обставленныхъ: и Велькеръ отдавалъ честь такимъ собраніямъ не хуже кого другаго. Задумаютъ его пріятели устроить въ лунную ночь музыкальную процессію по Риму: тутъ будущая ученая знаменитость или дуетъ въ свою флейту или мечтательно брянаетъ на струнахъ гитары, для чего Велькеръ беретъ спеціальные уроки. Нужно ли говорить, что онъ не отказывался отъ разныхъ parties de plaisir, устраивавшихся веселой компаніей въ окрестностяхъ Рима. Онъ самъ описываетъ намъ въ письмѣ къ отцу, какъ разъ онъ и его товарищи, чтобы повеселѣе попировать, забрались на надгробный памятникъ Цециліи Метеллы, находящійся на Via Appia.

Въ этой смѣнѣ ученыхъ, художественныхъ и товарищески—веселыхъ впечатлѣній время бѣжало у Велькера быстро. Полтора года миновало для него незамѣтно. Пришелъ конецъ и данной ему отсрочки заграничной командировки— и онъ вынужденъ былъ возвратиться въ свой Гиссенъ къ преподавательской дѣятельности въ педагогіумѣ и университетѣ.

И восемьдесятъ лѣтъ тому назадъ Римъ имѣлъ такую же притягательную силу для человѣка, полюбившаго античный міръ, какою онъ обладаетъ и нынѣ. И тогда какъ и теперь разставанье съ этимъ чуднымъ городомъ было крайне тяжело: и въ то далекое время не было у принужденнаго выѣхать изъ Рима иного желанія, какъ снова возвратиться на эту священную для классика почву, снова зажить той жизнью, которая возможна только здѣсь и нигдѣ болѣе на свѣтѣ. Это горестное чувство разлуки и это непреодолимое желаніе увидѣть Римъ вновь со всею силою чувствовалъ и Велькеръ. Неохотно возвращался онъ въ свой тѣсный и однообразный Гиссенъ. Вильгельмъ Гумбольдтъ, бывшій дипломатическимъ агентомъ въ Римѣ и Гессенскаго правительства, въ одной изъ депешъ горячо рекомендовалъ послѣднему Велькера, какъ ученаго, весьма даровитаго и вполнѣ цѣлесообразно воспользовавшагося своимъ пребываніемъ въ Италіи. Эта рекомендація сразу доставила ему предложеніе мѣста ординарнаго профессора греческой литературы и археологіи въ Гиссенскомъ университетѣ. Но и эта большая честь не принесла ему никакой радости. Мечтая, съ оставленіемъ Гумбольдтомъ своего римскаго дипломатическаго поста, сдѣлаться гессенскимъ резидентомъ при папскомъ дворѣ, Велькеръ отклонилъ сдѣланное ему предложеніе и только черезъ годъ (*октябрь 1809*), когда его мечтѣ не суждено было осуществиться, онъ поступилъ въ тотъ-же самый университетъ вынужденный на этотъ разъ уже подать «всеподданнѣйшее прошеніе.»

Велькеръ былъ первымъ къ Германіи профессоромъ *классической археологіи*. До него никто не читалъ въ нѣмецкихъ университетахъ этой дисциплины, какъ не существовало и каѳедры по этому предмету. Въ Гиссенѣ оставался онъ семь лѣтъ и все время своей преподавательской дѣятельности посвящалъ исторіи греческаго искусства, исторіи религіи грековъ, объясненію Эсхила и неоднократнымъ курсамъ по эстетикѣ. О богословскихъ лекціяхъ, которыми онъ дебютировалъ шесть лѣтъ тому назадъ, не было и помину. Лишь «Плачъ Іереміи» продолжалъ нѣкоторое время занимать его, пока въ 1810 г. не былъ имъ напечатанъ метрическій переводъ этой книги[1]).

Часто скучая по Римѣ и оставленныхъ тамъ дорогихъ ему людяхъ, Велькеръ старался заглушить горькое чувство усиленной научной и педагогической работой: смерть его учителя Георга Цѣги заставила его приняться за біографію, собираніе его корреспонденціи и переводы всѣхъ наиболѣе важныхъ его сочиненій на нѣмецкомъ языкѣ съ цѣлью распространить ихъ по ученой Европѣ. Съ юношескимъ жаромъ трудился онъ и въ педагогіумѣ: неограничиваясь здѣсь только прямыми служебными обязанностями, которыя относились лишь къ древнимъ языкамъ, онъ открылъ здѣсь уроки итальянскаго языка и объясненія Нибелунговъ. Въ числѣ его добровольныхъ учениковъ находился здѣсь и Фридрихъ

[1]) Die Elegien des Jeremias in griech. Versmaas getreu übers. Giessen 1810.

Дицъ, впослѣдствіи знаменитый знатокъ романскихъ языковъ. Много работалъ онъ и надъ метрическими переводами изъ греческихъ поэтовъ: такъ здѣсь началось печатаніе его стихотворнаго перевода комедій Аристофана. Къ этому же времени относятся и нѣкоторыя археологическія статьи его [1]).

Эта усидчивость въ кабинетной работѣ со стороны столь подвижной натуры, какою былъ Велькеръ въ молодости, представляется намъ тѣмъ замѣчательнѣе, что то были годы, всего менѣе способствовавшіе тихой, сосредоточенной ученой дѣятельности. Наполеоновская армія ходила по Европѣ и невольно ставила политическіе интересы выше научныхъ и всякихъ другихъ. Не остался глухъ къ этому движенію и Велькеръ: въ 1813 г. онъ собираетъ изъ добровольцевъ эскадронъ егерей и за прусскими и нашими войсками слѣдуетъ во Францію. Военная жизнь пробудила въ немъ и прежде проявлявшуюся склонность къ политикѣ. По возвращеніи въ университетъ, онъ увеличиваетъ свои археологическіе и филологическіе курсы еще лекціями по нѣмецкой исторіи. Поборникъ идеи объединенія Германіи и горячій конституціоналистъ, онъ показался тогда Гессенскому правительству слишкомъ смѣлымъ и небезопаснымъ мечтателемъ, тѣмъ болѣе что въ министерствѣ просвѣщенія были высокопоставленныя лица діаметрально противоположнаго направленія, какъ напр. профессоръ Кране, послѣ пораженія при Люценѣ опубликовавшій брошюру: Deutschlands Krise und Rettung, въ которой рекомендовалось смиреніе передъ страшнымъ врагомъ. Случилось такъ, что этотъ же профессоръ, котораго проклинали патріоты и требовали его увольненія изъ университета, былъ назначенъ ревизоромъ на экзаменѣ Велькера въ педагогіумѣ. Велькеръ не вынесъ этого, сдѣлалъ ревизору-экзаменатору двѣ оскорбительныя сцены и затѣмъ вышелъ въ отставку изъ гессенской службы.

Не прошло и нѣсколькихъ недѣль, какъ Велькеръ былъ приглашенъ на ту-же каѳедру въ Геттингенскій университетъ, открывавшій для него болѣе широкій кругъ дѣятельности. Тѣмъ не менѣе неудача съ гессенской службой его сильно огорчала, особенно когда онъ узналъ, что нѣкоторые изъ его тамошнихъ друзей встали на сторону его противниковъ, осудивъ его какъ за чрезмѣрную самонадѣянность въ политическихъ мнѣніяхъ, такъ и за его запальчивость въ отношеніи министерства. Весьма чувствительный къ неодобрительнымъ отзывамъ и въ послѣдующіе годы, когда онъ стоялъ на высотѣ своего духовнаго развитія, онъ въ эту молодую пору считалъ себя оскорбленнымъ и какъ бы всѣми оставленнымъ. Отправляясь на новое мѣсто своей дѣятельности, онъ собирался заключиться въ себѣ самомъ и искать утѣшенія въ усиленной научной дѣятельности. Послѣдній планъ онъ исполнилъ въ точности. Свободный отъ гимназической службы, которая отнимала у него много времени въ Гис-

[1]) Komödien von Aristophanes — 1-er Theil Die Wolken, 2-er Th. Die Frösche. 1811—12. Археологическія изслѣдованія этого періода вошли въ его изданіе Alte Denkmäler.

сенѣ, и имѣя въ своемъ распоряженіи богатую библіотеку университета, онъ всѣ три года геттингенской службы посвятилъ академическому преподаванію и напряженной литературной работѣ. Онъ читалъ здѣсь курсы археологіи или исторіи древняго искусства, греческой и римской миѳологіи, греческой литературы, германскихъ древностей, объяснялъ Эсхила и Аристофана; кромѣ того онъ руководилъ и греко-римскимъ семинаріемъ. Литературная производительность Велькера за это время была чрезвычайно велика: здѣсь онъ окончилъ біографію и переводъ трудовъ Цэги, написалъ знаменитую защиту поэтессы Сафо, отъ обвиненія въ позорномъ родѣ служенія Венерѣ[1]), издавалъ журналъ, посвященный исторіи искусства[2]) и т. д. Имя его дѣлалось извѣстнымъ по Европѣ, и потому когда въ 1818 г. Прусское правительство основало Рейнскій университетъ въ Боннѣ, то не нашлось въ Германіи лица, болѣе достойнаго для занятія каѳедры классической филологіи и археологіи, кромѣ Фридриха Велькера. Явился поводъ къ новому переселенію, къ новой перемѣнѣ мѣста службы. Въ февралѣ 1819 г. Велькеръ переходитъ въ Боннскій университетъ и уже остается вѣренъ ему до самой кончины, прослуживъ ему до 40 лѣтъ, и въ значительной степени способствовавъ созданію славы этому младшему разсаднику высшаго образованія въ семьѣ остальныхъ нѣмецкихъ университетовъ.

Полный радостныхъ надеждъ принимался Велькеръ за любимое дѣло въ новомъ университетѣ, который предложилъ ему не только профессуру, но и мѣсто главнаго библіотекаря. Прекрасное мѣстоположеніе чистенькаго при — Рейнскаго города, пріятный, общительный характеръ его жителей, хорошій составъ профессорской коллегіи, въ которой были между прочимъ Августъ Вильгельмъ Шлегель, Гейнрихъ, Нэке и знаменитый юристъ Арндтъ—все это радовало Велькера. И онъ со свойственнымъ ему увлеченіемъ отдался своимъ новымъ обязанностямъ профессора и библіотекаря. Ему, при энциклопедическомъ его обширномъ образованіи, эта служба въ библіотекѣ, обусловливавшая ежедневную встрѣчу съ книгами по всѣмъ отраслямъ университетскаго преподаванія— была особенно пріятна. Организація библіотеки, которою онъ управлялъ въ теченіи 34 лѣтъ вплоть до тѣхъ поръ, когда онъ, уже уставшій, передалъ эту должность болѣе энергичному Ричлю, безспорно принадлежитъ ему. Дѣло это было тѣмъ сложнѣе, что въ первые годы поступали цѣлыя библіотеки, которыя нужно было разобрать, классифицировать и расположить въ новомъ помѣщеніи. На обязанности библіотекаря лежало и пополненіе пробѣловъ и пріобрѣтеніе произведеній новой литературы. Кто сколько-нибудь знакомъ съ ме-

---

[1]) Sappho von einem herschenden Vorurtheil befreyt. Götting. 1816.

[2]) Zeitschr. f. Geschichte u. Auslegung d. alt. Kunst. 1818.

ханизмомъ библіотечнаго дѣла, тотъ легко себѣ представитъ сколько было нужно тратить времени и энергіи на устройство книгохранилища, въ которомъ при вступленіи Велькера было 30,000 томовъ, а при сдачѣ имъ своей должности 115,000 томовъ, каталогозированныхъ въ образцовомъ порядкѣ.

Съ неменьшимъ рвеніемъ принялся Велькеръ и за устройство музея изящныхъ искусствъ при университетѣ. Это былъ первый опытъ въ жизни нѣмецкихъ университетовъ: нужно было создавать планъ и уставъ учрежденія самому отъ начала до конца. Считая невозможнымъ плодотворное преподаваніе исторіи древняго искусства безъ гипсовыхъ слѣпковъ съ оригиналовъ, разсѣянныхъ по всѣмъ странамъ Европы, онъ съ чрезвычайнымъ усердіемъ хлопоталъ о пріобрѣтеніи для Боннскаго университета по крайней мѣрѣ главнѣйшихъ гипсовъ. И чрезъ два года послѣ его вступленія въ университетъ, музей владѣлъ 15 статуями, нѣсколькими торсами, 23 бюстами, значительнымъ числомъ барельефовъ, между прочимъ и всѣми, какія можно было достать въ Парижѣ, слѣпками съ фризовъ и метопъ Парѳенона и храма Тезея. Съ тѣхъ поръ университетскій художественный музей всталъ на твердыя ноги. Пополняясь постоянно на нарочно отпускаемыя средства, этотъ музей слѣпковъ поражаетъ теперь богатствомъ своего матеріала. Примѣру Боннскаго университета скоро начали слѣдовать другіе нѣмецкіе университеты: и несомнѣнно, что существованіе музеевъ съ хорошими слѣпками въ настоящее время служитъ однимъ изъ главныхъ условій высокаго положенія, которое заняла классическая археологія въ ряду другихъ дисциплинъ въ нѣмецкихъ университетахъ.

Академическая дѣятельность Велькера съ каждымъ годомъ расширялась болѣе и болѣе: онъ преподавалъ энциклопедію классической филологіи, исторію греческой и римской литературы, греческую миѳологію, исторію древняго искусства, нумизматику, палеографію, эпиграфику; изъ греческихъ авторовъ онъ объяснялъ Эсхила, Софокла, Аристофана, Пиндара, Ѳеогнида, Сафо и другіе отрывки изъ лириковъ, Ѳеокрита, Платона и поэтику Аристотеля; изъ латинскихъ поэтовъ Горація, Тибулла, Проперція, Ювенала и Лукреція, изъ прозаическихъ сочиненій римской литературы лишь Тацитову Германію. Онъ-же былъ и руководителемъ филологическаго семинарія. Время съ 1819 приблизительно до 1840 года было періодомъ наибольшаго напряженія силъ Велькера и эпохой, когда создалась и упрочилась его общеевропейская слава. Эту послѣднюю онъ снискалъ не только своей академической дѣятельностью, привлекавшей въ его аудиторію слушателей со всѣхъ концовъ Европы, но и многочисленными сочиненіями филологическаго и археологическаго характера, которыя обильной рукой Велькеръ разсѣивалъ и въ видѣ статей въ разныхъ спеціальныхъ журналахъ и сборникахъ и въ формѣ брошюръ, университетскихъ программъ и большихъ книгъ. Въ это время появились его знаменитые труды Der epische Cyclus oder die Homerischen Dichter (1835), его обширное сочиненіе о Греческой тра-

гедіи [1]), въ это же время подготовлялось и спѣло его знаменитое Griechische Götterlehre, явившееся въ свѣтъ въ 50-хъ годахъ; уже съ 1831 г. онъ вмѣстѣ съ Нѳке издавалъ Rheinisches Museum für Philologie.

Но такое чрезмѣрное напряженіе умственныхъ и физическихъ силъ должно же было имѣть свой предѣлъ и вызвать свои обычныя послѣдствія: ослабленіе здоровья и упадокъ энергіи. Такъ это было и съ Фридрихомъ Велькеромъ, котораго къ тому-же сталъ все чаще и чаще постигать ударъ за ударомъ и одно нравственное испытаніе за другимъ.

Уже спустя 10 лѣтъ послѣ переселенія въ Боннъ онъ началъ значительно измѣняться въ характерѣ: прежде живой, веселый, склонный къ блеску въ обществѣ, онъ сталъ уединяться въ своемъ ученомъ кабинетѣ и избѣгать людей. Никогда не знавшій радостей семейной жизни, онъ въ былые годы искалъ отдохновенія въ родныхъ и близкихъ ему семействахъ и въ перепискѣ съ друзьями. Но этотъ способъ необходимаго разсѣянія становился для него все труднѣе и труднѣе. Въ 1827 г. умерла графиня Догна, одинъ изъ самыхъ искреннихъ его друзей, а двумя годами позднѣе въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ онъ потерялъ горячо любимыхъ отца и мать и почти одновременно получилъ извѣстіе о кончинѣ высокодаровитой и просвѣщенной супруги Вильгельма Гумбольдта, которая была его другомъ и совѣтницей съ далекихъ римскихъ дней и съ которой онъ велъ обширную и частую переписку; въ 1835 г. умеръ и самъ Гумбольдтъ—новая и неменьшая утрата для Велькера; 1837 г. унесъ у него Диссена, извѣстнаго издателя и комментатора Тибулла, въ 1839 г. онъ теряетъ другихъ своихъ друзей Нѳке и Гейнриха, товарищей по каѳедрѣ классической филологіи въ Боннѣ; въ 1840 г. умираетъ Отфридъ Мюллеръ въ Греціи жертвой своей научной любознательности, преемникъ его по каѳедрѣ въ Геттингенѣ, лучшій и самый блестящій изъ учениковъ, котораго онъ высоко уважалъ, не взирая на нерѣдкое разногласіе съ нимъ въ ученыхъ взглядахъ. Послѣ столькихъ горестныхъ утратъ и послѣ неоднократныхъ административныхъ арестовъ его бумагъ за конституціоналистическія убѣжденія Велькеръ чувствовалъ себя старикомъ и одинокимъ. Затворившись у себя, онъ избѣгалъ людскаго общества, отдавая все время профессурѣ и литературнымъ работамъ. Въ этомъ угрюмомъ, исключительно въ самомъ себѣ сосредоточившемся и рано посѣдѣвшемъ ученомъ теперь трудно было узнать того самаго Велькера, какимъ мы видѣли его въ Римѣ 20-лѣтнимъ молодымъ человѣкомъ.

Но замѣчательное явленіе: этотъ-же Римъ вмѣстѣ съ остальнымъ классическимъ югомъ снова возродили его для дальнѣйшихъ ученыхъ трудовъ, которые послѣ того продолжались до 1865 г. включительно или, другими словами, продолжались еще цѣлую четверть вѣка.

---

[1]) Die Griech. Tragödien mit Rücksicht auf d. episch. Cyclus geordn. Bonn 1839.

Утомленный отъ чрезмѣрной работы и удручаемый сознаніемъ своей одинокой старости, Велькеръ прекратилъ въ 1840 г. на время свои многосложныя занятія и отправился въ путешествіе по Италіи и Греціи. Это путешествіе, разсчитанное сначала на одинъ годъ, затянулось на цѣлыхъ $2^1/_2$ года и было продолжительнымъ тріумфомъ знаменитаго ученаго. Куда-бы ни являлся онъ, его повсюду ждали привѣтствія и услуги какъ отечественныхъ такъ и иностранныхъ ученыхъ. Такъ, когда на пути въ Италію, онъ заѣхалъ въ Парижъ, то его окружили всевозможнымъ почетомъ такіе ученые какъ Нодэ, Кузенъ, Газе, Эгжѐ, Дюбнеръ, Мартэнъ и др. Въ числѣ людей близкихъ онъ издавна могъ считать герцога де-Люиня, Шарля Ленормана, Форіеля, де-Витте, Ампера и др. Разъ, когда онъ пришелъ въ Національную библіотеку и сѣлъ для занятій въ общей залѣ, библіотекарь подошелъ къ нему и со словами «Les princes ne doivent pas se trouver dans la foule» увелъ его въ свой кабинетъ и здѣсь обставилъ всѣми удобствами для работы. Такое вниманіе оказывалось ему въ странѣ, которой онъ не любилъ и съ молодыхъ лѣтъ былъ ея политическимъ завѣдомымъ противникомъ.

Истиннымъ торжествомъ было его путешествіе по Италіи, въ которую вступилъ онъ послѣ тридцатилѣтняго отсутствія. Ученая слава бѣжала впереди его: потому-то въ Туринѣ его привѣтствуютъ Пейронъ, Базерри, Барухъ, въ Пармѣ Тоски, въ Болоньѣ Біанкони, во Флоренціи всѣ хранители и директоры музеевъ, галлерей и библіотекъ. Тѣмъ большимъ вниманіемъ и почетомъ окружили его ученые и художники Рима: старшій секретарь нѣмецкаго Археологическаго Института Эмиль Браунъ, искренній поклонникъ заслугъ Велькера въ исторіи древняго искусства, былъ его постояннымъ спутникомъ по Риму, и обязательно показывалъ ему все, что появилось новаго въ области древностей и искусства за время, протекшее съ отъѣзда Велькера. Всѣ музеи и частныя собранія, всѣ виллы и дворцы, каждый домъ и каждый дворъ, скрывавшій какое-нибудь античное произведеніе, каждый магазинъ и каждая мелочная лавка антикваріевъ и продавцовъ художественныхъ предметовъ были обойдены, осмотрѣны и обслѣдованы этими двумя учеными. Въ тѣхъ случаяхъ, когда служебныя обязанности мѣшали ему явиться къ Велькеру, его сопровождалъ столь-же основательный знатокъ Рима Вильгельмъ Абекэнъ. Платнеръ, Циглеръ, старикъ Кестнеръ, де-Виттъ, Канина и другіе ученые и художники оказывали постоянное вниманіе и почетъ знаменитому путешественнику. Антикварныя и художественныя впечатлѣнія и радость пребыванія въ странѣ и городѣ, съ которымъ связаны были дорогія воспоминанія юности и къ которому онъ тщетно стремился 35 лѣтъ, оживили Фр. Велькера, и подняли его ослабѣвавшую энергію. Онъ рѣшилъ продолжать свое путешествіе далѣе. Въ январѣ 1841 г. онъ вмѣстѣ съ своимъ недавнимъ слушателемъ и ученикомъ Вильгельмомъ Генценомъ и нѣкіимъ Торрентини выѣхалъ изъ Рима по направленію Греціи.

Пребываніе Велькера въ этой странѣ продолжалось полтора года. Стремясь въ теченіи всей жизни увидѣть воочію тѣ мѣста, судьбы которыхъ ему были извѣстны изъ предмета его спеціальности, и достигнувъ исполненія своей горячей мечты лишь въ старости, онъ принялся за изученіе монументальныхъ памятниковъ греческой древности и топографіи главнѣйшихъ городовъ съ такимъ жаромъ, какого въ сѣдомъ 58-лѣтнемъ старикѣ едва-ли можно было и ожидать. Живя большую часть времени въ Аѳинахъ, онъ и раннимъ утромъ, и при вечерней зарѣ, и въ свѣтлыя лунныя ночи ходилъ и лазилъ по крутымъ дорожкамъ и тропинкамъ Акрополя. И не было такого замѣчательнаго осколка древней колонны и древняго фриза, котораго-бы онъ не осмотрѣлъ, не измѣрялъ и не изслѣдовалъ. Въ своихъ антикварныхъ и топографическихъ исканіяхъ онъ не зналъ усталости ни въ этомъ городѣ, ни въ его окрестностяхъ, ни въ путешествіяхъ по другимъ областямъ Греціи, и потому-то, щадя своего знаменитаго руководителя и товарища, Генценъ и Торрентини не разъ нарочно притворялись усталыми, чтобы заставить отдохнуть и Велькера. Аѳиняне съ удивленіемъ смотрѣли на такую невѣдомую имъ дотолѣ ревность ученаго, память котораго потомъ живо хранилась въ этомъ городѣ и тридцать лѣтъ спустя. Велькеръ изучалъ не только древнюю архитектуру и топографію, не только осматривалъ —обслѣдовалъ публичные музеи древности и частныя собранія, включая сюда и лавки торговцевъ-антикваріевъ, но внимательно присматривался и прислушивался къ окружавшей современной дѣйствительности. Народныя пѣсни, праздники, обычаи, повѣрья, одежда — все находило въ немъ зоркаго и сочувственнаго наблюдателя. Многое въ этой жизни представлялось ему какъ продолженіе античныхъ формъ, какъ повтореніе ихъ съ бо́льшими или меньшими измѣненіями, которыя привнесло съ собою протекшее время.

Изъ Аѳинъ Велькеръ дѣлалъ нѣсколько путешествій по остальной Греціи: такъ онъ объѣхалъ Пелопоннесъ, затѣмъ Беотію, Фокиду, Эвбею. Онъ дѣлалъ также путешествіе въ Малую Азію, гдѣ посѣтилъ Сарды и Трою. Не знаемъ каковы условія путешествія по этой послѣдней странѣ нынѣ, но 40 лѣтъ тому назадъ для человѣка въ возрастѣ Велькера путешествіе было очень рискованнымъ, тѣмъ болѣе въ жаркіе іюньскіе и іюльскіе дни, когда оно было предпринято. Оттого-то въ Айвари Сардинскій консулъ встрѣчаетъ Велькера удивленнымъ вопросомъ: «какъ, путешествовать въ ваши годы? да это было-бы подъ силу развѣ молодости». Вслѣдствіе жары иногда приходилось ѣздить ночью, но тогда верховая ѣзда по крутымъ горамъ и совершенно дикимъ мѣстностямъ соединена была съ такимъ напряженіемъ силъ, что про одну изъ этихъ ночныхъ переправъ Велькеръ замѣчаетъ въ своемъ дневникѣ: «потъ лилъ по мнѣ ручьями, и всѣ мы крайне устали». И послѣ такого утомленія путникамъ пришлось искать пріюта въ грязной крестьянской лачугѣ и въ четверомъ лечь спать на полу. Ночные враги скоро поползли по тѣлу Велькера,

что заставило его перекочевать съ своимъ матрацомъ на дворъ и здѣсь улечься подъ открытымъ небомъ, межъ бродившихъ вокругъ лошадей. Утомленіе взяло свое: старикъ заснулъ и спалъ, пока не обступили лошади и не начали обнюхивать его лица. Въ одномъ мѣстѣ онъ долженъ былъ ѣхать верхомъ 15 часовъ и, по своей обычной разсѣянности, забывши запастись съѣстнымъ, онъ въ этомъ переѣздѣ питался только кускомъ хлѣба, который случился у его человѣка.

Возвратившись изъ Греціи въ Италію, онъ вмѣстѣ съ Эмилемъ Брауномъ предпринимаетъ путешествіе по Сициліи и, объѣхавъ всѣ достопамятные въ исторіи города и мѣстности, онъ проявилъ здѣсь не меньшую силу воли и энергію.

Возвращеніе его въ любимый Боннъ имѣло мѣсто 6 мая 1843 года. Нѣсколько профессорскихъ и другихъ семействъ устраиваютъ въ честь его праздникъ. Члены филологическаго семинарія встрѣчаютъ его съ музыкой и пѣснями и подносятъ ему напечатанный на атласѣ хвалебный латинскій гимнъ, нарочно для этого написанный. Такъ сильно ждали молодые Боннскіе филологи своего знаменитаго наставника.

Послѣ этого путешествія Велькеръ жилъ еще 25 лѣтъ и трудился до самой смерти, унесшей его 17 декабря 1868 г. За этотъ періодъ жизни онъ привелъ въ систему многое изъ написаннаго прежде и изъ разсѣяннаго по различнымъ ученымъ изданіямъ, но многое написалъ и издалъ вновь. Къ первой категоріи относятся его Kleine Schriften, первый томъ которыхъ появился въ 1844 г., а пятый въ 1866 г. Вновь изданы Griechische Götterlehre въ 3-хъ большихъ томахъ и Alte Denkmäler въ 5-ти частяхъ, не говоря о множествѣ мелкихъ статей въ археологическихъ и филологическихъ повременныхъ изданіяхъ. Къ этимъ годамъ относятся двукратныя путешествія въ Римъ, гдѣ онъ проводилъ цѣлыя зимы въ ученой и на этотъ разъ строго-кабинетной работѣ, ученыя поѣздки въ Парижъ, Лондонъ, по Швейцаріи и Германіи. Вѣрный своему долгу, онъ продолжалъ работать и въ своей аудиторіи, хотя со вступленіемъ въ 8-е десятилѣтіе профессорская служба и стала тяготить его. Въ 1854 году онъ сдалъ свою должность по библіотекѣ Фр. Ричлю, вскорѣ затѣмъ освободилъ себя отъ обязанностей по званію члена университетскаго сената и факультета. Оставшись въ званіи Professor honorarius, онъ уступилъ здѣсь свое мѣсто Отто Яну и продолжалъ свои кабинетные литературные труды.

Тѣмъ временемъ старость дѣлала свое дѣло. Сначала стала слабѣть его когда-то обширная память: это было первымъ его огорченіемъ, которое заставляло его не разъ вспоминать свою бесѣду съ Меццофанти въ Римѣ, когда этотъ уже былъ старикомъ и кардиналомъ. Знаменитый лингвистъ въ эту пору говорилъ Велькеру, что есть три періода въ жизни ученаго: періодъ обученія или пріобрѣтенія познаній, періодъ употребленія познаній въ дѣло или обла-

данія познаніями и третій періодъ забвенія. Вотъ въ этотъ-то третій періодъ и вступилъ теперь Велькеръ, какъ это не безъ грусти и самъ замѣчалъ онъ. Скоро стала озабочивать слабость зрѣнія, которая съ каждымъ годомъ все усиливалась болѣе и болѣе, пока не пришелъ тотъ горькій моментъ, когда поневолѣ пришлось совсѣмъ отказаться отъ чтенія и письма. За этимъ послѣдовала общая слабость, которой не приносило большой пользы лѣченіе въ Висбаденѣ, Эмсѣ, Ахенѣ.

Но и въ эти тяжелые годы онъ не прекращалъ своего служенія любимой наукѣ: потерявши зрѣніе, онъ диктуетъ послѣдніе труды своему вѣрному ученику и другу Оттону Людерсу, который для него и читалъ и писалъ. Онъ за него наводилъ справки у греческихъ и римскихъ авторовъ, онъ прочитывалъ ему и все необходимое изъ новой ученой литературы. Въ такомъ положеніи слѣпнущаго старца Велькеръ приготовилъ къ печати между прочимъ 3-й томъ своего Griechische Götterlehre, дневникъ своего путешествія по Греціи и мн. другое.

Въ 1859 г. въ октябрѣ мѣсяцѣ праздновался 50-ти лѣтній юбилей его профессорской дѣятельности. Археологическій Институтъ въ Римѣ, Академіи и университеты, ученыя корпораціи и кружки любителей искусствъ, князья, художники, ученые, свои и заграничные, старые ученики, всѣ друзья и почитатели въ 16-й день этого мѣсяца соединились въ привѣтствіяхъ знаменитому ученому. Прусское правительство повелѣло приготовить мраморный бюстъ Велькера, который и стоитъ теперь въ университетской библіотекѣ Бонна рядомъ съ бюстомъ Нибура. Охарактеризовать личность ученаго и его роль въ исторіи науки взялся самый блестящій тогда представитель археологіи въ Германіи Отто Янъ, который открыто называлъ себя ученикомъ Велькера, не бывъ никогда его университетскимъ слушателемъ. Этотъ праздникъ оживилъ гаснувшія силы старца, но не возвратилъ ему крѣпости былыхъ лѣтъ. Послѣдніе годы его протекли мирно въ спокойной чередѣ диктанта произведеній его духа и слушанія созданій другихъ умовъ. Утомленный ученой работой, онъ просилъ своего друга читать ему Гёте и другихъ новѣйшихъ поэтовъ. Смотря уже въ другой міръ, онъ не переставалъ интересоваться церковными вопросами и какъ въ былые годы, продолжалъ надѣяться на примиреніе церквей и на возникновеніе единой церкви, которая будетъ сильнѣе, чѣмъ это нынѣ, направлять совѣсть и дѣянія людей къ высшимъ цѣлямъ жизни. Такую мечту отходившій изъ жизни старецъ выражалъ даже въ стихотворной формѣ. 4-го ноября 1868 года близкіе люди поздравляли его съ 83-мъ днемъ рожденія. Этотъ привѣтъ былъ послѣднимъ въ его жизни. Черезъ $1^1/_2$ мѣсяца его не стало.

И. Цвѣтаевъ.

О танаитскихъ коллегіяхъ.

И. В. Помяловскаго.

Въ 69 и 70 годахъ близъ селенія Недвиговки, въ мѣстности, занимаемой древнимъ Танаисомъ, было случайно сдѣлано замѣчательное эпиграфическое открытіе—открыта была масса мраморныхъ кусковъ отъ надписей, имѣющихъ общій характеръ и позволяющихъ намъ взглянуть немного глубже во внутреннюю жизнь этого города въ три первыя столѣтія нашей эры. На надписяхъ этихъ я рѣшаюсь остановить вниманіе ваше, мм. гг., отчасти потому, что, на сколько мнѣ извѣстно, онѣ еще не составляли предмета особаго разысканія, отчасти же и потому, что данныя, изъ нихъ извлекаемыя, не лишены извѣстнаго интереса.

Прежде всего любопытны обстоятельства самой находки: обломки надписей всѣ найдены въ *одномъ мѣстѣ*, при рытьѣ траншеи желѣзной дороги. Хотя надписи и были разбиты на массу мелкихъ кусковъ, что можетъ указывать на умышленное ихъ уничтоженіе, однако совмѣстное ихъ нахожденіе наводитъ на мысль о томъ, что мѣсто, въ которомъ онѣ первоначально помѣщались, было недалеко отъ мѣста ихъ находки. Ибо невѣроятно, чтобы огромные τελαμῶνες были нарочно свезены въ одно мѣсто для того, чтобы быть тамъ разбитыми; если-бы было такъ, то слѣдовало-бы въ этомъ мѣстѣ видѣть складъ вообще древнихъ памятниковъ, подвергавшихся уничтоженію; а между тѣмъ, въ данной мѣстности, кромѣ надписей θίασотовъ, другихъ памятниковъ не найдено.

Мы сказали, что они позволяютъ намъ взглядѣться нѣсколько глубже во внутреннюю жизнь Танаиса въ первые вѣка нашей эры. До ихъ открытія мы знали объ ней весьма немного. Извѣстно, что по возмущеніи противъ боспорскаго царя Полемона въ I-мъ в. Танаисъ былъ совершенно опустошенъ, но съ теченіемъ времени опять былъ возстановленъ и, благодаря своему выгодному положенію, достигъ извѣстнаго благосостоянія во II и III вв. Объ этомъ свидѣтельствуютъ какъ сохранившіеся остатки города, такъ и немногія надписи историческаго содержанія. Онѣ говорятъ намъ о томъ, что городъ находился въ зависимости отъ боспорскихъ царей и управлялся ихъ намѣстниками,

πρεσβεῦται — legati. Подъ ихъ начальствомъ стояли городскіе архонты, числомъ 4, изъ коихъ первый былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и архонтомъ эпонимомъ Городское населеніе рѣзко распадалось на 2 составныя части—туземцевъ, собственно Танаитовъ и Грековъ-торговцевъ, во главѣ которыхъ стоялъ Ἑλλησάρχης съ кандидатомъ—διάδοχος—выбиравшимся для заступленія его, въ случаѣ кончины. Каковы были его обязанности, мы не знаемъ, но можемъ догадываться о томъ, что постъ, занимаемый имъ, былъ почетнымъ, что, между прочимъ, видно изъ того, что одинъ Еллинархъ черезъ 16-ть лѣтъ послѣ отправленія этой обязанности, дѣлается легатомъ царя Ининеимея. Еллинархи были люди богатые, о чемъ можно заключать изъ того, что они сооружаютъ на свой счетъ различныя общественныя постройки, вродѣ стѣнъ, воротъ, агоры, башенъ и т. под. Жившіе въ Танаисѣ Еллины составляли нѣчто совершенно обособленное, что видно изъ выраженія: τῇ πόλει καὶ τοῖς ἐμπόροις. Приблизительное понятіе объ ихъ положеніи можно составить по Делосскимъ надписямъ, въ которыхъ упоминаются οἱ πραγματεύοντες Ῥωμαῖοι и которыя въ недавнее время такъ превосходно объяснилъ Homolle. Наконецъ, въ городѣ было нѣчто вродѣ таможни, въ которой собирались взносы съ товаровъ и которой завѣдывалъ προσοδικός, бывшій также изъ Грековъ. Такіе προσοδικοί сдѣлались намъ въ недавнее время болѣе извѣстными, благодаря открытому Кн. Абамеликомъ Пальмирскому таможенному тарифу. Если мы прибавимъ къ вышесказанному свѣдѣніе о томъ, что въ Танаисѣ были эпимелиты, надзиравшіе за общественными постройками, то исчерпаемъ всѣ данныя относительно внутренняго устройства города во II и III в.

Къ этимъ даннымъ открытыя въ Недвиговкѣ надписи сообщаютъ интересныя добавленія. Всѣ надписи имѣютъ одинаковое содержаніе, представляя списки лицъ, воздвигающихъ молитвенные τελαμῶνες божеству и связанныхъ между собою общими узами, которыя образуютъ изъ нихъ отдѣльныя, обособленныя корпораціи.—Божество, которому посвящается εὐχή, зовется общимъ терминомъ θεὸς ὕψιστος, θεὸς ὕψιστος ἐπήκοος. Ближайшимъ образомъ оно характеризуется рельефнымъ изображеніемъ одного или двухъ орловъ, которые находятся на аэтомахъ теламоновъ. Это обстоятельство дозволяетъ видѣть въ этомъ божествѣ Зевса, но не того, который царилъ на Олимпѣ, а одного изъ многочисленныхъ Зевсовъ, возникшихъ путемъ позднѣйшаго синкретизма и такъ распространенныхъ на В. въ первые вѣка христіанской эры, таковы: Ζεὺς σωτήρ, Ζεὺς στράτιος, Ζ. Λαβραῦνδος, Ζ. Χρυσαορεύς и т. д. и т. д. Изъ того обстоятельства, что божество это не зовется нигдѣ собственнымъ именемъ, но вездѣ обозначается общимъ терминомъ θεός, Ак. Стефани, издавшій Недвиговскія надписи, выводитъ, будто на этомъ видно уже вліяніе христіанскихъ понятій. Это невѣроятно и само по себѣ—ибо въ первой половинѣ II-го в. христіанство въ Танаисѣ врядъ-ли могло быть до того сильно, чтобы оказывать

вліяніе на формы общественнаго культа—и затѣмъ опровергается множествомъ другихъ, чисто языческихъ, и притомъ болѣе ранняго времени, надписей, въ которыхъ это названіе придается самымъ различнымъ, но по преимуществу, восточнымъ божествамъ.

Культъ этого божества составлялъ религіозный центръ, около котораго группировалось одно братство, вслѣдствіе чего его члены зовутся εἰ-ποιητοὶ ἀδελφοὶ σεβόμενοι θεὸν ὕψιστον. Это выраженіе представляетъ аналогію съ большимъ количествомъ латинскихъ надписей, въ которыхъ встрѣчаются выраженія: colentes Isidem, cultores Herculis и т. д. Для этихъ послѣднихъ въ настоящее время довольно прочно утвердился тотъ взглядъ, по которому они считаются членами погребальныхъ обществъ, также по большей части группировавшимися около культа какого-нибудь божества. Не будутъ-ли и эти ἀδελφοὶ таковыми-же? Самое названіе ἀδελφοὶ, въ формѣ fratres, тоже составляетъ характерную особенность collegia funeraticia. Они упоминаются въ двухъ трехъ надписяхъ, имѣющихъ цѣлью закрѣпить ихъ имена (ἐντράφαντες ἑαυτῶν τὰ ὀνόματα). Отъ нихъ, намъ кажется, отличается другое общество, также почитавшее θεὸς ὕψιστος, но обозначаемое нѣсколько иначе: ἡ σύνοδος πρὸς ἱερέα..., θιασῶται, θιασεῖται. Послѣднее названіе прямо указываетъ на значеніе этого общества, какъ θίαза, который имѣлъ правильную и притомъ своеобразную организацію. Члены его были люди свободнорожденные, что видно изъ того, что у каждаго прописывается имя отца; нѣкоторыя имена чисто греческія или римскія, другія-же—мѣстныя—варварскія. Одинъ разъ верховный жрецъ θίаза носитъ даже tria nomina. Заключать изъ разнообразія именъ о разнообразіи національностей мы не рѣшаемся. Общественное положеніе θίазотовъ неизвѣстно, только на одномъ памятникѣ мы видимъ присутствіе... Οὐαλέριος στρατιώτης, и то это имя стоитъ въ концѣ надписи и относится къ гораздо болѣе позднему времени. — Число θίазотовъ не значительно — на самыхъ большихъ надписяхъ оно не превосходитъ 50, въ большинствѣ-же случаевъ оно гораздо меньше.

Во главѣ ихъ стоялъ ἱερεύς, въ одномъ мѣстѣ называемый πρεσβύτερος. И это названіе не можетъ указывать на вліяніе Христіанства, такъ какъ οἱ πρεσβύτεροι, въ значеніи старѣйшихъ жрецовъ, извѣстны намъ изъ многихъ чисто языческихъ надписей. Вслѣдъ за нимъ стоятъ два лица, положеніе которыхъ въ θίазѣ было приблизительно одинаково: πατὴρ συνόδου и συναγωγός; но функціи ихъ, на сколько можно заключить изъ другихъ памятниковъ, были разныя: первый былъ вѣроятно патрономъ коллегіи, и даже, быть можетъ, ея учредителемъ. Совершенно аналогичныя названія—mater collegii и pater collegii—имѣемъ мы въ одной латинской надписи, относящейся къ устройству коллегіи, основанной нѣкоей Сальвіей Марцеллиной. Поэтому не правъ Foucart, сопоставляющій этого πατὴρ συνόδου съ извѣстнымъ πατὴρ Миѳровскихъ таинствъ; въ нихъ это лицо занимало высшій постъ въ греческой іерархіи, тогда какъ въ

Недвиговскихъ надписяхъ оно упоминается *вмѣстѣ* съ ἱερεύς и *послѣ* него. Что-же касается до συναγωγός, то, по объясненію Гезихія, этотъ терминъ равняется терминамъ συνέστιος, ὁμοτράπεζος; какъ должностное лицо θίаза, этотъ συναγωγός могъ распоряжаться коллегіальными пиршествами и, можетъ быть, содѣйствовать денежными приношеніями ихъ устроенію. А общія пиршества, какъ мы знаемъ изъ множества примѣровъ, были общи всѣмъ ассоціаціямъ греко-римскаго міра — iuvenes qui una vesci solent опредѣленіе коллегіи на одной латинской надписи.

Далѣе, въ порядкѣ іерархической постепенности, слѣдуютъ двѣ загадочныя функціи — φιλάγαθος и παραφιλάγαθος. До открытія нашихъ надписей извѣстенъ былъ въ эпиграфической литературѣ, глаголъ φιλαγαθέω, встрѣчающійся на одной надписи гор. Смирны и на другой — гор. Cices въ Cyrrhestia M. Азіи. Въ той и другой этимъ глаголомъ обозначаются обязанности, отправлявшіяся въ θіазахъ, причемъ въ первой (восхваляющей Стратонику, жрицу Великой Матери) читаемъ: ἐν τῇ τοῦ Διὸς συναγωγῇ φιλαγαθήσασαν. Если мы припомнимъ объясненіе, которое даетъ Гезихій слову συναγωγός, то врядъ-ли значительно удалимся отъ истины, предположивъ, что и обязанности φιλάγαθος относились къ коллегіальнымъ пиршествамъ, которыхъ постоянство и періодичность требовали и постоянныхъ распорядителей. Въ какомъ отношеніи стоялъ φιλάγαθος къ συναγωγός, сказать, разумѣется, невозможно.

Оригинально присутствіе въ θіазѣ двухъ личностей, также упоминаемыхъ постоянно и потому сообщающихъ ему особый характеръ — это: γυμνασιάρχης и νεανίσκαρχος. Обѣ эти функціи указываютъ намъ на ефебическій характеръ, который имѣла коллегія. Что касается 1-го, то онъ, какъ извѣстно, соотвѣтствуетъ аттическому κοσμητής, т. е. начальнику ефебія; что-же касается νεανίσκαρχος, то эта обязанность, встрѣчающаяся, сравнительно, рѣже, относится къ лицамъ, которыя стояли во главѣ ефебовъ въ какомъ-нибудь особомъ, спеціальномъ агонѣ или состязаніи.

Если мы прибавимъ еще γραμματεύς, о которомъ упоминается въ одной надписи, то перечислимъ всѣхъ лицъ, входившихъ въ составъ коллегіальной магистратуры.

Что-же это былъ за θіазъ или коллегія? Мнѣ кажется, что мы не ошибемся, если предположимъ, что это была коллегія ефебическая, своеобразно слившаяся съ θіасомъ. На близость ефебіи съ θіасомъ указываютъ, между прочимъ, и нѣкоторыя надписи изъ Tralles, въ которыхъ, рядомъ съ οἱ ἔφηβοι и οἱ νέοι, упоминаются οἱ θίασοι πάντες. На это, между прочимъ, указываетъ одна характерная подробность нѣкоторыхъ Недвиговскихъ τελαμῶνες — это присутствіе на ихъ аэтомахъ вѣнка, постоянно характеризующаго агонистическую побѣду. — Такое своеобразное сліяніе двухъ формъ коллегіальнаго устройства можно представлять себѣ различными способами: или θіазоты дѣлились на двѣ кате-

горіи: возмужалыхъ и эфебовъ, или-же они всѣ были ефебами, или, наконецъ, при ѳіазѣ, въ видѣ дополненія, существовала палестра. Какъ было на самомъ дѣлѣ, сказать, разумѣется, нельзя. Можно только заключить, что во II — III в. нашей эры въ Танаисѣ были такія учрежденія, которыя вообще широко раскинулись по всему объеллинизированному Востоку и которыя свидѣтельствуютъ какъ объ извѣстномъ благосостоянiи города, такъ и объ его далеко не низкой культурѣ.

И. Помяловскій.

Замѣчанія о нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Новороссійскаго края, заслуживающихъ археологическаго изслѣдованія.

В. Н. Юргевича.

Къ важнѣйшимъ задачамъ русской археологіи принадлежитъ, безъ сомнѣнія, опредѣленіе мѣстностей, на которыхъ находились въ древности извѣстные намъ города и поселенія народовъ, жившихъ въ предѣлахъ Русскаго Государства. Не говоря о томъ, что точное опредѣленіе мѣстонахожденія одного города облегчаетъ изученіе древней топографіи, помогая намъ отыскать руководящую нить среди противорѣчащихъ часто или сбивчивыхъ показаній лѣтописцевъ и древнихъ писателей, оно дастъ намъ возможность познакомиться съ бытомъ того или другаго народа, съ помощью сохранившихся слѣдовъ его существованія. Извѣстно всѣмъ, какъ разъяснили исторію изслѣдованія мѣстностей и могилъ, производимыя въ нашемъ краѣ и въ другихъ частяхъ Россіи въ теченіи настоящаго столѣтія. По этой причинѣ честь имѣю обратить вниманіе Съѣзда на нѣкоторыя мѣстности на югѣ Россіи, полагая, что отъ ихъ изслѣдованія зависитъ устраненіе существующихъ или могущихъ родиться въ наукѣ сомнѣній.

1) Мѣстонахожденіе древняго города Тиры хотя и пріурочивается съ большою достовѣрностью къ теперешнему Аккерману, на основаніи свидѣтельствъ древнихъ писателей и найденныхъ здѣсь монетъ и другихъ древностей (см. статью Беккера «Тирасъ и Тириты» въ Зап. Од. Общ. Ист. и Древн. т. II стр. 416 и его же «Берегъ Понта Евксинскаго отъ Истра до Борисѳена» въ Зап. Од. Общ. т. III стр. 184), но невполнѣ ясныя свидѣтельства древнихъ писателей и находки тирасскихъ надписей въ другихъ мѣстахъ могутъ повести къ разнымъ предположеніямъ. Уже покойный профессоръ Ф. К. Брунъ, по поводу открытой въ 1842 г. въ селѣ Коротномъ, Тираспольскаго уѣзда, Херсонской губ., тирасской надписи, высказалъ догадку, что камень съ означенною надписью не былъ привезенъ въ позднѣйшее время изъ окрестностей Аккермана, но что онъ издревле былъ на мѣстѣ находки въ бывшемъ тамъ, по его мнѣнію, греческомъ городѣ Офіусѣ, который, по присоединеніи его къ Римскимъ владѣніямъ, назывался Тирасомъ и основанъ былъ выходцами изъ древнѣйшаго Тираса или Офіусы, что возлѣ Аккермана, послѣ времени Веспасіана.

Въ этой-же мѣстности, гдѣ лежитъ село Коротное, онъ ищетъ также упомянутаго Плиніемъ острова Тирагетовъ, полагая, что таковымъ представляется со стороны моря пространство между Днѣстромъ и Кучургановъ, соединяющимся съ нимъ нѣсколько верстъ выше Маякъ, въ особенности во время полноводія (См. его «Черноморье» ч. 1 стр. 5 и «О мѣстоположеніи Тираса» въ Зап. Од. Общ. т. III стр. 47). Я не стану разбирать доказательствъ нашего даровитаго и неутомимаго изслѣдователя, основанныхъ на толкованіи въ свою пользу сбивчивыхъ извѣстій древнихъ о разстояніяхъ и на показаніи Птоломея, изъ котораго онъ заключаетъ о существованіи двухъ Офіусъ; замѣчу только, что если примемъ его мнѣніе, то мы будемъ имѣть въ одно и то же время два города Тираса, такъ-какъ разрушенный, по его словамъ, древній Тирасъ послѣ Веспасіана существовалъ еще во времена Марка Аврелія (161—180), какъ доказываютъ монеты этого императора и его жены — Фавстины, найденныя близъ Аккермана (См. Беккера уп. ст. Зап. Од. Общ. т. III стр. 184), и продолжалъ существовать и позже, какъ видно изъ самой-же Коротненской надписи, гдѣ помѣщена копія грамматы императоровъ Септимія Севера и Каракаллы, присланная Тиранамъ въ 201 году по Р. Х. (См. Беккера уп. ст. Зап. Общ. т. II стр. 435, уп. ст. Бруна въ Зап. Общ. т. III стр. 57 и Моммзена Corp. inscr. lat. III; 1, p. 147). Невѣроятно также, чтобы Тиране, послѣ разрушенія ихъ города, о чемъ впрочемъ не упоминаетъ ни одинъ изъ древнихъ писателей, переселились внутрь страны, за 90 верстъ отъ моря, и отдались на произволъ Гетовъ, которыхъ Брунъ, основываясь на названіи Тирагетовъ Страбона и Плинія, считаетъ несправедливо смѣсью Тиритовъ, потому что у этихъ писателей названіе Тирагетовъ не имѣетъ ничего общаго съ названіемъ жителей города Тиры, а означаетъ Гетовъ, живущихъ по рѣкѣ Тирасу. (См. Бруна «Черноморье» ч. 1 стр. 12). Мнѣнія Бруна не раздѣляетъ и Моммзенъ, которому нашъ ученый сообщилъ свои мысли относительно коротненской находки (См. «Черном.» ч. 1, стр. 10), но полагаетъ, что камень съ надписью былъ привезенъ самими Тиранами для обозначенія границы, до которой простирались дарованныя имъ торговыя льготы. (См. Corp. inscr. lat. III, 1 p. 147; Брунъ «Черном.» 1. 11). Согласиться и съ нимъ трудно, такъ-какъ о завоеваніи Тирагетовъ Римлянами не говоритъ ни одинъ древній писатель, а императоры не могли пожаловать льготъ внѣ своей провинціи, да и кромѣ того какъ объяснить, почему привиллегія безпошлиннаго ввоза простиралась на 90 верстъ до села Коротнаго, а не далѣе. По этимъ причинамъ мы, кажется, должны согласиться пока съ Беккеромъ, что камень съ надписью былъ перевезенъ на мѣсто находки въ позднѣйшее время. Но сомнѣніе, возбужденное Бруномъ, и его предположеніе можетъ быть признано нѣкоторыми справедливымъ послѣ открытія въ 1882 году новой Тирасской надписи времени Коммода (182 по Р. Х.), найденной въ той-же мѣстности, въ 9 верстахъ выше Коротнаго въ селѣ Чо-

бручахъ, которая находится нынѣ въ музеѣ Одесскаго Общ. и помѣщена въ его Запискахъ, въ вышедшемъ въ 1883 г. XIII томѣ. Невольно рождается вопросъ, перевезена-ли она подобно первой или нѣтъ, и если перевезена, то почему въ ту-же самую мѣстность и не въ дальнемъ разстояніи отъ того мѣста, гдѣ открыта первая. Не правъ-ли поэтому Брунъ, предполагавшій здѣсь новую Офіусу, или Тирасъ, и островъ Тирагетовъ?

Объясняя сказанную надпись, я остался при прежнемъ мнѣніи, къ чему побудили меня слѣдующія соображенія: 1) Открытіе новой надписи въ Чобручахъ даетъ намъ одинаковое право предполагать, при отсутствіи другихъ доказательствъ, что древняя Тира могла находиться и тамъ, гдѣ нынѣ лежитъ село Чобручи. 2) Если-бы она находилась тамъ, то, безъ сомнѣнія, попадались-бы въ этой мѣстности слѣды древнихъ построекъ, мусоръ, монеты, остатки битой посуды и другіе предметы древности, свидѣтельствующіе о существованіи города; между тѣмъ ни въ Чобручахъ, ни въ Коротномъ таковыхъ до сихъ поръ не найдено. Тогда какъ древности найденныя въ Аккерманѣ принадлежатъ городу многолюдному и благоустроенному, какъ мы видимъ это, читая дошедшія до насъ надписи. Въ музеѣ Одесскаго Общ. ист. и древностей хранится привезенная оттуда громадная, прекраснаго стиля статуя римскаго военоначальника, надгробный камень Ареста и двѣ статуйки. Въ коллекціи почетнаго корреспондента Общества И. К. Суручана въ Кишиневѣ есть много весьма рѣдкихъ предметовъ, также изъ Аккермана[1]). Я не говорю о прежнихъ находкахъ упомянутыхъ Беккеромъ въ приведенной выше статьѣ. 3) Камень съ надписью,

[1]) Въ коллекціи И. К. Суручана находятся въ настоящее время найденные въ Аккерманѣ слѣдующіе предметы:

10 клеймованныхъ ручекъ.

26 тирасскихъ монетъ, 11 самостоятельныхъ, 15 императорскихъ.

1 золотая монета острова Косъ.

1 » » Александра Македонскаго и 2 серебряныхъ.

2 мѣдныхъ города Аѳинъ.

1 золотая Нерона.

2 серебряныя монеты, на которыхъ изображеніе схожи съ изображеніями Филиппа Македонскаго.

2 мѣдныхъ самостоятельныхъ Ольвіи.

5 мѣдныхъ, 28 серебряныхъ разныхъ римскихъ императоровъ.

24 консульскихъ фамилій.

2 расписныхъ кувшинчика, одинъ съ изображеніемъ Аполлона недоконченный.

8 разныхъ сосудовъ домашней утвари, часть полирована, другіе раскрашены.

2 цѣльныя амфоры.

2 мраморныхъ обломка съ греческими буквами.

5 камей и двѣ геммы замѣчательныя по изящной работѣ и цѣнности камня, одна изъ изумруда.

Нѣсколько бронзовыхъ и желѣзныхъ вещицъ.

открытый въ Чобручахъ, разбитый на нѣсколько частей, которыя легко сложить вмѣстѣ, очевидно, разбитъ на мѣстѣ находки, но въ немъ недостаетъ верхней половины, изъ чего мы должны заключить, что онъ перевезенъ сюда изъ другой мѣстности. 4) Точно такъ-же найденъ уже отбитымъ камень въ Коротномъ, безъ всякихъ вблизи него остатковъ древности. 5) Къ этому присоединяется, наконецъ, легкость, съ какою означенные камни могли быть перевезены по Днѣстру изъ окрестностей Аккермана, переселившимися въ турецкій періодъ на лѣвый берегъ этой рѣки Молдаванами, на которыхъ лежала обязанность доставлять галерами лѣсъ въ турецкія крѣпости. Извѣстно, что какъ Чобручи, такъ и Коротное населены до настоящаго времени почти исключительно Молдаванами. Будучи вслѣдствіе этого убѣжденнымъ, что древней Тиры мы не должны искать ни въ Чобручахъ, ни въ Коротномъ, я считаю все-таки не лишнимъ изслѣдованіе мѣстности, въ которой лежатъ означенныя села, но еще было-бы желательнѣе произвесть археологическіе поиски въ части города Аккермана, прилежащей къ еврейскому кладбищу, гдѣ, по свидѣтельству П. К. Суручана, найдены лучшія вещи изъ его коллекцій.

2) Открытый въ недавнее время среди развалинъ Херсониса псифисмъ въ честь Діофанта, полководца Миерадата VI Евпатора, царя Понтійскаго, заключающій описаніе походовъ этого полководца во время войнъ со скиѳами въ Крыму (См. Зап. Од. Общ. т. XIII, стр. 1) даетъ намъ возможность опредѣлить приблизительно съ большею вѣроятностію положеніе нѣкоторыхъ изъ упомянутыхъ въ немъ городовъ. Къ числу таковыхъ принадлежитъ Евпаторіонъ, построенный самимъ-же Діофантомъ. Въ примѣчаніяхъ моихъ къ псифисму я старался доказать, что этотъ городъ не могъ находиться тамъ, гдѣ помѣщаютъ его Брунъ и Бурачковъ, т. е. ни близъ Севастополя, ни близъ Юртлука, возлѣ теперешней Евпаторіи, соглашаясь съ болѣе правдоподобною догадкою Тунмана, Кеппена и Кёне, которые пріурочиваютъ его къ Инкерману. (См. Зап. Од. Общ. т. XII, стр. 22). Подпорою моему мнѣнію послужила сама надпись, въ которой читаемъ, что Діофантъ, вышедши изъ Херсониса, завоевалъ живщихъ въ сосѣдствѣ Тавровъ и тутъ-же построилъ городъ; слѣдовательно, Евпаторіонъ долженъ былъ находиться вблизи Херсониса, на землѣ Тавровъ, тогда какъ ни Севастополь, ни новѣйшая Евпаторія не находились въ землѣ Тавровъ, которой границы обозначены съ точностію древними писателями. По Страбону такъ называлось гористое побережье Крымскаго полуострова, тянущееся на сто ста-

---

Костяная ручка отъ жертвеннаго ножа съ рельефной кистью винограда.

Около 40 обломковъ разной посуды, нѣкоторые изъ стеклянной.

Въ курганѣ отстоящемъ отъ Аккермана въ $^1/_2$ версты при раскопкѣ найдена урна формы, которая не встрѣчается, съ жженными костями и кольцомъ.

Почти всѣ находки сдѣланы между крѣпостью и еврейскимъ кладбищемъ.

дій отъ Бухты Символовъ (Балаклавы) до Ѳеодосіи (V II, 3). Геродотъ раньше его разграничиваетъ Царскихъ Скиѳовъ отъ Тавровъ горами (IV, 19; ср. IV, 100). Скилаксъ отличаетъ гористую часть отъ ровнаго восточнаго побережья, которое называетъ скиѳскимъ. Оттого и въ нашей надписи Тавры отличаются отъ Скиѳовъ при указаніи мѣстности, на которой Діофантъ построилъ свой городъ. *Тавры* было названіе географическое, Скиѳы—этнографическое, потому что Тавры причислялись къ Скиѳамъ. Страбонъ (V II, 4) говоритъ, что Херсонисъ былъ окруженъ Таврами, народомъ Скиѳскимъ. Если-же мы встрѣчаемъ у писателей названіе Тавро-скиѳовъ или Скиѳо-тавровъ, то въ немъ соединялись оба понятія, для обозначенія Скиѳовъ Таврическаго полуострова. Кажется, противъ сдѣланнаго мною вывода, основаннаго на этихъ свидѣтельствахъ, возражать невозможно. Между тѣмъ уважаемый членъ Одесск. Общ. Ист. и Древн., П. О. Бурачковъ въ статьѣ своей, помѣщенной въ XII т. Зап. Од. Общ., придерживается упорно своего прежняго мнѣнія, стараясь придать словамъ надписи и свидѣтельствамъ древнихъ писателей тотъ смыслъ, котораго они не имѣютъ. Въ началѣ упомянутаго псифисма сказано: (ἐπειδὴ Διόφαντος)... παρα(κ)ληθεὶς ὑ̓π᾽ αὐτο(ῦ (Μιθραδάτα) καὶ τ)ὸν ποτὶ Σκύθας πόλεμο(ν ἀν)αδεξάμενος παραγενόμενος εἰς τὰν πόλιν ἁμῶν, ἐπάνδρως παντὶ τῷ στρατοπέδῳ τὰν (εἰ)ς τὸ πέραν διάβα(σ)ιν ἐποήσατο. Παλάκου δὲ τοῦ Σκυθᾶν βασιλεῖος αἰφνιδίως ἐπιβαλόντος μετ᾽ ὄχλου πολλοῦ, παρα(τα)ξάμενος εν... καὶ τοὺς ἀνυποστάτους δοκοῦντας εἶμεν Σκύθας τρεψάμενος, πρῶτον ἁπάντων ἐπόησε βασιλέα Μιθραδάταν Εὐπάτορα τρόπαιον ἀναστᾶσαι и проч., т. е.: «такъ какъ Діофантъ....; онъ-же, будучи призванъ царемъ (Миѳрадатомъ) и взявшись вести войну со Скиѳами, прибывъ въ нашъ городъ, сдѣлалъ со всѣмъ войскомъ отважную переправу черезъ море; когда-же Палакъ, царь скиѳскій, напалъ внезапно съ большимъ множествомъ, то, давъ сраженіе и разбивъ Скиѳовъ, считавшихся до того времени непобѣдимыми, содѣйствовалъ къ тому, что царь Миѳрадатъ Евпаторъ первый изъ всѣхъ воздвигъ трофеи побѣды» и проч. Кто можетъ это мѣсто понимать иначе, какъ не въ томъ смыслѣ, что Діофантъ, сдѣлавъ отважную переправу черезъ море (т. е. съ малоазійскаго берега, куда его призвалъ Миѳрадатъ), прибылъ въ Херсонисъ? Самая опасность переправы ставится Херсонисцами Діофанту въ заслугу. Послѣ его прибытія въ Херсонисъ, напалъ на него Палакъ; слѣдовательно, онъ долженъ былъ прежде защищать городъ и расправиться со Скиѳами возлѣ Херсониса. Расправившись, онъ началъ съ того, что завоевалъ окрестныхъ Тавровъ. Но такой смыслъ надписи не нравился г. Бурачкову, который хотѣлъ во что-бы ни стало доказать, что Евпаторіонъ лежалъ вблизи нынѣшней Евпаторіи. Для этого онъ толкуетъ по своему приведенныя слова и приписываетъ Діофанту свои собственныя стратегическія соображенія. Такъ какъ въ надписи сказано далѣе, что Діофантъ, послѣ завоеванія Тавровъ, основалъ городъ на томъ мѣстѣ ἐπὶ τοῦ τόπου, т. е., очевидно, въ окрестностяхъ Херсониса въ землѣ Тавровъ, и пошелъ по направленію

къ Воспору, то онъ увѣряетъ насъ, что упомянутая переправа Діофанта черезъ море сдѣлана имъ была послѣ высадки въ Херсонисѣ, переправиться-же онъ не могъ въ другое мѣсто и высадиться, какъ возлѣ нынѣшней Евпаторіи, потому что это былъ самый лучшій стратегическій пунктъ, откуда могли быть предприняты имъ походы къ Воспору и во внутрь Скиѳіи. Къ тому-же и условія мѣстности не могли не удержать Діофанта отъ сухопутнаго похода на Скиѳовъ непосредственно изъ Херсониса. Такимъ образомъ, по мнѣнію г. Бурачкова, война со Скиѳами началась высадкою близъ нынѣшней Евпаторіи. Здѣсь напалъ на него Палакъ, и произошло сраженіе, въ которомъ Скиѳы были разбиты, послѣ чего Діофантъ завоевалъ окрестныхъ (?) Тавровъ и построилъ на мѣстѣ побѣды Евпаторіонъ. Ставши съ самаго начала на фальшивую почву, г. Бурачковъ принужденъ былъ прибѣгнуть къ разнымъ натяжкамъ и ошибочнымъ толкованіямъ. Не говоря о томъ, что выраженіе εἰς τὸ πέραν въ греческомъ текстѣ, которое означаетъ всегда переправу черезъ воду на противоположный берегъ, не допускаетъ насъ принять его въ значеніи береговаго плаванія изъ Херсониса въ нынѣшнюю Евпаторію, у него *отважная* переправа относилась именно къ высадкѣ въ окрестностяхъ Евпаторіи, такъ какъ переправа въ другое мѣсто, напр. на сѣверную сторону Севастополя, не могла быть названа отважною. У него подъ словами «основалъ городъ на томъ мѣстѣ» слѣдуетъ понимать не мѣсто завоеванія Тавровъ, какъ сказано въ надписи, а мѣсто, на которомъ Діофантъ сдѣлалъ высадку и откуда онъ предпринималъ походы. Забавнѣе еще тѣ доводы, которые онъ приводитъ для того, чтобы доказать, что Евпаторія лежала въ землѣ Тавровъ, напр. мѣсто Страбона (VII, 4), въ которомъ говорится, что «за Тамиранскимъ мысомъ слѣдуетъ заливъ Керкинитскій, простирающійся почти на тысячу стадій; здѣшніе жители однако говорятъ, что до углубленія залива разстояніе втрое болѣе; жители эти называются Тавріями». Замѣтимъ, что въ текстѣ Страбона передъ «называются Тавріями» находится пропускъ и что слово *жители эти*—прибавка г. Бурачкова, да сверхъ того въ текстѣ читаемъ Τάφριοι, а не Ταύριοι. Другой доводъ, что на картѣ, приложенной къ географіи Птолемея (éd. Langlois. Tab. LXXVI), и на изданной о. Порфиріемъ Успенскимъ (Журн. Мин. Нар. Просв. 4, LV) жилище Таврскиѳовъ показано у Перекопа, называвшагося Τάφρος. Ужъ не отъ Τάφρος-ли производитъ г. Бурачковъ названіе Ταύριοι?! Что-же касается употребленнаго здѣсь названія Тавро-скиѳовъ, то, какъ я сказалъ выше, оно означаетъ Таврическихъ Скиѳовъ по той-же аналогіи, какъ мы называемъ теперь татаръ, живущихъ въ Крыму, Крымскими татарами. Далѣе г. Бурачковъ указываетъ на то, что «Херсонисъ находился въ гористой части Крыма, но нигдѣ не сказано, что онъ былъ расположенъ въ странѣ Тавровъ. Слѣдовательно, горную часть Крыма населяли не одни Тавры». Весьма жаль, что г. Бурачковъ притворяется незнающимъ, что Херсонисъ лежалъ на Праклійскомъ полуостровѣ,

который отдѣляется древними отъ земли Тавровъ. Еще далѣе онъ говоритъ, что «Хавы и Неаполисъ, названные въ надписи скиѳскими, находились также въ гористой части Крыма, но при сдачѣ ихъ Діофанту о Таврахъ не упоминается». Странно-бы было назвать крѣпости, построенныя скиѳскимъ царемъ, таврическими или упоминать безъ надобности о Таврахъ. Въ такомъ-же родѣ его замѣчаніе, что «Херсониты, обращаясь къ Миѳрадату съ просьбою о покровительствѣ, не жаловались на Тавровъ, а вообще на Скиѳовъ, и въ надписи упоминается о Таврахъ только одинъ разъ при основаніи Діофантомъ города на берегу моря». Пиша это, г. Бурачковъ былъ такъ занятъ своею предвзятою мыслью, что сказалъ то, чего нѣтъ въ надписи, гдѣ не говорится, что Діофантъ построилъ городъ *на берегу моря*, а, какъ мы видѣли, ἐπὶ τοῦ τόπου *на томъ мѣстѣ*, т. е. иначе—въ тѣхъ мѣстахъ, или на землѣ сосѣднихъ Тавровъ. Что же касается того, что о Таврахъ не упоминается болѣе въ надписи, а только по поводу постройки города, то, какъ я объяснилъ выше, въ этомъ случаѣ опредѣлена ближе мѣстность, въ которой былъ построенъ городъ; война-же велась со Скиѳами, которые были владѣтелями острова и притѣсняли Херсонисъ [1]). Не лучше доводы г. Бурачкова противъ мнѣнія тѣхъ, которые помѣщаютъ Евпаторіонъ въ Инкерманѣ. «Узкій заливъ», говоритъ онъ, «на берегу котораго находятся развалины Инкермана, назывался Ктенусъ, а въ надписи упоминается о переправѣ Діофанта чрезъ море», и далѣе: «укрѣпленіе Инкерманской крѣпости не могло имѣть значенія для Херсонитовъ въ стратегическомъ отношеніи, такъ какъ городъ ихъ находился въ сторонѣ полуострова, обращенной къ Балаклавѣ». Первый доводъ основанъ, какъ мы видѣли выше, на непониманіи или умышленномъ толкованіи мѣста надписи; относительно-же втораго замѣтимъ, что такъ какъ не вновь основанный городъ, а Херсонисъ былъ постояннымъ операціоннымъ пунктомъ въ войнахъ Діофанта со Скиѳами (См. мои прим. къ псифисму ст. 23, прим. 10 въ XII т. Зап. Од. Общ.), то построенный въ землѣ Тавровъ Евпаторіонъ могъ служить какъ для защиты Херсониса отъ Скиѳовъ, такъ и для удержанія Тавровъ въ повиновеніи. Во всякомъ случаѣ это былъ незначительный городокъ, основанный Діофантомъ болѣе изъ лести къ Миѳрадату Евпатору и имѣвшій весьма непродолжительное существованіе, которое кончилось, по всей вѣроятности, вмѣстѣ съ паденіемъ Миѳрадата. Стра-

[1]) Доказательствомъ того, что авторъ, который дѣлаетъ отъ себя, какъ мы сейчасъ видѣли, нужныя ему прибавки въ текстѣ, не видитъ иногда того, что не говоритъ въ его пользу, можетъ послужить его ссылка на «Извлеченіе изъ всеподданѣйшаго отчета объ археологическихъ разысканіяхъ въ 1853 году», изъ котораго будто-бы видно, что гр. А. С. Уваровъ, послѣ раскопокъ въ Керменчикѣ не высказался въ пользу мнѣнія о нахожденіи Неаполиса въ этой мѣстности, тогда какъ въ упомянутомъ «Извлеченіи» повторено мнѣніе Бларамберга и прибавлено въ подтвержденіе, что тамъ четыре года назадъ найдены были двѣ ручки съ именемъ Неаполиса.

бонъ, жившій и писавшій около 20 года нашей эры, упоминаетъ о немъ, какъ о несуществующемъ: ἦν δὲ καὶ Εὐπατόριόν τι *былъ и какой-то Евпаторіонъ* (VII, 4, 7). Онъ-же (XII, 556) говоритъ, что городъ былъ оставленъ Миерадатомъ полуоконченный. Оттого можно удивляться удивленію г. Бурачкова, что «въ 1773 году, когда составлена была карта Инкермана штурманомъ Батуринымъ, то на ней обозначены не только стѣны и башни Инкерманской крѣпости, но строенія и мѣсто, которое было занято городомъ, и нанесены греческія церкви, какъ-то: соборъ Св. Георгія, Св. Димитрія, Св. Сергія и пр., но ни о какихъ надписяхъ или монетахъ, указывающихъ время постройки города въ донесеніи Батурина не упоминается (Головачевъ Исторія Севастополя. Спб. 1872 г., стр. 36—39)». «Намъ положительно извѣстно», прибавляетъ онъ, «что въ этой мѣстности не встрѣчается монетъ или надписей древняго періода, тогда какъ монеты римскія временъ императорскихъ попадаются довольно часто, и при устройствѣ проходящей здѣсь желѣзной дороги найденъ цѣлый кувшинъ съ серебряными монетами Домиціана и послѣдующихъ императоровъ до Коммода. Существованіе здѣсь римскаго поселенія во время ссылки Св. Климента подтверждается вещественными памятниками, но о нахожденіи въ Инкерманской крѣпости города, построеннаго Діофантомъ, никакихъ положительныхъ извѣстій не имѣется» и проч. Желательно было-бы, чтобы г. Бурачковъ убѣдилъ насъ, что отысканные имъ слѣды древнихъ сооруженій близъ Евпаторіи принадлежатъ Діофантовой Евпаторіи, и указалъ намъ монеты и надписи. Находимыя въ этой мѣстности керкинитскія и херсонисскія монеты доказываютъ скорѣе, что близъ Евпаторіи находился Керкинитъ (См. мои примѣч. къ псифисму Зап. Од. Общ. XII, стр. 29). Нѣкоторыя доказательства въ пользу этого мнѣнія приведены мною въ моихъ примѣчаніяхъ къ Діофантову псифисму и опровергаются г. Бурачковымъ въ разбираемой мною его статьѣ. Въ примѣчаніяхъ я между прочимъ замѣтилъ, что если близъ нынѣшней Евпаторіи не могъ находиться Діофантовъ Евпаторіонъ, то какому древнему городу принадлежатъ находимые въ этой мѣстности слѣды построекъ и монеты. Это побудило г. Бурачкова, какъ онъ говоритъ самъ, провѣрить на мѣстѣ прежнія предположенія свои о мѣстонахожденіи Керкинита у Бельоузкаго трактира, и онъ отправился въ Евпаторію и произвелъ пробныя раскопки на всемъ пространствѣ между карантиномъ и озеромъ Біюкъ-мойнакскимъ. Результаты его изслѣдованій показаны имъ въ упомянутой статьѣ. Имъ открыты на пространствѣ, ближайшемъ къ озеру, слѣды вала, окружающаго все это мѣсто, остатки какихъ-то укрѣпленій изъ камня въ формѣ буквы П, обращенной открытою стороною къ морю; въ двухъ изъ упомянутыхъ поселеній—признаки улицъ, на поверхности черепки и ушки отъ амфоръ, остатки отъ сосудовъ съ черною поливою, нѣсколько наконечниковъ отъ бронзовыхъ стрѣлъ, куски стекла и одного горлышка отъ амфоры съ надписью Βοτασιλου, наконецъ въ одной лощинѣ на гли-

нистой почвѣ, въ одномъ изъ мѣстъ, обложенныхъ въ видѣ кружковъ нѣсколькими камнями, на глубинѣ двухъ аршинъ, подъ четырьмя большими отесанными камнями — гробница, вырубленная въ материкѣ и обмазанная глиною, въ ней покойникъ, а при немъ въ ногахъ одно желѣзное стремя, два желѣзныхъ кольца отъ удилъ, двѣ костяныя пуговицы грубой работы и половина бронзовой дутой пуговки съ вытиснутыми на ней точками, на лѣвой сторонѣ—длинная сабля. Въ этой-же мѣстности находятся одинъ большой и два малые кургана. Какъ большой, такъ и ближайшія окрестности усѣяны остатками греческой посуды. На глубинѣ почти трехъ саженей найдены уголья, затѣмъ камни, а подъ ними покойникъ. Вещей никакихъ не найдено. По мнѣнію г. Бурачкова, здѣсь было кладбище, которое принадлежало первобытнымъ жителямъ Крыма, такъ какъ вблизи кургана на твердой глинистой почвѣ найдены два кремневыхъ наконечника отъ стрѣлъ самой грубой работы. Монетъ не найдено никакихъ, хотя извѣстно и самъ авторъ статьи говоритъ въ другомъ мѣстѣ о нахожденіи керкинитскихъ и херсонисскихъ монетъ преимущественно въ окрестностяхъ Евпаторіи (стр. 232), но это имъ объясняется тѣмъ, что здѣсь былъ укрѣпленный станъ Діофанта во время его войнъ со Скиѳами. Къ статьѣ приложенъ планъ мѣстности, снятый передъ начатіемъ раскопокъ. Эти результаты, доказывающіе, что въ этихъ мѣстахъ находилось поселеніе, имѣвшее продолжительное существованіе, а не эфемерный Евпаторіонъ, не могли, очевидно, измѣнить взгляда г. Бурачкова, хотя и не доказали ничего въ пользу его мнѣнія, и потому желательно было-бы предпринять въ этой мѣстности болѣе тщательныя разысканія, которыя, можетъ быть, поведутъ къ открытію новыхъ болѣе сильныхъ доказательствъ о существованіи здѣсь древняго Керкинита.

3) Въ 1826 году одинъ изъ старѣйшихъ нашихъ археологовъ И. А. Стемпковскій указалъ мѣстность близъ устья Тилигула (который, по его мнѣнію, тождественъ съ Аксіакомъ Плинія, Помпонія Мелы и Птолемея), полагая, что здѣсь надо искать древняго города Одиссоса или Ордиссоса (См. его Изслѣдованія мѣстоположенія древнихъ греч. поселеній на берегахъ Понта Евксинскаго между Тирасомъ и Борисѳеномъ. Спб. 1826). Позднѣйшія находки въ этой мѣстности оправдали, повидимому, его догадку. Въ 1836 году поселянами села Троицкаго, въ 45 верстахъ отъ Одессы, была открыта мраморная доска съ греческою надписью; въ 1839 — почти на томъ-же мѣстѣ другая, въ 1863 въ 5 верстахъ отъ названнаго села, на берегу небольшаго лимана Карабашскаго — третья. Первыя двѣ надписи объяснены Н. Н. Мурзакевичемъ и помѣщены въ I томѣ Зап. Од. Общ. стр. 277, послѣдняя объяснена мною въ V томѣ тѣхъ-же Записокъ, стр. 994. На мѣстѣ, гдѣ найдена была третья изъ означенныхъ надписей, были видны, по словамъ тогдашняго владѣльца села Троицкаго, маркиза А. Ф. Паулуччи, слѣды длинныхъ построекъ въ формѣ буквы Г изъ дикаго камня, разобранныхъ послѣ колонистами. Величина и расположеніе этихъ

построекъ подали мнѣ поводъ къ предположенію, что здѣсь находилось укрѣпленіе, но кѣмъ построенное, древнее-ли, или позднѣйшее, можетъ быть, турецкое? Я считалъ оное древнимъ и полагалъ, что въ этомъ мѣстѣ лежалъ скорѣе городъ Одиссосъ, потому что лиманъ Карабашскій отдѣляется отъ моря узкою пересыпью, тогда какъ Тилигульскій—широкими плавнями. Возвращаясь нынѣ опять къ этому вопросу, я думаю, что высказанное мною тогда мнѣніе было слишкомъ поспѣшно, такъ какъ не приняты были во вниманіе другія весьма важныя обстоятельства. Ни въ одномъ изъ указанныхъ мѣстъ не найдено ни монетъ, ни черепковъ отъ греческой посуды, ни по близости кургановъ. Сверхъ того, найденныя три надписи своею редакціею, числомъ упоминаемыхъ въ одной стратиговъ и именами гражданъ напоминаютъ извѣстныя намъ ольвійскія. По этой причинѣ можетъ весьма легко родиться подозрѣніе, не попали ли онѣ въ эту мѣстность изъ Ольвіи, въ особенности если предположить, что Турки имѣли здѣсь укрѣпленіе. Во всякомъ случаѣ, такъ какъ владѣльцы села Троицкаго не предпринимали до сихъ поръ, сколько мнѣ извѣстно, никакихъ разысканій, то обозрѣніе мѣстности и пробныя раскопки, съ согласія теперешняго владѣльца, могутъ повести, какъ мнѣ кажется, къ разъясненію высказаннаго мною сомнѣнія.

4) Въ примѣчаніяхъ моихъ къ Уставу, изданному въ 1449 г. въ Генуѣ для генуэзскихъ колоній въ Черномъ морѣ (См. Зап. Од. Общ. Ист. и Др. V, стр. 835, прим. 150), я привелъ изъ сочиненія Канале (Della Crimea, II, стр. 449) любопытный документъ, подающій поводъ къ сомнѣнію, находилась-ли средневѣковая Тана на мѣстѣ нынѣшняго Азова. Это протоколъ венеціанскаго совѣта 1340 года, 16 марта, въ которомъ постановляется, вслѣдствіе возникшихъ столкновеній между венеціанцами и генуэзцами по смерти хана Узбека, поручить венеціанскому консулу въ Танѣ переговорить со своими соотечественниками, живущими въ этомъ городѣ, составивши совѣтъ изъ 12 купцовъ, и заставить венеціанъ переселиться на жительство въ другое мѣсто, которое указано въ упомянутомъ протоколѣ: лѣвая сторона улицы, называемой Базаромъ, до Св. Франциска, начиная отъ морскаго берега до того мѣста, гдѣ оканчивается море. «Che i mercanti e fideli Veneti della Tana abbiano ad abitare del lato sinistro della strada che si dice il Bazar sino a San Francesco, venendo della marina sino al termine del mare». Очевидно, что здѣсь идетъ рѣчь о переселеніи венеціанъ въ другую часть того-же самаго города, какъ слѣдуетъ заключить изъ указанія Базарной улицы и церкви Св. Франциска. Если Тана и Азовъ тождественны, то какъ объяснить, почему въ венеціанскомъ протоколѣ говорится о Танѣ, какъ о городѣ, лежащемъ на берегу моря, тогда какъ Азовъ отстоитъ отъ моря на 16 верстъ. Нельзя предположить, чтобы венеціанскій совѣтъ, назначая новое мѣсто для своей факторіи, не имѣлъ плана города и точныхъ о немъ свѣдѣній отъ своего консула или отъ купцовъ, торговав-

шихъ въ Танѣ, и чтобы сдѣлалъ такую грубую ошибку. Между тѣмъ позднѣйшія свидѣтельства говорятъ, повидимому, ясно, что Тана находилась на мѣстѣ позднѣйшаго Азова или Азака. По Шильтбергеру (Изд. Неумапна, 106), Азакъ у христіанъ назывался Alathena, т. е. alla Tana. Діаконъ Игнатій, путешествовавшій съ митрополитомъ Пименомъ, пишетъ, что въ Азовѣ жили Фрязове и Нѣмцы. «Въ канунъ Вознесеньева дни приспѣхомъ пловуще до моря, града Азова. Тогда-же бо въ Азовѣ живуще Фрязове и Нѣмцы». — Далѣе: «и отступихомъ въ море и бысть въ полунощи кораблю стоящу на якорѣхъ, и догнаше насъ Фрязове въ сандальцѣхъ»... (Карамз. т. V гл. 1 прим. 133). Въ томъ-же самомъ убѣждаетъ свидѣтельство турецкаго туриста Эвлія Эфенди, который, описывая какъ очевидецъ осаду этой крѣпости Турками въ 1641 году, говоритъ, что когда Турки открыли пушечный огонь, то, хотя рушились городскіе дома, стѣны города, крѣпко построенныя генуэзцами, все еще держались. У того-же Эвлія говорится, что Турки, перестраивая укрѣпленія по занятіи крѣпости, оставленной казаками, построили въ теченіи мѣсяца двѣ башни, превосходившія твердостію прежнія генуэзскія. Наконецъ, по словамъ очевидца вице-адмирала Крюйса, еще въ концѣ XVII столѣтія можно было видѣть на воротахъ и стѣнахъ церквей генуэзскія надписи (Samml. russ. Gesch. II, 85).

Профессоръ Брунъ, приводя означенныя свидѣтельства по поводу упомянутаго выше примѣчанія моего къ уставу (См. Черноморье ч. 1, стр. 207), считалъ, кажется, вопросъ рѣшеннымъ, такъ какъ онъ замѣчаетъ, что отсутствіе слѣдовъ этихъ башенъ и другихъ памятниковъ въ Азовѣ не можетъ служить подпорою моего мнѣнія, потому что подобные слѣды не были найдены ни въ какой другой мѣстности въ дальнѣйшемъ или ближайшемъ разстояніи. «Притомъ-же», прибавляетъ онъ, «нигдѣ итальянскій городъ не подвергался-бы до такой степени разрушенію, какъ въ этомъ самомъ Азовѣ, неоднократно разоряемомъ и вновь выстроенномъ и два раза даже систематически срытомъ, подобно Люксембургу». Говоря эти послѣднія слова, заслуженный нашъ профессоръ противорѣчитъ самому себѣ, называя сейчасъ-же затѣмъ вице-адмирала Крюйса, видѣвшаго генуэзскія надписи на воротахъ и стѣнахъ церквей въ концѣ XVII столѣтія, добросовѣстнымъ и свѣдущимъ.

Въ заключеніе-же всего сказаннаго онъ говоритъ, что если, подобно башнямъ генуэзцевъ, укрѣпленная контора ихъ соперниковъ, т. е. венеціанъ, находилась въ нынѣшнемъ Азовѣ, то и должно думать, что проэктъ венеціанскаго сената, касательно переселенія оной на берегъ моря никогда не былъ приведенъ въ исполненіе; и дѣйствительно, море и морской берегъ не упоминаются при обозначеніи мѣстности, уступленной венеціанцамъ ханомъ Джанибекомъ два года спустя, т. е. 1342 года (тамъ-же, стр. 209). Это совершенно справедливо, такъ какъ мы имѣемъ и другія позднѣйшія извѣстія о томъ, что кварталъ венеціанскій находился на берегу рѣки; но, не смотря на то, Брунъ,

приводя всѣ эти доказательства, не выяснилъ того, что слѣдовало выяснить, т. е. упомянутаго мною венеціанскаго документа. Говоря о неосуществившемся проэктѣ переселенія венеціанъ на берегъ моря, онъ забылъ, что въ этомъ-же проэктѣ имъ назначается мѣстность уже застроенная, такъ какъ въ немъ говорится объ улицѣ, называемой Базаромъ, и церкви Св. Франциска.

Гдѣ-же находилась эта мѣстность? Составляла-ли она отдаленное предмѣстіе Таны, если мы должны искать этого города въ Азовѣ; или Тана находилась въ другомъ мѣстѣ, и Итальянцы переселились въ Азакъ, или Азовъ, послѣ разрушенія ихъ города въ 1395 г. Тамерланомъ? Послѣднее можно-бы заключить изъ извѣстія, записаннаго лѣтописцемъ Андреемъ де-Редузіисъ де-Кверо, по словамъ котораго въ то время, когда приближался Тамерланъ, жили въ Танѣ купцы венеціанскіе, генуэзскіе, каталанскіе, бискайскіе и другіе, отъ которыхъ были высланы къ хану ораторы, по одному отъ каждой націи, въ числѣ ихъ—венеціанецъ Петръ Міани. Такъ какъ посольство должно было переправиться черезъ Донъ, отправляясь на встрѣчу Тамерлану, шедшему съ юга, то Тана должна была лежать на сѣверномъ, т. е. правомъ берегу одного изъ рукавовъ Дона. По Леонтьеву, который приводитъ это свидѣтельство (См. Извл. изъ всеподд. отчета объ археол. разыск. за 1853 г. стр. 106), она должна была находиться или на правомъ берегу лѣваго рукава, въ окрестностяхъ Елисаветовской станицы, или на правомъ берегу праваго рукава Мертваго Донца. Такому предположенію не мѣшаетъ извѣстіе у Барбаро (Viaggi fatti da Vinetia alla Tana, 1436—1452), что онъ, отправляясь изъ Таны для того, чтобы слѣдовать за татарскимъ войскомъ въ походѣ его на Россію зимою 1438 г., долженъ былъ переѣхать по льду три рукава Дона, изъ чего вывели заключеніе (См. мои примѣч. къ уставу Зап. Общ. стр. 836), что Тана лежала по той-же сторонѣ Дона, на которой находится Азовъ, ибо здѣсь идетъ рѣчь о позднѣйшей Танѣ. Сюда принадлежитъ еще свидѣтельство Шардена (Chardin. Voyage en Perse, ed. Aldin 1545; Langlois Paris, 1811), по которому находилась нѣкогда крѣпость въ шести верстахъ отъ плавней, по имени Тана; теперь она разрушена. но это не Азакъ, какъ думаютъ нѣкоторые, такъ какъ онъ удаленъ отъ нея на 15 льё (30 верстъ). По мнѣнію Бруна, Шарденъ назвалъ ошибочно именемъ венеціанской колоніи одинъ изъ древнихъ Танаисовъ (Черном. 1, 137). Объясненіемъ показаннаго мною венеціанскаго документа служатъ древнія итальянскія карты Чернаго моря, на которыхъ Тана обозначена лежащею не при рѣкѣ, по лѣвой ея сторонѣ, въ извѣстномъ разстояніи, т. е. въ 16 верстахъ отъ ея впаденія въ море, гдѣ лежитъ Азовъ, но въ самомъ устьѣ Дона. Такъ на картѣ Весконта 1318 года она показана въ самомъ морѣ, въ устьѣ рѣки. На картѣ Серрипетори 1351 г.—также близъ устья, съ надписью на правой сторонѣ рѣки. На анонимной картѣ, которую Брунъ относитъ къ началу XVI столѣтія (См. Notice sur la Société Odessoise d'histoire et d'antiquités, 1875 г.) она показана

въ самомъ устьѣ съ надписью по правой сторонѣ рѣки, изъ чего слѣдуетъ заключить, что карта древнѣе или скопирована съ одной изъ древнихъ. На другой анонимной — городъ также въ морѣ, съ надписью по правой сторонѣ рѣки. На Каталанской 1375 г.—въ морѣ, въ самомъ устьѣ. Даже на картѣ Бенинказы 1467 г., очевидно, скопированной съ древнѣйшихъ, городъ въ морѣ, и надпись съ правой стороны. Какъ-бы то ни было, вопросъ о Танѣ не можетъ считаться окончательно рѣшеннымъ, и изслѣдованіе мѣстности близъ устья Дона не было-бы излишнимъ. Такимъ образомъ осуществилась-бы мысль самаго Бруна, который въ 1853 году, опровергая мнѣніе Карамзина, Языкова, Арцыбышева и д'Авезака, принимавшихъ городъ Орну, упомянутый Плано-Карпини, за одно съ Азакомъ, или Азовомъ, говоритъ о слѣдахъ прежнихъ жилищъ въ Донскихъ плавняхъ, и, хотя ихъ считаетъ принадлежащими небольшой турецкой крѣпости Лютикъ на островѣ того-же имени, но высказываетъ мысль, что такъ какъ неизвѣстно, удастся-ли ему посѣтить эти мѣста, то его замѣчанія, можетъ быть, побудятъ другихъ, имѣющихъ болѣе къ тому способовъ, къ окончательному рѣшенію немаловажнаго для географіи здѣшняго края вопроса (См. его примѣчанія къ путешествіямъ Гильбера де-Ланнца, 1399 –1450, въ Зап. Од. Общ. Ист. и Древн. т. III, стр. 462).

В. Юргевичъ.

16-го Августа 1884 г.

О Каллипидахъ у Иродота (IV, 17).

П. И. Люперсольскаго.

Мы поставили себѣ задачею уяснить, что такое разумѣетъ Продотъ подъ выраженіемъ: *скивы-эллины* (ἐόντες Ἕλληνες Σκύθαι), выраженіемъ, которое употреблено Продотомъ относительно Каллипидовъ. Прежде всего займемся разборомъ мнѣнія объ этомъ Августа Бёкка, которое можно назвать общепринятымъ. Бёккъ высказалъ свой взглядъ на этотъ предметъ въ комментаріи къ извѣстной надписи въ честь Протогена, помѣщенной имъ въ C. I. G. n°. 2058. B (t. II. p. 81. Introductio). Скивы-эллины, говоритъ Бёккъ, тоже, что Μιξέλληνες этой надписи, смѣсь (hybridae) эллиновъ и варваровъ, подобно (similes) Гелонамъ въ землѣ Будиновъ, о которыхъ Продотъ говоритъ IV, 108. На нашъ взглядъ, у Иродота IV, 17, IV, 108 и въ надписи Протогена C. I. G. n°. 2058 B говорится о трехъ совершенно различныхъ предметахъ. Къ такому взгляду привелъ насъ подробный разборъ всѣхъ этихъ трехъ мѣстъ. 1) Гелоны — это чистое греческое племя, безъ всякой примѣси варваровъ, поселившееся въ глубинѣ скиѳской земли; въ словахъ Иродота не только нѣтъ ни малѣйшаго намека на то, что Гелоны составляли собою смѣсь изъ эллиновъ и варваровъ, напротивъ, онъ съ особенною силою старается выставить на видъ противоположность Гелоновъ, какъ эллиновъ, Будинамъ-скиѳамъ. Черты этнографическаго отличія ихъ онъ указываетъ въ ихъ языкѣ, религіи, бытѣ и особенно во внѣшнемъ видѣ. 2) Терминъ Μιξέλληνες означаетъ, конечно, не что иное, какъ помѣсь (hybridae) изъ эллиновъ и варваровъ, какъ это совершенно правильно изъясняетъ Бёккъ: qui ex Graecis et Scythis coaluerunt hybridae. Но сдѣлаемъ на сей счетъ два замѣчанія: а) Μιξέλληνες не означаетъ помѣси эллиновъ — непремѣнно со скиѳами, а вообще съ варварами, какими-бы то ни было; б) слѣдуетъ, по нашему мнѣнію, принять въ разсчетъ разницу эпохъ, къ какимъ относятся декретъ Ольвіополитянъ въ честь Протогена — съ одной стороны и извѣстія Иродота о Скиѳіи — съ другой. Надпись въ честь Протогена, относимая Нибуромъ ко времени Аннибаловской войны, а самимъ Бёккомъ ко 2-му или даже 1-му столѣтію до Р. Х., указываетъ разсматриваемымъ терминомъ (Μιξέλληνες) на явленіе новое, позднѣй-

шее, на смѣшеніе эллинскаго міра съ варварскимъ, наступившее со времени Александра Великаго. Совсѣмъ иное дѣло эпоха Иродота: тогда эллинскій и варварскій міры стояли въ рѣзкой между собою противоположности. Поэтому считаемъ рискованнымъ приравнивать явленіе, указываемое Ольвіопольскимъ документомъ, къ тому явленію, на которое указываетъ Иродотъ выраженіемъ Ἕλληνες Σκύθαι. 3) Устраняя, какъ несостоятельное, мнѣніе, предложенное Колстеромъ (въ Jahrbücher f. Philol. u. Paedag.), что *эллины-скивы* Иродота означаютъ эллиновъ, выродившихся въ скиѳовъ, мы придерживаемся взгляда, прямо этому противоположнаго, т. е. что Иродотъ подъ этимъ выраженіемъ разумѣетъ скиѳовъ, усвоившихъ себѣ эллинскую образованность. Параллельнымъ съ этимъ мѣстомъ Иродота можно считать мѣсто I, 57, гдѣ историкъ говоритъ о перерожденіи въ эллиновъ обитателей Аттики, которые, по его словамъ, были пеласгами. Это перерожденіе аттическихъ пеласговъ въ эллиновъ Иродотъ обозначаетъ выраженіемъ: μεταβολὴ ἐς Ἕλληνας (превращеніе въ эллиновъ). Для такого выраженія представляются равнозначущими слѣд. перифразы: μεταβληθέντες ἐς Ἕλληνας, γενόμενοι Ἕλληνες. Въ такой же точно связи рѣчи, въ какой Иродотъ говоритъ о Каллиппидахъ, онъ выразился-бы, по нашему мнѣнію и объ аттическихъ пеласгахъ такъ: οἱ Ἀττικοὶ, ἐόντες Ἕλληνες Πελασγοί.

Итакъ, въ разбираемомъ мѣстѣ Иродота о Каллиппидахъ мы читаемъ извѣстіе о вліяніи греческой образованности на скиѳскія племена. Вліяніе это, по свидѣтельству того-же Иродота (IV, 76), было тогда еще очень слабымъ и встрѣчало противодѣйствіе себѣ въ отвращеніи скиѳовъ къ чуждымъ обычаямъ. Двумъ знатнымъ скиѳамъ, Анахарсису и Скилису, любовь къ греческому образованію и приверженность къ эллинизму стоили — одному жизни, другому — царства и жизни. Однако вліяніе эллинизма на скиѳовъ все-таки было. Такому вліянію податливѣе другихъ оказалось скиѳское племя, жившее въ непосредственномъ сосѣдствѣ въ Борисѳенитами. Кромѣ сосѣдства съ цвѣтущей греческой колоніей и постоянныхъ сношеній съ нею, данъ былъ этому скиѳскому племени еще и другой толчокъ къ эллинизаціи. Указаніе тому находимъ въ самомъ имени Каллиппидовъ. Это чисто греческое имя скиѳскаго племени можно считать аналогичнымъ съ наименованіями знатныхъ греческихъ фамилій, каковы Врахиды, Алевады, Скопады, и объяснять его тѣмъ, что, быть можетъ, дѣйствительно какой-либо знатный греческій родъ поселился среди скиѳскаго племени, породнившись съ знатнымъ также скиѳскимъ родомъ въ этомъ племени, пріобрѣлъ вліяніе и власть надъ симъ послѣднимъ и далъ ему свое имя.

П. Люперсольскій.

Сообщеніе о ходѣ работъ по изданію общаго сборника греческихъ и латинскихъ надписей сѣвернаго побережья Чернаго моря.

В. В. Латышева.

Мм. Гг.

Между вещественными памятниками, сохранившимися въ нѣдрахъ земли въ тѣхъ мѣстностяхъ на сѣверномъ побережьѣ Чернаго моря, гдѣ въ давно минувшіе вѣка процвѣтали эллинскія поселенія, безспорно первое мѣсто по важности для изученія разныхъ сторонъ жизни этихъ поселеній занимаютъ *памятники эпиграфическіе*. Громадное ихъ значеніе для историко-филологической науки сознано уже давно, хотя лишь въ нашемъ вѣкѣ на нихъ обращено вполнѣ серьезное вниманіе и ихъ изученіе поставлено на строго-научную почву. Пока сѣверное Черноморское побережье находилось подъ игомъ турецкой власти, объ археологическомъ его изученіи, понятно, не могло быть и рѣчи; но послѣ того, какъ оно вошло въ составъ Россійскаго государства и сдѣлалось доступно мирнымъ дѣятелямъ на поприщѣ той или другой науки, стали мало по малу открываться и археологическія сокровища, хранившіяся въ нѣдрахъ его земли. Еще въ концѣ прошлаго вѣка и въ самомъ началѣ нынѣшняго путешественники по южной Россіи, хотя и не будучи археологами-спеціалистами, обращали между прочимъ вниманіе и на эпиграфическіе памятники, списывали и издавали ихъ въ описаніяхъ своихъ путешествій или спеціальныхъ трудахъ. Наша наука можетъ съ признательностью вспомнить имена академика *Палласа*, *Вакселя*, *Клэрка*, г-жи *Гётри* и др. лицъ, которымъ она обязана обнародованіемъ первыхъ памятниковъ древняго искусства и письменности въ Новороссійскомъ краѣ и пробужденіемъ къ нимъ интереса. Наибольшее вниманіе въ этомъ отношеніи привлекали къ себѣ, само собою разумѣется, тѣ мѣстности этого края, въ которыхъ нѣкогда находились важнѣйшія изъ эллинскихъ поселеній: Тира, Ольвія, Херсонисъ Таврическій, Пантикапей, Фанагорія и др. Изученіе этихъ мѣстностей особенно оживилось въ 10-хъ и 20-хъ годахъ нашего вѣка, когда археологическими изслѣдованіями въ южной Россіи усердно и ревностно занимался цѣлый рядъ спеціалистовъ или просвѣщенныхъ любителей старины. Имена *Кёлера, Кеппена, Стемпковскаго, Бларамберга, Дебрюкса, Рауль-Ро-*

шетта, Дюбуа-де-Монперё останутся незабвенными въ лѣтописяхъ историко-археологическаго изученія сѣвернаго Черноморскаго побережья. Благодаря ихъ трудамъ, которымъ съ своей стороны много содѣйствовали просвѣщенные правители края, административные въ немъ дѣятели и владѣльцы мѣстностей, въ которыхъ нѣкогда находились эллинскія поселенія (припомнимъ имена князя *Воронцова*, графовъ *Безбородко* и *Потоцкихъ*), значительное количество эпиграфическихъ памятниковъ было открыто, списано и сдѣлано доступнымъ ученому міру въ разныхъ сочиненіяхъ, сборникахъ и повременныхъ изданіяхъ; въ числѣ послѣднихъ первое мѣсто занимаетъ «Одесскій Вѣстникъ», съ самаго своего основанія гостепріимно открывавшій свои страницы изслѣдователямъ мѣстной старины для ознакомленія читающей публики съ археологическими новинками. Такимъ образомъ, когда знаменитый Августъ *Бёкъ* приступилъ къ собранію эпиграфическихъ памятниковъ Черноморья для своего капитальнаго труда (Corpus inscriptionum Graecarum), ихъ количество дошло уже до сотни (кромѣ надписей керамическихъ, которыхъ у Бёка очень немного сравнительно съ громадной ихъ массой, извѣстной въ настоящее время), да кромѣ того въ «Прибавленіяхъ» ко 2-му тому помѣщено до 40 надписей, сдѣлавшихся извѣстными издателю уже во время печатанія этого тома. Наибольшее количество памятниковъ доставили Ольвія и Воспорское царство, значительно меньшее—Херсонисъ; изъ Тиры и ея окрестностей въ собраніи Бёка есть только одна небольшая и плохо списанная надпись, заимствованная изъ сборника Вакселя. Вамъ извѣстны, Мм. Гг., многочисленныя и разностороннія достоинства классическаго труда Бёка, но не разъ, конечно, приходилось сожалѣть и объ одномъ изъ важныхъ его недостатковъ, именно о томъ, что самъ издатель не списывалъ вновь надписей—что впрочемъ было-бы и невозможно для одного человѣка,—а помѣщалъ въ своемъ трудѣ такія ихъ копіи, какія существовали въ прежнихъ изданіяхъ или были ему доставляемы его учениками и знакомыми; многія изъ нихъ, какъ оказывалось впослѣдствіи, были неполны или неудовлетворительны и тѣмъ давали иногда издателю поводъ къ толкованіямъ, оказывавшимся невѣрными; нерѣдко, впрочемъ, обширная эрудиція и критическій талантъ геніальнаго ученаго подсказывали ему такія объясненія и поправки, которыя впослѣдствіи совершенно оправдывались. Отъ указанныхъ недостатковъ не свободны и многія изъ помѣщенныхъ въ трудѣ Бёка копій надписей сѣвернаго Черноморскаго побережья. Между тѣмъ не прекращалась здѣсь археологическая дѣятельность, центромъ которой всегда была и остается Одесса. На смѣну прежнимъ заслуженнымъ дѣятелямъ выступали новые, съ свѣжими силами, обогащенные плодами трудовъ своихъ предшественниковъ и ведшіе эти труды все далѣе и далѣе. Въ 1839 г. было основано Одесское Общество Исторіи и Древностей, сконцентрировавшее дѣятельность мѣстныхъ археологовъ и историковъ и оказавшее неоцѣнимыя услуги въ дѣлѣ изученія древностей края. Вновь от-

крываемые то случайно, то при спеціальныхъ изслѣдованіяхъ и раскопкахъ эпиграфическіе памятники находили себѣ между членами Общества компетентныхъ толкователей, а въ его «Запискахъ»—удобное мѣсто изданія. Изъ 13-ти томовъ «Записокъ» нѣтъ, кажется, ни одного, который-бы не заключалъ въ себѣ бо́льшаго или меньшаго количества цѣнныхъ находокъ въ изданіяхъ и съ толкованіями членовъ Общества, изъ числа которыхъ наибольшее право на благодарность со стороны новыхъ научныхъ дѣятелей за свои труды и заслуги имѣютъ Н. Н. *Мурзакевичъ*, П. В. *Беккеръ*, Ф. К. *Брунъ*, Ѳ. А. *Струве* и въ особенности нынѣшній достоуважаемый Вице-президентъ Общества, профессоръ В. Н. *Юргевичъ*, который вотъ уже четверть вѣка не перестаетъ неутомимо знакомить всѣхъ интересующихся съ вновь открываемыми эпиграфическими сокровищами Черноморья. Памятники Воспорскаго царства, которыхъ сравнительно очень немного издано въ «Запискахъ», дѣлались извѣстными ученому міру другими путями. Въ 1848 г. бывшій Директоръ Керченскаго музея А. Б. *Ашикъ* издалъ свое «Воспорское царство», къ которому, при всѣхъ его недостаткахъ, до сихъ поръ приходится нерѣдко обращаться изслѣдователю, такъ какъ въ немъ отчасти перепечатаны изъ труда Бёка и другихъ изданій, отчасти вновь опубликованы многіе интересные эпиграфическіе документы. Въ 50-хъ годахъ почти всѣ бывшіе до того времени въ Керченскомъ музеѣ памятники были перевезены въ С.-Петербургскій Эрмитажъ и изданы хранителемъ его древностей, академикомъ Л. Э. *Стефани*, по своимъ новымъ коніямъ въ роскошномъ изданіи «Древностей Воспора Киммерійскаго». Въ это изданіе вошли между прочимъ и тѣ надписи, которыя были открыты покойнымъ П. М. *Леонтьевымъ* на мѣстѣ древней Танаиды (близъ нынѣшней Недвиговки) при раскопкахъ, произведенныхъ имъ тамъ въ 1853 г., благодаря, просвѣщенному содѣйствію тогдашняго министра внутреннихъ дѣлъ, графа Л. А. Перовскаго. Затѣмъ, съ открытія дѣйствій Императорской Археологической Коммиссіи, въ ея ежегодныхъ «Отчетахъ», начиная съ 1859 г. и до послѣдняго времени, вновь находимые Воспорскіе памятники постоянно издавались и объяснялись тѣмъ-же достопочтеннымъ Академикомъ. Но указанными сейчасъ трудами конечно не ограничивается число изданій, въ которыхъ можно найти эпиграфическіе памятники Черноморья: значительное количество ихъ разсѣяно по отдѣльнымъ ученымъ трудамъ (въ видѣ примѣра укажемъ на «Изслѣдованія о древностяхъ южной Россіи и береговъ Чернаго моря» графа А. С. *Уварова*), сборникамъ и періодическимъ изданіямъ какъ русскимъ, такъ и иностраннымъ, причемъ въ числѣ послѣднихъ есть такіе, которые лишь немногимъ доступны въ Россіи, особенно въ провинціи, какъ напр. Bullettino di corrispondenza archeologica Римскаго Археологическаго Института, сборникъ Константинопольскаго Филологическаго Общества (ὁ ἐν Κωνσταντινουπόλει Ἑλληνικὸς Φιλολογικὸς Σύλλογος), Ancient greek inscriptions in the British Museum Ньютона и т. п.

Изъ этого краткаго очерка Вы видите, Мм. Гг., что заниматься изученіемъ эпиграфическихъ памятниковъ сѣвернаго Черноморскаго побережья—дѣло чрезвычайно трудное: они разбросаны во множествѣ разноязычныхъ изданій, ознакомленіе съ которыми, особенно для лицъ, живущихъ внѣ большихъ умственныхъ центровъ съ хорошими спеціальными библіотеками, сопряжено съ огромными трудами, хлопотами и издержками, тѣмъ болѣе, что иногда надписи попадаются и въ такихъ трудахъ, въ которыхъ трудно было-бы и ожидать встрѣтить ихъ, такъ что необходимо быть хорошо оріентированнымъ въ историко-филологической литературѣ русской и иностранной и всегда стоять au courant ея; случается нерѣдко, что одна и та-же надпись издается нѣсколько разъ по разнымъ независимымъ одна отъ другой копіямъ и въ случаѣ ихъ разногласія изслѣдователь не знаетъ, которой изъ нихъ отдать предпочтеніе [1]); далѣе многія изъ надписей, изданныхъ въ Россіи, за неимѣніемъ въ нашихъ типографіяхъ такъ называемыхъ эпиграфическихъ шрифтовъ, напечатаны обыкновенными печатными majusculis, не передающими формы буквъ, знаніе которыхъ весьма важно для опредѣленія (хотя-бы приблизительнаго) времени памятника, и вслѣдствіе этого время такихъ памятниковъ, въ которыхъ нѣтъ прочныхъ хронологическихъ данныхъ, часто опредѣляется невѣрно, а иногда изслѣдователь поставленъ и въ совершенную невозможность опредѣлить его; еще замѣтимъ, что не вполнѣ достаточное знакомство издателей того или другаго памятника со всѣмъ наличнымъ эпиграфическимъ матеріаломъ — впрочемъ и невозможное по его разбросанности—нерѣдко вызывало и вызываетъ невѣрныя или поверхностныя толкованія и такимъ образомъ приноситъ существенный вредъ. Всѣ эти обстоятельства очень тормозили прогрессъ изученія жизни эллинскихъ поселеній Черноморскаго края—такъ какъ надписи являются однимъ изъ важнѣйшихъ видовъ источниковъ для этого изученія—и вызвали давно уже сознанную настоятельную потребность собрать всѣ существующіе эпиграфическіе памятники сѣвернаго побережья Чернаго моря въ одномъ общемъ сборникѣ, который-бы могъ удовлетворять современнымъ научнымъ требованіямъ. Такую задачу взяло на себя Императорское Русское Археологическое Общество по предложенію одного изъ своихъ членовъ, *А. Я. Гаркави*. Въ концѣ 70-хъ годовъ оно поручило двумъ своимъ членамъ, профессорамъ *И. В. Помяловскому* и *Ѳ. Ѳ. Соколову*, заняться собираніемъ матеріаловъ для такого изданія, и это дѣло было уже начато, когда въ 1882 г. Общество по предложенію Ѳ. Ѳ. Соколова удостоило меня приглашеніемъ принять на себя всѣ работы по изданію

[1]) Въ видѣ примѣра укажемъ на интересный Ольвійскій декретъ въ честь Карзоаза, который въ періодѣ времени отъ 1876 по 1882 годъ былъ изданъ четыре раза (гг. Генценомъ, Юргевичемъ, Уссингомъ и Суручаномъ; по изданію Уссинга перепечатанъ еще во французскомъ журналѣ Revue de philologie) по разнымъ спискамъ.

предположеннаго имъ сборника, вмѣняя при этомъ въ обязанность вновь списать или по крайней мѣрѣ сличить изданныя копіи всѣхъ памятниковъ, какіе окажутся существующими по настоящее время и къ какимъ будетъ возможенъ доступъ. Послѣднее условіе, хотя конечно самое трудное, было положительно необходимо въ виду завѣдомой неудовлетворительности нѣкоторыхъ изъ существующихъ копій. Предложеніе Общества было настолько почетно для меня, въ немъ выразилось такое лестное мнѣніе о моихъ первыхъ трудахъ по греческой эпиграфикѣ, а съ другой стороны я самъ настолько былъ убѣжденъ въ настоятельной необходимости и научной важности подобнаго изданія, что счелъ себя не въ правѣ отказаться. Я ясно представлялъ себѣ всѣ трудности такой работы, боялся, что онѣ превысятъ мои слабыя силы, но въ то-же время чувствовалъ себя нѣсколько подготовленнымъ къ такому труду и теоретически и практически, такъ какъ во время двухлѣтняго пребыванія въ Элладѣ (1880—82) посвящалъ свое вниманіе преимущественно занятіямъ эпиграфическимъ: вслѣдствіе этого я считалъ для себя возможнымъ надѣяться, что при живомъ интересѣ къ дѣлу оправдаю хотя малую долю тѣхъ надеждъ, которыя возлагало на меня Общество, поручая мнѣ это изданіе. Вице-предсѣдатель Общества, Г. Министръ народнаго просвѣщенія И. Д. Деляновъ соизволилъ по ходатайству Общества командировать меня на одинъ годъ въ южныя губерніи Россіи для работъ по списыванію и сличенію копій памятниковъ, хранящихся въ мѣстныхъ музеяхъ; такимъ образомъ, благодаря просвѣщенному содѣйствію Его Высокопревосходительства къ предпріятію Общества, я имѣлъ возможность почти всецѣло посвятить этотъ годъ возложенному на меня труду, не будучи отвлекаемъ служебными занятіями. Коммиссія, составленная изъ членовъ Общества, И. В. Помяловскаго, Ѳ. Ѳ. Соколова и меня, выработала общій планъ изданія и такимъ образомъ заранѣе предначертала ходъ моихъ занятій.

По этому плану въ сборникъ должны войти всѣ древнія (до Византійскаго періода) греческія и латинскія надписи всего сѣвернаго побережья Чернаго моря отъ Дуная до Воспорскаго царства включительно. Надписи Кавказскія исключены изъ предположеннаго сборника, такъ какъ онѣ лишь недавно собраны воедино въ извѣстномъ трудѣ профессора И. В. Помяловскаго [1]); только надписи, найденныя въ Анапѣ, будутъ повторены въ будущемъ сборникѣ, какъ относящіяся къ Воспорскому царству. Далѣе, въ сборникъ не войдутъ легенды на монетахъ [2]) и такія надписи на вазахъ, которыя имѣютъ непосредственное

[1]) Сборникъ греческихъ и латинскихъ надписей Кавказа, составленный для V Археологическаго съѣзда въ Тифлисѣ. С.-Петербургъ 1881 г.

[2]) По нумизматикѣ эллинскихъ поселеній сѣвернаго Черноморья уже есть нѣсколько цѣнныхъ изданій. Еще недавно этотъ отдѣлъ науки обогатился прекраснымъ трудомъ *И. О. Бурачкова*, посвященнымъ нашему Съѣзду и носящимъ заглавіе: «Общій каталогъ монетъ, принадлежащихъ эллинскимъ колоніямъ, существовавшимъ въ древности на сѣверномъ берегу Чернаго моря, въ предѣлахъ нынѣшней южной Россіи».

отношеніе къ сюжетамъ рисунковъ и поэтому не могутъ быть изданы отдѣльно отъ нихъ. Все изданіе предположено раздѣлить на три части, изъ которыхъ первая будетъ заключать въ себѣ лапидарные памятники Тиры, Ольвіи, Херсониса и другихъ мѣстностей отъ Дуная до Воспорскаго царства, вторая—исключительно памятники Воспорскаго царства, третья—надписи керамическія (т. е. на амфорахъ и ихъ ручкахъ, другихъ глиняныхъ сосудахъ, черепицахъ, кирпичахъ и пр.) и надписи на металлическихъ и др. вещахъ. При первой и второй частяхъ будутъ прибавлены въ appendices такія надписи изъ разныхъ областей извѣстнаго древняго міра, которыя имѣютъ какое-либо отношеніе къ сѣверному Черноморскому побережью. За образецъ при обработкѣ матеріала приняты существующіе въ западной литературѣ новые труды подобнаго же содержанія—Corpus inscriptionum Atticarum и Corpus inscr. Latinarum: главное вниманіе должно быть обращено на точность копій, которыя въ печати должны быть переданы эпиграфическимъ шрифтомъ, съ соблюденіемъ всѣхъ особенностей начертаній буквъ, насколько это возможно по типографскимъ условіямъ (нѣкоторые памятники, наиболѣе интересные въ палеографическомъ отношеніи, будутъ воспроизведены литографіей); тексты не вполнѣ сохранившихся памятниковъ при ихъ транскрипціи должны быть возстановлены по мѣрѣ возможности; при объясненіи памятниковъ слѣдуетъ ограничиваться краткимъ изложеніемъ существенно-необходимаго для ихъ пониманія (особенно желательно возможно точное опредѣленіе времени каждаго изъ нихъ), но не вдаваться въ подробности относительно болѣе общихъ вопросовъ, которые могутъ возникнуть по поводу того или другаго документа, но не имѣть ближайшаго, непосредственнаго отношенія къ ихъ объясненію.

Я началъ мои работы осенью 1882 г., само собою разумѣется, съ ознакомленія съ обширной литературой южно-русской эпиграфики и съ предварительныхъ изысканій (какія возможно было сдѣлать) относительно того, какіе памятники сохранились по настоящее время и гдѣ они должны находиться. При этомъ не могу не упомянуть съ чувствомъ глубокой благодарности о значительной помощи, которую мнѣ оказали матеріалы, уже собранные И. В. Помяловскимъ и любезно предоставленные имъ въ мое распоряженіе. Въ началѣ 1883 г. я приступилъ къ работамъ по списыванію и сличенію самыхъ памятниковъ, начавъ съ хранящихся въ Петербургѣ въ Императорской публичной библіотекѣ, которой было подарено въ 1880 г. графинею Мусиною-Пушкиною нѣсколько Ольвійскихъ памятниковъ, находившихся до того времени въ имѣніи Стольномъ (въ томъ числѣ знаменитый декретъ въ честь Протогена). Затѣмъ списываніе Воспорскихъ, Херсонисскихъ, Танаидскихъ и Ольвійскихъ памятниковъ богатой коллекціи Эрмитажа дало мнѣ на $1^1/_2$ мѣсяца серьезную и усидчивую работу. Весною 1883 г. я предпринялъ поѣздку въ южныя губерніи Россіи. Первою рабочею станціею для меня былъ Харьковъ, гдѣ должны были, по свидѣтель-

ствамъ Кёппена и др., храниться 4 Ольвійскихъ надписи, подаренныя мѣстному университету графомъ Потоцкимъ еще во 2-мъ десятилѣтіи нынѣшняго вѣка; къ сожалѣнію, изъ нихъ оказалась уцѣлѣвшею только одна, правда наиболѣе интересная. Затѣмъ я работалъ въ Керчи надъ памятниками Воспорскаго царства, хранящимися въ мѣстномъ музеѣ, такъ называемомъ «Царскомъ курганѣ» и другихъ мѣстахъ; оттуда проѣхалъ на Таманскій полуостровъ, гдѣ списалъ нѣсколько надписей, открытыхъ при послѣднихъ раскопкахъ; при этомъ оказалось, что памятники, которые нѣкогда Клэркъ, Кёлеръ и др. видѣли вдѣланными въ стѣны старой Таманской церкви, теперь уже тамъ не находятся или покрыты штукатуркой [1]); во всякомъ случаѣ ихъ исчезновеніе должно было случиться уже давно, такъ какъ ни отъ мѣстнаго священника, ни отъ другихъ лицъ я не могъ добиться никакихъ опредѣленныхъ свѣдѣній. Выѣхавъ изъ Керчи, я останавливался въ Ѳеодосіи для работъ въ мѣстномъ музеѣ, затѣмъ въ Херсонисскомъ монастырѣ близъ Севастополя списалъ памятники, найденные при послѣднихъ раскопкахъ, въ томъ числѣ надпись на пьедесталѣ статуи Діофанта, полководца Миѳрадата VI Евпатора, успѣвшую уже сдѣлаться знаменитою. Пріѣхавъ затѣмъ въ Одессу для работъ въ музеѣ Общества Исторіи и Древностей, я встрѣтилъ любезное сочувствіе и содѣйствіе со стороны вице-президента Общества *Н. Н. Мурзакевича* (нынѣ покойнаго) и секретаря (нынѣ Вице президента) *В. Н. Юргевича*, благодаря которымъ имѣлъ возможность провѣрить или скопировать большинство эпиграфическихъ памятниковъ музея, не смотря на то, что по случаю постройки для него новаго зданія камни были перенесены въ садъ и отчасти въ подвалъ и сложены тамъ въ безпорядкѣ.

Эпиграфическіе документы музея Новороссійскаго университета предупредительно указаны мнѣ профессоромъ *Л. Ф. Воеводскимъ*. Не менѣе любезно подѣлились со мною своими эпиграфическими сокровищами, знаніями и указаніями владѣльцы замѣчательныхъ коллекцій древностей *И. К. Суручанъ* въ Кишиневѣ и *Пл. О. Бурачковъ* въ Херсонѣ. Великолѣпное и цѣнное собраніе Платона Осиповича въ то время уже составляло впрочемъ собственность Императорскаго Россійскаго Историческаго Музея въ Москвѣ, благодаря щедротамъ Его Величества Государя Императора и стараніямъ достопочтеннаго Предсѣдателя нашего съѣзда, графа *А. С. Уварова*, который съ величайшею обязательностью открылъ мнѣ доступъ къ эпиграфическимъ памятникамъ музея, лишь только они были разставлены тамъ на мѣста и еще не были открыты для публики. Поѣздка въ Москву была предпринята мною, отдѣльно отъ путешествія

[1]) Я списалъ тамъ только двѣ христіанскія надгробныя надписи, изъ которыхъ одна вдѣлана снаружи въ сѣверную стѣну алтаря, другая служитъ ступенькою у южной боковой двери.

по южной Россіи, въ августѣ 1883 г. Обстоятельства не позволили мнѣ во время этого путешествія познакомиться съ коллекціею *И. И. Куриса*, хранившеюся въ его имѣніи, с. Покровскомъ; въ настоящее время эта коллекція принесена владѣльцемъ въ даръ музею Общества Исторіи и Древностей, и я воспользовался настоящимъ пребываніемъ въ Одессѣ, чтобы снять копіи съ ея памятниковъ, а также съ тѣхъ немногихъ надписей музея, которыя въ прошломъ году ускользнули отъ моего вниманія. Кромѣ того *Ю. А. Кулаковскій* имѣлъ любезность доставить мнѣ эстампажи съ нѣсколькихъ Ольвійскихъ памятниковъ, хранящихся въ музеѣ древностей Кіевскаго университета Св. Владиміра. Благодаря встрѣченному мною отовсюду сочувствію къ моей миссіи и обязательной готовности содѣйствовать ея успѣху [1]), научные результаты моихъ поѣздокъ, смѣю сказать, превзошли мои ожиданія: изъ числа извѣстныхъ мнѣ по разнымъ изданіямъ надписей Черноморскихъ приблизительно $^3/_4$ оказались существующими по настоящее время, и я буду имѣть удовольствіе привести ихъ въ моемъ сборникѣ по собственнымъ копіямъ, въ большинствѣ случаевъ болѣе полнымъ и точнымъ, такъ какъ—считаю себя въ правѣ подчеркнуть это—многія изъ печатныхъ копій памятниковъ, не исключая даже изданныхъ въ послѣдніе годы, оказались ниже уровня современныхъ требованій. Но кромѣ того въ моей записной книжкѣ оказалось значительное количество копій такихъ памятниковъ, которые впервые сдѣлаются извѣстными ученому міру въ моемъ будущемъ сборникѣ, и между ними есть документы, обширные по объему и далеко не безъинтересные со стороны сообщаемыхъ ими фактовъ изъ жизни эллинскихъ поселенцевъ Черноморскаго края. Насколько увеличилось количество эпиграфическихъ памятниковъ этого края со времени изданія 2-го тома Cogroris inscriptionum Graecarum, можно судить по слѣдующимъ сопоставленіямъ: изъ Тиры и ея окрестностей у Бёка помѣщена *одна* надпись, въ моемъ сборникѣ ихъ будетъ 6; Ольвійскихъ у Бёка 46, у меня (съ мелкими обломками) — до 160; Херсонисскихъ Бёкъ далъ 7, мой сборникъ представитъ болѣе 50 и т. д. Еще значительнѣе приростъ надписей Воспорскаго царства, которыхъ Бёку было извѣстно всего 78 штукъ; сколько будетъ ихъ во второй части моего сборника, я пока не могу сказать даже съ приблизительною точностью, такъ какъ собранные мною матеріалы еще не приведены въ порядокъ и кромѣ того я надѣюсь ко времени окончанія обработки этихъ матеріаловъ получить еще и

---

[1]) Считаю своимъ долгомъ съ глубокою признательностью назвать имена еще слѣдующихъ лицъ, оказавшихъ мнѣ существенную помощь словомъ или дѣломъ: профессора *А. И. Кирпичникова* въ Харьковѣ, Директора Керченскаго музея (нынѣ уже покойнаго) *С. И. Веребрюсова* и его помощника (нынѣ Директора) *Ѳ. И. Гросса*, преподавателей *П. В. Фрейберга* въ Керчи, *О. Ф. Ретовскаго* въ Ѳеодосіи, *С. Ф. Орловскаго* въ Одессѣ, профессора *И. Д. Мансветова* и *В. И. Сизова* въ Москвѣ.

новые; полагаю, однако, что ихъ будетъ болѣе 400. Наконецъ надписи керамическія, которыхъ во 2-мъ томѣ Бёка помѣщено всего 25, теперь можно считать тысячами.

Закончивъ мои предварительныя, такъ сказать, черновыя работы, я съ сентября мѣсяца прошлаго (1883) года приступилъ, насколько мнѣ позволяли служебныя обязанности, къ окончательной обработкѣ и классификаціи надписей, предназначенныхъ въ первую часть сборника,—Тирасскихъ и Ольвійскихъ. Императорское Русское Археологическое Общество выразило съ своей стороны желаніе, чтобы часть моего труда могла появиться въ свѣтъ къ нынѣшнему Съѣзду. Я тѣмъ охотнѣе принялъ всѣ мѣры къ исполненію этого желанія, что оно совпало и съ моимъ собственнымъ, и такимъ образомъ къ февралю мѣсяцу нынѣшняго года работа подвинулась настолько, что оказалось возможнымъ приступить къ ея печатанію. Но тутъ случились два обстоятельства, которыя значительно ее затормозили и такимъ образомъ лишили Общество и меня удовольствія внести и нашу лепту въ оживленную научную дѣятельность, возникшую по поводу Съѣзда. Обстоятельства эти слѣдующія: 1) по первоначальному плану предполагалось издать сборникъ на русскомъ языкѣ въ силу § 66 устава Общества, по которому всѣ его изданія печатаются только по-русски. Однако въ виду того, что такое изданіе должно имѣть общенаучное значеніе и быть доступно не только отечественнымъ, но и иностраннымъ ученымъ, требованіе указаннаго § устава Общества не могло не казаться въ данномъ случаѣ стѣснительнымъ какъ многимъ изъ гг. членовъ Общества, такъ и мнѣ лично. Въ силу этого г. Секретарь Общества И. В. Помяловскій внесъ предложеніе издать сборникъ на общенаучномъ языкѣ латинскомъ; предложеніе встрѣтило полное сочувствіе и было утверждено въ общемъ собраніи Общества 16 марта нынѣшняго (1884) года. Вслѣдствіе этого мнѣ пришлось ту часть труда, которая была уже приготовлена къ печати на русскомъ языкѣ, перевести на латинскій, что, конечно, заставило отложить на нѣкоторое время начало его печатанія [1]). Второе обстоятельство, воспрепятствовавшее исполненію нашего желанія, выяснилось при ближайшемъ ознакомленіи съ наличными средствами типографіи Академіи Наукъ для печатанія труда, предпринятаго Обществомъ: оказалось, что эта единственная въ Петербургѣ типографія, имѣющая такъ называемый эпиграфическій шрифтъ и ео ipso единственная, въ которой могъ печататься нашъ сборникъ, не имѣла въ запасѣ многихъ формъ буквъ, встрѣчающихся на памятникахъ, и въ особенности лигатуръ, т. е. вязи изъ двухъ или

[1]) Для удобства лицъ, которыя, не будучи близко знакомы со стилемъ эпиграфическихъ документовъ, тѣмъ не менѣе могутъ по тѣмъ или другимъ причинамъ интересоваться ихъ содержаніемъ, рѣшено и въ латинскомъ изданіи удержать русскіе переводы большинства памятниковъ.

нѣсколькихъ буквъ; поэтому пришлось предварительно заказать вновь вырѣзать и отлить эти формы по даннымъ мною образцамъ, и исполненіе этого заказа также отняло не мало времени. Такимъ образомъ лишь съ начала іюня оказалось возможнымъ приступить къ систематическому продолженію печатанія, начатаго еще въ апрѣлѣ; но и послѣ того оно шло довольно медленно вслѣдствіе моего отсутствія изъ Петербурга (на пересылку каждой корректуры изъ типографіи въ мое лѣтнее мѣстопребываніе и обратно въ типографію требовалось не менѣе недѣли), такъ что вмѣсто цѣлаго перваго выпуска я, къ сожалѣнію, имѣю возможность представить благосклонному вниманію гг. членовъ Съѣзда только шесть пробныхъ и корректурныхъ листовъ, которые находятся на устроенной Распорядительнымъ Комитетомъ Съѣзда археологической выставкѣ. Въ нихъ помѣщены: a) шесть обломковъ латинской надписи изъ кол. Карталъ (№ 1); b) надписи изъ Тиры и ея окрестностей (№№ 2—7); c) начало перваго отдѣленія перваго класса надписей Ольвійскихъ, содержащаго въ себѣ *decreta senatus et populi* (№№ 8—17). Всею въ этомъ отдѣленіи будетъ помѣщено 38 документовъ, цѣлыхъ или въ обломкахъ. Во второмъ отдѣленіи займетъ мѣсто единственный въ своемъ родѣ памятникъ—*edictum septemvirum* о взиманіи пошлины въ священную казну съ жертвенныхъ животныхъ, а въ 3-мъ—три найденные въ Ольвіи декрета иностранныхъ государствъ (Византійцевъ, Тенедійцевъ и Косцевъ) въ честь Ольвіополитовъ.—Второй классъ составятъ *tituli dedicatorii*, III—*tituli honorarii*, IV—*catalogus civium*, V—*tituli memoriales et sepulcrales*, наконецъ въ VI классъ подъ названіемъ *varia* войдутъ тѣ надписи (въ большинствѣ случаевъ мелкіе обломки), которыя по своему содержанію не могутъ быть отнесены ни къ одному изъ предыдущихъ классовъ или содержаніе которыхъ не можетъ быть точно опредѣлено. Въ каждомъ классѣ и отдѣленіи надписи размѣщены по возможности въ хронологическомъ порядкѣ, а иногда, за невозможностью опредѣлить его, по какимъ-либо другимъ соображеніямъ. Такой же классификаціи въ общемъ я намѣренъ придерживаться и впослѣдствіи, при обработкѣ памятниковъ Херсонисскихъ и Боспорскихъ, но при этомъ само собою разумѣется, что она будетъ варіироваться сообразно съ ихъ содержаніемъ: съ одной стороны между существующими памятниками Воспора и Херсониса нѣкоторые изъ названныхъ классовъ не имѣютъ представителей, а съ другой — есть значительное количество памятниковъ, относящихся къ такимъ отдѣламъ, которыхъ нѣтъ въ Ольвіи. Такъ напр. между Херсонисскими надписями отсутствуютъ tituli dedicatorii, а въ числѣ Боспорскихъ весьма важные и интересные отдѣлы составятъ памятники царскіе и памятники религіозныхъ обществъ (θίασοι). Къ классификаціи надписей керамическихъ я еще не приступалъ, но въ общемъ, вѣроятно, придется придерживаться той, которая выработана для нихъ покойнымъ П. В. Беккеромъ.

Вы видѣли, Мм. Гг., что дѣло, возложенное на меня Археологическимъ

Обществомъ, весьма важно и весьма нелегко. Я, конечно, болѣе всякаго другаго заинтересованъ въ его успѣхѣ и потому употребляю и буду употреблять всѣ усилія, всю энергію для того, чтобы оправдать лестное довѣріе Общества, но боюсь, что эта задача превыситъ мои силы. Весьма вѣроятно, что въ моемъ сборникѣ не мало найдется промаховъ и недостатковъ, вслѣдствіе которыхъ онъ не удовлетворитъ требованіямъ даже снисходительной критики. Но тѣмъ не менѣе въ виду того количества матеріала, которое уже находится въ моемъ распоряженіи, въ виду множества новыхъ и интересныхъ научныхъ данныхъ, заключающихся въ документахъ, которые войдутъ въ составъ сборника, я позволяю себѣ надѣяться, что за нимъ будетъ признано извѣстное научное значеніе, и это признаніе со стороны компетентныхъ судей будетъ для меня лучшей наградой за мой трудъ. Я не буду здѣсь утомлять вашего благосклоннаго вниманія указаніемъ этихъ новыхъ данныхъ, такъ какъ даже самое краткое ихъ изложеніе заняло-бы не мало времени и такъ какъ я надѣюсь имѣть честь при другомъ случаѣ познакомить Васъ съ нѣкоторыми изъ этихъ данныхъ, именно съ относящимися къ государственнымъ древностямъ Херсониса, въ сдѣланномъ мною посильномъ опытѣ ихъ группировки [1]). Теперь скажу только, что въ памятникахъ, которые войдутъ въ составъ сборника, историкъ найдетъ не мало новыхъ и интересныхъ свѣдѣній, относящихся къ политической исторіи и государственному устройству эллинскихъ поселеній Черноморья, миѳологъ и изслѣдователь религіозныхъ древностей почерпнетъ свѣдѣнія о новыхъ культахъ божествъ, ихъ праздникахъ и обрядахъ, археологъ—новыя данныя для болѣе разносторонняго изученія общественнаго и частнаго быта поселенцевъ, филологъ ближе познакомится съ языкомъ, которымъ они говорили и излагали свои письменные документы, лингвистъ узнаетъ массу новыхъ негреческихъ именъ, которыя послужатъ ему, какъ уже служили прежде извѣстныя, матеріаломъ для изслѣдованій о происхожденіи и языкахъ тѣхъ народовъ, среди которыхъ жить и съ которыми сталкиваться приходилось эллинскимъ поселенцамъ сѣвернаго побережья Евксинскаго Понта.

Въ заключеніе этого сообщенія позволю себѣ обратиться къ почтенному собранію съ одной покорнѣйшей просьбой. И. В. Помяловскій въ предисловіи къ своему сборнику Кавказскихъ надписей замѣтилъ между прочимъ—и въ справедливости этого замѣчанія мнѣ не разъ приходилось убѣждаться—, что такое дѣло, какое было уже прекрасно исполнено имъ по отношенію къ Кавказу и теперь поручено мнѣ по отношенію къ сѣверному Черноморью, представляетъ собою periculosae plenum opus aleae, что оно есть дѣло нѣсколькихъ

[1]) См. «Эпиграфическія данныя о государственномъ устройствѣ Херсониса Таврическаго» въ Журналѣ Мин. Нар. Просв. за іюнь 1884 г., отд. классич. фил.

лицъ,—одинъ въ полѣ не воинъ. Я считаю себя. въ правѣ сказать, что старался по возможности добросовѣстно и тщательно ознакомиться со всей литературой южно-русской эпиграфики, какую только могли предоставить въ мое распоряженіе Петербургскія библіотеки; во время моихъ поѣздокъ я списалъ или сличилъ много памятниковъ, какъ уже изданныхъ, такъ и остающихся еще неизвѣстными, и встрѣтилъ при этомъ отовсюду полное сочувствіе къ своей миссіи и самую любезную готовность такъ или иначе содѣйствовать возможно лучшему осуществленію ея задачъ. Но за всѣмъ тѣмъ—ultra posse nemo obligatur: очень можетъ быть, что тѣ или другія болѣе рѣдкія изданія памятниковъ остались еще неизвѣстными мнѣ, такъ-же какъ и нѣкоторые подлинные памятники, въ особенности такіе, которые хранятся въ небольшихъ частныхъ коллекціяхъ. Вотъ поэтому-то я и считаю своимъ долгомъ обратиться здѣсь ко всѣмъ заинтересованнымъ въ предпріятіи Археологическаго Общества и желающимъ ему успѣха съ покорнѣйшею просьбою подѣлиться съ г. Секретаремъ Общества И. В. Помяловскимъ или со мною какими кто можетъ указаніями или сообщеніями самыхъ копій памятниковъ. Всякое сообщеніе или указаніе, которое будетъ содѣйствовать полнотѣ и тщательности предпринятаго Императорскимъ Русскимъ Археологическимъ Обществомъ изданія, дастъ своему автору полное право на живѣйшую признательность со стороны какъ настоящихъ, такъ и будущихъ дѣлателей на южно-русской археологической нивѣ.

В. Латышевъ.

О календаряхъ Ольвіи, Тиры и Херсониса Таврическаго.

Мм. Гг. Предметомъ моего настоящаго сообщенія будетъ разборъ извѣстныхъ по настоящее время данныхъ для ознакомленія съ календарями, употреблявшимися въ древности въ эллинскихъ поселеніяхъ сѣвернаго побережья Чернаго моря. Предметъ этотъ, быть можетъ, многимъ изъ Васъ покажется слишкомъ сухимъ и спеціальнымъ, но тѣмъ не менѣе я позволяю себѣ обратить на него Ваше благосклонное вниманіе въ виду его разносторонней важности для изученія общественной и частной жизни этихъ поселенцевъ. Я исключаю на этотъ разъ изъ моего обзора Воспорское царство, такъ какъ о древнѣйшемъ его календарѣ мы ровно ничего не знаемъ, а въ болѣе поздніе времена [1]) тамъ былъ въ употребленіи календарь Македонскій, который въ общихъ чертахъ достаточно извѣстенъ [2]). Обзоръ календарей другихъ эллинскихъ поселеній въ нынѣшней Южной Россіи всего естественнѣе начать съ того, для котораго мы имѣемъ наиболѣе данныхъ, т. е. съ Ольвійскаго.

I. Ольвія.

Для ознакомленія съ календаремъ этого города, важнѣйшаго на всемъ побережьѣ отъ Дуная до Крыма, мы по настоящее время имѣемъ только полдюжины цѣлыхъ или обломанныхъ эпиграфическихъ памятниковъ, въ заголовкахъ которыхъ сохранились опредѣленія мѣсяца и числа, въ которые состоялось народное собраніе, вотировавшее тотъ или другой декретъ [3]); всѣ эти па-

---

[1]) Быть можетъ, онъ былъ введенъ одновременно съ введеніемъ въ Воспорскомъ царствѣ новой эры, т. е. въ 296 г. до Р. Х.

[2]) См. напр. *K. Fr. Hermann*, Ueber Griechische Monatskunde (Gött. 1844) стр. 101 и сл.; *Th. H. Martin*, Revue archéol. т. X (1853) стр. 205 и сл.; *Ch. Ruelle*, ст. Calendarium въ Dictionnaire des antiquités gr. et rom. par Daremberg et Saglio.

[3]) Объ Ольвійскомъ календарѣ ср. замѣчанія *Бёка* въ C. I. Gr. II стр. 87 и 139 (къ № 2082); *Hermann*, Monatsk. стр. 105. Двѣ вышедшія въ послѣднее время нѣмецкія диссертаціи о греческихъ календаряхъ, именно *Arm. Clodius*'а Fasti ionici (Halle 1882) и *Ern. Bischoff*'а De fastis Graecorum antiquioribus (Leipz. 1884), не даютъ для Ольвійскаго календаря ничего новаго.

мятники, за исключеніемъ развѣ № 18 [4]), по характеру письма и разнымъ другимъ признакамъ принадлежатъ временамъ Римскихъ императоровъ; названія мѣсяцевъ встрѣчаются въ нихъ слѣдующія:

въ № 18: Ἀνθεστηρ[ιών]	въ № 28: [Ἀπα]τουρεών
» 21: Πάνημος	» 30: Καλαμα[ών]
» 22: Βοηδρομιών	» 31: Ληνεών.

Въ указанныхъ надписяхъ нѣтъ никакихъ данныхъ для опредѣленія мѣста каждаго изъ названныхъ мѣсяцевъ въ году, порядка, въ которомъ они слѣдовали другъ за другомъ и пр. Однако стоитъ лишь повнимательнѣе всмотрѣться въ эти названія, чтобы убѣдиться, что они говорятъ намъ значительно больше, чѣмъ могло бы показаться на первый взглядъ. Дѣло въ томъ, что между ними нѣтъ ни одного, о которомъ можно было бы сказать, что оно придумано самими Ольвіополитами; всякій, кто мало-мальски знакомъ съ календарями, бывшими въ употребленіи у народовъ іоническаго племени, сразу скажетъ, что извѣстныя намъ названія мѣсяцевъ Ольвійскаго календаря—чисто іоническія, встрѣчающіяся во многихъ другихъ іоническихъ календаряхъ [5]); сразу также можно объяснить и причину этого явленія: названія мѣсяцевъ и вообще способъ счисленія времени, безъ сомнѣнія, были перенесены греческими поселенцами на берега Ипанида изъ прежней ихъ родины—Милета. Такъ думалъ уже и Бёкъ [6]). Доказывать здѣсь фактъ заимствованія календарей колоніями изъ митрополій я, разумѣется, не стану,—онъ слишкомъ извѣстенъ, и множество доказательствъ каждый можетъ легко найти, хотя бы перелистовавъ Griech. Monatskunde Германа или мою книгу «О нѣкоторыхъ эолическихъ и дорическихъ календаряхъ». Будь намъ вполнѣ извѣстенъ Милетскій календарь, мы несомнѣнно нашли-бы въ немъ всѣ тѣ названія мѣсяцевъ, которыя встрѣчаются до сихъ поръ въ Ольвійскихъ декретахъ, и съ полнымъ правомъ могли

---

[4]) №№ надписей и цитаты изъ нихъ приводятся по моему общему сборнику греч. и лат. надписей сѣверн. побережья Чернаго моря (Inscriptiones ant. orae septentr. Ponti Euxini vol. I).

[5]) О раздѣленіи греческихъ календарей на группы ср. въ моей книгѣ «О нѣкот. эол. и дор. календаряхъ» стр. 6 слл. и 17. Изъ какихъ мѣстностей извѣстны по настоящее время мѣсяцы, встрѣченные въ Ольвіи, можно узнать по 2-му указателю, приложенному къ диссертаціи Бишофа. Названіе Πάνημος, ярко выдѣляющееся своею формою среди іоническихъ названій мѣсяцевъ съ окончаніемъ -ιών, прежде считалось несвойственнымъ іоническимъ календарямъ, но уже *Аренсъ* въ Rhein. Mus. т. XVII стр. 336 слл. (ср. въ моей книгѣ стр. 34) старался доказать, что это названіе — очень древнее и общее всѣмъ эллинскимъ календарямъ. Тотъ фактъ, что оно встрѣтилось потомъ въ календаряхъ Ольвіи и Милоса (см. Bulletin de corr. hellén. т. V стр. 25 слл., *Clodius* стр. 16 слл., *Bischoff* стр. 390 слл.), служитъ важнымъ доводомъ въ пользу мнѣнія Аренса.

[6]) C. I. Gr. II, ук. стр.

бы заимствовать изъ него и недостающія 6 названій и принять для Ольвійскаго календаря тотъ же порядокъ мѣсяцевъ и то-же начало года, какъ и въ Милетѣ. Но, къ сожалѣнію, календарь этого города извѣстенъ еще гораздо меньше, чѣмъ Ольвійскій,—мы знаемъ пока названіе только одного мѣсяца Каламэона [7]) (замѣтимъ, что оно встрѣтилось уже и въ Ольвіи и такимъ образомъ можетъ служить подтвержденіемъ—хотя и очень маленькимъ—мысли о тождествѣ Ольвійскаго календаря съ Милетскимъ). Однако, разъ признавъ, что календарь Ольвіополитовъ былъ заимствованъ изъ митрополіи, мы можемъ уже a priori предполагать такое-же заимствованіе и въ другихъ колоніяхъ, т. е., иначе говоря, полагать, что календари другихъ колоній были одинаковы или, по крайней мѣрѣ, сходны [8]) съ Милетскимъ и Ольвійскимъ и что, стало быть, ими можно пользоваться для возстановленія послѣднихъ. Наибольшую услугу въ этомъ отношеніи можетъ оказать намъ календарь г. Кизика, о которомъ мы имѣемъ порядочныя свѣдѣнія: изъ разныхъ надписей Кизикскихъ мы знаемъ уже 10 названій мѣсяцевъ, и притомъ въ нѣсколькихъ документахъ поставлено по 2 мѣсяца рядомъ, чѣмъ, конечно, въ значительной степени облегчается опредѣленіе порядка слѣдованія мѣсяцевъ, хотя весь календарь еще не можетъ быть возстановленъ вполнѣ прочно,— остается еще нѣсколько вопросовъ, для окончательнаго разрѣшенія которыхъ необходимо ждать открытія новыхъ документовъ. Въ доказательство возможности пользоваться Кизикскимъ календаремъ для возстановленія Ольвійскаго можетъ быть приведенъ тотъ фактъ, что изъ числа 10 извѣстныхъ названій Кизикскихъ мѣсяцевъ ровно половина встрѣчена уже и въ Ольвіи; недостаетъ пока только Βοιδρομίων, который впрочемъ уже Бёкомъ внесенъ въ Кизикскій календарь изъ Ольвійскаго [9]).

Названія мѣсяцевъ попадаются въ двоякаго рода Кизикскихъ документахъ: 1) въ декретахъ, время изданія которыхъ, къ сожалѣнію, не можетъ быть опредѣлено съ точностью, 2) въ спискахъ притановъ, относящихся уже ко временамъ Римскихъ императоровъ; большинство этихъ списковъ было извѣстно уже Бёку, а нѣсколько вновь найденныхъ издано недавно Мордтманомъ

---

[7]) Arch. Zeitung т. 34 (1876) стр. 128 № 16 = *Dittenberger*, Sylloge inscr. Gr. № 240.

[8]) Дѣлаю послѣднюю оговорку потому, что въ каждомъ колоніальномъ городѣ, при самостоятельномъ развитіи заимствованнаго изъ митрополіи календаря, могли быть вводимы въ немъ тѣ или другія видоизмѣненія.

[9]) C. I. Gr. II стр. 924 сл. Послѣ Бёка о Кизикскомъ календарѣ писали: *F. K. Hermann*, Monatsk. стр. 91; Th. *Bergk*, Beiträge zur gr. Monatsk. стр. 29 сл.; *H. L. Ahrens* въ Rhein. Mus. XVII стр. 329 сл.; *Clodius* ук. соч. стр. 15 сл.; *Bischoff* ук. соч. стр. 396 и др.

въ Mittheilungen d. D. Arch. Inst. in Athen т. VI стр. 42 сл. До сихъ поръ встрѣтились слѣдующія названія:

Ἀνθεστηριών (C. I. Gr. 3664).
Ἀπατουρεών (ibid. 3661).
Ἀρτεμισιών (ibid. 3657. Mordtm. № 2 II *b*).
Θαργηλιών (Monatsber. d. Berl. Ak. 1874 стр. 16. Mordtm. № 1 *b*).
Καλαμαιών (C. I. Gr. 3663. Mordtm. № 2 I. Bull. de corr. hell. VI стр. 613).
Κυανοψιών (C. I. Gr. 3662, 3663).
Ληναιών (ibid. 3664).
Πάνημος (ibid. 3663. Mordtm. № 2 I).
Ποσειδεών (C. I. Gr. 3664).
Ταυρεών (ibid. 3657, 3658. Mordtm. № 2 II *b*).

Трудами западныхъ ученыхъ, занимавшихся Кизикскимъ календаремъ, порядокъ, въ которомъ слѣдовали эти мѣсяцы одинъ за другимъ, и мѣста, которыя они занимали въ году, уже прочно опредѣлены для большинства мѣсяцевъ, такъ что намъ можно будетъ ограничиться, говоря объ этомъ, лишь краткими указаніями и ссылками. Но предварительно необходимо вкратцѣ коснуться вопроса о томъ, какой календарь, лунный или солнечный, былъ въ употребленіи въ Кизикѣ въ тѣ времена, къ которымъ относятся надписи, служащія намъ источниками, т. е. во времена Римскихъ императоровъ. Бѣкъ былъ вполнѣ увѣренъ, что въ эту эпоху жители М. Азіи уже пользовались такъ называемымъ «Азіанскимъ» солнечнымъ календаремъ, извѣстнымъ намъ изъ hemerologium Florentinum [10]), и поэтому полагалъ, что и календарь Кизика былъ тогда солнечный, хотя единственно на томъ основаніи, что названія нѣсколькихъ Кизикскихъ мѣсяцевъ оказались сходны съ Азіанскими. Однако впослѣдствіи, на основаніи разныхъ фактовъ и соображеній, стало все болѣе и болѣе расти недовѣріе къ этому «Азіанскому» календарю, такъ что въ настоящее время позволительно даже высказать сомнѣніе, дѣйствительно-ли онъ былъ когда-нибудь въ употребленіи [11]), такъ какъ 1) въ извѣстныхъ до сихъ поръ многочисленныхъ эпиграфическихъ памятникахъ изъ разныхъ мѣстностей М. Азіи ни разу еще не встрѣтился ни одинъ мѣсяцъ этого календаря изъ числа такихъ, которыхъ названія не были заимствованы изъ древнѣйшихъ лунныхъ календарей или были видоизмѣнены (какъ напр. Ἱεροσέβαστος, Εὐαγγέλιος, Στρα-

[10]) См. *Hermann*, Monatsk. стр. 85.

[11]) Гансъ *Дройзенъ* въ Hermes т. XV стр. 363, доказавъ, что въ Ефесѣ еще въ началѣ II в. по Р. Хр былъ въ употребленіи древній лунный календарь, а не тотъ, который дается подъ именемъ Ефесскаго въ hemerologia, замѣчаетъ, что «es muss weiteren Untersuchungen überlassen werden zu zeigen, ob die übrigen Kalender der Hemerologien in gleicher Weise werthlos sind, wie der «Ephesische».

τόνικος, Ἄντεος, Λαοδίκιος и т. п.); 2) имѣются прочныя данныя, доказывающія, что еще въ II и III вв. по Р. Хр. въ малоазіатскихъ городахъ и ихъ колоніяхъ были въ употребленіи лунные календари. Не входя теперь въ ихъ разсмотрѣніе, такъ какъ намъ еще придется коснуться этого вопроса, когда мы поведемъ рѣчь о календарѣ Тиры, замѣтимъ просто, что у насъ нѣтъ рѣшительно никакихъ данныхъ въ пользу того, что жители Кизика въ I и II вв. по Р. Хр. пользовались уже солнечнымъ календаремъ, и напротивъ, древне-іоническія названія всѣхъ извѣстныхъ намъ мѣсяцевъ и способы счета дней неоспоримо доказываютъ, что тогда въ Кизикѣ былъ еще въ употребленіи древній лунный календарь. Такъ думали, очевидно, всѣ ученые, писавшіе послѣ Бёка о Кизикскомъ календарѣ, хотя и странно, что никто изъ нихъ (по крайней мѣрѣ насколько намъ извѣстно) не высказался категорически противъ мнѣнія знаменитаго эпиграфиста.

Относительно времени начала года въ Кизикѣ Бёкъ говоритъ слѣдующее: «Asianos horum titulorum aetate constat anno solari usos esse (cf. Ideler. Enchir. chron. t. I p. 410 sq.); idemque ad Cyzicenorum fastos pertinet, qui Asianis similes sunt pluribus nominibus. Initium igitur Cyziceni anni consentaneum est fere idem fuisse, quod in Asiano calendario secundum hemerologium Florentinum et in calendario Ephesio, hoc est Macedonico Asiano in eodem hemerologio, hoc est die 24 Septembris anni Iuliani; vide Ideler Enchir. I p. 414 et 419». Такимъ образомъ первымъ мѣсяцемъ въ Кизикѣ по Бёку оказался Воидроміонъ. Хотя Бёкъ не привелъ никакихъ другихъ основаній въ пользу своего мнѣнія, однако всѣ послѣдующіе ученые, начиная съ Германа и кончая Бишофомъ, считали начало года въ Кизикѣ съ мѣсяца Воидроміона аксіомою, а между тѣмъ, лишь только мы примемъ, что Кизикскій календарь былъ лунный, приведенное замѣчаніе Бёка теряетъ всю свою силу, а въ самыхъ надписяхъ Кизикскихъ нѣтъ никакихъ данныхъ, которыя могли-бы подтвердить, что годъ начинался тамъ именно съ этого мѣсяца. Заключенія по аналогіи съ другими календарями іонической группы въ данномъ случаѣ невозможны, такъ какъ именно въ этой группѣ замѣчается большое разнообразіе относительно времени начала года, какъ мнѣ уже пришлось замѣтить въ моей книгѣ о календаряхъ (стр. 53). Разъ мы признаемъ если не несомнѣннымъ, то по крайней мѣрѣ правдоподобнымъ, что годъ въ Милетѣ и всѣхъ его колоніяхъ начинался одновременно, мы должны будемъ согласиться, что принять въ нихъ за начало года именно тотъ пунктъ, съ котораго его до сихъ поръ принимаютъ ничтоже сумняся, менѣе всего вѣроятно: этому препятствуетъ Ольвійскій декретъ въ честь Θеокла сына Сатирова (№ 22 моего сборника=C. I. Gr. 2059). Θеоклъ, жившій вѣроятно около конца II в. по Р. Хр., былъ весьма выдающимся государственнымъ дѣятелемъ въ своемъ родномъ городѣ и занималъ самыя высшія должности, въ томъ числѣ 3 раза должность перваго архонта. Избранный въ архонты въ 4-й разъ, онъ скончался до окончанія срока службы — и вотъ послѣ его смерти

въ народномъ собраніи, состоявшемся 15-го числа Воидроміона, было постановлено увѣнчать его (вѣроятно при выносѣ его тѣла для погребенія, какъ прямо говорится въ другихъ декретахъ) золотымъ вѣнцомъ и поставить его изображеніе въ построенномъ имъ самимъ гимнасіи. Имя Θеокла, хотя уже умершаго, поставлено въ заголовкѣ документа (ἐπὶ ἀρχόντων τῶν περὶ Θεοκλέα Σατύρου τὸ δ΄), стало быть, на его мѣсто не былъ избранъ новый архонтъ. Отмѣтить всѣ эти подробности было необходимо для слѣдующихъ соображеній. Должностныя лица въ Ольвіи, смѣнявшіяся ежегодно, вступали въ должность по всей вѣроятности съ начала гражданскаго года, какъ и въ другихъ греческихъ государствахъ [12]); если-бы Воидроміонъ былъ первымъ мѣсяцемъ въ году и вмѣстѣ съ тѣмъ въ должностной дѣятельности чиновниковъ, то мы должны были-бы принять, что Θеоклъ скончался лишь нѣсколько дней спустя послѣ вступленія въ 4-й разъ въ должность архонта и притомъ скончался скоропостижно, такъ какъ если-бы онъ былъ хоть сколько-нибудь боленъ передъ смертью, то уже не былъ-бы выбранъ въ архонты, въ особенности если-бы его положеніе казалось уже безнадежнымъ. Между тѣмъ въ документѣ нѣтъ ни малѣйшаго намека, который хотя отчасти оправдывалъ-бы приведенныя предположенія, и напротивъ выраженія, которыми характеризуется 4-е архонтство Θеокла, дѣлаютъ, на мой взглядъ, несомнѣннымъ, что онъ не только былъ выбранъ въ должность, но и исполнялъ ее довольно продолжительное время [13]); тотъ фактъ, что Θеоклъ считался эпонимомъ и послѣ своей смерти и что, стало быть, на его мѣсто никто не былъ выбранъ въ первые архонты, также можно объяснить въ томъ смыслѣ, что Ольвіополиты сочли излишнимъ давать году новаго эпонима, такъ какъ до конца его оставалось уже немного времени (впрочемъ, я не придаю важнаго значенія этому факту, такъ какъ его можно объяснить и тѣмъ, что въ короткій промежутокъ времени отъ смерти Θеокла до собранія, вотировавшаго декретъ, граждане еще не успѣли выбрать новаго архонта—эпонима). Всѣ эти соображенія дѣлаютъ, мнѣ кажется, весьма мало вѣроятнымъ предположеніе, чтобы годъ въ Ольвіи начинался съ Воидроміона, и скорѣе заставляютъ думать, что этотъ мѣсяцъ былъ одинъ изъ послѣднихъ въ году. Но рѣшить окончательно, съ какого именно пункта начинался годъ въ разсматри-

---

[12]) Для избранія чиновниковъ созывалось особое народное собраніе, носившее спеціальное названіе ἀρχαιρετικὴ ἐκκλησία; оно упоминается въ весьма интересномъ декретѣ въ честь Никирата с. Папія, изданномъ впервые въ моемъ сборникѣ подъ № 17.

[13]) Строки 25—32: ἄρχων τε τὴν μεγίστην ἀρχὴν τὸ τετράκις — καθότι τοιούτων ἀνδρῶν χρεία ἦν ἄρχειν καὶ πλειστάκις — πᾶσαν ὁμόνοιαν πολειτευόμενος, τοῖς μὲν ἡλικιώταις προσφερόμενος ὡς ἀδελφός, τοῖς δὲ πρεσβυτέροις ὡς υἱός, τοῖς δὲ παισὶν ὡς πατήρ, πάσῃ ἀρετῇ κεκοσμημένος, ὑπὸ τοῦ βασκάνου δαίμονος ἀφῃρέθη μὴ διατελέσας τὴν ἀρχήν.

ваемыхъ календаряхъ, намъ представляется пока невозможнымъ. Впрочемъ, покончить съ этимъ вопросомъ удобнѣе будетъ нѣсколько позже, предварительно познакомившись съ распредѣленіемъ мѣсяцевъ.

Я уже замѣтилъ выше, что трудъ опредѣленія мѣстъ, которыя занимало большинство мѣсяцевъ въ календарѣ Милетскихъ колоній, уже исполненъ разными учеными, такъ что мнѣ не придется особенно распространяться объ этомъ вопросѣ. Трудъ этотъ до нѣкоторой степени былъ облегченъ тѣмъ, что въ нѣсколькихъ спискахъ Кизикскихъ притановъ отмѣчены рядомъ по два мѣсяца, именно:

C. I. Gr. 3664:	Ποσειδεών	C. I. Gr. 3663	Καλαμαιών
	Ληναιών	и Mordtm. № 2 I	Πάνημος
	и далѣе:		
	Ληναιών	Mordtm. № 2 II *b*.	Ἀρτεμισιών
	Ἀνθεστηριών		Ταυρεών.

Обращаясь къ первой группѣ мѣсяцевъ, мнѣ не зачѣмъ, полагаю, доказывать, что мѣсяцъ Ποσειδεών во всѣхъ календаряхъ, гдѣ только онъ встрѣчается, занималъ мѣсто около зимняго солнцестоянія, что Ληναιών соотвѣтствовалъ по времени аттическому Гамеліону, а Ανθεστηριών — своему аттическому тёзкѣ: всѣ эти сопоставленія давнымъ давно уже сдѣланы другими учеными, и мнѣ пришлось-бы только повторять старое [14]). Слѣдующее за Ανθεστηριόномъ мѣсто въ Кизикскомъ календарѣ уже Беллеемъ и Бёкомъ отведено Артемисіону, который дѣйствительно вездѣ, гдѣ ни встрѣчался (въ дорическихъ и Македонскомъ календаряхъ въ формѣ Ἀρτεμίσιος), приходился на время около весенняго равноденствія [15]). За нимъ непосредственно слѣдовалъ, по вышеуказанной надписи Mordtm. № 2 II *b*, Ταυρεών. Такое мѣсто этого мѣсяца оказалось совершенно неожиданнымъ. Кромѣ Кизикскаго календаря [16]) этотъ мѣсяцъ до сихъ поръ найденъ еще въ Самосскомъ; извѣстный нѣмецкій филологъ Г. Л. Аренсъ въ своей попыткѣ возстановленія Самосскаго календаря по агонистическимъ надписямъ, изданнымъ впервые Кирхгофомъ [17]), сопоставилъ Таврeонъ

---

[14]) См. въ книгѣ Германа Beilage II подъ именами мѣсяцевъ. Новыя доказательства въ пользу этихъ сопоставленій можно найти въ диссертаціяхъ Клодіуса и Бишофа.

[15]) См. мое соч. о календаряхъ, стр. 132 пр. 8, также Clodius ук. соч. стр. 14.

[16]) По словамъ Мордтмана въ Mitth. d. D. Inst. VI стр. 50, этотъ-же мѣсяцъ изъ вѣстенъ ему изъ одной неизданной надписи г. Синопы, — также Милетской колоніи. (Изд. имъ-же въ Прилож. къ 15 тому сборника Константинопольскаго греч. литер. общества, стр. 46).

[17]) Monatsber. d. Berl. Akad. 1859 стр. 739 сл. Статья Аренса уже указана выше въ прим. 5 и 9.

съ аттическимъ Метагитніономъ, находя, что это мѣсто aufs beste entspricht значенію Тавреона; но его доказательства въ пользу этого сопоставленія, которыя уже сразу можно было признать неимѣющими рѣшающаго значенія и несвободными отъ натяжекъ, были окончательно сведены къ нулю впослѣдствіи, когда оказалось, что въ составъ Самосскаго календаря входилъ и мѣсяцъ Метагитніонъ [18]). Слѣдуя непосредственно за Артемисіономъ, Тавреонъ соотвѣтствовалъ, значитъ, аттическому Мунихіону; въ такомъ случаѣ послѣ него долженъ былъ стоять Θаргиліонъ, за которымъ одно и то-же мѣсто въ разныхъ календаряхъ обусловливалось какъ самымъ значеніемъ праздника Θαργήλια, такъ и тѣмъ, что іонійцы въ этомъ мѣсяцѣ праздновали день рожденія Аполлона. И дѣйствительно, въ тѣхъ календаряхъ, гдѣ мѣсто Θаргиліона опредѣлено или вполнѣ, или приблизительно, онъ оказывается соотвѣтствующимъ аттическому мѣсяцу того же имени, какъ напр. на оо. Дилосѣ и Тиносѣ [19]).

Обратимся теперь къ группѣ Καλαμαιών—Πάνημος, встрѣтившейся уже два раза въ Кизикскихъ надписяхъ. Для опредѣленія мѣста Каламэона среди другихъ мѣсяцевъ у насъ нѣтъ пока никакихъ прочныхъ данныхъ, кромѣ этого показанія, что онъ стоялъ передъ Панимомъ, да еще предположенія, вытекающаго изъ самаго значенія его названія: если вѣрно предложенное нами [20]) производство его отъ посвященнаго Димитрѣ праздника καλαμαῖα, то онъ долженъ былъ приходиться лѣтомъ, во время жатвы. Что же касается до Панима, то Бёкъ и Германъ приняли Беллеево сопоставленіе его съ іюнемъ, а Аренсъ сопоставилъ его въ Самосскомъ календарѣ (который, по его мнѣнію, оказавшемуся потомъ невѣрнымъ, былъ тождественъ съ Кизикскимъ) съ аттическимъ Θаргиліономъ главнымъ образомъ потому, что слѣдовавшій за нимъ на Самосѣ мѣсяцъ Κρονιών соотвѣтствовалъ, по его мнѣнію, аттическому Скирофоріону, и кромѣ того потому, что, по его ученому объясненію, названіе Πάναμος или Πάνημος обозначало «ein Monat der Erntеopfer, in welchem dem Gotte allerlei zusammen dargebracht wird». Невѣрность этого сопоставленія обнаружилась впослѣдствіи, когда изъ вновь открытыхъ документовъ оказалось, что въ Кизикскомъ кален-

---

[18]) W. Vischer въ Rhein. Mus. XXII (1867) стр. 315=Kleine Schriften II стр. 144. Вообще предложенному Аренсомъ возстановленію Самосскаго и Кизикскаго календаря не посчастливилось, не смотря на все его остроуміе и огромный ученый аппаратъ, которымъ оно было обставлено: въ документахъ, открытыхъ послѣ написанія его статьи, нашлись вѣскія опроверженія нѣкоторыхъ его положеній, послѣ которыхъ авторамъ новѣйшихъ минологическихъ трудовъ Клодіусу и Бишофу легко было критиковать его съ незаслуженною имъ строгостью.

[19]) См. Clodius стр. 16 и 23; Bischoff стр. 390. Этотъ мѣсяцъ встрѣтился еще въ календаряхъ Аморга, Накса, Пароса, Ефеса и Гамбрія.

[20]) О нѣк. эол. и дор. калл. стр. 34 пр. 62.

дарѣ былъ и мѣсяцъ Θаргиліонъ, помимо Панима; еще позднѣе сдѣлался извѣстенъ календарь Дилосскій, въ которомъ также оказались и Θаргиліонъ и Панимъ и притомъ стоящими рядомъ, такъ что послѣдній соотвѣтствовалъ аттическому Скирофоріону. Между Дилосскимъ и Кизикскимъ календарями оказывается, такимъ образомъ, по отношенію къ этимъ мѣсяцамъ та разница, что въ послѣднемъ Θаргиліонъ и Панимъ были раздѣлены между собою Каламэономъ и вслѣдствіе этого Панимъ Кизикскій стоялъ ниже Дилосскаго и соотвѣтствовалъ аттическому Екатомвэону. Примѣровъ подобной разницы въ положеніи одноименныхъ мѣсяцевъ въ разныхъ календаряхъ попадается не мало, такъ что она не должна особенно смущать насъ. Необходимо помнить, что отдѣльные календари внутри каждой группы, хотя и происходившіе отъ одного общаго прототипа, впослѣдствіи, въ историческія времена, развивались совершенно независимо другъ отъ друга и могли претерпѣвать немалыя видоизмѣненія, которыми и обусловливается замѣчаемая между ними разница. Обратный примѣръ представляютъ мѣсяцы Ἀπατουρεών и Ποσειδεών: въ Кизикѣ они стояли рядомъ, а на Дилосѣ между ними былъ еще Ἀρτεμισίων; далѣе, между Линэономъ и Артемисіономъ въ Кизикѣ былъ одинъ мѣсяцъ Аѳестиріонъ, а на Дилосѣ — два (Ἱερὸς и Γαλαξιών).

Что касается, далѣе, до мѣсяцевъ Воидроміона, Кіаноисіона и Апатуреона, то я ничего не могу возразить противъ мнѣнія прежнихъ изслѣдователей Кизикскаго календаря, которые единогласно ставятъ ихъ рядомъ на тѣ мѣста, которыя въ Аттикѣ были заняты Воидроміономъ, Піаноисіономъ и Мэмактріономъ; приводимыя ими основанія кажутся и мнѣ вполнѣ уважительными. Такимъ образомъ у насъ останется незанятымъ одно только мѣсто—именно то, на которомъ въ Аттикѣ стоялъ Метагитніонъ; кандидатъ на это мѣсто до сихъ поръ не встрѣчался въ документахъ Милета и его колоній, и назвать его предположительно очень трудно. Аренсъ съ увѣренностью вносилъ въ разсматриваемый нами календарь мѣсяцъ Кроніонъ, входившій въ составъ календаря Самосскаго, но по его распредѣленію остававшееся свободнымъ мѣсто соотвѣтствовало аттическому Скирофоріону, тогда какъ по нашему оно приходится на два мѣсяца ниже, и стало быть, для Кроніона уже не подходитъ; скорѣе уже можно было бы предложить на это мѣсто Метагитніонъ, который кромѣ аттическаго календаря оказался по настоящее время еще въ Дилосскомъ, Самосскомъ и Ефесскомъ, а также и въ нѣкоторыхъ дорическихъ въ формѣ Πεδαγείτνιος; но все-таки осторожный изслѣдователь долженъ предпочесть пока оставить это мѣсто пустымъ и утѣшать себя надеждою, что со временемъ, быть можетъ, найдется въ какомъ-нибудь документѣ и послѣднее недостающее названіе.

Такимъ образомъ, изъ нашихъ разсужденій вытекаетъ слѣдующій порядокъ мѣсяцевъ въ календарѣ Милета и его колоній въ сопоставленіи съ календарями юліанскимъ и аттическимъ:

Юліанскій календарь	*Аттическій*	*Милетскій съ колоніями*
іюль	1. Ἑκατομβαιών	Πάνημος
августъ	2. Μεταγειτνιών	—
сентябрь	3. Βοηδρομιών	Βοηδρομιών
октябрь	4. Πυανοψιών	Κυανεψιών
ноябрь	5. Μαιμακτηριών	Ἀπατουρεών
декабрь	6. Ποσειδεών	Ποσειδεών
январь	7. Γαμηλιών	Ληναιών
февраль	8. Ἀνθεστηριών	Ἀνθεστηριών
мартъ	9. Ἐλαφηβολιών	Ἀρτεμισιών
апрѣль	10. Μουνιχιών	Ταυρεών
май	11. Θαργηλιών	Θαργηλιών
іюнь	12. Σκιροφοριών	Καλαμαιών

Едва ли нужно прибавлять, что каждый аттическій и Милетскій мѣсяцъ соотвѣтствовалъ, вообще говоря, только второй половинѣ того Юліанскаго, съ которымъ онъ сопоставленъ, и первой половинѣ слѣдующаго, но и то лишь приблизительно, насколько вообще можетъ идти рѣчь о соотвѣтствіи мѣсяцевъ луннаго календаря съ мѣсяцами солнечнаго [21]).

[21]) Въ пользу вѣрности предлагаемаго возстановленія календаря Милета и его колоній много свидѣтельствуетъ тотъ фактъ, что Бишофъ, занимавшійся его возстановленіемъ одновременно со мною и на основаніи тѣхъ же документовъ, получилъ совершенно тождественные съ моими результаты, которые, впрочемъ, показались ему не вполнѣ удовлетворительными. Онъ замѣчаетъ: «...difficultates quasdam manere (in fastis Cyzicenis) confitemur. Neque enim Artemisionem neque Calameonem neque Panemum eis stare videmus locis, quae ceterorum fastorum Ionicorum exemplis commendantur, et Calameonem duobus locis abesse ab eo quem apud Milesios tenuit loco apparet. Tamen has discrepantias animadvertisse satis est, quoniam ut eas explicemus non potest fieri». Однако эти difficultates отчасти существуютъ только въ воображеніи автора. Относительно Артемисіона мы знаемъ, что онъ вездѣ приходился на время около весенняго равноденствія, но полагать, что онъ вездѣ и постоянно соотвѣтствовалъ аттическому Мунихіону (какъ это дѣлаетъ Бишофъ, очевидно, на основаніи Дилосскаго календаря) мы не имѣемъ права; онъ могъ приходиться то раньше, то позже, смотря по времени начала года, способамъ интеркаляціи и др. причинамъ. Далѣе, слова Бишофа относительно несоотвѣтствія Кизикскаго Каламеона съ Милетскимъ основаны просто на недосмотрѣ: на стр. 396 въ прим. 4 онъ замѣчаетъ, что въ Милетской надписи (указанной нами выше въ прим. 7) этотъ мѣсяцъ сопоставленъ съ 4-мъ римскимъ (т. е. апрѣлемъ); но этого сопоставленія на камнѣ *нѣтъ*, это ничто иное, какъ возстановленіе несохранившейся части текста, предложенное первымъ издателемъ надписи Нейбауеромъ, но отвергнутое Диттенбергеромъ, который, перепечатывая надпись въ своей Sylloge, съ свойственнымъ ему остроуміемъ замѣтилъ несообразность возстановленія Нейбауера и предложилъ свое, несравненно болѣе вѣроятное и совершенно мѣняющее смыслъ этого мѣста надписи (см. Syll. стр. 348 пр. 6). Другихъ же данныхъ о мѣстѣ Каламэона въ Милетѣ у насъ нѣтъ никакихъ. Стало быть, останется одинъ только Πάνημος не совсѣмъ на томъ мѣстѣ, которое онъ занималъ въ Дилосскомъ календарѣ,—единственномъ изъ іоническихъ, въ которомъ мѣсто его опредѣлено вполнѣ точно.

Возвратимся теперь къ вопросу о началѣ года въ разбираемомъ календарѣ. Извѣстно, что въ лунныхъ календаряхъ грековъ годъ начинался обыкновенно съ перваго новолунія послѣ одного изъ 4-хъ главныхъ астрономическихъ пунктовъ года: лѣтняго или зимняго солнцестоянія, весенняго или осенняго равноденствія [22]). Стало быть, первыми мѣсяцами года по разсматриваемому календарю могли бы быть Панимъ, Вондроміонъ, Линэонъ или Артемисіонъ; соображенія противъ возможности начала года съ Вондроміона были уже приведены нами выше; что же касается до Линэона и Панима, то въ указанныхъ уже выше Кизикскихъ надписяхъ C. I. Gr. 3663 и 3664 они сопоставлены съ предшествующими мѣсяцами Посидэономъ и Каламэономъ *подъ одними и тѣми-же эпонимами*, изъ чего слѣдуетъ, что ни тотъ ни другой мѣсяцъ не былъ первымъ въ году. Стало быть, строго говоря, годъ въ разсматриваемыхъ календаряхъ могъ начинаться только съ перваго новолунія послѣ весенняго равноденствія, т. е. съ мѣсяца Артемисіона. Однако я не считаю возможнымъ настаивать на этомъ выводѣ, пока онъ не подтвердится новыми данными: съ одной стороны мои доводы противъ начала года съ осенняго равноденствія могутъ, пожалуй, показаться не вполнѣ убѣдительными, съ другой — мнѣ могутъ возразить, что при самостоятельномъ развитіи календарей въ Милетѣ и каждой его колоніи въ нихъ могли происходить тѣ или другія измѣненія, въ томъ числѣ и относительно начала года, такъ что данныя, почерпаемыя изъ Ольвійскихъ документовъ, не могутъ быть съ полною увѣренностью примѣняемы къ Кизикскому календарю, и наоборотъ. Поэтому безопаснѣе будетъ пока ограничиться только тѣми выводами, которые прямо вытекаютъ изъ документовъ, именно, что считать Вондроміонъ первымъ мѣсяцемъ въ году Ольвійскомъ—мало вѣроятно, а въ Кизикѣ годъ не могъ начинаться ни съ Линэона, ни съ Панима, т. е. ни съ зимняго, ни съ лѣтняго солнцестоянія.

II. Тира.

Съ календаремъ Тиры мы знакомы пока еще менѣе, нежели съ Ольвійскимъ: всѣ наши свѣдѣнія о немъ ограничиваются двумя эпиграфическими показаніями, весьма однако важными, во-первыхъ, потому, что оба они относятся къ опредѣленнымъ годамъ, во-вторыхъ, потому, что въ обоихъ Тирскіе мѣсяцы и числа сопоставлены съ мѣсяцами и числами Юліанскаго календаря. Одно изъ этихъ показаній заключается въ извѣстномъ двуязычномъ документѣ 201 года по Р. Хр. (№ 3 моего сборника), содержащемъ въ себѣ рескрипты Септимія Севера и Каракаллы, которыми была подтверждена immunitas Тирянъ,

---

[22]) Гораздо рѣже встрѣчаются случаи, въ которыхъ можно думать объ опредѣленіи начала года по восходу или заходу неподвижныхъ звѣздъ, напр. Плеядъ. См. мое соч. о календаряхъ, стр. 50 сл.

и письмо легата Овинія Тертулла къ властямъ, совѣту и народу Тирянъ съ извѣщеніемъ объ этой милости. Письмо это датировано слѣдующимъ образомъ: Ἀπεδόθη πρὸ ιγ΄ καλανδῶν Μαρτίων, Ληνεῶνος η΄. Ἀνεστάθη ἐπὶ Μουκιανοῦ καὶ Φαβιανοῦ ὑπάτων, ἐν τῷ εμρ΄ ἔτει. Затѣмъ въ недавно найденномъ декретѣ 181 г. по Р. Хр. въ честь нѣкоего Ко[кцея], изданномъ впервые В. Н. Юргевичемъ, а затѣмъ въ моемъ сборникѣ подъ № 2, оказалась датировка такого рода: Ἐγένετο ἐν Τύρῳ πρὸ ε΄ καλ(ανδῶν) Μαίων αὐτοκράτορι Κομόδῳ τὸ γ΄ καὶ Ἀντιστίῳ Βούρρῳ ὑπάτοις, ὡς δὲ Τυρανοὶ ἄγουσιν, ἔτους εκρ΄...μηνὸς Ἀρτεμεισιῶνος λ΄. Первый издатель перваго документа, П. В. Беккеръ, при объясненіи его даты нашелъ, что «ничто не можетъ быть правдоподобнѣе» того, что въ Тирѣ былъ въ употребленіи такъ называемый Азіанскій календарь (*солнечный*), извѣстный изъ hemerologium Florentinum и hem. Leydense [23]). Тому-же мнѣнію слѣдуетъ и В. Н. Юргевичъ при объясненіи декрета въ честь Кокцея [24]) Однако примирить показанія обѣихъ надписей съ названными имерологіями и между собою не представляется никакой возможности, и оба почтенные ученые для этого примиренія должны были прибѣгнуть къ предположенію объ ошибкахъ или въ имерологіяхъ, или въ чтеніи надписей. Дѣло въ томъ, что по имерологіямъ солнечный годъ Азіанскій начинался съ 24 Юліанскаго сентября, 5-й его мѣсяцъ Λήναιος (а не Ληναιών)—съ 24 января, а 7-й Ἀρτεμίσιος (не Ἀρτεμισιών)—съ 24 марта; такимъ образомъ 8-е число Линэя соотвѣтствовало 31-му января, а 30-е число Артемисія—22-му апрѣля, и, стало быть, разница съ показаніемъ документа 201 года выходитъ на 17 дней, а съ документомъ 181 года—на 5. «Такую значительную разницу, говоритъ Беккеръ о первомъ документѣ, не чѣмъ другимъ устранить, какъ предположеніемъ, что хотя буква Η (обозначающая въ надписи число) довольно ясно обозначена, но въ ней можно видѣть и Μ и принять ее за сокращенное означеніе слова μηνός, т. е. мѣсяца. Въ такомъ случаѣ полагаю, что Овиній, сравнивая Римское и Тиритское число, хотѣлъ только сблизить мѣсяцъ, а не день. Если это однакожъ покажется довольно невѣрнымъ, потому что ясное начертаніе буквы Η едва допускаетъ какую-либо перемѣну и что находящаяся надъ сею буквою горизонтальная черта указываетъ на число, то должно принять, что мѣсяцъ Линэонъ, хотя былъ изъ числа Тиритскихъ мѣсяцевъ, однакожъ въ Тирасѣ не соотвѣтствовалъ, какъ сказано въ Флорентинскомъ счисленіи, 24-му января, но начинался съ 10-го числа этого мѣсяца». Послѣдняя фраза только констатируетъ фактъ, а не объясняетъ его; что же касается до перваго объясненія, то я положительно удивляюсь тому, что Беккеръ, самъ списавшій надпись и притомъ списавшій превосходно, рѣшился

---

[23]) Записки Од. Общ. Исторіи и Древн. т. II стр. 468.

[24]) Зап. Од. Общ. XIII стр. 13 сл.

предложить его: еще теперь, спустя болѣе 30 лѣтъ, буква Н и черточка надъ нею видны совершенно явственно и не допускаютъ даже мысли о возможности смѣшенія съ М. Говорю какъ очевидецъ, внимательно свѣрившій копію Беккера съ камнемъ. Мнѣ кажется, что Беккеръ высказался такимъ образомъ не по недовѣрію къ собственнымъ глазамъ, а просто изъ желанія какъ-нибудь замаскировать свою безпомощность предъ фактомъ разногласія надписи съ имерологіемъ; однако эта безпомощность сквозитъ въ его словахъ очень ясно.—Обратимся теперь къ объясненію г. Юргевича. Почтенный профессоръ, выразивъ сожалѣніе о невозможности провѣрить чтеніе Беккера вслѣдствіе того, что принадлежащіе Одесскому Обществу Исторіи и Древностей камни съ надписями по случаю постройки новаго музея во время написанія его статьи были сложены въ одно мѣсто, продолжаетъ: «мы имѣемъ возможность на основаніи новыхъ данныхъ составить Тирасскій календарь, который убѣждаетъ насъ, что въ чтеніи прежней надписи произошла въ самомъ дѣлѣ ошибка. Основаніемъ при его составленіи я принимаю показанное на новой надписи 30 число Артемисіона, соотвѣтствующее Римскому 27-му апрѣля, придерживаясь порядка азіатскихъ мѣсяцевъ съ ихъ названіями и числа дней въ каждомъ мѣсяцѣ, означеннаго въ Hemerologium. (Слѣдуетъ таблица). Изъ этой таблицы видно, что 19-е (читай: 17-е) февраля Юліанскаго года не можетъ совпадать съ 8 числомъ Линэона (Н) и соотвѣтствуетъ 20-му, которое обозначается буквой К, и что ошибка произошла отъ легкаго смѣшенія Н съ К. Весьма любопытно, найдется ли на камнѣ послѣдняя буква, но если окажется, то это будетъ доказательствомъ правильности настоящей таблицы». Повторяю, что буква Н въ надписи 201 г. совершенно ясна—и это служитъ доказательствомъ неправильности таблицы г. Юргевича. И въ самомъ дѣлѣ, если г. Юргевичъ принимаетъ за основаніе при составленіи таблицы документъ 181 года, то съ такимъ-же правомъ можно бы было принять за основаніе надпись 201 г. и предполагать ошибку въ чтеніи документа 181 г., а найдя какую-нибудь новую надпись, не согласующуюся съ прежними—составить по ней новую таблицу и предполагать ошибки въ прежнихъ и т. д. до безконечности. Затѣмъ спрашивается, на какомъ основаніи почтенный авторъ, признавая Тирасскій календарь тождественнымъ съ календаремъ имерологіевъ, считаетъ возможнымъ безъ всякой оговорки отвергнуть показаніе послѣднихъ относительно соотвѣтствія дней Азіанскаго календаря съ Юліанскимъ, а между тѣмъ удерживаетъ тотъ-же порядокъ мѣсяцевъ, ихъ названія и число дней въ каждомъ мѣсяцѣ? Вѣдь разъ мы отвергаемъ вѣрность показаній имерологіевъ въ одномъ отношеніи, мы имѣемъ полное право отвергнуть или по крайней мѣрѣ заподозрить и остальныя показанія, и наоборотъ — вѣря остальнымъ, съ какой стати будемъ отвергать самое главное? Наконецъ, если даже оставить безъ вниманія разногласіе надписей съ имерологіями, то въ настоящее время, когда вѣрность чтенія

обѣихъ надписей оказалась не подлежащею никакому сомнѣнію, нѣтъ никакой возможности объяснить ихъ разногласіе между собою [25]). Будь разница между ними на 1—2 дня, ее легко можно было бы отнести на счетъ несогласія 30 и 31-дневныхъ мѣсяцевъ Азіанскаго календаря съ Юліанскими, несогласія високосныхъ годовъ (если предположить, что этотъ воображаемый Азіанскій календарь еще въ концѣ II и началѣ III в. по Р. Хр. не былъ урегулированъ по Юліанскому, что, конечно, весьма мало вѣроятно) и т. п.; но чтобы одинъ солнечный календарь въ теченіи 20 лѣтъ отступилъ отъ другаго на 12 дней, —это, какъ хотите, немыслимо. Остается, стало-быть, единственный выходъ изъ этого затрудненія,—именно принять, что въ 181 и 201 гг. въ Тирѣ былъ въ употребленіи не солнечный календарь, а еще древне-греческій *лунный*. Такъ думалъ еще Т. Моммзенъ при изданіи документа 201 года (C. I. Lat. III, № 780), совершенно справедливо замѣтившій относительно записанной въ немъ даты слѣдующее: «Qui in hanc rem inquisiverunt viri docti, Lenaeonem anni Milesiaci credunt respondere Atheniensium Gamelioni in universum comparando mensi anni Iuliani Ianuario, scilicet quatenus comparare licet annum lunarem cum anno solari. Cur autem Lenaeonis dies 8 a. 201 p. Chr. Tyranis inciderit in anni Iuliani Febr. 17 [26]), eius [rei] tum tantum ratio videtur reddi posse, cum de anni Tyrani natura principio intercalatione accuratius constiterit» [27]). Названія Тиранскихъ мѣ-

[25]) Замѣтимъ еще, что какъ Беккеръ, такъ и г. Юргевичъ полагаютъ, что этотъ солнечный календарь, бывшій, по ихъ мнѣнію, въ употребленіи въ Тирѣ, былъ принесенъ туда выходцами изъ Милета. Но спрашивается: когда-же? Конечно, не при первомъ основаніи колоніи, такъ какъ тогда въ Милетѣ не могъ употребляться солнечный календарь, въ составъ котораго входили мѣсяцы Ἱεροσέβαστος, Καισάριος, Τιβέριος и т. п., самыми названіями указывающіе на эпоху римскихъ императоровъ. Въ эту же эпоху связь Тиры съ своею митрополіею врядъ ли была настолько тѣсна, чтобы Милетцы могли заставить Тирянъ отказаться отъ ихъ прежняго календаря и ввести солнечный (вдобавокъ о существованіи этого «Азіанскаго» солнечнаго календаря въ самомъ Милетѣ мы ничего не знаемъ); это одно замѣчаніе, даже при неимѣніи другихъ доводовъ, могло бы заставить сильно сомнѣваться въ вѣрности мнѣнія гг. Беккера и Юргевича.

[26]) Если бы Моммзену былъ извѣстенъ документъ 181 г. въ то время, когда онъ писалъ эти слова, то онъ прибавилъ бы: «et Artemisionis dies 30 a. 181 in eiusdem anni April. 27». Чтобы наглядно представить себѣ разницу въ счетѣ дней по лунному и солнечному календарямъ, достаточно бѣглаго взгляда на любую таблицу, въ которой бы они были сопоставлены, хотя бы напр. у Бёка Zur Geschichte d. Mondcyclen der Hellenen стр. 19 (для 439—405 гг. до Р. Хр.).

[27]) Быть можетъ, кто-нибудь скажетъ, что послѣ столь категорическаго объясненія Моммзена не слѣдовало и распространяться такъ подробно о Тиранскомъ календарѣ, а достаточно было просто сослаться на слова знаменитаго историка. Но именно потому, что онъ высказался догматически и безъ опроверженія мнѣнія Беккера (котораго онъ, впрочемъ, вѣроятно и не зналъ), мнѣ казалось не лишнимъ подробно выяснить все неправдоподобіе мнѣнія гг. Беккера и Юргевича о солнечномъ календарѣ, якобы употреблявшемся въ Тирѣ во время изданія нашихъ документовъ.

сяцевъ Ληναιών и Ἀρτεμισιών, извѣстныя изъ календарей другихъ Милетскихъ колоній, даютъ намъ полное право полагать, что употреблявшійся въ Тирѣ календарь былъ принесенъ туда еще первыми поселенцами изъ Милета и, стало быть, былъ тождественъ или по крайней мѣрѣ очень сходенъ (допуская, что въ немъ могли быть сдѣланы какія-нибудь измѣненія самими Тиритами) съ календаремъ другихъ Милетскихъ колоній. Поэтому все то, что мы выше сказали объ Ольвійскомъ календарѣ, можетъ быть примѣнено и къ Тиранскому.

III. Херсонисъ Таврическій.

Относительно Херсонисскаго календаря я могу представить здѣсь только одно замѣчаніе, въ сущности вполнѣ сходное съ тѣмъ, что только-что сказано мною относительно календаря Тиры, и уже выраженное въ очень краткихъ словахъ въ моей книгѣ о календаряхъ (стр. 149 прим. 42). Дѣло въ томъ, что относительно времясчисленія въ этомъ городѣ мы имѣемъ пока лишь *одно* показаніе, находящееся въ недавно найденномъ драгоцѣнномъ памятникѣ,—декретѣ въ честь Діофанта Синопскаго, полководца Мифрадата VI Евпатора. Опредѣленіе мѣсяца и числа выражено въ декретѣ слѣдующими словами: Ταῦτ' ἔδοξε βουλῆι καὶ δήμωι μηνὸς Διονυσίου ἐνδεκάτηι. Первый издатель этого документа В. Н. Юргевичъ, справившись по Идделеру, въ составъ какихъ календарей входилъ мѣсяцъ Διονύσιος, нашелъ его въ позднѣйшемъ, солнечномъ календарѣ Виѳинскомъ, извѣстномъ изъ многихъ имерологіевъ (но не изъ эпиграфическихъ памятниковъ), и съ полною увѣренностію заключилъ, что Херсонисцы придерживались этого календаря, заимствовавъ его изъ своей митрополіи Иракліи Понтійской [28]). Заимствованіе календаря изъ митрополіи болѣе чѣмъ вѣроятно; но крайне невѣроятно, скажу даже немыслимо, чтобы это былъ солнечный календарь Виѳинскій: вѣрнѣе всего, конечно, полагать, что календарь принесли съ собою на берега Тавриды уже первые поселенцы изъ Иракліи, но въ тѣ времена о солнечномъ календарѣ у грековъ не было и помина; даже нѣсколько столѣтій спустя послѣ того времени, къ которому относится декретъ въ честь Діофанта, греки еще держались своихъ старыхъ лунныхъ календарей (въ Тирѣ напр., какъ мы только что видѣли, еще въ началѣ III в. по Р. Хр.). Спрашивается, какимъ же изъ лунныхъ календарей пользовались жители Иракліи, изъ которой онъ былъ перенесенъ въ Херсонисъ? Естественнѣе всего, конечно, думать, что они заимствовали его также изъ своей митрополіи—Мегаръ [29]). И дѣйствительно,

---

[28]) Записки Од. Общ. т. XII стр. 42. Календарь самой Иракліи намъ совершенно неизвѣстенъ.

[29]) Въ томъ, что Ираклія была колонизована изъ Мегаръ (а не изъ Милета, какъ говоритъ Страбонъ XII, 3, 4), въ настоящее время не можетъ быть никакого сомнѣнія. Ср. мою статью «Эпиграфическія данныя о госуд. устройствѣ Херсониса Таврическаго» въ Журн. М. Н. Пр. 1884 г., іюнь, отд. класс. филологіи.

мѣсяцъ Διονύσιος оказался и въ календаряхъ другихъ Мегарскихъ колоній—Халкидона и Византіи, хотя въ документахъ собственно Мегарскихъ онъ еще не встрѣчался. Впрочемъ я не буду здѣсь входить въ подробности относительно календаря Мегаръ и ихъ колоній, такъ какъ ему посвящена особая глава въ моей книгѣ о календаряхъ, къ которой и прошу обратиться желающихъ познакомиться съ нимъ обстоятельнѣе [30]). Здѣсь я хотѣлъ только указать путь, по которому слѣдуетъ идти въ случаѣ возникновенія какихъ-нибудь вопросовъ относительно Херсонисскаго календаря: ихъ разрѣшенія нужно искать не въ Виѳинскомъ календарѣ, а въ Мегарскомъ.

В. Латышевъ.

---

[30]) Въ одной изъ вновь найденныхъ Халкидонскихъ надписей, о которыхъ сдѣлалъ сообщеніе на съѣздѣ представитель Константинопольскаго Литературнаго Общества, г. Пападопуло-Керамевсъ, и которыя онъ съ величайшею любезностью передалъ мнѣ для окончательной обработки, нашлись двѣ новыя данныя для этого календаря: 1) названіе мѣсяца, соотвѣтствовавшаго аттическому Мэмактріону, было, кажется, не Μαχανεύς, а Μαχάνιος 2) послѣдній мѣсяцъ, названіе котораго еще не было извѣстно, назывался Ἀτελλαῖος (въ своей книгѣ я предполагалъ для него названіе Δάλιος).

Нѣкоторыя данныя для историческаго изслѣдованія о правителяхъ Босфора Киммерійскаго по лапидарнымъ и нумизматическимъ памятникамъ.

А. М. Подшивалова.

Послѣднія находки надписей и неизданныхъ монетъ на югѣ Россіи заставляютъ насъ измѣнить предположенія о правителяхъ Босфора Киммерійскаго, высказанныя многими учеными, занимавшимися этимъ отдѣломъ греческой исторіи, и оставить рутинныя теоріи, основанныя до сихъ поръ на ошибочныхъ, а иногда и легендарныхъ повѣствованіяхъ древнихъ историковъ. Нужно быть очень осторожнымъ въ согласованіи древнихъ сказаній съ памятниками лапидарными и нумизматическими; послѣдніе же представляютъ собой большое поле для фантазіи нѣкоторыхъ нумизматовъ и часто создаютъ мнѣнія, дѣлающіяся потомъ авторитетными.

Босфоромъ начали заниматься еще съ конца прошлаго столѣтія, особенно же много изслѣдованій историко-нумизматическихъ появилось въ 50—60 годахъ нынѣшняго столѣтія; такъ намъ извѣстны: Visconti [1]), Ch. Lenormant [2]), Cary [3]). R. Rochette [4]), Köhler [5]), Кёне [6]), Спасскій [7]), кн. Сибирскій [8]) и др. Относительная вѣрность взглядовъ этихъ ученыхъ на исторію поселеній на югѣ нынѣшней Россіи разобрана въ соч. Кёне «Описаніе музеума кн. Кочубея», а потому я не буду входить въ оцѣнку трудовъ каждаго изъ нихъ. Трудъ же г. Кёне, какъ первая попытка систематически изложить исторію городовъ и правителей

---

[1]) Rois, Iconographie grecque.

[2]) Trésor d. numismat. et de glyptique.

[3]) Histoire des rois de Thrace et de ceux du B. Cim.

[4]) Antiquités grecques du Bosph. Cim.

[5]) Serapis.

[6]) Описаніе музеума кн. Кочубея.

[7]) Цари Босф. Ким.

[8]) Записки Одес. Общ. и Отч. III Арх. Съѣзда.

Босфора, страдаетъ односторонностью взглядовъ на событія и культуру страны, но тѣмъ не менѣе служитъ пособіемъ, особенно для нумизматовъ, при изученіи монетъ Босфора Киммерійскаго. Вновь открытые памятники опровергаютъ въ настоящее время нѣкоторыя мнѣнія этого ученаго и даютъ теорію, построенную на болѣе точныхъ данныхъ.

Къ сожалѣнію, я не могу ссылаться на соч. П. О. Бурачкова: «*Сборникъ матеріаловъ для изученія искусства и монетнаго производства у народовъ древности на югѣ нынѣшней Россіи въ періодъ пребыванія тамъ Эллиновъ*», такъ какъ не имѣлъ еще возможности изучить его; но изъ просмотра книги я убѣдился, что трудъ этотъ отличается нѣкоторой новизной взглядовъ нумизмата—практика, но страдаетъ отсутствіемъ ясныхъ выводовъ, основанныхъ на нумизматическихъ памятникахъ.

Во всякомъ случаѣ, окончательный выводъ изъ историческихъ фактовъ Босфора и даже попытка связать ихъ врядъ ли скоро будутъ возможны, такъ какъ мы обладаемъ еще очень небогатымъ матеріаломъ для этого, разсѣяннымъ повсюду. Безспорно, что самое главное вниманіе должно быть обращено на форму правленія на Босфорѣ и на разграниченіе эпохи республиканской отъ монархической. Кн. Сибирскій [9]) указалъ, и, я думаю, вполнѣ вѣрно, что основаніе колоній на Босфорѣ въ 5 ст. до Р. Х. возникло черезъ уступку скиѳами своей территоріи іоническимъ выходцамъ за ежегодную дань; при этомъ неровный надѣлъ участковъ земли способствовалъ образованію поземельной аристократіи, изъ которой произошла сильная олигархическая партія въ родѣ Археанактидовъ, перешедшая черезъ полстолѣтія въ политическую партію и упрочившаяся во 2-ую династію — Спартокидовъ. Изъ словъ Діодора Сицилійскаго [10]), *что въ Азіи царями Босфора Киммерійскаго назывались Археанактиды, правившіе 42 года*, надо заключить, что владѣнія Босфора были очень ограничены и не простирались на Пантикапею; расширеніе же владѣній государства явилось позже, а именно со второй династіей, когда и самая Пантикапея стала носить названіе «Боспора» [11]), что указываетъ на ея соединеніе съ азіатской стороной.

Со вступленіемъ династіи Спартокидовъ около 438 [12]) года вырабатывается форма правленія *архонтовъ-царей*, существующая почти 250 л. Выраженіе

---

[9]) Зап. Од. Общ. Т. VI, стр. 129.

[10]) Lib. XII, Cap. 31.

[11]) Demosth. in Lept. § 29.

[12]) Dio Lib. XII, Cap. 36.

«архонтовъ-царей», конечно, должно быть понимаемо такъ: архонтъ, и притомъ наслѣдственный греческихъ городовъ и царь варварскихъ народовъ, что указываютъ намъ надписи, проводя строгое дѣленіе вышеприведенныхъ титулованій правителей Босфора. Эпоха правленія второй династіи извѣстна намъ какъ самая лучшая пора процвѣтанія культуры Босфора, явившейся благодаря сношеніямъ съ Аѳинами, съ которыми Босфоръ, какъ мы знаемъ, велъ торговлю хлѣбомъ на очень выгодныхъ условіяхъ для себя. Сношенія съ Аѳинами много помогли Спартокидамъ въ поднятіи гражданскаго духа колоніальнаго населенія Босфора, а это способствовало быстрому расширенію предѣловъ государства, которое въ правленіе Спартокидовъ простиралось на востокъ до нынѣшняго Кавказа, а на западъ до Ѳеодосіи включительно. Мы знаемъ, что начало сношеній Босфора съ Аѳинами и надѣленіе всевозможными правами и преимуществами аѳинскихъ гражданъ начинается приблизительно съ 407 г. до Р. Х., т. е. съ появленіемъ на Босфорѣ правителя Сатира и кончается царемъ Спартокомъ III, это подтверждается такими историческими свидѣтельствами, какъ рѣчи Демосѳена къ Лептину [13]), Лизій [14]), Исократъ [15]) и кромѣ того надписями: одной проксеніей, опубликованной въ Отч. Арх. Ком. за 1865 г. (207, 208) и двумя псифизмами, изъ которыхъ первый разобранъ Чендлеромъ и Беккомъ, второй—Куманудисомъ и Шефферомъ [16]). На послѣднемъ псифизмѣ я и остановлю ваше вниманіе.

Этотъ любопытный памятникъ говоритъ намъ, что за готовность сыновей Левкона, Спартока и Перисада, принять на себя высылку хлѣба въ Аѳины, народъ аѳинскій постановилъ вѣнчать каждаго изъ нихъ золотымъ вѣнкомъ и воздвигнуть имъ колонны, рядомъ съ подобными же, посвященными Сатиру и Левкону, ихъ дѣду и отцу, а на колоннахъ начертать это постановленіе. Проф. Шефферъ, основываясь на томъ, что имена Спартока и Перисада, сыновей Левкона, встрѣчаются вмѣстѣ и что награда аѳинскаго народа присуждается обоимъ въ равной степени, приходитъ къ тому заключенію, что *они должны были править нѣкоторое время вмѣстѣ*. Въ самомъ дѣлѣ, Перисадъ умеръ въ 310 году, а по Діодору Сиц. онъ правилъ 38 л.[17]), слѣд., начало его правленія будетъ въ 348 году; въ этотъ же промежутокъ мы должны помѣстить и брата его, соправителя—Спартока, правившаго по Діодору 5 лѣтъ, т. е. съ 348—343, что не стоитъ въ разногласіи съ повѣствованіемъ этого

---

[13]) Demosth. in Lept. § 29.

[14]) Pro Mant. Cap. 16, § 4.

[15]) Trapezit. Cap. 26, 29.

[16]) Rheinisches Museum für Philologie 1878, XXXIII S. 426.

[17]) Lib. XVI, Cap. 52.

историка, который подъ годомъ 358 повѣствуетъ о Босфорѣ такъ: «*Въ Понтѣ въ это время умеръ Спартокъ, правившій 5 л., которому наслѣдовалъ его братъ Перисадъ, правившій 38 лѣтъ*». Къ 347 году и относится этотъ псифизмъ, когда сейчасъ-же послѣ смерти Левкона оба брата поспѣшили принять правленіе на Босфорѣ и заявить аѳинянамъ чрезъ своихъ пословъ Ѳеодосія и Сосія, что по отношенію къ Аѳинамъ они будутъ держаться политики своихъ предшественниковъ Сатира и Левкона. Но кромѣ измѣненія годовъ правленія Спартока II съ 348—343, а не съ 353—348, какъ я указалъ сейчасъ, должны измѣниться года правленія и ихъ предшественниковъ: Сатира и Левкона; поэтому первый правилъ не 14 л. [18]) (407—393), а 19 [19]) (407—387), второй же не 40 л. (393—353), а 35 л. (387—348). Я думаю, что признавать точность годовъ правленія архонтовъ-царей Босфора по Діодору Сицилійскому мы не можемъ, и что высказанное мнѣніе проф. Шеффером [20]), что этотъ историкъ, дѣлая свои замѣтки о Босфорѣ въ ряду событій другихъ государствъ, не ставилъ ихъ рядомъ хронологически вѣрно а только приблизительно, слѣдуетъ признать вполнѣ возможнымъ. Совмѣстное управленіе сыновей Левкона I: Спартока II и Перисада I заставляетъ насъ сдѣлать замѣчаніе, что государство въ первый разъ было раздѣлено между сыновьями Левкона I, а не Перисадомъ I, какъ это было принято до сихъ поръ.

По моему мнѣнію, Босфоръ состоялъ изъ слѣдующихъ трехъ частей: 1) собственно Босфоръ, въ который входили: г. Пантикапея и другіе города европейскаго берега, кромѣ Ѳеодосіи; 2) города: Фанагорія, Гермонасса и др. азіатскаго берега; 3) Ѳеодосія. Подобное дѣленіе я заимствую изъ надписей, которыя, указывая на тѣ области, которыми правилъ какой-либо архонтъ-царь, постоянно составляются въ слѣдующей формѣ: такой-то архонтъ Босфора и Ѳеодосіи, царь Синдовъ, Меотовъ и друг. народовъ [21]).

Со Спартока III, с. Эвмела, около 284 г. на Босфорѣ начинаетъ мѣняться правленіе, переходя постепенно въ монархическое. Причина появленія царей (basileus) станетъ понятна, если мы опять обратимся къ той-же Греціи, когда уже могущество Аѳинъ начинаетъ падать и когда греки ищутъ себѣ опоры въ наемныхъ войскахъ, давая возможность возникнуть деспотамъ. Все это не могло не отразиться на Босфорѣ, гдѣ эллинскій гражданскій духъ вырождается вслѣдъ за

---

[18]) Dio. Lib. XIV, Cap. 93.

[19]) Ibidem.

[20]) Смотри примѣч. № 16.

[21]) Boeckh. Corpus inscript. graec. №№ 2117, 2118, 2119, 2120, 2134a etc.

автономіей городовъ. Кромѣ того, этому вырожденію помогаетъ и самое «оскиѳленіе» государства. Изъ надписей, найденныхъ въ разное время, мы узнаемъ, что Спартокъ III с. Эвмела былъ архонтомъ, архонтомъ—царемъ и царемъ [22]). Въ силу какого условія присвоиваетъ онъ себѣ власть «царя», мы сказать не можемъ, но должны предположить, что это было вызвано какимъ-то переворотомъ, послѣ котораго и начинается монархическое правленіе династіи Перисадовъ, оставившей намъ въ подтвержденіе этого, кромѣ надписей, еще драгоцѣнные памятники—монеты, къ которымъ я и перейду.

Нужно признать необходимымъ и установить разъ на всегда то мнѣніе о монетахъ правителей Босфора Киммерійскаго, что они тогда только могли бить ихъ, когда пользовались правомъ носить титулъ царя, а не архонта-царя. Поэтому всѣ занимающіеся монетами Босфорскаго царства дѣлали грубыя ошибки, относя монеты: Левкону I, Перисаду I, Перисаду II, Спартоку III и др.

Династіи царей Перисадовъ мы должны отвести мѣсто между 250—95 до Р. Х., но указывать года правленія каждаго изъ представителей этой династіи, какъ это сдѣлалъ Кёне, мы не имѣемъ ни малѣйшей возможности. Согласуя надписи съ монетами Перисадовъ, должны признать, что царей съ этимъ именемъ было не менѣе *четырехъ*. Порядокъ ихъ слѣдованія по стилю чекана переданъ въ брошюрѣ А. В. Орѣшникова: Zur Münzkunde des Cim. Bosp. и почти согласуется съ моими выводами о расположеніи монетъ Перисадовъ, основанными на иныхъ данныхъ.

Какъ перваго царя Босфора, монеты котораго дошли до насъ, я считаю Перисада III, сына Перисада II, что подтверждаетъ монограмма [23]), поставленная впереди Аѳины и означающая инициалы, именно: ΠΑΙΡΙΣΑΔΟΥ. Далѣе слѣдуетъ царь Спартокъ (I, 12), который вѣроятно былъ сынъ Перисада III, что я вывожу изъ родственнаго сходства между отцемъ и сыномъ и опять монограммы [illegible], которую должно читать, какъ и предыдущую. Къ этому царю относится надпись, изданная у Бекка подъ № 2107c, въ которой упоминается, что нѣкто Аглай посвятилъ статую Вакху въ царствованіе Спартока, сына Перисада. Единственная монета этого царя принадлежитъ Моск. Публичн. Рум. муз. и болѣе подробное знакомство съ ней можно имѣть въ I вып. каталога [24]) монетъ музея, вышедшемъ въ нынѣшнемъ году.

---

[22]) Boeckh. №№ 2105, 2106, 2120.

[23]) Отчетъ Имп. Археол. Коммиссіи за 1880 г., атласъ, табл. II, 4, 5.

[24]) Подшиваловъ, *Кат. нумизматическаго кабинета Румянцовскаго музея*, стр. 31, № 234.

Слѣдующій царь Перисадъ IV могъ быть сыномъ этого Спартока, и къ нему слѣдуетъ отнести 4 надписи [25]), опубликованныя въ разное время въ археологическихъ журналахъ, гдѣ онъ упоминается какъ царь и сынъ Спартока. Относительно же монеты, которая могла принадлежать этому царю, я долженъ сдѣлать слѣдующую оговорку: дѣлать по ней какіе-либо выводы очень трудно на томъ основаніи, что рисунокъ ея плохъ, а оригиналъ, принадлежавшій когда-то князю Сибирскому, неизвѣстно гдѣ находится. Послѣ Перисада IV мы должны помѣстить Левконовъ [26]), вѣроятно, двухъ царей этого имени, потому что монеты одного отличаются формой чекана и качествомъ металла отъ другаго. За ними идутъ двѣ монеты Перисадовъ [27]), совершенно отличающіяся несходствомъ лицъ, а потому слѣдуетъ предполагать опять двухъ царей съ этимъ именемъ, т. е. Перисада V и VI. Возможно, что монеты послѣдняго Перисада принадлежатъ именно тому царю, который добровольно призналъ власть Миѳрадата Эвпатора [28]) и царствовалъ на Босфорѣ, пока не былъ убитъ скиѳомъ Савмакомъ.

Сдѣлавъ такую классификацію монетъ въ династіи Перисадовъ — а другой пока, по недостатку памятниковъ, быть не можетъ — перехожу къ той эпохѣ Босфора, когда это государство подчиняетъ себѣ Миѳрадатъ VI. Это, какъ мы знаемъ изъ Страбона, случилось вслѣдствіе паденія городовъ Тавриды, разграбляемыхъ скиѳами и другими варварскими племенами, которыя довели наконецъ эти цвѣтущія колоніи до того, что цари не въ состояніи были платить дань, наложенную на нихъ этими народами, и приняли понтійскаго царя полу-эллина, какъ своего освободителя, съумѣвшаго сперва сдѣлаться покровителемъ Босфора, а потомъ явиться царемъ-полководцемъ, за которымъ готовы были двинуться азіатскіе народы, въ надеждѣ, что онъ создастъ новое азіатское владычество. Появленіе на Босфорѣ Миѳрадата, его войны со скиѳами, подчиненіе Босфора и г. Херсониса должно отнести къ періоду между 112—95 г., т. е. до войны съ Римлянами и завоеванія М. Азіи. Важнымъ памятникомъ всего этого служитъ недавно найденная надпись въ Херсонесѣ, разобранная проф. Юргевичемъ въ Запискахъ Импер. Одесск. Общ. Исторіи и Древностей [29]).

---

[25]) Boeckh. №№ 2107, 2107 b, 2120 b, Древн. Босф. Ким. надпись № IX.

[26]) Сибирскій кн. *Каталогъ* монетъ, табл. VII 1, 2, 7, 8, 9.

[27]) *Numismatique des rois grecs*, pl. XXIV, 2. Oreschnikoff, *Z. M. d. C. Bosporus.* S. 2—3, №№ VI, VII.

[28]) Strabo Lib. VII, 4, 4.

[29]) Томъ XII, стр. 8—15.

Содержаніе ея слѣдующее: граждане г. Херсониса поставили полководцу Миѳрадата Діофанту бронзовую статую за тѣ услуги, которыя имъ оказалъ онъ, и за его удачныя войны со скиѳами. Когда же скиѳы, во главѣ которыхъ стоялъ Савмакъ, сдѣлали переворотъ, выдавъ Босфорскаго царя Перисада, и составили противъ него заговоръ, то, видя опасность дѣлъ Босфора, Діофантъ немедленно овладѣлъ Ѳеодосіей, Пантикапеей наказалъ виновниковъ возстанія и, захвативъ Савмака, отъ котораго погибъ Перисадъ, отослалъ его на престолъ.

Усмиреніе возстанія Діофантомъ могло повести къ тому, что Миѳрадатъ присвоиваетъ въ это время власть царя и чеканитъ спеціально для Босфора бронзовыя монеты съ моногр. ΒΑΕ что означаетъ βασιλέως Εὐπάτορος—въ продолженіи 7 лѣтъ; но съ назначеніемъ сына своего Махареса архонтомъ—царемъ, которое случилось вслѣдъ за возстаніемъ Колховъ въ 80 году, прекращаетъ выпускать ихъ для Босфора. Въ 70 году Махаресъ измѣняетъ своему отцу, объявляетъ себя царемъ, признавъ себя въ подданствѣ Римлянъ. Къ этому времени и надо отнести одну бронзовую монету съ моногроммой ΒΑΜ, которая, если допустить предположеніе г. Орѣшникова, какъ принадлежащая Махаресу, бита послѣ 70 года. По моему, ее вѣрнѣе отнести тому-же Миѳрадату Эвпатору. Начало появленія серебряныхъ и золотыхъ монетъ М. Эвпатора съ его портретомъ и съ означеніемъ на нихъ года относится къ 95 году; если же мы имѣемъ его монеты безъ обозначенія года, то по встрѣчающимся на нихъ монограммамъ, которыя одни и тѣ-же, что на монетахъ съ годами, должны считать ихъ выпущенными одновременно. При этомъ какъ тѣ, такъ и другія биты для всего Понта (онѣ же были въ обращеніи и на Босфорѣ). На лицевой сторонѣ этихъ монетъ изображена голова царя въ діадемѣ съ волосами ниспадающими назадъ или же развѣвающимися (послѣднее изображеніе, по мнѣнію Висконти[30]), взято со статуи, гдѣ царь могъ быть изображенъ на скачущемъ конѣ). Обратная же сторона монеты представляетъ собой плющевый вѣнокъ, въ которомъ изображенъ Пегасъ или лань (появленіе ея на монетахъ встрѣчается съ 89 г.); сбоку—гербъ Ахеменидовъ: звѣзда въ полумѣсяцѣ. Всѣ подобные хризосы и тетрадрахмы отличаются годами и монограммами; послѣдними царь старается указать свое божественное происхожденіе, провозгласить побѣду, почитаніе какого-либо божества и т. п. Монограммы эти, какъ мнѣ кажется, имѣютъ отношеніе къ ходу событій на Босфорѣ и требуютъ спеціальнаго изслѣдованія.

Изъ прочитаннаго мною, Мм. Гг., Вы могли убѣдиться въ важности монетъ, какъ памятниковъ, пополняющихъ скудныя свѣдѣнія о Босфорѣ,

[30]) Iconographie p. 183.

оставленныя намъ древними; а потому обращаюсь съ покорнѣйшей просьбой къ лицамъ завѣдывающимъ нумизматическими кабинетами, а также и къ частнымъ владѣльцамъ нумизматическихъ коллекцій—не отказать въ сообщеніи о новыхъ могущихъ быть найденными монетахъ, опубликовать ихъ и этимъ самымъ помочь исправленію ошибокъ и разрѣшенію многихъ спорныхъ вопросовъ по исторіи Босфора.

А. Подшивалов.

Босфоръ Киммерійскій въ эпоху Спартокидовъ по надписямъ и царскимъ монетамъ.

(По поводу сочиненій: Б. Кёне «Музей кн. Кочубея» и П. О. Бурачкова «Общій каталогъ монетъ, принадлежащихъ Эллинскимъ колоніямъ сѣвернаго берега Чернаго моря. 1884 года»).

А. В. Орѣшникова.

Греческія колоніи сѣвернаго берега Эвксинскаго Понта оставили послѣ себя многочисленные памятники культуры, если и не принадлежавшіе исключительно туземному искусству, а привозные или сдѣланные по греческимъ оригиналамъ, по тѣмъ не менѣе свидѣтельствующіе, насколько развитъ былъ тамъ вкусъ общества и какъ велики были его эстетическія потребности. Вполнѣ понятно, что чѣмъ болѣе находимъ мы остатковъ давно исчезнувшаго быта, тѣмъ сильнѣе увеличивается интересъ къ изученію его. Наглядные примѣры видимъ въ археологической литературѣ второй половины нашего вѣка: раскопки въ Ассиріи, Египтѣ, блестящія находки въ Микенахъ, Гиссарликѣ, Олимпіи, Пергамѣ породили многочисленные труды, пролившіе не мало свѣта на культуру древняго міра. То-же явленіе замѣчается и по отношенію къ изученію культуры и исторіи мѣстности Таврическаго и Таманскаго полуострововъ, извѣстной въ древности подъ именами Херсонеса Таврическаго и Босфора Киммерійскаго. Первыя попытки къ изученію исторіи этой мѣстности были сдѣланы иностранцами еще въ XVIII вѣкѣ; затѣмъ путешествія ученыхъ первой четверти нашаго вѣка возбудили интересъ къ дальнѣйшему собиранію и обработкѣ историческаго и археологическаго матеріала, результатомъ изученія котораго появились труды Рауль-Рошета, Кёлера, Спасскаго, Ашика и другихъ. Не буду вдаваться въ подробное разсмотрѣніе произведеній упомянутыхъ ученыхъ, которыя наполнены массою ошибокъ и отличаются общею любопытною характерною особенностью: нетождественностью выводовъ и мѣстами полнымъ разногласіемъ, которыя будутъ вполнѣ понятны и извинительны, если принять въ соображеніе новизну предмета, недостатокъ историческихъ источниковъ

вслѣдствіе потери многихъ древнихъ сочиненій, гдѣ говорилось объ этихъ странахъ и наконецъ, сравнительно съ нашимъ временемъ, малое количество археологическаго матерьяла: надписей, монетъ, принесшихъ теперь громадную пользу для разъясненія темныхъ мѣстъ босфорской исторіи. Всякая находка монеты, надписи, открывающая новое, неизвѣстное до тѣхъ поръ имя царя, комментировалась каждымъ ученымъ по своему, монета приписывалась то одному царю, то другому, его сопернику, промежуткомъ правленія между которыми бывалъ иногда въ 200 лѣтъ; для характеристики укажу на извѣстныя монеты Пэрисадовъ, первый найденный экземпляръ которыхъ приписывался въ 1729 г. де-Бозомъ Пэрисаду I (348—311), учеными нашего вѣка: Висконти — Пэрисаду II, Кёлеромъ—третьему, барономъ Кёне—опять второму и наконецъ г. Бурачковымъ, возвратившимся ко взгляду ученаго начала XVIII вѣка — Пэрисаду I. Подобные курьезы встрѣчались и въ древней географіи, и можно увѣренно сказать, что и до сихъ поръ Киммерійскій мракъ не разсѣялся и послѣднее слово далеко еще не сказано во многихъ пунктахъ этой темной исторіи; многое написанное состоитъ изъ однихъ догадокъ, предположеній, и одною изъ главныхъ задачъ археологіи настоящаго времени должна быть критика и провѣрка матерьяла, какъ оставленнаго отъ древности, такъ и разработаннаго нашими и заграничными учеными.

Потребность привести все добытое въ болѣе стройный видъ явилась еще 40 лѣтъ назадъ. Эту потребность попытался удовлетворить Спасскій, издавъ свой «Босфоръ Киммерійскій», потомъ появился трудъ Ашика «Босфорское царство», но главную заслугу оказалъ баронъ Кёне, собравъ въ своемъ классическомъ сочиненіи «Описаніе музеума кн. Кочубея. 1855 г.» свѣдѣнія о Босфорѣ древнихъ писателей, описавъ всѣ ему извѣстные типы монетъ, играющихъ не послѣднюю роль между археологическими матерьялами и, наконецъ, разобравъ мнѣнія, выводы другихъ ученыхъ, своихъ предшественниковъ. Но съ тѣхъ поръ прошло болѣе 25 лѣтъ: новые успѣхи археологіи значительно подвинули впередъ и разъяснили многія мѣста исторіи Босфора и тѣмъ, такъ сказать, заставили устарѣть это сочиненіе и вызвать потребность пополнить его пробѣлы, исправить его неточности. Г. Бурачковъ взялъ на себя трудъ представить намъ съ современной, научной точки зрѣнія, въ послѣдовательномъ порядкѣ и съ новой классификаціей царей весь огромный запасъ монетъ городскихъ и царскихъ: городскія отъ Тираса до Горгиппіи, царскія отъ Спартокидовъ до Ининтимея включительно, въ своемъ сочиненіи «Общій каталогъ монетъ, принадлежащихъ Эллинскимъ колоніямъ сѣвернаго берега Чернаго моря и т. д. Одесса. 1884 г.». Остается пожалѣть, что почтенный авторъ мало подѣлился съ ученымъ міромъ своими историческими примѣчаніями и не познакомилъ публику или же только коснулся отчасти содержанія надписей Спарто-

кидовъ, открытыхъ въ послѣднее десятилѣтіе; а потому, не касаясь отдѣла автономныхъ монетъ, имѣющихъ, главнымъ образомъ, связь съ древнею географіею и миѳологіею, обращусь прямо къ царскимъ монетамъ, стоящимъ въ связи съ надписями, и упомяну о содержаніи пропущенныхъ имъ нѣкоторыхъ лапидарныхъ памятниковъ, причемъ считаю нужнымъ оговориться, что мои дополненія не суть слѣдствіе выраженія г. Бурачкова (стр. 211), что онъ имѣлъ въ виду исключительно описаніе монетъ, а потому пропускалъ тѣхъ династовъ, которые не оставили монетъ, но будутъ имѣть характеръ краткихъ замѣтокъ. Взять-же на себя трудъ пополнить по новымъ даннымъ сочиненія барона Кёне и г. Бурачкова было-бы слишкомъ смѣло, и подобный трудъ долженъ имѣть широкія границы. Выше я сказалъ, что новыя археологическія находки дали новый матеріалъ; поэтому я въ хронологическомъ порядкѣ перечту главнѣйшія надписи. Ихъ три: первая, древнѣйшая, найденная въ Пиреѣ (близъ Аѳинъ) и опубликованная Куманудисомъ въ Аѳинеѣ (VI, 152), говоритъ о сыновьяхъ Левкона I: Спартокѣ, Пэрисадѣ и Аполлоніи. Вторая, найденная въ 1876 г. на горѣ Миѳридата въ Керчи и опубликованная г. Стефани въ Отч. Археол. Коммиссіи за 1877 г., даетъ имена новыхъ, неизвѣстныхъ въ исторіи династовъ Босфора. Третья надпись—псифизмъ Діофанта, полководца Миѳридата VI Эвпатора.

Опубликованная Куманудисомъ надпись есть декретъ 8-й Эгеидской пританіи въ архонтство Ѳемистокла, соотвѣтствовавшее 346 г. до Р. Х. Декретъ этотъ вызванъ обѣщаніями и увѣреніями правителей Босфора аѳинскимъ гражданамъ по отпуску хлѣба въ Аѳины. Содержаніе надписи, разобранное Шеферомъ (Rheinisches Museum für Philologie, 1878 B. XXXIII), представляетъ двоякій интересъ: даетъ любопытныя хронологическія указанія на время правленія сыновей Левкона I и, во-вторыхъ, подтверждаетъ тѣсную связь, существовавшую между Босфоромъ Киммерійскимъ и Аѳинами, начиная съ конца V вѣка. О тѣсной связи двухъ упомянутыхъ государствъ, кромѣ надписи, даютъ намъ свѣдѣнія древніе писатели (подробности и ссылки у б. Кёне M. K. II, стр. 10 и слѣд.) и другая надпись, подобная Пирейской, въ честь Спартока сына Эвмела (см. у Бёка № 107), показывающая, что еще въ половинѣ III вѣка до Р. Х. старая дружба двухъ государствъ не прекращалась. Осязательнымъ доказательствомъ сношеній съ Аѳинами служатъ намъ художественныя произведенія искусства, добытыя раскопками. Стоитъ только просмотрѣть атласы Отчетовъ Археологической Коммиссіи, чтобы увидать, какое значительное количество приходится на долю предметовъ аттическаго происхожденія; для примѣра укажу на бляхи Куль-Обскаго и друг. кургановъ съ изображеніемъ головы Аѳины Парѳеносъ Фидія, на превосходныя вазы: Панаѳинейскую (Отч. Арх. Ком. за 1876 г.), другую съ рельефнымъ изображеніемъ спора Аѳины съ Посейдономъ, изображеннымъ на фронтонѣ Парѳенона (тоже,

за 1872 г.) и третью съ надписью художника Ксенофонта Аѳинянина, представившаго на вазѣ охоту варваровъ на грифоновъ, миѳическихъ животныхъ, обитавшихъ, по понятіямъ Грековъ, Киммерійскія страны. Послѣдняя ваза интересна съ той точки зрѣнія, что иностранные художники приноравливались ко вкусу жителей Босфора, передавая въ своихъ произведеніяхъ изображенія мѣстнаго характера. Но всѣ находки многочисленныхъ изящныхъ статуэтокъ, золотыхъ предметовъ, вѣнковъ и вазъ могутъ намъ помочь увидать въ обильномъ ихъ привозѣ въ Пантикапею или если не въ привозѣ, то въ производствѣ на мѣстѣ поселившимися художниками Греціи, что на Босфорѣ культура Грековъ привилась очень слабо, и нерѣдко въ одномъ и томъ-же курганѣ (напр. Куль-Обскомъ) рядомъ съ изящнымъ золотымъ медальономъ греческой работы встрѣчается грубое, аляповатое произведеніе туземнаго артиста. Отсутствіе вкуса, выразившееся въ художественномъ стилѣ [1]) и, какъ можно предположить, невысокое развитіе промышленности, напр. ткацкой, доказательствомъ чему служитъ привозъ матерій изъ Аѳинъ (см. Отч. Арх. Ком. за 1878 г. стр. 123), показываютъ, что стремленіе Грековъ было не подчиненіе древнихъ обитателей Таврическаго полуострова ихъ культурѣ, а исключительно торговые интересы. Притягательная сила Босфора Киммерійскаго заключалась въ плодородіи страны, главный рынокъ которой былъ въ Пантикапеѣ. Каменистая почва Аттики не родила хлѣба, поэтому становится понятнымъ стремленіе въ V вѣкѣ къ колонизаціи по берегамъ Чернаго моря сначала Іонійцевъ, а потомъ Аѳинянъ. Неизвѣстно, съ какого времени стала Милетская колонія Нимфея, сосѣдка Пантикапеи, аѳинскою, но едва-ли не вѣроятно предположеніе кн. Сибирскаго (см. Третій Арх. Съѣздъ стр. 125), что подчиненіе ея Аѳинянамъ произошло въ половинѣ V вѣка, въ экспедицію Перикла въ Понтъ. Въ этомъ фактѣ, доказывающемъ политику Аѳинъ распространить свою гегемонію, видно, какой важный пунктъ былъ Босфоръ Киммерійскій для Греціи. Неизвѣстно, что заставило Аѳинянъ потерять ихъ колонію, но изъ одной рѣчи Эсхина противъ Ктезифона мы узнаемъ, что аѳинскій измѣнникъ Гилонъ передалъ городъ властителямъ Босфора. Событіе это произошло въ концѣ V вѣка, когда могущество Аѳинянъ поколебалось, чѣмъ, по всей вѣроятности, воспользовались Босфоране, чтобы освободиться отъ сильнаго сосѣда.

На другомъ берегу Босфорскаго пролива, на азіатской сторонѣ, Аѳиняне, вѣроятно, тоже должны были имѣть пункты опоры для ихъ торговли; на это, впрочемъ, мы не имѣемъ прямыхъ доказательствъ, но нѣкоторыя остроумныя соображенія кн. Сибирскаго (см. тамъ-же) объ основаніи въ Синдикѣ въ 425 г.

---

[1]) Ср. Древности Босфора Киммерійскаго табл. XXVI, 1. XXXII 1, 10, многочисленныя терракотовыя статуэтки, такъ назыв. варварскія, и плохія вазы съ бѣдными рисунками.

во время архонтства въ Аѳинахъ Стратокла, колоніи его имени—Стратоклеи допускаютъ это. Вѣроятно, что Стратоклея существовала недолго, такъ какъ объ ней, кромѣ Плинія (Hist. nat. кн. VI, 6), заимствовавшаго свои свѣдѣнія у авторовъ, писавшихъ гораздо ранѣе его, ни у кого не упомянуто. Тѣмъ не менѣе взгляда кн. Сибирскаго отрицать совсѣмъ нельзя: мнѣніе его о вліяніи Аѳинъ на азіатской сторонѣ Босфора подтверждается важнымъ документомъ —монетою Синдовъ (см. Общ. кат. г. Бурачкова стр. 177 № 11). Эта монета, по стилю своему принадлежащая IV вѣку до Р. Х., имѣетъ типъ совершенно несвойственный Синдикѣ: аѳинскую сову съ распущенными крыльями, какъ на декадрахмахъ Аѳинъ (см. Das koenigliche Münzkabinet стр. 61). Но изображеніе аѳинскаго типа можетъ быть объясняемо по аналогіи съ появленіемъ подобнаго-же типа на монетахъ Амизоса, являющагося на нихъ послѣ того, какъ Милетская колонія Амизосъ была обращена Аѳинянами въ ихъ колонію (Страбонъ XII, 3, 14) съ перемѣною имени въ Пирей, которое въ эту эпоху и замѣняетъ на монетахъ имя Амизоса, вмѣстѣ съ новымъ именемъ появляется аѳинская сова (см. Imhoof-Blumer, Griechische Münzen in der Grossherz.—Badischen Samml. in Carlsruhe 1879 стр. 18 и Mionnet, Suppl. IV №№ 86—90). Проксенія Пэрисада I и сыновей его (см. Отч. Арх. Коммиссіи за 1865 г. стр. 207), данная Ботрису изъ Пирея, опредѣляетъ эпоху, когда Амизосъ былъ Пиреемъ. Изъ сопоставленія двухъ указанныхъ фактовъ—монетъ Синдской и Пирейской, является большая вѣроятность, что у Аѳинянъ было намѣреніе расширить вліяніе также и на азіатскую сторону Босфорскаго пролива.

Разсматривая культы боговъ Босфора, мы видимъ въ большинствѣ случаевъ ихъ обще-греческое происхожденіе (Зевсъ, Аполлонъ, Деметра и др.), по которому трудно судить, какая часть Греціи имѣла всего больше вліянія[2]); но мнѣ кажется, что про поклоненіе Афродитѣ Уранiи Апатурѣ можно сказать болѣе опредѣлительно: Бёкъ (№ 2120) говоритъ, что культъ этотъ, очень древній на Босфорѣ, былъ туда занесенъ Милетцами, основателями колоній. Не менѣе шансовъ будетъ за то, что онъ могъ попасть туда въ V вѣкѣ съ Аѳинянами, такъ какъ въ Аѳинахъ былъ культъ этой богини, а въ прозвищѣ ея Апатура слышится названіе того праздника Апатурій, чисто аѳинскаго происхожденія, начало котораго одна аѳинская легенда относитъ къ войнѣ въ XI в. до Р. Х. между Аѳинянами и Беотійцами (Schol. Aristoph. Achaern. 146). Во время Апатурій Аѳиняне вносили въ списки и принимали во фратріи ихъ дѣтей, причемъ приносили жертвы Зевсу и Аѳинѣ. Общественное значеніе этого праздника распространялось на многіе Іонійскіе города, откуда, въ подтвержденіе мнѣнія Бёка, могло зайти съ Милетцами и на Босфоръ Киммерійскій, но, имѣя

[2]) Существованіе и происхожденіе культа боговъ Астарты, Сенерга понятно.

въ виду существованіе культа Афродиты Уранія у Аѳинянъ (Павзаній 1, 19, 2), онъ, при принятой ими политикѣ въ V в. занимать важные пункты съ коммерческими цѣлями, попалъ съ ними и на Босфоръ. Можетъ быть, одновременно съ основаніемъ культа Афродиты Уранія возникло и селеніе Апатуръ, близь Фанагоріи, съ храмомъ богини (Страбонъ XI, 2, 10). Положеніе этого селенія близъ столицы азіатскаго Босфора очень сходно съ положеніемъ Нимфеи, колоніи Аѳинъ, лежавшей рядомъ со столицей европейскаго Босфора. Изображеніе Афродиты Уранія, но не Астарты, какъ думали прежде, фигурируетъ на множествѣ монетъ Ахеменидовъ; находящіеся при ней аттрибуты: скипетръ, сфера, Эросъ указываютъ на небесную Афродиту, столько разъ упоминаемую въ надписяхъ Спартокидовъ и Ахеменидовъ. Видѣть, какъ думаетъ бар. Кёне (М. К. I 337), въ культѣ Афродиты Уранія связь съ культомъ скиѳской Артимпазы едва ли возможно.

Г. Стефани (Отч. Арх. Ком. за 1865 г.) выражаетъ мнѣніе, что гробница жрицы Деметры доказываетъ существованіе Элевзинскихъ таинствъ на Босфорѣ, главный центръ которыхъ былъ въ Аттикѣ. Происхожденіе ихъ соединяется съ именемъ Эвмолпа, основателя ихъ и родоначальника Ахеменидовъ, что видно изъ надписи Рескупориса III (Зап. Од. Общ. т. V). Разбирая генеалогію миѳическаго Эвмолпа (Павзаній I, 38, 2), мы наталкиваемся на то, что Ѳракія, его родина, имѣла какую-то связь съ родомъ Спартокидовъ и Ахеменидовъ, выражавшуюся въ сходствѣ именъ правителей ѳракійскихъ и босфорскихъ: Спарадокъ и Спартокъ, Котисы, Римиталки, но историческихъ указаній на эту связь нѣтъ.

Заговоривъ о культахъ боговъ, нельзя пройти мимо бога Пана, изображеніе котораго всего чаще встрѣчалось на монетахъ Пантикапейскихъ. Баронъ Кёне (М. К. I, 334) говоритъ: «главнымъ божествомъ былъ Панъ... удивительно, что объ немъ не говорятъ мраморы». Дѣйствительно, молчаніе объ немъ историковъ и отсутствіе его имени на надписяхъ заставляетъ усумниться въ существованіи его культа на Босфорѣ. Не есть ли въ этомъ случаѣ его изображеніе просто armes-parlantes города? Первые колонизаторы—Греки въ туземномъ названіи мѣста услышали созвучіе имени съ ихъ богомъ Паномъ и стали производить отъ него имя «Пантикапея», а впослѣдствіи помѣстили его голову на монетахъ. Разсужденія г. Бурачкова (op. cit. стр. 145 и слѣд.) о значеніи типовъ обратныхъ сторонъ монетъ съ головою Пана сами по себѣ совершенно вѣрны, но возможно ли допустить исключительное отношеніе этихъ типовъ только къ Пану, какъ къ культурному божеству? Нельзя ли ихъ проще объяснить тѣмъ, что типы относятся къ тѣмъ божествамъ, культы которыхъ дѣйствительно существовали въ Пантикапеѣ: наприм. грифонъ къ Аполлону, голова быка къ Деметрѣ и т. д., и вдобавокъ, зачѣмъ-же бы стали художники мѣнять такъ часто физіономію божества: то съ бородою, то безъ нея,

какъ у Сатира, съ волосами взъерошенными или приглаженными, что заставляетъ предположить вмѣстѣ съ отсутствіемъ надписей и молчаніемъ историковъ о несуществованіи какъ опредѣленнаго типа мѣстнаго бога, подобно другимъ городамъ (въ Аѳинахъ—Аѳины, въ Элидѣ—Геры и т. д.), такъ и его культа и храмовъ. Интересно еще то, что появленіе изображеній Пана относится не къ первымъ годамъ исторической жизни Пантикапеи, но къ болѣе поздней, судя по стилю, къ IV в. до Р. Х., когда онъ замѣнилъ прежніе типы Милета: льва и Аполлона. Къ этому же времени относится обломокъ псифизма (Бёкъ № 2103[c]), Аркадцевъ въ честь Левкона сына Сатира, свидѣтельствующій о какихъ-то сношеніяхъ Босфора Киммерійскаго съ Аркадіей, страною, гдѣ особенно чтился Панъ.

Возвращаюсь къ Пирейской надписи; содержаніе ея слѣдующее: сыновья Левкона I Спартокъ и Пэрисадъ (титула передъ ними въ надписи не поставлено) отправили въ Аѳины посольство въ то время, когда тамъ былъ архонтомъ Ѳемистоклъ, въ 8-ю Эгеидскую пританію, соотвѣтствовавшую 346 г. до Р. Х. Послы Созій и Ѳеодосій имѣли письменныя и устныя порученія, въ которыхъ они увѣряли аѳинскихъ гражданъ, что Спартокъ и Пэрисадъ будутъ, по примѣру ихъ отца, заботиться о вывозѣ хлѣба и предоставляли себя къ дальнѣйшимъ услугамъ. Правители Босфора, въ ожиданіи, что Аѳиняне окажутъ имъ тѣ-же знаки почета, какіе были сдѣланы Сатиру и Левкону, опредѣлили отъ ихъ имени посвятить золотые вѣнки Аѳинѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ они напоминаютъ о платежѣ денежной суммы, которую должны имъ граждане, и просятъ дозволить набрать въ Аѳинахъ моряковъ. Андротіонъ, отъ имени аѳинскаго собранія, объявилъ, что граждане принимаютъ увѣренія сыновей Левкона и послы не получатъ ни въ чемъ отказа. Соотвѣтственно подаркамъ босфорскихъ династовъ, Аѳиняне имъ даютъ по золотому вѣнку въ 1000 драхмъ каждый, которые приносятся Аѳинѣ во время Панаѳиней. Это опредѣленіе народнаго собранія высѣкается на камнѣ и ставится рядомъ съ подобнымъ-же, воздвигнутымъ въ честь Сатира и Левкона. Пословъ благодарятъ и приглашаютъ въ Пританій. Деньги посламъ выдаются, дабы аѳинскій народъ не получилъ упрековъ и т. д., и наконецъ опредѣляется увѣнчать и третьяго сына Левкона—Аполлонія.

Отправленіе посольства съ письменными порученіями въ 346 году заставляетъ предположить, что тутъ имѣлось въ виду возобновленіе сношеній, прерванныхъ, очевидно, смертью Левкона. Наслѣдниками по управленію являются не одинъ старшій сынъ, какъ сказано у Діодора, Спартокъ, а двое: Спартокъ и Пэрисадъ; третій-же, Аполлоній, судя по надписи, не равноправенъ, такъ какъ посольство отправлено отъ имени двоихъ старшихъ братьевъ, а если третій и награжденъ вѣнкомъ, то, вѣроятно, изъ любезности, потому онъ и упомянутъ особо. Затѣмъ 8-я Эгеидская пританія Ѳемистокла, т. е. 346 годъ,

не совсѣмъ совпадаетъ съ хронологическими числами Діодора. (Для большей ясности счисленіе Діодора по Олимпіадамъ я буду прямо переводить на года нашей эры). Въ кн. XIV, 93 подъ 393 годомъ, онъ говоритъ, что въ это время умеръ Сатиръ сынъ Спартока послѣ 14-лѣтняго правленія; ему наслѣдовалъ Левконъ, который правилъ 40 лѣтъ. Въ кн. XVI, 31 подъ 354/3 годомъ: Левкону наслѣдовалъ сынъ его Спартокъ, правившій пять лѣтъ. Въ кн. XVI, 52: въ 349/8 году умираетъ Спартокъ, ему наслѣдуетъ братъ его Пэрисадъ, который правитъ 38 лѣтъ. Въ кн. XX, 22 подъ 310/9 годомъ: смерть Пэрисада и междоусобіе его сыновей Эвмела, Сатира, Пританиса. Изъ приведенныхъ чиселъ видно, что свидѣтельство Діодора въ XVI книгѣ § 52 о смерти Спартока не сходится съ годомъ, указаннымъ въ декретѣ, на два года: у Діодора онъ въ 348 г. до Р. Х. умираетъ, по надписи Спартокъ въ 346 году не только живъ, но (по смыслу содержанія) только что недавно началъ править. Затѣмъ о совмѣстномъ управленіи сыновей Левкона I Діодоръ ничего не упоминаетъ. Путаница у Діодора находится, вѣроятно, только въ этомъ мѣстѣ, такъ какъ дальнѣйшія его извѣстія, напр. о смерти Спартока сына Эвмела (кн. XX, 100) согласуются съ числомъ, указаннымъ въ аѳинскомъ декретѣ (см. Бёкъ № 107) въ честь этого царя; поэтому нѣтъ особеннаго основанія сомнѣваться въ количествѣ лѣтъ правленія династовъ, начиная съ Пэрисада I. Изъ указанной выше ссылки на кн. XX, 22 Діодора видимъ, что онъ умеръ въ 310/9 году до Р. Х. и, прибавляя означенныя Діодоромъ (XVI, 52) 38 лѣтъ, получается 348/7 годъ начала его правленія, очень близкій къ году аѳинскаго декрета. Слѣдуя затѣмъ содержанію надписи, оказывается, что сыновья Левкона правили не одинъ за другимъ, а совмѣстно, и допуская, что число лѣтъ правленія Спартока у Діодора (XVI, 31) вѣрно, и согласуя ихъ со смысломъ надписи, выводимъ то заключеніе, что послѣ смерти Левкона I въ 348/7 году сыновья его Спартокъ и Пэрисадъ пять лѣтъ правили совмѣстно, а со смертью въ 343/2 году старшаго брата Пэрисадъ въ теченіи 33 лѣтъ былъ единодержавнымъ.

Измѣненіе надписью годовъ правленія сыновей Левкона I должно измѣнить и года его предшественниковъ: прибавляя къ году смерти Левкона I 348/7-му число лѣтъ его правленія—сорокъ, получается начало его правленія и годъ смерти Сатира 388/7-й, но не 393/2-й, какъ у Діодора (кн. XIV § 93). Правленіе-же Сатира увеличивается на пять лѣтъ, т. е. изъ 14 лѣтняго становится 19 лѣтнимъ, такъ какъ одно мѣсто рѣчи Лизія за Мантинея подкрѣпляетъ свидѣтельство Діодора Сицилійскаго о первомъ годѣ правленія Сатира. Лизій говоритъ: «И какъ разъ передъ несчастіемъ въ Геллеспонтѣ отецъ насъ послалъ къ Сатиру». Несчастіе, о которомъ упоминаетъ риторъ, есть пораженіе въ 405 году аѳинскаго флота при Эгосъ-Потамосѣ Спартанцами подъ начальствомъ Лизандра, слѣдовательно до 405 года правилъ еще Сатиръ.

Г. Бурачковъ, который ссылается (ор. с. стр. 212) на Пирейскую надпись

и видитъ несогласіе ея съ Діодоромъ, выводитъ совершенно противорѣчащій надписи годъ смерти Спартока—348-й, и по его хронологіи со смерти Левкона I по смерть Пэрисада I проходитъ вмѣсто 38 лѣтъ 43 года.

Кромѣ хронологическаго интереса надпись важна по нѣкоторымъ своимъ частностямъ, которыя если не вполнѣ рѣшаютъ, то, по крайней мѣрѣ, даютъ поводъ высказать предположеніе о томъ, какое было правленіе на Босфорѣ Киммерійскомъ при Спартокидахъ [3]). Г. Бурачковъ (op. c. стр. 211) объясняетъ въ какихъ отношеніяхъ цари (т. е. правители) были къ Босфору Киммерійскому: по его мнѣнію царская власть была только на азіатской сторонѣ, такъ какъ правители назывались царями надъ народами, жившими тамъ; европейскіе же Босфоране только *впослѣдствіи* попросили у нихъ покровительства и дали имъ почетный титулъ архонтовъ. Выраженіе г. Бурачкова «впослѣдствіи», имѣющее очень растяжимое понятіе, тѣмъ не менѣе, по отношенію къ Спартокидамъ (основаніе ихъ династіи на Босфорѣ относится къ 438 г.) должно ограничиться концемъ V или началомъ IV в. до Р. Х., такъ какъ упомянутый въ аркадскомъ декретѣ (Бёкъ 2103[e]) отецъ Левкона I Сатиръ (407—387) названъ Пантикапейцемъ. Ни одинъ историкъ не оставилъ намъ свѣдѣній о государственномъ устройствѣ Босфора, если только не считать различные титулы (тираннъ, династъ, царь), изъ которыхъ ровно ничего нельзя вывести. Болѣе опредѣленное выраженіе находимъ мы у Страбона (кн. VII, 4), который, описывая Пантикапею, говоритъ, что она долгое время находилась подъ монархическою властью династовъ изъ рода Левкона, Сатира, Пэрисада до того изъ Пэрисадовъ, который передалъ власть Миерадату. Но нельзя ли понять въ этомъ случаѣ выраженіе Страбона «долгое время», какъ указаніе на извѣстную эпоху монархическаго правленія потомковъ Левкона, противопоставляя ей въ то-же время эпоху болѣе раннюю, до-монархическую, республиканскую.

Археологи нашего вѣка на государственное устройство Босфора имѣли самые противоположные взгляды: напр. Рауль-Рошетъ считалъ тамъ власть монархическою, Кёлеръ-же (Gesam. Schr. I, 81), возражая ему, говоритъ, что монархія была тамъ воображаемая, такъ какъ въ основахъ стояли греческія учрежденія. Баронъ Кёне опредѣленно не выражается о формѣ правленія, хотя всюду называетъ босфорскихъ династовъ царями и объясняетъ пошеніе титула архонта тѣмъ, что правители щадили самолюбіе Грековъ (M. K. I, 273). По внѣшнему виду титулы правителей Босфора напоминаютъ Аѳины, гдѣ второй архонтъ назывался царемъ-архонтомъ и исполнялъ жреческія обязанности; но

[3]) Объ этомъ-же я писалъ въ моей брошюрѣ «Zur Münzkunde des Cimmerischen Bosporus» стр. 7—10.

на Босфорѣ правители, хотя тоже имѣли оба титула, но значеніе имѣли не то, какъ въ Аѳинахъ, хотя одна надпись (см. Ашикъ № 15) говоритъ про Левкона сына Пэрисада, какъ жреца Аполлона.

Двойственность титуловъ династовъ Босфора заключалась въ разнообразіи народовъ той мѣстности: Грековъ и варваровъ. Разсматривая надписи, видимъ, что Спартокиды только для двухъ городовъ Босфора, т. е. Пантикапеи, и Ѳеодосіи были архонтами; царями-же они себя величали только по отношенію къ варварскимъ народамъ. Несомнѣнно, что въ самомъ дѣленіи титуловъ заключались и права власти; въ титулѣ «архонтъ» является понятіе о правленіи демократическомъ, какимъ оно и было въ упомянутыхъ городахъ и подтверждается еще автономными монетами. Несомнѣнно также и то, что изъ упоминаемыхъ въ надписяхъ національностей жители городовъ, т. е. Греки, имѣли первенствующее значеніе, потому они не могли имѣть во главѣ «василевса», титула, носимаго надъ азіатскими варварами, чѣмъ они себя сравнили-бы съ ними; поэтому до III вѣка является такое тщательное дѣленіе титуловъ съ поименованіемъ, кто надъ кѣмъ былъ архонтомъ или царемъ [4]).

Изъ древнихъ писателей и надписей видно, что главную роль на Босфорѣ играли Греки; въ договорахъ съ Аѳинянами нигдѣ не упоминается о династахъ, какъ царяхъ какихъ-нибудь Синдовъ или Мэотовъ; изъ этого вытекаетъ, что варвары, слѣдовательно и форма титула надъ ними, не должны были имѣть особаго значенія. Прежде чѣмъ просмотрѣть хронологически титулы по надписямъ, я укажу на одно мѣсто Діод. Сиц. въ кн. XX § 24, гдѣ говорится объ Эвмелѣ (307—304), созвавшемъ послѣ совершенія имъ преступленій экклисію, т. е. народное собраніе, передъ которымъ онъ оправдывался и обѣщалъ возстановить его прежнія права. Этотъ разсказъ Діодора важенъ потому, что изъ него видно, что въ концѣ IV вѣка до Р. Х. власть правителей стала измѣняться къ усиленію; но, очевидно, демократическій духъ былъ еще силенъ въ Грекахъ, иначе зачѣмъ-же бы сталъ Эвмелъ оправдываться передъ экклисіею.

Возвращаясь къ надписямъ и прежде всего къ аѳинскому декрету, мы видимъ, что Спартокъ и Пэрисадъ именуются сыновьями Левкона безъ всякаго титула, тогда какъ въ другомъ декретѣ Аѳинянъ Спартоку сыну Эвмела (304—284) они называютъ его царемъ (Бёкъ № 107). Бросая затѣмъ общій взглядъ на надписи по титуламъ, получаемъ слѣдующее: въ уцѣлѣвшемъ обломкѣ аркадскаго декрета Левкону I (Бёкъ № 2103[c]) титула нѣтъ: онъ названъ только сыномъ Сатира Пантикапейскаго. За нимъ по времени слѣдуетъ описанный аѳинскій декретъ. Затѣмъ во всѣхъ остальныхъ надписяхъ до Спар-

[4]) Титулъ архонта всегда стоитъ на первомъ мѣстѣ.

тока сына Эвмела имѣются два титула: архонтъ городовъ и царь различныхъ народностей; съ нимъ, т. е. Спартокомъ, перевѣсъ начинаетъ склоняться на сторону титула «василевсъ»; этотъ интересный фактъ не можетъ быть, къ сожалѣнію, объясненъ, такъ какъ разсказъ Діодора кончается Эвмеломъ и о его сынѣ Спартокѣ сказано только, что онъ правилъ 20 лѣтъ (кн. XX § 100). Дальнѣйшія главы Діодора о Босфорѣ утеряны. Но не можетъ-ли вышеприведенный мною разсказъ Діодора (XX, 24) объ Эвмелѣ навести на мысль, что въ обѣщаніяхъ его народу возвратить прежнія права, крылось превышеніе правителями власти, основанной на демократическихъ началахъ, но его послѣдующая затѣмъ борьба рѣшилась въ пользу правителей.

Изъ найденныхъ пяти надписей Спартока сына Эвмела династъ этотъ именуется на одной (Бёкъ № 2106) архонтомъ, на двухъ архонтомъ и царемъ (Бёкъ № 2120 и Отч. Арх. Ком. за 1867 г. стр. 199) и на двухъ (Бёкъ №№ 107 и 2105), изъ которыхъ одна аѳинскій декретъ 286 или 285 г. до Р. Х., только царемъ. Затѣмъ изъ всѣхъ надписей послѣдующихъ Спартокидовъ на двухъ появляется титулъ архонта: первая Пэрисада сына Спартока (слѣдовательно внука Эвмела), какъ архонта обоихъ городовъ (Ашикъ № 15), и другая (см. Отч. Арх. Ком. за 1877 г. стр. 246) неизвѣстнаго въ исторіи и не встрѣчавшагося ранѣе въ надписяхъ Пэрисада сына Пэрисада, на которой титулы архонта и василевса стоятъ рядомъ, безъ поясненій городовъ и народовъ. На остальныхъ титулъ василевса окончательно закрѣпляется за Спартокидами, да и титулъ архонта, появляющійся на упомянутыхъ двухъ надписяхъ позднѣйшихъ Спартокидовъ, по всей вѣроятности, только номинальный, какъ напримѣръ, у архонтовъ Игізонта и Асандра, такъ какъ выпущенныя ими монеты показываютъ на потерю автономіи городовъ, имъ принадлежавшихъ.

Дѣленіе титуловъ не могло не имѣть политическаго значенія, а потому исчезновеніе титула архонта, въ понятіи котораго заключались свобода и права подданныхъ—Грековъ, и принятіе титула василевса, сравнивающаго ихъ съ варварами, указываютъ на какой-то неизвѣстный намъ политическій переворотъ, который находился въ связи съ правомъ выпуска монетъ съ титуломъ царя, какъ особымъ правомъ царской власти. Бар. Кёне (М. К. I, 334), приписывая право чекана монетъ первымъ Спартокидамъ, объясняетъ это тѣмъ, что онѣ биты для варваровъ, города-же били собственныя. Г. Бурачковъ совсѣмъ ничего не говоритъ о правѣ чекана, тогда какъ на общихъ законахъ этого права должно многое быть основано, особенно въ Босфорѣ.

Объясненіе барона Кёне натянуто и не можетъ ничѣмъ подкрѣпиться, тогда какъ приводимая мною догадка объ измѣненіи титула логически сходится съ правомъ монетнаго чекана. Право это было однимъ изъ существенныхъ преимуществъ царской власти и представляло какъ-бы ея внѣшній знакъ. На Босфорѣ-же этого быть не могло при первыхъ Спартокидахъ въ силу того,

что встрѣчающійся титулъ василевса на ихъ надписяхъ не доказываетъ, какъ я выше сказалъ, монархической формы правленія, а монеты городовъ босфорскихъ указываютъ на ихъ автономію и тѣмъ служатъ подтвержденіемъ моего предположенія.

Примѣры, данные намъ нумизматикою, показываютъ, что до Александра III Македонскаго государства съ народнымъ правленіемъ ставили имена города или народа на ихъ монетахъ даже тамъ, гдѣ правили цари, напр. въ Сиракузахъ, Мессанѣ, Регіумѣ, Аѳинахъ и др., исключая Македоніи и нѣкоторыхъ царей сѣверной Греціи; но съ конца IV вѣка, по почину Александра Македонскаго, властители царствъ, принадлежавшихъ его монархіи, а за ними и другіе, напр. Сиракузскіе цари, начинаютъ бить собственныя монеты и выставляютъ при именахъ титулъ василевса, *который до Александра Македонскаго не употреблялся на монетахъ* (см. Müller, Numismatique d'Alexandre le Grand, p. 15) ни у эллинскихъ, ни у варварскихъ династовъ, исключая двухъ серебряныхъ монетъ съ одною только надписью ΒΑΣΙΛΕΩΣ безъ имени, принадлежавшихъ, вѣроятно, Артаксерксу II или Дарію Персидскимъ (около конца V вѣка).

Неупотребленіе титула на монетахъ до Александра Македонскаго можетъ служить первымъ доказательствомъ неосновательности доводовъ барона Кёне и господина Бурачкова о принадлежности монетъ Левкону I, умершему за 12 лѣтъ до начала правленія Александра.

Послѣ выхода сочиненія б. Кёне первый, выразившій сомнѣніе въ вѣрномъ опредѣленіи монетъ Спартокидовъ, былъ Саллетъ (Ztschr. f. Num. IV B. S. 229), построившій свои соображенія на стилѣ, по его справедливому мнѣнію болѣе позднемъ, чѣмъ первая половина IV вѣка до Р. Х. Статиры Пэрисадовъ онъ считаетъ за копіи съ монетъ Лизимаха, но не современныхъ ему, а битыхъ послѣ смерти ѳракійскаго царя въ Византіи [5]).

Вышеприведенные мною примѣры употребленія титуловъ династами Босфора достаточно показали, что до первой половины III вѣка царскихъ монетъ быть не могло; поэтому, на основаніи этой теоріи, пріуроченіе монетъ г. Бурачковымъ (ор. с. стр. 112) Левкону I и (ор. с. стр. 213) Пэрисаду I допустить нельзя. Но куда же размѣстить монеты съ именами Левкона 3 типовъ (ор. с. табл. XXIV №№ 1—3 и съ 8 по 10), Спартока, (ор. с. № 4) и Пэрисадовъ четырехъ типовъ? Къ сожалѣнію, потеря историческихъ свѣдѣній о событіяхъ на Босфорѣ послѣ 284 г. лишила насъ возможности даже дать хронологическій перечень именъ правителей, которымъ-бы можно было отнести означенные 8 типовъ монетъ.

Утрата сочиненій о Босфорѣ, находки монетъ Левконовъ и Пэрисадовъ, отнесенныхъ тѣмъ Левконамъ и Пэрисадамъ, о которыхъ извѣстно по уцѣ-

[5]) Сравнить одновременную находку въ одной гробницѣ статировъ Пэрисада и Лизимаха въ Отч. Арх. Ком. за 1880 г., какъ-бы подтверждающую мнѣніе Саллета.

лѣвшимъ книгамъ Діодора Сиц. и другихъ писателей, и, наконецъ, всякое отсутствіе критическаго взгляда на право монетнаго чекана, невѣрное опредѣленіе художественнаго стиля, какъ напр. у г. Бурачкова при описаніи Аѳины (ор. с. стр. 214), все это породило путаницу въ опредѣленіи монетъ Спартокидовъ. Бар. Кёне (М. К. II, 34), отрицая мнѣніе Кёлера о принадлежности статировъ Пэрисаду, жившему между 284 и 115 гг., о которомъ не сохранилось свѣдѣній у историковъ, самъ, тѣмъ не менѣе, основательно ничѣмъ не подкрѣпилъ своего предположенія. Единственной точкой опоры доказательства бар. Кёне служитъ то, что статиръ кн. Сибирскаго лучше по стилю, чѣмъ монеты Левкона (М. К. II, 36 и 38), тогда какъ разница между годами правленія Пэрисада II и Левкона II, по мнѣнію бар. Кёне, всего около 40 лѣтъ, что трудно ставить въ доказательство при разныхъ металлахъ (золото и мѣдь).

Мнѣ кажется, что разница металловъ, встрѣчаемая въ царскихъ монетахъ и распредѣляемая такъ: Левкону мѣдь, Спартоку серебро, Пэрисадамъ золото, можетъ помочь опредѣлить послѣдовательность правленія династовъ, порядокъ которыхъ можетъ измѣниться, конечно, въ томъ случаѣ, если найдутся монеты Левкона благородныхъ металловъ.

Значеніе мѣдной монеты въ древности имѣло почти такое-же значеніе, какъ и теперь, т. е. биллона, за немногими исключеніями (Этрурія, Египетъ, Ольвія и др.), съ тою только разницею, что теперь изъ единицы вѣса чеканится опредѣленное число монетъ, у Грековъ-же вѣса мѣдной единицы, напр. халка Александра Македонскаго, опредѣлить нельзя (вѣсъ колеблется между 5, 6 гр. и 7, 4 гр.), изъ чего можно заключить, что мѣдь не имѣла того значенія, какъ благородные металлы. На Босфорѣ Киммерійскомъ царскіе биллоны носили только имя Левкона, почему едва-ли можно допустить, чтобы его, т. е. Левкона II, предшественники могли бить золотыя монеты, а онъ нѣтъ; поэтому появленіе мѣдныхъ царскихъ монетъ можно поставить въ связь съ постепеннымъ переходомъ власти въ руки правителей и Левкона II считать первымъ царемъ, устроившимъ монетный дворъ въ Босфорѣ Киммерійскомъ. Старшему брату Левкона II—Спартоку (М. К. II. 36), какъ носившему (судя по надписямъ) титулъ царя, можно приписать извѣстную дидрахму Московскаго Румянцевскаго музея; но отсутствіе находокъ (дидрахма извѣстна въ одномъ экземплярѣ) можетъ указать только на временную попытку бить царскую монету, тогда какъ сравнительно значительное количество остальныхъ царскихъ монетъ показываетъ на правильную организацію монетнаго двора. Въ древности мы имѣемъ примѣръ неудачной попытки бить царскую монету. Въ Спартѣ Ареосъ (309—265) попробовалъ бить свою монету, но долженъ былъ отказаться отъ этой попытки[6]), противорѣчащей народнымъ правамъ. Ареосъ и Спартокъ царствовали приблизительно въ одно время.

[6]) Извѣстенъ единственный экземпляръ, находящійся въ Берлинскомъ минц-кабинетѣ. См. Das Koenigliche Münzkabinet № 146.

Считать три извѣстныхъ типа монетъ съ именемъ Левкона принадлежащими разнымъ царямъ нѣтъ особенныхъ причинъ, такъ какъ разница въ стилѣ произведеній искусства и монетъ этой эпохи и позднѣйшей — явленіе обыкновенное; для доказательства укажу на двѣ монеты одного и того-же Пэрисада, изображенныя на таблицѣ моей брошюры подъ №№ 1 и 2, и четыре Савромата подъ №№ 7 по 10-й. Вѣроятно, рѣзчики штемпелей монетъ владѣли не одинакимъ мастерствомъ.

Бар. Кёне помѣщаетъ еще одного Левкона III, по его мнѣнію, внука Левкона II-го, такъ какъ сыномъ, по обычаю босфорскому не давать сыну имени отца, онъ быть не могъ; но г. Бурачковъ (ор. с. стр. 216) основательно отвергаетъ мнѣніе бар. Кёне о существованіи Левкона III, предположеніе же его о босфорскомъ обычаѣ опровергается надписью Пэрисада сына Пэрисада (см. Отч. Арх. Ком. за 1877 г. стр. 246).

Переходя къ тѣмъ годамъ, о которыхъ не сохранилось у Діодора Сиц. и другихъ писателей никакихъ свѣдѣній, главнымъ памятникомъ этой эпохи мы должны считать надпись, найденную въ Керчи и опубликованную г. Стефани въ Отч. Арх. Ком. за 1877 г. (стр. 246).

Кромѣ новыхъ именъ царей и подтвержденія существованія особаго культа Афродиты Уранiи Медеузы, она намъ ничего не даетъ. Содержаніе надписи заключается въ томъ, что сипагогъ θеокритъ и οiаситы θеокритъ, Паппiасъ и др. посвятили стилу покровительницѣ Босфора Афродитѣ Уранiи въ честь архонта и царя Пэрисада, царицы Комосарiи, дочери Спартока, и ея мужа Аргота.

Изъ надписи (по объсненію г. Стефани) узнаемъ, что Пэрисадъ, носившій названіе Филомитора (любящій мать), былъ сыномъ царя Пэрисада. Въ какомъ отношеніи была Комосарія къ царю Пэрисаду, въ памятникѣ не говорится, но судя по ея прозвищу Филотекна (любящая сына), можно заключить, что она была матерью Пэрисада Филомитора. Арготъ названъ ея мужемъ. Г. Стефани полагаетъ, что Комосарія была ранѣе замужемъ за Пэрисадомъ — отцемъ, а послѣ его смерти вторично вышла замужъ за Аргота; но его мнѣнія, что отецъ ея Спартокъ не былъ царемъ на одномъ только тѣмъ основаніи, что рядомъ съ его именемъ не стоитъ титула, принять навѣрное нельзя, такъ какъ въ надписяхъ подобныя исключенія часто встрѣчаются (см. Бёкъ №№ 2120, 2120[b], 2105, 2107[c], Отч. Арх. Ком. за 1867 г. стр. 199 и т. д.). Можно еще предположить, что, кромѣ брачныхъ узъ, она была въ родственныхъ отношеніяхъ съ Пэрисадомъ—отцомъ, такъ какъ браки между родственниками у Грековъ допускались, напр. Пэрисадъ I былъ женатъ на дочери своего дяди Горгиппа, Комосаріи.

Не имѣя никакихъ данныхъ генеалогически связать упоминаемыхъ въ надписи и извѣстныхъ по монетамъ Пэрисадовъ съ послѣднимъ, упомянутымъ Діодоромъ Спартокомъ сыномъ Эвмела, остается одинъ способъ приблизительно

опредѣлить послѣдовательный порядокъ царствованій Пэрисадовъ 170-лѣтняго промежутка по монетамъ, разсматривая ихъ по стилю и монограммамъ.

Прежде чѣмъ перейду къ этому промежутку, я укажу въ общихъ чертахъ на то, что намъ оставили историки, изъ которыхъ бар. Кёне сдѣлалъ попытку составить стройный разсказъ. Изъ всѣхъ упомянутыхъ у бар. Кёне правителей со Спартока I, т. е. 438 года по смерть Эвмела, только одинъ династъ, именно Спартокъ II (M. K. II, стр. 9), можетъ быть подверженъ сомнѣнію, такъ какъ мы ни у одного историка его не находимъ. Бар. Кёне помѣщаетъ Спартока II въ число правителей на основаніи слѣдующихъ словъ Діодора Сицилійскаго (кн. XIV, 93): «около этого времени умеръ Сатиръ сынъ Спартока, царя Босфорскаго», про котораго утвердительно сказать нельзя, что этотъ Спартокъ былъ второй, но не первый, извѣстный намъ, тѣмъ болѣе, что Діодоръ послѣ кн. XII, 36, гдѣ сказано, что Спартоку I наслѣдовалъ сынъ его Селевкъ, ни о какомъ другомъ Спартокѣ не говоритъ; поэтому выставлять догадку за истину нельзя. Затѣмъ у тѣхъ авторовъ (Эсхина и Гарпократіона, M. K. I, стр. 323), гдѣ говорится о Нимфеѣ и передачѣ ея босфорскимъ династамъ, о Спартокѣ не упомянуто, да и во II томѣ стр. 10 «Музея кн. Кочубея» присоединеніе Нимфеи отнесено не къ Спартоку, а къ Сатиру. Что было до 407 года въ теченіи 22 лѣтъ, у Діодора не говорится.

Б. Кёне, говоря о Спартокѣ сынѣ Эвмела (M. K. II, стр. 31), не ссылается на краткую замѣтку о немъ въ кн. XX, 100 Діодора Сицил., въ которой сказано, что въ первый годъ 119 олимпіады (304 г. до Р. Х.) умеръ Эвмелъ, а наслѣдовавшій ему сынъ его Спартокъ правилъ 20 лѣтъ; слѣдовательно, послѣдній годъ его правленія былъ 284-й, но не 289-й, какъ показано у автора «Музея кн. Кочубея».

Продолжая наполнять 170-лѣтній промежутокъ, бар. Кёне помѣщаетъ въ число босфорскихъ правителей двухъ героевъ романическаго разсказа Лукіана «Токсарисъ» — Левканора и Эвбіота; перваго онъ даже считаетъ сыномъ или внукомъ Левкона III. Характеръ разсказа Лукіана, писателя не историка, а сатирика, заставляетъ положительно сомнѣваться въ его достовѣрности, но бар. Кёне, въ подкрѣпленіе себя, относитъ Эвбіоту цѣлый рядъ извѣстныхъ монетъ съ монограммою ВАΣ, принадлежащихъ, какъ я доказалъ (см. мою брошюру Zur Münzk. d. Cimm. Bosp. стр. 13—15), Эвпатору I (Миорадату VI), съ чѣмъ соглашается и извѣстный берлинскій нумизматъ Саллетъ (см. Ztschr. f. Num. XI Band, стр. 349) [7]).

Предпослѣднимъ, дополняющимъ 170-лѣтній промежутокъ-царемъ у бар.

---

[7]) Г. Бурачковъ (Общ. кат. стр. 224) соглашается съ моимъ доказательствомъ о принадлежности монетъ съ ВАΣ Миорадату VI Эвпатору, но существованіе Эвбіота признаетъ (ор. с. стр. 218) и считаетъ его царемъ босфорскимъ.

Кёне (M. K. II, 60) стоитъ неизвѣстный царь Р., оставившій мѣдныя монеты съ монограммою ВАР. Монета эта, по стилю принадлежащая эпохѣ болѣе поздней, чѣмъ II вѣкъ до Р. Х., по мнѣнію г. Бурачкова (ор. с. стр. 244), принадлежитъ Рескупорису I, что очень вѣроятно.

Переходя къ описанію монетъ Спартока и Пэрисадовъ, я долженъ коснуться ихъ общаго характера. На лицевой сторонѣ онѣ имѣютъ портретное изображеніе царя, на оборотной: у Спартока колчанъ съ лукомъ, у Пэрисадовъ сидящая Аѳина и имена царей съ титуломъ «basileus» и монограммы. Время появленія портретовъ на монетахъ считаютъ различно; но мнѣніе новѣйшихъ нумизматовъ объ этомъ вопросѣ слѣдующее: принимая изображенія на монетахъ сатраповъ персидскаго Фарнабаза и армянскаго Аріарамна (см. Ztschr. f. Num. XI B., Verhandlungen der numism. Gesllsch. u. s. w. S. 4) за портреты, появленіе ихъ на азіатскихъ монетахъ будетъ относиться къ первымъ годамъ IV вѣка до Р. Х.; въ Греціи же портреты появляются не ранѣе какъ при преемникахъ Александра Македонскаго, за исключеніемъ монетъ Патраэса, царя Пэоніи (339—315), считаемаго Саллетомъ первымъ изъ царей, помѣстившимъ свой портретъ на монетахъ, чего, впрочемъ, Имгофъ-Блумеръ не признаетъ (см. Sallet, Ztschr. f. Num. I. c. и Imhoof-Blumer, Monnaies grecques стр. 58). Во всякомъ случаѣ портреты на царскихъ монетахъ Босфора ранѣе Греціи появиться не могли, такъ какъ монеты Пэрисадовъ не оригинальнаго, туземнаго стиля, какъ напримѣръ, мѣдная монета Левкона II (см. г. Бурачкова ор. с. табл. XXIV № 10), а подражаніе статирамъ Лизимаха. Всѣ типы царскихъ монетъ, кромѣ упомянутой Левкона II и дидрахмы Спартока, имѣютъ типы заимствованные, въ чемъ нельзя усматривать политической связи съ тѣмъ государствомъ, откуда взятъ типъ (монеты Левкона, однѣ напоминаютъ Эритрейскія, типа Александра Македонскаго, другія Агаѳокла Сиракузскаго; Пэрисадовъ, какъ я сказалъ, Лизимаха), но явленіе обыкновенное, и дѣлалось это въ видахъ исключительно коммерческихъ, такъ какъ подражали, особенно второстепенныя, варварскія государства монетамъ, обращавшимся на рынкахъ: Филиппа II, Александра Македонскаго, острова Ѳазоса и друг.; такъ точно и Пэрисады, пріобрѣтя законное право бить золотыя монеты, не рѣшились выбрать свой собственный типъ послѣ прекращенія въ IV вѣкѣ (судя по стилю) прекрасныхъ пантикапейскихъ статировъ, имѣвшихъ свободное обращеніе въ торговлѣ, и поэтому выпустили для облегченія размѣна на рынкахъ копіи съ монетъ Лизимаха, имѣвшихъ, судя по долговременной продолжительности типа (бились онѣ въ Византіи въ теченіи всего II столѣтія, т. е. болѣе 150 лѣтъ по смерти Лизимаха), большую популярность [8]).

[8]) Изъ этого нельзя вывести заключенія, что Босфоръ имѣлъ связь съ Византіею, такъ какъ изображеніе Аѳины на византійск статирахъ съ типомъ Лизимаха вовсе не доказываетъ существованія ея изображенія въ этомъ городѣ, какъ то думаетъ г. Бурачковъ (ор. с. стр. 260).

Особенность обратной стороны статировъ, какъ я сказалъ, монограммы. Что онѣ означаютъ, вопросъ далеко во всѣхъ отношеніяхъ не разработанный, хотя многія изъ нихъ, напримѣръ имена городовъ, удачно читаются. Въ монограммахъ скрыты имена городовъ, чиновниковъ, которымъ ввѣренъ контроль выпуска монетъ, высокопоставленныхъ лицъ государства, какъ напримѣръ Зопиріона, полководца Лизимаха, на монетѣ этого царя (бар. Кёне, М. К. I, 12), Созибія, министра Птоломея Филопатора (Lenormant, La monnaie dans l'antiquité, t. III p. 79—93) и т. д. Но такъ какъ границы разбора монограммъ необыкновенно широки, то, приноравливаясь къ чтенію ихъ, принятому у нумизматовъ, постараюсь объяснить нѣкоторыя изъ нихъ.

Статиръ Пэрисада, изображенный въ моей брошюрѣ «Zur Münzk. d. Cimm. Bosp.» на табл. подъ № 1, имѣетъ двѣ монограммы: 🄰 подъ тропомъ Аѳины и 🄰 въ полѣ, подъ Никою. Выше я сказалъ, что эти статиры скопированы съ лизимаховскихъ, битыхъ въ Византіи, что показываютъ буквы BY (Byzantion) подъ тропомъ богини, такимъ образомъ и монограмма, состоящая изъ буквъ П и А, поставленная на томъ-же мѣстѣ у Пэрисадовскихъ статировъ, должна тоже означать начало имени города, который, кромѣ Пантикапеи, никакимъ другимъ быть на Босфорѣ не можетъ. Другая-же монограмма 🄰 представляетъ загадку. Я высказалъ въ своей брошюрѣ (ор. с. стр. 10—11) предположеніе, что она должна означать имя Пэрисада, но не того, чей портретъ изображенъ на монетѣ, а его отца, другими словами, Пэрисадъ помѣщаетъ въ отличіе отъ соименниковъ свое отчество, т. е. въ монограммѣ 🄰 заключается (ΤΟΥ) ΠΑΙΡΙΣΑΔΟΥ, какъ на надписяхъ. Руководствуясь этою монограммою, я читаю подобную-же на дидрахмѣ Спартока, какъ его отчество: (ΤΟΥ) ΠΑΙΡΙΣΑΔΟΥ. Объясненіе этихъ монограммъ въ полѣ монеты можно поставить въ параллель съ обычаемъ ставить отчество царя на надписяхъ, особенно начиная со Спартока сына Эвмела, когда одни и тѣ-же имена стали повторяться.

Объясненіе г. Бурачковымъ (ор. с. стр. 215) монограммы монеты, относимой имъ Пэрисаду II, какъ показывающей связь типа (Аѳины) съ подобнымъ же на монетѣ, приписываемой имъ прадѣду царя Пэрисаду I, не понятно. Да и само разсужденіе г. Бурачкова (ор. с. стр. 213) о статуѣ Аѳины не выдерживаетъ критики, потому что доводы его о существованіи сидящей Аѳины въ долизимаховскій періодъ въ этомъ случаѣ не могутъ служить подтвержденіемъ, что Аѳина монетъ Лизимаха есть именно одна изъ тѣхъ, на которыя авторъ ссылается (ор. с. стр. 214). Что сидящія изображенія Аѳины существовали до Лизимаха, видно изъ соч. Овербека (Geschichte der griechischen Plastik), но стиль нашей Аѳины указываетъ не на ту эпоху блестящаго разцвѣта греческой пластики, на которую ссылается г. Бурачковъ, а на искусство временъ Діадоховъ, и весьма вѣроятно замѣчаніе Миллера (въ его сочиненіи о монетахъ Лизимаха), что эта Аѳина была, очевидно, воздвигнута царемъ

во храмѣ города Лизимахіи. Подобный-же примѣръ изображенія статуи, уважаемой или воздвигнутой царемъ, можно видѣть въ серебряныхъ монетахъ Димитрія Поліоркета, которыя имѣютъ на себѣ фигуру Ники, стоящей на носу корабля; оригинальное мраморное изображеніе Ники Димитрія Поліоркета теперь отыскано на островѣ Самоѳракіи и находится въ Луврскомъ музеѣ скульптуръ.

Въ статуѣ-же Аѳины, которой сыновья Левкона послали вѣнки, нужно подозрѣвать знаменитую Аѳину Парѳеносъ Фидія, въ честь которой справлялись Панаѳинеи, но не второстепенное, неизвѣстное произведеніе въ Аѳинахъ сидящей богини, которой, по мнѣнію г. Бурачкова (ор. с. стр. 213), поднесены были золотые вѣнки. Затѣмъ г. Бурачковъ Аѳинѣ статировъ Пэрисадовъ даетъ различныя названія, то Парѳеносъ (ор. с. стр. 213), то Эргана (ор. с. стр. 219) и внѣшнимъ признакомъ отличія одной отъ другой считаетъ копье, которое у него на одной изъ монетъ (ор. с. стр. 218, табл. XXIV № 6) принимается за мачту вслѣдствіе несовпаденія верхней и нижней частей, тогда какъ на другомъ экземплярѣ (ор. с. табл. XXIV № 7), хотя этотъ недостатокъ рѣзца штемпеля еще яснѣе, плохо изображенное копье признано за копье. Не буду распространяться, что всѣ изображенія Аѳины: Парѳеносъ, Промахосъ, Эргана и т. д. имѣютъ свои характерныя отличія, и Аѳина Лизимаха есть одинъ изъ типовъ, о которомъ мы должны судить не по плохимъ копіямъ босфорскихъ статировъ, а по оригинальнымъ тетрадрахмамъ Лизимаха, гдѣ она ясно изображена съ копьемъ.

Рѣзецъ штемпеля монеты Пэрисада (изъ собранія Академіи Наукъ), изображенной въ моей брошюрѣ съ гальванопластическаго снимка, настолько плохъ, что г. Стефани (Отч. Арх. Ком. за 1880 г. стр. 64), а за нимъ г. Бурачковъ (ор. с. стр. 213), не изслѣдовавъ ее подробно, дали невѣрное описаніе (а г. Бурачковъ совсѣмъ несхожій рисунокъ на стр. 216) монограммы, играющей такую важную роль въ монетѣ. Монограмма, стоящая надъ буквою Α (см. рис. № 2 на табл. моей брошюры), есть та-же, что и на монетѣ № 1 моей брошюры, но она не состоитъ изъ одной буквы Π; только вслѣдствіе плохаго удара штемпеля монограмма вышла неясно, какъ и остальныя буквы монеты, тѣмъ не менѣе слѣды Α въ срединѣ монограмы замѣтны. Нижняя буква Α стоитъ не сбоку, какъ на рисункѣ г. Бурачкова (ор. с. стр. 216), но какъ разъ подъ монограммою. Выше я предположилъ, что Пэрисадъ, бившій монеты съ монограммою Ⓐ, есть тотъ, о которомъ говоритъ надпись Отч. Арх. Ком. за 1877 г.; теперь, повторяя догадки Фр. Ленормана, барона Кёне и др. о помѣщеніи именъ сановниковъ на царскихъ монетахъ, можно предположить, что Α (№ 2 моей брошюры), если не означаетъ перваго года или вообще единицы, то можетъ быть иниціаломъ имени одного изъ сановниковъ Босфорскаго царства (можетъ быть, упомянутаго въ той-же надписи Аргота, мужа Комосаріи).

Что-же касается буквъ ЕР на экземплярѣ, принадлежавшемъ кн. Сибирскому, то едва-ли можно сказать о нихъ что-либо утвердительное, но только

видѣть въ нихъ Эргану (у г. Бурачкова) или Гермонассу (у кн. Сибирскаго) невозможно. Незначительный городъ Гермонасса не имѣлъ монетнаго двора, такъ какъ монетъ ея неизвѣстно [8]); скорѣе всего эти буквы, какъ и монограмма Ⱥ, означаютъ отчество. Но ни надпись, и ни одинъ историкъ не даютъ намъ имени, начинающагося съ буквъ ЕР. Только въ клеймахъ кирпичей, находимыхъ въ Керчи и на Таманскомъ полуостровѣ, встрѣчается имя съ этими буквами въ началѣ. На кирпичныя клейма, какъ на археологическій матеріалъ для исторіи Босфора, до сихъ поръ мало обращали вниманіе, хотя въ нихъ встрѣчаются имена, неизвѣстныя въ исторіи Босфора изъ другихъ источниковъ. Въ Отч. Арх. Ком. за 1861 годъ стр. 168 опубликована цѣлая серія подобныхъ клеймъ съ именами Спартока, Пэрисада, Пританиса, Ермоса (ЕРМОС), Игіэнонта и др. Можно было-бы въ нихъ видѣть имена фабрикантовъ кирпичей, соименниковъ правителей Босфора, но титулъ архонта, стоящій передъ именемъ Игіэнонта, заставляетъ и въ остальныхъ предположить имена правителей [9]). Между именами встрѣчается Гермосъ или Гермесъ; можетъ быть, начало этого имени должны означать буквы ЕР статира Пэрисада.

Кромѣ кирпича, имя Гермеса встрѣчается еще на серебряной вазѣ, найденной въ Куль-Обской гробницѣ. Куль-Оба, открытіе которой Дюбрюксомъ представляетъ такой громадный интересъ для характеристики состоянія искусства на Босфорѣ Киммерійскомъ, заключала въ себѣ, между прочими, два предмета, заслуживающіе особеннаго вниманія: 1) вышеупомянутый сосудъ съ надписью ЕРМЕΩ (см. Древн. Босф. Ким. табл. XXXVII, 4) и 2) массивный золотой рельефъ, изображающій лежащаго въ волнахъ осла или лошадь съ влѣзающими на туловище животными и тремя буквами ΠΑΙ на шеѣ животнаго (см. тамъ-же, табл. XXVI, 1) [10]). Гиль, объясняя надпись сосуда, говоритъ, что ЕРМЕΩ есть родительный падежъ іонійской формы вмѣсто ЕРМОУ и означаетъ посвященіе богу Гермесу. Не означаетъ скорѣй ли родительный падежъ принадлежности сосуда какому-нибудь Гермесу, простому смертному, такъ какъ это имя довольно обыкновенно, чѣмъ посвященіе богу Гермесу, для чего была-бы употреблена форма дательнаго падежа.

---

[8]) Г. Бурачковъ (ор. с. стр. 133) приписываетъ другому небольшому городу Діасу монеты; едва-ли это опредѣленіе вѣрно, и не вѣрнѣе-ли ихъ отнести виѳинскому городу того-же имени. Саллетъ (Ztschr. f. Num. XI B. Verhandlungen d. numism. Gesellsch. S. 7.) даже сомнѣвается, что Нимфея чеканила автономныя монеты.

[9]) Различныя формы буквъ одного и того-же имени на кирпичахъ указываютъ на разныхъ правителей и разныя эпохи, когда выдавлены клейма.

[10]) Не представляетъ-ли это изображеніе формы корабля, которому въ древности иногда давали причудливыя формы (см. вазовый рисунокъ въ Gaz. arch. 1881—82 гг. табл. 28 и объясненіе къ нему).

Объясненіе Гилемъ на рельефѣ буквъ ΠΑΙ, какъ начала имени Пэрисада вполнѣ возможно. Такое совпаденіе именъ Пэрисада и Гермеса въ одной гробницѣ мнѣ кажется очень знаменательнымъ, имѣя въ виду объясненіе ΕΡ на монетѣ Пэрисада, какъ начало имени Гермеса. Если дальнѣйшія находки подтвердятъ существованіе Гермеса на Босфорѣ и выяснится, что въ Куль-Обѣ похоронено семейство, состоящее изъ Гермеса, Пэрисада, то мое объясненіе монограммъ царскихъ монетъ Босфора будетъ имѣть болѣе точекъ опоры. Во всякомъ случаѣ разсужденія мои объ имени Гермеса, какъ архонта Босфора, я считаю только предположеніями, и отстаивать ихъ еще преждевременно.

Изъ всѣхъ извѣстныхъ мнѣ до сихъ поръ девяти экземпляровъ статировъ Пэрисадовъ, восемь описаны въ моей брошюрѣ «Zur Münzkunde des Cimmerischen Bosporus», и классификацію имъ приблизительно можно сдѣлать, за неимѣніемъ матеріала, только по стилю. Древнѣйшимъ я считаю съ буквами ΕΡ (см. у г. Бурачкова ор. с. табл. XXIV № 6); затѣмъ идутъ два экземпляра съ монограммою 𐤀 (см. табл. моей брошюры №№ 1 и 2); послѣ нихъ четыре экземпляра безъ монограммъ въ полѣ: Гласговскій, Парижскій [11]), пропущенный мною, изъ собранія S-t Florian'a, въ Австріи, и изъ бывшаго собранія г. Бурачкова (ор. с. табл. XXIV № 5, въ моей брошюрѣ его экземпляръ отнесенъ вслѣдствіе невѣрнаго описанія, полученнаго мною, къ послѣднему типу). Къ позднѣйшему времени, можетъ быть, къ послѣднему Пэрисаду, передавшему власть Миѳрадату, принадлежатъ два экземпляра Московскаго Историческаго музея (см. табл. моей брошюры №№ 4 и 5).

Прежде чѣмъ разсмотрѣть послѣдній типъ статировъ, я выведу краткое резюме о количествѣ извѣстныхъ по надписямъ и монетамъ царей, правившихъ со смерти Спартока III: послѣ его смерти въ 284 году надписи дали втораго Пэрисада и, вѣроятно, его сыновей: Спартока IV (по соч. бар. Кёне, V-го), оставившаго дидрахму, и Левкона II, къ которому отношу всѣ три типа бронзовыхъ монетъ. Статиръ Пэрисада съ буквами ΕΡ даетъ *третьяго* царя этого имени, который, можетъ быть, и есть отецъ *четвертаго* Пэрисада, бившаго статиры съ монограммою 𐤀 и упомянутаго въ надписи Отчета Археологической Коммиссіи за 1877 годъ. Экземпляры безъ монограммъ въ полѣ (Парижскій и др.) даютъ *пятаго*, и наконецъ надпись Діофанта и Страбонъ даютъ *шестаго* Пэрисада, къ которому я отношу статиры съ буквою К. Буква эта, какъ иниціалъ, имени Комосарія (см. г. Бурачковъ, ор. с. стр. 219) по моей классификаціи обозна-

[11]) Г. Стефани (Отч. Арх. Ком. за 1880 г. стр. 63) отличительнымъ признакомъ этого экземпляра считаетъ отсутствіе копья у Аѳины, которое, однако, видно на всѣхъ рисункахъ монеты.

чать не можетъ, и за неимѣніемъ никакихъ данныхъ объяснить ее невозможно. Можно предположить, что ей дано значеніе цифры 20, какъ двадцатаго года правленія царя. Обычай ставить года правленія, эры въ эту эпоху, былъ въ употребленіи, и мы имѣемъ цѣлыя серіи монетъ Парѳянскихъ, Каппадокійскихъ и другихъ царей съ годами. Продолжительность правленія послѣдняго Пэрисада была, вѣроятно, не менѣе 20 лѣтъ, хотя историческихъ свѣдѣній на этотъ счетъ почерпнуть нельзя, но изъ сопоставленія нѣкоторыхъ событій по надписи Діофанта съ числами и типами бронзовыхъ монетъ Миѳрадата Эвпатора можно вывести нѣкоторыя заключенія. Неизвѣстно, въ какой годъ обратился Пэрисадъ за помощью къ Миѳрадату VI противъ Скиѳовъ; но выводы Мейера (Geschichte des Königreichs Pontos стр. 91), что первыя Скиѳскія войны Миѳрадата на Таврическомъ полуостровѣ, бывшія слѣдствіемъ просьбы о помощи послѣдняго Спартокида, происходили между 115 и 106 гг. до Р. Х., я считаю справедливыми.

Изъ словъ Страбона (кн. VII, гл. 4 § 6) извѣстно, что Таврическій полуостровъ и Синдика платили дани Миѳрадату 200 талантовъ серебра, изъ чего можно предположить, что царство Босфорское было не подъ монархической властью у Понтійскаго царя, а находилось въ вассальныхъ отношеніяхъ къ нему, которыя, вѣроятно, продолжались при немъ долгое время, такъ какъ изъ надписи Діофанта можно заключить, что убійство Пэрисада Савмакомъ случилось не въ первое время войнъ, а въ концѣ, что доказываетъ, что послѣдній Спартокидъ не былъ лишенъ царской власти. Домашній же переворотъ, о которомъ глухо упоминаетъ надпись Діофанта (строка 32), устроенный, вѣроятно, по замыслу и во вкусѣ Миѳрадата, очистилъ послѣднему путь къ завладѣнію босфорскимъ престоломъ, но подставной ненаказанный убійца царя, Савмакъ, временно по политическимъ видамъ былъ посаженъ на престолъ босфорскій, (но не какой-нибудь части Скиѳіи, какъ думаетъ г. Бурачковъ op. c. стр. 221, иначе въ надписи было бы объ этомъ сказано) и вскорѣ долженъ былъ уступить тронъ Ахеменидамъ.

Важнымъ указаніемъ на окончательное, фактическое присоединеніе Тавриды къ Понту могутъ служить мѣдныя съ монограммою ΒΑΕ и серебряныя (автономныя пантикапейскія, фанагорійскія драхмы съ монограммою имени Миѳрадата) монеты Миѳрадата Эвпатора. Цифры съ A по Z (1—7), поставленныя на его бронзовыхъ монетахъ, непремѣнно должны означать года или эру, не смотря на отрицаніе этого г. Бурачковымъ (op. c. стр. 224). Такъ какъ онѣ стоятъ только за его монограммою ΒΑΕ, то и должны имѣть связь съ употребленіемъ царемъ одного своего втораго имени, Эвпатора. Что Миѳрадатъ особенно настаивалъ на употребленіи имени Эвпатора, которое онъ, вѣроятно, носилъ отдѣльно, какъ царь Босфора, въ отличіе отъ Миѳрадата, какъ царя Понта, можемъ мы видѣть, кромѣ монетъ, въ названіи основаннаго имъ

города Эвпаторіи и въ надписи извѣстной бронзовой вазы Капитолійскаго музея (см. Бёкъ № 2278), подаренной «царемъ Миѳрадатомъ Эвпаторомъ, великимъ Діонисомъ, *Эвпатористамъ* изъ гимназіи». Въ этомъ случаѣ важно прозваніе общества «Эвпатористы», доказывающее, что оно находилось подъ покровительствомъ царя Эвпатора (о другихъ подобныхъ обществахъ см. Зап. Од. Общ. т. X стр. 13—15).

Первое появленіе на тетрадрахмахъ имени Эвпатора относится къ 92 году (см. у г. Бурачкова ор. с. стр. 224). Ставя въ связь годъ серебряной монеты съ понтійскимъ лѣтосчисленіемъ, съ первымъ годомъ какой-то новой эры мѣдныхъ его монетъ съ монограммою ΒΑΕ, можно предположить, что это новое лѣтосчисленіе основалось около того-же 92 года. Мѣстонахожденіе этихъ монетъ—Керчь и Тамань доказываетъ, вопреки желанію г. Бурачкова (ор. с. стр. 224—225), ихъ выпускъ на территоріи Босфорскаго царства; обратно, отсутствіе золота и серебра Миѳрадата на Босфорѣ доказываетъ, что для царскихъ монетъ Миѳрадата благороднаго металла монетный дворъ былъ въ Понтѣ.

Выпускъ Миѳрадатомъ бронзовыхъ царскихъ монетъ для Босфора ранѣе смерти Пэрисада и кратковременнаго правленія Савмака быть не могъ. Выше я предположилъ, что первый годъ ихъ выпуска былъ 92-й; приблизительно этимъ годомъ опредѣляется и годъ смерти Пэрисада: 93 или 94-й до Р. Х.

Въ разнообразіи изображеній мѣдныхъ монетъ Эвпатора можно видѣть связь съ событіями его политической жизни, что нерѣдко дѣлали цари, изображая символически свои побѣды на гипподромахъ (биги и квадриги Сиракузскихъ царей), въ сраженіяхъ (Ника Димитрія Поліоркета) и проч.; но едва-ли въ изображеніяхъ монетъ Эвпатора можно видѣть намеки на его частныя, личныя воспоминанія. Напримѣръ, въ изображеніи Асклепія и змѣи я вижу не исцѣленіе царя змѣинымъ ядомъ (см. у г. Бурачкова ор. с. табл. XXIV № 22), но намекъ на занятіе Мизіи, гдѣ въ Пергамѣ былъ культъ Асклепія. Этимъ объясняется если не годъ, то эпоха: ранѣе 88 года, т. е. первой римской войны, она не могла быть бита. Къ тому-же 88 году можетъ быть отнесена монета съ Посейдономъ, дельфиномъ и пятымъ (Е) годомъ (ор. с. табл. XXIV № 19), объясняющая изображеніе бога морей и отправленіе царемъ флота въ Грецію.

Въ заключеніе этого отдѣла монетъ Эвпатора я укажу на обыкновенный типъ съ головою Персея на одной сторонѣ и гермою на другой (тамъ-же № 23). Г. Бурачковъ (ор. с. стр. 225 № 25) считаетъ ее гермою Діониса, измѣняя вѣрное объясненіе бар. Кёне (М. К. II, 59), какъ Гермеса. Возвращаюсь къ этому вопросу, что въ могилахъ Керчи и Тамани встрѣчается на золотыхъ вѣнкахъ и отдѣльно много золотыхъ индикацій, оттиснутыхъ съ той стороны монеты, гдѣ Гермесовъ столбъ. Дѣлается понятнымъ, почему кла

лось изображеніе именно этой монеты: Гермесъ былъ проводникомъ душъ (психопомпъ) въ Аидъ, и потому изображеніемъ этого бога на монетѣ пользовались, чтобы оттиснуть на листкѣ золота и положить въ могилу съ покойникомъ, душу котораго Гермесъ сопровождаетъ въ Аидъ [12]).

Историческое значеніе долженъ также имѣть олень на тетрадрахмахъ и статирахъ Миѳрадата VI; изображеніе оленя, судя по извѣстнымъ до сихъ поръ монетамъ, появляется въ 209 г. Понт. эры (89 г. до Р. Х.). Животное это было посвящено Артемидѣ, къ которой Миѳрадатъ питалъ особенное почтеніе (см. 23 строку надписи Діофанта), и появленіе его впервые въ 89 г. должно приблизительно опредѣлять утвержденіе власти царя въ Херсонесѣ, послѣ похода Діофанта, поэтому становится понятнымъ изображеніе на монетахъ герба города (вмѣсто стараго герба Ахеменидовъ-Пегаса), завладѣніе которымъ считалось важнымъ для Эвпатора; но видѣть въ этомъ животномъ оленя монетъ Фарнака I (см. ор. с. стр. 183) или оленя Артемиды Команской (М. К. II, 133) едва ли возможно.

Олень появляется также на монетахъ Керкинита, и вполнѣ правъ г. Бурачковъ (ор. стр. 99), что имена херсонесскихъ архонтовъ будутъ встрѣчаться на керкинитскихъ монетахъ. Завоеваніе Діофантомъ Керкинита, можетъ быть и заставило принять Керкинитцевъ херсонесскіе типы. На монетѣ «Каталога» г. Бурачкова, табл. XIII № 9, авторъ, согласно его предшественникамъ, надпись читаетъ ЕРМА. Но принадлежатъ ли всѣ 4 буквы одному слову? Не вѣрнѣе ли ЕР считать за буквы одного слова, а А и М двухъ другихъ,—тѣмъ болѣе, что онѣ стоятъ отдѣльно. Можетъ быть, послѣднія двѣ буквы иниціалы именъ херсонесскихъ: архонта Агела и предсѣдателя сената Меніоса (см. надпись Діофанта, строка 54 и 55).

Особенная любовь къ культу Діониса въ нумизматикѣ Миѳрадата есть, можетъ быть, слѣдствіе прозвища его «повый Діонисъ» (Діонъ Кассій, XLVII, 39), даннаго ему народами Малой Азіи, видѣвшими въ его побѣдахъ зарю освобожденія отъ римскаго ига. Кромѣ изображеній Діониса на монетахъ Пантикапеи, Фанагоріи (см. М. К. I, стр. 372 № 124 и стр. 401 № 11), принадлежащихъ къ эпохѣ Миѳрадата, также плющеваго вѣнка на его тетрадрахмахъ, то-же изображеніе (но не вакханки) находится на такъ называемыхъ *сарматскихъ* монетахъ барона Кёне (М. К. I, стр. 406) или *тессерахъ* г. Бурачкова (ор. с. стр. 172). Не вѣрнѣе ли видѣть въ изображеніи молодаго Вакха намёкъ на прозвище царя «Діонисъ», а въ скиѳскомъ колчанѣ обратной стороны воспоминаніе его побѣдъ надъ варварами азіатскаго Босфора, гдѣ особенно много

[12]) Невѣрно также объясненіе г. Бурачкова (ор. с. стр. 204 и 227 № 40) головы Деметры головой Діониса. Въ Beschreibung der unedirten u. s. w. Münzen» Подшивалова (стр. 10 № 31) исправлено невѣрное описаніе монеты прежними нумизматами.

встрѣчается этихъ монетъ и ихъ обиліе можетъ служить доказательствомъ ихъ значенія какъ монеты, но не тессеровъ или входныхъ марокъ на игры въ честь Аполлона и Діониса (см. у Бурачкова, ор. с. стр. 172), которыхъ (т. е. тессеровъ) находятъ очень мало. Видѣть на оборотной сторонѣ гитару вмѣсто колчана нѣтъ никакой возможности.

Заключая мои замѣтки о монетахъ Спартокидовъ и эпохи Миѳрадата, считаю необходимымъ упомянуть о монетѣ, изображенной въ соч. г. Бурачкова (ор. с. табл. XXVI № 92) въ ряду монетъ Миѳрадата III Босфорскаго и отнесенной авторомъ (ор. с. стр. 230) Миѳрадату Пергамскому, сыну Миѳрадата Эвпатора. Мною (см. мою брошюру стр. 12) она была приписана Махаресу, сыну Миѳрадата Эвпатора. Не буду повторять моихъ доказательствъ, но возражу только г. Бурачкову на его слова, что я будто бы слѣдовалъ мнѣнію Саллета, но, какъ оказалось (Ztschr. f. Num. XI B. стр. 349), мнѣніе Саллета не согласно съ моимъ: Берлинскій нумизматъ относитъ монету Миѳрадату Эвпатору и видитъ въ буквѣ ϒ двѣ буквы M и I, которыя читаетъ, какъ начало имени Миѳрадата VI. Скорѣе можно согласиться съ мнѣніемъ Саллета, что монета съ монограммою ΒΑϒ есть продолженіе монетъ съ ΒΑΕ, чѣмъ считать эту монету принадлежащею Миѳрадату Пергамскому, такъ какъ этотъ царь, хотя и былъ назначенъ Юліемъ Цезаремъ на престолъ босфорскій, но до Босфора не дошелъ. Букву Γ на экземплярѣ г. Бурачкова авторъ объясняетъ какъ начало имени Галатіи. Почему-же она на экземплярахъ Подшивалова и эрмитажномъ замѣняется буквою I? Вѣрнѣе, что буквы эти означаютъ цифры. Во всякомъ случаѣ послѣдняго слова объ этой монетѣ не сказано, также какъ и о монетѣ архонта Игіэнонта, относимой Э. Мюре неизвѣстному босфорскому династу эпохи Миѳрадата VI (см. Bulletin de corr. hell. 1882 и мою брошюру стр. 15—16). Г. Бурачковъ въ предисловіи своего каталога (стр. 24) относитъ ее къ архонтамъ Агриппеи, хотя при описаніи монетъ этого города (ор. с. стр. 178) ее туда не включаетъ, описывая въ то-же время (ор. с. стр. 245) монеты Полемона II, не битыя, по его мнѣнію, на Босфорѣ.

А. Орѣшниковъ.

О босфорскихъ монетахъ съ монограммами

BAE, BAY и KΦP.

Христіанъ Гиль.

Появившіяся въ послѣднее время сочиненія гг. Подшивалова, Орѣшникова и Бурачкова побудили и меня изложить свои предположенія относительно выше изображенныхъ монограммъ.

Прежняя литература монетъ съ монограммою BAE, вѣроятно, достаточно извѣстна всѣмъ, занимавшимся этимъ отдѣломъ нумизматики. Мнѣнія объ опредѣленіи ихъ были такъ непостоянны еще въ 1882 году, что г. Подшиваловъ въ своей брошюрѣ [1]) нашелъ нужнымъ упомянуть объ именахъ двухъ царей. Только г. Орѣшниковъ [2]) въ 1883 году далъ совершенно новое разъясненіе монограммъ BAE и BAY: имъ логически доказано, что означенныя монеты могли быть выпущены только отъ одного царя изъ дома Ахеменидовъ, причемъ монограмму BAY онъ приписалъ Махаресу, а монограмму BAE Миѳрадату Евпатору. Г. Бурачковъ въ своемъ «Сборникѣ матеріаловъ», представившемъ такъ много новыхъ и совершенно неизвѣстныхъ типовъ, заявляетъ, что по отношенію къ монограммѣ BAE онъ раздѣляетъ мнѣніе г-на Орѣшникова; но тѣмъ не менѣе прибавляетъ, что онъ уже ранѣе дѣлалъ нѣсколько разъ это самое опредѣленіе (хотя въ таблицахъ его сочиненія монеты съ монограммою BAE изображены раньше монетъ понтійскихъ царей), не соглашаясь почти во всѣхъ остальныхъ частяхъ съ г. Орѣшниковымъ. Г. Подшиваловъ въ своемъ недавно вышедшемъ каталогѣ Румянцовскаго музея уклоняется дипломатическимъ образомъ отъ положительнаго опредѣленія и дѣлаетъ на стр. 33

---

[1]) Beschreibung der unedirten und wenig bekannten Münzen u. s. w. M. 1882.

[2]) Zur Münzkunde des Cim. Bosporus.

надъ означенными монетами надпись: «Царь (Zar) Е.....(ВАЕ)», но добавляетъ въ концѣ, что предположеніе Орѣшникова можетъ быть сочтено «достаточно возможнымъ».

Послѣ этого краткаго предисловія я позволю себѣ высказать и мое мнѣніе относительно упомянутыхъ монетъ, причемъ я прошу моихъ почтенныхъ предшественниковъ отнестись снисходительно ко мнѣ, если я невѣрно понялъ ихъ доводы.

I. О монетахъ съ монограммою ВАЕ.

Профессоръ А. ф. Саллетъ въ XI томѣ своего журнала, стр. 349 [3]), о трудѣ Орѣшникова пишетъ такъ: «это небольшое сочиненіе содержитъ въ себѣ важное и, по моему мнѣнію, неоспоримое новое опредѣленіе извѣстной серіи древнихъ босфорскихъ царскихъ монетъ съ монограммою ВАЕ....» Послѣ такого авторитетнаго судьи, каковымъ является ф. Саллетъ въ области древней нумизматики, вопросъ о томъ, что эти монеты были вычеканены однимъ царемъ изъ дома Ахеменидовъ и что поэтому буква Е можетъ быть лишь иниціаломъ имени Эвпаторъ, долженъ считаться теперь рѣшеннымъ. Все затрудненіе остается въ томъ, чтобы опредѣлить, въ которомъ году продолжительнаго царствованія Миѳрадата, была вычеканена эта монета?

Г. Орѣшниковъ относитъ ее (стр. 15) приблизительно къ 205 году (93 до Р. Х.) понтійскаго лѣтосчисленія. Г. Бурачковъ заявляетъ (стр. 224) о своемъ несогласіи съ тѣмъ, что можно допустить двойное лѣтосчисленіе; при этомъ онъ впадаетъ, однако, (строка 7-я) въ небольшую ошибку, отвергая разъясненіе г. Орѣшникова, считающаго букву Н на берлинскомъ экземплярѣ цифрою 8.

Эти буквы, имѣющіяся на большинствѣ монетъ Миѳрадата, обозначаютъ, по моему мнѣнію, разныя мастерскія одного и того-же монетнаго двора. Считать ихъ, подобно барону Кёне, знаками выпусковъ мнѣ кажется не совсѣмъ вѣрнымъ. Невозможно также предположить и то, что по случаю одинаковыхъ монограммъ эти буквы указывали-бы на первый, второй, третій и т. д. монетные дворы (что однако практикуется и нынѣ еще).

Не могу также согласиться и съ мнѣніемъ, высказаннымъ (стр. 225) г. Бурачковымъ, что буквы на золотыхъ и серебряныхъ монетахъ безъ чиселъ имѣютъ близкое соотношеніе къ монетамъ съ монограммою ВАЕ; мнѣ кажется, что эти буквы имѣютъ скорѣе то самое значеніе, какое приписывается подобнымъ-же буквамъ на монетахъ съ годовыми числами.

---

[3]) Zeitschr. für Numism.

Считать экземпляры съ ΒΑΣ вычеканенными для всего государства Миѳрадата, только потому, что у насъ не имѣется мѣдныхъ монетъ съ его именемъ, невозможно по многимъ причинамъ.

Миѳрадатъ, будучи однимъ изъ могущественныхъ царей въ древности, считалъ, вѣроятно, унизительнымъ для себя позволять помѣщать свой портретъ (за исключеніемъ рѣдкой смирнской монеты, вычеканенной, конечно, безъ его вѣдома) и свое имя на монетахъ изъ неблагороднаго металла и предоставлялъ поэтому городамъ своего царства право чеканить монету малой стоимости. Обыкновенныя и болѣе или менѣе рѣдкія городскія мѣдныя монеты Малой Азіи съ типами Ахеменидовъ (см. Кёне М. К. II. стр. 73) нужно тоже отнести къ этой эпохѣ. Сравнительно рѣдкое появленіе золотыхъ и серебряныхъ монетъ, хотя, впрочемъ, въ послѣдніе годы обнаружено нѣсколько находокъ, объясняется алчностью и ненавистью Римлянъ, которые послѣ низверженія своего злѣйшаго врага постарались, вѣроятно, стереть съ лица земли всякое о немъ воспоминаніе. Но что они переплавили и мѣдныя монеты, на которыхъ нѣтъ ни портрета, ни полнаго имени царя, предположить трудно. Поэтому нужно думать, что въ Малой Азіи возможно еще найти очень много мѣдныхъ монетъ Миѳрадата. Обыкновенный-же, если не единственный источникъ нашихъ монетъ это—Босфоръ.

Г. Бурачковъ на стр. 19 говоритъ: «и въ ближайшихъ окрестностяхъ Керчи находятся иногда мѣдныя монеты Эвѳіота», а на стр. 225 поясняетъ, что находка означенныхъ монетъ въ Босфорѣ понятна потому, что Миѳрадатъ набиралъ въ этой мѣстности солдатъ для пополненія своихъ войскъ. Но едвали Миѳрадатъ могъ пускаться на вербовку отдѣльныхъ солдатъ, а подвластные государи, которые доставляли ему вспомогательныя войска, врядъ-ли могли довольствоваться мѣдными деньгами.

Вѣроятно, и воины, возвращавшіеся домой послѣ кровавыхъ войнъ съ Римлянами, приносили съ собою на родину кое-что болѣе цѣнное, чѣмъ мѣдныя монеты. Вообще, если эта мѣдная монета попала въ Босфоръ, какъ денежный знакъ, обращавшійся одинаково во всемъ государствѣ, то тамъ находились бы изрѣдка золотыя и серебряныя монеты Миѳрадата; но этого мы не встрѣчаемъ, какъ поясняетъ самъ г. Бурачковъ.

О мѣстѣ нахожденія этихъ монетъ я говорилъ съ г. Люценко, который прожилъ много лѣтъ въ Керчи у своего брата, бывшаго директора мѣстнаго музея, и занимался усердно собираніемъ босфорскихъ монетъ. Его рѣдкая коллекція перешла во владѣніе г. Подшивалова. Г. Люценко говорилъ мнѣ, что всѣ монеты съ монограммой ΒΑΣ находятся исключительно вблизи Босфора и что онъ не слыхалъ никогда, чтобы какой-либо изъ этихъ экземпляровъ былъ привезенъ въ Керчь съ другой стороны Чернаго моря (Трапезунтъ), тогда какъ другія босфорскія монеты въ большомъ количествѣ положительно получаются оттуда.

Ничто не побуждаетъ насъ также считать одну изъ столицъ Миѳрадата мѣстомъ чеканки этихъ монетъ. Лигатура металла положительно одинакова съ лигатурою того, изъ котораго вычеканены монеты послѣдующихъ босфорскихъ царей. Извѣстная красная оксидированная пленка, присущая босфорскимъ монетамъ, встрѣчается очень часто на экземплярахъ съ монограммою ΔΑΕ.

Остается затѣмъ важнѣйшій пунктъ нашего изслѣдованія, а именно опредѣленіе времени чеканки.

Монеты съ монограммою ΔΑΕ носятъ на себѣ 7 различныхъ буквъ, идущихъ послѣдовательно. Считать ихъ знаками выпуска различныхъ мастерскихъ или же полагать, что ими обозначались монетные дворы, въ которыхъ чеканились эти спорадически появлявшіяся монеты, невозможно.

Мало вѣроятно, чтобы лѣтосчисленіе этихъ монетъ началось съ 205 г. понтійской эры (93 до Р. Х.), то есть съ того года, когда появляются первыя тетрадрахмы безъ имени ΜΙΘΡΑΔΑΤΟΥ, съ однимъ лишь ΕΥΠΑΤΟΡΟΣ; если мы и можемъ согласиться съ тѣмъ, что воцареніе послѣдовало именно въ этомъ году, то почему-же цифры обрываются именно на седьмой (Z)? Это не выяснено.

Предположить, что чеканка производилась военачальниками Евпатора, трудно, по случаю кратковременнаго ихъ пребыванія на Босфорѣ.

Точно также я сомнѣваюсь, чтобы Миѳрадатъ выпустилъ монету съ царскимъ титуломъ до смерти Пэрисада (84 г. до Р. Х.).

Города той мѣстности пользовались свободою, и дань, о которой упоминаетъ Страбонъ, собиравшаяся, вѣроятно, для защиты противъ варваровъ, еще не служитъ доказательствомъ ихъ несамостоятельности. Давно извѣстно, что эти города чеканили именно въ то время монеты съ типами Миѳрадата, и я приведу ниже нѣсколько предположеній по этому поводу.

Но такое положеніе дѣла измѣнилось, вѣроятно, совершенно, когда эти города возмутились и Миѳрадатъ имъ далъ въ цари (приблизительно въ 80 г. до Р. Х.) своего сына Махареса. Махаресъ былъ, по всей вѣроятности, первымъ изъ Ахеменидовъ, который явился въ Босфоръ; ему не на кого было обращать вниманія, а потому онъ и чеканилъ эти монеты. Число 7 соотвѣтствуетъ промежутку лѣтъ между 79 и 72 годами до Р. Х. и указываетъ на то время, начиная съ котораго Миѳрадатъ сталъ считать себя полновластнымъ государемъ греческихъ городовъ Босфора, или же обозначаетъ года царствованія Махареса, если онъ только не былъ намѣстникомъ своего отца, а царемъ. Если считать Махареса царемъ, то къ монограммѣ ΔΑΕ слѣдуетъ лишь присовокупить τοῦ, то есть ϛοῦ.

Такимъ образомъ объясняется обстоятельство, почему цифры обрываются на 7: около этого времени, то есть во время 3-го похода противъ Римлянъ, счастье начинаетъ покидать Миѳрадата, и Махаресъ склоняется на сторону Рима. Въ прямомъ соотношеніи съ этимъ находится и слѣдующее.

II. О монетахъ съ монограммою ΒΑΥ.

Какъ мы видѣли выше, г. Орѣшниковъ приписалъ первый эту монету Махаресу. Ф. Саллетъ, который указалъ уже раньше на сходство ея съ большою монетою Эвбіота (Koehne II стр. 45 № 1, Бурачковъ 7. XXIV, № 17) не соглашается съ мнѣніемъ г. Орѣшникова и говоритъ, что монограмма составлена изъ М и І. Г. Бурачковъ приписываетъ ее Миерадату Пергамскому. Въ приведенной имъ на стр. 230 противъ мнѣнія г. Орѣшникова выдержкѣ изъ Страбона говорится о Колхидѣ. Но и Колхи испросили себѣ въ скоромъ времени послѣ 2-й войны съ Римомъ въ цари сына Миерадата съ тѣмъ-же именемъ (Аппіанъ LXIV). Впрочемъ, изъ нижеприведенныхъ выдержекъ[4]) видно, что по Аппіану Махаресъ не можетъ считаться архонтомъ.

Относительно этой монеты приходится повторить все то, что я сказалъ уже по отношенію къ монетѣ съ монограммою ΒΑΕ.

Я полагаю, что она вычеканена въ Босфорѣ и для обращенія въ немъ, а монограмму, состоящую, по моему мнѣнію, не изъ М и І, а изъ М и Υ, я разъясняю слѣдующимъ образомъ:

ΒΑσιλέως Μαχάρου Υἱοῦ Μιθραδάτου.

Съ этимъ совпадаетъ разительнымъ образомъ мое вышеприведенное опредѣленіе монеты съ монограммою ΒΑΕ и І (10) годомъ. Въ это время Махаресъ отдѣлился окончательно отъ своего отца и чеканилъ монеты съ собственными монограммой и портретомъ. Я совершенно согласенъ съ гг. Орѣшниковымъ и Бурачковымъ въ томъ, что на лицевой сторонѣ монеты мы должны скорѣе видѣть изображеніе царя, нежели Геліоса.

Г. Подшиваловъ, первый опубликовавшій эту монету, утверждаетъ, что такая-же находится въ нѣсколькихъ частныхъ коллекціяхъ, но только съ третьимъ (Г) годомъ. Однако экземпляръ, находящійся въ Эрмитажѣ, и худо сохраненный экземпляръ моей коллекціи, въ которомъ опытный глазъ различитъ безъ труда букву І, показываютъ десятый годъ.

---

[4]) Appiani de Bello Mithridatico LXVII: ὁ Μιθριδάτης Βόσπορον ἐχειροῦτο καὶ βασιλέα αὐτοῖς τῶν υἱέων ἕνα ἀπεδείκνυε Μαχάρην.

LXXVIII: καὶ ἐς Μαχάρην τόν υἱόν, ἄρχοντα Βοσπόρου, περιέπεμπεν ἐπικουρεῖν...

LXXXIII: καὶ Μαχάρῃ τῷ παιδὶ τῷ Μιθριδάτου Βοσπόρου τε βασιλεύοντι...

CI: τήν τε Μαχάρους τοῦ παιδὸς ἀρχήν.

CII: ἐς τὴν ἀρχὴν ἀπιόντι.

CXIII: δεόμενος ἢ τῆς πατρῴας ἀρχῆς, ἢ Βοσπόρου γε βασιλεύειν μόνου, ἥντινα καὶ Μαχάρης ὁ ἀδελφὸς αὐτου βασιλείαν παρὰ Μιθριδάτου παρειλήφει.

Правда, что г. Бурачковъ (Т. XXVI № 92) издалъ эту монету съ 3-мъ (Г) годомъ, но удивительное сходство его рисунка съ рисункомъ князя Сибирскаго (Т. XIII № 47—безъ году) заставляетъ меня предположить, что находящійся въ его коллекціи экземпляръ худо сохранился, и въ такомъ случаѣ можетъ произойти, что и самый опытный нумизматъ не отличитъ букву I отъ буквы Г. Но, предположивъ даже, что такія монеты существуютъ и съ третьимъ годомъ, я считаю этотъ вопросъ тоже рѣшеннымъ, хотя и смѣлымъ образомъ.

Махаресъ при началѣ своего правленія билъ числа на своихъ монетахъ, продолжая подобныя, начатыя на монетахъ съ монограммою ΒΑΣ, а потомъ сталъ держаться другаго порядка и вести счетъ со времени отреченія своего отъ отца. Числа 7+3=10 подтверждаютъ это предположеніе. И такъ, эти монеты должны быть отнесены приблизительно къ 70 году до Р. Х.

III. О монетахъ съ монограммою ΜΡ

Всѣ писатели относятъ монеты, изображенныя на прилагаемой при семъ таблицѣ, ко времени Миѳрадата. О двухъ монограммахъ ΜΕ и ΜΡ, находящихся на №№ 10, 11, 13, баронъ Кёне говоритъ (М. К. Г I стр. 363): «Эти монограммы представляютъ такимъ образомъ имена директора и рѣзчика монетнаго двора».

Князь Сибирскій пишетъ объ этомъ (стр. LXXV, примѣчаніе 3) слѣдующее:

«Присутствіе здѣсь двухъ монограммъ разомъ трудно вяжется съ принятою системою (слишкомъ обобщенною, хотя и не достаточно изслѣдованною въ отдѣльныхъ случаяхъ), на основаніи которой въ монограммахъ привыкли видѣть собственныя имена монетчиковъ. Мы полагаемъ съ своей стороны, что въ этихъ двухъ сокращеніяхъ нужно искать смыслъ эпитета, относящагося до поклоненія вѣрѣ, символъ которой изображенъ въ типѣ. Мы знаемъ по Плутарху, котораго мы приведемъ ниже, что въ Дельфахъ, центрѣ секты, поклонявшейся Аполлону и Діонису, совершались каждыя 9 лѣтъ празднества, называвшіяся Ἡρωΐς и имѣвшія характеръ вакхическій. Было въ обычаѣ представлять взятіе на небо Семелы, матери Діониса; вмѣстѣ съ тѣмъ на этихъ празднествахъ представлялись, какъ видно, нѣкоторыя героическія происшествія, сохранившіяся въ преданіяхъ. Укоренившись въ Босфорѣ, эти празднества относились преимущественно и въ принципѣ къ поклоненію Аполлону и Діонису, но они могли вмѣстѣ съ тѣмъ имѣть и отношеніе къ современнымъ историческимъ происшествіямъ, напримѣръ, къ возстанію городовъ противъ владычества Миѳрадата и къ автономному союзу этихъ городовъ подъ управленіемъ Фарнака и высшимъ покровительствомъ Рима. Во всякомъ случаѣ намъ кажется, что въ монограммахъ ΜΕ и ΜΡ заключаются слова ΜΕΤαξύ и ΗΡΩΙΔΟΣ со смысломъ: монета Пантикапейцевъ (или Фанагоріи, или Горгиппіи), вычеканенная во время празднованія дельфійскихъ Ироидъ въ 9-лѣтній періодъ

и въ ознаменованіе соединеннаго поклоненія Аполлону и Діонису. Слово Ἡρώις объясняется еще больше пантикапейскими монетами, гдѣ этотъ-же типъ имѣетъ надъ собою солнце и гдѣ встрѣчается одна лишь монограмма ⌧ [5]). Въ этой монограммѣ заключаются также совершенно явственно буквы: Н. Р. Ω. (квадратъ) І. Δ. О. Σ.

Та-же самая монограмма повторяется на большихъ современныхъ монетахъ съ типами Аполлона и военнаго орла (V и IV №№ 115—117) [6])».

Далѣе мы находимъ объ одной монетѣ [7]), изображенной у него Т. V, № 113 и у Спасскаго, Прибавленіе 1850 Т. I № 21, слѣдующее:

«Эта монограмма указывала-бы на воинскій символъ божества, на его имя и на имя царствующаго государя, если прочитать въ первыхъ двухъ соединенныхъ между собою буквахъ сокращеніе имени (ΣΜ) Μιθρα и въ послѣдней буквѣ (Δ) иниціалъ слова Δάτου».

Я не считаю нужнымъ входить здѣсь въ подробное разсмотрѣніе этихъ разъясненій, по поводу которыхъ высказался уже г. Бурачковъ (стр. 157 и 158), и перехожу прямо къ моему собственному разбору.

Я прилагаю описаніе представляемой мною при семъ таблицы. На первыхъ тринадцати нумерахъ изображена монограмма ⌧, въ которой я вижу буквы ΜΙΦΡΑΔΑΤ(ου) [Η]. Это разъясненіе подходитъ такъ прямо къ серіи упомянутыхъ монетъ, что я удивляюсь, какъ до сихъ поръ никто не напалъ на эту мысль. Мой разборъ подтверждается г. Бурачковымъ, который (стр. 164) говоритъ, что мѣдныя монеты чеканились, быть можетъ, тремя городами сообща съ цѣлью уплаты дани Миѳрадату.

Подобная-же монограмма встрѣчается на монетахъ г. Аѳинъ; Бейле говоритъ (стр. 173), что она такая-же, какъ на монетахъ Димитрія II Македонскаго (239—229 до Р. Х.) [8]), а на послѣднихъ нужно, конечно, читать ее: ΔΗΜΗΤΡΙΟΥ. Наша монограмма не можетъ тоже выражать имя должностнаго

---

[5]) Сибирскій Т. IV № 124 Бурачковъ Т. XXI № 121.

[6]) Бурачковъ Т. XXI № 138—142 и Т. XXII № 144.

[7]) У г. Бурачкова этой монеты вовсе нѣтъ, что и понятно, такъ какъ князь Сибирскій опубликовалъ ее по сѣрному оттиску Кёлера, а Спасскій на стр. 9 говоритъ, что слово ΠΑΝ не ясно. Koehne относитъ ее къ Аѳинію. Mionnet II, pag. 492 № 446.

[8]) Совершенно обыкновенныя мѣдныя монеты Димитрія II (македонскій гербъ, въ срединѣ монограмма, шлемъ и ΒΑΣ) имѣютъ обыкновенно монограмму ⌧ въ разныхъ варіаціяхъ, но Бейле говоритъ, что Парижскій кабинетъ пріобрѣлъ будтобы нѣсколько такихъ монетъ, на которыхъ монограммы совершенно схожи съ монограммами аѳинскихъ монетъ.

лица, такъ какъ на монетахъ Пантикапеи и Фанагоріи монограммы не имѣютъ, по моему мнѣнію, подобнаго значенія. Объясненіе чтенія первой монограммы дополняется второй ΜΕ, находящейся на №№ 10, 11 и 13. Эта монограмма, для которой въ каталогѣ Румянцевскаго музея (стр. 25) г. Подшиваловъ даетъ предположеніе, какъ заключающей въ себѣ инициалы имени Миѳрадата Эвпатора, составлена не изъ ΜΕ, а изъ ΜΕΤ, на чемъ основывается и замѣченная имъ ошибка Кёне. Это положительно сокращеніе слова μετά и можетъ быть прочитано въ смыслѣ: въ сообществѣ съ кѣмъ, сообща, или-же также μεταξύ— во время, между тѣмъ.

Такимъ образомъ мы можемъ объяснить эту монограмму двоякимъ образомъ, а именно:

1) сообща для Миѳрадата,

2) сообща съ Миѳрадатомъ или во времена Миѳрадата.

Дѣйствительно, странно отсутствіе царскаго титула. Но такъ какъ наши монеты вычеканены безъ сомнѣнія между 92 и 80 годами до Р. Х., когда города Босфора еще не были самостоятельными, то понятно, что они не хотѣли называть Миѳрадата на своихъ монетахъ βασιλεύς.

Къ сожалѣнію, я не могу обойти неизданную до сихъ поръ монету Горгиппіи № 14 съ монограммою ΠΑΡ. На ней тотъ-же типъ, какъ и на монетахъ съ монограммою ΚΡ.

Часто встрѣчающуюся монограмму ΠΑΡ я читаю также по разъясненію г. Бурачкова (стр. 112) такъ: ΠΑΡεδρος, т. е. вычеканенная помощникомъ архонта, высшимъ сановникомъ города. Это, видимо, противорѣчитъ моимъ прежнимъ предположеніямъ, но если мы найдемъ еще монеты съ этою монограммою городовъ Пантикапеи и Фанагоріи, то развѣ мы не можемъ предположить, что онѣ были вычеканены въ тѣхъ-же формахъ, какъ и извѣстныя уже и въ то время, т. е. когда послѣ 2-й войны съ Римомъ города Босфора возстали противъ Миѳрадата?

Если-же эта монограмма окажется только на однихъ монетахъ Горгиппіи, то можно предположить, что эта единственная въ этомъ городѣ мѣдная монета была вычеканена по случаю крайности для мѣстнаго обращенія, причемъ для отличія отъ общихъ монетъ на ней поставили вмѣсто ΚΡ, монограмму ΠΑΡ.

Судя по совершенно одинаковымъ штемпелямъ и по многочисленнымъ передѣлкамъ, всѣ эти монеты вышли изъ одного монетнаго двора и, смотря на №№ 1 и 2, нужно полагать, что онъ былъ въ Пантикапеѣ.

Христіанъ Гиль.

Стр. 105—111, первая строка, вмѣсто Шарль Гиль слѣдуетъ читать Христіанъ Гиль.

Объясненіе таблицы.

№ 2 изъ коллекціи Императорскаго Эрмитажа въ С.-Петербургѣ.

№ 4 изъ коллекціи г. Подшивалова въ Москвѣ.

Всѣ остальныя монеты моей коллекціи.

№ 1 A. R. 3, 7. gr. Лицевая стор.: бюстъ Артемиды съ колчаномъ и лукомъ.

Обор. стор.: $\frac{\text{ΠANTIKA}}{\text{ΠAITΩN}}$, пасущійся олень, сзади — ⌘P.

(Съ такимъ положеніемъ монограммы не издана).

№ 2. A. R. 4 gr. То самое изображеніе и надпись, только монограмма надъ названіемъ города.

(Сибирскій Т. V, 135; Бурачковъ Т. XXII, 169).

№ 3. A. R. 8, 1 gr. Лиц. стор.: голова Діониса въ вѣнкѣ изъ плюща съ цвѣтами.

Обор. стор.: $\frac{\text{ΠANTI}}{\text{TΩN}}$ KAΠAI въ вѣнкѣ изъ плюща, среди котораго виноградная кисть, надъ вѣнкомъ ⌘P.

(Koehne M. K. I. pag. 368 № 111; Бурачковъ Т. XXII, 180).

№ 4. A. R. 8, 24 gr. То-же изображеніе и та-же монограмма, только надпись на обор. стор. ΦANA-ΓOPI-TΩN.

(Подшиваловъ, Т. I. 15, Бурачковъ XXIII, 24).

№ 5. A. E. Лиц. стор.: бюстъ Мѣна или Атиса во фригійской шапкѣ и въ лавровомъ вѣнкѣ; надъ головою знакъ Ахеменидовъ: звѣзда въ полумѣсяцѣ.

Обор. стор.: $\frac{\text{ΠAN—TIKA}}{\text{ΠAI—TΩN}}$, стоящій Діонисъ съ тирсомъ въ лѣвой рукѣ, съ гроздомъ въ правой; около ногъ его—пантера, за нимъ м. ⌘P

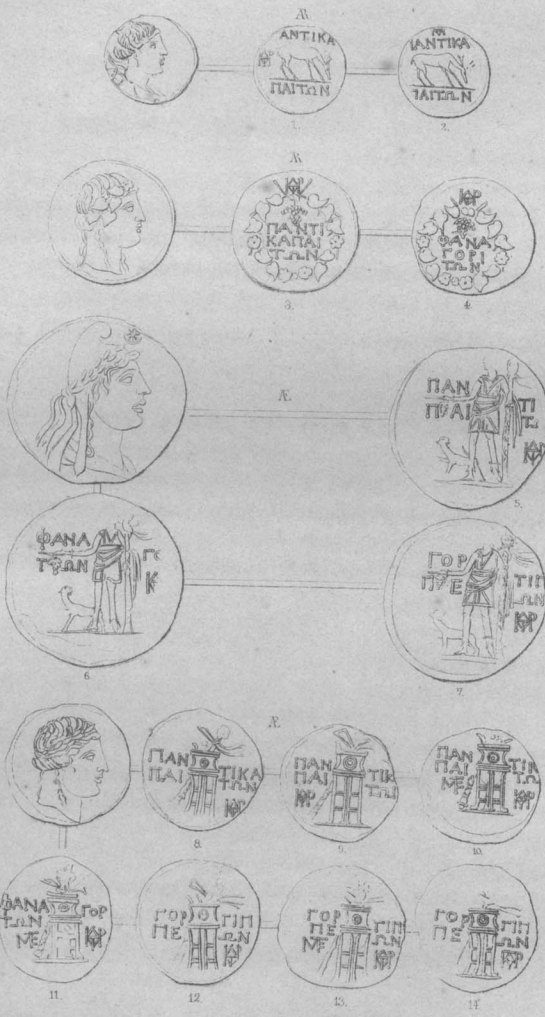
(Koehne M. K. I. pag. 376, № 133; Бурачковъ Т. XXII, 179).

№ 6. A. E. То самое изображеніе и та-же монограмма, надпись: ΦANA-ΓOPI-TΩN.

(Не издана).

№ 7. A. E. То-же изображеніе и таже монограмма, надпись: ΓOP-ΓIП-ПE-ΩN.

(Бурачковъ Т. XXIII, 6).



Imp. V. de Rochemaure C.H.B.

№ 8. А. Е. Лицев. стор. голова Аполлона съ лавровымъ вѣнкомъ. Обор. стор.: ΠΑΝ—ΤΙΚΑ / ΠΑΙ– ΤΩΝ треножникъ съ приставленнымъ къ нему тирсомъ, въ полѣ направо ΚΦΡ.
(Koehne M. K. I. T. IV, 3; Бурачковъ T. XXI, 120).

№ 9. А. Е. То-же изображеніе, но монограмма въ полѣ влѣво.
(Не издана).

№ 10. А. Е. То-же изображеніе и та-же монограмма; въ полѣ влѣво ΜΕ, вправо ΚΦΡ.
(Koehne M. K. I. pag. 362 № 90; Бурачковъ T. XXI, 122).

№ 11. А. Е. То-же изображеніе; надпись: ΦΑΝΑ-ΓΟΡΙ-ΤΩΝ; въ полѣ влѣво ΜΕ, вправо ΚΦΡ.
(Koehne M. K. I. VII, 3; Бурачковъ T. XXIII, 12).

№ 12. А. Е. То-же изображеніе; надпись: ΓΟΡ·ΓΙΠ-ΠΕ-ΩΝ; въ полѣ вправо ΚΦΡ.
(Не издана).

№ 13. А. Е. То-же изображеніе и надпись; въ полѣ влѣво ΜΕ, вправо ΚΦΡ.
(Koehne M. K. I. pag. 418 № 2; Бурачковъ T. XXIII, 5).

№ 14. А. Е. То-же изображеніе и надпись, въ полѣ направо ΚΦΡ.
(Съ этою монограммою не издана).

По поводу брошюры А. В. Орѣшникова: «Босфоръ Киммерійскій въ эпоху Спартокидовъ».

П. О. Бурачкова.

Почтенный нашъ сочленъ, къ сожалѣнію, отсутствующій, давно уже занимается разработкою вопросовъ, относящихся къ темному періоду исторіи Босфорскаго царства. Оставаясь недовольнымъ трудами своихъ предшественниковъ и въ особенности каталогомъ моимъ, г. Орѣшниковъ говоритъ, что одною изъ главныхъ задачъ археологіи настоящаго времени должна быть критика и провѣрка матеріала, какъ оставленнаго отъ древности, такъ и разработаннаго нашими и заграничными учеными.

Съ этой точки зрѣнія новый изслѣдователь босфорской исторіи даетъ намъ полное право предполагать, что трудъ его носитъ на себѣ всѣ признаки всесторонней научной разработки мнѣній предшественниковъ, на основаніи предпосланной имъ самимъ программы. На дѣлѣ-же оказывается, что трудъ г. Орѣшникова есть только разборъ нѣсколькихъ мѣстъ изданнаго мною каталога. Поэтому считаю себя вправѣ указать, въ чемъ именно и на какихъ основаніяхъ почтенный критикъ не соглашается съ моими выводами.

На стр. 5 г. Орѣшниковъ говоритъ, что въ каталогѣ моемъ пропущены нѣкоторые изъ ляпидарныхъ памятниковъ, а именно: 1) надпись, найденная въ Пиреѣ и опубликованная Куманудисомъ; 2) надпись, обнародованная въ Отчетѣ Импер. Археол. Коммисіи за 1873 г., и 3) псифизмъ Діофанта. Но о надписи Пирейской упомянуто у меня на стр. 129, 212, 213 и 215, а о надписи, относящейся къ Пэрисаду, названному у меня четвертымъ, упоминается на стр. 213, 216, 218 и 219. Что-же касается надписи въ честь Діофанта, то о ней написано было мною особое разсужденіе, помѣщенное въ Зап. Одесск. Общ. Ист. и Древ. Т. XII стр. 122—148, и въ каталогѣ сказано о ней на стр. 220 и 221. Такимъ образомъ первое обвиненіе г. Орѣшникова въ пропускѣ мною означен-

ныхъ трехъ надписей оказывается невѣрнымъ. Самъ-же почтенный изслѣдователь, пересчитывая новыя археологическія находки, упускаетъ изъ виду давно извѣстныя: надпись Менестрата (Изв. Имп. Арх. Общ. Т. VI стр. 122—124) и монеты Асандра, тогда какъ при рѣшеніи вопроса о значеніи титуловъ архонта Воспора и василевса на монетахъ золотыхъ и бронзовыхъ и о времени прекращенія ихъ въ прежнемъ смыслѣ надпись Менестрата и монеты архонта Асандра служатъ единственнымъ указаніемъ.

Понятно, что г. Орѣшниковъ, пользуясь не всѣмъ, а только нѣкоторымъ, попавшимся подъ руку матеріаломъ, при рѣшеніи вопросовъ о хронологіи и значеніи титуловъ архонта и василевса на Босфорѣ не могъ сказать что-либо новое, а ограничился догадками подобно своимъ предшественникамъ, о которыхъ говоритъ, что они по сію пору не разсѣяли Киммерійскаго мрака. Развѣ сказанное г. Орѣшниковымъ вскользь на стр. 16, 26, и 32 о монетахъ Асандра архонта Босфора, и Игіэнонта, какого-то архонта, неизвѣстно почему сопоставленнаго съ Асандромъ, можетъ имѣть значеніе научнаго изслѣдованія?

Дѣлая мнѣ замѣчаніе въ неточномъ будто-бы показаніи о томъ, какое значеніе имѣли на Босфорѣ титулы царей и архонтовъ въ эпоху Спартокидовъ, г. Орѣшниковъ упускаетъ изъ виду рѣчь Демосѳена къ Лептину о льготѣ, въ которой упоминается о дарованіи привилегіи для новаго рынка въ Ѳеодосіи Левкономъ царемъ, а не архонтомъ. Не слѣдовало-ли по этому случаю войти въ большія подробности о смыслѣ, въ какомъ употребленъ у Демосѳена титулъ царствовавшаго и какимъ образомъ Левконъ, называемый въ надписяхъ архонтомъ Ѳеодосіи, могъ распоряжаться въ ней уступкою общественной земли? (ср. ор. с. стр. 14, 15).

На стр. 16 А. В. Орѣшниковъ показываетъ, что я совсѣмъ ничего не говорю о правѣ чекана монетъ на Босфорѣ, т. е. о томъ, кому это право принадлежало—царямъ или городамъ; но у меня въ каталогѣ на стр. 152, 156—159 и 164 ясно сказано, что не только при Спартокидахъ, но и при Ахеменидахъ города Босфорскіе пользовались полною автономіею, слѣдовательно монеты царскія въ эпоху Спартокидовъ могли быть выпускаемы самостоятельно (Катал. стр. 214 прим.). Между тѣмъ, г. Орѣшниковъ, соглашаясь со мною, называетъ это предположеніе собственно ему принадлежащимъ (стр. 16) и, отвергая существованіе на Босфорѣ при первыхъ Спартокидахъ монархической формы правленія, выводитъ заключеніе, что извѣстныя монеты Левконовъ, Пэрисадовъ и Спартока не могутъ принадлежать первымъ царямъ этого имени у варварскихъ народовъ. Для подтвержденія вѣрности на этотъ разъ своего заключенія г. Орѣшниковъ ссылается на свидѣтельство Мюллера о томъ, что до Александра Македонскаго титулъ василевса не употреблялся на монетахъ ни у эллинскихъ, ни у варварскихъ народовъ.

Что титулъ царствующаго, быть можетъ, въ первоначальномъ смыслѣ

военачальника (см. Schömann, Gr. Antiq. 1. B. 3 Aufl. S. 30—32) существовалъ на Босфорѣ ранѣе Александра Великаго, доказательствомъ того служитъ вышеуказанная рѣчь Демосѳена, Діодоръ и надписи; а о причинѣ, почему не можетъ быть примѣняемо къ Босфору сказанное Мюллеромъ, Ленорманомъ и Брандтомъ, упоминается у меня въ каталогѣ на стр. 214. Но г. Орѣшниковъ не потрудился обратить вниманіе на исключительное положеніе такъ называемыхъ босфорскихъ царей въ эпоху Спартокидовъ, не зависѣвшихъ ни отъ городовъ греческихъ, ни отъ царей персидскихъ. Съ этой точки зрѣнія и самое изображеніе царскихъ портретовъ съ 348 г. до Р. Х. на монетахъ босфорскихъ царей, ранѣе появленія ихъ на монетахъ греческихъ, по крайней мѣрѣ въ настоящее время, не можетъ быть оспариваемо,—тѣмъ болѣе въ виду появленія исключеній изъ прежде господствовавшаго мнѣнія, о которыхъ упоминаетъ самъ г. Орѣшниковъ на стр. 22.

Почтенный разсѣятель Киммерійскаго мрака дѣлаетъ мнѣ замѣчаніе за невѣрное опредѣленіе художественнаго стиля въ изображеніяхъ Аѳины на монетахъ Левкона I и Пэрисада (стр. 18), а на слѣдующей страницѣ самъ говоритъ, что разница въ стилѣ произведеній искусства и монетъ этой эпохи и позднѣйшей—явленіе обыкновенное. На чемъ-же г. Орѣшниковъ вопреки не одного меня, но многихъ, по истинѣ ученыхъ, основываетъ свое мнѣніе о невозможности приписывать извѣстныя монеты Левкону I или Пэрисаду I? Если принять во вниманіе указаніе К. О. Мюллера о томъ, что изображеніе царей на монетахъ босфорскихъ появилось до 289 г. до Р. Х. (Handb. d. Arch. d. Kunst. Ed. Welcker 1878. S. 722), то спрашивается, къ какимъ-же царямъ отнести разнообразныя монеты Левконовъ и Пэрисадовъ, о которыхъ историческія извѣстія прекращаются у Діодора за 264 г. до Р. Х., но сохранились въ надписяхъ.

Почтенный противникъ твердо держится убѣжденія, что монеты, приписанныя мною Левконамъ и Пэрисаду I, суть подражанія монетамъ Лизимаха (стр. 22), а на стр. 6 самъ говоритъ объ осязательномъ доказательствѣ сношеній Босфора съ Аѳинами, выражающемся въ художественныхъ произведеніяхъ искусства и въ надписяхъ, слѣдовательно изображенія Аѳины на монетахъ Левкона I и Пэрисада I могли быть заимствованы съ образцовъ греческихъ, помимо Лизимаха. Можно-ли сказать утвердительно, что оригиналъ сидящей Паллады и того стиля какъ изображенъ онъ на монетахъ Пэрисада I, не будетъ современемъ отысканъ? Что же касается мнѣнія о монетѣ Левкона II съ головою Иракла, будто-бы также заимствованной съ монетъ Лизимаха, то оно устраняется надписью, въ которой сохранилось преданіе о происхожденіи царей босфорскихъ отъ Иракла. Доказательствомъ того, насколько трудно, если не сказать невозможно, опредѣлить по стилю время происхожденія предметовъ, служитъ знаменитая Чертомлыцкая ваза и найденныя при ней золотыя вещи.

Кажется мнѣ, что не далеко время, когда древнія произведенія греческаго искусства, добытыя на югѣ Россіи, составятъ самостоятельную группу въ ряду другихъ школъ, носящихъ разныя названія.

Мнѣніе свое о заимствованіи съ монетъ Лизимаха сидящей Аѳины на монетахъ босфорскихъ, почтенный изслѣдователь усиливается доказать присутствіемъ монограммы подъ кресломъ (стр. 23), которую принимаетъ за начальныя буквы въ названіи Пантикапеи. Но развѣ г. Орѣшниковъ можетъ сказать утвердительно, что означаетъ эта монограмма не только на монетахъ босфорскихъ, но и на монетѣ Лизимаха,—тѣмъ болѣе, что послѣ сказаннаго объ отношеніяхъ, въ которыхъ находились цари босфорскіе къ городамъ автономнымъ, подобное объясненіе монограммы на монетахъ босфорскихъ падаетъ само собою. Вообще, что касается усвоеннаго г. Орѣшниковымъ объясненія монограммъ на монетахъ босфорскихъ, я позволю себѣ замѣтить, что оно слишкомъ своеобразно и односторонне. Я, пользуясь указаніемъ Преллера (Катал. стр. 213), въ монограммахъ подъ кресломъ вижу названіе, приличествовавшее Аѳинѣ, и мнѣніе свое о значеніи ЕР въ полѣ, основываю на отсутствіи подъ кресломъ монограммы на экземплярѣ кн. Сибирскаго, слѣдовательно нахожу точку опоры; а г. Орѣшниковъ всѣ монограммы въ полѣ на монетахъ Пэрисадовъ принимаетъ за отчество изображенныхъ лицъ, тогда какъ подобныя монограммы находятся на монетахъ Фарнака II 246 г. и Асандра 257 г. босфорской эры и не имѣютъ чего либо общаго съ именами ихъ отцовъ. Что-же касается до сопоставленія г. Орѣшниковымъ словъ ЕР съ Гермесомъ, то объясненіе это я оставляю на отвѣтственности автора, принявшаго на себя трудъ разсѣять Киммерійскій мракъ, покрывающій исторію Босфора.

На стр. 21 почтенный критикъ говоритъ, что онъ прежде меня доказалъ принадлежность такъ называемыхъ монетъ Эвбіотскихъ Миѳрадату VI, и для большаго убѣжденія въ истинѣ своего показанія ссылается на то, что я будто бы признаю Эвбіота царемъ босфорскимъ, тогда какъ въ каталогѣ моемъ на стр. 267, 224 и 225 сказано, что отъ Эвбіота не осталось ни монетъ, ни надписей и извѣстія о немъ у Лукіана не даютъ намъ права включать его въ число царей босфорскихъ. Но я съ удовольствіемъ уступаю г. Орѣшникову честь сдѣланнаго открытія, хотя онъ и не представилъ доказательствъ, почему именно монеты съ ΒΑΣ принадлежатъ Миѳрадату Эвпатору. По мнѣнію г. Орѣшникова (стр. 29), монеты эти и серебряныя автономныя служатъ важнымъ указаніемъ на время окончательнаго присоединенія Тавриды къ Понту, такъ какъ въ монограммахъ на городскихъ монетахъ заключается имя Миѳрадата. Но почему-же на нихъ различныя монограммы—на городскихъ однѣ, а на царскихъ другія, тогда какъ г. Орѣшниковъ предполагаетъ, что мѣсто производства обоихъ названныхъ видовъ монетъ былъ Босфоръ? Отсюда слѣдуетъ вывести два заключенія: или то, что монеты съ ΒΑΣ чеканились въ Понтѣ, а не на Бос-

форѣ, или то, что серебряныя и бронзовыя монеты босфорскія съ вѣнкомъ Діониса, оленемъ и пегасомъ не имѣютъ связи съ царствованіемъ Миѳрадата (Кат. стр. 222).

Основывая мнѣніе свое о принадлежности монетъ съ ΒΑΕ Миѳрадату Эвпатору, я подкрѣпляю его ссылкою на изображенія, символизующія связь ихъ съ Діонисомъ и Персеемъ (Кат. стр. 224, 225), а г. Орѣшниковъ, задавшись желаніемъ противорѣчить, отвергаетъ правильность опредѣленія монетъ, описанныхъ у меня на табл. XXIV № 23 и 22. На первой изъ нихъ я вижу герму Діониса въ сочетаніи съ Персеемъ, а г. Орѣшниковъ называетъ ее гермою Гермеса, тогда такъ стоило критику моему взглянуть въ атласѣ Визелера I. B. Tab. I № 3, 4, чтобы отвергнуть мысль свою о Гермесѣ, проводникѣ душъ въ Аидъ. Изъ словъ г. Орѣшникова слѣдуетъ заключить, что ему неизвѣстны гермы съ изображеніемъ на нихъ бюста Діониса; но въ такомъ случаѣ слѣдовало-бы справиться съ археологіею искусства Мюллера (ор. с. § 67 и 383). На второй монетѣ № 22 я вижу Діониса, какъ врача, въ сочетаніи съ змѣею, символомъ его (Schömann, Gr. Antiq. Berlin 1873. 2 B. S. 334), а г. Орѣшниковъ утверждаетъ, что здѣсь изображенъ Асклепій. На монетѣ въ каталогѣ табл. XXIV № 40 я вижу того же Діониса въ сочетаніи съ головою быка, какъ одного изъ символовъ его, а г. Орѣшниковъ принимаетъ мужское изображеніе за женское и видитъ въ немъ Деметру. Этого одного указанія достаточно было бы, чтобы не отвѣчать г. Орѣшникову на его критику, явно направленную къ тому, чтобы заявить на Съѣздѣ о присвоеніи мною открытій, сдѣланныхъ г. Орѣшниковымъ въ области босфорской нумизматики. Поводомъ къ подобному заключенію служитъ самое названіе брошюры: «Босфоръ Киммерійскій въ эпоху Спартокидовъ». Къ чему-же присоединены здѣсь Миѳрадаты VI и VII? Неужели по поводу послѣдняго изъ Перисадовъ? Но тогда нужно было бы присоединить сюда и Асандра съ его потомствомъ, какъ одного, по всей вѣроятности, изъ потомковъ Левконидовъ.

Въ заключеніе, въ благодарность г. Орѣшникову за сдѣланную мнѣ честь, современемъ обѣщаю издать хранящуюся у меня около десяти лѣтъ монету съ монограммою ΒΑΕ, несомнѣнно доказывающую достовѣрность сдѣланнаго имъ открытія относительно монетъ Миѳрадата VI, чеканенныхъ будто бы на Босфорѣ, такъ какъ онѣ только здѣсь встрѣчаются. Но почему-же г. Орѣшниковъ сомнѣвается въ принадлежности монетъ съ NIN Нимфеону, а монеты съ ΔΙΑΣ и ΔΙΑΣΙΑ относитъ къ Виѳиніи, не смотря на мѣсто находки ихъ?

Пл. Бураковъ.

По поводу тирасскихъ монетъ императора Адріана.

Л. Ф. Бруна.

Находимыя въ значительномъ количествѣ на югѣ Россіи древнія греческія монеты распредѣляются по мѣсту ихъ принадлежности очень неравномѣрно. За исключеніемъ Ольвіи, Херсонеса, Пантикапеи и Босфорскаго царства, монеты которыхъ представляютъ извѣстную полноту, для другихъ мѣстностей, представляющихъ интересъ, число найденныхъ принадлежащихъ имъ монетъ очень незначительно.

Къ этимъ послѣднимъ слѣдуетъ отнести городъ Тирасъ, монеты котораго вообще очень рѣдки и въ особенности автономныя серебряныя и мѣдныя. Многія изъ нихъ извѣстны лишь въ единичныхъ экземплярахъ, и не только въ частныхъ собраніяхъ, но и въ общественныхъ музеяхъ тирасскія монеты имѣются въ очень незначительномъ числѣ, сравнительно съ монетами другихъ греческихъ поселеній.

Такъ напр. въ Московскомъ Публ. и Румянц. музеѣ [1]) ольвійскихъ монетъ болѣе 100 шт., а тирасскихъ—всего 7, въ Импер. Эрмитажѣ ихъ не болѣе 30; въ музеѣ Новороссійскаго университета при нѣсколькихъ сотняхъ ольвійскихъ монетъ имѣется не болѣе 10 тирасскихъ. Можно предположить, что довольно значительное собраніе тирасскихъ монетъ имѣется въ Одесскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей, къ которому перешло собраніе И. П. Куриса; но, къ сожалѣнію, нумизматическія коллекціи Общества недоступны, и притомъ Общество не позаботилось до сихъ поръ издать каталогъ этимъ монетамъ.

По причинѣ рѣдкости и большею частью дурной сохранности находимыхъ тирасскихъ монетъ онѣ рѣдко издавались и почти до послѣдняго времени были мало извѣстны, но благодаря новымъ находкамъ рядъ ихъ постепенно увели-

[1]) Ср. А. Подшиваловъ, Каталогъ монетъ Моск. Публ. и Румянц. музея. М. 1884 года. Вып. I.

чивался. Такъ около 30-хъ годовъ въ изданіяхъ Сестини [2]) и Міонне [3]) было извѣстно всего двадцать слишкомъ тирасскихъ монетъ. Затѣмъ Одесское Общество Исторіи и Древностей, за все время своего существованія, издало въ своихъ Запискахъ и Отчетахъ [4]) не болѣе 15 тирасскихъ монетъ. Въ статьѣ А. Гримма [5]), составленной главнымъ образомъ по собранію Эрмитажа, описано 48 монетъ.

Наконецъ, благодаря разысканіямъ П. О. Бурачкова, рядъ тирасскихъ монетъ значительно увеличился; въ недавно изданномъ его сочиненіи [6]) описаны и изданы на трехъ таблицахъ всѣ извѣстныя до настоящаго времени тирасскія монеты—4 серебряныя и 80 мѣдныхъ.

Городъ Тирасъ, основанный Милетянами около V вѣка до Р. Х. на правой сторонѣ Днѣстровскаго лимана вблизи нынѣшняго города Аккермана, подобно многимъ другимъ греческимъ колоніямъ, имѣлъ сперва свои автономныя монеты, а затѣмъ въ періодъ подчиненія его Римлянамъ—императорскія. Относительно начала и продолжительности подчиненія Тираса владычеству Римлянъ нѣтъ точныхъ данныхъ. На основаніи надписи, содержащей декретъ императоровъ Септимія Севера и Каракаллы къ Тиранамъ, изъ котораго видно, что годъ 201 по Р. Х. соотвѣтствуетъ 145 году тирасской эры, Моммзенъ [7]), а также Беккеръ [8]) полагали, что область Тирановъ была превращена въ римскую провинцію съ 56 или 57 года по Р. Х. при императорѣ Неронѣ. Изъ другой надписи [9]) временъ императора Коммода видно то-же соотвѣтствіе тирасской эры. Въ виду отсутствія другихъ извѣстій о времени нахожденія Тираса подъ римскимъ владычествомъ монеты, конечно, имѣютъ въ этомъ отношеніи важное значеніе. Такъ, благодаря монетамъ устанавливается почти непрерывная связь

---

[2]) Sestini, Descrizione d'alcune medaglie greche del Museo B. di Chaudoir. Firenze 1831 и Chaudoir, Corrections et additions etc. Paris 1835.

[3]) Mionnet, Description de méd. antiques. Supplement. T. II. Paris 1822.

[4]) Записки Од. Общ. Ист. и Др. Т. III и VI и Отчеты, издан. 1866, 1867, 1868, 1869, 1873, 1875, 1876, 1882 гг.

[5]) A. Grimm, Münzen von Tyras, въ Berliner Blätter für Münz-Siegel-und Wappenkunde. VI Bd. Berl. 1873, стр. 27—44, съ 2 табл.

[6]) П. Бурачковъ, Общій каталогъ монетъ, принадлежащихъ эллинскимъ колоніямъ на сѣв. берегу Чернаго моря. Ч. I. Одесса 1884 г.

[7]) Ср. Ф. Брунъ, Островъ Тирагетовъ. Черноморье Ч. I. Од. 1879, стр. 8.

[8]) П. Беккеръ, Гражданскій бытъ Тиритовъ. Од. 1849 стр. 18.

[9]) Издана В. Н. Юргевичемъ въ Зап. Од. Общ. Ист. и Древн. Т. XIII, и B. Latyschev Inscript. ant. orae septentr. Ponti Euxini. Petrop. 1885. Vol. I № 2.

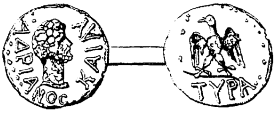
Тираса съ Римомъ въ теченіи болѣе полутораста лѣтъ. До настоящаго времени съ точностью извѣстны тирасскія монеты слѣдующихъ императоровъ и императрицъ: Домиціана, Антонина Пія, Марка Аврелія, Коммода, Септимія Севера, Юліи Домны, Каракаллы, Плаутиллы, Геты, Александра Севера и Юліи Маммеи. Отсутствіе монетъ отъ Нерона до Домиціана, если не считать нѣсколькихъ монетъ съ контрамаркою TYP, можетъ быть, показываетъ, что въ этотъ промежутокъ подчиненіе Тираса Римлянамъ еще было не полное [10]).

Что-же касается монетъ, которыя почти всѣми издателями приписывались императору Веспасіану, то въ виду ихъ дурной сохранности, а также въ виду того, что ни на одномъ изъ изданныхъ экземпляровъ не видно имени Веспасіана, онѣ по сходству типа, какъ основательно предполагаетъ г. Бурачковъ [11]), должны быть отнесены къ монетамъ имп. Домиціана. Затѣмъ въ ряду тирасскихъ монетъ до настоящаго времени не были извѣстны монеты императоровъ Нервы, Траяна и Адріана. Отсутствіе монетъ этихъ императоровъ за время болѣе 40 лѣтъ нѣкоторые изслѣдователи объясняли тѣмъ, что, по ихъ мнѣнію, Тирасъ не находился въ этотъ періодъ подъ владычествомъ Римлянъ. Но едва-ли не вѣрнѣе будетъ предположить, что отсутствіе монетъ названныхъ императоровъ объясняется лишь тѣмъ, что принадлежащихъ имъ монетъ до сихъ поръ не было найдено. Дѣйствительно, рядъ тирасскихъ монетъ постепенно пополнялся въ особенности въ теченіи послѣднихъ десятилѣтій и, конечно, будетъ еще увеличиваться новыми находками.

Такъ, въ моемъ собраніи монетъ имѣются двѣ слѣдующія монеты города Тираса времени императора Адріана, которыя до сихъ поръ еще не были изданы:

1) ΚΑΙ ΑΥ ΑΔΡΙΑΝΟϹ. Бюстъ имп. Адріана вправо.

Обр. Стоящій прямо орелъ съ распростертыми крыльями и повернутой головой влѣво; внизу TYPA. Æ. 20 м.м.

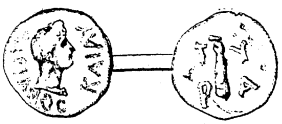


[10]) Беккеръ, указ. соч., стр. 20.

[11]) Бурачковъ, указ. соч., стр. 87.

2) KAI AY ...IANOC. Бюстъ имп. Адріана вправо.

Обр. Палица Геракла въ вертикальномъ положеніи, по сторонамъ ея Т-Y, Р-А. Æ. 20 м.м.



Монета подъ № 1, имѣющаяся у меня, очень хорошо сохранилась; всѣ буквы въ имени императора и въ названіи города видны совершенно явственно и не допускаютъ возможности сомнѣваться въ принадлежности ея городу Тирасу времени имп. Адріана. Прибавлю, что недавно мною получена изъ Аккермана другая монета, которая послѣ очистки оказалась вторымъ экземпляромъ того-же типа.

Монета подъ № 2, хотя и не имѣетъ полной легенды, но по совершенно тождественному расположенію сохранившихся буквъ въ имени императора, полному сходству бюста съ бюстомъ Адріана на первой монетѣ и, напротивъ, по отличію ея типа отъ монетъ другихъ императоровъ должна быть несомнѣнно также отнесена къ тирасскимъ монетамъ имп. Адріана.

Эти монеты имѣютъ и тотъ интересъ, что вообще тирасскія монеты имп. Адріана не только не были извѣстны лицамъ, занимавшимся описаніемъ монетъ этого города, но даже самое ихъ существованіе ими отвергалось. Такъ, хотя въ Зап. Одесск. Общ. Ист. и Древн. бывшимъ вице-президентомъ этого Общества Мурзакевичемъ [12]) издана одна монета съ неполнымъ именемъ, вѣроятно, принадлежащая импер. Адріану, но въ виду неточной передачи рисунка этой монеты и совершеннаго несогласія съ рисункомъ описанія Мурзакевича, Гриммъ имѣлъ полное право сказать, что она «очень сомнительна» [13]). Г. Бурачковъ, какъ членъ Общества, имѣвшій, по всей вѣроятности, доступъ къ его нумизматическимъ коллекціямъ, въ своемъ каталогѣ не только не помѣстилъ вышеозначенной монеты, изданной Мурзакевичемъ, но, напротивъ, указываетъ на совершенное отсутствіе тирасскихъ монетъ съ именемъ имп. Адріана и приходитъ къ ошибочному заключенію, что во время Адріана Тирасъ не находился подъ владычествомъ Римлянъ [14]),

---

[12]) Т. VI стр. 475, табл. II № 6.

[13]) Гриммъ, указ. соч., стр. 34.

[14]) Бурачковъ, указ. соч., стр. 87.

Такимъ образомъ описанныя мною выше монеты устанавливаютъ тотъ фактъ, что римское владычество въ Тирасѣ существовало и при имп. Адріанѣ, и даютъ поводъ надѣяться на возможность новыхъ находокъ—въ томъ числѣ, можетъ быть, монетъ импер. Нервы и Траяна, которыя послужатъ доказательствомъ, что римское владычество надъ Тирасомъ продолжалось безъ перерыва въ теченіи болѣе полутораста лѣтъ.

Л. Брэлъ.

О происхожденіи названія Чернаго моря.

Л. Ф. Воеводскаго.

Названіе «Черное море» въ умѣ всякаго, не ознакомившагося ближе съ нашимъ моремъ, прежде всего вызываетъ естественнымъ образомъ предположеніе, что цвѣтъ воды въ этомъ морѣ если не черный въ строгомъ смыслѣ слова, то по крайней мѣрѣ *значительно* темнѣе цвѣта воды другихъ морей. Однако, какъ извѣстно, дѣйствительность не оправдываетъ такого предположенія. Правда, и въ энциклопедическомъ словарѣ Мейера, XIV (1878) стр. 448, читаемъ: Die Gewässer des Schwarzen Meers sind dunkler und haben, wie die Ostsee, einen geringeren Salzgehalt als jene des Mittelmeers. Но если бы и въ самомъ дѣлѣ цвѣтъ воды Чернаго моря оказался-бы немного темнѣе цвѣта воды Средиземнаго, то отсюда еще слишкомъ далеко до названія его «чернымъ». Я лично кромѣ Чернаго моря видѣлъ еще только Балтійское, содержащее столь-же малое количество соли, и могу только констатировать, что въ моемъ представленіи цвѣтъ обоихъ морей одинаковъ и что онъ никакъ не вяжется съ понятіемъ «черное». Также точно нельзя остановиться на объясненіи, которое мнѣ приходилось слышать, что названіе произошло оттого, что въ состояніи замерзанія поверхность моря будто-бы представляется черною. Сколько я самъ могъ видѣть и слышать отъ другихъ, въ дѣйствительности нѣтъ ничего подобнаго. По этому приходится искать инаго объясненія этого названія. У Щекатова, въ «Словарѣ географическомъ Россійскаго государства», именно въ VII ч. (1809) столб. 107 читаемъ: «Чернымъ именуется [оно] для того, что случаются на немъ жестокія бури, отъ коихъ корабли подвержены бываютъ великой опасности; впрочемъ, вода въ немъ такого-же цвѣта, какъ и въ другихъ моряхъ, а соли содержитъ весьма мало». И такъ, по мнѣнію Щекатова, слово «черное» употреблено въ переносномъ значеніи. Такое употребленіе этого слова дѣйствительно не чуждо русскому языку, какъ мы видимъ, напримѣръ, въ выраженіи «черный день» и т. п. Но во первыхъ, наше море носитъ названіе Чернаго не только на рус-

скомъ языкѣ, но и на греческомъ Μαυρή θάλασσα, и на турецкомъ—«Кара денгисъ», причемъ невѣроятно, чтобы изъ числа разныхъ названій, которыя оно носитъ въ разныя времена, укоренилось у разныхъ народовъ именно столь условное; во-вторыхъ, и самое употребленіе въ данномъ случаѣ слова «черное» вмѣсто «бурное» въ примѣненіи къ реальному предмету, имѣющему извѣстный цвѣтъ, мнѣ кажется даже невозможнымъ. Впрочемъ, мы имѣемъ не только «Черное море»: существуетъ еще и «Бѣлое», и «Красное», и «Желтое». Каково происхожденіе этихъ названій? Не могутъ же быть они всѣ переносными въ только что указанномъ смыслѣ. Между тѣмъ сомнительно и то, чтобы они получили свое названіе отъ какого-либо реальнаго признака въ прямомъ смыслѣ словъ «бѣлый», «красный» и т. д.

По крайней мѣрѣ относительно «Краснаго моря» я нахожу, что многочисленныя попытки указать на красный цвѣтъ, какъ на реальный признакъ, послужившій основаніемъ названія, не увѣнчались до сихъ поръ успѣхомъ. Указывали на красные берега этого моря, на красныя поросли въ немъ, даже на цвѣтъ жителей прибрежья, и въ новѣйшее время понадобилось еще обратить вниманіе на цвѣтъ медузъ, появляющихся на его поверхности, см. *Ausland* 1884 № 2, стр. 39. Чтобы окончательно выказать безнадежность подобнаго рода попытокъ, стоитъ только обратить вниманіе, что аналогичныя названія придаются у разныхъ народовъ даже вѣтрамъ, къ которымъ, конечно, всѣ подобнаго рода объясненія вовсе не примѣнимы. *Brinton* въ *Folk-Lore Journal* I (1883) стр. 246 указалъ на такія названія у Американцевъ, *Whitly Stokes* въ англ. журн. *The Academy* 1883 г. 18 августа привелъ примѣры изъ Ирландіи, *Максъ Мюллеръ* тамъ же, 1883 года 3 ноября, указываетъ по этому поводу на Khâdogya Upanishad [Sacred Books of the East I стр. 38], гдѣ востокъ называется краснымъ, югъ бѣлымъ, западъ синимъ, сѣверъ чернымъ. Въ томъ же журналѣ 10 ноября указано на существованіе подобныхъ данныхъ въ языкѣ Китайцевъ. Отсюда я нахожу возможнымъ заключить, что какъ названія странъ свѣта, такъ и дующихъ оттуда вѣтровъ обусловливалось дѣйствительнымъ или предполагаемымъ цвѣтомъ солнца въ различныхъ его положеніяхъ. Восходящее солнце даетъ красный цвѣтъ, полуденное—бѣлый, зашедшее—синій и полуночное, скрывшееся на сѣверъ,—черный. Или по крайней мѣрѣ, если это предположеніе покажется черезчуръ смѣлымъ, то во всякомъ случаѣ вѣроятно, что здѣсь играетъ значеніе непосредственно цвѣтъ неба, обусловливаемый различнымъ положеніемъ солнца. Настаивать на этомъ для меня необходимо въ виду того, что я нахожу единственно возможнымъ объяснить названіе Чернаго моря примѣненіемъ къ нему названія неба, которое въ миѳологіи, какъ извѣстно, сплошь и рядомъ скрывается подъ именемъ моря или океана. Указывая такимъ образомъ на миѳологическое происхожденіе разсматриваемаго названія, я долженъ прежде всего обратить вниманіе на обстоятельство, которое принци-

піально оправдываетъ или дѣлаетъ по крайней мѣрѣ возможною попытку искать рѣшенія нашего вопроса въ области миѳологіи. Тутъ прежде всего я долженъ указать хоть вкратцѣ на то, въ какой степени географическая номенклатура является заимствованною изъ области миѳовъ. Уже Иродотъ обратилъ вниманіе на это странное на первый взглядъ явленіе. «Не могу сообразить», говоритъ онъ, IV 45, «почему земля, будучи одна, носитъ троякія названія, заимствованныя отъ женщинъ» и т. д. Онъ говоритъ о 3-хъ частяхъ свѣта — Европѣ, Азіи и Ливіи и имѣетъ въ виду соотвѣтствующія названія миѳическихъ лицъ. Я не стану утомлять Вашего вниманія, Мм. Гг., доказательствомъ, что какъ въ имени Европы, такъ и въ именахъ Азіи и Ливіи мы имѣемъ названія, примѣнявшіяся первоначально къ лунѣ. Я могъ бы доказать, что лунныя названія носитъ также громадное количество острововъ, каковы напр.: Делосъ «Ясная», Хриса «Золотая», Аэрія «Воздушная» и т. п., и что сюда же относится и Левка, т. е. «Свѣтлая», въ Черномъ морѣ. Замѣчу только мимоходомъ, что почти каждая мѣстность, каждая страна Греціи имѣла своего эпонима въ миѳическомъ лицѣ (Эллада, полуостровъ Пелопа и т. п., Аѳины, Ѳивы и т. п.) и что мнѣніе, будто многія изъ подобныхъ лицъ придуманы лишь впослѣдствіи и имена ихъ заимствованы отъ географическихъ названій, далеко не обставлено хоть мало-мальски убѣдительными доказательствами. Ближе къ нашей цѣли подходятъ названія рѣкъ и морей. Въ этомъ отношеніи, оставляя въ сторонѣ массу рѣкъ, въ родѣ Скамандра, который, какъ извѣстно, является пылающимъ, Пирифлегетонта, т. е. «Жгучаго огнемъ» и т. подобныхъ, достаточно обратить вниманіе хоть на *Океана*, имя котораго является съ одной стороны именемъ миѳическаго существа и источника всего,—существа, витающаго въ воздухѣ, а съ другой—названіемъ великаго моря, рѣки, обхватывающей всю землю и, наконецъ, даже малой рѣчки на островѣ Критѣ. Первоначальное значеніе этого Океана достаточно выясняется слѣдующимъ мѣстомъ Иродота IV 8: «Объ Океанѣ говорятъ на словахъ, что онъ, начиная съ восхода солнца, течетъ вокругъ всей земли, на дѣлѣ-же этого не доказываютъ». Тутъ ясно, что этотъ источникъ всего, витающій въ воздухѣ, движущійся съ востока, окружающій всю землю и возвращающійся назадъ къ мѣсту своего начала, есть солнце, верховное божество древнѣйшихъ временъ. Теперь возвратимся къ «Черному морю». Въ древности оно называлось сначала «Негостепріимнымъ» Ἄξενος, затѣмъ оно стало называться ради евфимизма или вслѣдствіе того, что сдѣлалось доступнымъ греческимъ мореплавателямъ, «Гостепріимнымъ» Εὔξεινος. У этого моря жили народы, названія которыхъ, по моему мнѣнію, какъ я уже успѣлъ высказаться въ моемъ введеніи Въ миѳологію Одиссеи стр. 104—109, носили названія звѣздъ.

Не останавливаясь на Скиѳахъ, Иперборейцахъ и другихъ обитателяхъ сѣвера, я напомню здѣсь только Киммерійцевъ, названіе которыхъ отразилось въ на-

именованіи Босфора Киммерійскаго и въ рядѣ другихъ топографическихъ именъ. Гомеръ говоритъ о нихъ при описаніи путешествія Одиссея въ Аидъ, *Odyss.* XI 12—19. Соотвѣтственно тому, какъ въ народныхъ сказкахъ герой попадаетъ изъ свѣтлаго царства въ темное, напр. въ черный городъ, въ которомъ все покрыто сукномъ чернаго цвѣта, Одиссей прибываетъ изъ страны свѣта въ темное царство Киммерійцевъ, причемъ указана и настоящая причина начала этой темноты: солнце зашло, наступила ночь. Темное царство было, очевидно, первоначально идентично съ свѣтлымъ и отдѣлялось отъ него не въ пространствѣ, а во времени. Страна Киммерійцевъ—страна ночи, ночное небо. Разъ эта страна принята за отличную отъ страны свѣта по пространству, то естественно пришлось предположить, что въ этой странѣ никогда не является солнце и господствуетъ вѣчный мракъ. Вотъ одно изъ множества данныхъ, которыя заставляютъ меня въ Киммерійцахъ, къ какимъ-бы народамъ впослѣдствіи ни примѣнялось это названіе, усматривать — первоначально — звѣзды, а въ обитаемой имистранѣ — ночное небо. Отсюда я заключаю, что и море, принадлежащее этимъ Киммерійцамъ, первоначально было ночное небо — въ виду того именно, что море—миѳологическій эквивалентъ неба.

Вотъ почему, между прочимъ, я нахожу также вѣроятнымъ, что названія «негостепріимный» и «гостепріимный» имѣютъ подобнаго рода миѳическое значеніе, и почему не могу согласиться съ недавно высказаннымъ мнѣніемъ Otto Keller'a, что оно называлось первоначально Асканскимъ, т. е. Фригійскимъ (Ἀσκέναξ), и что только, такъ сказать, по недоразумѣнію превратилось въ Ἄξενος (см. *Phil. Woch.* 1882. ч. III стр. 71). Дальше я утверждаю, что съ одинаковымъ правомъ, какъ оно въ древности называлось «негостепріимнымъ» и «гостепріимнымъ», оно у другихъ народовъ могло-бы называться нетолько «чернымъ», но и «бѣлымъ», ибо то и другое—то-же самое небо, только въ различныя времена, и преобладаніе одного названія надъ другимъ дѣло болѣе или менѣе случайное. И дѣйствительно, въ Черномъ морѣ и въ ближайшей окрестности эти два названія встрѣчаются замѣчательно часто. Сарасскій заливъ назывался у Грековъ Μέλας κόλπος, «Черный заливъ». Курчанскій лиманъ (верхній Темрюцкій или Горькій) на Таманскомъ полуостровѣ назывался у Татаръ Караденисъ, т. е. Чернымъ моремъ (см. *Koch*, Die Kaukasische Militärstrasse стр. 169). Другой лиманъ возлѣ него находящійся, теперешній Ахтанизовскій, назывался собственно Акденгисъ или Акденисъ, т. е. Бѣлымъ моремъ. Азовское море носило также названіе Бѣлаго моря. Можно было-бы привести еще нѣсколько подобнаго рода примѣровъ (названій озеръ), но я довольствуюсь этими болѣе крупными.—И такъ, я старался до сихъ поръ показать возможность, что къ нашему морю примѣненъ терминъ миѳическій, который, первоначально имѣлъ совсѣмъ иное значеніе, послѣ забвенія котораго именно и потребовалась локализація термина въ теперешнемъ топографическомъ значеніи.

Которому изъ народовъ принадлежитъ въ данномъ случаѣ починъ, это для меня безразлично, да и трудно было бы это прослѣдить въ виду того, что подобнаго рода простые миѳическіе термины могутъ встрѣчаться одинаково у разныхъ народовъ.

Это замѣчаніе приводитъ меня ко второй части моей аргументаціи. Если допустить, что въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ локализаціею миѳологическаго термина, то слѣдуетъ обнаружить существованіе этого термина или по крайней мѣрѣ соотвѣтствующихъ ему въ народныхъ преданіяхъ, въ миѳахъ. Не зная турецкаго языка, я ограничусь лишь самымъ краткимъ указаніемъ на данныя греческаго и русскаго народа. Въ «Ифигеніи Таврической» Еврипида (стр. 107) — драмѣ съ чисто миѳическимъ сюжетомъ — μέλας πόντος, «черное море», встрѣчается именно въ примѣненіи къ нашему Черному морю. У Гомера встрѣчаемъ выраженія: μέλαν ὕδωρ черная вода, μέλαν κῦμα черная волна, и ихъ коррелаты πορφύρεον κῦμα θαλάσσης красная волна моря, οἶνοψ πόντος красное море, и т. п. выраженія въ картинахъ, анализъ которыхъ обнаруживаетъ множество миѳическихъ элементовъ, доказывающихъ, что первоначально тутъ была рѣчь не о земной водѣ и не о земномъ морѣ, какимъ оно является въ этихъ мѣстахъ, а о небѣ и его явленіяхъ.

У насъ, помимо упоминанія Чернаго моря въ Голубиной книгѣ, встрѣчается Черное море и въ сказкахъ. Напр, въ запис. въ Оренбургской губерніи сказкѣ «Буря богатырь Иванъ-Коровій сынъ», помѣщенной въ новомъ изданіи сказокъ Аѳанасьева I т. на стр. 320 слл. на мой взглядъ мы имѣемъ весьма драгоцѣнный миѳологическій матеріалъ, вполнѣ подтверждающій мое мнѣніе о миѳическомъ значеніи Чернаго моря. Пускаться въ подробный анализъ миѳологическихъ данныхъ, встрѣчающихся въ народныхъ воззрѣніяхъ имѣющихъ отношеніе къ нашему вопросу, выходило-бы за предѣлы той задачи, которую я себѣ поставилъ въ настоящее время. Я желалъ только указать на возможность, на мыслимость успѣха при рѣшеніи предложеннаго вопроса, если онъ будетъ изслѣдованъ въ томъ направленіи, на которое я имѣлъ честь обратить вниманіе Съѣзда.

Л. Всеволодскій.

Опытъ доказательства мѣстонахожденія скиѳскаго укрѣпленія Алектора и Золотаго берега Константина Багрянороднаго.

И. К. Суручана.

Въ 1882 году, изслѣдуя мѣстность между Березанскимъ лиманомъ и рѣкою Бугомъ, я нашелъ:

1) слѣды неизвѣстнаго древняго поселенія, никѣмъ еще не описаннаго,

2) предполагаемое мною мѣстонахожденіе крѣпости Алектора и «Золотаго берега» Константина Багрянороднаго.

Это неизвѣстное древнее поселеніе находилось между Березанскимъ лиманомъ и селомъ Анчекракомъ; снятый мною планъ его мѣстонахожденія я въ ноябрѣ мѣсяцѣ прошлаго 1883 года, согласно письменному предложенію проф. Кондакова, выслалъ въ Одессу Распорядительному Комитету VI-го Археологическаго Съѣзда, и такимъ образомъ оно подъ названіемъ Ліинъ съ вопросительнымъ знакомъ появилось въ первый разъ на картѣ древнихъ поселеній на югѣ Россіи, составленной проф. Воеводскимъ и приложенной къ билетамъ членовъ Съѣзда. Но такъ какъ оно нанесено на эту карту несогласно съ присланнымъ мною планомъ, то я считаю необходимымъ снова нанести мѣстонахожденіе этого безъименнаго поселенія на ниже помѣщенную карту для дальнѣйшихъ изслѣдованій древней топографіи южной Россіи.

Въ виду того, что эта мѣстность не изслѣдована еще посредствомъ раскопокъ, и въ виду отсутствія другихъ положительныхъ данныхъ, трудно точно опредѣлить, какое именно древнее поселеніе совпадало съ этимъ мѣстомъ, почему и нахожу болѣе цѣлесообразнымъ назвать это поселеніе до поры—до времени «безъименнымъ». Насколько мнѣ извѣстно, еще не опредѣлено съ точностью мѣстонахожденіе какъ Ахейской гавани, такъ и укрѣпленія Алектора. Профессоръ Брунъ при объѣздѣ лимановъ Аджалыкскихъ, Тилигульскаго и Березанскаго не отыскалъ никакихъ слѣдовъ древнихъ жилищъ или другихъ при-

знаковъ, которые могли-бы послужить къ пополненію скудныхъ свѣдѣній древнихъ писателей о поселеніяхъ, существовавшихъ въ древности въ окрестностяхъ сказанныхъ лимановъ, или къ точному опредѣленію ихъ мѣстонахожденія, какъ Скопула, Одисса или Ордисса, такъ и укрѣпленія Алектора и гавани Ахейской [1]), почему мы въ его сборникѣ изслѣдованій по исторической географіи южной Россіи не находимъ никакихъ изслѣдованій объ Алекторѣ и гавани Ахейской.

Для меня является немного непонятнымъ тотъ фактъ, что на карту, составленную проф. Воеводскимъ, представляющую собою какъ-бы послѣдніе результаты по изслѣдованію древней топографіи южной Россіи, не нанесена крѣпость Алекторъ, между тѣмъ какъ Ахейская гавань отмѣчена при Очаковѣ, какъ вопросъ рѣшенный. Чѣмъ руководствовался проф. Воеводскій при чрезвычайно скудныхъ свѣдѣніяхъ древнихъ писателей, помѣщая гавань Ахейскую при Очаковѣ [2])—мнѣ неизвѣстно.

Изслѣдуя Очаковъ, я нашелъ въ немъ слѣды небольшаго древняго укрѣпленія, находившагося за нынѣшними баттареями, въ сторонѣ города, обращенной къ острову Березани, во дворѣ одного мѣщанина, откопавшаго тамъ камни и черепки отъ амфоръ и другой посуды, а также около 50-ти разныхъ ольвійскихъ мѣдныхъ монетъ, изъ числа которыхъ одинъ тріоболъ [3]), пріобрѣтенный мною изъ третьихъ рукъ, я представилъ на выставку VI-го Археол. Съѣзда въ Одессѣ.

Въ виду всего этого я предполагалъ-бы возможнымъ поставить на этомъ именно мѣстѣ древнюю передовую скиескую крѣпость Алекторъ, что и было-бы согласно съ свидѣтельствомъ Діона Хризостома [4]), который говоритъ, что рѣки Днѣпръ и Бугъ отъ Гипполаева мыса [5]) образуютъ озеро длиною около 200

---

[1]) Черноморье, ч. I, стр. 146.

[2]) А также при помѣщеніи дакійскихъ городовъ Petrodava—даже съ вопросительнымъ знакомъ—на мѣстѣ Кишинева, Carsidava—на мѣстѣ Оргѣева и т. д.

[3]) Подобныя монеты описаны Вакселемъ въ Recueil et suite du recueil de quelques antiquités trouvées sur les bords de la Mer Noire, фиг. № 24 и № 47, стр. 12 и 24; Блорамбергомъ въ Описаніи древнихъ медалей Ольвіи, табл. I, № 1, стр. 40; граф. Уваровымъ въ Recherches sur les antiquités de la Russie méridionale et des côtes de la Mer Noire, табл. XXII, № 5, стр. 100; Кёне: Музей князя Кочубея, Т. I, стр. 34, № 3, и другими.

[4]) XXXVI, 32—34, Борисоеенская рѣчь. (Dion. Chr. orat. recogn. praef. est Lud. Dindorf. Lips. 1857, vol. II, стр. 48 и сл.). Ср. по древнимъ писателямъ какъ разстояніе Ольвіи отъ моря, такъ и ея мѣстонахожденіе.

[5]) Я не согласенъ съ принятымъ мнѣніемъ, что Гипполаевъ мысъ и храмъ Димитры находились при нынѣшнемъ мѣстечкѣ Станиславѣ, и въ непродолжительномъ времени издамъ отдѣльное изслѣдованіе по этому вопросу.

стадій и впадаютъ въ море возлѣ укрѣпленія Алектора, принадлежавшаго, какъ говорятъ, женѣ сарматскаго царя [6]).

Переходя къ «Золотому берегу» Константина Багрянороднаго, я нахожу необходимымъ сознаться здѣсь въ ошибкѣ, невольно сдѣланной мною въ томъ-же 1882 году при посѣщеніи развалинъ древняго поселенія возлѣ села Малой Дерикліи на Бугѣ: въ двухъ моихъ планахъ этой мѣстности, изъ которыхъ одинъ отправленъ тогда-же Одесскому Обществу Исторіи и Древностей, а другой Кіевскому Церковно-Археологическому Обществу [7]), я назвалъ эти развалины неизвѣстными, между тѣмъ какъ графъ Уваровъ въ вышеприведенномъ своемъ трудѣ на стр. 41 упоминаетъ о нихъ. Надѣюсь, что полнота и точность моихъ плановъ этой мѣстности, съ которой и по настоящее время не снято никакихъ другихъ плановъ, искупятъ мою ошибку.

Посѣщая часто мѣстечко Парутино (оно-же и Ильинское), я всегда удивлялся громадному количеству находимыхъ какъ на развалинахъ самой Ольвіи, такъ и въ ближайшихъ окрестностяхъ ея мѣдныхъ рыбокъ разныхъ величинъ и съ разными надписями [8]). Эти тессеры въ видѣ рыбъ, принадлежа къ древнѣйшей эпохѣ Ольвіи и представляя собою монеты или марки, относятся къ рыбному промыслу, о чемъ подробно говоритъ графъ Уваровъ въ своихъ Recherches стр. 97 и слѣд.; точно также находимыя здѣсь въ большомъ количествѣ свинцовыя гирьки и привѣски для сѣтей рыболововъ указываютъ на процвѣтаніе обширнаго рыбнаго промысла въ Ольвіи, что подтверждается еще слѣдующими данными: типами многихъ монетъ разныхъ вѣковъ Ольвіи, на которыхъ изображенія рыбъ встрѣчаются чаще, чѣмъ на монетахъ остальныхъ городовъ сѣвернаго Черноморья, и обширностью рыбной торговли въ самомъ городѣ Ольвіи, имѣвшемъ по этой причинѣ два рыбныхъ рынка [9]).

---

[6]) Что касается надписи въ честь Оронта, сына Абаба, изданной Бёккомъ въ C. I. Gr. № 2088, на основаніи которой графъ Уваровъ предположилъ (Rech. стр. 65), что тамъ, гдѣ она была найдена, т. е. въ окрестностяхъ Очакова, стоялъ загородный домъ этого ольвійскаго гражданина, то уже не разъ доказано было, что всѣ древніе лапидарные памятники, найденные какъ въ самомъ Очаковѣ, такъ и въ окрестностяхъ его, были привезены съ развалинъ Ольвіи, откуда брался камень для очаковскихъ построекъ. (Ср. гр. Уваровъ: Recherches стр. 20 и 32).

[7]) Отч. Общ. за 1882 г. стр. 3 и 4 и Труды Кіевск. Духовн. Акад. за мартъ 1883 г. стр. 530 и 531.

[8]) Подобныя рыбки, описанныя Бларамбергомъ, Кёлеромъ, графомъ Уваровымъ Кёне и другими, имѣются въ моемъ собраніи древностей въ количествѣ около 300 экземпляровъ.

[9]) Гр. Уваровъ: Recherches стр. 97.

Если названіе «Золотаго берега» у Константина Багрянороднаго[10]), согласно съ покойнымъ проф. Брунов[11]), принять въ значеніи мѣста, богатаго рыбною ловлею, то, мнѣ кажется, оно совпадало-бы съ Ольвіей или въ крайнемъ случаѣ съ мѣстомъ, очень близко отстоящимъ отъ нея. Но если-бы это было такъ, то почему Багрянородный не назвалъ это мѣсто «рыбнымъ» берегомъ или берегомъ ловли рыбъ, или-же, назвавъ его «золотымъ», не объяснилъ причину такого названія, какъ объяснено названіе Бѣлобережья Несторомъ, славившагося, согласно указанію послѣдняго, рыбною ловлею?

Очевидно, что Багрянородный назвалъ берегъ «золотымъ» въ собственномъ смыслѣ этого слова, такъ какъ ему былъ извѣстенъ берегъ, часть котораго славилась богатствомъ золота, т. е. золотыхъ вещей, находимыхъ на немъ. Если-бы мы стали искать такой пунктъ, согласно указанію Багрянороднаго, на береговомъ пространствѣ отъ Днѣстра до Днѣпра, то намъ пришлось-бы опять остановиться на ольвійскомъ побережьи, такъ какъ здѣсь сгруппировано было большое количество кургановъ, извѣстныхъ подъ названіемъ «Ста могилъ», изъ которыхъ большая часть представляла могильныя насыпи, сохранявшія въ себѣ нѣкогда большія богатства, чему можетъ служить доказательствомъ остатокъ ихъ, найденный въ одной гробницѣ кургана въ 1842 году и заключавшійся въ слѣдующихъ золотыхъ вещахъ: маскѣ, ожерельи, серьгахъ и перстнѣ вѣсомъ до $1^1/_2$ фунта[12]); о другой подобной-же находкѣ, сдѣланной годомъ раньше (въ 1841 г.), сообщаетъ Мурзакевичъ[13]), что у подошвы акрополя Ольвіи найдены были слѣдующія золотыя вещи: маска, лавровый вѣнокъ, золотая серьга, разныя мелкія частицы золота и золотое ожерелье, изъ которыхъ послѣднее вѣсило, какъ удостовѣрился самъ Мурзакевичъ, 58 червонныхъ[14]).

Расхищеніе гробницъ, какъ извѣстно, совершалось еще въ древности[15]), не говоря уже о послѣднихъ ихъ расхитителяхъ, какими явились Генуэзцы, Венеціанцы и др. Вѣроятно, что обиліе богатствъ, найденныхъ въ этихъ курганахъ

---

[10]) De administrando imperio гл. 42.

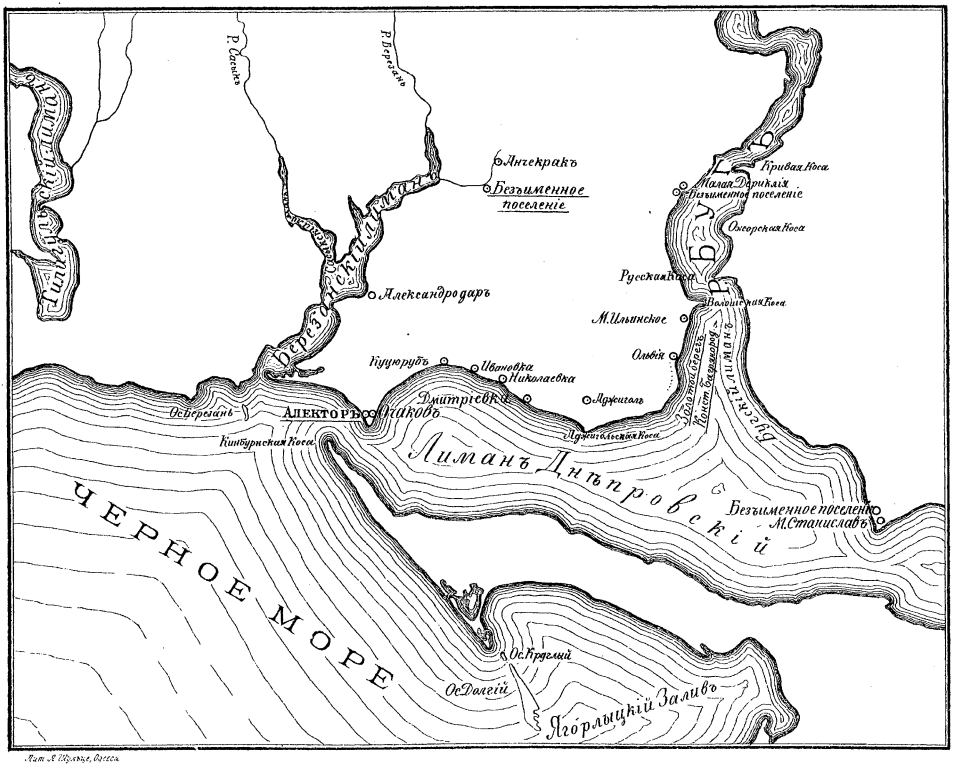
[11]) Черноморье, ч. I, стр. 90 и 168.

[12]) Гр. Уваровъ: Recherches, стр. 38 и сл., табл. XIV.

[13]) Зап. Одесск. Общ. Ист. и Древн. Т. I, стр. 623 и слѣд.

[14]) Разные псифизмы и посвятительныя надписи, найденныя въ Ольвіи и упоминающія о золотыхъ вѣнкахъ и о золотыхъ статуяхъ Побѣды, отчасти свидѣтельствуютъ объ изобиліи въ этомъ городѣ золота.

[15]) Отч. Арх. Ком. за 1864 г. стр. 6. Раскопки произведенныя въ 1883 году Археологической Коммиссіей, подтвердили, что усыпальницы наиболѣе зажиточныхъ гражданъ Ольвіи были расхищены еще въ прежнее время (Отч. Арх. Ком. за 1873 г. стр. XXVIII и XXIX).



Масштабъ въ англійск. дюймѣ 10 русскихъ верстъ

Версты 0 2 4 6 8 10 20 30 Версты.

Лит. В. Шульце, Одесса.

при Багрянородномъ или до него, было извѣстно этому писателю, почему онъ весь этотъ берегъ и назвалъ «золотымъ».

Кромѣ того, можно предположить существованіе «Золотаго берега» Константина Багрянороднаго у Ольвіи и по слѣдующимъ даннымъ.

Графъ Уваровъ говоритъ [16]), что поселяне при сильномъ западномъ вѣтрѣ, выгоняющемъ воду рѣки на противоположную сторону, отыскиваютъ на западномъ берегу монеты, для чего они рѣшетомъ берутъ песокъ со дна лимана, процѣживаютъ его и часто находятъ монеты въ большомъ количествѣ; сначала эти находки, по словамъ гр. Уварова, были очень многочислены, но уже въ его время уменьшились; тѣмъ не менѣе поселяне, искавшіе однѣ сутки, принесли ему болѣе 100 мѣдныхъ монетъ и двѣ серебряныя.

Мнѣ извѣстны случаи, когда поселянами находились при поискахъ въ водѣ и золотыя монеты. Такое явленіе, понятно, не могло остаться не замѣченнымъ въ древнее время, и, быть можетъ, обиліе разныхъ монетъ, здѣсь находимыхъ, и побудило Багрянороднаго назвать это мѣсто и затѣмъ весь берегъ между Днѣстромъ и Днѣпромъ «Золотымъ берегомъ».

Г. Бурачковъ говоритъ [17]), что множество вещей, находимыхъ въ водѣ при ольвійскомъ берегѣ, указываетъ на то, что Ольвіополиты не разъ спасались на суда отъ нападенія варваровъ. Здѣсь, насколько мнѣ извѣстно, идетъ рѣчь о цѣнныхъ вещахъ, т. е. серебряныхъ и особенно золотыхъ; спасаясь отъ преслѣдованій варваровъ, Ольвіополиты со своими сокровищами бѣжали къ двумъ находящимся здѣсь пристанямъ на суда и въ суматохѣ теряли свои драгоцѣнности, чему доказательствомъ можетъ служить то, что нѣкоторые парутинскіе поселяне при поискахъ древностей находили и находятъ у этого берега не только не парныя и помятыя золотыя вещи, но даже слитки серебра и золота, изъ которыхъ послѣдніе иногда доходили вѣсомъ до 10 червонныхъ.

Парутинскимъ искателямъ древностей давно уже извѣстенъ берегъ Ольвіи, какъ заключающій въ себѣ золотыя вещи, но это они держатъ въ тайнѣ, такъ какъ имъ, подъ страхомъ большаго штрафа, запрещено рыться какъ на развалинахъ города, такъ въ особенности на берегу лимана; тѣмъ не менѣе нѣкоторые смѣльчаки и по настоящее время тайкомъ ночью занимаются раскопками и такимъ образомъ разрыли почти всѣ замѣчательныя мѣстности Ольвіи. При удобномъ случаѣ они спускаются къ берегу, чтобы поискать золота въ водѣ. Это они дѣлаютъ слѣдующимъ образомъ: влѣзаютъ въ воду, берутъ лопаткой со дна лимана слой песку и выбрасываютъ его, какъ наносный, въ сторону; со вторымъ слоемъ поступаютъ точно также, третій-же осторожно промываютъ

---

[16]) Recherches стр. 36.

[17]) Зап. Одесск. Общ. Ист. и Древн. Т. IX, стр. 10.

на лопаткѣ и очень часто находятъ одну или нѣсколько золотыхъ вещицъ; если въ третьемъ слоѣ ничего не окажется, то они берутъ четвертый и этимъ заканчиваютъ свои поиски въ одномъ мѣстѣ и переходятъ къ другому; если встрѣчаются въ водѣ камни, то они всегда ихъ переворачиваютъ, такъ какъ подъ ними обыкновенно находили золотыя вещи [18]).

Понятно, что количество находимыхъ золотыхъ вещей съ каждымъ годомъ дѣлается все меньше и меньше, но очень можетъ быть, что во время Константина Багрянороднаго золотыя вещи были здѣсь находимы въ такомъ изобиліи, что подали ему поводъ назвать какъ этотъ берегъ, такъ и все протяженіе его до Днѣстра «Золотымъ берегомъ».

Всѣ вышеупомянутыя примѣты мы нигдѣ болѣе не встрѣчаемъ на остальномъ пространствѣ этой береговой полосы отъ Днѣпра до Днѣстра, почему я и склоненъ вышесказанную часть ольвійскаго побережья считать въ тѣсномъ смыслѣ «Золотымъ берегомъ» Константина Багрянороднаго, придавая, конечно, какъ этому моему отождествленію, такъ и мнѣнію о мѣстонахожденіи Алектора характеръ гипотезы.

И. Суручанъ.

---

[18]) Найденныя такимъ способомъ въ 1882 году золотыя вещи, въ числѣ которыхъ находились 1 серебряный и 2 золотыхъ маленькихъ слитка, пріобрѣтены мною у поселянъ и представлены на выставку VI-го Археологическаго Съѣзда въ Одессѣ.

Записка Дюбрюкса: Нѣсколько замѣтокъ о различныхъ родахъ гробницъ, находящихся въ окрестностяхъ Керчи.

Сообщена В. Г. Тизенгаузеномъ.

Сообщивъ описаніе большаго Кулобскаго кургана и склепа, открытаго въ немъ въ 1830 году, я считаю долгомъ сказать нѣсколько словъ о различныхъ родахъ гробницъ, которыя я встрѣтилъ въ окрестностяхъ Керчи при производствѣ раскопокъ, возложенныхъ на меня въ теченіи 1816, 1817, 1818, 1820, 1821, 1826 и 1828 годовъ. Замѣтилъ я 6 различныхъ видовъ, относящихся къ извѣстнымъ народамъ и временамъ. Изъ числа тѣхъ гробницъ, которыя я причисляю къ самымъ древнимъ и которыя, по моему мнѣнію, относятся къ самымъ отдаленнымъ временамъ, я раскопалъ три въ 1817 году въ деревнѣ Булганакѣ, въ 4 верстахъ отъ Керчи. Подобныя имъ могилы я открылъ въ 1820 году на горѣ Опукѣ, въ 42 верстахъ отъ Керчи, и въ 1827 году на землѣ Чапара, близъ Чурубаша, въ 15 верстахъ отъ Керчи, на разстояніи одной версты отъ древняго города, имѣвшаго чрезвычайно укрѣпленный акрополь и принимаемаго г. Бларамбергомъ за Птоломееву Тиритаку [1]). Гробницы, о которыхъ здѣсь идетъ рѣчь, вырублены въ скалахъ, отъ $2^1/_2$ до 3 аршинъ надъ материкомъ, вышиною до дугообразнаго свода отъ $1^1/_2$ до 2 аршинъ, длиною обыкновенно въ 3 аршина, либо нѣсколько больше или меньше. На днѣ этихъ гробницъ находятся только остовы человѣческіе и простая глиняная посуда грубой работы. Такихъ гробницъ множество на землѣ Чапара, въ 1 верстѣ отъ вышеупомянутаго акрополя; онѣ идутъ рядомъ и обращены лицомъ къ сѣверо-западу. Двѣ большія стѣны, основанія которыхъ еще почти совершенно цѣлы, шли изъ акрополя прямо къ этому кладбищу. Отношу я эти могилы къ глубочайшей древности потому, что онѣ нахо-

---

[1]) Въ томъ-же 1827 году я началъ снимать съ него планъ для г. Бларамберга, который я окончилъ въ 1830 году, чтобы присоединить его къ планамъ древнихъ боспорскихъ городовъ, снятымъ мною въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ; копіи, сдѣланныя съ этихъ плановъ, г. Бларамбергъ намѣревался издать отъ своего имени.

дятся близъ древнихъ городовъ, стѣны которыхъ построены безъ цемента изъ огромныхъ нетесанныхъ камней и извѣстны подъ именемъ циклопическихъ или киммерійскихъ, какъ ихъ назвалъ г. Бларамбергъ. Въ окрестностяхъ Опука и на землѣ Чапара, гдѣ встрѣчаются такіе прекрасные остатки подобныхъ стѣнъ, не видно ни одного погребальнаго холма, хотя развалины, находящіяся въ этихъ двухъ мѣстахъ, ясно доказываютъ, что послѣднія въ древнія времена были очень населены. Это заставляетъ меня думать, что гробницы, о которыхъ я говорю, содержатъ въ себѣ прахъ Киммерійцевъ или тѣхъ народовъ, которые на Босфорѣ могли предшествовать Киммерійцамъ.

Могилы, открытыя мною въ 1816, 1817 и 1818 годахъ, относятся, кажется мнѣ, къ тѣмъ временамъ, когда Скиѳы утвердились на развалинахъ киммерійскихъ и Греки стали торговать въ этой странѣ. Онѣ находятся на глубинѣ 2-хъ и даже 3-хъ саженъ подъ материкомъ, вырублены въ скалѣ, имѣютъ передъ входомъ родъ спуска со ступеньками, а внутри лежанки, вырубленныя также въ скалѣ, на которыя клались покойники, и отличаются уже болѣе искусною отдѣлкою, чѣмъ первыя гробницы. 35 такихъ могилъ, открытыхъ мною, всѣ были ограблены въ прежнее время; три изъ нихъ величиною равны Кулобскому склепу. Я нашелъ въ нихъ бронзовые наконечники стрѣлъ такого вида и такой величины, какъ тѣ, которые найдены были въ Кулобскомъ курганѣ. Въ нихъ оказались также кусочки сердцеобразныхъ золотыхъ листковъ, кости человѣческія и остовы лошадей, изъ которыхъ одинъ лежалъ на каменной лежанкѣ у входа. Въ этомъ подземельѣ, насупротивъ входа, была большая лежанка во всю длину катакомбы, а по обѣимъ сторонамъ находились двѣ меньшія лежанки; всѣ онѣ были вырублены въ скалѣ. Это та самая катакомба, которую я имѣлъ счастіе показывать Его Величеству блаженной памяти Императору Александру I въ бытность Его въ Керчи въ 1818 году и въ которую соизволилъ спуститься со мною Его Высочество Бел. Кн. Михаилъ Павловичъ въ 1817 году. Въ одной изъ этихъ маленькихъ катакомбъ, хотя и ограбленной, остовы человѣческіе не были потревожены. Ихъ было всего 7; изъ нихъ 4 лежали на 3 лежанкахъ, а 3 на полу, возлѣ входа. Два остова, лежавшіе на широкой лежанкѣ противъ входа, заключались въ гробахъ, сколоченныхъ изъ тонкихъ и узенькихъ можжевеловыхъ досокъ. Подъ головами ихъ находились подушки; на одномъ одежда была совершенно цѣла, хотя кости при малѣйшемъ прикосновеніи къ нимъ разсыпались въ прахъ. Одежда эта состояла изъ матеріи, сдѣланной изъ верблюжьей шерсти, и имѣла форму нынѣшней черкесской одежды. Жалѣю, что большое число знатныхъ путешественниковъ, посѣтившихъ Керчь въ 1818 и 1819 годахъ, не позволило мнѣ сохранить эту интересную вещь: всѣ они желали взять съ собою частицу одежды, пока отъ нея ничего не осталось. Остовъ, лежавшій на лѣвой лежанкѣ, былъ покрытъ матеріею съ золотыми цвѣтками, которые хорошо

видны были при свѣтѣ горящей свѣчи. На остовѣ правой лежанки былъ куній мѣхъ, шкура котораго совершенно истлѣла. Надъ катакомбами были насыпаны болѣе или менѣе высокіе курганы. Въ четырехъ изъ такихъ кургановъ, которые я вскрылъ по срединѣ, оказались погребальныя урны, содержавшія прахъ и жженыя кости. Это доказываетъ, что скиѳскія могилы въ то время служили вмѣстѣ съ тѣмъ кладбищемъ для Грековъ, торговавшихъ въ Пантикапеѣ. Такимъ образомъ курганы, находящіеся на 2 версты протяженія за развалинами и рвами этого древняго города, на сѣверной покатости горы, называемой Мирадатовою, содержатъ три рода гробницъ: могилы Скиѳовъ, овладѣвшихъ Босфоромъ послѣ Киммерійцевъ, могилы первыхъ Грековъ, поселившихся въ этой мѣстности, и наконецъ, на глубинѣ аршина и болѣе вокругъ многихъ изъ этихъ кургановъ, могилы изъ тесанныхъ камней, хотя также греческія, но относящіяся къ болѣе позднимъ временамъ, чѣмъ гробницы съ сожженными покойниками.

Въ 1826 году, когда г. Бларамбергъ просилъ меня распорядиться рабочими при раскопкахъ, которыя онъ производилъ для Керченскаго музея, намъ удалось найти въ трехъ изъ этихъ гробницъ золотые браслеты прекрасной работы, золотые перстни съ изящными рѣзными камнями, серьги и пр. Въ этихъ гробницахъ встрѣчаются также стеклянныя и глиняныя «слезницы» разныхъ формъ, иногда, но рѣдко, древнія монеты. Вокругъ этихъ кургановъ я находилъ длинныя головы макрокефаловъ. Остовы были зарыты въ землю безъ гробовъ и прикрыты только землею толщиною аршина въ $1^1/_2$.

Четвертый родъ гробницъ составляютъ склепы, похожіе на Кулобскій. Есть склепы различной величины, но всѣ они одинаковой конструкціи; самые маленькіе въ 2 арш. ширины, 4 арш. длины и 2 сажени вышины. Большая часть этихъ склеповъ ограблена въ прежнее время. Изъ 8 склеповъ, открытыхъ съ тѣхъ поръ, какъ я здѣсь живу, только 2 были нетронуты: Кулобскій и другой точно такой же, открытый Греками при выемкѣ камня 29 декабря 1820 года. Найденныя въ немъ вещи были отосланы къ Государственному Канцлеру графу Румянцову, который поручилъ мнѣ произвести для него раскопки, съ согласія Министра Внутреннихъ Дѣлъ.

Склепы такой-же величины, какъ Кулобскій, съ дугообразнымъ сводомъ и съ преддверіемъ, украшеннымъ такимъ-же сводомъ, длиною въ 2 сажени, оштукатуренные одни известкою, другіе краснымъ цементомъ, образуютъ пятый родъ гробницъ; но изъ всѣхъ 7 склеповъ, которые удалось открыть въ мое время, не было ни одного уцѣлѣвшаго отъ прежняго расхищенія.

Наконецъ 6-й родъ гробницъ, находящійся на равнинѣ къ сѣверу отъ Керчи, составляютъ небольшіе курганы, подъ которыми обыкновенно находится могила изъ тесанныхъ камней, заложенная болѣе или менѣе глубоко. Въ одной изъ послѣднихъ мнѣ удалось найти двѣ расписныя вазы, которыя я имѣлъ

счастіе отправить вмѣстѣ съ другими древностями въ Босѣ почившей Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ. Гробницы изъ тесанныхъ камней, находящіяся вокругъ кургановъ, на горѣ, по конструкціи своей и по вещамъ, которыя въ нихъ встрѣчаются, принадлежатъ, кажется, къ тѣмъ-же временамъ.

Не могу не упомянуть здѣсь еще о неоконченной раскопкѣ, произведенной мною на горѣ Опукѣ. На обрывистомъ склонѣ западной части этой горы, на высотѣ нѣсколькихъ саженъ и близъ самаго моря, ниже остатковъ циклопическихъ стѣнъ, окружавшихъ небольшой акрополь стариннаго поселенія, находившагося въ этой мѣстности и принимаемаго г. Бларамбергомъ за европейскій Киммерикъ, въ 1824 году, во время производившейся мною съемки плана этихъ развалинъ, дожди и обвалы земли обнаружили верхушку гробницы изъ тесанныхъ камней. По просьбѣ моей владѣлецъ этой горы, маіоръ Шуруповъ, позволилъ мнѣ раскопать не только эту могилу, но и другія, которыя могли-бы оказаться на его земляхъ. Гробница, о которой я говорю, была прикрыта двумя тесанными плитами, каждая въ $1^1/_2$ аршина въ квадратѣ, и по снятіи ихъ оказалась длиною въ $2^1/_2$ арш., шириною въ 1 аршинъ, глубиною-же около 12 вершковъ, составлявшихъ также вышину отесанныхъ плитъ, окружавшихъ ее съ 4-хъ сторонъ. Приказавъ снять эти плиты для облегченія работъ, я, къ немалому удивленію своему, нашелъ родъ колодца въ $2^1/_2$ арш. въ діаметрѣ, оштукатуреннаго краснымъ цементомъ. По снятіи слоя земли въ $^1/_2$ арш. толщины я прекратилъ работу, опасаясь, что она вовлечетъ меня въ издержки, превышающія мои средства.

Въ 1827 году, г. Бларамбергъ, находясь со мною въ Опукѣ для провѣрки моего плана Киммерика, и увидѣвъ мою раскопку, далъ мнѣ изъ денегъ музея 10 рублей для продолженія работъ. Я приказалъ выпуть землю и камни, наполнявшіе этотъ колодезь, но работа съ каждымъ днемъ становилась затруднительнѣе, и, израсходовавъ деньги, я снова прекратилъ ее. Наконецъ г. Стемпковскій, въ сентябрѣ прошлаго года, отпустилъ мнѣ денегъ на окончаніе работы, и я снова принялся за нее. По мѣрѣ выемки земли колодезь незначительно расширялся и все еще былъ оштукатуренъ краснымъ цементомъ. Въ наполнявшей его землѣ встрѣчались обломки глиняныхъ вазъ изящнѣйшихъ формъ, покрытые прекрасною черною поливою. На глубинѣ 2-хъ саженъ колодезь принялъ осьмиугольную форму въ 4 арш. въ діаметрѣ, а углубившись еще на $^1/_2$ саж. и съ трудомъ снявъ двѣ огромныя плиты, лежавшія подъ этимъ слоемъ земли, мы нашли воронкообразное дно колодезя, сплошь покрытое мозаикою, которая хотя и груба, но чрезвычайно замѣчательна. По толстому въ 1 вершокъ слою краснаго цемента, идущему по всему дну, размѣщено огромное количество вдавленныхъ въ него совершенно одинаковыхъ мелкихъ, продолговатыхъ, очень твердыхъ шлифованныхъ камешковъ бѣло—голубоватаго цвѣта, которые мы сначала приняли за кусочки мрамора, длиною отъ дюйма до

15 линій, въ діаметрѣ отъ 2 до 3 линій; они идутъ лучами отъ центра къ краямъ въ видѣ оливковыхъ вѣтокъ. Нѣтъ сомнѣнія, что это дно составляетъ покрышку одного изъ подземелій, которыхъ въ этой горѣ нѣсколько. Это доказываетъ звукъ, издаваемый дномъ, когда по немъ ударяютъ съ этой стороны. Скала, въ которой вырубленъ этотъ колодезь, очень тверда и сѣраго цвѣта, тогда какъ дно представляетъ мягкій камень желтоватаго цвѣта. Открытіе Кулобскаго склепа и вслѣдъ за тѣмъ санитарные кордоны, устроенные въ то время, какъ мы разсуждали о средствахъ, какъ-бы вынуть, по крайней мѣрѣ отчасти, эту мозаику для помѣщенія въ Керченскомъ музеѣ, помѣшали мнѣ окончить эту раскопку. Весною-же я узналъ, что Татары сосѣдней деревни засыпали часть колодезя, говоря, что черезъ это отверстіе выходитъ «злой духъ» [2]).

В. Тизенгаузенъ.

---

[2]) Переведено съ копіи записки Дюбрюкса на французскомъ языкѣ, находящейся въ Императорской Археологической Коммисіи.

Le Hiéron de Zeus-Urius et le monastère de St. Jean-Baptiste-Phobéros à l'embouchure du Pont-Euxin, d'après un manuscrit du XII siècle.

PAR

A. Papadopoulos-Kérameus.

Messieurs,

Permettez-moi de vous féliciter sincèrement pour les savantes communications, dont j'ai l'honneur d'être un des auditeurs étrangers.

Le comité du Congrès, qui a bien voulu y inviter les sociétés savantes étrangères, n'a pas négligé le Syllogue hellénique de Constantinople, qui pendant les vingt-quatre années de son existance s'occupe à propager en Orient les questions anthropologiques, les recherches pédagogiques, les travaux scientifiques, les lettres grecques, et surtout l'étude des antiquités en général.

Si cette société, que j'ai l'honneur de représenter parmi vous, a accepté avec enthousiasme votre aimable invitation, cela vous prouve, Messieurs, que les savants d'Orient savent estimer vos recherches archéologiques, par lesquelles la Russie tient une place importante dans le monde savant.

Mais je dois vous dire que ces travaux et ces recherches sont pour la plupart inconnus chez nous; ce qui tient au manque de relations directes entre les savants russes et les savants grecs. Nos bibliothèques n'ont pas encore eu l'honneur de recevoir les collections de vos académies, de vos sociétés savantes, et de vos universités. Je suis donc heureux que cette circonstance me donne l'occasion de mettre en relations avec vous la société littéraire de Constantinople, qui par ses diverses commissions s'occupe à la fois de plusieurs branches des connaissances humaines.

C'est pour cela que j'ai accepté avec beaucoup de plaisir la tâche de vous communiquer quelques notices qui pourront peut-être intéresser vos recherches archéologiques.

L'ancienne topographie de la côte asiatique du Bosphore est un travail encore à faire. Gyllius et après lui Hammer ne se sont livrés qu'à des recherches très restreintes; les rapprochements des noms anciens avec les noms modernes chez ces deux auteurs sont encore l'objet de beaucoup de doutes. La description qu'on lit chez Scarlatos Byzantios, auteur dont l'ouvrage [1]) jouit encore aujourd'hui d'une certaine réputation parmi les savants, n'est qu'une simple reproduction des passages de Gyllius, de Hammer et d'autres voyageurs qui ont écrit sur le Bosphore. Les résultats de ses propres recherches sont insignifiants, et pour la plupart complètement erronés.

Aussi ceux qui s'occupent de ces questions sont forcés d'étudier de nouveau et sur les lieux mêmes la topographie de cette partie du détroit, en ayant sous les yeux la nomenclature des localités mentionnées par Denys de Byzance et en les comparant avec les données topographiques éparpillées dans les ouvrages des historiens byzantins et des biographes des saints.

— Les chronographes byzantins et surtout Procope mentionnent plusieurs édifices bâtis sur différents points de la côte asiatique du Bosphore; la désignation exacte de leur emplacement est aujourd'hui une tâche délicate, et qui rencontre beaucoup de difficultés. Je suis heureux de pouvoir vous soumettre à l'occasion de notre réunion un texte inédit du plus haut intérêt qui contribuera à faire reconnaître l'existence de certaines localités dont a parlé Procope et le continuateur anonyme de Théophane; il s'agit notamment du célèbre promontoire de Hiéron à l'embouchure du Bosphore vers la Mer Noire, où les navires des Russes ont passé à plusieurs reprises pendant le moyen-âge pour attaquer la capitale du Bas-Empire [2]).

Le continuateur de la chronographie de Théophane parle en deux endroits d'un monastère, qu'il appelle le monastère de St. Jean Précurseur, «ἁγίου Ἰωάννου Προδρόμου τοῦ Φοβεροῦ [3])»; c'est là qu'ont été exilés, d'après cet historien, les plus zélés des moines iconophiles. Voici en quels termes cette localité est mentionnée: «Εὐκτήριον Προδρόμου τὸ οὕτω καλούμενον τοῦ Φοβεροῦ κατὰ τὸν Εὔξεινον Πόντον». Les savants n'ont pas encore émis d'opinion au sujet de l'emplacement de cet oratoire, qui cependant a joué un rôle important à l'époque des empereurs Michel et Théophile. Il est vrai que l'expression «κατὰ τὸν Εὔξεινον Πόντον» est bien vague, et ne se prête qu'à des conjectures plus ou moins probables; mais

---

[1]) Κωνσταντινούπολις, tome II.

[2]) Voir Muralt Chron. Byzant. 1-ère série, années 865, 941, p. 439 et 512.

[3]) Script. post. Theoph. p. 101.

le texte inédit nous permet de préciser l'emplacement de ce monastère. Je l'ai copié, il y a cinq années, sur un manuscrit conservé chez M-r Démétriades de Smyrne. Le manuscrit est écrit sur parchemin, petit in quarto, et se compose de 115 feuilles; il fut rédigé, vers l'an 1113, par le moine Jean, qui, d'après le récit de ce même manuscrit, aurait restauré le monastère. Quelques notes sont ajoutées à la fin du volume et sur deux pages à peu près laissées en blanc par l'auteur. L'histoire et l'organisation du monastère y sont exposées en plusieurs chapitres. Ce qui ajoute à la valeur de ce précieux manuscrit, c'est que nous ne connaissons jusqu'à présent que six documents du même genre contenant: l'un, l'organisation du monastère Μαχαιράδος à Chypre [4]); l'autre celle du Πτωχοτροφεῖον de Michel Attaliate [5]); le troisième celle du monastère de St. Jean Précurseur à Serrès [6]); le quatrième celle du monastère de Théodore Studite [7]); le cinquième celle du monastère de Κυρᾶς Εἰρήνης τῆς Δουκαίνης [8]), et le sixième et dernier celle du monastère de Ἐλεούσης à Stroumnitza [9]).

L'emplacement du monastère de Phobéros est décrit par l'auteur comme étant un bois très-épais et très vaste destiné à abriter les bêtes plutôt que les hommes; la mer l'entoure; il y fait frais, même froid; il est baigné de tous côtés par les eaux des ravins qui s'étendent sur les flancs échancrés des montagnes. C'est une colline escarpée et inaccessible non seulement aux hommes, mais encore à la plupart des animaux. La description du monastère que l'auteur donne un peu plus bas est plus explicite: «Un promontoire s'élève sur la côte, une de ses parties s'appelle Ἄκρα Διός, l'autre Ἱερόν. Le terrain s'élève à une hauteur considérable au-dessus des plaines; le sommet est entouré de petites collines et de précipices. C'est dans cet endroit qu'anciennement les navigateurs offraient de nombreux sacrifices en les accompagnant de cérémonies religieuses et de prières pour obtenir un temps favorable à leurs voyages. Entre les montagnes s'ouvre un vaste et terrible gouffre, encaissé par les pentes et baigné par les flots de la mer. C'est à cause de cet abîme, qu'anciennement le monastère était quelquefois appelé Χασμάδιον, Μαχάδιον ou Χαμάδιον avec transposition des syllabes; d'autres encore le nomment μονὴ Φοβεροῦ à cause de l'aspect effrayant du site».

---

[4]) Voir le titre de l'édition grecque dans ma *Bibliotheca Maurocordatea* I, p. 9 en note.

[5]) *C. Sathas*, Bibl. med. aevi I, p. 3 sqq.

[6]) Ibidem p. 202 sqq.

[7]) Migne, Patrol. t. 99. p. 1691 etc.

[8]) Ibid. t. 127, p. 985 etc.

[9]) Voir E. Miller, Journal des Savants, 1884, p. 223.

En comparant l'expression du continuateur de Théophane «κατὰ τὸν Εὔξεινον Πόντον» avec celle du moine Jean, il devient évident que la localité, dont il est question chez ce dernier, est le Hiéron de Ζεὺς Οὔριος des anciens et le Yoroscalessi d'aujourd'hui. Signalons d'abord que le nom Ἄκρα Διός, c'est à dire «le promontoire de Jupiter», ne se trouve dans aucun auteur ancien ou byzantin [10]). Le moine Jean a soin de distinguer le Hiéron, qu'il place, comme il semble, sur le sommet même de la montagne pour établir une distinction entre le promontoire précité et le Hiéron; et cela nous permet de fixer la position du temple jadis si célèbre du dieu des navigateurs.

Pour cela, il est indispensable de tracer ici sommairement l'origine de ce sanctuaire.

Le premier auteur qui fait mention d'un sanctuaire à l'embouchure du Pont Euxin est Pindare; d'après lui, c'étaient les Argonautes qui arrivés «ἐπ' Ἀξείνου στόμα.... ἁγνὸν Ποσειδάωνος ἔσσαντ' εἰναλίου τέμενος» [11]). Or, on considérait toujours, comme l'embouchure du Pont Euxin, cette partie du détroit située entre le Yoroscalessi sur la côte d'Asie et Rouméli-cavak sur la côte européenne [12]); par conséquent, le temple mentionné par Pindare, pourrait bien avoir été élevé sur le Hiéron de la côte asiatique, car il était regardé comme un lieu sacré depuis les temps les plus reculés [13]). Sur la côte d'Europe, vis-à-vis du Hiéron asiatique, il y avait aussi un sanctuaire; mais celui-ci paraît appartenir à une époque plus moderne [14]).

---

[10]) Gyllius mentionne le nom *Dios Sacra*, qu'il applique au Poïraz-bounou. On ne connaît pas d'où il a tiré ce renseignement. Il y faut bien voir le nom *Dios Acra* de Jean le Moine.

[11]) Pyth. IV, 204.

[12]) Polyb. IV, 39, 6. «Ἀπὸ δὲ τοῦ Πόντου τὸ καλούμενον Ἱερὸν (στόμα)... ὃ κεῖται μὲν ἐπὶ τῆς Ἀσίας, ἀπέχει δὲ τῆς Εὐρώπης ἐπὶ δώδεκα σταδίοις πρὸς τὸ καταντικρὺ κείμενον Σαραπιεῖον τῆς Θρᾴκης». Cfr Scyl. periplus § 67, 92. Anon. peripl. § 1. Arriani (ed. Müller p. 380—381) § 17.

[13]) Le Hiéron de la côte d'Asie appartenait depuis les temps les plus reculés aux Chalcédoniens; c'était une des sources de leurs richesses et ils dominaient par cette possession le commerce du Bosphore. Les Byzantins jaloux de la prospérité de leurs voisins, vinrent fonder un autre Hiéron sur la côte d'Europe; mais n'ayant pas réussi, ils allèrent mettre la main sur le Hiéron chalcédonien. Voir pour cette histoire Polybe IV, 50, 52.

[14]) Strabon (VIII, 6, 38, Müller) l'appelle Ἱερὸν τῶν Βυζαντίων, tandis que Polybe le nomme Σαρανιεῖον (VI, 39, 6). D'après Denys de Byzance il y avait ici un Hiéron qui s'élevait vis-à-vis du Hiéron de la côte asiatique; tout près s'y élevait un «templum dese Phrygiae sacrum illustre et publice cultum». Ed. Wescher p. 27, § LXXV.

Les vers de Pindare que nous venons de citer sont expliqués par des auteurs qui lui ont succédé. Apollonius de Rhodes dit [15]):

ἐκ δὲ τόθεν μακάρεσσι δυώδεκα δομήσαντες
βωμὸν ἄλὸς ῥηγμῖνι πέρην, καὶ ἐφ' ἱερὰ θέντες etc.

Le scholiaste qui explique ces vers nous apprend que l'autel érigé par les Argonautes se trouvait sur le rivage, «βωμὸν ἐν τῷ αἰγιαλῷ ᾠκοδόμησαν τῶν δώδεκα θεῶν»[16]). Il ajoute que Timothée (auteur alexandrin) prétendait que les δώδεκα βωμοί des dieux avaient été bâtis par les enfants de Phrixus, tandis que le temple de Posseidon, mentionné par Pindare, a été l'œuvre des Argonautes. Un autre grammairien, Hérodore, mentionné aussi par le scholiaste d'Apollonius, assure par contre que les Argonautes n'ont fait que sacrifier sur l'autel, où avait déjà sacrifié Phrixus à son retour de Colchide. Le scholiaste de Démosthène prétend que le Hiéron des dieux (situé vers l'Hellespont?) a été fondé par les Minyens envoyés à la conquête de la toison d'or [17]). D'après une autre tradition conservée dans Polybe, c'est Jason qui le premier sacrifia au Hiéron, lorsqu'il retournait de son expédition en Colchide [18]).

Cependant l'endroit qui nous occupe spécialement, c'est la place qui dans les temps historiques fut généralement connue sous le simple nom de Hiéron [19]). Hérodote en fait mention deux fois; d'après lui entre Byzance et le Hiéron se trouvait le point où Darius avait jeté un pont sur le Bosphore [20]); Darius s'étant rendu au Hiéron s'y serait assis et aurait été rempli d'admiration par la belle vue du Pont-Euxin qui s'étendait devant ses yeux [21]). Les auteurs après lui attachent au Hiéron le nom de Zeus Urius; je cite ici surtout une inscription en vers trouvée à Chalcédon, laquelle dit [22]):

Οὔριον ἐκ πρύμνης τις ὁδηγητῆρα καλείτω
Ζῆνα κατὰ προτόνων ἱστίον ἐκπετάσας [23]).

---

[15]) Argonaut. II, 531.

[16]) Apollonii Rhodii ed. Brunck. II, p. 173.

[17]) Schol. Dem. p. 468, 10.

[18]) Polyb. IV, 39, 6. Denys de Byzance, qui est un auteur postérieur, dit au contraire que Jason a sacrifié à Hiéron de la côte d'Europe.

[19]) Voir Demosthenes adv. Leptin. 468. Lacrit. 926. Polycl. 1211.

[20]) Herod. IV, 87. Cfr Polyb. IV, 43.

[21]) Herod. IV, 85.

[22]) C. I. G., p. 975. Kaibel, Epigr. graeca p. 315, n° 779.

[23]) Voir sur Ζεὺς Οὔριος l'article de G. Abecken dans les Annali del Instit. Roma, XI, p. 62—72. Pour son culte en Sicile v. *Zeitschrift* für Alterth. 1844, p. 992. Pour son culte à Délos voir l'inscription publiée par A. Hauvette-Besnault, Bull. de corresp. hellén. VI, p. 343. № 57. Cfr G. Dittenberger, Sylloge inscr. graec. I, p. 378, № 254.

La plupart même des géographes, comme Arrien [24]), l'auteur anonyme du périple de la Mer Noire [25]), celui de la *Mensura* [26]) et Marcien d'Héraclée en font mention sous le nom de Ἱερὸν τοῦ Διὸς τοῦ Οὐρίου. J'y ajoute encore ce que dit Ménippe d'après Marcien à ce sujet: Κατὰ τὸν Θρᾴκιον Βόσπορον καὶ τὸ στόμα τοῦ Εὐξείνου Πόντου ἐν τοῖς δεξιοῖς τῆς Ἀσίας μέρεσιν, ἅπερ ἐστὶ τοῦ τῶν Βιθυνῶν ἔθνους, κεῖται χωρίον Ἱερὸν καλούμενον, ἐν ᾧ νεὼς ἐστι Διὸς Οὐρίου προσαγορευόμενος. Τοῦτο δὲ τὸ χωρίον ἀφετήριόν ἐστι τῶν εἰς τὸν Πόντον πλεόντων» [27]).

Ce récit d'après lequel le Hiéron aurait été un χωρίον, c'est-à-dire, non seulement un sanctuaire, mais aussi un village fortifié, est confirmé par Denys de Byzance, qui appelle le Hiéron un *oppidulum* [28]) et dit que «supra *templum est murus in orbem* procedens»; il ajoute même que «*in hoc est arx munita, quam Galatae populati sunt, ut alia pleraque Asiae*» [29]). Citons aussi que sur la carte connue sous le nom de *Tabula Peutingeriana* se trouve l'endroit *Jovis Urii* [30]) à une distance de XV milles de Chrysopolis *(Scutari)*, qui y est figuré comme place fortifiée [31]).

Quant à la position du sanctuaire, elle n'était pas exactement connue jusqu'à présent, bien qu' Hérodote parût supposer qu'elle se trouvait sur la hauteur; ce qui, comme nous l'avons déjà dit, est confirmé par le moine Jean.

Quand on remonte la côte asiatique du Haut-Bosphore, on remarque, à la hauteur du village Anadol-Cavak, les ruines d'un château byzantin, qui se dressent sur la hauteur du promontoire au nord du village appelé aujourd'hui Yoros-calessi, c'est-à-dire, château de Yoros ou Yéros (= Ἱερόν). On débarque à Anadol-Cavak, et, après avoir passé par une petite plaine, on monte la colline en longeant les murs de Yéros-calessi, ayant à sa droite un vaste ravin. Bientôt on se trouve en

---

[24]) Müller, Geogr. Min. I, p. 280.

[25]) Ibid. pag. 402 et.

[26]) Ibid. p. 424—425.

[27]) Ibid. p. 568. Cfr Steph. Byz. sub v. Χαλκηδών.

[28]) Ed. Wescher p. 27 § LXXV, 9. D'après Gyllius le texte grec de ce passage avait πολίχνιον, mot qui correspond au χωρίον de Ménippe et à l'*oppidulum* de la traduction latine de Gyllius.

[29]) Ibid. p. 29 § XCII, 18—20.

[30]) Müller, Geogr. Min. I p. 280 n. § 17, donne par erreur: *Avisurius* et (t. II p. 76 n.) *Arisurius*.

[31]) Raven. *Cosmogr.* p. 364. Parth. mentionne cette place sous le nom *Urion*.

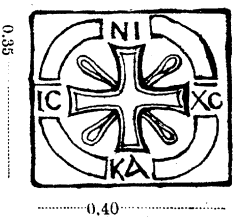
face de la porte d'entrée du château, laquelle s'ouvre du côté du nord et est flanquée de deux tours de construction byzantine, portant plusieurs monogrammes [32]).

J'ai visité cet endroit en compagnie de mon ami M-r J. H. Mordtmann, archéologue et orientaliste distingué; la carte de Moltke donne très exactement le dessin de ce lieu, et je n'ai qu'à y envoyer [33]) ceux qui désirent approfondir cette étude. A l'entrée se compose une porte avec deux pilastres monolithes de marbre blanc, et un linteau orné d'oves et d'autres motifs architectoniques. En entrant on se trouve dans un espace rectangulaire, fermé au fond par un mur de

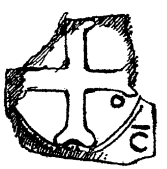
[32]) Gyllius a visité l'intérieur du château, qui était alors «a solis Turcis habitatum». Le patriarche Constantius I, auteur de la *Constantiniade*, qui à ce qu'il paraît ne s'est jamais rendu à cet endroit, se contente de dire qu'ici s'élève un ancien château que les empereurs de Byzance ont aussi restauré. Les voyageurs postérieurs induits en erreur sans doute par la dénomination «*djenevis-calessi*», expression qui en Turquie s'applique à toute construction du moyen-âge, décrivent quelquefois les ruines en question comme débris d'un château génois, ce qui a donné à quelques-uns des topographes l'occasion d'inventer toute une histoire sur une prétendue occupation de ces parages du Bosphore par les Génois établis à Constantinople (voir Texier: Asie Mineure p. 84); tandis que Byzantios (11, p. 200) a cru avoir vu sur un marbre encastré au-dessus de la porte d'entrée la date de l'an 1190. La construction des murailles et des tours est tout à fait byzantine; seulement le silence que notre auteur Jean le Moine (1113) garde sur une pareille fortification nous autorise à présumer qu'à son époque elle n'existait pas. Quelques monogrammes qu'on voit gravés en relief sur des morceaux de marbre encastrés dans les tours, semblent démontrer que ces fortifications datent du XIII s. Il est vrai qu'un voyageur anglais, Dalaway (*Constantinople* Lond. 1797), ayant visité ce château, assure qu'il a reconnu sur ces marbres la lettre M qu'il explique comme abréviation du nom de l'empereur Manuel ou de la vierge Marie; cette assertion a été répétée par l'auteur de la *Constantiniade*, par Byzantios et par d'autres. M-r Mordtmann et moi, ayant soigneusement examiné tous ces monogrammes, n'avons pu découvrir aucune trace de cette lettre mystérieuse. Sur un marbre encastré au-dessus de la porte du Hiéron est taillée en relief une grande croix et sous son 4-e coin on distingue encore un C, reste peut-être de la formule $\frac{I}{X}\Big|\frac{C}{C}$ (planche II, № 2); sur deux faces des tours on voit deux petits marbres quadrangulaires, placés l'un vis-à-vis de l'autre, portant aussi en relief une croix avec les monogrammes $IC\ \overset{NI}{\underset{KA}{}}\ XC$ (pl. II, № 1). Sur la face du nord sont encastrés deux beaux marbres blancs rectangulaires portant une croix à rayons entourés des lettres $\overline{\Phi C}|\overline{XC}|\overline{\Phi C}|\overline{\Pi C}$. M-r Schlumberger, ayant noté sur place ces lettres, les compare avec la légende d'une monnaie byzantine unique «d'ordre purement religieux et qui porte au revers entre des assemblages de points les quatre lettres suivantes: $\overset{\Phi}{\underset{X}{\Phi\ \Pi}}$;» il explique tous les deux en φῶς Χριστοῦ φαίνει πᾶσι (Revue arch. 1880, octobre). Cette explication nous paraît être inadmissible, la formule $\overline{\Pi C}$ s'expliquant paléographiquement en Πατρός; par conséquent nous ne pouvons lire cette phrase qu'en φῶς ὁ Χριστὸς, φῶς τοῦ Πατρὸς. (voir pl. II, № 3).

[33]) v. Moltke, Karte des nördlichen befestigten Theils des Bosph. Berlin, 1836—1837.

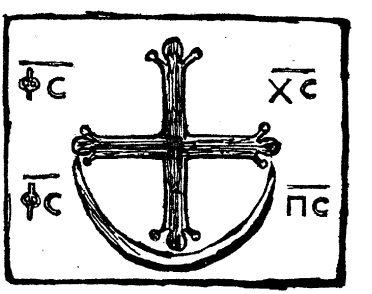
1.



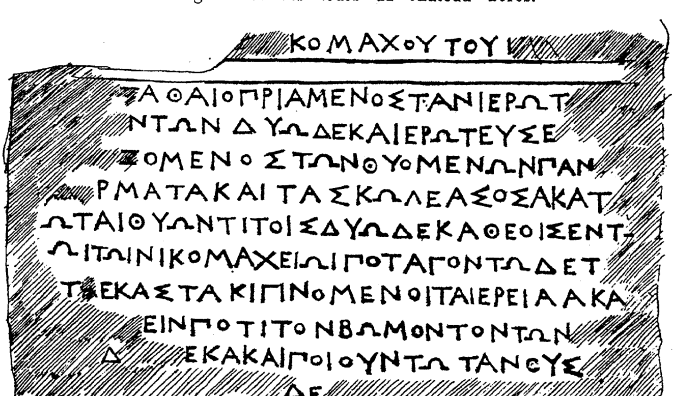
2.



3.



Monogrammes des tours du château Yoros.



Inscription trouvée au Hiéron.

construction très-moderne et des deux côtés par les murs des tours byzantines. A gauche et à droite on voit deux plaques de marbre encastrées dans les murs derrière les pilastres, sur lesquelles se trouve superposée une troisième plaque, de manière qu'on peut supposer qu'elles servaient à maintenir les deux battants de la porte, qui s'ouvrait vers l'intérieur. Ces deux plaques ont la même hauteur que les pilastres et la moitié de la largeur de la porte. Les mesures et les proportions géométriques de ces pièces démontrent que nous sommes ici en présence de l'entrée d'un temple conservée *in situ* dans son état primitif. M-r Mordtmann pense avec raison que c'est là que se trouvait la porte du Hiéron; et en effet, cette porte pourrait bien être l'entrée du côté du nord du temple, auquel aboutissait la route de Χηλαί, petit port situé au nord du promontoire à une distance d'une demi-heure.

Philostrate nous a conservé une description du Bosphore d'après un tableau, dans laquelle il mentionne expressément le temple et les stèles, dont il était entouré: «καὶ τὸν ἐκεῖ νεὼν (τοῦ Ἱεροῦ) οἶμαι ὁρᾷς καὶ στήλας, αἳ περιῴρυνται αὐτῷ»[34]). Cicéron dans son oraison contre Verrès cite parmi les statues représentant *Jupiter Imperator*, à côté d'une statue se trouvant en Macédoine et une autre transportée à Rome au Capitole, comme troisième exemple de ce type la statue érigée «*in Ponti ore et angustis*»[35]). Denys de Byzance, s'il faut s'en rapporter à la traduction latine de Gyllius, l'original de ce passage n'étant pas retrouvé, dit qu'au-dessus du temple s'élevaient les murs du village, et que dans ces murs se trouvait une acropole fortifiée (*arx munita*).

Après cette courte digression sur l'origine du Hiéron et de ses restes, nous allons tâcher de trouver l'emplacement exact du monastère de St. Jean Phobéros. Dans cette recherche l'excellente carte de Moltke nous servira de guide.

De Madjar-calessi, qui est l'ancien promontoire Ἀργυρώνιον, la côte, décrivant une courbe, forme un petit port, qui aboutit au promontoire de Yoros-calessi, désigné ajourd'hui par le nom d'Anadol-Cavak-calessi. Ce dernier était la Διὸς Ἄκρα de notre auteur. Au-dessus du promontoire de Madjar-calessi s'élèvent les hauteurs du Iouscha-dagh. Entre les deux montagnes, il existe une vallée assez profonde et creusée de ravins, qui s'ouvre vers la côte et forme une plaine qu'on peut parcourir en quelques minutes; c'est là où est bâti le village turc Anadol-Cavak, et c'est sans doute là qu'il faut chercher les πεδηνά de notre auteur. La

---

[34]) Philostr. imag. XII, 5.

[35]) Cic. in Ver. IV, 57, 127. Le passage de Cicéron contre Pison (§ 84, f. 1), qui mentionne le Zeus Urius, est déjà corrigé par M-r I. H. Mordtmann, *Mél. d'épigraphie*. Paris, 1878 p. 12—13.

vallée se resserre du côté NE du village à une distance d'une heure à peu près, en formant en effet une espèce de gouffre, où, d'après l'expression de Jean le Moine, «χάσμα μεταξύ τι καθίσταται τῶν ὀρῶν· φοβερόν τι τὸ χάσμα· κοιλότης ὀρῶν ἐν αὐτῷ, κυμάτων ἐπικλυσμός». Il n'existe pas d'autre gouffre dans ces environs, qu'on puisse identifier avec le χάσμα décrit par notre auteur. D'après celui-ci, cet endroit se serait appelé à son époque Χασμάδιον, Μαχάδιον ou Χαμάδιον. Ce détail onomatologique mérite notre attention, parce que Procope est le seul qui nous ait conservé un nom de localité (Μωκάδιον), dont l'identité avec les noms mentionnés dans Jean le Moine paraît incontestable. Gyllius et après lui Boeckh et d'autres ont voulu reconnaître dans le Μωκάδιον le Μουκάπορις, nom d'un port, qui d'après la description de Denys de Byzance ne peut être que le port d'Omur-Yéri, au sud d'Anadol-Cavak.

Denys de Byzance immédiatement après avoir décrit, en descendant de l'embouchure du Pont-Euxin, le Hiéron, mentionne le promontoire Ἀργυρώνιον et l'endroit appelé Ἡρακλέους κλίνη (sur la cîme de Jouscha-dagh), Nymphaeum et Insana Laurus; après quoi il ajoute «κόλπος βαθύτατος καλούμενος Μουκάπορις»[36]). Le passage de Procope, d'où on a voulu à tort conclure que Μωκάδιον serait identique avec le Μουκάπορις, démontre au contraire qu'il n'y a pu être question que du rivage et de la vallée d'Anadol-Cavak. Procope, mentionnant quelques édifices bâtis par l'empereur Justinien, cite d'abord une ἄκρα ἀπόρρωξ, sans doute identique avec l'Ἄκρα Διός, et puis l'Ἀργυρώνιον. Sur les versants de cette ἄκρα ἀπόρρωξ s'élevait une chapelle dédiée au martyre de St. Pantéléïmon, que Justinien avait restaurée et agrandie. Devant cette église, dans l'endroit appelé Ἀργυρώνιον, «vetusta domus erat pauperum, qui morbis tenentur insanabilibus». Procope ajoute: «Ἀκτὴ δέ τίς ἐστι Μωκάδιον ὄνομα τοῦ χώρου ἐγγύς (c'est-à-dire au milieu de l'église de St. Pantéléïmon et le λωβοκομεῖον), ὃ καὶ νῦν Ἱερὸν ὀνομάζεται»[37]). Ce passage s'accorde parfaitement avec les données fournies par Jean le Moine, qui nous ont permis de placer dans le vallon d'Anadol-Cavak le Μωκάδιον ou Μαχάδιον, Χασμάδιον et Χαμάδιον. Cependant le nom Μωκάδιον est plus ancien et il peut être com-

---

[36]) Ce nom thraco-bithynien est déjà rencontré dans trois inscriptions. C. I. G., № 3795. J. Mordtmann, Mél. d'épigraphie, p. 12. Mitth. des D. A. Institutes V p. 84.

[37]) Procop. de aed. I, 9 (p. 200). On s'est habitué à donner aux ruines, qui se trouvent au-dessus du djami de Jouscha-dagh vers SO, le nom du monastère de St. Pantéléïmon; mais cet établissement mentionné seulement chez Procope n'était qu'une simple église. Si je ne me trompe pas, il faut plutôt y chercher le grand monastère de Μετάνοια (Procope III ed. Bek., p. 200, 5—16); et en effet, une tradition que j'ai recueillie à Anadol-Cavak prétend qu'anciennement une église dédiée à St. Pantéléïmon s'élevait sur le promontoire de Yoros; au-dessus d'un jardin est désignée une maison turque comme l'église de St. Pantéléïmon. L'emplacement de l'asile des lepreux (λωβοκομεῖον) mentionné aussi par Procope devait être aux environs de Madjar-calessi.

paré de Μόκατα, πόλις Βιθυνίας, qu'on trouve chez Etienne de Byzance, comme l'a aussi remarqué Müller, le savant éditeur des géographes mineurs.

En remontant les détroits du promontoire de Yoros vers la Mer Noire, on voit la montagne du Hiéron se prolongeant jusqu'à un point appelé Monastir-aghsi; toutes ses pentes qui descendent à la côte sont très-escarpées; elles se creusent par deux tout petits et insignifiants ports, qui s'appellent Giok-cayà et Hadjil-aghsi; ils servent pour la descente des eaux de pluie par des ravins. Après Hadjil-aghsi on trouve le Monastir-aghsi, petit port où sont construits les baraques du Lazaret du Haut-Bosphore. Ce port n'est pas très-large. Ici le Yoros-dagh est fendu par un gouffre d'une longueur d'une vingtaine de minutes. A son extrémité la montagne de Yoros s'unit au Ketzeli-dagh, qui aboutit au port du même nom.

A l'ouverture de ce gouffre on voit un petit terrain occupé par quelques maisons du lazaret et arrosé pendant l'hiver par un torrent; une route, montant en zigzag sur la montagne de Yoros, passe à vingt minutes de Chehîdlik et de là à Hiéron et à Anadol-Cavak. L'emplacement de Monastir-aghsi au milieu d'un site d'une beauté pittoresque et offrant un petit port sûr, devait sans doute attirer l'attention des anciens habitants de ces parages, qui ne pouvaient communiquer avec le Haut-Bosphore par une autre voie. Il est donc permis de placer ici les Χηλαί de Denys de Byzance et à Ketzeli-liman le Παντείχιον du même auteur[38]).

J'ai visité cette place en compagnie du Rév. père Alexandre v. Millingen. Quelques années auparavant on voyait encore ici les ruines d'une ancienne église. L'architecte du lazaret, que nous y avons rencontré, nous a montré quelques restes de fondations. Leur longueur et la largeur montrent que le bâtiment, qui s'appelait chez les Turcs *monastir*, n'était qu'une église avec quelques *kellia* ou plutôt le *métochium* d'un grand monastère, destiné à servir comme habitation aux frères-travailleurs.

---

[38]) Denys de Byzance, passant des Cyanées à la côte asiatique, mentionne d'abord le promontoire de Coracium, qui ne peut être autre que la Fil-Bouroun des Turcs. Hammer (Bosphorus II, p. 272—73), sans en donner la raison, croit trouver Corracium au Poïraz, et Παντείχιον au port, qui s'ouvre entre Poïraz et Fil-Bouroun, tandis qu'il place les Χηλαί à Ketzeli-liman. Le petit port de Monastir-aghsi lui est resté inconnu. Scarlatos Byzantios au contraire, qui paraît avoir puisé ses renseignements aux rêveries de Timoni, place le Monastir-aghsi entre Fil-Bouroun et Ketzeli-liman; et quant à K.-l., il est du même avis que Hammer, que cet endroit représente les Χηλαί de Denys de Byzance, qui aurait été l'échelle du Hiéron. Dans ce cas, cependant, ceux qui venaient du Hiéron à Ketzeli-liman, auraient dû faire un détour de 2 h. à peu près en montant et descendant plusieurs chaînes de montagnes. De même Gyllius ne connaît point le port de Monastir-aghsi, comme il apparaît des citations suivantes: «Inter Pantichium et Fanum Jovis, quod Dionysius post Chelas ponit, nullae nunc sunt chelae, hoc est scalae, neque viae frequentes, sed angustae» etc.

Après avoir identifié tour à tour tous les autres sites avec plus ou moins de probabilité, nous sommes aptes à rechercher le monastère de St. Jean Phobéros restreint à l'espace entre le Μαχαῖον et Hiéron.

La seule place qui convient à une bâtisse religieuse est le grand cimetière turc appelé aujourd'hui Chehîdlik (c'est-à-dire, lieux des martyrs), situé de cinq à dix minutes au nord des fortifications du Yoros-calessi. Ici s'étend une étroite et profonde forêt de chênes ombrageant les tombeaux délabrés et à demi effondrés des anciens habitants du village de Yoros-cazassi, qui existait à l'époque de Gyllius et Kiatib-Tchélébi dans l'enceinte du château [39]). Parmi les tombeaux on voit sur toute la surface du terrain des chênes, une quantité de colonnes de diverses dimensions et de travail tout-à-fait byzantin. En compagnie de M-r Mordtmann nous avons aussi trouvé une colonne en porphyre, des dalles ornementées, une espèce de stèle avec un relief en forme de croix (voir pl. III № 1), un chapiteau portant une croix (№ 2) et divers autres morceaux ornementés de fleurs, qui ressemblent à certains ornements des manuscrits du XII siècle; des restes d'architecture d'époque païenne, il n'en existe qu'en très-petit nombre, et ils proviennent probablement des débris de l'ancien Hiéron.

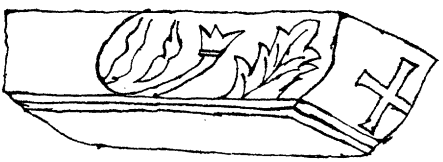
C'est sur ce vaste terrain qu'a dû s'élever anciennement un monastère, dont la face orientale regardait le gouffre d'Anadol-Cavak, tandis que la face occidentale donnait sur le Bosphore. Cet emplacement, borné par la mer d'un côté et par des pentes escarpées de l'autre, s'accorde parfaitement avec la description de Jean le Moine. Le Chehîdlik représente en effet l'anciene site du monastère de St. Jean Phobéros, cité aussi par l'auteur du continuateur de Théophane [40]). La dénomination actuelle de la place, mentionnée aussi par Ali-Sâti Effendi, désigne un *lieu de martyrs*, c'est-à-dire de musulmans tués dans la guerre sainte, mais l'histoire musulmane ne nous fournit aucun renseignement pour l'expliquer [41]). Ne pourrait-il

---

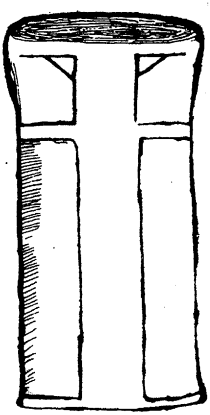
[39]) Voir l'annexe I, où M-r Mordtmann a bien voulu me communiquer le passage de cet auteur. On peut distinguer les traces de ce village, qui probablement existait encore il y a quelques dizaines d'années; entre les fortifications, il y a un grand nombre de cabanes. La plupart des anciens habitants paraissent avoir émigré à Anadol-Cavak. Hammer (II, p. 286) dit que les habitants de ce village ont des idées religieuses, qui leur sont particulières et qui nous sont inconnues. Ce détail est tout à fait faux et paraît plutôt s'appliquer aux derviches de Jouscha-dagh. Cependant Scarlatos Byzantios et d'autres l'ont répété comme un fait historique.

[40]) Cfr. le passage d'Evliya-Tchélébi traduit par M-r Mordtmann. Annexe I.

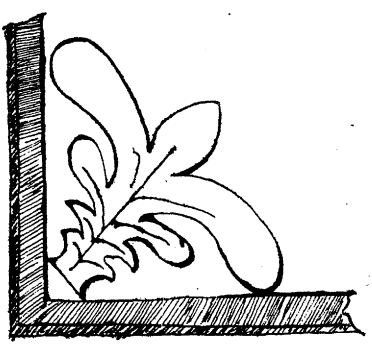
[41]) Une tradition locale citée par l'auteur des *Belezze del Bosporo* (p. 519) dit qu'à Chehîdlik «furono accisi i musulmani doppo l'assalto del castello». Une autre tradition assure que c'est là qu'ont été massacrés et enterrés les Arabes, qui sont venus assiéger Constantinople.



2.



1.



3.

Herbes trouvés dans le cimitière de Chehîdlik.

pas y avoir quelque relation avec le martyre du peintre byzantin Lazare et l'histoire de l'exil de Théophane et de Théodore Graptos[42])?

Une autre tradition conservée chez les Grecs, habitant les environs d'Anadol-Cavak, et que nous avons entendu relater par deux personnes différentes, mérite d'être signalée. Le Hiéron, le Chehîdlik et le Monastir-aghsi sont appelés dans cette tradition Ἅγιον μανδήλιον (c'est-à-dire Saint-Suaire); car jadis du temps de Christ, il régnait dans ces parages un roi, qui, étant atteint de la lèpre, aurait envoyé en Palestine un peintre pour prendre l'image du St.-Sauveur. Mais le peintre ne put accomplir sa tâche à cause des métamorphoses que les traits de J. Christ subissaient chaque jour. Mais un jour, J. Christ, voulant venir en aide au malheureux roi, prit le suaire, le passa sur son visage de manière que l'empreinte y resta; et en effet le roi du Yoros-Dagh fut guéri de sa maladie par ce suaire miraculeux.

Cette tradition est une réminiscence d'une épisode de l'histoire des iconoclastes. L'empereur Théophile, après avoir torturé cruellement le peintre Lazare, l'exila au monastère de Phobéros, où Lazare a peint l'image de St. Jean-Baptiste, oeuvre qui du neuvième siècle jusqu'à l'époque de Jean le Moine a joui d'une grande réputation.

Après cette courte description du monastère, nous croyons utile de donner un résumé du texte grec, qui nous a permis d'en déterminer l'emplacement.

Jean le Moine, dont je vous communique ici quelques extraits, raconte l'histoire du monastère. D'après lui cet édifice aurait été auparavant un sanctuaire, dont il attribue l'origine à un empereur, qui, avant son avénement au trône, aurait été un simple particulier. Le changement du sanctuaire (εὐκτήριον) en monastère est attribué à Léon, beau-père de Zénon et d'Anastase. Il confirme l'exil de Théodore et de Théophane Graptos. Dans le III chapitre, il traite de l'histoire du peintre Lazare et de son image. Ceux qui s'intéressent à l'histoire de la peinture byzantine y trouveront des détails fort intéressants. Un autre chapitre (XXXIII) montre que le monastère de Phobéros était indépendant (αὐτοδέσποτον); nous apprenons ici en passant pour la première fois que les patriarches de Constantinople, Ménas et Eutychius, étaient sortis de ce monastère, et que le patriarche Nicolas Grammaticos, contemporain de Jean le Moine, était auteur d'un mémoire sur la liberté (ὑπόμνημα περὶ τῆς ἐλευθερίας) des frères du monastère. Un autre chapitre très-étendu, que nous communiquons tout entier, fournit des détails très-intéressants sous plusieurs points de vue. Les savants, qui font une étude spéciale du rite de l'Eglise grecque trouveront des renseignements curieux sur la cérémonie des funérailles des moines au XII siècle. Les

---

[42]) Voir Script. p. Theoph. p. 101—103. Cedren. I, 913. Muralt, I, p. 422, année 840.

paléographes y trouveront une mention, dans l'année 1113, d'un manuscrit écrit sur papier de coton qui, à ce qu'il paraît, traitait plus spécialement des cérémonies suivies dans le monastère de Phobéros; il était donc un Τυπικόν de monastère, et doit être considéré comme un précieux document dans la littérature liturgique de l'Orient. Jusqu'à présent nous ne connaissons qu'un seul exemple de ce genre, le célèbre Τυπικόν du monastère de St. Sabbas à Jérusalem.

Le chapitre, dont nous nous occupons, nous fait connaître pour la première fois le nom de Lucas, métropolitain de Mésembria et hégoumène de ce monastère, dont la mémoire a été consacrée par ses frères et surtout par son successeur Jean le Moine. Dans le manuscrit suivent des ordinations à la mémoire bienheureuse de Nicéphore Botaniate, gendre du sébastocrator Isaakios le Comnène, de sa femme Eudoxia Comnéna et de leurs enfants, Ioannicius, confrère religieux de Jean le Moine, et de Marie. C'est ici que nous apprenons pour la première fois que ce sébastocrator Isaakios, ayant pris l'habit monastique, a été surnommé Néophyte. Il y est fait mention aussi d'un certain Léon, qui remplissait les fonctions de hicanatus.

Jean le Moine, comme nous l'avons dit, était le restaurateur du monastère de Phobéros. L'habitude suivie dans les monastères byzantins, exigeait aussi une mention spéciale du fondateur et même un jour fixe pour la célébration d'une cérémonie annuelle en mémoire du nouveau fondateur. Jean le Moine, auteur de ce règlement, après avoir formulé le rite obligatoire pour cette cérémonie, a laissé en blanc les parties des lignes, où son nom et le jour de la cérémonie devait figurer. En effet, son successeur a rempli le manuscrit. De même, l'auteur dans l'espoir que des bienfaiteurs, après lui, auront droit à la reconnaissance du monastère, a pris soin de laisser en blanc une page et demie, qui ont été remplies dans l'année 1114 par son successeur dans l'hégouménie. Nous publions ce texte intercalé entre guillemets. Il y est raconté entre autres qu'Eudoxia Comnéna, femme du sébastocrator Isaakios, désignée ici pour la seconde fois, étant devenue religieuse sous le nom de Ξένη, a offert au monastère de Phobéros une certaine somme d'argent en pièces d'or (solidi) du poids de quatre livres, c'est-à-dire 218 monnaies d'or de l'empereur Monomaque; l'expression χρυσᾶ σταυράτα τοῦ Μονομάχου mérite d'être signalée aux numismates. Signalons encore le nom monacal de l'impératrice Eudoxia, que Muralt connaît seulement d'un passage de la chronique syrienne d'Aboulfarage. J'ai rencontré ce nom une troisième fois mentionné dans le règlement du monastère et de l'orphélinat de Michel Attaliate, où il est raconté que l'impératrice Ξένη a offert au monastère de Πανοικτίρμονος un immeuble en toute propriété [43]).

[43]) C. Sathas, Bibl. med. aevi I, p. 52.

EXTRAIT DU PREMIER CHAPITRE.

|| (f° 6ᵇ). . . Ταῦτα καὶ τὰ τοιαῦτα τοῖς λογισμοῖς στρέφων, παρεῖδον καὶ αὐτὸς τὰ δρώμενα καὶ εἱλόμην κατὰ μόνας ζῆσαι Θεῷ, καθὼς αὐτὸς διετάξατο· σχολάσατε γάρ φησι, καὶ γνῶτε. Τῶ ὄντι γὰρ εἰ μὴ ἀπαγάγη τις ἑαυτὸν πόρρω τῆς ὕλαίας καὶ τῆς γαιώδους συγχύσεως οὐκ ἔτι καταλήψεται τὶ τὸ τέλος ζωῆς τῆς κατὰ θεόν· ἔνθα γὰρ τύρβη καὶ σύγχυσις, μνήμη Θεοῦ καθαρώτερον παρουσιάζειν οὐ δύναται· σμῆνος μελισσῶν, ὡς λέγουσιν οἱ περὶ τοὺς μελισσῶνας ἀσχολούμενοι ἄνθρωποι, διώκει καπνός καὶ σύγχυσις πραγμάτων βιωτικῶν ἀπὸ τῆς ψυχῆς τοῦ καθέκαστον μνήμην Θεοῦ. Οὕτως ἔχων κατὰ τὸν λογισμόν, κατέλαβον τόνδε τὸν τόπον ἐπὶ τοῦ μικροῦ ἐκείνου καὶ εὐτελοῦς σχήματος, ἐν πεποιθήσει ψυχῆς γενναιοτέρας καὶ ἀρρεποῦς, τοῦ ὀκτωμβρίου ἐνισταμένου, τῆς ἕκτης ἰνδικτιῶνος, τοῦ ἑξακισχιλιοστοῦ ἑξακοσιοστοῦ εἰκοστοῦ πρώτου ἔτους· ὃ μικρὸν οὕτω καὶ εὐ- || (f° 7ᵃ) τελέστατον εὗρον, οἷον ἀνθ' οἵου Θεοῦ συνεργίᾳ πεποίηκα, ταῖς τοῦ τιμίου Προδρόμου πρεσβείαις καί ταῖς τοῦ ἁγίου μου πατρὸς εὐχαῖς, ὅπως τε ἀπὸ ἀφανοῦς καὶ ἀτελοῦς ἐπὶ τὸ μεγαλοπρεπέστατον τοῦτο ἦρα καὶ τελεώτατον· ναὶ μὴν ἀλλὰ καὶ ναὸς οἷος τῷ θεοκήρυκϊ καὶ βαπτιστῇ τῷ Κυρίῳ μου ἐξ αὐτῶν ἀνηγέρθη τῶν βάθρων, κελλία τε οἷα πολλῷ τῶν πρώην ὠκοδομήθησαν κρείττονα, βίβλοι τε ὁποῖαι καὶ πόσαι, ὡσαύτως ἱερά τε σκεύη καὶ θεῖαι εἰκόνες, ἀλλὰ δὴ καὶ ἅγια πέπλα καὶ ἔπιπλα, καὶ ἁπλῶς ἄλλη κόσμησις τοῦ πανιέρου ναοῦ· πρὸς δὲ καὶ κτίσεις ἀκίνητοι πρὸς σύστασιν τῆς μονῆς καὶ διαμονὴν ἐπεκτήθησαν, καὶ ὑμεῖς οἴδατε καὶ ἡ ἀλήθεια δείκνυσι· περὶ ὧν ἡμᾶς μὲν λέγειν οὐκ ἀναγκαῖον, ἔξεστι δὲ τῷ βουλομένω μαθεῖν τῷ βρεβίω ἐγκύψαντι διδαχθῆναι σαφέστερον.

CHAPITRE SECOND.

Ἀρχαιολογία περὶ τῆς συμπήξεως τῆς μονῆς τοῦ Μοναχείου.

Νῦν δὲ ἀλλὰ πρὸς τὴν ἀκολουθίαν τὸν λόγον μετακλιτέον, καὶ περὶ τοῦ παρόντος ἀρχαιολογητέον μοναστηρίου. Τὸ δὲ ἄρα ἦν βραχύ τι || (f° 7ᵇ) μὲν μοναστήριον τὸ τηνικαῦτα, ἦ οὐδὲ μοναστήριον, πολλῷ δὲ πλέον ἡσυχαστήριον, τάχα δὲ καὶ ἔκπαλαι τῶν χρόνων οἰκοδομηθὲν ἐπὶ τῷ ὀνόματι τοῦ τιμίου Προδρόμου καὶ Βαπτιστοῦ, καὶ εἰς οὐδὲν ὁ χρόνος καὶ αἱ τῶν ἐθνῶν ἐπελεύσεις αὐτὸ κατηγάγοσαν· ὡς γὰρ τῆς ἱστορίας ἔχει λόγος ἀνέκαθεν ἀγράφως καὶ μέχρι

τῶν ἀκοῶν ἡμῶν πεφυκὼς, ξενίζουσά τις ἦν ἡ σύστασις τῆς μονῆς. Διὸ καὶ ἄξιον τὰ περὶ ταύτης γραφῇ [1]) παραδίδοσθαι, ἵνα μὴ συνδιαφθείροιτο τῷ χρόνῳ καὶ λήθης βυθοῖς παραδοθείη, οἷα τὰ πολλὰ συνδιαφθείρειν οἵδε καὶ κρύπτειν ὁ χρόνος. Ἀγραφός τις ἦλθε λόγος καὶ πρὸς ἡμᾶς, ὧν ἡ μνήμη μέχρι καὶ τῆς δεῦρο ἐγκεῖσθαι παρεσκεύασε ταῖς τῶν ἀκουόντων ψυχαῖς, ὅτι περ ὁ τόπος οὗτος ὁ νῦν ἀφιερωθεὶς τῷ θεῷ ὡς εἰς μοναστήριον λόγχμη, (sic) τις ἐτύγχανε βαθυτάτη καὶ δένδρων μεστή, θηρσὶ μᾶλλον εὔκαιρος οἰκεῖσθαι ἀλλ' οὐκ ἀνθρώποις ἀνατιθεῖσι θεῷ ξύμπαν τὸ τῆς ζωῆς· ψυχρὸς γὰρ ὁ τόπος καὶ δύσριγος θαλάττῃ περικλυζόμενος || (f° 8ª), περίρρυτος ὕδασιν ὡς ἐν φάραξιν ἐπὶ ταῖς κοιλότησι τῶν ὀρῶν, καὶ τόπος ἀπόκρημνος, ἄβατος οὐκ ἀνθρώποις μόνον, ἀλλὰ καὶ τοῖς πλείοσι τῶν θηρῶν. Ἀλλ' οἷα τὰ τοῦ θεοῦ θαυμάσια! Ἐμελλεν ἄρα καὶ τόνδε τὸν τόπον ὡς ἀγριέλαιον ὄντα μετακεντρίζειν εἰς καλλιέλαιον, καὶ τὸν ἄβατον καὶ θηρσὶ βατὸν ἀπεργάζεσθαι τόπον ποσὶν ὡραίοις ἁγίων ἀνδρῶν, ὧν αἱ τρίβοι οὐ σκολιαί, ἀλλ' αἱ ὁδοὶ ὄρθιοι καὶ αἱ τρίβοι αὐτῶν εὐθεῖαι ἔναντι Κυρίου Σαβαώθ. Τίς οὖν ὁ τρόπος τῆς συσκευῆς, καὶ ὅπως ὁ τῶν θαυμασίων θεὸς διὰ τῶν ἐναντίων οἰκονομεῖ πολλάκις τὰ θαυμαστὰ καὶ λόγου δύναμιν ὑπερβαίνοντα; ἐν τούτῳ γὰρ καὶ μᾶλλον τὸ μεγαλοπρεπὲς τῆς δόξης καταλαμβάνεται τοῦ πάντα διοικονομοῦντος καὶ διακυβερνῶντος θεοῦ.

Ἀνήρ τις τῶν ἄγαν ἐπιφανῶν καὶ τῶν οἰκειότητα φερόντων τῷ βασιλεῖ, κἂν παρέδραμε τὸ ὄνομα καὶ παρέλαθεν, οἷα τὰ πολλὰ προσαναλίσκειν οἵδεν ὁ χρόνος καὶ παραδιδόναι λήθης βυθοῖς || (f° 8ᵇ), βάλλεται φθόνου βέλεσι καὶ αὐτὸς καὶ παρὰ ταῖς βασιλικαῖς ἀκοαῖς διαβάλλεται· ἕρπειν γὰρ οἵδεν ὁ φθόνος κατὰ τῶν μέγα δυναμένων ὡς τὰ πολλὰ, καὶ κίρνυσι κόνδυ πικρίας, καὶ θάνατον παρετοιμάζει τοῖς διαφθονουμένοις, ὡς αἱ τῶν πραγμάτων ἀποβάσεις συμμαρτυροῦσι τῷ λόγῳ τὸ ἀληθές· οἷον δή τι καὶ τῷδε προσγέγονε τῷ ἀνδρί, συσκευὴ [2]) καὶ διαβολὴ καὶ τέλος τὸ ἐπιτίμιον θάνατος καὶ κατὰ κυμάτων θαλαττίων ῥίψις [3]) καὶ φθορὰ καὶ ἀφανισμός· τοιοῦτον γὰρ ὁ φθόνος καὶ τοιαῦτα τὰ τούτου ἐπίχειρα. Ἤγετο τοίνυν ὁ ἄνθρωπος βραδυτέρῳ ποδὶ καὶ σχολαίῳ τὴν ἐπὶ θάνατον στελλόμενος, ἐδάκνετο τὴν ψυχήν, ἐπαθαίνετο, σύντρομος ἦν· καὶ τί γὰρ ἄλλο θανάτου δεινότερον, καὶ βιαιοτάτου θανάτου, καὶ θανάτου καταποντίου; Ἀλλ' ὦ τῶν ἀρρήτων κριμάτων τοῦ θεοῦ! πάλιν γὰρ ταῦτα θαυματουργεῖ· καὶ ὁ πρώην κατασκεννὺς τὸν καμινιαῖον ἐκεῖνον φλογμόν, ὃν ὑπανῆψε βαρβαρικὴ τις

---

[1]) Cod. γραφὴ.
[2]) Cod. συσκευῆ.
[3]) Cod. ῥίψης.

φρὴν [4]) καὶ ἀτάσθαλος, ὅτε καὶ ὁ τὰ μεγάλα φυσῶν [5]) Ναβουχοδο- || (f° 9ª) νόσορ ἐπήρετο θρασυνόμενος, ὁ ταύτην εἰς δρόσον μεταβαλὼν καὶ τοὺς ἐμπυρίους ἐκείνους παῖδας διασωσάμενος ὡς ἐν ὕδατι δροσίζοντι τὴν φλόγα κατασκεννύς, ὁ αὐτὸς πάλιν θαυματουργεῖ ἄλλον τρόπον ξενίζοντα, ὅτι καὶ ποικίλη τις ὄντως ἡ πρόνοια ἄλλως καὶ ἄλλως οἰκονομοῦσα τὰ πράγματα. Οἵκτος λαμβάνει τὸν ἄγοντα· τί γὰρ ἀνθρωπίνης φύσεως συμπαθέστερον; ῥέμα προσεπικλᾶται, συντίθεται, διατίθεται, φιλίαν αἰδεῖται, τιμᾶ τέλος τοῦ λόγου, μέτρα πῶς αὐτῶ χαρίζεται τῆς ζωῆς καὶ παρεγγυᾶται ταῖς λόχμαις κρύπτεσθαι τῶν ὀρῶν καὶ διαβαίνειν δὶ ἀβάτων τόπων, προσεπιπραγματευόμενος ἑαυτῶ τὰ μέτρα τὰ τῆς ζωῆς. Γίνεται κατὰ τόνδε τὸν τόπον ὁ ἄνθρωπος· ἐλπὶς αὐτόν περισαίνει περὶ ζωῆς καὶ ὕδη τὸν ἀρραβῶνα τῆς σωτηρίας δεξάμενος τῶ συνδένδρω τῶν τόπων ἐκρύπτετο. Τί τὸ μετὰ τοῦτο; Μία τις τῶν ἡμερῶν εἶχε τὸν ἄνθρωπον καθ' ἑαυτὸν πορευόμενον, καὶ εὐθὺς (ἐμοὶ δὲ ἄρα τὸ ξενίζον διηγουμένω τοῦ πράγματος καὶ τρίχες ὀρθοῦνται || (f° 9ᵇ)· συννεύει γὰρ ἐν τοῖς τοιούτοις καθ' ἑαυτὴν ἡ ψυχὴ καὶ συστέλλεται καὶ γίνεται ἑαυτῆς σύννευσιν πάσχουσα κατά τινα φύσιν ὑγροῦ περὶ τὸ κοῖλον συρρέουσαν· ὅτι καὶ ξενίζον [6]) ἐστὶ τὸ ἄκουσμα καὶ ἄξιον γραφῆ παραδίδοσθαι) ἀνήρ τις βαθὺς τὴν τρίχα καὶ λάσιος ἐρήμου θρέμμα· παρεώκει γὰρ τοιούτω τὸ ὅραμα· ἐπιφαίνεται τῶ ἀνδρί, ξυνομιλεῖ κατὰ τὸ φαινόμενον καὶ τὴν σωτηρίαν εὐαγγελίζεται, οἶκον εὐκτήριον ὑποδείκνυσι καὶ τούτω προσκαθῆσθαι παρακελεύεται. Τί τὸ μετὰ τοῦτο; Οὐ πολὺς παρέρρευσεν ὁ καιρὸς καὶ τὸ ὅραμα πάλιν ἠδύ· αὐτὸς ἐκεῖνος ὁ μέγας ἐν προφήταις προσεπιφαίνεται, πυνθάνεται, εἰ σύνοιδε τὸν ὁρώμενον. Ὁ δὲ τὸν ἀγνοοῦντα ὑποκρινόμενος, «αὐτὸς ἐκεῖνος εἰμὶ», ἀκούει αὐτοῦ λέγοντος, «ὁ μέγας ἐν προφήταις Ἰωάννης ὁ βαπτιστής· καὶ τὰ σήμαντρα δῆλα· λυθήσεταί σοι τὰ τῆς δειλίας· καὶ ἀρραβών σοι τοῦ λόγου, καὶ σκῆπτρα Ῥωμαίων ἐγχειρισθήσεται, τοῦ θεοῦ οἰκονομοῦντος τὰ κατὰ σέ. Μισθὸς δέ μοι τῆς τοιαύτης προρρήσεως εὐκτήριος οἶκος οἰκοδομη || (f° 10ª) θήσεται κατὰ τόνδε τὸν τόπον ἐπὶ τῶ ἐμῶ ὀνόματι». Καὶ ἐπὶ τούτοις παράγγελμα δίδωσιν, οἷον καὶ αὐτὸς ὁ Σωτὴρ τοῖς μαθηταῖς διετάξατο· ἐκεῖ τε γὰρ Ἱεροσολύμων μὴ χωρίζεσθαι διατάττεται, εἰμὴ τὰ τῆς δυνάμεως τῆς θείας ἐνδηλα γένηται παρ' αὐτοῖς. Κἀνταῦθα θαῦμα τὸ αὐτὸ καὶ ἐγγύη, καὶ τῆς κατεχούσης πτοίας ἀφανισμός· καὶ θαυμαστὸν τὸ ἐπάγγελμα, ὅτι καὶ σκῆπτρα διευθυνεῖ τῆς τῶν Ῥωμαίων ἀρχῆς, καὶ ἀμοιβὴ πρὸς ἐπὶ τούτοις αὐτῶ προστίθεται τῆς προρρήσεως οἴκου εὐκτηρίου

---

[4]) Cod. φρῆν.

[5]) Cod. φυσσῶν.

[6]) Cod. ξενίζων.

ἐπὶ τῷ ὀνόματι αὐτοῦ οἰκοδόμησις παρ' αὐτοῦ. Οὐ πολὺ τὸ μέσον ἀπαίρει τῆς ζωῆς προσαρτύων αὐτῷ τὸν θάνατον ὁ βασιλεύς· ἀνερευνᾶται, πολυπραγμονεῖται, μετακαλεῖται πρὸς βασιλείαν καὶ τὴν ὑπόσχεσιν ἐκπληροῖ, καὶ τὸν εὐκτήριον οἶκον οἰκοδομεῖ· ἐπεὶ μηδὲ [7]) μαθεῖν εἰκὸς αὐτὸν τὴν ἄρρητον ἐκείνην ἔπτασίαν καὶ τὴν ἔκβασιν τῆς προρρήσεως. Τοιαύτη τις ἡ σύστασις τῆς μονῆς, ὡς ἔχομεν ἐκ τῆς τῶν πολλῶν φήμης, ὡς ἔκ τινος παραδόσεως· ἄλλοι δὲ καὶ ἄλλως || (f° 10b) τὰ τῆς ἱστορίας ἀποδεδώκασι καὶ τὸ καταληφθὲν ἐπ' αὐτῇ διηγήσομαι· ἐς ταὐτὸν γὰρ ὁρῶ συντρέχοντας ποταμοὺς ἀρχομένους μὲν ὡς ἀπὸ ἄλλης καὶ ἄλλης ἀρχῆς, συρρέοντα δὲ εἰς ἕν τι μέρος καὶ κοίλωμα. Κἂν γὰρ καὶ τὸ τῆς ἀρχῆς διάφορον ἐπ' αὐτοῖς, ἀλλὰ τὸ τέλος συνᾴδον [8]) ὄντως καὶ σύμφωνον.

Ἄκρα τις ὑπερανέχει τῆς γῆς καί τι μὲν τῶν ἐξ αὐτῆς Ἄκρα Διὸς ὀνομάζεται, τὶ δὲ Ἱερόν· γῇ μὲν γὰρ καὶ αὕτη τις ὑψηλὴ· ὑπεραιρομένη τῶν πεδηνῶν καὶ πρὸς κορυφὴν ἀπονεύουσα καὶ ἐπὶ πολύ τι διήκει τό ὕψος τῆς κορυφῆς· ἔστι δ' ὅπη καὶ γηλόφοις συμπεριείργεται καὶ ἀποκρήμνοις τόποις τισίν. Ἐν τούτῳ τῷ τόπῳ καὶ θυσίαι πολλαὶ ἀνέκαθεν τοῦ χρόνου τοῖς πλέουσι καὶ τελεταί τινες καὶ εὐχαί. Τὸ δὲ ἄρα οὐκ ἄλλο τι ἦν, ἢ ὅπως οὐριοδρομείῃ τὰ τῆς νηὸς ἠρέμα φερομένης τῷ πνεύματι καὶ λειοκυμονοῦν ὁρῶτο τὸ ῥόθιον φυρῷ τῷ πνεύματι καὶ πραεῖ, προσεπικλυζομένων τῶν κυμάτων καὶ προσπαιζόντων ταῖς ἀκταῖς οὐκέτι κυρτουμένων τοῖς πνεύμασι κατίσον ὄρεσιν δῃηλοῖς [9]). || (f° 11a) Χάσμα μέγα μεταξύ τι καθίσταται τῶν ὀρῶν· φοβερόν τι τὸ χάσμα· κοιλότης ὀρῶν ἐν αὐτῷ, κυμάτων ἐπικλυσμός. Ἐκ τούτου τοῦ χάσματος ὁ πολὺς χρόνος προσκυροῖ τὸ ὄνομα τῇ μονῇ, νῦν μὲν Χασμάδιον ἐξ αὐτοῦ τοῦ χάσματος τὸ ὄνομα προστιθείς, νῦν δὲ καὶ διεφθαρμένον ἐπιφέρεταί πη τὸ ὄνομα Μαχάδιον ἢ Χαμάδιον κατὰ τὰς μεταθέσεις καὶ μετατάξεις τῶν στοιχείων αὐτάς· ἄλλοι κἀκ τῶν παρεπομένων τῷ πράγματι προσάπτουσι καὶ τὸ ὄνομα Μονὴ Φοβεροῦ τῇ μονῇ [10]) προσκυροῦντες τὸ ὄνομα. Ἀλλὰ γὰρ οὐκ οἶδ' ὅπως ἐνταῦθα πάλιν ἑτεροτρόπως ἡ σύστασις συνεισάγεται τῇ μονῇ· παθεῖτε τὰ τῆς ἱστορίας μαθεῖν καὶ ὁ λόγος ἐκεῖθεν ἀπολαβόμενος ὑποτυπώσει τὴν σύστασιν. Ἄρτι μὲν γὰρ ὁ πόλεμος συνεκροτεῖτο Θεοφίλῳ τῷ βασιλεῖ τῷ δυσσεβεῖ κατὰ τῶν ἱερῶν εἰκόνων Χριστοῦ, καὶ ὁ τὰ σκῆπτρα διέπων τῆς τῶν

---

[7]) Cod. μὴ δὲ.

[8]) Corrigé dans le codex de συνᾶδων.

[9]) Ce passage, dans lequel nous trouvons des iambes, provient peut-être de quelque épigramme byzantin. Je le signale à l'attention des savantes qui s'occupent à l'étude des épigrammes.

[10]) Cod. μονὴ.

Ῥωμαίων ἀρχῆς οὐκ οἶδ' ὅπως ἐβασιλεύετο πάθεσιν ἀλλοκότοις καὶ ζήλω εὐσεβεῖ μὲν οὐδαμοῦ, δυσσεβεῖ δὲ καὶ κυκῶντι ξύμπασαν τὴν || (f° 11b) ὑπ' οὐρανόν, ἐδίωκε μὲν ὁ ἀσεβής, ἐδιώκοντο δὲ οἱ εὐσεβεῖς· θυμὸς ὑπερέζεε δυσσεβοῦς βασιλέως καὶ τὸ σύστημα κατεπιμπρᾶτο τῶν εὐσεβῶν. Καὶ ἦν ὁρᾶν τότε διωκόμενον τὸ τῶν εὐσεβούντων λιμαγχονούμενον, μυρίαις ταῖς ὑπερορίαις ὑποβαλλόμενον καὶ κακώσεσι· τοιαύτη γάρ τις ἡ ψύσις ἡ τῆς κακίας ὀπηνίκα καὶ μᾶλλον ἀχαλίνωτοις ὀρέξεσιν ὑποβάλλεται· θάλατταν μὲν γὰρ πολλάκις καὶ λαίλαπες ἐπεγείρουσι κατὰ τοὺς ἐκ κυμάτων ἐπισυνισταμένους ἀναβρασμούς, ἐπὶ δὲ ψυχῆς πολλάκις καταστρατευομένης ὑπὸ δόξης καταταυτὸν καὶ μανίας, ὑπερβάλλον εὑρίσκεται τὸ κακὸν καὶ ἀσύγκριτον· οἷον δή τι καὶ τότε τὸ σύμπτωμα γέγονε. Μαρτυροῦσι τὸν τότε χειμῶνα τὸν σφοδρότερον ἐπεισρήσαντα κατὰ τῆς Ἐκκλησίας Χριστοῦ Θεόδωρος καὶ Θεοφάνης οἱ Γραπτοί, οἳ καὶ τὴν ὑπερορίαν ἐνταῦθα δικάζονται.

CHAPITRE TROISIÈME.

Περὶ τοῦ ζωγράφου Λαζάρου τοῦ καὶ τὴν εἰκόνα τοῦ τιμίου Προδρόμου τυπωσαμένου ἐν ὑπερορίᾳ μετὰ τῆς ἀριστερᾶς χειρός.

Τότε καὶ Λάζαρός τις ζωγράφος τὴν τέχνην || (f° 12a) καταλλήλως εἰδὼς συγκεραννύναι τὰ χρώματα καὶ ἀναλόγως ἀποδιδόναι τοὺς τύπους τῶν εἰκόνων καὶ τὰ μορφώματα, διαβάλλεται παρὰ ταῖς ἀκοαῖς τοῦ τότε τὰ σκῆπτρα διέποντος· τοιοῦτος γὰρ ὁ φθόνος, εὐπλάστους ὁποτίθησιν ἀφορμὰς καὶ κουφοτάτας φρένας πτεροῖ καὶ τὸν δόλον κατασκευάζει τῆς μηχανῆς. Πῦρ μὲν γὰρ ὑπανάπτειν οἶδεν ὡς εἰς μέγα φλογμοῦ, εὔπρηστος ὕλη καὶ τρέφουσα πῦρ· ψυχὴν δὲ βακχευομένην οἴστρῳ καὶ ἔρωτι δυσσεβείας διαβολαὶ καὶ συσκευαὶ πραγμάτων τινῶν· γίνεται γοῦν παρά τ' ἀνθρώπῳ τὰ πεφυκότα ἐν τοῖς τοιούτοις συντίθεσθαι· καὶ ὅτι χρώννυσι τὰς εἰκόνας, καὶ μορφὰς ἐκτυπώτους προσαποδίδωσι, διαβάλλεται ὁ ἀνὴρ καὶ τὸ ἐπιτίμιον ὑπερορία κατὰ τόνδε τὸν τόπον, καὶ κόλασις δεινὴ καὶ ἀξία γραφῆ παραδίδοσθαι· σίδηρος ἐκπυροῦταί τε καὶ πλατύνεται ὡς εἰς σχῆμα τετράγωνον, ἐξάπτεται τῆς χειρός, συνδεσμεῖται τῷ σιδήρῳ ἡ χείρ, καὶ εὐθὺς προσαποβάλλει καταταυτὸν τὴν χρῆσιν καὶ τὴν ἐνέργειαν, τοῦ πυρὸς ἤδη προσεπιδεικνυμένου || (f° 12b) τὸ ἑαυτοῦ· ὡς δέ τινές φασι, καὶ ἀμφοτέραιν ταῖν χεροῖν ἐξήφθη ὁ σίδηρος· πλὴν ἀλλ' ἡ μὲν ἀκινητίζει καὶ ἀπρακτεῖ ἔργον παθοῦσα καὶ φθορᾶς καὶ νεκρώσεως· περισώζεται δέ πως αὐτῷ ἡ λαιά. Κἀντεῦθεν ταύτη προσχρώμενος καὶ ποικίλα συγκεραννὺς εἴδη χρωμάτων, καθὼς ὁ τεχνίτης λόγος ὑπαγορεύειν δοκεῖ, ἐν ξύλῳ βραχυτέρῳ τινὶ τὴν μορφὴν

ἐκτυποῖ τοῦ μεγίστου τῶν προφητῶν. Θαυμαστὴ δέ τις ἡ τῆς εἰκόνος ὡς λέγεται δύναμις· πηγὴ γὰρ ἐξ αὐτῆς πολλαχοῦ καὶ πολλάκις θαυμάτων ἀνέβλυσε, καὶ ὁ πολὺς λόγος τῶν θαυμασίων μέχρι καὶ ἡμῶν διασέσωσται. Ἀλλ' ἔοικεν ἀληθῶς ἔχειν τὸ πάλαι θρυλλούμενον, ὅτι πανδαμάτωρ ὁ χρόνος καὶ πάντα συμφθείρειν καὶ μαραίνειν δοκεῖ· ἔνθα καὶ μᾶλλον σύνθεσις, ἐκμαχομένων τινῶν· οἷον δή τι καὶ τόδε τὸ σύμπτωμα γέγονεν. Ἔφθαρται γὰρ ἡ ὕλη κἂν ἡ χάρις ἀδάπανος. Κἀντεῦθεν [11]) ἅπαν μὲν τὸ τῆς εἰκόνος παρερρύη τῷ χρόνῳ φθειρόμενον, μόνη δὲ ἡ μορφὴ παρασέσωσται ἀδαπάνως τὴν χάριν ἐπιδεικνῦσα προβλύζουσαν· ὅτι καὶ μέρος τοῦτο ‖ (f° 13ª) ἀπώλειαν τῷ στρατευομένῳ καθ' ἡμῶν τῷ βροτοκτόνῳ Σατᾶν. Ἡ δύναμις τῆς ψαλμῳδίας αὐτῆς καὶ τῆς προσευχῆς, καθὼς ὁ ἀπόστολος ἐπιστέλλων πρὸς Τιμόθεον λέγει: «Παρακαλῶ «οὖν πρῶτον πάντων ποιεῖσθαι δεήσεις, προσευχάς, ἐντεύξεις, εὐχαριστίας ὑπὲρ «πάντων ἀνθρώπων, ὑπὲρ βασιλέων καὶ πάντων τῶν ἐν ὑπεροχῇ ὄντων, ἵνα «ἥρεμον καὶ ἡσύχιον βίον διάγωμεν ἐν πάσῃ εὐσεβείᾳ καὶ σεμνότητι· τοῦτο «γὰρ καλὸν καὶ ἀποδεκτὸν ἐνώπιον τοῦ σωτῆρος ἡμῶν θεοῦ, ὃς πάντας «ἀνθρώπους θέλει σωθῆναι καὶ εἰς ἐπίγνωσιν ἀληθείας ἐλθεῖν». Διά τοι τοῦτο φέρε ὡς ἐν εἰκόνι τινὶ καὶ προγράμματι τὸν τύπον αὐτὸν τῆς παραδόσεως ὑπογράψωμεν. Ἀλλ' ἐπειδὴ διφυής τις ὁ ἄνθρωπος ἐκ ψυχῆς καὶ σώματος λαχὼν τὴν σύστασιν· ἔστι γὰρ ἐν αὐτῇ καὶ σῶμα ῥοαῖς καὶ φθοραῖς ὑποκείμενον, ἀλλὰ καὶ ψυχὴ θειοτέρα τις καὶ ὑψηλοτέρα πάσης ὑπερκειμένη καὶ ῥοῆς καὶ συνθέσεως· διπλοῦν τινα καὶ τὸν τρόπον τῆς παραδόσεως ὑμῖν ὑποθήσομεν, νῦν μὲν κανόνα παραδιδόντες καὶ τύπον καὶ ὑπογραμμὸν περὶ ‖ (f° 13ᵇ) τῆς ψαλμῳδίας αὐτῆς ὡς καταρτιζούσης αὐτὴν τὴν ψυχὴν καὶ φωτιζούσης τὸν νοῦν, νῦν δὲ καὶ περὶ διαίτης δουλαγωγούσης τὸ σῶμα καὶ μὴ ἐώσης κατεξανίστασθαι [12]) τῆς ψυχῆς. Πλὴν ἀλλὰ πρὸ τῆς ὑφηγήσεως τῶν κατὰ μέρος λεγομένων καὶ τοῦτο τῷ λόγῳ προστίθημι, ὅτι κοινῆς ὠφελείας ὁ λόγος καταστοχάζεται. Ταῦτά τοι κἂν ἐλλιπῶς ἔχειν δοκῇ, καὶ τῆς ἄγαν ἀκριβείας ἀποπίπτει μικρόν, τὸ ξενίζον οὐδὲν· ἐπειδὴ γὰρ πολλή τις ἀνισότης τὸν βίον κατεμερίσατο, κἀντεῦθεν οἱ μὲν ἄρρωστοι, οἱ δὲ ἀσθενεῖς, ἄλλοι δὲ καὶ εὔρωστοι καὶ γενναῖοι τὴν σύστασιν τὴν τοῦ σώματος, ἕτεροι δὲ καὶ ἐξ ὑπερβαλλούσης ἀσθενείας, κοιμωμένοις ἀνάλογον ἔχουσι καὶ ἀκινητίζουσιν ἐν τοῖς ἀνίσοις· κατὰ τὴν ἕξιν καὶ διάφορον σύγκρασιν τὴν τοῦ σώματος· ὁ λόγος κατὰ τὸ δυνατὸν τοῦ δέοντος στοχαζόμενος, τὰ τῆς ἄγαν μὲν ἀκριβείας μακρὰν παρεᾶ ταῖς ἀνθρωπίναις ἀσθενείαις συγ-

[11]) Cod. κἂν τεῦθεν.

[12]) Cod. κατ' ἐξανίστασθαι.

καταβαίνων καὶ τὰς ὑπερβαλλούσας καὶ παραλόγους νηστείας, ἃς οἱ πολλοὶ ἰδίῳ ρυθμῷ καὶ || (f° 14ᵃ) τῶν θαυμάτων τῆς εἰκόνος γνωρίζεται· ἐπεὶ μηδὲ [13]) συνέφθαρται τῷ χρόνῳ καὶ παραπόλλυται ὁ τύπος τῆς μορφῆς τῆς εἰκόνος αὐτῆς, ἀλλὰ σῶόν τι τὸ μόρφωμα καὶ ἀκέραιον μέχρι καὶ ἡμῶν παραλέλειπται· τὸ δὲ τόσου παραρρυέντος καιροῦ μὴ συνδιαφθαρῆναι τὰ τῆς μορφῆς, ἔμοι γε τοῦτο καὶ τῶν πάνυ θαυμασίων δοκεῖ καὶ θαῦμα τῆς προφητικῆς μεγαλειότητος ἄξιον. Τοῦτό μοι τὸ μόρφωμα θηραθὲν ὡς θησαυρὸς κατεσχέθη· ὃ καὶ τέχναις ζωγράφων παραδοθὲν ἐξ ἐμοῦ νῦν ὡς ἐν καθαρωτέρῳ τύπῳ τὰς ἑαυτοῦ χάριτας τοῖς φιλοθεάμοσιν ἀκτινοβολεῖ. Τὰ μὲν οὖν ἄλλα χαίρειν ἐάσθωσαν, ἡμῖν δὲ τὰ τῆς εἰκόνος ταύτης θησαυρὸς ἀδάπανος ἔγνωσται, καὶ ὅτι ταύτῃ ζῶμεν ὃ ζῶμεν καὶ τὴν σωτηρίαν ἐπικαυχώμεθα.

CHAPITRE TRENTE TROISIÈME.

Περὶ τοῦ αὐτοδέσποτον εἶναι τὴν μονήν. (f° 68ᵃ).

Ἐντελλόμεθα οὖν πᾶσιν ἀπὸ κυρίου θεοῦ παντοκράτορος ἐλευθέραν εἶναι τὴν ἁγίαν ταύτην μονὴν ἀπὸ πάντων, αὐτοδέσποτον καὶ ἰδιοδέσποτον, καὶ μηδέ τισιν ὑποκειμένην δικαίοις βασιλικοῖς τυχὸν ἢ ἐκκλησιαστικοῖς ἀλλ' ὑπὸ μόνου τοῦ παναγίου προδρόμου καὶ βαπτιστοῦ Ἰωάννου, καὶ τῆς τοῦ παμμάκαρος καὶ ἁγίου πατρὸς ἡμῶν εὐχῆς, καὶ τοῦ καθηγουμενεύοντος ἐν αὐτῇ, ἐφορᾶσθαί τε καὶ διεύθύνεσθαι καὶ κυβερνᾶσθαι καὶ ἄγεσθαι. Εἰ δὲ καί τις βουληθείη ποτὲ ἐν οἱῳδήποτε χρόνῳ καθ' οἱονδήτινα τρόπον καταδουλώσασθαι ταύτην ἢ ὑπεξουσίαν τινὸς ποιήσασθαι || (f° 68ᵇ), κἂν βασιλεὺς ἢ κἂν πατριάρχης κἂν ἄλλος τις τῶν ἐκκλησιαστικῶν ἢ συγκλητικῶν, κἂν αὐτὸς ὁ ταύτης προεστὼς ἢ οἰκονομῶν, ἤ τις ἁπλῶς τῶν ἐνταῦθα ἀδελφῶν ἐξ ἐπηρείας δαιμονικῆς κεκολασμένος, οὐ μόνον ἔνοχος ἔσται τῷ θείῳ σώματι καὶ αἵματι τοῦ κυρίου καὶ θεοῦ καὶ πατρὸς ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ, καὶ τῷ ἁγίῳ Ἰω(άννῃ) καὶ βαπτιστῇ αὐτοῦ καὶ δεσπότῃ ἡμῶν, ἀλλὰ καὶ ἀνάθεμα ἔστω, καθὼς φη(σιν) ὁ θεῖος Ἀπόστολος, καὶ τῆς ἀρᾶς τῶν τριακοσίων δέκα καὶ ὀκτὼ ἁγίων θεοφόρων Πατέρων κληρονόμος γένοιτο καὶ τῷ προδότῃ σύγκληρος Ἰούδα, καὶ τοῖς «ἆρον, ἆρον, σταύρωσον αὐτὸν καὶ τὸ αἷμα αὐτοῦ ἐφ' ἡμᾶς καὶ ἐπὶ τὰ τέκνα ἡμῶν» κεκραγόσι συναριθμιος· διότι οἱ κατὰ καιροὺς χαριστηκάριοι εἰς τὸ μηδὲν ἐποίησαν τὴν τοιαύτην μονήν, μεγάλην καὶ περιφανῆ ποτε οὖσαν καὶ περίβλεπτον, ἄχρι τῶν ἑκατὸν ἑβδομήκοντα μοναχῶν, ὡς ἀκριβῶς παρὰ τῶν εἰδότων ἐμάθομεν τῷ τότε χρόνῳ ἐνταῦθα ἀσκουμένων· ἀφ' ὧν ἐξῆλθον πατριάρχαι δύο κατὰ καιροὺς διαφόρους || (f° 69ᵃ), Μηνᾶς καὶ Εὐτύ-

[13]) Cod. μὴ δὲ.

χιος· καὶ ἕτεροι οὐκ ὀλίγοι φωστῆρες ἐνταῦθα ἔλαμψαν ἐξ αὐτῶν, ὧν τὰ τίμια λείψανα μέχρι τῆς δεῦρο ἰάσεις παντοίας ἀναβλύζουσιν. Ἐπὶ γὰρ Λέοντος τοῦ μεγάλου βασιλέως, τοῦ πενθεροῦ Ζήνωνος καὶ Ἀναστασίου, ἀνηγέρθη ἡ τοιαύτη μονή. Ὑμεῖς δὲ μόνην τὴν ἀναφορὰν τοῦ κατὰ καιροὺς πατριάρχου καὶ τὴν σφραγῖδα τοῦ ἡγουμένου, καθὼς καὶ τὸ παρὰ τοῦ ἀοιδίμου καὶ ἁγίου πατριάρχου κυροῦ Νικολάου ὑπόμνημα τῆς ἐλευθερίας ἡμῶν περιέχει, φυλάττετε ἀκριβῶς.

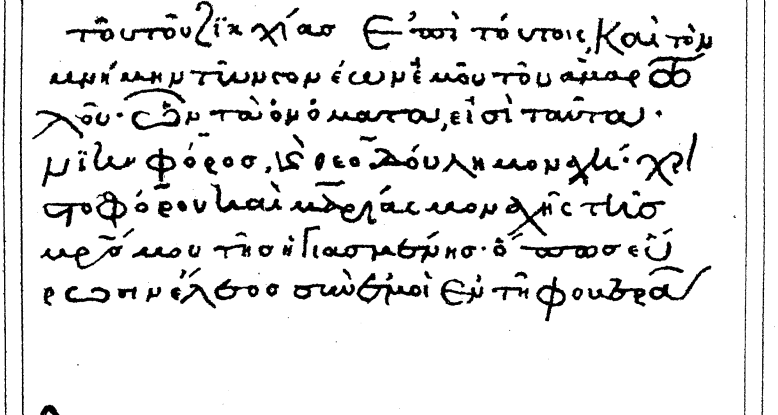
CHAPITRE CINQUANTIÈME.

Περὶ τῶν κεκοιμημένων (f° 82ᵃ).

Ἀρκούντως οὖν ἤδη περὶ τῶν τῆς μονῆς καὶ ὡς εἰκὸς διαθέμενοι περὶ τῶν || (f° 82ᵇ) κεκοιμημένων πατέρων καὶ ἀδελφῶν ἡμῶν ἐπὶ τούτοις διαλῃψόμεθα. Προσήκει τοίνυν λαμπρῶς καὶ μεθ' ὅλονύκτου ψαλμῳδίας ἑορτάζειν ἡμᾶς τὴν μνήμην τοῦ τρισμάκαρος καὶ ἀοιδίμου πατρὸς ἡμῶν καὶ κτήτορος κυροῦ [Ἰωάννου], ἥτις κατ' αὐτὴν [τὴν ις' τοῦ Δε(κεμβρίου)] τυγχάνουσα, κατ' αὐτὴν δήπου ἀνυπερθέτως τελεσθήσεται, ἐν ᾗ καὶ συνδράμῃ, εἰ μή τις εἴη Κυριακή· ἡ δὲ ἀκολουθία τῆς ψαλμῳδίας οὕτως ψαλλεῖται, καθὼς ἐν τῷ βαμβακηρῷ βιβλιδαρίῳ εὑρήσετε ἀναταττομένην. Ὁμοίως καὶ τὴν μνήμην τοῦ πανοσιωτάτου καὶ ἡγιασμένου πατρὸς ἡμῶν τοῦ μοναχοῦ κυροῦ Λουκᾶ, τοῦ γεγονότος μητροπολίτου Μεσημβρίας καὶ τῆς μονῆς ταύτης ἡγουμενεύσαντος, τοῦ ἁγίου μου πατρὸς καὶ ἀναδόχου μου· οὗ τῆς ἐργασίας τῆς πνευματικῆς καὶ τῆς ὑπομονῆς καὶ τῆς ταπεινώσεως καὶ τῶν ἀπείρων δακρύων αὐτοῦ τὴν ἀντάμειψιν εἰ βούλεσθε μαθεῖν, τῷ τιμίῳ καὶ ἁγίῳ αὐτοῦ λειψάνῳ ἀσθενοῦντες προσέλθετε καὶ ἐκ τοῦ ἐλαίου τῆς κανδίλας αὐτοῦ ἀλειφόμενοι τὴν δοθεῖσαν αὐτῷ || (f° 83ᵃ) παρὰ θεοῦ εὐωδίαν καὶ χάριν τῆς ἰάσεως ἐπιγνώσεσθε· ναὶ μὴν ἀλλὰ καὶ τῶν ὅσοι τι μνήμης ἄξιον τῇ μονῇ περιεποιήσαντο καὶ μνημονεύεσθαι παρ' ἡμῶν τετυπώκασιν ἐτησίως τὰ μνημόσυνα γίνοιντο· ἤγουν τοῦ μακαρίτου σεβαστοῦ κυροῦ Νικηφόρου τοῦ Βοτανειάτου, τοῦ γεγονότος γαμβροῦ τοῦ ἀοιδίμου κυροῦ Ἰσαακίου τοῦ σεβαστοκράτορος, τοῦ καὶ ἐν τῷ θείῳ καὶ ἀγγελικῷ σχήματι Νεοφύτου μετακληθέντος· ὁμοίως καὶ τῆς σεβαστῆς κυρᾶς Εὐδοκίας τῆς Κομνηνῆς, τῆς συμβίου αὐτοῦ καὶ τῶν παιδίων αὐτῶν, ἤγουν Ἰωαννικίου μοναχοῦ, τοῦ συναδελφοῦ ἡμῶν καὶ υἱοῦ αὐτῶν· ὁμοίως καὶ τὴν μνήμην τῆς ἁγίας δεσποίνης κυρᾶς [14]) Μαρίας· ὁμοίως καὶ τοῦ ἁγιωτάτου καὶ οἰκουμενικοῦ πατριάρχου κυ-

---

[14]) Cod. κυρὰς.



Fac-simile. f° 83b

ροῦ Νικολάου· σὺν τούτῳ καὶ τὴν μνήμην τοῦ εὐεργέτου ἡμῶν κυροῦ Λέοντος τοῦ Ἱκανάτου καὶ τῆς συμβίας αὐτοῦ Ἄννης καὶ τῶν παιδίων αὐτῶν· σὺν τούτοις καὶ τοῦ ἠγαπημένου ἡμῶν ἀδελφοῦ, τοῦ χαρτουλαρίου κυροῦ Κωνσταντίνου || (f° 83b) τοῦ τοῦ Ζικχίας· ἐπὶ τούτοις καὶ τὴν μνήμην τῶν γονέων ἐμοῦ τοῦ ἁμαρτωλοῦ, ὧν τὰ ὀνόματά εἰσι ταῦτα· Νικηφόρος καὶ Θεοδούλη μοναχή, Χριστοφόρου καὶ Μαρίας μοναχῆς τῆς μητρός μου τῆς ἡγιασμένης· ὅπως εὕρωσιν ἔλεος σὺν ἐμοὶ ἐν τῇ φοβερᾷ ἡμέρα τῆς κρίσεως. Τούτων δὲ τὴν μνήμην ἐντέλλομαι ὑμῖν ἐν Κυρίῳ ποιεῖν ἅπαξ τοῦ ἐνιαυτοῦ, ἤγουν τῇ εἰκοστῇ[15]) τετάρτῃ τοῦ σεπτεμβρίου μηνός.

[Ἐπεὶ δὲ μετὰ θεὸν δευτέρα ἡμῖν κτητώρισσα ἀνεδείχθη ἡ ἐν σεβασταῖς σεβαστὴ καὶ ἐν μοναχαῖς μοναχὴ κυρὰ Εὐδοκία ἡ Κομνηνὴ ἡ θυγάτηρ τοῦ ἀοιδίμου σεβαστοκράτορος κυροῦ Ἰσαακίου, ἡ καὶ Ξένη μετονομασθεῖσα καὶ πολλὰς καὶ πολλάκις ἐν ἡμῖν καὶ τῇ καθ' ἡμᾶς μονῇ τὰς δωρεὰς καὶ εὐεργεσίας ἐνεδείξατο[16]), ἀλλὰ καὶ νῦν ἔτι μετὰ τὸν σεπτέβριον μῆνα τῆς ϛ' ἰνδικτιῶνος τοῦ ϛχνβ'(=1144) ἔτους ἐδεδώκει πρὸς ἡμᾶς καὶ τὴν καθ' ἡμᾶς μονὴν || (f° 84a) χάριν· ἐξωνήσεως ἀκινήτου τινὸς ἐπικτήσεως ΝΝ (=νομίσματα) χρυσᾶ σταυράτα τοῦ Μονομάχου λίτρας τέσσαράς, καὶ συνεφωνήσαμεν καὶ ἡμεῖς ποιεῖν καθ' ἕκαστον χρόνον λόγῳ μὲν τοῦ μακαρίτου ἀνδρὸς αὐτῆς κατὰ τὴν πρώτην τοῦ ἰαννουαρίου μηνὸς ἰδικὴν παννυχίδα καὶ λειτουργίαν, λόγῳ δὲ τοῦ μακαρίτου υἱοῦ αὐτῆς τοῦ μοναχοῦ κυροῦ Ἰωαννικίου κατὰ τὴν δευτεραν τοῦ ἰουν(ίου) ὁμοίως ποιεῖν ἰδικὴν παννυχίδα καὶ λειτουργίαν· ἀλλὰ καὶ λόγῳ αὐτῆς ἄχρις ἂν ἐν τοῖς ζῶσιν ἐστὶ κατὰ τὴν κβ' τοῦ Νοεμβρίου παννυχίδα παρακλητικὴν καὶ λειτουργίαν· καὶ μετὰ θάνατον αὐτῆς κατὰ τὸν καιρὸν τῆς τελευτῆς αὐτῆς τὰ ὅμ(οια) ποιεῖν. Πρὸς ἐπὶ τούτοις δὲ καὶ κατὰ τὴν ε' τῆς ἀπόκρεω λόγῳ πάντων τῶν προτελευτησάντων αὐτῶν παννυχίδα καὶ λειτουργίαν δι' οἰκείων πάντως τῶν τῆς ἡμετέρας μονῆς ἐξόδων ποιεῖν. Παρακαλῶ ὑμᾶς, ἀδελφοί, τοὺς νῦν ὄντας καὶ τοὺς μεθ' ἡμᾶς ἐλευσομένους, ὡς ἂν τοῦτα οὕτω φυλάττωνται, ἄχρις ἂν ἡ μονὴ ἡμῶν συνίσταται, ἵνα μὴ ἐκ παρακουῆς εἰς κρίμα ἐκπέσωμεν].

|| (f° 84b) Καὶ τῶν ἀδελφῶν δὲ ὁμοίως, ὧν δὴ καὶ τὰ ὀνόματα τοῖς διπτύχοις ἐνεγράφησάν τε καὶ ἐγγραφήσονται· οὐ μόνον δὲ ἀλλὰ καὶ τοῦ νεωστὶ τελευτήσαντος ἀδελφοῦ ἡμῶν καθεκάστην ἀνὰ πᾶσαν σύναξιν ὄρθρου τέ φημι καὶ λειτουργίας καί ἑσπερινοῦ τὴν ἀνάμνησιν γίνεσθαι ἐν ταῖς ἐκτενέσι δεήσεσιν ἄχρι τῶν τεσσαρακοστῶν αὐτοῦ· ἐν οἷς ὁσημέραι καὶ προσφορὰ ὑπὲρ αὐτοῦ

---

[15]) Cod. εἰκοστὴ.

[16]) Cod. ἐν ἐδείξατο.

προσκομισθήσεται. Σὺν τούτοις δὲ ἀλλὰ καὶ τὰς μνήμας τῶν θνησκόντων σημειωτέον τὸν ἐκκλησιάρχην, ἵν' ἔχοιεν ὑμῖν αὗται ἀνεπιλήστως καὶ τελῶνται ἀπαραλείπτως. Πλὴν ἀλλ' ἐνταῦθα δεῖ τι καὶ οἰκονομικώτερον διορίσασθαι· ἐπειδὴ γὰρ ἐνδέχεται πληθυνόντων τῶν θνησκόντων ἀδελφῶν πολλάκις ἐν τῇ τοιαύτῃ ἑβδομάδι τριῶν ἢ τεττάρων μνήμας συνδραμεῖν ἢ καὶ πλειόνων, καὶ ἀναγκαῖον πάντως ἑκάστου μνήμην τελεῖν ἐν ταῖς παννυχίσι ταῖς καθημέραν ἡμῖν χρεωστικῶς ὀφειλομέναις καὶ τὸν ἐπὶ τῶ προαπελθόντι ψάλλειν. Ἵνα μὴ τοῦτο γένηται, ἐντελλόμεθα, ὡς εἰ μέν τινες τῶν ἀδελφῶν ἀπίεναι καὶ ‖ (f° 85ª) ψάλλειν τὸ νεκρώσιμον αἱροῖντο, οἱ δὲ λοιποὶ τὸν τετυπωμένον ψάλλειν τῆς παρακλητικῆς παννυχίδος, ἔστω καὶ τελείσθω τοῦτο, καὶ εὐαπόδεκτον ἡμῖν, οἶμαι δὲ καὶ τῶ Θεῶ· εἰ δὲ διὰ χειμῶνα ἴσως ἢ καὶ ἀσθένειαν, ἵνα μὴ λέγω ῥαθυμίαν, οὐ βούλεσθε τοῦτο ἀλλὰ παρατηρητέον καὶ ὅσων ἂν πάντων εἰδῆτε μνήμας ἐν μιᾶ καὶ τῇ ἑβδομάδι συνδραμούσας πάσας ὁμοῦ τῶν πάντων διὰ μιᾶς τελεστέον τῆς παννυχίδος διὰ πάντων, εἰ μή τις εἴη μνήμη τινὸς τῶν ἡγουμένων γεγονότων ὑμῶν· τούτου γὰρ ἰδία ἡ μνήμη ὀφείλει τελεῖσθαι ὡς ὑπὲρ πάντων ἀπολογησομένου ὑμῶν· καὶ οὕτως ἔσται τοῖς ἀδελφοῖς ἡμῶν τὸ χρέος τῆς μνήμης ἀφωσιωμένον καὶ τοῦ κανόνος ἡμῶν μὴ ἐκπίπτων· καὶ ἐν μὲν ταῖς παννυχίσιν οὕτως· ἐν δὲ ταῖς ὑπὲρ αὐτῶν λειτουργίαις καὶ τοῦτο καλόν, τὸ ὁμοῦ πάσας διὰ μιᾶς γίνεσθαι τὰς μνήμας, προσφορῶν ὑπὲρ ἑκάστου προσκομιζομένων, ἢ ὡς βουλητόν ἐστι τῶ κατὰ τὴν ἡμέραν ἱερεῖ, ἢ μᾶλλον ὡς δυνατὸν αὐτῶ ἐστιν, οὕτως καὶ ποιείτω. Τὰ ἐν τῶ πυλῶνι δὲ διδόμενα ‖ (f° 85ᵇ) ὑπέρ τινος, μνήμης τι ἄξιον ὡς εἴρηται τῇ μονῇ καταλείψαντος ἢ καταλείψοντος, ὑπὲρ οὗ καὶ δίδοσθαί τι ἐν τῇ μνήμη αὐτοῦ συμπεφώνηται ἢ συμφωνηθήσεται, παρέχεσθαι προτρεπόμεθα ἀνεγκρατήτως. Τὰ μέν τοι διπτυχα ἐντελλόμεθα ἐν Κυρίω τοῖς τε ἱερεῦσιν αὐτοῖς καὶ τοῖς διακόνοις κατὰ πᾶσαν ἐπιέναι λειτουργίαν εἰς ἀνάμνησιν τῶν ἐν αὐτοῖς ἀπογεγραμμένων, ἵνα μὴ αὐτοὶ τὸ κρίμα βαστάσωσι τῆς ἐκείνων ἀμνηστίας τε καὶ ὑστερήσεως. Εἴρηται μὲν δὴ καὶ περὶ τούτων δεόντως.

Extraits d'écrivains Ottomans concernant la topographie et l'histoire de la côte d'Asie du Haut-Bosphore.

PAR *I. H. Mordtmann.*

Kaisib Tchélébi Hadji-Khalfa
Djihannumâ p. 663 s.

بودوس بوندن قاضیسی بك قوز نام قصبه ده اوقورود بو
صبه ده ساحل بحرده واقع اولش محلات کثیره وجا
مع وحمام وسوق وبوندہ نیچه کبار بنچه لری و اعیان
خانه لری واردر دفع چارشوسی باشنده یالی واسکله سنه قریب
محله بر بینظیر صویی واردر چشمه دن چاغلوب اقار
جامع دفع انك قرینده در وبوندن ویك قوزده بینظیر
طولوم پینری اولور قواق بو قصبه خلیج قسطنطنیه نك
نهایت شمالیسنده واقع اولشدر بوروس قضاسنه تابعدر
وبوندن نهایتنده اناطولی بوغاز حصاری واردر که
سنه بیك اوتوز اوچده قزاق یکی کوی بعضله بو محله ده
دفع ترشو ترشو ایکی قلعه جکلر بنا اولنوب مستحفظین
وطوپلر قونمشدر وبو بوغازکه روم ایلی حصارینه قریبدر

وسطنده بر عظیم دوکندی اولوب بر آدم قدی قدد طاش
سطح دریادن طشره چقمشدر فنار یقارنو رمن بعد تره
دکز انکینیدر اناطولی جانبی وهو بوغازلرده کافر زمانده
قارشو قارشو ایکی حصار وار ایمش که هر بویسی بر طاغی
چپ یروب دریا کنارنه دک اولمشور ایمش حالا اثار
دیوارلری باقیدر وبك قوز ایله قصبه قواق اراسنده
سرو بورنی دیولر بر محلده خنکار بغیه سی واردر انك
اوزرنده مشرف بلند صیق اورمانلق وار درکه تا دروسنده
مقام حضرت یوشع نبی علیه السلام معتقد عوام ناس
بر مقام در اندهٔ بغایت لطیف صو واردر محل مزبوردهٔ
خلیج قسطنطنیه نك مارکی پیچا پیچ بن مجب تماشا سی واردر

Yoros. Le cadhi de Yoros siège au village de Béïkoz; Yoros est situé au bord de la mer; il y a plusieurs quartiers, une mosquée, un bain et un marché; outre cela on y trouve de riches jardins et des maisons de notables. En entrant au marché près du rivage et de l'échelle, on trouve une eau excellente, qui coule d'une fontaine; la mosquée est tout près de là. A Yoros, comme à Béïkoz, on produit du *touloum peïnîri* (espèce de fromage) d'une qualité supérieure.

Kavak. Ce village est situé à l'extrémité du Bosphore vers le Nord et relève du *caza* (district) de *Yoros*; à l'extrémité de ce village on trouve la forteresse de la côte Asiatique du Bosphore. Lorsque, l'an 1033 de l'Hégire, les Cosaques sont venus piller le village de Yénikeui, on a construit en cet endroit deux petites forteresses, l'une vis-à-vis de l'autre, en y mettant des garnisons et des canons; c'est à ce point du détroit, près du château de la côte Européenne, qu'on rencontre au milieu du courant une jetée de pierres, qui s'élèvent au-dessus de la mer jusqu'à hauteur d'homme. On y allume des fanaux. Plus haut il y a le large de la Mer Noire. Du côté de l'Asie et sur ce point du Bosphore il y avait du temps des *Giaours* (Infidèles) deux châteaux, dont l'enceinte embrassait toute la montagne et descendait jusqu'à la mer; quelques murailles en ruines en restent encore aujourd'hui. Entre Béïkoz et le village de Kavak, à l'endroit qu'on appelle Servi-bournou, il y a un jardin du Grand Seigneur. Au-dessus de cet endroit s'élève une forêt très épaisse;

sur la hauteur il y a un tombeau, qui, d'après la croyance du peuple, serait celui du prophète Josué; on y trouve une très bonne eau, et le Bosphore vu de cet endroit présente l'aspect d'un serpent entortillé.

(L'incursion des Cosaques [du Don] mentionnée par Kiatib Tchélébi et les autres auteurs a eu lieu d'après le fezliké du même auteur (II 61 éd. de Const.) le 4 Chawwâl 1033 = 20 Juillet 1624; voy. Hammer Hist. de l'Emp. Ott. V, 43 ss.).

Evliyâ Tchélébi اوليا چلبى **p. 131 de la première édition de Constantinople**[1]).

قصبه بوغاز مصارى يانقو بن مادیان مصرنده بوغازك ایکى
جانبنده جبلك اوزرنده قلعه‌لرى وارایمش سرور ایام
ایله روم ایلى طرفنده‌کى قلعه خراب اولوب مراد خان مصرنده
قراق کیروب یکى کوى وطرابیه یى غارت ایتدکده مراد خان
رابع بغازك ایکى طرفنه حصن محدثا قلعه‌لر بنا ایدوب اهالى
صاقلمسنه مامور اولدقلر وغارجنده بر قلعه‌ده توپ وار در کیجه
ایقاد ایدرلر بوبغاز اغزندن ترو دکرك نهایتى اولدن تا
ازاق قلعه‌سنه وارنجه بیك یدییوز میدز اسکندرك کسدیکى
بوغاز بودرکه حالا قیالرده اثرى ظاهردر انا طولى فانوسى
سلطان مراد رابع بنا اینمشدر لب دریاده بردوز واسع زمینده
شکل مربع بوطنین قلعه در بنه سلطان بناسى بر جامع وایکى
حمامى انبارى و یدى پاره طوپلرى واردر بو قلعه‌نك
یقینده قراق قصبه‌سى لب دریاده سکن یوز خانه‌لى وسا لطانى
نیمان بر قصبه‌دو بر جامع ویدى مسجدى و دو حمامى
وایکیوز قدر دکانلرى وبیکلر اوطه‌لرى واردر وبیاقندن باز

[1]) Evliyâ, ou d'après Flügel (Cat. № 1281) *Evliyâï*, vivait au 17-ème siècle; v. Hammer avait commencé une traduction anglaise de ses voyages; l'édition de Constantinople, qui n'en contient qu'un extrait fort maigre, a été réimprimée en 1882.

وقيش بو ايكيسوز پاره كمى اكسك اولمز (قلعهٔ پوروز)
الپا نام قرال بناسيدر اما پوروز نام بر واصلك مناسترى
وار ايدى انكيچون پوروز ديديلر بو سياه رنك متين
قلعه‌دن ايچنده ايكيسوز مقدارى اسلام اولرى ويلدرم خانك
بر جامعى واردر اهاليسى اوطون كسلردر وكيجه اصلا اتش
ياقمزلر دكزده كميلر كوروب بوغاز طرفلرينه ديو انده
سروى بورنده سليمان خانك بر سدى واردر سرويلى ايله من
ين بر چمن زار زمينه‌در اندن جبل يه شع يه عربجه ايدرلر ايكى
ساعتده چقيلور كوه بلندك ذروه سنده قبريوشى وتكيه
وفقرالرى واردر اول جبلك ذروهٔ اعلاسنده اوچ قولاچ
برصو قيوسى واردر

Le village de Boghâz Hissâri. Du temps de Yanko, fils de Mâdyân, il y avait sur les deux côtes du Bosphore des châteaux bâtis sur les montagnes, dont un château qui se trouvait sur la côte Européenne est tombé en ruines avec le temps. Lorsque, sous le règne du Sultan Murad, les Cosaques sont venus piller *Yénikeui* et *Terapia*, le Sultan fit construire deux nouveaux forts sur les deux côtés du détroit pour protéger les habitants. En dehors il y a un phare, ou pendant la nuit on allume des feux; de l'embouchure du Bosphore jusqu'à l'extrémité de la Mer Noire, c'est-à-dire jusqu'à la forteresse d'Azaq, on compte 1700 milles. C'est Iskender (Alexandre le Grand) qui a percé ce canal, comme il est évident par les traces qui en restent aujourd'hui sur les rochers. *Le phare Asiatique.* Il a été bâti par le Sultan Murad IV; c'est un fort construit sur un vaste emplacement au bord de la mer et de forme carrée; il y a encore une mosquée bâtie par le même Sultan, deux magasins pour conserver le blé et cent canons. Près de ce fort est le village de *Kavak*, situé au bord de la mer et contenant huit cents maisons avec un port spacieux; il y a une grande mosquée (djâmi), sept petites mosquées, un bain, deux cents boutiques et logements de garçons. Dans le port pendant l'hiver comme pendant l'été on ne compte jamais moins de cent bâtiments.

Le château de Pôroz. Il a été bâti par le roi Elia, mais on l'appelle château de Pôroz, parce que tout près de là il y avait le monastère d'un moine qui portait ce nom; le château est très fort et de couleur noire. A l'intérieur il y a

deux cents maisons habitées par des Musulmans, et une djâmi bâtie par Yiederim Khân. Les habitants sont des coupeurs de bois; jamais ils n'allument de feu pendant la nuit, parce que, disent-ils, les navires se trouvant au large pourraient croire qu'il y a ici un détroit. Au promontoire dit Servi bournou il y a une digue construite par le Sultan Suleïman; c'est un endroit planté de cyprès, qui lui donnent l'aspect d'un parquet de fleurs. On monte de là au mont *Youcha* en deux heures; au sommet de la montagne il y a le tombeau de Youcha, un tekkié (couvent) et des derviches; aussi y a-t-il un puits qui a trois brasses de profondeur.

(Il ne peut y avoir aucun doute que le château de Pôroz ne soit identique avec le *Yoros-kalessi* des autres auteurs; mais il est difficile d'admettre qu' Evliyâ Tchélébi se soit tellement trompé du nom pour écrire Pôroz au lieu de Yoros; peut-être derrière le moine Pôroz se cache-t-il Ἰωάννης Φοβερός; l'extrait suivant confirme l'identité de Pôroz-kalessi et Yoros-kalessi par la mention de la mosquée, dont Evliyâ attribue l'origine par erreur à Bayézid Yilderîm, tandis qu'elle a été bâtie par Bayézid Véli).

Ali Sâti-Efendi Hadîqat-el-Djevâmi [1]) t. 2, p. 146.

يورس قلعه سى سجدى در قرب قواق فوقاندر بانيسى
سلطان بايزيد خان وليدر امام وخطيب ومؤذن وظيفه لرى
قلعه نك تيمارندن ويريلور قلعهٔ مزبوره قبل الفتح بنا
اولنمشدر غالبا بانيسنك اسميله مشهوردر ودرون
قلعه ده اوتوز قدر منازل مسلمين وبر چشمهٔ ماء لذيذ وبر قاج
حمام وخى واردركه قلعهٔ مذكوره دزدارلرندن الحاج
محمد اغا بنا ايلمشدر وقلعه قرمسده اولان مزارستان
اكثرى قبور شهدا ومقابر غزاة سلمين اولغله مستجاب
الدعوه برمحل مبارك در محله سى واردر

[1]) Voyez sur cet ouvrage la notice de Schlechta—Wssehrd, Zeitschrift d. Deutsch. M. Ges. t. XX p. 452.

La mosquée de Yoros-kalessi près de Kavak. C'est l'oeuvre du *Sultan Bayézid* Véli; les appointements de l'Imam, du Khatib et du muezzin sont à la charge du *timâr* du château. Ce château a été bâti avant la conquête de Constantinople; peut-être son nom est celui de son fondateur; dans l'enceinte on compte une trentaine de maisons habitées par des Musulmans; il y a une fontaine d'eau douce et un bain bâti par El Hâdj Mehemmed Agha, dizdâr du château. Le cimetière, qui se trouve près du château, contient pour la plupart des tombeaux de *chéhid* (c'est-à-dire martyrs) et de ghâzi (héros) musulmans; c'est un endroit sacré. Il y a aussi un quartier.

(Ali Sâti-Efendi est le seul auteur qui mentionne le *Chéhidlik*, malheureusement sans ajouter à quelle époque appartiennent d'après lui les «martyrs et héros» qui y sont enterrés; l'auteur qui vivait de nos temps a compilé et complété l'ouvrage de *Hâfiz Hussein el Aïwanserây* terminé en 1781; voyez *Flügel*, Catalogue des manuscrits de Vienne № 1284).

Notice sur les antiquités trouvées au Hiéron.

PAR *I. H. Mordtmann.*

Les antiquités du Ἱερόν au Bosphore.

1) Stèle trouvée en 1876 au village d' *Anadoli Kavak* et conservée aujourd'hui dans la collection du Syllogue Hellénique à Constantinople. L'inscription a été publiée dans le Hermès de Berlin XIII, 373—380 accompagnée d'un commentaire détaillé; nous en donnons ici la transcription rectifiée.

Εἰς Βο]ρυσσθένη εἰσπλεῖν τὸν βου[λόμεν]ον κατὰ τάδε ἔδοξε βουλῆι [καὶ δήμ]ωι· Κάνωβος Θρασυδάμαντο[ς εἶπεν· ἐξ]εῖναι παντὸς χρυσίου ἐπισήμο[υ κ]αὶ ἀργυρίου ἐπισήμου εἰσαγωγὴ[ν καὶ ἐξ]αγωγήν· ὁ δὲ θέλων πωλεῖν [καὶ ὠνεῖσ]θαι χρυσίον ἐπίσημον ἢ ἀργ[ύριον ἐ]πίσημον πολείτω καὶ ὠνε[ίσ]θω ἐπὶ τ]οῦ λίθου τοῦ ἐν τῶι ἐκκλησιασ[στηρίωι· ὃς] δ' ἂν ἄλλοθι ἀποδῶται ἢ πρίη[ται, στερ]εεῖται ὁ μὲν ἀποδόμενος το..... ου ἀργυρίου, ὁ δὲ πριάμενος τ.....ὅσου ἐπρίατο· πωλεῖν δὲ καὶ ὠ[νεῖσθαι πάντα πρὸς τὸ νόμισμα τὸ τῆς πόλε]ως, πρὸς τὸν χαλκὸν καὶ τὸ ἀργύριο[ν τὸ 'Ολ]βιοπολιτικόν· ὃς δ' ἂν πρὸς ἄλλο ἀποδ]ῶται ἢ πρίηται, στερήσεται ὁ μὲν [ἀποδό]μενος οὗ ἂν ἀποδῶται, ὁ δὲ πριάμ[ενος] ὅσου ἂν πρίηται· πράξονται δὲ το[ὺς πα]ρὰ τὸ ψήφισμά τι παρανομοῦνται[ς] ο[ἳ] ἂν τὴν ὤνην πρίωνται τῶν παρ[ανο]μησάντων δίκηι καταλαβόντες· τὸ δὲ χρυσίον πωλεῖν καὶ ὠνεῖσθ[αι τὸ]ν μὲν στατῆρα τὸν Κυζικηνὸν [τοῦ ἑνδεκά]του ἡμιστατήρου καὶ μήτε ἀξιώτερο[ν μήτ]ε τιμιώτερον, τὸ δ' ἄλλο χρυσίον [τὸ ἐπίση]μον ἅπαν καὶ ἀργύριον ἐ[πί]σημον π]ωλεῖν καὶ ὠνεῖσθαι ὡς ἂν ἄλλο[θι πρ]οειδῶσιν· τέλος δὲ μηδέν[α μήτε χρυσ]ίου ἐπισήμου, μητ' ἀρ[γυρίου ἐπισήμου.....μήτε πωλοῦντα μητ' [ὠνούμενον etc. etc.

(La restitution de la 25-ème ligne a été trouvée par Mr. Dittenberger, Hermès XVI 189).

2) Fragment de stèle trouvée à *Anadoli Kavak* et conservée aujourd'hui dans une collection particulière à Constantinople; l. 0,24, h. 0,17, Mr. Curtius en a publié une copie défectueuse communiquée par feu le Dr. Déthier, dans le Comptes Rendus de l'Ac. de Berlin 1877, p. 474; cette copie donne cependant quelques lettres de plus que l'estampage que nous avons à notre disposition.

Ἐπὶ Νι]κομάχου τοῦ [δεῖνος. Τύχαι Ἀ]γαθᾶι· ὁ πριάμενος τὰν ἱερωτ[είαν τῶν θεῶ]ν τῶν δυώδεκα ἱερωτεύσε[ι.....]ζόμενος τῶν θυομένων πάν[των τὰ] δέρματα καὶ τὰς κωλέας, ὅσα κα τ[οὶ ἱερ]ῶται θύωντι τοῖς δυώδεκα θεοῖς ἐν τῶ[ι..]νωι τῶι Νικομαχείωι· ποταγόντω δὲ τ[οι.....]τα ἑκαστάκι γινόμενοι τὰ ἱερεῖα ἀκα[λῶς πελάζ]ειν ποτὶ τὸν βωμὸν τὸν τῶν [θεῶν τῶν] δ[υώδ]εκα καὶ ποιούντω τὰν θυσ[ίαν etc. etc.

La provenance du marbre d'Anadoli Kavak est constatée par le témoignage du général Wendt, dont la véracité ne saurait être sérieusement mise en doute.

3) Dans le second volume du Périodique du Syllogue de Constantinople on trouve dans le procès-verbal de la séance du 26 Mars 1864 la notice suivante (p. 122): Ὁ κ. Α. Καραθεοδωρῆ κοινοποιεῖ ὅτι, καθ' ἃς ἔδωκεν αὐτῷ πληροφορίας ὁ κ. Μίλιγγεν ἐν ταῖς γενομέναις ἀνασκαφαῖς κατὰ τὸ Ιερὸς σκελεσί ἀνεκαλύφθησαν δύο ἀνδριάντες, ὧν ὁ μὲν περὶ τὸ ἥμισυ μέτρον, ὁ δὲ ἕτερος μεγαλείτερος, εὑρισκόμενος ἤδη ἐντὸς τοῦ κήπου τοῦ Πρέσβεως τῆς Δανιμαρκίας.....

Ὁ δὲ κ. Ἐμ. Ἰωαννίδης λέγει, ὅτι ἐπισκεφθεὶς τοὺς δύο εἰρημένους ἀνδριάντας ἐν τῷ κατὰ τὸν Βαθυῤῥύακα (Μπουγιοὺκ Δερέ) κήπῳ τοῦ φιλαρχαίου Πρέσβεως κ. Ὕψ, εὗρεν οὐχὶ ἀνδριάντας, ἀλλὰ μόνον τοὺς κορμοὺς ἤτοι τοὺς θώρακας αὐτῶν προκοννησίου λίθου, ἐξ ὧν ὁ μὲν ὅλως συντετριμμένος παρίστησιν ἄμορφον κυλινδροειδὲς τμῆμα, ὁ δὲ μηκ. 0,70 περίπου μέτρ. ἱκανὰ μέρη διασῴζων ἀλώβητα παρίστησιν τέχνην ἀρίστην.

4) Dans la même séance il est question d'un bas-relief tiré du fond de la mer près d'Anadoli Kavak par des pêcheurs et acquis par le Dr. Millingen; c'est le beau bas-relief qui a été décrit par ce dernier dans le 4-ème vol. du Périodique du Syllogue p. 120—123. Je renvoie le lecteur à ce travail; à ce qu'on affirme, ce monument aurait été acheté plus tard par le Musée Britannique.

F. Mordtmann.

Communications archéologiques d'Albanie.

PAR

A. Papadopoulos-Kérameus.

Les communications suivantes sont dues au savant métropolitain de Belgrade en Albanie, Mgr. Anthime Alexoudis; nous les avons tirées d'un de ses manuscrits envoyé au Syllogue Litt. Hell. de Constantinople.

I. Inscriptions.

1) Marbre encastré dans le mur occidental du monastère de la S-te Vierge en Apollonie (Μοναστήριον τῆς Παναγίας ἐν Ἀπολλωνίᾳ τῆς Νέας Ἠπείρου). Long. 0, 43; largeur 0,37; hauteur des lettres 0,36.

ΠΛΑΙΟ
ΑΨ ΨΟΥ
CЄKOΥΔΑ
ΠΛΑΙΟΥЄ
ΤΩΝ· ξЄ
ΧΑΙΡЄΤЄ

Πλαῖος.....ου Сεκοῦ(ν)δα ἐτῶν ξε'. Χαίρετε.

2) Marbre quadrangulaire encastré dans le même mur; l. 0,82; largeur 0,34; hauteur des lettres 0,07—08.

ΑΥΤΟΚΡΑ″Ι′
ΑΝΤΩΝΙΝΩ
ΟΛΥΜΠΙΩ

Αὐτοκράτ[ορι] Ἀντωνίνω Ὀλυμπίω.

Voir une autre inscription semblable dans Heuzey, Mission archéolog. de Macédoine, p. 401.

3) Stèle funéraire trouvée dans les ruines qui entourent le même monastère et conservée dans son *cellarium*.

ZOPKΘI
XAIPΘ

4) Marbre quadrangulaire encastré «εἰς τὴν βόρειον πλευρὰν τοῦ μοναστηρίου Ἀπολλωνίας ἐν τῷ τοίχῳ τῶν δωματίων τῆς πλευρᾶς ταύτης». Elle a été copiée l'an 1881. Long. 0,60; larg. 0,27.

MAZIMI
NOCΘTΩ
KΘ
XAIPΘ
ΘKTΩNΘIΔI
ΩNMNHC
XAPIN

Μα(ξ)ιμῖνος ἐτῶ[ν] κε', χαῖρε· ἐκ τῶν εἰδίων μνή(μη)ς χάριν.

5) Marbre trouvé dans les ruines d'Apollonie et encastré dans la maison de Σπύρου Τζῶτζα à Σώπη, village situé près des ruines d'Apollonie. Il représente un bas-relief, où l'on voit une femme conduisant un jeune homme à l'autel, dont les feux sont allumés, et allant y déposer leurs offrandes. Une inscription se lit au-dessus de ce bas-relief, et elle est couronnée d'un fronton de trois motifs de feuilles d'acanthe.

AΦPOΔICICΘTΩNK
XAIPΘ⊂ΛYKAHMHTHPΘ
ΠOIΘIZΩC.

Ἀφρόδισις ἐτῶν κ', χαῖρε. Λύκα ἡ μήτηρ ἐποίει ζῶσ[α].

6) Fragment de stèle funéraire portant au-dessous de l'inscription une tête en relief; au-dessus, fronton avec une rosace; hauteur des lettres 0,03; largeur du marbre 0,23; longueur 0,33. Il est encastré dans un mur de la maison de Σπ. Τζῶτζα.

IOYΛIAKOY///
XAIPE

7) Marbre blanc trouvé dans les ruines d'Apollonie et transporté à Dyrrachium (Belgrade); il est déjà conservé dans la métropole de cette ville; longueur

0,30; largeur 0,26; épaisseur 0,04. Les deux faces sont couvertes des inscriptions suivantes.

a.	*b.*
ΓΑΙΟCΠΟΤ	ΧΡΗCΤΟΝΠΑΙ
ΠΙΟC·ΙΟΥ	ΔΙΟΝ·ΧΑΙΡЄ
ΚΟΥΝΔΟC	ΖΩCΙΜЄ·ЄΤΗ
ЄΤΩΝ·Μ	ΖΗCΑC·Β ↀ
Є ↀ ΧΑΙΡЄ	

a) Γάϊος Πό[πλ]ιος Ἰουκοῦνδος ἐτῶν με΄, χαῖρε.

b) Χρηστὸν παιδίον, χαῖρε, Ζώσιμε, ἔτη ζήσας β΄

8) Plaque de terre-cuite trouvée dans les ruines d'Apollonie, tout près du monastère de la S-te Vierge, et encastrée au-dessus de sa porte occidentale; longueur 0,30; largeur 0,20.

Α Π Ο Λ Λ Ω Ν Ι Α

On ne connaissait pas jusqu'à présent des inscriptions céramiques d'Apollonie en Epire.

9) Plaque de marbre trouvée au mois de décembre 1879 à Dyrrachium, dans la vigne de Mr. Μήμα située en dehors du château à une distance de 50 mètres de l'église de St. Georges. Copie de Mr. Sotérius Bébesca.

ΜΝΗΜΙΟΝCΤЄΦΑΝΟΥΥΙΟΥЄΥΓЄΝΙΟΥΚsΟΛΥΜΠΙΑC
ↀΚsΤΗCCΥΝΒΙΟΥΑΥΤΟΥΠЄΡΠЄΤΟΥΑC
ΘΥΓΑΤΡΟCΑΝΤΙΟΧΟΥΚΠΑΥΛΑC

Μνημ(ε)ῖον Στεφάνου, υἱοῦ Εὐγενίου καὶ Ὀλυμπίας, καὶ τῆς συνβίου αὐτοῦ Περπετούας, θυγατρὸς Ἀντιόχου καὶ Παύλας.

Je copie la note suivante de Mgr. Anthime: Τὸ ἔδαφος (de la vigne) πρὸ τῆς ἐμφυτεύσεως τῆς ἀμπέλου ἐπίπεδον ὂν ἦν ἐστρωμμένον διὰ μωσαϊκῶν ψήφων ποῦ καί που».

10) Plaque de marbre trouvée dans le même endroit. Copie de Mr. Bébesca.

+ΜΜΟΡΙΟΝЄΝΘΑΚΑΤΑΚΙΤЄ
ΚΥΡΙΑΚΟCΛΟΓΟΓΡΑΦΟCΜΙΝΙCЄΠΤЄ
ΒΡΙↀ+ΚS̈
ΙΙΝ ϵ́ +
S

Μημόριον ἔνθα κατάκ(ε)ιτ(αι) Κυριακὸς λογογράφος μηνὶ σεπτεβρίῳ κς΄, ἰνδικτιῶνος ε΄.

11) Dans l'église cathédrale (ναὸς τῆς Κοιμήσεως τῆς Θεοτόκου) de Belgrade, située vers le quartier Κάστρου de la ville de Bérat, on conserve un Saint-Suaire d'étoffe en soie rouge, qui a une longueur de 2^{m} 17^{mm} et une largeur de 1^{m} 14^{mm}; sur le champ est brodé en soie dure le corps de J. Christ, couvrant une place de longueur de 1^{m} 50^{mm} et de largeur de $0{,}41^{mm}$. Le reste du champ est semé de broderies représentant des Saints-Anges, des Séraphims, la S-te Vierge, des Prophètes et divers saints dans une attitude de douleur. Les deux extrémités parallèles bordant le Saint-Suaire sont couvertes par une longue inscription brodée en lettres d'une hauteur de $0{,}025^{mm}$; elle forme un ruban divisé en deux parties d'une longueur de $0{,}90^{mm}$ et de largeur de $0{,}06^{m}$, et démontre que ce précieux monument de broderie byzantine a été exécuté l'an 1376, sous la satrapie de Georges et Balsa, souverains de Serbie, de Roumanie et d'Albanie. Hopf dans ses tables généalogiques (Chroniques p. 534) cite de l'année 1362—1385 Balsa II, seigneur de Cedde, qui a tenu Duras l'an 1372; il y ajoute qu'il gouvernait avec ses frères Strašimir et Georges I.

+ Ἐπληρώθη ὡ πάνσεπτος καὶ θῆρς (θεῖος) ἀέρας τῆς τῆς ὑπεραγήας θεοτόκου τῆς Ἀσαλεύτου δη΄ (l. δι΄) ἐξόδου καὶ κόπου πανηεροτάτου ἐπισκόπου Καλήστου Γλαβενήτζης καὶ Βελαγράδον ἐν μηνὶ Μαρτήρ κβ΄,ἔτους ϛωπδ΄.=1376.

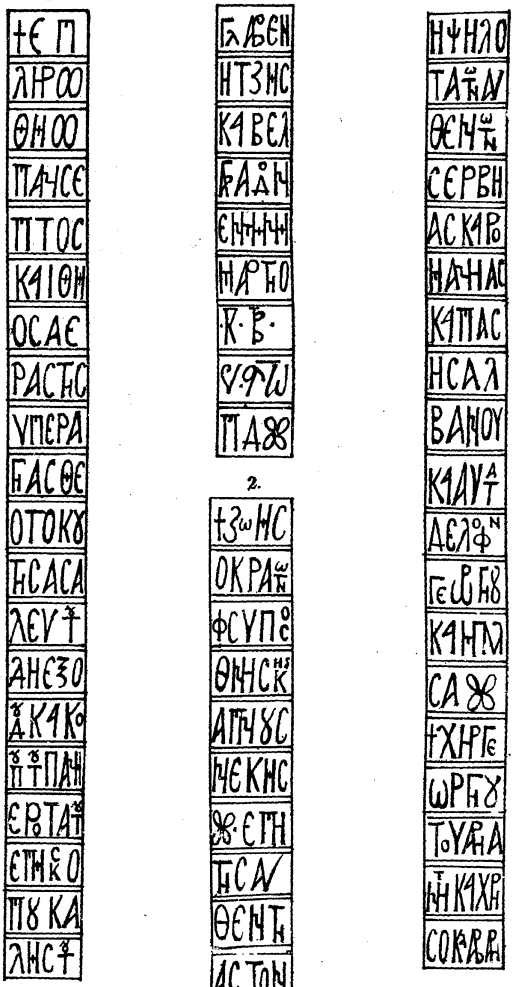
+ Ζωῆς ὁ κρατῶν φεῦ πῆς (l. πῶς) θνήσκης ἄπνους, νέκης (l. νέκυς). Ἐπὴ (l. ἐπὶ) τῆς αὐθεντήας τῶν (l. τῶν) ἡψηλοτάτων αὐθεντῶν Σερβήας καὶ Ρομανήας καὶ πάσης Ἀλβάνου, καὶ αὐταδέλφον Γεωργήου καὶ Μπάλσα.

+ Χὴρ (l. χεὶρ) Γεωργήου τοῦ Ἀρηαντῆ καὶ χρησοκλαβάρη.

L'inscription est pleine de fautes d'orthographe; nous avons signalé celles qui pourraient tromper les étrangers.

II. Document paléographique.

Sa révérence le métropolitain de Belgrade a communiqué aussi au Syllogue de Constantinople le fac-simile et la copie du texte suivant inédit, daté de l'an 1400, par lequel Daniel, abbé d'un monastère de St. Nicolas près de Bérat, confie au despote Théodore Mouzaki plusieurs ustensiles du monastère et vingt manuscrits, dont il nous donne une liste detaillée. D'après ce document le transport des ustensiles et des livres a été fait διὰ τὸν φόβον τῶν Τούρκων; ce qui démontre une invasion des Turcs à Durazzo pendant l'année 1400.



FAC-SIMILE DE L'INSCRIPTION BRODÉE SUR LE SAINT-SUAIRE À BERAT EN ALBANIE

Ἐγὼ Δανηλ ἱερομοναχος καὶ καθηγο(ύ)μενος τῆς μονῆς αγιου Νικολαου [1]) τον Πεντεαρχ(ον)τιων [2]) εξεβαινω μὲ τὸν αὐθεντην μου τον κυρ Θεοδωρον τὸν Μουζάκ(ην) [3]) καὶ επερνω μὲ τὸν εμαυτον μου ἀρχ(ὴ ou ἀρχαῖον?) ευαγγέλιον εκλογάδην εγκοσμησμενον με ξρὸν αργηροχρισον καὶ τεσαρας ευαγγελιστας δευρανον· καὶ τετραβαγγελον δευρανον· ἐξαήμερος κομματια διο τὸ πρωτον καὶ το δευτερον· κατα ματθαῖον· θεολογος δευρανον· θεολογος βαβηκηνον διερμηνευμενος· ἀναστάσιος δεύρανον· Ζουναρᾶς νομικος βαβηκηνον με κοκινο(ν) τομάργν· Αντίόχος βαβηκηνος. Ἐφραὶμ βαβηκηνος· ψαλτ(η)ρ(ιον) δευρανον διερμηνευμενον. Προφητία βαβηκηνον· ηρμολόγ(ιον) βαβηκηνον τὸνησμενον (l. τονισμένον)· κατηχησης βαβηκηνον· τηπηκὸν δευρανον ἱεροσολημητῶν· σχηματολογ(ιον) βαβηκηνον· μηναίων καθημερινῶν εξαμηναιων δευρανον· ἤγουν σεπτεβριος, ὀκτομβριος· νοέμβριος· δεκεμβριος· ιανουαριος καὶ φεβρουαριος· εὀχολόγιον βαβηκηνον· ὅλα ὁμοῦ κομματια ἤκοση· φελονιον μεταξοτον· ξρὸς· εγκοσμημενος μη τὴν θήκην· επητραχήλιον· πράσηνω βλατη, καὶ ποδέα ὅμια· δηλοθηρον μηταξοτον τὸ ἐδωκεν ὁ Μπάλσας· ποδεα κοκηνον μητον ξρὸν· ποδαια βλατῆ κήτηρνϊ ολοηφαντη με πολία· μανδήλιον μαγναδάρηκον· χρισοβουλα· δροκηκλή τῆς Πενταρχοντηας καὶ τῆς Βρεάστεανης [4]) εἰς δύο σακούλια· μανήλ(ιον) χαλκὸν τὸ ἠσοδεύματος κατζὴν χαλκὸν· καὶ παράδηδωτα· πρωτον τὸν θ͞ν καὶ τὸν αυθεντην μου τὸν μέγαν Νϊκολαον εἰς τὰς χειρας τοῦ αυθεντου μου τοῦ Θεοδώρου τοῦ Μουζάκι νὰ ἠναι (ou plutôt ἠνεν) εἰς τον κελ(ά)ρ(ην) καὶ νὰ τὰ επηβλέπ(η) ο κελλ(ά)ρης ὁ Θεοτὸκης ἀσφαλος· καὶ ἤτης θελη ἐνθημηθῆ καὶ βουληθη· ἤτε αυθέντης ἤτε ἱερευς· ἤτε ἀρχων· ἤτε κανῆς· ἵνα επάρη τῆ εξ αὔτᾶ τὰ ἱερα καὶ θεια βηβλήα ἤτε ἀπὸ ποδαίας ἤτε επητραχηλι(α)· ἤτε ἱερὰ· ἀπὸ ὥλα ἐξηβαλα ἐγῶ ὁ δανηηλ καθηγουμενος καὶ ἀμαρτολος ἱερομοναχος δια τον φόβον τον Τουρκὸν ἐκ τὴν σεβασμιαν μονὴν τοῦ ἁγἵου Νικολαου· εχέτο τὰς αρὰς τὸν ἁγἵων τριἀκοσίων δέκα καὶ ωκτῶ θεοφόρων πρών· ἔχον ἀντήδηκον

---

[1]) Église de la paroisse moderne Πεντροχοντή.

[2]) Village appelé aujourd'hui Πεντροχοντή en albanais et situé au N à une distance d'une heure et demie de Bérat; habitants - Turcs et chrétiens orthodoxes.

[3]) Il est cité comme signor di Epiro et del dicto dans le breve Memorie de li discendenti de nostra casa Musachi, ap. Hopf, Chroniques Gréco-Romanes, p. 271. Il paraît que c'est Théodore III, qui n'est pas cité dans la table p. 532. Théodore II, 1339 seigneur de Bérat et de la Musachia, + 1389 et qui peut-être portait aussi le nom de Nicolo. Un autre Théodore est cité l'an 1444—1457.

[4]) Village albanais appelé aujourd'hui Μπρέστανι et situé à l'O de Bérat, à une distance de 2 heures environ. On y trouve rarement des stèles funéraires avec des inscriptions grecques. Habitants Turcs et chrétiens orthodoxes.

καὶ τον μέγαν Νϊκολαον ἐν τω νὴν αιῶνι καὶ εν τω μελλοντι ἀμήν· εγραφη εν μηνι νοεμβριω εἰς τὰς ωκτῶ· κατενοπιον του εκκλησιαρχ(ου) τῆς επισκοπῆς· καὶ κυροῦ Γαβρηλ τοῦ αγιωσωφητ(ου) καὶ κυροῦ Δημητριου τοῦ Δοβρομηρου· καὶ τοῦ παν(οσιωτάτου?) κυροῦ Στεφάνου τοῦ δστϊάριου καί μου γραφέως τοὺ σκευοφυλακος καὶ νομηκοταβουλλαρι(ου): Επϊ ἔτους ϛ̅ ϡ̅ η̅.

Suivent deux souscriptions illisibles.

Enfin, je signale ici la note suivante que le savant métropolitain a lu sur le planchet d'un évangéliaire en parchemin:

«Ἐγράφη τὸ παρὸν εὐαγέλιον τῷ μηνὶ ἰωνίῳ ἐπὶ ἔτει ϛϡκά(=1413) δὶ ἐξόδων, κόπου καὶ συνδρομῆς τοῦ πανευγενεστάτου κυρίου Νικηφόρου τοῦ Λούβρου καὶ κεφαλῆς πόλεως Βελλαγράδων σὺν τῆς ὁμοζύγου αὐτοῦ Μαρίας τῆς Κυρικαλένης καὶ ἐπροσήλωσαν αὐτὸ εἰς τὸν ναὸν τῆς Ἁγίας καὶ ἐνδόξου μεγαλομάρτυρος τοῦ Χριστοῦ Μαρίνης [5]) ὃν ἀνήγειραν ἐκ βάθρων· καὶ εἴτις μέλει αὐτὸ ἀποσπᾶσαι ἀπὸ τὴν μονὴν τῆς ἁγίας Μαρίνης ἢ πουλῆσαι ἢ ἀφαρπᾶσαι ἢ κλέψαι νὰ ἐπισπᾶται τὰς ἀρὰς τῶν τιή» etc.

A. Papadopoulos-Kérameus.

[5]) Cette église existe encore dans le quartier de Bérat appelé ordinairement Κάστρον.

Documents patriarchaux

(Léontopolis en Pologne. Cafa en Crimée).

PAR

A. Papadopoulos-Kérameus.

Les documents anciens du Patriarchat Oecuménique publiés après la prise de Constantinople par les Turcs, sont en général fort rares; la Turcograecia de Crusius nous en a conservé quelques-uns signés par des patriarches du XVI s. C'est Dosithée, patriarche de Jérusalem, qui vers la fin du XVII s. a pris soin de sauver tous les documents du Patriarchat de Constantinople, conservés à son époque dans divers codex. Sa Νομικὴ Συναγωγή, dont nous devons un résumé fort intéressant à Mr. Sathas (Bibl. m. aevi III), contient plusieurs de ces documents, qui méritent d'être étudiés sous plusieurs points de vue. Le plus ancien de cette collection encore inédite date de l'an 1539.

Cependant plusieurs de ces textes patriarchaux sont aussi conservés dans divers monastères et bibliothèques de l'Orient. Notre Syllogue à Constantinople possède aussi un manuscrit in octavo, qui contient un grand nombre de documents du Patriarchat Oecuménique, et qui est déjà préparé pour la publication.

Je vous en communique un décret du patriarche Métrophane III concernant l'archevêché de Σουγδαίας et Φούλλων, et rédigé entre les années 1566—1567. On y remarque d'abord que Métrophane mentionne une *Notitia episcopatuum* en usage du Patriarchat; il y est dit que l'archevêché de Σουγδαίας tenait le № 31 comme rang d'hiérarchie et celui de Φούλλων le № 33. On peut voir que la *Notitia* mentionnée est celle que Mr. Parthey a annotée dans son édition de *Synecdemus Hieroclis* sous le № 10 (p. 200—201).

Le patriarche Métrophane ajoute encore que ces deux archevêchés étaient connus sous le nom composé de Σουγδαιοφύλλα. Dans ses annotations Parthey ne connaît pas ce nom composé de géographie ecclésiastique.

Dix villages composaient le diocèse de cet archevêché. Jadis, à une époque d'anomalie politique, le métropolitain de Cafa a pris possession de ces villages,

qu'il a conservés sous son diocèse pendant deux années. C'est donc entre les années 1566—1567 que le patriarche de Constantinople Métrophane a reglé cette division. Les dix villages ont été donnés à Jean, prêtre et saccellarius de Cafa; il avait le droit de possession jusqu'à sa mort avec l'obligation de payer chaque année dix florins au fisc du sultan de Constantinople; c'est le ἀθεντικὸν χάρτζιον, dont parle le patriarche.

Je vous soumets encore deux autres textes inédits de Cyrille Lucaris, écrits l'an 1610. Le premier est une lettre adressée d'Égypte à Hésaie Balabanes, évêque de Léontopolis en Pologne. Au mois de novembre de la même année le patriarche d'Alexandrie Lucaris a adressé le second texte, qui a toutes les apparences d'un document officiel; il y est question d'Eustache Tissarobius, qui croyait être le véritable évêque de Léontopolis au lieu d'Hésaie Balabanes. Lucaris condamne Eustache et confirme l'élection canonique de Hésaie, faite par un synode tenu à Léontopolis sous le règne de Sigismund III.

Métrophane III, patriarche de Constantinople.

Ἔργον ποιμένος, καὶ ἀρχιποίμενος ἀγρύπνου, καὶ δικαίου, ὅπερ καὶ ἰητροῦ, καὶ ἀρχιητροῦ ἐπιμελοῦς, καὶ ἀκριβεστάτου τῷ τῆς ἰατρικῆς κανόνι χρωμένου· ὡς περ γὰρ ὁ τῆς ἰατρικῆς ὅρος, καὶ σκοπὸς οὐδεὶς ἄλλος ἐστίν, εἰ μὴ συντηρῆσαι καὶ διαφυλάξαι τὴν προσοῦσαν ὑγείαν τοῖς σώμασι, παρατραπεῖσαν δέ ποτε ἀνακτήσασθαι, καὶ ἀνασώσασθαι· οὕτω καὶ ἔργον προστάτου τὸ οὐ μόνον συντηρεῖν καὶ αὔξειν τὰ ἐνοριακὰ τῆς Ἐκκλησίας αὐτοῦ δικαιώματα, ἀλλὰ καὶ τὰ συμμιγέντα ἐκ τούτων ξέναις ἐπαρχίαις, καὶ κατακρατῆσαι καὶ ἀποδοῦναι πάλιν τῇ ἑαυτοῦ ἐπαρχίᾳ, ὅπου ἂν νομίμως προσήκῃ.

Τοίνυν καὶ ἡ μετριότης ἡμῶν ἀνερευνήσασα εὗρεν ἐν τῷ Νομίμῳ ταύτης τῆς καθ' ἡμᾶς τοῦ Θεοῦ Μεγάλης Ἐκκλησίας ἐν τῷ καταλόγῳ, εἴτε ἀπαριθμήσει τῶν Ἀρχιεπισκοπῶν, ὅτι ἡ μὲν Σουγδαία λα' ὑπῆρχεν ἀρχιεπισκοπή, αἱ δὲ Φοῦλλαι λγ' αἱ δὴ ἀμφότεραι ἀρχιεπισκοπαὶ συνθέτως Σουγδαιοφύλλα ἐπωνομάσθησαν, εἶχον δὲ ὑπὸ τὴν ἐπαρχίαν αὐτῶν τὰ χωρία ταῦτα**. Ταῖς δὲ καιρικαῖς ἀνωμαλίαις πρὸ χρόνων πολλῶν καὶ ἀμφοτέρων τούτων τῶν ἀρχιεπισκοπῶν ἐρημωθεισῶν, τὰ χωρία ταῦτα κατεσχέθησαν ἀδίκως ὑπό τοῦ μητροπολίτου Γοτθίας, μὴ ἀνήκοντα τῇ μητροπόλει Γοτθίᾳ· εἶτα πάλιν κατέσχεν αὐτὰ παραλόγως καὶ ὁ τοῦ Καφᾶ μητροπολίτης ἔτη δύο, καὶ ἐπέκεινα, μήτε αὐτῷ διαφέροντα, ἀλλ' ὑπὸ τὴν ἐξουσίαν τῆς

Μεγάλης καὶ Καθολικῆς Ἐκκλησίας ὑπεισελθόντα, ὡς σταυροπήγια διοικεῖσθαι ὀφειλόμενα.

Ὅθεν καὶ νῦν εὑρόντες τὸν τιμιώτατον παπᾶ κὺρ Ἰωάννην καὶ σακελλάριον Καφᾶ, τὸν ἡμέτερον πιστὸν ἄνθρωπον, καὶ ἱκανῶς κοπιάσαντα, καὶ δουλεύσαντα πιστῶς τῇ Μεγάλῃ τοῦ Χριστοῦ Ἐκκλησίᾳ, τούτῳ ἐξαρχικῶς δωρούμεθα τὰ ῥηθέντα δέκα χωρία, τοῦ ἔχειν αὐτὰ ἐφ' ὁρῳ ζωῆς αὐτοῦ ἀνενοχλήτως, καὶ παραλαμβάνειν ἐξ αὐτῶν ἅπαν τὸ συναγόμενον ἐκκλησιαστικὸν δικαίωμα, τὸ ἀπό τε κανονικῶν τῶν ἱερέων, συνοικεσίων, πανηγύρεων, ζητιῶν, καὶ τῶν ἄλλων τῶν εἰθισμένων τοῖς εἰρημένοις τόποις, ὀφείλοντος αὐτοῦ τοῦ ἡμετέρου ἐξάρχου παπᾶ κὺρ Ἰωάννου, καὶ σακκελλαρίου, ἀποπληροῦν, καὶ διδόναι κατ' ἔτος διὰ τὰ ἄνωθεν χωρία φλωρία ι', ἤτοι αὐθεντικὸν χάρτζιον· ὀφείλουσι δὲ καὶ πάντες οἱ ἐν τούτοις τοῖς χωρίοις ἱερωμένοι τε καὶ λαϊκοί, μικροί τε καὶ μεγάλοι τιμᾶν καὶ ἀγαπᾶν τὸν αὐτὸν ἡμέτερον Ἔξαρχον, καὶ πείθεσθαι, καὶ ὑποτάσσεσθαι αὐτῷ, καὶ παρέχειν εὐγνωμόνως ἅπαν τὸ ἐκκλησιαστικὸν αὐτοῦ δικαίωμα, ὡς εἴρηται, τὸ ἐκ τῶν ῥηθέντων χωρίων.

Lettre de Cyrille Lucaris, patriarche d'Alexandrie.

Ἡσαΐᾳ τῷ Μπαλαμπάνῳ, τῷ ἐν Πολωνίᾳ.

Ἰδού σοι ἐγένετο, πάνυ ὅσα γενέσθαι παρ' ἡμῖν ἦν· τὴν γὰρ σὴν αἴτησιν ἀποβαλεῖν οὐ δίκαιον, μετὰ διακρίσεως καὶ ζήλου θείου τῇ ἡμετέρᾳ προβληθεῖσαν ἐξουσίᾳ. Ὅσα δὲ πάλιν τελέσαι οὐκ ἦν, τί σε δεῖ ποιεῖν, σαφῶς δεδηλώκαμεν ἐν τῷ γράμματι, τῷ παρ' ὑμῖν λεγομένῳ littera risolutoria. Ἔχεις οὖν ἐκεῖ περὶ πάντων ἀκοῦσαι, εἴ τι ἡμῖν ἔδοξεν ἀναγκαῖον εἶναι τῇ ὑποθέσει· εἶτα ἐκ τῆς συντόμου ἀποκρίσεως, ἤτοι σημειώσεως τῆς ἡμετέρας εἰς τὴν ἀποσταλεῖσαν ἡμῖν λατινικὴν ἐπιτομήν, συνάξεις ὅ,τι τὴν σὴν ἀγιωσύνην δικαιοῦμεν ἐν πᾶσι, καὶ τοῦτο, οὐχ ὅτι τῶν ποθητῶν εἰ τῶν ἡμετέρων, καὶ τῶν γνησίων, ἀλλ' ὅτι κατὰ θεὸν οὕτως ἡμῖν δοκεῖ. Εὔελπις οὖν ἔστω σου ἡ προθυμία, καὶ πᾶσαν τὴν ἐλπίδα ἐπὶ Κύριον ῥιπτέτω, τὸν δυνάμενον μόνον πᾶσαν δυσκολίαν ἐξομαλίσαι, καὶ ὑμᾶς τῶν αὐτόθι κακῶν ἀπαλλάξαι. Ἰδοὺ καὶ ἡμεῖς διὰ τὴν ὑπόθεσιν ταύτην σπεύσομεν τὴν Κωνσταντίνου καταλαβεῖν κἀκεῖ καὶ αὖθι προσδοκήσομεν τὸν φιλήμονα μετὰ πάσης ἄλλης παραγγελίας. Ἡ χάρις μετὰ σοῦ.

Ἐν Αἰγύπτῳ ,αχι' (=1610), ὀκτωβρίου κε'.

Décret de l'Eglise d'Alexandrie sous le patriarchat de Cyrille Lucaris.

Περὶ Ἡσαΐου, κατὰ Τισαροβίου τὴν ἐπισκοπὴν κρατοῦντος τῆς Λεοντοπόλεως, ἐν Πολωνίᾳ.

Ἡ τῶν νόμων ἰσχὺς καὶ τῆς δικαιοσύνης ἡ δύναμις, ἡ τὸν κόσμον ἅπαντα κυβερνῶσα, καὶ τὴν οἰκουμένην τῷ ἀγαθῷ ὑποτάττουσα, οὐκ ἂν μέχρι τέλους ὑπομείνεις καταδυναστεύειν τῆς ἀληθείας τὸ ψεῦδος, καὶ κατεπαίρεσθαι τῆς ἀγαθωσύνης τὴν πονηρίαν· εἰ γὰρ καὶ εἰρήνην ἔχουσιν οἱ ἁμαρτωλοί, καὶ εὐδοδοῦσθαι δοκοῦσι κατὰ τὸν ἔξω ἄνθρωπον, ἀλλὰ πρὸς καιρὸν ταῦτα, καὶ ὡσεὶ χόρτος ξηραίνονται, καὶ ὡσεὶ λάχανα χλόης ταχὺ ἀποπεσοῦνται· ἐπεὶ βραδύνει μὲν ἡ παιδεία πολλάκι, ἀλλ' ἐν καιρῷ ἀπροσδοκήτῳ ἐπὶ τοὺς ἀπειθεῖς ἔρχεται ἡ ὀργή, καὶ συστέλλει τὴν αὐτῶν τόλμην, καὶ ταπεινοῖ τὴν ὀφρύν. Ἴδοι τοίνυν τοὺς ἀτάκτως ἐν τοῖς καθ' ἡμᾶς νῦν ἐσχάτως καιροῖς ἀδικοῦντας, καὶ χαίροντας ἐπὶ τῇς πονηρῶς γινομένοις, καὶ ὑψηλῷ τῷ αὐχένι ἐπὶ τὸν οὐρανὸν βλέποντας, αὐτοπροαιρέτως ἑαυτοὺς διορθώσαντας μετανοεῖν τοῦ λοιποῦ ἐπὶ τοῖς κακῶς πραχθεῖσι, καὶ τὴν ἄνω σκέπτεσθαι ἀκριβῶς πως ἐξιλεώσασθαι δίκην· οὐ μήν γε ἐπὶ τῇ μοχθηρᾷ βουλῇ ἀσαλεύτους μένειν, καὶ εἶναι ἀπὸ τοῦ κακοῦ ἀκαμπεῖς. Τοῦτο δὲ ἁρμόσει πᾶσι καθόλου τοῖς τὸν βίον τὸν φθαρτὸν τοῦτον ζῶσι, καὶ τὸν θεὸν φοβεῖσθαι προαιρουμένοις οἷα χρέος ἔχουσι· μερικώτερον δὲ καὶ εἰδικώτερον τοῖς τὴν πνευματικὴν πολιτείαν ἀσπαζομένοις, καὶ μᾶλιστα τοῖς τὸ τῆς ἀρχιερωσύνης ἐπαναβεβηκόσιν ἀξίωμα· ὀφείλει γὰρ ὁ ἀρχιερεὺς, ὑπὲρ τοὺς λοιποὺς, καλῶν πραγμάτων παράδειγμα γίνεσθαι, καὶ οὐ κακῶν αὐτουργὸς, διδάσκειν τὰ λόγια τοῦ θεοῦ, καὶ μὴ συμβουλεύειν πρὸς κακοποιΐαν, τοῖς ἀδικήσασι συγχωρεῖν, οὐχ αἷμα τῶν μὴ ἀδικησάντων ἐκχέειν, οἷα δὴ συνέβη ἀκοῦσαι ἡμᾶς περί τινος ἑαυτὸν ἐπισκόπου καλοῦντος Λεοντοπόλεως Εὐσταθίου τοῦ Τισαροβίου, ὅς μεθ' ἁρπαγῆς, καὶ ἀδικίας, καὶ αἵματος ἐκχύσεως καθιδρυσθεὶς ἔπραξε πᾶν ὅ, τι κακὸν ἦν, ὥστε μόνον ὑποτάξαι ἑαυτῷ τὴν ἐπισκοπήν, καὶ τό γε νῦν μένει ἐκείνην παρὰ πᾶσαν δικαιοσύνην κατέχων. Οὐκ ἄνευ οὖν λύπης καὶ ἀγανακτήσεως εἰσῆλθε ταῦτα ταῖς ἀκοαῖς ἡμῶν, ἐπεὶ ἀριδήλως κατανοοῦμεν τὸ φῶς ἤδη ἐν αὐτῷ σκότος γεγονέναι, καὶ ἐκεῖνον, ὃν (εἰ ἀληθὴς ἦν ἐπίσκοπος) ἔδει φωστῆρα εἶναι τῆς Ἐκκλησίας στερέωμα καταγάζοντα, εἰς ὄλισθον πεπτωκέναι, ἐπίσημον ὄλεθρον ἐπαπειλοῦντα τῇ ψυχῇ. Φεῦ! τίς οὐκ ἂν δακρύσειε ταῦθ' οὕτως ἔχειν πληροφορούμενος; ἀλλ' ὁ δυνατὸς ἐν ἰσχύει καὶ κραταιὸς Κύριος μεταποιήσαι, καὶ διορθώσαι ταῦτα ὡς βούλεται. Ἡμεῖς ὅμως εἰδότες τὰ τοιαῦτα κακὰ γίνεσθαι διὰ τὴν ἐπισκοπὴν τῆς Λεοντοπόλεως, δι' ἣν ἀδίκως ἀγωνίζεται Εὐστάθιος ὁ Τισαρόβιος, καὶ βεβαιωθέντες ἐξ ὧν ἐπιστώθημεν

τὴν αὐτὴν ἐπισκοπὴν οὐχ ἑτέρῳ ἀνήκειν ἐκκλησιαστικῷ καὶ πολιτικῷ δικαιώματι *), ἀλλ' ἢ τῷ ὁσιωτάτῳ κὺρ Ἡσαΐᾳ διὰ τὴν πρώην ἐκλογὴν, τὴν κοινῇ γεγονυῖαν ἐν τοπικῇ Συνόδῳ ἱερωμένων προσώπων καὶ κληρικῶν, καὶ πολλῶν ἄλλων χρησίμων ἀνδρῶν, τότε ἐν τοῖς ζῶσι ὄντος τοῦ ἐν μακαρίᾳ τῇ λήξει γενομένου τοῦ κὺρ Γεδεὼν τοῦ Μπαλαμπάνου τοῦ πρώην ἐν Λεοντοπόλει ἐπισκοπεύσαντος καὶ παρόντος, καὶ βεβαιωθεῖσαν πριβιλεγίῳ τῷ παρὰ τοῦ γαληνοτάτου ῥηγὸς τῆς Πολωνίας Σιγισμούντου τρίτου, εἶτα καὶ παρὰ τοῦ πρώην μακαριωτάτου πατριάρχου κὺρ Μελετίου, ἐν Κωνσταντινουπόλει τότε πατριαρχεύοντος κυρωθεῖσαν· καὶ ἡμεῖς ὡς δικαίαν καὶ νόμιμον τὴν ἐκλογὴν ἐκείνην τῷ ἡμετέρῳ τούτῳ πατριαρχικῷ γράμματι καὶ κυροῦμεν καὶ βεβαιοῦμεν, καὶ ἀποφαινόμεθα δεῖν εἶναι τὸν ὁσιώτατον κὺρ Ἡσαΐαν τὸν Μπαλαμπάνον γνήσιον διάδοχον τῆς ἐπισκοπῆς τῆς ἐν τῇ Λεοντοπόλει· τὸν δὲ Τισαρόβιον παρανόμως καὶ παρὰ κανόνας κατέχοντα τοῦ Ποσέσου, ὀφείλειν ἀποδοῦναι μετὰ παντὸς καλοῦ τρόπου, ὡς προσήκει ἀνδρὶ πνευματικῷ ἐπὶ τοῖς θανασίμοις προτέροις σφάλμασι μεταμεμελημένῳ, καὶ φόβον θεοῦ ἐν ἑαυτῷ ἀνακτισαμένῳ, καὶ πάντως μὴ βουλομένῳ ἔνοχον ἑαυτὸν πολλῶν παραπτωμάτων παραστῆσαι ἐνταῦθα μὲν τῇ ἐκκλησιαστικῇ κρίσει, ὕστερον δὲ καὶ τῇ τοῦ θεοῦ καὶ σωτῆρος ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ, τοῦ ἀδεκάστου κριτοῦ· εἰς ὃ δήλωσιν ἐδόθη τὸ παρὸν ἡμέτερον γράμμα.

Ἐν Αἰγύπτῳ ᾳχί (=1610), νοεμβρίου Α-η.

A. Papadopoulos-Kerameus.

*) Variante signée dans le codex du Syllogue: δικαίῳ.

Quelques observations sur deux inscriptions Grecques ayant trait à l'histoire de la Géorgie.

PAR *I. H. Mordtmann.*

Il y a dix-sept ans a peu près qu'on a découvert entre *Tiflis* et *Metskhéta*, l'ancienne capitale du royaume de la Géorgie, sur la route qui côtoie la rive droite du *Kour* une inscription grecque qui est du plus haut intérêt pour l'histoire de ce pays à l'époque des empereurs Romains. Ce monument unique étudié d'abord par feu le Général Bartholomaei dans un mémoire inséré dans les publications de la Société de Géographie de Tiflis fut reimprimé dans le Journal Asiatique (an. 1869, VI sér. t. 13 p. 93—104) accompagné des observations de Mr. Léon Rénier, le savant épigraphiste français, qui proposait une lecture de l'inscription un peu différente de celle adoptée par le premier éditeur. Plus tard Mr. Mommsen reproduisit le texte de l'inscription dans le III volume du Corpus Inscr. Latt. de Berlin sous le № 6052, en ayant soin d'ajouter: «*prout traditum accepimus exemplo a mendis non immuni*». Le premier fascicule des publications de la Société Archéologique du Caucase paru en 1875 contient une excellente photographie de l'inscription en question; enfin on en trouve un fac-similé assez exact, exécuté probablement d'après cette photographie, dans la Collection des Inscriptions Grecques et Latines du Caucase par Mr. J. Pomialovski, St. Pétersbourg 1881 p. 67.

Les doutes émis par l'académicien de Berlin sur l'exactitude de la copie qu'il avait à sa disposition, ne peuvent porter que sur la fin de l'inscription, car le commencement, malgré son état mutilé, peut être restitué avec toute certitude; il contenait les noms et la titulature de l'empereur Vespasien et de ces deux fils Titus et Domitien; en voilà la restitution, d'après Mr. Rénier:

Αὐτοκράτωρ Καῖσα]ρ Οὐε[σπασιανὸς Σεβ]αστός, ἀρχιε[ρεὺς μέγιστο]ς, δημαρχι[κ]ῆ]ς ἐξου[σίας τὸ]ζ΄, αὐτοκράτ[ω]ρ τὸ ιδ΄, ὕπατος τὸ ς΄, ἀποδεδειγμένος τὸ ζ΄, πατὴρ πατρί-δος, τ[ειμη]τής, καὶ Αὐτοκράτωρ Τίτος Καῖ[σαρ] Σεβαστοῦ υἱὸς δημαρχι[κ]ῆς ἐξουσίας τὸ ε΄, ὕπατος τὸ[γ΄], ἀποδεδειγμένος τὸ δ΄ etc.

Il suit de ces titres que l'inscription est de l'an 75 de notre ère; quant à l'autre moitié de l'inscription, elle a été lue par le Général Bartholomaei de la manière suivante:

Βασιλεῖ Ἰβήρων Μιθριδάτῃ βασιλέως Φαρασμάνου καὶ Ἰαμάσδει τῷ υἱῷ φιλοκαίσαρι καὶ φιλορωμαίων τῷ ἔθν(ε)ι τὰ τείχη ἐξωχύροσαν c'est-à-dire, d'après sa propre traduction: [les empereurs susmentionnés] *construisirent ces forteresses pour le roi des Ibères, Mithridate fils du roi Pharasmane et d'Iamasda, ami de César et du peuple Romain.*

La restitution proposée par Mr. Rénier en diffère assez sensiblement; il lit les dernières lignes ainsi: βασιλεῖ Ἰβήρων Μιθριδάτῃ, βασιλέως Φαρασμάνου καὶ Ἰαμασδαΐτω[ν] φιλοκαίσαρι καὶ φιλορωμαίῳ τ[ῷ] ἔθν[ε]ι τὰ τείχη ἐξωχύρ[ω]σαν, ce qu'il traduit par:.... «pour le roi des Ibères, Mithridate fils du roi Pharasmane et pour la nation des Iamasdaïtes, amie de César et des Romains, ont fait construire ces forteresses».

«On voit, ajoute Mr. Rénier, qu'il n'y est pas question de la mère du roi Mithridate. Le mot ΙΑΜΑΣΔΕΙ, que l'auteur du mémoire a cru pouvoir lire à la quinzième ligne, ne peut pas être un génitif féminin. Ce ne pourrait être qu'un nom au datif et il faudrait alors, en le rattachant aux deux mots suivants ΤΩΥΙΩ, y voir le nom d'un fils de Mithridate. Mais il serait bien extraordinaire, dans ce cas, que l'auteur de l'inscription n'eût appliqué qu'à ce jeune prince les épithètes de φιλοκαίσαρι et de φιλορωμαίῳ».

Tout en reconnaissant la justesse de ces remarques, il faut cependant observer, que la lecture et l'interprétation de Mr. Rénier paraît également inadmissible; sans entrer dans une discussion des détails, je me borne à reproduire ici les dernières lignes en question telles qu'on les distingue assez clairement sur la photographie:

l. 14 ss. Φ‖ΑΡΑΣΜΑΝΟΥΚΑΙΙΑΜΑΣ[illegible]Ω
ΦΙΛΟΚΑΙΣΑΡΙΚΑΙΦΙΛΟΡΩΜΑΙ[illegible]ΠΩΕ
ΘΝΙΤΑΤΕΙΧΗΕΞΩΧΥΡΩΣΑΝ

On peut songer à deux différentes lectures:

1) Φαρασμάνου καὶ Ἰαμασά[σ]πο[ς υἱ[ῷ φιλοκαίσαρι καὶ φιλορωμαίῳ [κ]αὶ τῷ ἔθν(ε)ι τὰ τείχη ἐξωχύρωσαν,

ou 2) Φαρασμάνου καὶ Ἰαμασάσπῳ [υἱ]ῷ etc.

Cette seconde lecture m'a été suggérée par le fait, que les chroniqueurs Géorgiens mentionnent plusieurs fois le nom d'*Amtsasp* où *Hamasasp* en écriture Arménienne comme nom royal dans le récit de l'ancienne histoire de leur pays et que ce nom se retrouve dans une inscription Grecque, dont nous nous occuperons tout-à-l'heure, sous la forme d' Ἀμάζασπος. Il faut cependant avouer que cette restitution présente des inconvénients, d'abord l'application de l'épithète φιλοκαῖσαρ καὶ φιλο-

ρώμαιος au fils seul et la correction de l'omicron, dont la lecture nous paraît certaine, en oméga, et puis l'écriture du nom avec Σ au lieu du Z, qui figure dans la forme originale et qui s'est conservé dans la transcription par Ἀμάζασπος. Nous adoptons donc la première lecture, laquelle s'accorde le mieux avec les traces des lettres et le style épigraphique, en signalant la possibilité de la seconde à ceux qui ont la faculté d'examiner le monument même.

L'autre inscription, sur laquelle je désire attirer l'attention des savants, est connue depuis bien longtemps; on la trouve dans le Corpus Inscriptionum Graecarum sous le № 6856 classée parmi les textes de provenance incertaine, d'après Gruterus, qui la tenait des papiers d'Ursinus; ce dernier l'aurait copiée «*Romae, in hortis magni ducis Etruriae*». C'est une épitaphe métrique conçue en vers *choriambes*, relatant la mort d'un prince Ibérien décédé à *Nisibis* en Mésopotamie pendant qu'il allait prendre part à une campagne du général Romain contre les Parthes. L'inscription a été publiée en dernier lieu par Mr. Kaibel dans son excellente collection des épigrammes Grecques sous le № 549, dont je reproduis ici le texte, tel qu'il l'a reconstitué:

Ὁ κλεινὸς ἶνις βασιλέων Ἀμάζασπος,
ὁ Μιθριδάτου βασιλέως κασίγνητος,
ᾧ γαῖα πατρ[ί]ς Κασπίας παρὰ κλη[θ]ρας
Ἴβηρ Ἴβηρος ἐνθαδὶ τετάρχυται
πόλιν παρ' ἱρὴν, ἣν ἔδειμε Νικάτωρ
ἐλαιόθηλον ἀμφὶ Μυγδόνος νᾶμα.
θάνεν δ' ὀπαδὸς Αὐσόνων ἀγητ[ῆ]ρι
μολὼν ἄνακ[τι Π]αρθικὴν ἐφ' ὑσμίνην,
πρὶν περ παλά[ξ]αι χεῖρα δηίῳ λύθρῳ
ἴφθιμον αἰαῖ χεῖρα δουρὶ κα[ὶ τ]ό[ξ]ω[ι
καὶ φασγάνου κνώδοντι, τεζὸς ἱπ[π]εύς τε.
ὁ δ' αὐτὸς ἴσος παρθένοισιν αἰδοίαις.

«Ci-gît le corps embaumé d'Amazasp, issu de la noble race des rois, frère du roi Mithridate, dont la patrie se trouve près des portes Caspiennes, lui même Ibérien et fils d'un Ibérien, ici près de la sainte ville, qui a été bâtie par Nicator au bord du fleuve Mygdon, dont les flots arrosent les oliviers; il était venu pour accompagner le général des Ausones à la guerre Parthique, lorsqu'il mourut, sans avoir baigné sa main dans le sang ennemi, cette main qui maniait si bien la lance et l'arc et l'épée, à cheval et à pied, bien qu'il ressemblait encore aux chastes vierges (par sa jeunesse)».

Il est déjà dit plus haut que le nom de ce noble prince se retrouve dans l'histoire Géorgienne; les chroniqueurs indigènes l'écrivent ჯმაზასპ *Amzasp* (p. e. Vakhtang, traduit par Klaproth dans le Journ. As. 1834 t. XIII p. 56),

tandis que la forme Arménienne Համազասպ *Hamazasp* commence par une lettre aspirée; n'étant pas au courant des études Géorgiennes, il m'est impossible de proposer aucun rapprochement entre les listes des rois conservées chez les auteurs et les données de notre inscription; je me borne à signaler la coincidence du nom.

Les savants commentateurs sont unanimes à placer Amazaspus sous le règne de Trajan, qui, lors de son expédition contre les Parthes, avait conquis la ville de Nisibis, où le prince Ibérien est décédé, sans avoir pris une part active aux combats [1]). Après la mort de Trajan l'empereur Adrien abandonna de nouveau la Mésopotamie et les autres conquêtes de son prédécesseur aux Parthes, et on pourrait même supposer que c'était à cette occasion que les parents du défunt auraient fait transporter à Rome les restes du prince Ibérien, pour ne pas exposer son tombeau à être violé par les mains de ceux qu'il était allé combattre avec les armées romaines. Il est vrai que le biographe d'Adrien affirme que les princes des Albans et Ibères ne sont jamais venus présenter leurs hommages à l'empereur qu'ils auraient même méprisé; mais Dion, auteur plus digne de foi, assure au contraire que Pharasmane l'Ibérien est venu à Rome avec sa famille sous le règne d'Adrien et que ce dernier a assisté aux exercices d'armes du jeune prince Ibérien et de sa suite [2]). Ces derniers mots servent à illustrer ce que dit notre inscription sur l'habileté d'Amazasp dans le maniement des armes.

Sans pouvoir combattre l'ancienne hypothèse avec des arguments décisifs, je crois cependant que le caractère épigraphique de l'inscription, surtout les formes des lettres C et Ω, convient plutôt à une époque plus récente que celle de Trajan. Malheureusement les récits de l'expédition Parthique de Lucius Verus sous Marc-Aurèle sont tellement incomplets, qu'on ne sait rien du sort de la ville de Nisibis pendant cette guerre; mais Lucien dans son opuscule bien connu sur la méthode

---

[1]) «*La ville sur le Mygdon fondée par Nicator*» ne peut être autre que Nisibis qui s'appelait aussi *Antiochia Migdoniae*. Mr. Mommsen, en comparant un passage de Pline VI 117: [*Mesopotamia oppida habet*] *in Arabum gente qui Arrhoei* [var. *Annoei*] *vocantur et Mandani Antiochiam quae a praefecto Mesopotamiae Nicanore condita Arabis vocatur*, propose de lire NIKANΩP au lieu de NIKATΩP. Mais l'auteur ayant déjà mentionné Nesibis préalablement avec quelques autres villes de la Mygdonie (VI 42) et la partie de la Mésopotamie qui contenait Edessa-Antiochia ad Callirrhoem, la capitale de l'Osroéné, il est évident qu'il faut chercher la ville fondée par le préfet Nicanor ailleurs, et qu'elle ne peut être identifiée avec Nisibis. Aucun autre auteur du reste, que je sache, ne relate la fondation de cette ville par Seleucus I.

[2]) Dio Cassius l. LXIX 15: ὅτι Φαρασμάνῃ τῷ Ἰβηρι ἐς τὴν Ῥώμην μετὰ τῆς γυναικὸς ἐλθόντι τήν τε ἀρχὴν ἐπηύξησε καὶ θύσαι ἐν τῷ Καπιτωλίῳ ἐφῆκεν, ἀνδριάντα τε ἐπὶ ἵππου ἐν τῷ Ἐνυείῳ ἔστησε καὶ γυμνασίαν αὐτοῦ τε καὶ τοῦ υἱέος τῶν τε ἄλλων πρώτων Ἰβήρων ἐν ὅπλοις εἶδεν.

de l'historiographie (Πῶς δεῖ ἱστορίαν συγγράφειν), où il fait la critique des historiens de cette guerre, nous a conservé le récit donné par un de ces auteurs de la grande peste, qui sévissait pendant la guerre; il y est question des ravages faits par cette épidémie parmi la population de Nisibis qui était hostile aux Romains [3]), et on est tenté de supposer que le prince Ibérien est tombé victime de la même maladie [4]), quoique je n'insiste pas sur ce détail; dans tous les cas cette importante ville a joué non seulement pendant les guerres de Trajan mais aussi à cette occasion un certain rôle.

Avant de terminer ces quelques observations, je me permets de signaler ici un passage curieux dans la biographie du patriarche Nicéphore par Ignace; en parlant de l'empereur Léon l'Arménien, persécuteur acharné des images, il lui adresse les paroles suivantes: πῶς οἱ σπέκται καὶ Ἀμαζάσπαι, τὰ τῆς σῆς ἀπειλῆς ἀκροθίνια τὴν νῦν ὁρωμένην ἀσχήμονα θέαν καὶ τῶν ὑφαίμων ὠτειλῶν τὰ αἴσχη παρέβλαψαν; (p. 280 de l'édit. de Boor). Sans doute faut-il chercher l'origine de ces deux noms σπέκται et ἀμαζάσπαι en Arménie; quidnam significent haec verba quove modo corrupta sanari noscio, dit le savant éditeur. Peut-être ce sont des noms propres et Ἀμαζάσπαι le même que nous venons de rencontrer dans l'inscription de Rome.

J. Mordtmann.

---

[3]) Lucian l. c. c. 15, conf. Julii Capit. V. Veri c. 8 et Ammien Marcellin l. XXIII p. 251 ed. Vales.

[4]) Mr. Kaibel dit: «urbs est Antiochia Mydoniae s. Nisibis, *ubi pugnans interfectus est Amazaspus*». C'est une erreur évidente, puisque l'inscr. dit expressément que le prince est mort avant d'avoir pris part à un combat.

De quelle nation étaient ces étrangers venus de la Crimée, qui se présentaient à Busbecq, ambassadeur allemand à Constantinople?

PAR *C. G. Curtis.*

Quelle était la nation que représentaient ces deux étrangers venus de la Crimée dont parle dans ses lettres Ogier Ghèselin de Busbecq, ambassadeur des empereurs d'Allemande Ferdinand et Maximilien à la Sublime Porte?

L'ambassadeur croyait qu'ils représentaient la famille germanique, mais il s'abstenait de déterminer à quelle division de cette famille ils appartenaient.

Etaient-ils Goths ou Saxons? il n'a pas répondu. «*Hi Gothi an Saxones sint, non possum dijudicare*». Son opinion à l'égard de leur origine se basait en partie sur la physionomie, en partie sur les mots de la langue qu'ils parlaient, dont la plupart trahissait une source gothique. Ainsi, quand on se met à étudier la liste des mots et des phrases qu'il a recueillis, on est disposé à croire que ces étrangers pourraient être regardés comme les représentants d'une civilisation plus récente que celle des Goths, puisqu'en les entendant parler il reconnaissait non seulement quelque dialecte de la langue allemande, mais encore le patois de son propre pays la Flandre. En même temps la langue qu'ils parlaient ne pouvait pas être non plus sur tous les points identifiée avec la flamande. «*Nunc adscribam*», il a dit, «pauca vocabula de multis, quae germanice reddebat; nam haud minus multorum plane diversa a nostris erat forma, ita numerabat.... «*sevene*», prorsus ut nos Flandri».

Ne voulant rien décider, il a laissé aux autres le soin de faire des recherches dans d'autres langues usitées parmi les habitans du Nord. Il indique d'un côté un rapport avec la langue qui se parle dans les Pays Bas en éliminant de l'autre côté celle du Dannemarck, puisqu'il a remarqué que ces étrangers mettaient toujours l'article «*tho*» ou «*the*» *avant* le substantif (omnibus dictionibus *praeponebat* articulum «*tho*» aut «*the*», nostratia aut parum differentia), tandis que nous observons que les Danois, comme les Roumains, l'y ajoutent *à la fin*. Il semble indiquer la langue frisienne ou la langue anglaise ancienne, parlée par les descendants des Frisii — peuple allié avec les Angli et les Varini, comme l'a

démontré Mr. Hyde Clarc; le rapport des deux patois est attesté aujourd'hui par le proverbe frisien:

«Beer, butter, bread, cheese
Very good english—very good frise».

Comparons alors les mots qu'il appelle gothiques, tirés par l'ambassadeur de la bouche de son interlocuteur et, par conséquent, sans aucune exactitude orthographique, avec les mots correspondants de la langue flamande et de la langue ancienne anglaise: en tenant à la main la clef dont il nous a muni, nous tâcherons d'ouvrir d'autres tiroirs encore. La liste des mots flamands se trouve dans un article appelé: *Les voyageurs Belges* II p. 30, écrit par le Baron de Saint-Génois, cité par messieurs Foster et Daniel «Life and letters of O. G. de Busbecq» vol. 1, pp. 357, 358, et celle des mots anglais ou anglo-saxons dans les dictionnaires de Jamieson, *Scottish Language* et de Richardson *Engl. Language* et dans le glossaire de Richard Verstegan publié à Londres 1655, intitulé *A Restitution of decayed intelligence* et celui de Morris.

R.=Richardson. V.=Verstegan. J.=Jamieson. M.=Morris.

Criméen	*Flamand*	*Anglais ancien.*		*Criméen*	*Flamand*	*Anglais ancien.*	
Broe	Brood	Breod	V	Mine	Maen	Mona	R
Plut	Bloed	Blod	R	Tag	Dag	Dæg	R
Stul	Stole	Stole	R	Oeghene	Oogen	Eyghen	M
Hus	Huys	Hus	R	Bars	Baert	Bærd	M
Wingart	Wijngaert	Wingeard	V	Handa	Hand	Hand	M
Reghen	Regen	Reyne	R	Boga	Bogen	Bygan	R
Bruder	Broeder	Brodir	J	Miera	Mier	Oemett	R
		Brother	R				
Schwester	Zuster	Sweoster	R	Rinck, Ringo	Ring	Hrineg	R
Alt	Oud	Eald	R	Brunna	Bron	Burn	R
Wintch	Wind	Wind	R	Waghen	Wagen	Waegen	R
Silvir	Zilver	Seolfer	R	Apel	Appel	Æppel	R
Goltz	Goud	Goud	R	Schieten	Schieten	Scedan	R
Kor	Koren	Corn	R	Schlipen	Slapen	Slapan	R
Salt	Zout	Salt		Kommen	Komen	Coman	R
Fisct	Visch	Fisc	R	Singhen	Zingen	Singan	R
Hoef	Hoofd	Heafod	R	Lachen	Lachen	Hlihan	R
		Hoofod	R				
		Heafd	R	Criten	Kryten	Grætan	R
Thurn	Deure	Duru	R	Geen	Gaen	Gan	R
Stern	Star	Steorra	R	Breen	Braen	Bernan	R
Sune	Zon	Sunne	R	Schwalch	.....	Swelt	V

On remarque que la prononciation des Criméens et celle des Anglais s'accordent par une douceur qui ne se trouve pas dans celle des Flamands — les S se contrastent avec le Z et le F avec le V et que le «Schwalch» des Criméens ne se retrouve que chez les Anglais sous une forme analogue.

Il ne s'agit pas ici d'examiner les autres mots employés par cette tribu de la Crimée, qui ne s'accordaient pas du tout avec les dialectes germaniques—des mots persans, slaves, hébraïques, quoiqu'on oserait, peut-être, en regardant la liste des paroles étrangères, y entrevoir quelques traces de l'une ou de l'autre langue du Nord. Mais il est à propos de jeter un coup d'oeil sur la chanson de ces guerriers, dont l'ambassadeur d'Allemagne nous a transmis le commencement.

[1] Wara, waraing [2] dol ou
[3] Scut e gira [4] Galz [5] u
[6] Hoem [7] is clep[t] [8] dorbiza ea.

En attendant toujours une interprétation plus vraisemblable, nous en soumettons la suivante.

1 *Wara: waraing,*
Ouara, oura. Hurrahing
= criant *Hurrah* = acclamation ancienne des Norses usitée aujourd'hui chez les Russes et les Anglais
= Viva, Ζήτω
2 *dol ou* = tell how = *dites comment*
3 *Scut e gira* = *scot e geer* = (notre) *solde et* (notre) *armure*
4 *Galz*-ou Goltz = are golden = *sont d'or*
5 *u* = how = *comment*
6 *Hoem* = Home = (notre) *demeure*
7 *is clept* = is called = *s'appelle.*
8 *Dorbiza ea=la Chersonèse Taurique*=Dorbiza—par transposition de *r* et *b* pour *Taurica, ea—Chersonèse* (génér. île—νῆσος, Πελοπόννησος; ainsi Jers—*ey*, Guerns-ey, Aldern-*ey*).

Nous entendons, à ce qu'il nous semble, une chanson des Varègues se louant de leur sort amélioré sous les empereurs byzantins, contents toujours de leur pays adoptif. Est-ce que quelques cohortes en étaient stationnées dans la Crimée? est-ce que «*Chevetot*», ville trans-byzantine que, selon Ordericus Vitalis, l'empereur faisait construire pour les *Anglais*, était anciennement Tchivarin que Busbecq appelle une des villes principales de cette tribu--Tcivarin—*civitas Varinorum*? Ordericus parle de ces compatriotes *anglais* parmi les troupes d'Alexius.

«*Augustus Alexius urbem quae Chevetot dicitur Anglis ultra Byzantium coepit condere*». Codinus déclare au XV siècle que la garde impériale prononçait leur salutation dans la langue *anglaise*—leur langue *nationale:*

«Ἔπειτα ἔρχονται καὶ πολυχρονίζουσιν καὶ οἱ Βάραγγοι κατὰ τὴν πάτριον καὶ οὗτοι γλῶσσαν αὐτῶν, ἤγουν ἰγκλινιστί, τὰς πελέκεις αὐτῶν συγκρούοντες κτύπον ἀποτελοῦνται» (voir *Codini Curopalatae*, de officialibus Palatii C—politani et de officiis Magnae Ecclesiae liber, ex recognitione Immanuelis Bekkeri—Bonnae 1839, Κεφάλαιον Ζ', περὶ τῆς τοῦ Βασιλέως τραπέζης).

On ne peut guère douter que des Anglais de la garde impériale des Varègues ne se trouvaient dans les forteresses de la Crimée.

A Kertch on a découvert dans les catacombes quelques grains de collier anglo-saxons et des ornements en bronze précisément tels que l'on rencontre dans les cimetières anglo-saxons en Angleterre—«on ne saurait expliquer la présence de ces souvenirs qu'en supposant qu'ils sont des vestiges de la garde varangienne des empereurs byzantins: l'origine anglaise de plusieurs de ces guerriers est attestée par Ordericus et par d'autres écrivains» (voir *Illustrated London News* Jan: 3, 1857).

On se demande, quand les Ottomans s'emparèrent de Constantinople, *qu'étaient devenus les Varègues?* Sans répondre trop hardiment à cette question, on oserait supposer que des descendans de ces soldats se présentaient un siècle après à l'ambassadeur de l'empereur d'Allemagne.

C. G. Cutis.

Успеніе Богородицы въ легендѣ и въ искусствѣ.

А. И. Кирпичникова.

Предлагаемый рефератъ есть одна глава изъ давно задуманной работы: «Житіе Богородицы въ поэзіи и искусствѣ», для которой я собираю матеріалъ уже около 5 лѣтъ. На недостатокъ послѣдняго я никакъ не могу пожаловаться; напротивъ того: его богатство и разнообразіе грозитъ подавить изслѣдователя, который послѣ нѣсколькихъ лѣтъ работы можетъ оказаться не въ состояніи свести концы съ концами. Одинъ изъ писавшихъ приблизительно о томъ же предметѣ, авторъ 2-хъ томовъ in 4° Рого де Флери [1]) увѣряетъ, будто онъ имѣетъ до 40,000 предшественниковъ. Положимъ, что самую цыфру эту слѣдуетъ принимать cum grano salis; положимъ, что девять десятыхъ авторовъ, писавшихъ о Богородицѣ, окажутся совершенно ненужными для современнаго изслѣдователя, который къ тому-же ограничиваетъ себя археологической и историко-литературной стороною вопроса; все же останется очень почтенное число пособій, а объ источникахъ уже и говорить нечего. Къ тому-же пособія эти, за немногими исключеніями, далеко не такъ составлены, чтобы можно было пользоваться ими съ спокойнымъ довѣріемъ къ ихъ научной компетентности. Наконецъ, относительно древне-русской литературы и особенно искусства изслѣдователь почти исключительно предоставленъ самому себѣ. Эти трудности до извѣстной степени могутъ оправдать неполноту и незакопченность представляемаго мною очерка.

Праздникъ Успенія, называемый такъ по буквальному переводу съ греческаго (κοίμησις), а по-латыни уже около тысячи лѣтъ носящій названіе другаго, высшаго знаменованія (assumptio) [2]), установленъ, по словамъ Никифора

---

[1]) Rohault de Fleury: La Sainte Vierge, études iconographiques et archéologiques. Paris.

[2]) Въ Словѣ Іоанна Эвхаитскаго (см. Sylloge etc. Ballerini II, 551) мы находимъ цѣлый рядъ синонимовъ для означенія того-же: Μητρὸς Θεοῦ κοίμησιν (dormitionem) ἑορτάζομεν σήμερον, μητρὸς Θεοῦ κατάπαυσιν (depositionem), μητρὸς Θεοῦ μετάστασιν, ἀνάβασιν, ἔπαρσιν и пр.

Каллиста [3]), императоромъ Маврикіемъ (582—602 г.); но на западѣ онъ не былъ распространенъ повсемѣстно даже при Карлѣ Великомъ [4]), судя по яснымъ словамъ его капитулярія. Установленіе этого праздника имѣло историко-догматическую и литературную основы; первой служили ереси, ограничивавшія божественность Христа, и въ особенности несторіанство, давшее самый сильный толчекъ почитанію Богоматери. Литературною основою служило сказаніе, возникшее, какъ полагаютъ, въ III—IV вѣкахъ и соединявшее, по увѣренію знатоковъ дѣла (напр. Смита и Чизама), преданія гностиковъ и коллиридіанъ. Считается общепризнаннымъ, что сказаніе рано разбилось на двѣ главныя редакціи, изъ которыхъ одна излагаетъ факты отъ Іоанна Богослова, бывшаго свидѣтелемъ и участникомъ событія; другая приписывается Мелитону, Сардійскому епископу II вѣка.

Вотъ вкратцѣ содержаніе первой, напечатанной у Тишендорфа [5]).

Богоматерь, по вознесеніи Спасителя, ходила молиться къ Его гробу; жиды жаловались на это первосвященникамъ, но по изслѣдованіи оказалось, что стражи не видали ничего подобнаго. Тамъ-же, на гробѣ Господнемъ, однажды въ пятницу явился Маріи Гавріилъ и объявилъ Ей о скоромъ успеніи. Богоматерь вернулась въ Виѳлеемъ, позвала 3-хъ дѣвъ, всегда служившихъ Ей, велѣла имъ принести куренія и обратилась съ молитвою къ Господу, чтобы Онъ послалъ Ей Іоанна на Ея утѣшеніе, а также и другихъ апостоловъ, какъ живыхъ, такъ и отошедшихъ уже въ вѣчность. Молитва Ея была услышана: Іоаннъ былъ принесенъ на облакѣ изъ Эфеса [6]). Въ его присутствіи Богоматерь обращается къ Богу съ другой молитвой, чтобы Христосъ пришелъ къ Ней въ моментъ Ея успенія со своими ангелами, и жалуется Іоанну, что жиды собираются сжечь Ея тѣло [7]). Іоаннъ утѣшаетъ Ее увѣреніемъ, что тѣло Ея не увидитъ тлѣнія; голосъ съ неба подтверждаетъ его слова, а Св. Духъ предупреждаетъ его о предстоящемъ появленіи его собратій апостоловъ. Затѣмъ

---

[3]) Hist. eccl. XVII, c. 28. По изд. Migne t. CXLVII, стр. 291.

[4]) De Assumptione S. Mariae interrogandum relinquimus.

[5]) Apocalypses apocryphae etc. Lips. MDCCCLXVI стр. 95—112. Прежде того она была напечатана по 2-мъ спискамъ въ книгѣ: Beiträge zur Geschichte und Literatur vorzüglich aus den Schätzen der pfalzbaierisch Centralbibliothek zu München 1805 v, 629 и слѣд. Ср. Lambetius VIII, 283—410.

[6]) Εὐχομένης δὲ αὐτῆς παρεγενόμην ἐγὼ Ἰωάννης (стр. 97). Уже въ концѣ II вѣка Іоаннъ—апостолъ Малой Азіи, и мѣсто успенія его—Эфесъ. См. Lipsius: Apocr. Apostelgesch 1883. I, 348.

[7]) Забѣжавшія впередъ этого объявленія слова ап. Іоанна: καὶ πτοηθῶσιν οἱ σταυρώσαντές σε и пр. (стр. 98), конечно, вписены однимъ изъ неискусныхъ распространителей легенды. Также испорчена и молитва Богоматери, гдѣ аористъ ἐπληρώθη совсѣмъ неумѣстенъ.

приносятся на облакахъ Петръ изъ Рима, Павелъ изъ Тиверіи [8]), Ѳома изъ внутренней Индіи, Іаковъ изъ Іерусалима. Андрея, Филиппа, Луку, Симона (Ѳаддея) Св. Духъ пробудилъ изъ гробовъ, предупредивъ ихъ, чтобы они не считали этого за окончательное воскресеніе [9]); они всѣ въ одно время явились къ Богоматери и разсказали, какъ и откуда прибыли въ Виѳлеемъ. Слыша это, Богоматерь вознесла благодарственную молитву къ Богу. Внезапно съ небеси раздался громъ, и явились ангельскія силы, которыя и окружили домъ. Эти чудеса видѣли люди виѳлеемскіе и пошли разсказать о томъ въ Іерусалимъ; какъ изъ Виѳлеема, такъ и изъ Іерусалима приходили многіе больные и недужные и излѣчивались отъ своихъ болѣзней, если обращались съ молитвою къ Богоматери [10]). Тогда священники сотворили совѣтъ и рѣшили пойти противъ Маріи и апостоловъ въ Виѳлеемъ; но толпа жидовъ, ими посланная, не доходя милю до города, была поражена видѣніемъ, сковавшимъ ихъ ноги. Тогда архіереи обратились съ жалобою къ префекту (игемону) [11]), требуя именемъ императора Тиверія, чтобы онъ выгналъ апостоловъ изъ Виѳлеема, и тотъ долженъ былъ послать для этого своего хиліарха. Но Св. Духъ предупредилъ апостоловъ и въ облакѣ вмѣстѣ съ одромъ Богоматери перенесъ ихъ въ Іерусалимъ, въ домъ Маріи, гдѣ они въ продолженіи пяти дней пѣли похвалы Господу; хиліархъ же, прибывъ въ Виѳлеемъ, напрасно искалъ ихъ тамъ. Толпа жидовъ іерусалимскихъ захотѣла сжечь домъ Маріи; но ангелъ обратилъ на нихъ силу огня; тогда многіе изъ жидовъ и префектъ повѣрили во Христа. Св. Духъ объявилъ апостоламъ, что соотвѣтственно тому, какъ многія новозавѣтныя событія совершались въ воскресенье, въ воскресенье-же придетъ Христосъ, чтобы прославить и освободить Пречистую Матерь. Въ воскресенье, дѣйствительно, пришелъ Христосъ, сидя на тронѣ херувимскомъ [12]), воззвалъ къ Своей Матери и сказалъ Ей, что Ея пречистое тѣло будетъ въ раю, а душа—на небѣ. Богоматерь обратилась къ Нему съ просьбой, чтобы Онъ благословилъ Ее, а апостолы молили Богоматерь о благословеніи міру. Слѣдуетъ долгая молитва Богородицы къ Іисусу, въ которой Она проситъ оказывать милость всякому, кто призоветъ Ея имя [13]). Тогда Господь, по изъявленіи со-

---

[8]) ἐκ Τιβεριῶν.

[9]) Слова: Μάρκος δὲ περιών и пр., очевидно, также вставка одного изъ переписчиковъ. Всѣ послѣдующіе разсказы апостоловъ есть позднѣйшее распространеніе; говорящими являются Маркъ, Матѳей и Варѳоломей, которые не упоминались выше.

[10]) Ἐγένετο δὲ τῆς φωνῆς (стр. 103) и пр. до слова: ἐθεώρησα — явная вставка. См. наше Приложеніе.

[11]) Въ немъ нельзя не видѣть подражанія Пилату.

[12]) Καθήμενος ἐπὶ θρόνου Χερουβίμ и слѣд.—очевидная глосса. См. Приложеніе.

[13]) Здѣсь очевидное распространеніе Ея краткой молитвы, предшествующей просьбѣ апостоловъ.

гласія на Ея просьбу, велѣлъ Петру начинать похвальную пѣснь; лицо Богоматери освѣтилось; Она благословила апостоловъ, и Христосъ принялъ Ея пречистую душу на Свои честныя руки; въ этотъ моментъ храмина наполнилась неизреченнымъ благоуханіемъ и свѣтомъ; съ неба услышанъ гласъ: благословенна Ты въ жепахъ; Петръ, Іоаннъ, Павелъ и Ѳома обняли ноги усопшей [14]), послѣ чего 12 апостоловъ понесли Ея тѣло. Тогда одинъ сильный еврей, по имени Ефоній [15]), наложилъ свою руку на одръ, но ангелъ Божій огненнымъ мечемъ отрубилъ обѣ его руки, и онѣ остались висѣть на воздухѣ при одрѣ. По повелѣнію Петра [16]) несчастный Ефоній взмолился Богоматери, и руки его вновь прилѣпились къ его тѣлу. Апостолы отнесли тѣло Богородицы въ Геѳсиманію и положили его въ новый гробъ. Три дня было слышно пѣніе ангеловъ, а потомъ оно прекратилось, и отсюда узнали всѣ, что тѣло Богородицы перенесено въ рай [17]); и увидали мы, говоритъ авторъ, выдающій себя за апостола Іоанна, какъ Елизавета, Анна, Авраамъ, Исаакъ, Іаковъ и Давидъ и всѣ лики святыхъ поклонились Ея пречистому тѣлу, и мы апостолы, видѣвшіе это вознесеніе, восхвалили Бога [18]).

Сказаніе Мелитоново значительно короче; оно дошло до насъ въ латинскомъ переводѣ и напечатано въ Bibliotheca Patrum Maxima II, 2, 212; а позднѣе у Тишендорфа (l. c. стр. 124—136). Оно начинается ссылкою на «нѣкоего Левкія» [19]), который дурно разсказалъ объ этомъ событіи, и на ап. Іоанна, устному разсказу котораго слѣдуетъ авторъ.

По вознесеніи Господа Богоматерь жила въ домѣ Іоанна, которому Христосъ еще съ крестнаго древа поручилъ заботу о Ней; когда апостолъ уходилъ на проповѣдь, Она жила въ домѣ родителей его, около горы Оливской. На 22-мъ году послѣ вознесенія [20]) къ Ней является ангелъ, извѣщаетъ Ее, что Она умретъ черезъ три дня, и подаетъ Ей вѣтвь пальмы изъ рая, которая должна охранить Ея тѣло отъ жидовъ. Богоматерь проситъ ангела собрать

---

[14]) Вставка. См. Приложеніе.

[15]) Ἰεφωνίας, вар. Ἰοφωνίας, Ἰοφονίας.

[16]) Здѣсь пропущено моленіе Ефонія къ Петру. См. Приложеніе.

[17]) Здѣсь есть важный варьянтъ: ἐν τῷ ἐξέρχεσθαι τοὺς ἀποστόλους ἐκ τῆς πόλεως Ἱεροσολύμων βαστάζοντας τὴν κλίνην ἄφνω δώδεκα νεφέλαι φωτὸς ἁφήρπασαν τοὺς ἀποστόλους σὺν τῷ σώματι τῆς δεσποίνης ἡμῶν καὶ ἐν τῷ παραδείσῳ μετατέθηκαν (стр. 111 прим.).

[18]) Это позднѣйшая прибавка, которой мы не находимъ даже въ одной изъ рукописей Тишендорфова текста (B), гдѣ вмѣсто этого видѣнія стоятъ слова: καὶ ἐνδοξάσαμεν πάντες τὸν θεὸν· ᾧ ἡ δόξα и пр.

[19]) По одной видѣнной мною рукописи (библ. Св. Марка IX, 27 in F. XIV в.) *Seleutius*.

[20]) Вар. secundo itaque anno.

апостоловъ и избавить душу Ея отъ власти сатаны. По удаленіи благовѣстителя Богоматерь одѣвается въ лучшія одежды свои и возноситъ благодарственную молитву къ Богу. Облако приноситъ Іоанна изъ Эфеса; Богоматерь показываетъ ему пальму и свои погребальныя ризы и говоритъ о намѣреніи жидовъ уничтожить Ея тѣло. Іоаннъ сомнѣвается, какъ онъ одинъ съумѣетъ защитить Богоматерь, но въ это время чудеснымъ образомъ на облакѣ собираются сюда-же всѣ апостолы [25]). Узнавъ о цѣли своего прибытія, они утѣшаютъ Богоматерь и вмѣстѣ съ Нею пребываютъ въ молитвѣ. На третій день около третьяго часу, когда всѣ бывшіе въ домѣ, кромѣ апостоловъ и 3-хъ дѣвицъ, заснули, нисходитъ съ неба Христосъ съ ангелами; Богоматерь молитъ Его освободить Ея душу отъ демоновъ; Господь говоритъ Ей, что Она увидитъ сатанинскаго ангела, какъ и всѣ люди, но онъ не будетъ имѣть надъ Ней никакой власти [22]). Возблагодаривъ Бога, Марія испустила духъ, и апостолы увидали душу Ея, блестѣвшую бѣлизной необыкновенной. Тогда Христосъ велитъ ап. Петру отнести Ея тѣло въ гробницу на востокъ отъ города, а душу Богоматери вручаетъ арх. Михаилу. Три дѣвы обмываютъ тѣло Богоматери, которое поражаетъ ихъ своимъ блескомъ. Апостолы Петръ и Павелъ [23]) несутъ гробъ; Іоаннъ, какъ дѣвственникъ [24]), идетъ впереди съ пальмою, при чемъ всѣ поютъ: «Во исходѣ Израилевѣ изъ Египта»; облака окружаютъ всю процессію. Жиды собираются въ числѣ 15,000 человѣкъ; одинъ первосвященникъ хочетъ столкнуть катафалкъ (feretrum), но руки его высыхаютъ и приростаютъ ко гробу, а жиды слѣпнутъ. Первосвященникъ напоминаетъ Петру, какъ онъ не выдалъ его служанкѣ, когда тотъ отрекался отъ Христа, и проситъ помочь ему; Петръ исцѣляетъ его [25]) и даетъ ему пальму, чтобы онъ исцѣлилъ ослѣпшихъ. Тѣло Богоматери относятъ въ долину Іосафатову и погребаютъ въ новомъ склепѣ [26]). Является Христосъ и спрашиваетъ апостоловъ, какъ Ему почтить Свою Мать? Апостолы

---

[21]) По вар. здѣсь вставлено благочестивое пререканіе (pia contentio) между Петромъ и Павломъ (Tisch. 127 Прим.).

[22]) Замѣчательно сильна по этой ред. власть демоновъ: princeps tenebrarum является и къ Христу распятому; «sed dum nullum *sui* in me *operis* vestigium invenire praevaluit, victus et conculcatus abscessit»; очевидна связь этой редакціи съ одною изъ двоевѣрныхъ ересей: ср. извѣстное богомильское преданіе о сотвореніи человѣка Богомъ и дьяволомъ.

[23]) Павелъ, по всей вѣроятности, вставленъ поздно: онъ поминается въ меньшемъ числѣ рукописей.

[24]) О дѣвствѣ Іоанна см. Lipsius l. c.

[25]) Исцѣленіе происходитъ въ два пріема: по слову Петра руки первосвященника отдѣлились отъ катафалка, но еще были сухи; онѣ выздоровѣли, когда онъ приложился къ одру Богоматери.

[26]) In monumento novo. Ср. въ Псевдоіоанновой ред. по рп. C: ἐν μνημείῳ καινῳ

говорятъ, что достойно воскресить Ея тѣло. Тогда арх. Михаилъ приноситъ душу Маріи, а Гавріилъ отнимаетъ камень отъ гроба. Богоматерь, воскресши, возносится въ рай, а апостолы, получивъ отъ Христа цѣлованіе, на облакахъ разносятся туда, откуда были собраны.

Таковы двѣ считающіяся основными редакціи многовліятельной легенды объ успеніи Богоматери. Ни одну изъ нихъ мы не рѣшимся назвать начальной, по крайней мѣрѣ въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ дошли до насъ; напротивъ, каждая изъ нихъ довольно явно выдаетъ нѣкоторыя свои позднѣйшія прибавки. Такъ какъ ни одну изъ нихъ мы не можемъ считать источникомъ другой, то сравненіе ихъ можетъ съ значительной вѣроятностью опредѣлить тѣ черты, которыя заключались въ ихъ общемъ источникѣ, могущемъ претендовать на названіе дѣйствительно основной легенды. Вотъ какія черты у нихъ оказываются общими.

Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ вознесенія Іисуса Христа Богоматерь черезъ архангела получаетъ увѣдомленіе о близкой своей кончинѣ, которое Она пріемлетъ съ радостію. Кончина обѣщана Ей на 3-й день [27]).

Богоматерь молитъ Господа собрать къ Ней апостоловъ, и тѣ являются немедленно, несомые облаками; первымъ приходитъ Іоаннъ Богословъ, за нимъ остальные.

Въ назначенный день Іисусъ Христосъ нисходитъ съ неба, чтобы принять душу Богоматери, и возноситъ Ее съ Собою на небеса.

Апостолы, и во главѣ ихъ Петръ, несутъ тѣло Богоматери на мѣсто погребенія, въ Іосафатову долину, въ Геесиманію. Въ это времо одинъ изъ іудеевъ попытался оскорбить св. тѣло, но былъ наказанъ за это потерею рукъ (другіе христоненавистники были наказаны другимъ образомъ); по молитвѣ Петра употребленіе рукъ было возвращено ему, и онъ увѣровалъ во Христа и Богоматерь. Тѣло Богоматери, по волѣ Господа Іисуса Христа, было взято съ земли на небо.

Изъ мелкихъ чертъ отмѣтимъ 3-хъ дѣвъ, которыя прислуживаютъ Маріи; онѣ не имѣютъ видной роли, но упоминаются въ той и другой редакціи (въ первой въ началѣ, въ 2-ой во главѣ X).

Что же касается до отличій, то интереснѣйшими мы считаемъ слѣдующія:

Въ текстѣ Іоанна (будемъ его означать буквою A) предвѣстію кончины

---

[27]) Въ вышеизложенномъ греческомъ текстѣ, вслѣдствіе многихъ осложненій разсказа, кончина отодвинута отъ появленія ангела на большее количество дней, но общая всѣмъ текстамъ фраза: παρασκευῆς οὔσης (Tisch. 96), сопоставленная съ рѣчью св. Духа о значеніи воскресенья (стр. 107) и съ словами: εἰς τὴν αὐτὴν κυριακήν и пр. (ibid.), указываетъ несомнѣнно на то, что и здѣсь были первоначально тотъ-же dies tertia.

Богоматери предшествуютъ столкновенія съ іудеями, чего не знаетъ В (такъ называемая Мелитонова редакція) [28]).

Въ текстѣ В играетъ видную роль пальмовая вѣтвь, принесенная Богоматери благовѣстникомъ, которой не знаетъ А.

Въ А собираются и живые и умершіе апостолы, въ В—только живые.

Въ В Богоматерь выказываетъ страхъ передъ сатаною, отъ лицезрѣнія котораго Ее не можетъ спасти даже Ея Божественный Сынъ; о такой власти сатаны ничего не знаетъ А.

В ничего не знаетъ о перенесеніи одра Богоматери изъ Виѳлеема въ Іерусалимъ, о чудесахъ, при этомъ бывшихъ, о борьбѣ игемона съ партіею первосвященниковъ и о послѣдней молитвѣ Богоматери за христіанъ, почитающихъ имя Ее.

Въ А покушеніе на тѣло Богоматери дѣлаетъ Ефоній, въ В—первосвященникъ, знавшій прежде ап. Петра.

Въ А нѣтъ вторичнаго явленія Христа при гробѣ Богоматери и описанія воскресенія тѣла Ея.

Текстъ А извѣстенъ намъ кромѣ греческаго и вытекающихъ изъ него славянскихъ и латинскихъ, въ нѣсколькихъ восточныхъ пересказахъ, которые, какъ видно по выпискамъ Тишендорфа (XXXVI прим.), отступаетъ отъ него только въ подробностяхъ и мѣстами распространяютъ его, но остаются вѣрными его общему плану и характернымъ чертамъ. Исключеніе составляетъ только Сагидскій (Коптскій) текстъ, который, по нашему мнѣнію, слѣдуетъ совсѣмъ иной редакціи, очень краткой и не имѣющей въ себѣ основнаго чуда —явленія апостоловъ на облакахъ [29]).

Тишендорфъ (стр. XXXIX) относитъ къ той-же ред. А легенду, которой пользовался Іоаннъ еп. Ѳессалоникійскій (кон. VII в., авторъ гомилій и гимна въ честь Димитрія Солунскаго); но едва-ли возможно согласиться съ нимъ, даже имѣя въ виду его выписки: Въ этой легендѣ играетъ видную роль вѣтвь райской пальмы (τὸ βραβεῖον, собств. награда), которую приноситъ Богоматери неназванный ангелъ; этой вѣтви нѣтъ въ А, но она много разъ упоминается

---

[28]) Есть очень любопытное указаніе на историческую основу какъ этихъ столкновеній, такъ и общаго объемъ редакціямъ нападенія іудеевъ на тѣло Богоматери, указаніе, котораго я, къ сожалѣнію, не могъ провѣрить: аббатъ Орсини въ своей книгѣ: Histoire du culte de la Vierge (Paris 1847 стр. 18) ссылается на еврейскую книгу *Toldos*, въ которой разсказывается, что христіане, выстроивше часовню на могилѣ матери Іисуса, подверглись преслѣдованію отъ князей синагоги, при чемъ погибло до ста родственниковъ и сторонниковъ Іисуса.

[29]) См. Tischend. Prol. XXXVII прим. Въ ней при успеніи Богоматери присутствуютъ только Іоаннъ, Петръ и Іаковъ; между дѣвами Богородицы поминается Марія Магдалина. Молитва Богоматери сближаетъ ее съ ред. В.

въ В; кромѣ того, пѣснь Петра: ἐξῆλθεν Ἰσραὴλ ἐξ αἰγύπτου (Exiit Israel de Aegypto) есть въ В и отсутствуетъ въ А. Правда, здѣсь напр., какъ и въ А, апостолы спрашиваютъ Іоанна, откуда сила небесная принесла его; это есть въ А, но отсутствуетъ въ В. Но ап. Іоаннъ, отвѣчая имъ, называетъ мѣстомъ своего пребыванія городъ Сарды, которыхъ не знаетъ А.

Изъ другой ред. того-же слова Іоанна Ѳессалоникійскаго, которая приписываетъ его, для авторитетности, Іоанну Богослову, оказывается, что между апостолами Петромъ и Павломъ происходило при успеніи Богоматери состязаніе въ смиреніи, чего мы не встрѣчаемъ въ А, но находимъ въ нѣкоторыхъ спискахъ В [30]).

Уже по этимъ даннымъ очевидно, что Іоаннъ Ѳессалоникійскій имѣлъ передъ собою ни А и ни В, а особый текстъ, имѣющій общія черты и съ тѣмъ и съ другимъ, но представляющій редакцію самостоятельную.

Этотъ текстъ подъ тѣмъ-же заглавіемъ «Слова Іоанна архіеп. Селуньскаго» встрѣтился намъ въ славянскомъ переводѣ въ 2-хъ сборникахъ, принадлежащихъ Обществу Любителей Древнерусской Письменности (№ CXL и № XXXVII); оба списка поздніе (XVI—XVII в.) и не особенно исправные [31]). Мы сочли излишнимъ печатать его цѣликомъ, но въ виду его важности для славянскихъ редакцій Успенія и русской иконописи полагаемъ необходимымъ изложить его содержаніе и привести его начало и конецъ.

Мѣсяца Августа въ 15 день слово Іоанна архіепископа Селуньскаго о преставленіи святыя владычице нашеи Богородице и приснодѣвы Мр҃іа. благослови отче.

Егда пріиде время изыти отъ тѣла пречистей Богородици и пріиде к неи великіи аггелъ и рече ей: Маріе! пріими сіе вравіе въставши еже ми дасть насадивыи раи и даждь е апостоломъ да еже дрѣжащи поютъ предъ тобою, по трехъ бо днехъ изыдеши отъ тѣла. Се бо вса апостолы послю къ тебѣ и тіи погребуть тѧ и славу твою узрѧтъ о тебѣ дондеже принесутъ тѧ на мѣсто твое. И отвѣщавши Маріа и рече къ аггелу глаголющи: почто се едино принеслъ еси и не принесе по единому кождо вравіа? вдану бо сему единому, друзіи възнегодуютъ, и что есть еже хощу творити или како есть има твое, да аще въпросѧтъ мѧ и реку? И рече къ неи аггелъ: что ты

[30]) См. Tischendorf стр. XL—XLI. Указанная имъ далѣе Парижская редакція (№ 1504) присоединяетъ къ тексту Іоанна Ѳессалоникійскаго окончаніе, явно заимствованное изъ В. Еще указаніе на Слово того-же Іоанна см. у Минья при Андреѣ Критскомъ (т. 97, стр. 1102 прим.).

[31]) Болѣе исправный текстъ этой ред. находится въ Макарьевскихъ Минеяхъ, въ Синодальной библіотекѣ въ Москвѣ (см. Августъ, листъ 143), но я успѣлъ воспользоваться только началомъ его. То-же Слово находится въ рукописи, принадлежащей Троицкой Духовной Академіи подъ № 96, листы 466—486; ему предшествуетъ здѣсь редакція А (листы отъ 455—466).

имени моего хощеши (варьянтъ: *ищеши*)? Дивно бо есть слышати е. О вравіи не сумнисѧ, понеже многы силы будуть и нѣсть въ искушеніе всѣмъ невѣрующимъ являяся. Поиди убо на гору и покажу ти силу его. Тогда въставши Маріа и иде на гору Еліоньскую, преди свѣтлщу еи свѣту ангельскому, имущи въ руци вравіе. Егда же взыде на гору и възрадовася гора съ всѣми сады; абіе же сады пригибахуся. Егда же видѣ Маріе и смутися (вар. сматеся) мнѣвши яко Іисусъ есть и рече: кто ты еси, рци ми, понеже толикы силы быша тобою, яко вси садовѣ поклонишатися? Глаголю бо, яко никто же толикы силъ можетъ творити, токмо Господь славѣ, явль бо сѧ самои мнѣ. Тогда рече еи аггелъ: никтоже можеть знаменіи творити, аще не отъ руку его; того всѧ силы послушають. Азъ бо есмь душа смирающаяся предъ Господомь Богомъ пріемла и приносѧ въ мѣсто праведныхъ въ день вынь же исходить ис тѣлесе; и тебѣ исходящеи ис тѣла азъ же самъ пріиду къ тебѣ. Тогда глагола ему Маріа: кіимъ образомъ приходиши къ земленымъ и къ избранымъ? аще ли убо есть на мнѣ, что убо подобаетъ творити да впидеши и пріимеши мѧ? И глагола еи: что имаши милости егда посланъ буду к тобѣ (вар.: егда Господь к тобѣ пріидетъ), не азъ единъ пріиду к тобѣ, но вси вои аггелъ (в.: с нимъ) пріидуть и въспоють предъ тобою, имущи вравіе. И си рекъ к неи аггелъ бывъ (в.: и бысть) яко свѣтъ и взыде на небеса. Маріа же възвратися (в.: возрадовася иде) в домъ свои. Абіе домъ потресеся славы ради вравіа сущаго въ рущѣ еѧ. Потомъ же внидѣ въ хранильницу свою и положи вравіе въ плащаници. Тогда помолися глаголющи: услыши, Господи, молитву матере своеѧ Маріа и посли на мѧ твое благословеніе (в.: благоволеніе) да не едина же власть пріидеть на мѧ въ часъ онъ, но съвръши реченное тобою, егда плакахся предъ тобою: Господи, Господи, глаголющи, что сотворю, да мимо идуть благовѣстіа идущія по душу мою (в.: егда ми пріидетъ смерть, благовѣсти градущая по душю мою) и т. д.

Въ своей молитвѣ къ Христу Богоматерь вспоминаетъ о Его обѣщаніи придти самому за душою Ея и приказываетъ своей отроковицѣ собрать въ домъ Ея близкихъ Ей людей (ужики моѧ и знающаа мѧ). Она объявляетъ собравшимся о близкой своей кончинѣ и разъясняетъ имъ, что вмѣстѣ со смертію къ человѣку являются два ангела: единъ праведный и единъ неправедный, и если окажется, что дѣла человѣка были добрыя, душу его ангелы Божіи съ пѣснями ведутъ «до мѣста праведныхъ всѣхъ», въ противномъ случаѣ ею овладѣваетъ ангелъ лукавства.

Плачущихъ женъ Богородица успокоиваетъ обѣщаніемъ быть заступницей не только за нихъ, но и за весь міръ.

Въ это время дверь отворяется и входитъ апостолъ Іоаннъ. Богоматерь напоминаетъ ему, что Христосъ въ день вознесенія своего (въ день въ ньже взыде отъ насъ), поручилъ Ее ап. Іоанну, котораго Онъ возлюбилъ больше

всѣхъ. «Помни», продолжаетъ Богородица, «тебѣ реченную единному тайну възлежащу ти на персехъ его, ея же никтоже не вѣсть, токмо азъ и ты, яко ты еси дѣвственный избранъ и мене не восхотѣ оскорбити, понеже пресельница есмь его; рѣхъ бо ему: что рекъ Іоанну? и повелѣ ти и ты повѣда ми» (ниже разъяснено, какая тайна была извѣстна на землѣ только ап. Іоанну и Богоматери).

Іоаннъ оправдывается тѣмъ, что онъ для услугъ Богоматери оставилъ слугу своего, а самъ долженъ былъ уйти проповѣдывать слово Божіе. Вполнѣ извиняя его, Богоматерь проситъ, чтобы онъ съ другими апостолами охранялъ тѣло Ея отъ архіереевъ іудейскихъ, которые грозятъ сжечь его. Іоаннъ, узнавъ о близкой кончинѣ Богородицы, горько заплакалъ; Марія спѣшитъ успокоить его, поручаетъ ему раздать ризы Ея двумъ вдовицамъ и нести при погребеніи передъ одромъ Ея «вравіе», данное отъ ангела; отъ послѣдняго онъ отказывается, чтобы не обидѣть другихъ апостоловъ.

Въ это время раздается ударъ грома, и на облакахъ спускаются одиннадцать апостоловъ, въ томъ числѣ и Павелъ. Сошедши на землю, Петръ предлагаетъ Павлу произнести молитву отъ имени всѣхъ, но Павелъ отказывается, и всѣ апостолы радуются его смиренію [32]); Петръ произноситъ молитву. На встрѣчу имъ выходитъ Іоаннъ и послѣ цѣлованія разсказываетъ, что онъ былъ въ Сардахъ и училъ народъ, когда спустился облакъ и восхитилъ его. Онъ уговариваетъ апостоловъ не оплакивать кончины Богоматери: «Се убо есть, ему-же научи мя учитель, егда възлегохъ на перси его на вечери, и егда видѣвше народи плачюща ны, непьщуютъ въ срдцихъ своихъ глаголюще, яко убояшася и сіи смерти».

Апостолы входятъ въ домъ и на вопросъ Маріи говорятъ, кто откуда прибылъ. Марія восхваляетъ Господа и вспоминаетъ Его обѣщаніе прислать апостоловъ и придти самому въ моментъ Ея кончины.

Во второй день по явленіи ангела Петръ, утѣшая бодрствующихъ собратій своихъ, говоритъ имъ «слово» о значеніи смерти для христіанина. По повелѣнію гласа съ небеси, Петръ обращаетъ рѣчь свою къ дѣвамъ, восхваляя дѣвство, и разсказываетъ притчу о господинѣ и 2-хъ рабахъ, сосланныхъ въ отдаленную страну. Одинъ изъ нихъ построилъ себѣ домъ, насадилъ виноградъ и засѣялъ нивы; другой все, что пріобрѣталъ, обращалъ въ золото и изъ этого золота приготовилъ себѣ вѣнецъ. Когда окончился срокъ изгнанія, господинъ послалъ за рабами «посѣкателя етера», и первый рабъ проситъ посланнаго, потерпѣть пока онъ продастъ свои имѣнія, но тотъ не соглашается

---

[32]) Судя по тому, что здѣсь этотъ эпизодъ развитъ обстоятельно, а въ 2-хъ ркп. ред. В имѣетъ конспектообразную форму (см. Tisch. стр. 127 прим.), надо думать, что писецъ оригинала этихъ 2-хъ ркп. внесъ этотъ эпизодъ изъ ред., нами теперь излагаемой.

ждать; второй же рабъ, взявъ свой вѣнецъ, оказался вполнѣ готовымъ. Когда оба пришли къ господину, первый не могъ показать никакихъ плодовъ своего дѣланія и былъ наказанъ, а второй, предъявивъ вѣнецъ, получилъ награду. Господинъ есть Богъ, посѣкатель—смерть; первый изъ рабовъ—человѣкъ, пекущійся о благахъ міра, а второй—истинный христіанинъ [33]).

На третій день Богоматерь, помолившись, возлегла на одръ свой. Петръ сидѣлъ въ головахъ Ея, Іоаннъ—въ ногахъ, а прочіе апостолы кругомъ. Въ 3-й часъ раздался громъ и разнеслось благоуханіе, отъ котораго всѣхъ объялъ сонъ; остались бодрствующими только апостолы и 3 дѣвы. На облакахъ спускается Господь съ ангелами; Онъ входитъ въ храмину вмѣстѣ съ Михаиломъ. Богородица благодаритъ Его за исполненіе обѣщанія, а Христосъ, взявъ душу Ея, «вложи въ руцѣ Михаилу и обьвивъ (вар.: обложивъ) ю яко кожею, еѧже славы нѣсть повѣдати мощно. Мы же видѣхомъ Божіа матере Маріа *предаему душу въ руцѣ Михаилу*, исполнену всѣхъ удовъ человѣческыхъ, развѣ женьства и мужества, *ничему же иному сущу, токмо подобіе всѧка тѣлеси ни мужѫ ни жена* (вар.: этихъ словъ нѣтъ) и бѣлу седмицею паче солнца».

Ап. Петръ спрашиваетъ у Господа, чьи души бываютъ бѣлы, и въ отвѣтъ получаетъ, что безгрѣшныя души всѣ таковы [34]). Христосъ велитъ ему окутать тѣло Богоматери и отнести налѣво отъ города въ новый гробъ. Когда Христосъ говорилъ это, тѣло Богоматери возопило: «помани мѧ, Царю славы! помани мѧ, яко схранитъ преданное ми сокровище!» Христосъ обѣщаетъ тѣлу не оставить его и дѣлается невидимымъ.

Когда Іоаннъ отказался изъ скромности нести вравіе, его рѣшили положить на одръ. Петръ запѣваетъ: «Изыде Израиль изъ Египта, аллелуія», а

---

[33]) Нельзя не видѣть въ этой притчѣ сходства какъ относительно идеи, такъ и относительно ея выраженія съ знаменитымъ романомъ объ Варлаамѣ и Іоасафѣ, обработку котораго пріурочиваютъ обыкновенно къ тому же времени. Съ тѣмъ-же романомъ и съ 1-й гомиліей Андрея Критскаго на Успеніе (см. Migne XCVII, 1045 и слѣд.) нельзя не сопоставить «тайну» Іоанна о неоплакиваніи мертвыхъ. Эти сопоставленія съ одной стороны служатъ доказательствомъ (конечно, не безусловнымъ) принадлежности излагаемой легенды къ этой именно эпохѣ, а съ другой открываютъ нѣкоторые общіе «виды» на одинъ изъ интереснѣйшихъ періодовъ исторіи христіанскаго востока: такъ называемая ересь иконоборства, какъ и всякое общественное движеніе, слагалась, разумѣется, изъ многихъ элементовъ; между ними не послѣднее мѣсто занимала реакція противъ крайняго аскетизма, который находилъ себѣ энергичное выраженіе въ литературѣ какъ передъ иконоборствомъ, такъ и во время его. Побѣда православія, какъ это обыкновенно бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, умѣрила крайности обоихъ направленій.

[34]) Объ изображеніи душъ см. напр. Grimouard de S. Laurent Man. de l'art chr. 1878, стр. 269 и слѣд. Очерки Буслаева II, 143 и passim Ср. Cahier Nouv. Mélanges etc. стр. 161 и слѣд. Почтенный археологъ сравниваетъ изображеніе души Богоматери съ хвостомъ ящерицы: надо думать, что это просто небрежное написаніе фигуры спеленутаго ребенка.

Господь съ ангелами поютъ невидимо. Архіерей, видя движеніе въ народѣ, подстрекаемые сатаною, хотѣли убить апостоловъ и сжечь тѣло, но ангелы невидимо поразили ихъ, и они не знали, куда идти; одинъ же изъ архіереевъ [35]) задумалъ повергнуть одръ на землю, но руки его прилѣпились къ одру, будучи отсѣчены отъ локтей. Онъ умоляетъ апостоловъ сжалиться надъ нимъ. Петръ увѣщеваетъ его повѣрить во Христа; архіерей отвѣчаетъ: они и такъ знаютъ, что Онъ Сынъ Божій, но изъ расчета и эгоизма не хотѣли признавать этого открыто. Петръ приказываетъ ему облобызать тѣло Богородицы. Архіерей, исполнившись благочестивой ревности, три часа говорилъ объ Маріи и приводилъ о Ней пророческія реченія; послѣ этого онъ прилѣпилъ руки свои, и онѣ стали невредимы. По приказанію ап. Петра онъ беретъ «италію отъ вравіа» [36]) и излѣчиваетъ отъ слѣпоты пострадавшихъ, но теперь увѣровавшихъ во Христа іудеевъ. Между тѣмъ апостолы относятъ тѣло Богородицы въ Епсиманію въ новый гробъ и три дня остаются тамъ, оберегая его.

«И пребыша же на мѣстѣ томъ единодушно стрегуще *три дни и пребысть же ангельское пѣніе надъ гробомъ беспрестани* [37]); *апостоли же славящи Бога пребываху и понеже оставлъ бъ Фома, прійде же по сихъ и тій поклонитися и цѣловати пречистое тѣло и гробу отверзту бывшу и тѣло убо не обрѣтеся, преложи бо е сынъ и Богъ ея идѣже самъ вѣсть единъ, едины же понявы обрѣтошася гробныя* (вар.: курсивомъ напеч. словъ нѣтъ). Самъ же Господь нашъ Іисусъ Христосъ прослави пречистую свою матерь Богородицю Марію и вся славящая ю прославить и вѣрно творящая пречестную ея память честныхъ ея праздникъ и отъ всякихъ бѣдъ спасеть его. И слышавшая съ любовію исполнить благодати, *якоже домъ Онисифоровъ* (вар.: здѣ же благодати исполнитъ домъ Онисооровъ) и оставленіе грѣховъ пріимуть здѣ и въ будущемъ вѣцѣ, яко явися на земли (вар.: мати Божія явися) престолъ его херувимскый и небесный же и земный надѣжа и прибѣжище роду человѣческому, *да причастимся тайно пречистѣй ея памяти пречисты и присподьвы Маріа вѣрующе ей въ истинну и проповѣдающе благодать Христову во всѣмъ мірѣ, благопѣніе ея ослышить, а щедроты и милости и* (вар.: нѣтъ) человѣколюбіа сподобимся здѣ, а въ страшнѣмъ и трепетнемъ его предстоаніи, въ праведнемъ и нелицемѣрнемъ его судищи способимся вѣспріяти вѣчныхъ благъ, яко Богу и отцу есть всака дръжава съ единочадымъ сыномъ и съ свя-

---

[35]) Въ вар. онъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ называется Аѳонія.

[36]) Вар.: листъ; *италія* или *таліа* отъ θαλλός зеленая, особенно масличная вѣтвь? Въ сербскомъ лѣствичникѣ XV в., въ толкованіи неудобопознаваемыхъ рѣчей (см. Востоковъ, Опис. рук. стр. 267), *талие* толкуется—*прутіе финиково*.

[37]) Несомнѣнное указаніе на близкую связь съ ред. А.

тымъ духомъ и животворящая троица, яже есть Богъ нашъ, нынѣ и присно и въ вѣкы вѣкомъ, аминь».

Сличая этотъ текстъ съ изложенными выше, мы приходимъ къ заключенію, что имѣемъ въ немъ ред. B, осложненную довольно крупными вставками (важнѣйшія изъ нихъ: преклоненіе деревьевъ, тайна Іоанна и Богоматери и слово ап. Петра о дѣвствѣ и смерти съ притчею), но безъ многихъ эпизодовъ, встрѣчающихся во всѣхъ варьянтахъ B. Вопросъ въ томъ, выкинуты ли эти эпизоды Іоанномъ Солунскимъ или авторомъ приписаннаго ему слова, какъ бы онъ ни назывался [38]), или напротивъ того, они прибавлены въ дошедшей до насъ редакціи Псевдо-мелитона? Считая болѣе вѣроятнымъ послѣднее [39]), мы выдѣляемъ общія черты Мелитона и Іоанна Солунскаго.

1. Благовѣствуя о скоромъ успеніи, ангелъ передаетъ Богородицѣ пальмовую вѣтвь.

2. Являются ап. Іоаннъ, которому Богородица поручаетъ раздать Ея ризы вдовицамъ.

3. Являются на облакахъ остальные апостолы и привѣтствуютъ Богородицу.

4. На 3-й день и въ 3-й часъ всѣ присутствующіе поснули, кромѣ апостоловъ и 3-хъ дѣвъ. Является Христосъ, и душа Богородицы, переданная Имъ Михаилу, возносится къ небесамъ.

5. При погребеніи Петръ запѣваетъ: «Изыде Израиль изъ Египта». На процессію нападаетъ толпа іудеевъ и наказана слѣпотою. Архіерей, попытавшійся сбросить тѣло, лишился рукъ, которыя были возвращены ему послѣ его обращенія. Пальмою онъ излѣчиваетъ ослѣпшихъ.

6. Тѣло Богородицы не остается во гробѣ.

Стало быть, по сравненію съ общей схемой, изъ которой вышли и A и B, здѣсь окажутся двѣ лишнія характерныя черты: это *вравіе* съ райскаго дерева

---

[38]) Въ извѣстномъ Sylloge Ballerini напечатано Слово на Успеніе *Исидора* Ѳессалоникійскаго, въ которомъ съ VI главы идетъ разсказъ о событіи, несомнѣнно представляющій только варьянтъ вышеизложенной легенды. Только въ XXIX гл. упоминается иная легенда (что апостолы видѣли, какъ Богоматерь восходила на небо). О вставкѣ въ этомъ вар. см. ниже.

[39]) Вотъ главныя наши основанія:

1. В сохранилась только въ латинскомъ переводѣ.

2. Блескъ души Богородицы, число жидовъ, излѣченіе архіерея въ два пріема и пр. очевидныя вставки.

3. Явное вознесеніе тѣла — проявленіе наклонности латинскаго запада къ ясности и наглядности; оно, какъ будетъ доказано ниже, долго не признавалось не только на востокѣ, но и на западѣ.

4. Общій тонъ изложенія въ B указываетъ на свободный пересказъ оригинала, болѣе богатаго фактами и болѣе бѣднаго литературными украшеніями. Правда, Слова Андрея Критскаго (см. ниже) указываютъ на существованіе греческаго оригинала B въ VII столѣтіи, но данныя, въ нихъ заключающіяся, слишкомъ малочисленны, чтобы можно было получить ясное представленіе о составѣ этого оригинала.

и сонъ многихъ изъ присутствующихъ въ моментъ кончины Богородицы. Кромѣ того, здѣсь нѣтъ прямаго указанія на вознесеніе тѣла Богоматери на небо.

Что касается до отношенія А къ легендѣ Іоанна Солунскаго, послѣдняя подверглась только незначительнымъ изъ него вставкамъ.

Чтобы покончить съ редакціями легенды, извѣстными Тишендорфу, скажемъ о латинскомъ текстѣ, который онъ называетъ Transitus Mariae A [40]).

Въ немъ разсказъ начинается съ разговора Іисуса Христа и Богоматери, происходившаго еще до начала страстей Господнихъ: Богоматерь проситъ Своего Божественнаго Сына придти лично за Ея душою [41]); Христосъ обѣщаетъ исполнить Ея просьбу. За три дня до кончины къ Маріи является Гавріилъ и передаетъ Ей пальму отъ Христа. Здѣсь выступаетъ новое лице: Іосифъ Аримаѳейскій, который собираетъ всѣхъ учениковъ Христа и близкихъ къ Богоматери людей; упомянутыя и въ А и въ В 3 дѣвы, живущія при Богородицѣ, здѣсь носятъ имена: Sepphora, Abigea и Zaël (вар.: Zabel). Іоаннъ является изъ Эфеса, какъ въ А и В, и Богоматерь упрекаетъ его за неисполненіе повелѣнія Спасителя, какъ и въ легендѣ Іоанна Солунскаго [42]). Затѣмъ на облакахъ же приносятся и остальные апостолы, кромѣ Ѳомы, и на вопросъ Богоматери объясняютъ, откуда они явились [43]). Въ воскресенье (какъ въ А), въ 3-й часъ сошелъ Христосъ и взялъ на небо душу Богоматери. Во время процессіи на тѣло нападаютъ жиды, но поражены слѣпотою; *Рубена* [44]) хочетъ сбросить катафалкъ, но руки его приросли ко гробу, и онъ излѣчился только по молитвѣ апостоловъ. Когда они положили тѣло въ склепъ въ Іосафатовой долинѣ, ангелы взяли его на небо. Это видѣлъ съ горы Оливетской апостолъ Ѳома, перенесенный сюда изъ Индіи (какъ въ А) и вымолилъ у вознесящейся Богородицы поясъ, съ которымъ и пришелъ въ Іосафатову долину. Петръ сожалѣлъ о немъ, что онъ не присутствовалъ при погребеніи; Ѳома же выразилъ сомнѣніе, чтобы тѣло находилось во гробѣ; чтобы убѣдить невѣрующаго Ѳому, гробъ открыли, и тѣла не оказалось тамъ. Тогда Ѳома разсказалъ свое видѣніе и показалъ поясъ. Облака разнесли апостоловъ на ихъ мѣста.

Легенда кончается послѣсловіемъ автора: авторъ этотъ—будто-бы Іосифъ Аримаѳейскій, положившій тѣло Христа во гробъ и оберегавшій Богородицу послѣ вознесенія.

---

[40]) Tisch. o. c. 113—123. Изложенный имъ въ предисловіи (стр. XLIII—XLVI) текстъ Амброзіанскій есть поздняя и литературно обработанная ред. В.

[41]) Вар.— и предупредить ее за 3 дня до смерти.

[42]) Она вспоминаетъ о словахъ Спасителя и въ А и въ В, но въ болѣе мягкой формѣ.

[43]) Какъ въ А, но тамъ Петръ явился изъ Рима, а здѣсь изъ Антіохіи.

[44]) По вар.—писецъ изъ племени Данова.

Это редакція сравнительно изъ позднихъ, составленная какимъ-то западнымъ книжникомъ на основаніи краткаго пересказа ред. A или, вѣрнѣе, изъ свода изъ A и B съ нѣкоторыми весьма любопытными вставками, а именно: имена 3-хъ дѣвъ: Sephora, Abigea и Zaël не выдуманы авторомъ, а взяты имъ изъ VIII гл. Евангелія Псевдоматѳея, гдѣ онѣ названы въ числѣ 5 дѣвъ, состоявшихъ при Маріи съ Ея переселенія въ домъ Іосифа [45]). Изъ того-же источника взятъ и писецъ Рубенъ (гл. II), исконный врагъ дому Богородицы (онъ прогналъ Іоакима изъ храма); онъ показался автору умѣстнѣе, нежели неизвѣстный Евфоній или безъимянный архіерей ред. B. Начало легенды не есть произвольная приставка, но вполнѣ обычное перенесеніе эпизода изъ середины туда, гдѣ ему указываетъ мѣсто хронологическая послѣдовательность. Конецъ объ ап. ѳомѣ и поясѣ есть самостоятельный наростъ легенды, о которомъ мы будемъ говорить ниже. Всего же любопытнѣе здѣсь пріуроченіе всего сказанія къ Іосифу Аримаѳейскому, которое даетъ намъ возможность опредѣлить приблизительно время созданія этой версіи и указать ея многочисленную литературную родню.

Интересъ къ личности Іосифа Аримаѳейскаго, благодаря Евангелію и многимъ апокрифамъ, всегда былъ силенъ на западѣ (какъ и на востокѣ), но особенно увеличился послѣ того, какъ при Карлѣ Великомъ патріархъ Фортунатъ принесъ часть мощей Іосифа въ одинъ изъ Вогезскихъ монастырей Мойенмутье. Во время борьбы британской церкви за свою самостоятельность «кульден» стремились сдѣлать его апостоломъ британскихъ острововъ, и явившаяся результатомъ этого стремленія легенда впослѣдствіи (въ XII в.) легла въ основу нѣсколькихъ французскихъ романовъ [47]). Между тѣмъ крестоносцы дѣятельно разыскивали въ Св Землѣ чашу, которая служила для Тайной Вечери, и которая, по закону эпической концентраціи, была отождествлена съ сосудомъ, принявшимъ въ себя кровь и воду изъ бока Спасителя и кровь отъ ранъ его, при обмываніи Его тѣла Іосифомъ Аримаѳейскимъ. Извѣстно, что эта чаша, подъ именемъ Св. Граля (Gradalis), сдѣлалась источникомъ одной изъ самыхъ поэтическихъ средневѣковыхъ грезъ, и такъ какъ чаша эта оказывалась принадлежащею Іосифу Аримаѳейскому, то значеніе послѣдняго черезъ славу Граля увеличивалось все болѣе и болѣе.

Въ это время неизвѣстному книжнику и пришла мысль пріурочить Іосифа къ успенію Богоматери. Мотивы понять не трудно: Іосифъ былъ человѣкъ всѣми уважаемый и со средствами; въ его домѣ и подъ его охраной Богоматери

---

[45]) См. Tischendorf: Evang. apocrypha 2-е изд. Lipsiae 1876 стр. 70.

[46]) См. Acta SS. подъ 17-мъ Марта II, 507—510.

[47]) См. P. Paris: Les romans de la Table ronde, Paris 1858, t. I, Introduction. Ср. Aubertin: Hist. de la langue et de la littérature françaises Paris 1876, стр. 203 и слѣд.

удобнѣй было жить, нежели съ ап. Іоанномъ, который сейчасъ-же по вознесеніи ушелъ на проповѣдь; послѣдняя услуга, которую оказалъ онъ тѣлу Сына, сама собой вызывала мысль о томъ, что такую же услугу могъ онъ оказать и Матери. Отъ его лица уже ходили разсказы о послѣднихъ дняхъ Спасителя; естественно было ему же приписать и разсказъ о послѣднихъ дняхъ Богоматери. Самымъ же важнымъ мотивомъ было то обстоятельство, что Іосифа Аримаѳейскаго давно уже сопоставляли съ Богоматерью: Beatum plane corpus quod virginitas peperit et justitia custodivit. Custodivit illud Ioseph tumulus incorruptum, sicut servavit illud Mariae uterus illibatum и т. д. [48]).

Въ библіотекѣ в. Марка въ Венеціи въ рп. XV в. (I, XXIX picc. 4°) я нашелъ итальянскую передѣлку этой версіи какого-то Giovanni di Barduccio di Cherichino, судя по діалекту, тосканца. Какъ онъ самъ свидѣтельствуетъ въ припискѣ, онъ окончилъ свое благочестивое произведеніе 4 Апрѣля 1442 г. Я счелъ полезнымъ напечатать ее въ Приложеніи, такъ какъ, во 1-хъ она доказываетъ популярность этой версіи до XV вѣка включительно и мотивируетъ ея вліяніе на живописныя изображенія Успенія; во 2-хъ, она указываетъ на литературные пріемы благочестивыхъ популяризаторовъ легендъ и на ихъ почти невольныя преувеличенія [49]); въ 3-хъ, любопытно еще разъ констатировать тотъ фактъ, что въ самый разгаръ Возрожденія въ народѣ не замолкала благочестивая литература, которая рядомъ съ проявленіями религіознаго экстаза представляла и образцы художественнаго (сравнительно) развитія эпически-спокойной средневѣковой легенды, и наконецъ, въ 4-хъ, какъ увидимъ ниже, эта прозаическая легенда стоитъ въ связи съ позднѣйшей поэмой. Бардуччіо, какъ видно изъ сличенія его пересказа съ Тишендорфомъ, слѣдуетъ не тому тексту, который нѣмецкій издатель счелъ основнымъ, а варьянту C, дополняя и украшая его по силѣ разумѣнія. Прозваніе Іосифа *di Bramanzia* едва-ли можно объяснить простымъ искаженіемъ: Arimathia имѣетъ параллеельныя (и болѣе правильныя) формы Ramathaim [50]) и Ramatha.

Переходимъ къ другимъ болѣе краткимъ редакціямъ и иконографіи Успенія; но прежде условимся редакцію, приписанную Іоанну или Исидору Солунскому, означать буквою C, а сейчасъ изложенную редакцію съ Ѳомою и поясомъ —D; едва-ли нужно объяснять, что эти болѣе подробныя версіи удобнѣе для сличенія и дѣленія другихъ редакцій на группы.

---

[48]) Acta SS. l. c. стр. 510. Приписывается Св. Амвросію.

[49]) Напр., Ѳома признается въ винѣ своей «со многими слезами», которыхъ нѣтъ въ оригиналѣ; по-латыни апостолы «*жахъ-бы* гнѣваются» на его невѣріе; по-итальянски они поднимаютъ камень гроба «въ ярости и гнѣвѣ» и т. д.

[50]) См. Herzog Real-Encycl. s. v.

Первымъ по времени *положительнымъ* свидѣтельствомъ [51]) о легендѣ Успенія, съ опредѣленной датой, должны мы считать указаніе І. Дамаскина. Во 2-мъ словѣ на этотъ праздникъ (гл. 18) [52]) онъ говоритъ: въ Эвтиміакской Исторіи (ἐν τῇ Εὐθυμιακῇ ἱστορίᾳ) въ 3 кн. 40 гл. такъ написано: Выше сказано, что Св. Пульхерія основала въ Константинополѣ многія церкви. Одна изъ нихъ, Влахернская, построена въ началѣ царствованія Маркіана [53]) во Влахернѣ. Основывая ее, собирали справки о тѣлѣ Богоматери и, позвавъ Ювеналія, архіепископа Іерусалимскаго, и епископовъ палестинскихъ, проживавшихъ тогда въ столицѣ изъ-за Халкидонскаго собора, говорятъ имъ: «Мы слышали, что въ Іерусалимѣ находится первая и прекрасная церковь Богородицы и приснодѣвы Маріи, въ деревнѣ Геѳсиманіи, гдѣ было положено во гробъ Ея живоносное тѣло. Мы хотѣли бы теперь перенести его сюда, подъ охрану столицы».—Ювеналій на это отвѣтствовалъ: въ священномъ и боговдохновенномъ Писаніи ничего не говорится о кончинѣ Св. Богородицы Маріи. Но изъ древняго и правдиваго преданія мы знаемъ, что во время славнаго Ея успенія (κοιμήσεως) всѣ святые апостолы, ходившіе по вселенной для спасенія народовъ, въ одно мгновеніе поднятые на воздухъ (ἐν καιροῦ ῥοπῇ μετάρσιοι), собрались въ Іерусалимѣ и оказались у Богородицы; они увидѣли ангеловъ и услышали пѣніе высшихъ силъ. Такимъ образомъ въ божественной и небесной славѣ въ руцѣ Бога Своего предала Она душу несказаннымъ способомъ. А Ея Богопріимное тѣло съ ангельскими и апостольскими пѣснями было убрано и въ гробу въ Геѳсиманіи погребено. Въ этомъ мѣстѣ ангельское хоровое пѣніе и славословіе продолжалось 3 дня непрерывно. А когда на 3-й день пѣніе прекратилось, и пришелъ апостолъ Ѳома, котораго до тѣхъ поръ здѣсь не было, и захотѣлъ поклониться Богопріимному тѣлу Ея, тогда открыли гробъ, но нигдѣ не могли

---

[51]) Весьма любопытное *отрицательное* свидѣтельство имѣемъ мы въ Словѣ Епифанія (конца IV в. Haer. 78, 11, 24), который утверждаетъ, что τὸ τέλος αὐτῆς (Богоматери) οὐδεὶς ἔγνω. Оно тѣмъ любопытнѣе, что, какъ видно изъ указанія на рожденіе Богоматери κατ' ἐπαγγελίαν, ὥσπερ ὁ Ἰσαάκ Епифаній вовсе не избѣгаетъ апокрифовъ. Отрицательнымъ же свидѣтельствомъ менѣе опредѣленной эпохи слѣдуетъ признать и то, что въ Хожденіи Іоанна Богослова, приписанномъ Прохору (см. изд. арх. Амфилохія), ничего не говорится объ участіи Іоанна въ погребеніи Богоматери; а фрагментъ о μετάστασις его (Lipsius l. c.) скорѣй служилъ источникомъ нашей легенды, чѣмъ копіей ея. Все это заставляетъ насъ усумниться въ возможности отнести какой бы ни было текстъ Успенія къ III—IV вѣкамъ; вѣрнѣй пріурочить возникновеніе этой легенды въ литературной формѣ къ V вѣку, къ которому пріурочивается и вообще усиленіе культа Богородицы.

[52]) Migne XCVI стр. 747—9.

[53]) 450—457 г.

найти всехвальнаго тѣла Ея, а только Ея погребальныя ризы, отъ которыхъ возносилось несказанное благоуханіе. Послѣ этого гробъ закрыли. По словамъ Ювеналія, при этомъ присутствовали: Іероѳей, Тимоѳей, еп. Эфесскій, и Діонисій Ареопагитъ, какъ свидѣтельствуетъ объ этомъ самъ великій Діонисій въ своемъ письмѣ къ Тимоѳею; были здѣсь ап. Іаковъ, братъ Господень, и ап. Петръ.

Этотъ разсказъ почти дословно повторяетъ Никифоръ Каллистъ (XV, с. 14); только у него нѣтъ имени Ѳомы (вм. него—«одинъ изъ апостоловъ»), и къ μεταρσίους (поднятыхъ на воздухъ) прибавлено: νεφέλαις—на облакахъ.

Мы не имѣемъ данныхъ, чтобы опредѣлить, происходило ли дѣло именно такъ, какъ передаетъ Дамаскинъ, но для насъ представляется весьма вѣроятнымъ, что при императорѣ Маркіанѣ циркулировала подобная, освобожденная отъ рѣзко апокрифическихъ чертъ, легенда объ Успеніи и была принята tacito consensu православною церковью.

Что означаетъ ссылка Іоанна Дамаскина или его источника на письма великаго Діонисія? Слѣдуетъ ли игнорировать ее, какъ цитату, недоступную для провѣрки, или слѣдуетъ признать ее гораздо болѣе древнимъ достовѣрнымъ свидѣтельствомъ?

Ни то, ни другое. Ювеналій или точнѣе Дамаскинъ имѣютъ въ виду опредѣленное мѣсто изъ сочиненія Діонисія Ареопагита, которое дошло до насъ и въ оригиналѣ и въ переложеніяхъ, но мы не имѣемъ права признавать это мѣсто за свидѣтельство объ успеніи Богоматери.

Въ 3-ьей главѣ статьи «Объ именахъ Божіихъ» Діонисій, обращаясь къ своему ученику Тимоѳею и объясняя ему, почему онъ и послѣ Іероѳея берется за изслѣдованіе богословскихъ трактатовъ, говоритъ про этого Іероѳея: «Такъ какъ онъ и передъ самими боговдохновенными нашими іерархами (когда и мы, какъ ты знаешь, и онъ, и многіе изъ священныхъ нашихъ братій *сошлись на созерцаніе живоначальнаго и Богоприимнаго тѣла; былъ при этомъ и братъ Божій Іаковъ и Петръ, важнѣйшая и старѣйшая глава богослововъ*; потомъ, послѣ созерцанія, всѣмъ іерархамъ заблагоразсудилось, смотря по способности каждаго, преславить гимнами безграничномогучую благость богоначальной слабости) оказался, какъ ты знаешь, послѣ богослововъ, сильнѣе всѣхъ святителей» и т. д. [54]).

---

[54]) Ἐπεὶ καὶ παρ' αὐτοις τοῖς θεολήπτοις ἡμῶν ἱεράρχαις (ἡνίκα καὶ ἡμεῖς, ὡς οἶσθα, καὶ αὐτὸς, καὶ πολλοὶ τῶν ἱερῶν ἡμῶν ἀδελφῶν, ἐπὶ τὴν θέαν τοῦ ζωαρχικοῦ καὶ θεοδόχου σώματος συνελήλύθαμεν, παρῆν δὲ καὶ ὁ ἀδελφόθεος Ἰάκωβος καὶ Πέτρος ἡ κορυφαία καὶ πρεσβυτάτη τῶν θεολόγων ἀκρότης, εἶτα ἐδόκει μετὰ τὴν θέαν ὑμνῆσαι τοὺς ἱεράρχας ἅπαντας, ὡς ἕκαστος ἦν ἱκανὸς, τὴν ἀπειροδύναμον ἀγαθότητα τῆς θεαρχικῆς ἀσθενείας·) πάντων ἐκράτει μετὰ τοὺς θεολόγους, ὡς οἶσθα, τῶν ἄλλων ἱερομυστῶν и т. д. Migne t. III, стр. 681.

Съ тѣхъ поръ, какъ сочиненія Діонисія Ареопагита стали извѣстны, т. е. съ первой половины VI вѣка [55]), «созерцаніе живоначальнаго и богопріимнаго тѣла» понимали большею частію, какъ успеніе Богородицы; подъ именемъ Іакова разумѣли апостола Іакова, брата Христова; подъ Петромъ, главой богослововъ, апостола Петра; подъ гимнами разумѣли тѣ пѣсни, которыя пѣли апостолы при погребеніи Богоматери.

Свидѣтельство такого высокочтимаго очевидца, какъ Діонисій Ареопагитъ, разумѣется, гораздо болѣе подтверждало легенду, нежели подтверждалось ею; но во всякомъ случаѣ эти два литературные факта шли рука объ руку. Свидѣтельство Діонисія, конечно, распространялось и въ парафразахъ, въ которыхъ «созерцаніе живоначальнаго и богопріимнаго тѣла» прямо замѣнялось словами: «во время успенія Пресвятой Владычицы нашей Богородицы» [56]) и, какъ увидимъ далѣе, Тимоѳей, Іероѳей и Діонисій Ареопагитъ вошли, какъ дѣйствующія лица, въ краткія редакціи легенды.

Но въ настоящее время церковно-исторической критикой признано за несомнѣнное, что ни Діонисій Ареопагитъ и никакой другой изъ современниковъ апостоловъ не могъ быть авторомъ книги «Объ именахъ Божіихъ» [57]), которая такъ же, какъ и другія произведенія Діонисія, принадлежитъ къ эпохѣ значительно позднѣйшей. Стало быть, вышеприведенное мѣсто, и само по себѣ темное и сомнительное, не можетъ относиться къ Успенію Богоматери, при которомъ, кромѣ того, Діонисій Ареопагитъ и не могъ присутствовать, такъ какъ оно произошло за три года до обращенія его въ христіанство [58]).

Стало быть, подъ «созерцаніемъ живоначальнаго и богопріимнаго тѣла» надо разумѣть нѣчто другое; подъ Петромъ, корифеемъ богослововъ, надо разумѣть кого либо изъ позднѣйшихъ богослововъ такъ же, какъ и подъ Іаковомъ, эпитетъ котораго «братъ Божій» надо считать ошибкой [59]) переписчика.

Доводы проф. Скворцова, доказывающаго, что сочиненія Діонисія Ареопагита написаны Діописіемъ Александрійскимъ въ III вѣкѣ, что подъ *Гіероѳеемъ* надо

---

[55]) Съ 532 г., когда Севериане представили ихъ на помѣстный Константинопольскій соборъ. См. книгу проф. Кіевской Академіи К. Скворцова: *Изслѣдованіе вопроса объ авторѣ сочиненій, извѣстныхъ съ именемъ св. Діонисія Ареопагита.* Кіевъ, 1871 г.

[56]) Ἐν τῷ καιρῷ τῆς κοιμήσεως τῆς παναγίας δεσποίνης ἡμῶν Θεοτόκου см. парафразу Пахимера у Migne l. c. Такъ же увѣренно толковали это мѣсто и на западѣ, какъ видно напр. изъ надписи въ аббатствѣ Солемскомъ. См. Ἑρμηνεία τῆς ζωγραφικῆς въ изложеніи Schäfer'a (Trier 1855, стр. 278 прим.), который напрасно повѣрилъ письму Тимоѳея къ Діонисію: здѣсь только licentia poetica художника.

[57]) Проф. Скворцовъ l. c. passim.

[58]) Ibid. стр. 42.

[59]) Гиллеръ очень остроумно догадывается, что ΑΔΛΦΘΣ прочитали вм. ΑΔΛΦΟΣ (ibid. 35).

разумѣть epitheton ornans его учителя Оригена и что вышеприведенное мѣсто относится къ *Бострскому* собору, на которомъ Оригенъ побѣдилъ Беррилла въ преніи *о человѣческой природѣ Христа*, кажутся намъ весьма вѣскими; но принять все это за фактъ мы, разумѣется, не можемъ. Для насъ несомнѣнно только то, что вышеприведенное мѣсто только по недоразумѣнію было отнесено къ успенію Богоматери и что авторъ его, когда бы онъ ни жилъ и кто-бы онъ ни былъ, не имѣлъ въ виду этого событія, такъ какъ *во всѣхъ* безъ исключенія редакціяхъ легенды выдающуюся роль играетъ Іоаннъ, а Іаковъ поминается только между другими апостолами, присутствіе которыхъ здѣсь, такъ сказать, молча отрицается; мы не говоримъ уже объ опущеніи другихъ важныхъ чертъ, общихъ всѣмъ начальнымъ редакціямъ, и о неумѣстности поэтическаго состязанія при гробѣ Богоматери.

Но возвращаемся къ самой легендѣ въ изложеніи Дамаскина.

Если мы сравнимъ ее съ вышеприведенными большими редакціями, она окажется наиболѣе близкой къ C, за которой такимъ образомъ приходится признать значительную древность. C, конечно, не въ настоящемъ своемъ видѣ, но въ простѣйшемъ, оказывается исконной православной редакціей, которая явилась вліятельнымъ противовѣсомъ обѣимъ апокрифическимъ: A и B.

Другое указаніе съ датой есть извѣстный декретъ Геласія отъ 494 г., гдѣ между прочимъ поминается въ числѣ отреченныхъ книгъ liber, qui appellatur Transitus id est Assumptio Sanctae Mariae. Хотя нельзя не признать, что списокъ Геласія подвергался многочисленнымъ вставкамъ [60]), въ данномъ случаѣ ничто насъ не вызываетъ на сомнѣніе въ подлинности этого указанія.

Почти на 100 лѣтъ отъ Геласія отстоитъ тоже западное указаніе на легенду, сохраненное въ книгѣ Григорія Турскаго: de Gloria Martyrum (гл. IV). Въ его изложеніи не сказано какимъ, образомъ апостолы оказались у Богоматери, въ чемъ мы видимъ не особую какую-либо редакцію, а простое смягченіе чуда. Въ дальнѣйшемъ изложеніи одна черта (что Христосъ душу Матери передалъ Михаилу архангелу) указываетъ на C, а окончаніе—вторичное явленіе Христа на могилѣ и вознесеніе тѣла—на ред. B. Авторъ этой сложной версіи, повидимому, сдѣлалъ уступку ходячему, но еще не общепринятому мнѣнію о вознесеніи тѣла Богоматери.

Антоній, путешественникъ 2-ой половины VI в. [61]), говоритъ, что въ Іосафатовой долинѣ, въ Геѳсиманіи, показывается могила Богоматери, de quo dicunt

---

[60]) См. Michel Nicolas. Etudes sur les évangiles apocryphes. Paris, 1866, стр. 425 и слѣд.

[61]) См. Tobler: Itinera et pr. Genevae 1877. Antonii Martyris perambulatio circa 570, стр. 100.

Sanctam Mariam ad celos fuisse sublatam. Но въ VII столѣтіи Аркульфъ [62]) изъ той-же мѣстности выноситъ о убѣжденіе безвѣстномъ исчезновеніи тѣла Богоматери, которое въ невѣдомомъ мѣстѣ ожидаетъ всеобщаго воскресенія. Въ VIII вѣкѣ Виллибальдъ, очевидно, плохо понявшій дѣло, говоритъ о столбѣ, къ которому во время погребенія Богоматери были прибиты руки дерзновеннаго жида.

Самые осторожные изъ западныхъ богослововъ, напр. Аскарикъ, испанскій епископъ VIII в. [63]), отвергали всѣ легенды объ успеніи Богоматери и утверждали, что никто не знаетъ, гдѣ Ея могила. Но такихъ скептиковъ было немного.

Извѣстное псевдо-Іеронимово письмо явилось, какъ предполагаютъ [64]), на свѣтъ не прежде половины VIII в.; авторъ его констатируетъ сомнѣніе относительно того, тѣлесно или душею вознеслась Богоматерь на небо.

Такое же колебаніе высказываетъ и Андрей Критскій (VII в.) въ своихъ 3-хъ гомиліяхъ на Успеніе (Migne XVII стр. 1045 и слѣд.): онъ называетъ Успеніе Богоматери *тайнымъ* и *славнымъ* (κρυφία καὶ περίδοξος). Онъ какъ-бы съ нѣкоторымъ извиненіемъ (εἰ χρὴ λέγειν τἀληθῆ) признаетъ, что и Богоматери коснулась смерть; но она не поработила Богородицу, какъ насъ порабощаетъ, и походила на первый сонъ Адама. Онъ, повидимому, признаетъ необходимымъ, чтобы и душа Богоматери прошла черезъ двери ада (διελεύσονται αἱ τῶν ἁγίων ψυχαὶ διὰ τῶν τοῦ ᾅδου πυλῶν), какъ и тѣло черезъ гробъ; но ни гробъ, ни адъ не могли удержать ея. Онъ много разъ говоритъ о нетлѣнности Ея тѣла, сравниваетъ Ее съ Иліею и Енохомъ, употребляетъ терминъ μετάθεσις, но, обращаясь къ гробу Богоматери, онъ выражается осторожно: если останется въ немъ тѣло, онъ будетъ предметомъ поклоненія для ангеловъ и человѣковъ; если случится нѣчто необыкновенное, и тѣло будетъ вознесено, онъ останется глашатаемъ чуда (стр. 1104). Искусной реторической фигурой выводя Богоматерь говорящею, онъ влагаетъ Ей въ уста подробности о гробѣ, которыя онъ узналъ отъ путешественниковъ: на немъ есть надпись (ἐντυμβίου περιγραφή), въ немъ есть углубленія (κοιλώματα), въ которыхъ оттиснулись члены Ея тѣла. Гробъ этотъ находится въ Геѳсиманіи, въ Іосафатовой долинѣ, орошаемой Кедрономъ.

Андрей Критскій, повидимому, имѣетъ подъ руками редакцію, послужившую источникомъ для B (онъ называетъ тѣло Богоматери φωτοειδές; при погребеніи Ея апостолы поютъ: *во исходъ Израилевъ*; успеніе произошло

---

[62]) Ibid. стр. 157.

[63]) См. Dom Remy Cellier XII т. стр. 152.

[64]) Benrath: Zur Geschichte der Maricnverehrung; см. Theolog. Studien u. Kritiken 1886, Heft 1 и 2, стр. 57.

много лѣтъ спустя послѣ вознесенія), но изъ осторожности пользуется ею очень мало, называя ее преданіемъ, сагой (λόγος, стр. 1060). Какъ на фактъ, онъ ссылается на Діонисія, который въ письмѣ къ Тимоѳею говоритъ, что при погребеніи Богоматери присутствовали они оба и Іероѳей, а также и апостолы Іаковъ и Петръ, и поминаетъ гимны, тогда пѣтые.

Современникъ Андрея Критскаго Модестъ, судя по ссылкѣ R. de Fleury (см. т. II, въ главѣ объ Assomption), говоритъ въ общихъ чертахъ о погребеніи Богородицы и вознесеніи Ея и также о *слѣдахъ отъ Ея тѣла*. Этихъ слѣдовъ не знаютъ позднѣйшіе путешественники въ св. Землю.

Популярность легенды среди массы вѣрующихъ не столько зависитъ отъ литературнаго ея распространенія, сколько отъ церковныхъ пѣсенъ и иконографическихъ изображеній.

Питра приписываетъ Сергію (610—641 г.) греческій акаѳистъ на Успеніе съ припѣвомъ: χαῖρε, νύμφη ἀνύμφευτε, въ которомъ упоминается о собраніи апостоловъ на облакахъ и о славословіи, съ которымъ встрѣтили Богоматерь.

У него же въ Analecta Sacra (стр. 516 и слѣд.) изданъ другой гимнъ, который Рого де Флери считаетъ старше VIII столѣтія, въ которомъ особенно любопытно указаніе на особую редакцію окончанія легенды: послѣ погребенія Богоматери апостолы возвращаются въ домъ Іоанна, гдѣ до тѣхъ поръ жила Богородица (ср. В.); вдругъ среди нихъ является Христосъ и говоритъ имъ, что тѣло Богоматери будетъ почтено тѣмъ, что съ этого времени станетъ невидимо.

Что касается до раннихъ иконописныхъ изображеній, то, отсылая читателя къ фактамъ, собраннымъ въ соотвѣтствующей главѣ Рого де Флери, мы позволяемъ себѣ ограничиться только немногими общими замѣчаніями.

Западъ (Италія) *сохранилъ* древнѣйшія изображенія успенія начиная съ VIII вѣка, но изъ этого отнюдь не слѣдуетъ, чтобы онъ *выработалъ* иконографическій типъ: напротивъ, надо принять, какъ фактъ, что этотъ типъ пришелъ сюда изъ восточной имперіи. Онъ закрѣпился около X вѣка и господствовалъ въ XI и XII вѣкахъ, изображая моментъ, выраженный съ такою же ясностію и опредѣленностью въ ред. C (Іисусъ Христосъ передаетъ ангеламъ душу Богоматери въ видѣ спеленутаго младенца; около тѣла Богоматери стоятъ апостолы).

Изображенія вознесенія Маріи (ascensio Mariae) встрѣчаются съ IX вѣка, но значительно рѣже, почти въ видѣ исключенія.

Обращаемъ вниманіе читателей на изображеніе успенія въ Глазговской рп., гдѣ ангелы возносятъ тѣло Богородицы не оживленное, но перевитое пеленами, что ясно свидѣтельствуетъ о незнакомствѣ художника съ тѣми редакціями, гдѣ душа Богоматери была возвращена въ тѣло (т. е. B и D), или по крайней мѣрѣ о предпочтеніи другихъ редакцій. Но эта рп. относится уже

къ XII вѣку, когда на западѣ вырабатываются новыя представленія. Прежде нежели перейдти къ нимъ, мы должны опять обратиться къ болѣе консервативному востоку.

Отъ VIII вѣка мы имѣемъ 3 Слова патріарха Германа [65]) на праздникъ Успенія; изъ нихъ важнѣй другихъ третье Слово, въ которомъ ораторъ пересказываетъ легенду въ такомъ видѣ, что изъ большихъ редакцій она ближе всѣхъ подходитъ къ C, хотя и отличается отъ нея одной весьма важной для иконографіи чертою; именно: Христосъ не присутствуетъ видимо въ моментъ кончины Богоматери [66]).

Не менѣе важнымъ кажется съ перваго взгляда и то обстоятельство, что Христосъ, предувѣдомляя Богоматерь объ успеніи, довольно ясно указываетъ на вознесеніе Ея тѣла, обѣщая придти за нимъ (ἔρχομαι πρὸς σὲ παρευθύ), и сравниваетъ Ея временное пребываніе въ гробу съ своимъ собственнымъ. Но надо принять во вниманіе, что чудесное исчезновеніе тѣла вполнѣ естественно должно было развить сказаніе о перенесеніи его Богомъ на небо.

Это подтверждаетъ въ слѣдующемъ столѣтіи Ѳеодоръ Студитъ, который, пользуясь очень сходной ред. легенды (у него въ моментъ успенія Іисусъ Христосъ, ангелы и святые невидимо присутствуютъ) [67]), уже не обинуясь говоритъ о воскресеніи и вознесеніи на небеса Ея тѣла.

Въ X столѣтіи, во время Константина Багрянороднаго, въ Константинополѣ въ особой ракѣ хранились одежды Богородицы, т. е. очевидно тѣ самыя «понявы погребальныя», которыя мы знаемъ изъ C [68]).

Тою-же ред. C пользовался и монахъ Епифаній (XI—XII в.) въ своемъ житіи Богородицы [69]); у него согласно источнику «тѣло стало невидимымъ».

Чтобы не возвращаться къ греческимъ текстамъ, отмѣтимъ краткое и сравнительно позднее успеніе проложное [70]), въ которомъ нѣтъ ни Афонія, ни безъимяннаго первосвященника или юноши, наказанныхъ пораженіемъ рукъ, ни жидовъ, наказанныхъ слѣпотою; но есть Ѳома, пришедшій на 3-й день поклониться тѣлу, и исчезновеніе этого тѣла, которое Богъ преложилъ, куда Самъ знаетъ, оставивъ на мѣстѣ его только погребальныя ризы. Стало быть, мы опять таки здѣсь имѣемъ C съ выпусками.

---

[65]) См. Migne XCVIII стр. 339 и слѣд.

[66]) Стр. 359 и слѣд.

[67]) Cellier XII, 312.

[68]) См. Reiskii Comm. Bonnae, стр. 136. Ср. Кондаковъ: Константинополь, стр. 18 и 19.

[69]) Изд. Dressel'я 1843.

[70]) Напечатано въ Menologium Graec. изд. Urbini 1727 г. См. подъ 15 Августа: Η Κοίμησις τῆς ὑπερενδόξου Δεσποίνης ἡμῶν Θεοτόκου. Нач. Οτε ὁ Κύριος ἡμῶν καὶ Θεὸς προσλαβεῖν εὐδόκησε τὴν ἑαυτοῦ μητέρα....

На Русь къ намъ переходятъ изъ Византіи, во 1-хъ, редакція А, одинъ списокъ которой, во многихъ пунктахъ менѣе попорченный вставками, нежели всѣ греческіе тексты, бывшіе подъ руками у Тишендорфа, мы сообщаемъ въ Приложеніи (№ 1) по рп. XV вѣка [71]); во 2-хъ, ред. С, содержаніе которой мы сообщили выше; въ 3-хъ, краткое, но тѣмъ не менѣе не свободное отъ вставокъ сказаніе, которое мы считаемъ необходимымъ привести по ред. Макарьевскихъ Миней (Синод. библ., Августъ, л. 134).

«Егда Господь Богъ нашъ пріяти изволи Матерь Свою, ангеломъ Ей преставленіе извѣсти; Она же возрадовася радостію великою и взыде на гору высоку Елеонскую помолится; Ей же сѣдовіе покланяхуться до земли. И возвратившиѳся и устрои все еже на погребеніе и со възлюбленнымъ Іоанномъ Богословцемъ и позвавши ближикы и сѣсѣди и вѣжегши свѣтильникы и славословяше Бога, и ти увидѣвше жены тоя преставленіе и подаяхуть Ей вѣю финика, еже есть почесть, и плакахуть, Ея просяще молитвы. Она же тѣшащи я и глаголющи: не точію соблюдати васъ (имамь), но и всего міра и посемъ заповѣда о двою ризу своею, яко двѣма вдовицама по единой ризѣ взяти има. И посемь бысть громный гласъ и облакъ нашествіе Христовы апостолы несущимъ (sic) и съ ними бѣ Діонисій Ареопагитъ и Ероѳей и Павелъ апостолъ и Тимофей, имъ же повелѣ погребсти пречистое тѣло Свое. И тако знаменавшися на одрѣ, въ руцѣ Сыну Своему и Богу духъ предасть. И несущимъ же одръ апостоломъ и ангеломъ съ ними поющимъ и придоша жидове, хотяще соврещи на землю тѣло Матере Христовы и ослѣпоша вси. Единому же дерзнувшу за одръ именемъ Афоніи ангеломь руцѣ его отсѣчени быста, дондеже, вѣрова(въ), Петромъ исцѣленъ бысть и паки воспрія усѣченіи руцѣ, не токможе се, но и ослѣпшіи прозрѣша. Постигше же село Гевсиманію и погребоша святое тѣло Ея и пребыша три дни. Понеже осталъ ѳома апостолъ и послѣди пришедъ восхотѣ и той цѣловати и поклонитися святому тѣлу и гробу отверсту бывшу, тѣлу убо Ея не обрѣтшуся: преложи бо е Сынъ и Богъ на мѣсто, идѣже самъ вѣсть единъ; понявы же токмо обрѣтошася едины».

Очевидно, мы имѣемъ здѣсь греческую проложную редакцію, но отличающуюся отъ вышеприведенной нѣсколькими подробностями, которыя всѣ находятся въ ред. С; не находящіяся въ изложенномъ спискѣ имена Діонисія Ареопагита, Тимоѳея и Іероѳея, уже встрѣченныя нами у Андрея Критскаго, оказываются въ вар., напечатанномъ въ Sylloge и приписанномъ Исидору Ѳессалоникійскому. Имя Афоніи, какъ вставка изъ А, встрѣчается и въ нѣкоторыхъ варьянтахъ С. Сравнительная древность Миней съ печатнымъ греческимъ про-

[71]) Эту любопытную рукопись съ годомъ (1488) и съ означеніемъ мѣста написанія (Новгородъ Сѣверскій) указалъ мнѣ проф. Кіевской Духовной Академіи Н. И. Петровъ. Она вполнѣ заслуживаетъ обстоятельнаго разбора и по языку и по своему составу. Послѣсловіе переписчика см. въ Приложеніи.

логомъ заставляетъ думать, что въ послѣднемъ мы имѣемъ сокращеніе этой редакціи.

Кромѣ того, на Русь приходитъ житіе Богородицы монаха Епифанія, которое между прочимъ находится въ Троицкой полууставной Минеѣ XVI в. подъ № 663 [72]).

Не имѣя въ настоящее время подъ руками греческаго оригинала Епифанія, а только выписки изъ этой рп., мы можемъ только констатировать, что въ русскомъ Епифаніи мы находимъ вліяніе ред. А: ангелъ, возвѣщающій Богоматери Ея кончину, какъ и въ А, носитъ имя Гавріила. Какъ и въ текстѣ Силлога, апостолъ, опоздавшій къ погребенію и пожелавшій поклониться тѣлу Пречистой, здѣсь не названъ.

За обычнымъ заключеніемъ о нахожденіи ризъ здѣсь слѣдуетъ отступленіе о «лѣтномъ показаніи» и затѣмъ иной варьянтъ конца легенды: когда черезъ нѣсколько дней апостолы сидѣли на трапезѣ и по окончаніи ея помолились, имъ явилась Богоматерь на облакахъ; послѣ этого посмотрѣли они въ гробъ, и тѣла въ немъ не оказалось.

Въ рп. «Сказаніе о чудесахъ Богородицы», писанной въ Олонцѣ въ 1680 г., которая стала извѣстна благодаря докладу И. И. Дубасова въ Тамб. Ученой Архивной Коммиссіи 8 марта 1885 г. [73]), мы находимъ ту-же редакцію С въ сходномъ сокращеніи и съ тѣмъ-же прибавленіемъ о явленіи Богоматери апостоламъ во время ихъ трапезы; но редакторъ прямо и открыто заявляетъ о перенесеніи Ея тѣла на небеса.

Такое-же сліяніе ред. С съ разсказомъ о посмертномъ явленіи Богородицы находимъ мы и въ Минеяхъ Димитрія Ростовскаго, который здѣсь остался вѣренъ преданіямъ восточной церкви.

Сказаніе объ успеніи, печатаемое въ новыхъ Прологахъ [74]), имѣетъ то-же начало, что и въ Прологѣ греческомъ и въ редакціи Макарьевскихъ Миней, но въ немъ нѣтъ именъ Афонія и Ѳомы, хотя о дѣлахъ ихъ упомянуто; прибавка о трапезѣ отсутствуетъ.

Въ хронографѣ XVII в. [75]) помѣщается краткая редакція Успенія, заканчивающаяся словами: «И пріятъ (Христосъ) своима рукама пречистую душу Ея, святое и пречистое тѣло Ея погребоша святіи апостоли въ Геѳсиманіи».

---

[72]) Л. 83: Епифанія іеромонаха обители Калистратовы о житіи, въспитаніи и лѣтнаго показаніа пречистыя и преблагословенныя Владычицы нашеа Богородицы. Оконч. на л. 113.

[73]) См. Журналъ Коммиссіи стр. 6 и 7.

[74]) Я имѣлъ подъ руками изданіе 1876.

[75]) См. А. Попова: Обзоръ хронографовъ русской ред. М. 1866. II, стр. 82.

Это самостоятельная редакція; но все-же несомнѣнно, что она ближе къ С, нежели къ А.

Въ заключеніе этого краткаго обзора русскихъ редакцій упомянемъ объ редакціи съ поясомъ Богоматери.

Въ сборникѣ XVI вѣка, принадлежащемъ С.-Петербургской Духовной Академіи (№ 1448, л. 171), краткій разсказъ объ успеніи (очевидно, ред. С) заканчивается такимъ образомъ:

«По преставленіи святыя Богородица Ѳома апостолъ отста и по трехъ днехъ прінде имый поясъ Пречистыя Богородица. Егда, рече Ѳома, восхищенъ бых отъ Индія на облацехъ и видѣ(хъ) Святую Богородицу грядущу въ вратахъ небесныхъ со множествомъ ангелъ и дастъ ми поясъ свой. Цѣловаша апостоли поясъ и обрѣтоша во гробѣ погребальная» [76]).

XVI вѣкъ даетъ право подозрѣвать западное вліяніе, но въ данномъ случаѣ подозрѣніе будетъ не основательно. Поясъ Богородицы, хотя мы до сихъ поръ встрѣчали его только въ завѣдомо западной редакціи, есть святыня исконо византійская.

Уже въ VIII вѣкѣ мы встрѣчаемъ Слово Германа на Поясъ Богоматери. По одному преданію [77]), этотъ поясъ былъ принесенъ въ Константинополь при Юстиніанѣ, а по другому—даже при Аркадіи. Онъ хранился изстари въ Влахернскомъ храмѣ, и начало его всенароднаго чествованія относится ко временамъ Льва Философа (886—911), супруга котораго, императрица Зоя, излѣчилась имъ отъ бѣснованія, вслѣдствіе чего и былъ установленъ особый праздникъ Положенія честнаго Пояса (31 Авг.) [78]).

Объ этой святынѣ считаемъ не лишнимъ сообщить одно очень позднее, но несомнѣнно туземное греческое сказаніе, напечатанное, какъ приложеніе, въ одномъ Аѳонскомъ житіи Георгія [79]). Въ немъ разсказывается, какъ Бого-

---

[76]) См. тоже по сборн. Ѳ. И. Буслаева XVII в. въ его статьѣ: Общія понятія о русской иконописи (Общ. Люб. древнерусск. пик. т. I) стр. 102.

[77]) См. «Слова Пресвятыя Владычицы нашея Богородицы». Москва, 1853. Часть I-я, стр. 113 и слѣд. Ср. Дни богослуженія и пр. (Дебольскаго) I, стр. 147 и слѣд.

[78]) Врученіе Богородицею пояса Ѳомѣ встрѣчается и въ Ἑρμηνεία τῆς ζωγραφικῆς (см. въ изд. Шефера стр. 279), что также служитъ очень вѣскимъ доказательствомъ греческаго происхожденія этого сказанія. Ср. Буслаевъ l. c. стр. 103.

[79]) Вотъ полное заглавіе книжки: Τὸ παρὸν Μαρτυριον του αγιου Γεωργιου του Τροπαιοφορου σοζεται αναποσπαστον εν τῃ ἱερᾳ βασιλικῃ και πατριαρχικῃ κοινοσιακῃ μονῃ του αγιου Παυλου του εν τῳ Ἀθῳ. Ἀντεγραφη ἐξ αρχαιοτατης απαραλλακτως πρωτοτυπου μεμβρανης. Σωζεται εν τῳ Κουτλουμουσιανῳ κελλιῳ των Ἐσοδειων ανωθεν των Καρυων. Τῃ 30 Σεπτεμβριου 1871 Καρεαις. Νυν ενδεδεται παρα του ελαχιστου Κοσμα Μοναχου ἐκ της Νεας Σκητης του αγιου Παυλου ἐκ της καλυβης του αγιου Γεωργιου. Ἐν Ερμουπολει, τυποις Ρενιερῃ Πριντεζῃ. 1880.

матерь, получивъ отъ ангела извѣстіе о близкой кончинѣ Своей (μεταστάσεως), призываетъ *двухъ* своихъ служанокъ, которыя оставались Ей вѣрными всю жизнь Ея, утѣшаетъ ихъ, раздѣляетъ имъ ризы свои, *а также и святые дары, которые принесли когда-то младенцу Іисусу волхвы съ востока, и его св. пеленки.*

Очевидно, авторъ легенды слѣдовалъ ред. С (въ А и В три дѣвы), но пріурочилъ къ ней исторію святыхъ даровъ, которыми только и занимается въ дальнѣйшемъ ходѣ разсказа.

Это наслѣдство Богоматери потомъ переходило изъ рукъ въ руки и во времена имп. Аркадія оказалось у одной дѣвственницы въ Палестинѣ, которая кромѣ того владѣла хитонами Богородицы и Ея *св. поясомъ*. Узнавъ объ этихъ нетлѣнныхъ богатствахъ, Аркадій посылаетъ за ними цѣлый корабль, и святыни эти водворены въ Константинополѣ, гдѣ и хранились до 1203 года. Во время взятія Константинополя латинцами нѣкоторые благородные люди перевезли святыни въ Никею, гдѣ онѣ и оставались во все время латинскаго владычества. Черезъ 60 лѣтъ онѣ вернулись въ Константинополь и были тамъ до взятія города турками. Вскорѣ послѣ этого событія султанша Маро (она была христіанка, дочь сербскаго короля Георгія), жена Мехмета, сохранявшая эти святыни нѣкоторое время у себя, отъѣхала съ ними къ Аѳону, гдѣ отецъ ея Георгій выстроилъ храмъ Св. Георгія и былъ вмѣстѣ съ тѣмъ ктиторомъ монастыря Св. Павла. Монахи этого монастыря вышли на встрѣчу султаншѣ и принесеннымъ ею святынямъ, которыя согласно повелѣнію свыше и были здѣсь навсегда положены.

Обращаемся къ церковнымъ пѣснопѣніямъ русской церкви на успеніе, которыя мы цитируемъ по изданію Службы 1872 г. (Москва, въ Синод. тип.). Въ этой Службѣ нѣсколько разъ говорится о томъ, какъ Христосъ въ руцѣ Свои пріялъ душу Своей Матери, упоминается Гавріилъ, посланный къ Богородицѣ съ этимъ вторымъ благовѣщеніемъ (ред. А и Д), упоминаются въ числѣ присутствовавшихъ Діонисій Ареопагитъ и Іероѳей. Здѣсь сказано, что Богоматерь «тридневно преставилася» (ред. В, С и D). О чудесномъ собраніи апостоловъ говорится такъ:

«Богоначальнымъ мановеніемъ отвсюду богоносніи апостоли, *облаки высоуѣ взимаеми*, дошедше пречистаго и живоначальнаго Твоего тѣла любезно лобызаху».

Упоминается о «молитвахъ и пощеніяхъ», въ которыхъ Богоматерь ожидала Своего преставленія, объ ангелахъ, сопровождавшихъ гробъ Ея. Афоній не названъ, но о зломъ дѣяніи его пѣснопѣніе выражается такъ:

«О борительный и строптивый родъ еврейскій, Сына коту [80]) предалъ еси: и нынѣ руцѣ воздвизаеши на Матерь (26).

[80]) Т. е. палачу.

«Како животу живота Бога жива прикоснутися, лукаве, дерзнулъ еси; но постиже судъ отсѣченіемъ» (ibid.).

Вполнѣ ясно сказано о вознесеніи Богоматери съ тѣломъ и о томъ торжествѣ, съ которымъ Она была встрѣчена на небесахъ:

«Честное Твое тѣло, Дѣво, тлѣнія и во гробѣ не оувѣдѣ: по съ тѣломъ прешла еси отъ земли къ небеси (стр. 13. в.).

«Богъ славы, Сынъ Твой, честная, со славою яко *Матерь пріятъ Тя и посади одесную Себе* (15) [81]). Всѣ души святыхъ праотецъ и пророкъ и праведныхъ снидошася, исходную приносяще пѣснь» [82]).

Поминается «поясъ честный», врученный Богородицею ѳомѣ [83]), который, проявивъ свое невѣріе при воскресеніи Христа, теперь «увѣряетъ прочихъ о возстаніи Твоемъ глаголя: рыданія время преста; не плачите, воскресеніе же Дѣвы рцыте» [84]).

Здѣсь очевидно отраженіе нѣсколькихъ редакцій и сравнительно поздно развившихся представленій, о которыхъ мы будемъ говорить ниже. Теперь же обратимся къ иконографіи успенія на Руси.

Древнѣйшая икона успенія Богородицы находится въ Кіево-Печерской Лаврѣ (перенесена на Русь изъ Византіи во второй половинѣ XI вѣка) [85]); въ ней такъ мало подробностей, что нельзя опредѣлить, какой редакціи легенды слѣдовалъ художникъ. Надо думать, что это была редакція изъ краткихъ, которая ничего не говорила ни о дѣвахъ, ни о Діонисіи съ Тимоѳеемъ и Іероѳеемъ, такъ какъ при одрѣ Богородицы находятся, кромѣ Христа и парящихъ ангеловъ, только 12 фигуръ—апостоловъ. Жидовина на этомъ изображеніи нѣтъ, что, впрочемъ, не доказываетъ его отсутствія въ легендѣ: здѣсь взятъ другой моментъ событія.

Русскій подлинникъ по древнѣйшей Большаковской ред. [86]) не совсѣмъ сходенъ съ этой иконой, такъ какъ въ немъ поминаются «двѣ жены вдовы», взятыя, очевидно, изъ ред. С, и два святителя съ долгими брадами и книгами, вѣроятно, Діонисій и Іероѳей.

То обстоятельство, что на иконѣ есть 2 ангела, готовые принять душу Богородицы, не имѣетъ существеннаго значенія, такъ какъ по единственной

---

[81]) О вліяніи запада на такое представленіе см. ниже.

[82]) Ниже поименно называются встрѣтившіе Ее праотцы Адамъ и Ева а также Іоакимъ и Анна (ред. А).

[83]) Стр. 25 в.

[84]) Стр. 35.

[85]) Буслаевъ l. c. 103.

[86]) Ibid. стр. 104.

редакціи, въ которой Христосъ передаетъ душу Богородицы (С), Онъ передаетъ ее одному Михаилу.

Изображенія успенія на такъ назыв. Васильевскихъ дверяхъ [87]) (1336 г.) служатъ какъ бы комментаріемъ къ древнѣйшей греческой формѣ успенія, какъ мы ее знаемъ по иконѣ Кіево-Печерской Лавры: на нихъ тѣ-же 12 фигуръ—апостоловъ, тотъ-же Христосъ съ душею Богоматери на рукахъ; но 2 ангела на верху, которые на Лаврской иконѣ парятъ съ пеленами на рукахъ, чтобы принять душу Богородицы, здѣсь возносятъ ее къ небу. У возносимой фигуры, судя по описанію, въ рукахъ находится пальмовая вѣтвь (вравіе), указывающая на ред. С [88]).

Въ Новгородскомъ Софійскомъ соборѣ есть двѣ сложныя иконы успенія, которыя, судя по описанію, представляютъ воспроизведеніе 2-хъ разныхъ редакцій, а именно, одна изъ нихъ съ обстоятельными надписями (1) *архангелъ принесе вѣтвь райскую Пресв. Богородицѣ передъ успеніемъ Ея*; 2) Пресв. Богородица вземъ вѣтвь райскую, архангелъ же благовѣсти Ей скорое отшествіе къ вѣчному животу; 3) Пресв. Богородица показуетъ вѣтвь райскую вѣрнымъ; 4) Собрашеся апостолы облакомъ ко Пресв. Богородицѣ и бесѣдоваше Владычица послѣднимъ бесѣдованіемъ; 5) *Ненавистницы Христови жидове хотяше озлобити Богородицу, но ангели Господни самимъ воздаша казнь;* 6) Пріиде Господь Іисусъ Христосъ съ силами святыхъ взяти душу Матере Своея Пресвятыя Богородицы) слѣдуетъ ред. С и притомъ въ томъ ея видѣ, когда она еще не была интерполирована изъ А; другая же, судя по «евреину Аѳонію», слѣдуетъ редакціи А; отдѣльно написанная фигура Богоматери, сидящей въ кругѣ на престолѣ, есть воспроизведеніе общей идеи о Царицѣ Небесной, которая совершенно законно должна была пріурочиться къ успенію особенно въ той его редакціи, гдѣ ясно говорится о предстательствѣ Богоматери за міръ.

Такое же точно изображеніе успенія съ Аѳоніемъ, съ ангелами, несущими апостоловъ на погребеніе, и съ Богоматерью, сидящей на престолѣ, находимъ мы и на древней иконѣ Вологодскаго Софійскаго собора [89]).

Въ Христіанскомъ Музеѣ при Академіи Художествъ имѣется цѣлая коллекція иконъ успенія какъ греческихъ (меньшинство), такъ и русскихъ древнихъ писемъ; греческія успенія [90]) всѣ безъ жидовина; русскія (около 20)

---

[87]) См архх. Леонида: Историческое и археологическое описаніе первокласснаго Успенскаго женскаго монастыря въ гор. Александровѣ. Спб. 1884, стр. 83 и слѣд.

[88]) Такое-же точно изображеніе успенія видѣлъ я въ Савостьяновскомъ спискѣ у кн. П. П.Вяземскаго, но не могъ различить пальмовой вѣтви.

[89]) См. Суворова Описаніе. Москва, 1863, стр. 52.

[90]) См. №№ 54, 55, 56, 57.

почти всѣ съ жидовипомъ, надъ которымъ ангелъ подъялъ мечъ. Но въ Кіевскомъ Христіанскомъ Музеѣ при Духовной Академіи на иконахъ XVI—XVII вѣка часто встрѣчается успеніе безъ Аѳоніи. Безъ него же изображено успеніе на любопытной Сорокинской иконѣ XV в. (№ 28); ея доска раздѣлена на 4равныя части для 4-хъ изображеній исключительно Богородичныхъ праздниковъ: налѣво Рождество Богородицы, подъ нимъ Благовѣщеніе; направо Введеніе во храмъ и подъ нимъ успеніе. Также успеніе изображено въ лѣвомъ придѣлѣ Софійскаго собора.

Въ томъ-же Кіевскомъ Христіанскомъ Музеѣ отмѣтимъ еще 2 иконы: 1) № 147 (изъ Сорокинской коллекціи Строгановскихъ третьихъ) съ Аѳоніемъ, на которой воздушное пространство занято, во 1-хъ, рядомъ мелкихъ изображеній, какъ ангелы собираютъ апостоловъ, въ томъ числѣ *и Ѳому* [91]), а во 2-хъ, изображеніемъ Богоматери въ мандорлѣ, поднимаемой 2-мя ангелами; 2) изъ вновь поступившихъ (изъ Подольской губ., писанную, можетъ быть, молдаванпномъ, но съ русскаго оригинала въ XVI—XVII в.?), на которой Аѳонія нѣтъ, а кромѣ Христа и Богоматери имѣются 15 мужскихъ фигуръ (12 апостоловъ, Діонисій, Іероѳей и Тимоѳей?) и одна женская, надъ которой имѣется неразборчивая надпись, нѣчто въ родѣ: *мрамея*. Не есть ли это непонятое и не туда отнесенное художникомъ слово: вравея (βραβεῖον)?

Въ такомъ случаѣ мы должны отнести эту икону къ ред. С, съ чѣмъ согласуется и необычное положеніе Христа, который не держитъ въ рукахъ душу Богоматери (надъ нею ясная надпись: *душа*), а протягиваетъ къ ней руки, чтобы передать ее одному ангелу (по С Михаилу), приготовляющемуся къ ея воспринятію.

Самое рѣзкое иконописное изображеніе по ред. А, какое намъ случалось видѣть или о какомъ случалось читать, находится въ успенскомъ каѳедральномъ соборѣ въ Ярославлѣ (XVII в.), гдѣ кругомъ главной иконы съ Аѳоніемъ (Авѳоній) находится 16 малыхъ иконъ; подъ ризой ихъ неудобно разсмотрѣть въ подробности, но между ними ясно видны апостолы, выходящіе изъ гробовъ, и толпа жидовъ, пытающаяся сжечь домъ Богородицы.

Въ русскихъ подлинникахъ, сколько намъ удавалось ихъ сличать для этой спеціальной цѣли, мы видѣли то-же колебаніе между ред. А и ред. С, причемъ, естественно, обѣ онѣ являются въ очень сокращенномъ видѣ и могутъ различаться (да и то не всегда) только второстепенными признаками, а именно присутствіе Ѳомы въ моментъ Успенія служитъ примѣтой А, а двѣ вдовицы—примѣтою С. Но ни въ одномъ намъ не случалось видѣть ни вознесенія Богородицы (3-й сюжетъ Аѳонской Герминіи), ни тѣмъ менѣе вѣнчанія Богородицы, которое переходитъ на Русь съ запада; но объ этомъ ниже.

---

[91]) Очевидно, по ред. А.

Что касается до русскихъ путешественниковъ въ св. Землю, они, разумѣется, видѣли только то, что имъ показывали, и ихъ сообщенія не представляютъ ничего особенно интереснаго для исторіи легенды.

Даніилъ Паломникъ видѣлъ мѣсто, «идѣже жидовинъ Офоніа хотѣлъ соврещи съ одра тѣло Св. Богородица, егда несяху апостоли въ Геписманію, и отгя ему ангелъ Господень обѣ руцѣ мечемъ пламеннымъ», и видѣлъ гробъ Богородицы «въ удолнемъ мѣстѣ (пещера была велика въ камени иссѣчена), дверци же имущи малы, яко же можеть человѣкъ влѣзти въ ня, и есть въ пещерѣ той противу дверемъ яко лавица засѣчена въ томъ же камени пещерномъ и на той лавици положено бысть тѣло Св. Богородица, а *оттолѣ взято бысть въ рай нетлѣнно суще*» [92]).

Изъ опредѣленности послѣдняго указанія и изъ имени жидовина можно съ значительной вѣроятностью вывести заключеніе, что Даніилъ слѣдовалъ редакціи А.

Отъ XIV вѣка мы имѣемъ свидѣтельство, которое мы были бы должны считать очень важнымъ, если-бы полнѣйшее несогласіе его съ извѣстными редакціями не заставляло насъ предполагать здѣсь недосмотра путешественника или ошибки въ рукописи. Въ Бдинскомъ сборникѣ (1360 г.) [93]) мы читаемъ: «Ту (внѣ Іерусалима) домь Іоанна Богослова и въ велицѣй церкви одрь на немьже престависе мати Божія. Ту *камень горы сіонскые егоже ангелъ принесе на пръставленіе Богородицы*». Камень при успеніи при нашихъ текстахъ совершенно непонятенъ.

Іеродіаконъ Зосима (1420 г.) тоже видѣлъ мѣсто, «гдѣ ангелъ жидовину руку отсѣкъ» [94]). Коробейниковъ говоритъ, что тѣло Богоматери было взято изъ гроба окномъ и положено, «идѣже Богъ вѣсть»; слѣд. онъ держится ред. С. Гогара (1634 г.) видѣлъ при гробѣ Богоматери церковь съ проломаннымъ верхомъ и даетъ понять, что тѣло Ея было взято ангелами черезъ этотъ проломъ.

Что касается до лубочныхъ изображеній, то они, какъ и слѣдовало этого ожидать по новости этого вида искусства, если не представляютъ простаго воспроизведенія древнихъ иконъ (въ особенности Печерской), то принимаютъ позднѣйшія чисто западныя представленія [95]).

Обращаясь къ духовнымъ стихамъ или, вѣрнѣе сказать, къ кантамъ объ успеніи [96]), мы и въ нихъ видимъ то-же самое, что въ лубочныхъ картинахъ,

---

[92]) По изд. А. С. Норова. Спб. 1864, стр. 44—45.

[93]) См. въ Памятникахъ Древней Письменности. Спб. 1882, стр. 22.

[94]) Сказанія Сахарова II, 65.

[95]) См. Ровинскій III, 459 и слѣд.

[96]) Калѣки перехожіе, вып. V, №№ 431—436.

т. е. часть является воспроизведеніемъ старинной византійской легенды, а часть находится въ зависимости отъ заимствованій съ запада. Здѣсь мы скажемъ только о первой группѣ.

№ 431, какъ видно изъ словъ:

И ты, Ѳомо, не поздайся:
Въ Геѳсиманію поспѣшайся,

исходитъ изъ ред. С. № 432, напротивъ, ближе къ А, чѣмъ къ С. № 434 представляетъ довольно любопытную попытку примирить, слить во едино два преданія. Поэтъ говоритъ:

Ѳома въ Индіи збавился,
На погребъ Дѣвы спознился,
А потомъ приспѣвши зѣло рыдалъ
И припадалъ
Ко гробу лицемъ, жалилъ сердцемъ,
Же Дѣвы успувшей не оглядалъ.

Здѣсь позднее прибытіе Ѳомы взято, очевидно, изъ С, а Индія, какъ мѣсто его проповѣди, и изложенное въ послѣдующихъ стихахъ нападеніе Афонія на гробъ Богоматери—изъ А.

По нашему мнѣнію, съ сказаніемъ объ успеніи стоитъ въ связи и другой стихъ, несравненно болѣе упародившійся, а именно стихъ о Сіонской горѣ, гдѣ

Стояла церковь апостольская.
Во той во церкви три гроба стоятъ,
Три гроба стоятъ кипарисные:
Во первомъ гробѣ Святая Дѣва,
Въ другомъ гробѣ Іоаннъ Богословъ,
Въ третьемъ гробѣ самъ Іисусъ Христосъ[97]) и т. д.

Соединеніе Христа, Богородицы и Іоанна объясняется, полагаемъ мы, тѣмъ, что всѣ эти три гроба были только временнымъ и недолгимъ жилищемъ для своихъ обитателей; цвѣты, птицы райскія и пѣсни архангельскія—представленія, развившіяся изъ сказанія объ Успеніи и изъ его иконографическаго изображенія.

Въ заключеніе этой части нашего реферата привлечемъ сюда же, такъ сказать, съ вопросительнымъ знакомъ одно чисто народное сказаніе—объ Иванѣ Грозномъ: когда бояре возстали противъ него и не хотѣли ему повиноваться,

---

[97]) Келѣки перехожіе, № 400 (вып. IV, стр. 248) и слѣд. Іоанна Предтечу слѣдующихъ варьянтовъ мы считаемъ за порчу первоначальнаго мотива подъ вліяніемъ извѣстной иконографической фигуры деисуса или вѣрнѣе *деисиса*.

березка преклонила передъ нимъ свои вѣтви, какъ бы пристыжая тѣмъ непокорность человѣческую передъ властью, установленной Богомъ [98]). Мы беремъ это сказаніе не какъ unicum особаго рода: въ книгѣ Mannhart'a Der Baumkultus или въ книгѣ Фюргиссона [99]) можно найти цѣлый рядъ подобныхъ примѣровъ преклоненія деревьевъ изъ почтенія, чтобы сопоставить съ этимъ преклоненіе садовъ передъ Богоматерью, которое мы видѣли въ ред. С или въ его сокращеніи въ Макарьевской Минеѣ. Но мы вовсе не думаемъ, что всѣ эти случаи или часть ихъ могутъ быть объяснены изъ одного литературнаго источника: происхожденіе ихъ до крайности разнообразно.

Мы привлекли сюда сказаніе о Грозномъ только потому, что находимъ въ немъ выраженіе той-же идеи — вдумчивый читатель сказанія легко могъ сопоставить покорность деревьевъ съ непокорностью жидовъ и ихъ архіереевъ —, и по тождеству идеи благочестивое сказаніе *закрѣпляло* въ образномъ мышленіи человѣка древнее представленіе и *способствовало* его легчайшему пріурочепію къ новымъ лицамъ и событіямъ. Проще говоря: мы не думаемъ, что сказаніе о березкѣ, поклонившейся Грозному, можно объяснить *исключительно* изъ Слова объ Успеніи, но полагаемъ, что первое *отчасти* зависитъ отъ втораго.

Иначе мы смотримъ на *золотой* или шелковый поясъ Богородицы, который часто встрѣчается въ заговорахъ, загадкахъ и пр. [100]): онъ всецѣло одолженъ своимъ происхожденіемъ вышеприведенной легендѣ и иконографіи Покрова Богородицы; соединеніе двухъ столь сродныхъ представленій въ одно не только естественно, но и необходимо. Усвоивъ его, народъ вполнѣ удобно могъ примѣнять его къ подходящему явленію природы—радугѣ, причемъ, конечно, не смѣшивалъ Богородицу ни съ какою богинею.

Западная церковь въ продолженіи многихъ столѣтій жила почти исключительно тѣми догматическими, литературными и художественными идеями, которыя она получала съ византійскаго востока. Въ этомъ—проявленіе ея слабости и въ этомъ же источникъ ея послѣдующей силы; пока востокъ трудился надъ выработкою догматовъ и ихъ литературнаго и художественнаго выраженія, западъ преслѣдовалъ главнымъ образомъ задачи практическія, и церковь его объединилась въ стройное и могучее политическое тѣло. Рано западная церковь стала под-

---

[98]) Труды третьяго Археологическаго Съѣзда I, 339.

[99]) Tree and Serpent worship.

[100]) См. Аѳанасьевъ Поэт. Воззр. I, 360 и др.

вергать строгой цензурѣ свободные и часто разнорѣчивые идеи и образы, приходившіе съ востока, которому сильная административная власть давала возможность предаваться этой умственной роскоши.

Западная церковь пользовалась чужимъ добромъ, но принимала его съ строгимъ разборомъ, избѣгая крайностей, и старалась прочно внѣдрять заимствованное въ мысль и фантазію членовъ своего духовнаго стада, по поговоркѣ: non multa, sed multum.

Она рано порвала съ языческой наукой, и ея высшіе представители въ VI—VII вѣкахъ готовы хвалиться своимъ невѣжествомъ даже въ латинской грамматикѣ, тогда какъ въ Византіи и въ X столѣтіи обширное литературное образованіе, знаніе Гомера, Гезіода, Эсхила считалось почти необходимостью для всякаго крупнаго политическаго дѣятеля, и часто монахъ, проклинающій по обязанности эллинское лжемудрованіе, поражаетъ читателя основательностью своихъ знаній въ области античной поэзіи и исторіографіи, а подчасъ и оригинальностью своей мысли, точно такъ же, какъ византійскій миніатюристъ и иконописецъ удивляетъ зрителя античной красотой образовъ и глубиною художественной идеи. *Византійщина* въ смыслѣ умственнаго и нравственнаго застоя гораздо болѣе подходящій эпитетъ для западной культуры послѣднихъ столѣтій передъ крестовыми походами, нежели для самой Византіи.

Но ко времени полнаго разцвѣта средневѣковой жизни, къ XI—XII вѣкамъ, положеніе дѣлъ измѣняется въ обратную сторону. Западная догматика, церковная наука, поэзія и искусство начинаютъ очень энергично свою самостоятельную жизнь, начинаютъ развивать далѣе то, что получили съ христіанскаго востока, конечно, въ томъ направленіи, которое было обусловлено характеромъ западныхъ народностей и жизненными отношеніями папско-феодальной Европы; между тѣмъ какъ Византія, со всѣхъ сторонъ урѣзанная, ежеминутно дрожащая за свое существованіе, застываетъ умственно и живетъ только повтореніемъ стараго. Положимъ, что именно во время крестовыхъ походовъ византійское преданіе находитъ себѣ особенно легкій доступъ на западъ, но теперь оно быстро и энергично перерабатывается часто до неузнаваемости своего источника. Скоро начинается обратное вліяніе запада на востокъ, продолжавшееся въ области церковной жизни до начала нашего столѣтія.

Эти общія положенія съ особенной наглядностью примѣняются къ культу Богоматери. Извѣстно, что всѣ подробности догмы для почитанія Богородицы, также какъ и Ея легенду и всю іератику иконописи развилъ исключительно востокъ; западъ долго только принималъ выработанное востокомъ и принималъ съ осторожностью неразвитаго и неувлекающагося ученика. Но разъ усвоивъ себѣ въ главныхъ чертахъ эту идею и ея художественно-поэтическое выраженіе, западные народы развиваютъ ее самостоятельно, и всѣмъ извѣстно, какой высоты почитаніе Мадонны достигло въ эпоху процвѣтанія рыцарства и средне-

вѣковой поэзіи. Западные богословы старались регулировать вѣрованія и представленія массы, но послѣдняя далеко не всегда готова подчиниться имъ, и хотя въ концѣ концовъ богословскія идеи оказываются въ равновѣсіи съ народнымъ культомъ, трудно сказать, какая изъ сторонъ оказала больше вліянія на другую.

Эти общія положенія находятъ полное подтвержденіе въ исторіи сказанія объ успеніи Богородицы и его иконописномъ выраженіи.

Отсылая читателей за фактами къ словарю Смита и Чизама (Smith and Cheetham), къ соотвѣтствующей главѣ книги Рого де Флёри, къ книгѣ м-съ Джемсонъ [101]) или къ ея нѣмецкой передѣлкѣ доктора Экля [102]) и къ двумъ статьямъ Бенрата [103]), мы ограничимся только немногими общими выводами и частными дополненіями.

Въ X—XI столѣтіяхъ ведется изъ-за Успенія Богородицы глухая борьба между массой западныхъ христіанъ, которые вѣрятъ сказанію о вознесеніи Ея тѣла, и осторожными богословами, которые признаютъ это сказаніе не заслуживающимъ довѣрія апокрифомъ. Въ XII столѣтіи борьба оканчивается побѣдой массы вѣрующихъ. Эта побѣда обусловлена общимъ развитіемъ культа Богоматери, о которомъ здѣсь мы говорить не будемъ, но приведемъ нѣсколько фактовъ, наглядно объ ней свидѣтельствующихъ.

Праздникъ успенія еще раньше XII вѣка пользовался такимъ уваженіемъ въ народѣ и низшемъ духовенствѣ, что по одной легендѣ, приведенной Петромъ Даміаномъ (988—1072), въ этотъ день души, мучимыя въ чистилищѣ, получали освобожденіе отъ мученій [104]); а по словамъ Оттонова біографа Эббона (III, 22), въ Германіи въ этотъ день считалось великимъ грѣхомъ работать. Праздникъ ежегодно оживлялъ сказаніе объ успеніи и оказывалъ давленіе на богослововъ.

Изъ словъ аббата Гиберта (1124 г.) [105]) видно, что церковь не рѣшалась утвердительно говорить о воскресеніи Богоматери, но не запрещала этому вѣ-

---

[101]) Legends of the Madonna as represented in the fine arts. By Mrs *Jameson* (third edition, London 1864).

[102]) Эта передѣлка, неизвѣстно почему, явилась въ качествѣ самостоятельнаго произведенія нѣмецкой науки подъ заглавіемъ: Die Madonna als Gegenstand christlicher Kunstmalerei und Sculptur von Dr. B. Eckl, vollendet von Carl Atz. Brixen 1883.

[103]) *Benrath*: Zur Geschichte der Marienverehrung въ журн. Theologische Studien u. Kritiken за 1886 г. Heft. I и II. Ср. также *Alwin Schultz*: Die Legenden vom Leben der Jungfrau Maria etc. Leipzig 1878 и двѣ мои статьи: Сказанія о житіи Дѣвы Маріи (Ж. М. Н. Пр. CCXXVIII, отд. 2) и Миніатюры часослововъ (Худож. Новости № 16, 1883 г.).

[104]) См. Mussafia: Studien zu den mittelalterlichen Marienlegenden. Wien 1887, стр. 10.

[105]) См. Ceiller o. c. т. XIV, стр. 198.

рить; а Св. Бернаръ уже принимаетъ вознесеніе тѣла Богоматери, какъ фактъ [106]).

Отъ XIII столѣтія мы имѣемъ слѣдующую чрезвычайно характерную легенду: Цезарій Гейстербахскій (ум. 1240 г.) разсказываетъ въ своемъ Діалогѣ о чудесахъ [107]), что одинъ ломбардскій монахъ Бертрамъ не могъ равнодушно слышать о тѣлесномъ вознесеніи Богоматери и наканунѣ праздника Успенія ушелъ изъ монастыря, чтобы не слыхать чтенія Словъ Іеронимовыхъ (псевдо-Іеронимово краткое сказаніе, очевидно, казалось ему нечестивымъ апокрифомъ). Онъ былъ вознесенъ въ видѣніи въ незнакомое мѣсто, гдѣ нашелъ небесную церковь, въ которой Богоматерь и святые отправляли службу. По окончаніи службы Богоматерь сказала ему: знай за вѣрное (Noveris pro certo), что я прославлена въ той и другой субстанціи, т. е. тѣломъ и душею, и въ *сороковой день* воскресла изъ мертвыхъ [108]).

Въ XIV вѣкѣ, Дантъ въ «Божественной комедіи» выражаетъ всеобщее, твердо, но очевидно, еще не очень давно установившееся мнѣніе, что Богоматерь вознеслась душею и тѣломъ [109]).

Обращаясь къ западной иконографіи, мы прежде всего напомнимъ вышеупомянутую миніатюру Глазговской псалтыри, въ которой такъ сильно *подчеркнуто* вознесеніе тѣла Богоматери, и на многія изображенія XII и послѣдующихъ вѣковъ, гдѣ пустой гробъ выражаетъ ту же самую идею. Затѣмъ обращаемся къ *впѣчанію Богоматери на небѣ* [110]), первыя изображенія котораго появляются въ XII вѣкѣ.

Бенратъ думаетъ, что въ основѣ этого иконописнаго представленія лежитъ типъ Царицы Небесной, перенесенный на западъ съ востока во время иконоборства. Мы не беремъ на себя смѣлость утверждать, что этотъ переходъ совершился именно въ указанное Бенратомъ время, но самый фактъ перехода,

---

[106]) Ibid. стр. 486.

[107]) Dialogus Miraculorum по изд. Strange, Köln 1850. Distinctio septima, гл. 37.

[108]) Мы не знаемъ легенды, которая воскресеніе Богоматери относила бы на такой долгій срокъ. Вѣроятно, это было какое-нибудь сокращеніе изъ А, стремившееся удалить слишкомъ ясную параллель съ Христомъ. Судя по отвѣту новиція (His verbis concordat visio dominae Elisabeth de Sconavia, in qua legitur sub eisdem verbis Dominam nostram ei resurrectionem suam revelasse), эта ред. пользовалась нѣкоторою извѣстностью.

[109]) Paradiso XXV, 127:

Con le due stole nel beato chiostro
Son le duo luci sole che saliro.

[110]) Указанный у Рого де Флери (№ 5) примѣръ отъ X вѣка возложенія вѣнца на распростертое тѣло Богоматери, по нашему мнѣнію, сюда не относится: это произволъ художника, растолковавшаго такимъ образомъ слова какой либо-церковной пѣсни о чести, которой удостоилось свыше тѣло Богоматери.

въ силу вышевысказанныхъ общихъ положеній и въ силу фактовъ, приводимыхъ проф. Кондаковымъ въ его книгѣ о церквахъ Константинополя [111]), мы признаемъ несомнѣннымъ. По нашему мнѣнію, типъ увѣнчанной Богоматери имѣлъ первоначально тоже символическое значеніе, какъ и фигура Оранты въ изображеніяхъ Вознесенія Христова: Оранта безъ короны и на землѣ есть церковь земная, а женская фигура на облакахъ съ короной на головѣ есть побѣдоносная *церковь небесная*. Мы не беремся теперь доказывать этого положенія, такъ какъ это отвлекло бы насъ далеко въ сторону, но считаемъ достаточнымъ указать на него, какъ на пунктъ отправленія. Для насъ важно то, что такой типъ долженъ былъ пріурочиться къ сказанію о вознесеніи Богородицы и именно на западѣ, гдѣ символика византійскаго искусства часто получала историческое толкованіе.

Болѣе ранніе памятники изображаютъ собственно не вѣнчаніе Богоматери, а *увѣнчанную Богоматерь*, сидящую рядомъ съ Христомъ по извѣстному тексту: «сѣде царица одесную мене». На одномъ изъ такихъ общеизвѣстныхъ изображеній (1130—1143 г.) въ книгѣ, которую держитъ въ рукахъ Христосъ, написаны слова, ясно указывающія на стремленіе художника выразить въ этой увѣнчанной женской фигурѣ церковь или одновременно съ Богородицей, или даже безъ Богородицы: «Veni electa mea et *ponam in te tronum meum*». Любопытно, что не только средневѣковые зрители этой прекрасной мозаики не поняли его идеи, но даже и авторъ современнаго намъ изслѣдованія о Мадоннѣ перевелъ эти слова невѣрно: «приди, моя избранная, *я помѣщу тебя на тронѣ моемъ*» [112]).

Въ памятникахъ болѣе позднихъ (XII и XIV вѣка) Богоматерь, продолжая сидѣть рядомъ съ Христомъ, наклоняетъ передъ Нимъ голову, на которую Онъ возлагаетъ корону; еще позднѣе Она спускается съ трона на колѣни (иногда на одно колѣно), и въ коронующей Ее божественной личности часто надо видѣть не Христа, а Бога—Отца. Еще позднѣе входитъ въ употребленіе вѣнчаніе Богородицы, совершаемое Отцемъ, Сыномъ и Св. Духомъ вмѣстѣ.

Само собою разумѣется, что нельзя всѣ изображенія вѣнчанія расположить въ хронологическомъ порядкѣ по вышеприведенной схемѣ: художникъ XV вѣка и даже позднѣе могъ имѣть передъ собою очень старый оригиналъ [113]), и художникъ ранней эпохи могъ по собственному соображенію дойти до послѣдней стадіи развитія иконописнаго типа.

---

[111]) Стр. 20 и слѣд.

[112]) Jameson стр. 15 о. с.: Come, my chosen one, and *I will place thee upon my throne.*

[113]) Даже у Корреджіо въ Пармскомъ Incoronazione della Vergine на Богородицу вѣнокъ возлагаетъ Христосъ, но надъ этимъ вѣнкомъ паритъ Св. Духъ.

Отъ этого типа сперва стоитъ въ сторонѣ Слава Богородицы (Gloria Mariae), изображаемая поклоненіемъ ангеловъ передъ Богоматерью [114]); но такъ какъ въ дальнѣйшемъ развитіи надъ головой Богоматери является корона, поддерживаемая ангеломъ, то происходитъ сліяніе 2-хъ типовъ, столь родственныхъ по первоначальному смыслу, и чѣмъ ближе къ эпохѣ возрожденія, тѣмъ больше и больше закрѣпляется такой типъ вѣнчанія: Богоматерь стоитъ на колѣняхъ передъ Богомъ-Отцемъ (часто имѣющимъ въ рукѣ державу міра), по манію или благословенію Котораго ангелъ возлагаетъ на Ея голову корону [115]).

Самое возрожденіе допускаетъ значительную свободу въ этомъ, какъ и въ другихъ сюжетахъ: встрѣчается вѣнчаніе Богородицы однимъ Христомъ, однимъ Богомъ-Отцемъ, но чаще всего всѣми тремя лицами Св. Троицы, при чемъ Св. Духъ непремѣнно изображается въ видѣ голубя [116]). Эта послѣдняя форма, какъ увидимъ ниже, пришла и къ намъ на Русь.

Вѣнчаніе Богоматери въ небѣ служитъ дополненіемъ къ земной сценѣ—успенію; чѣмъ болѣе развивается первое, тѣмъ все болѣе и болѣе упрощается послѣднее. Тогда какъ у насъ, вплоть до настоящаго времени [117]), удержалась древняя форма Успенія съ Христомъ, Который, стоя у одра Богоматери, держитъ на рукахъ Ея душу, а часто и съ Аѳоніемъ, на западѣ уже въ XIV вѣкѣ (напр. у Андрея Орканьи) Успеніе Богородицы превращается въ сцену обычнаго прощанія съ покойницей, которое въ XV и XVI вѣкахъ принимаетъ все болѣе и болѣе реалистическія черты [118]). Очевидно, вѣяніе новыхъ идей, предвозвѣщавшее реформацію на сѣверѣ Европы и послѣдовавшую за нею спиритуализацію религіи на ея югѣ, требовало ослабленія чудеснаго въ изображеніи земныхъ событій, что могло быть возмѣщаемо усиленіемъ элемента

---

[114]) Нѣкоторыя данныя заставляютъ предполагать, что на христіанскомъ востокѣ именно этотъ простѣйшій типъ утвердился преимущественно передъ другими, соединившись съ типомъ апокалипсической жены. О ней см. въ изслѣдованіи Ѳ. И. Буслаева о Лицевомъ Апокалипсисѣ, стр. 36 и др. Въ русскомъ лицевомъ подлинникѣ XVIII в. (Общ. Люб. Др. Письм. № 1407) надъ Успеніемъ изображено поклоненіе двухъ ангеловъ Богородицѣ.

[115]) Этотъ типъ можно признать господствующимъ въ часословахъ. Въ моемъ часословѣ XV в. есть любопытная черта, указывающая на переходъ одной формы въ другую: Господь сидитъ на престолѣ, стоящемъ въ богато украшенномъ покоѣ, а Богоматерь паритъ на облакахъ, доходящихъ до подножія престола.

[116]) Вѣнчаніе изображается или на престолѣ небесномъ, какъ въ картинѣ Matte (Accademia, Venezia), или въ облачномъ пространствѣ, какъ на картинѣ Веронезе (церковь Св. Себастьяна ibid.), или часто въ богато украшенной небесной храминѣ. Кругомъ изображаются славословящіе ангелы и святители.

[117]) По крайней мѣрѣ на складняхъ.

[118]) См. *Maynard:* La Sainte Vierge, 1877. 309 и слѣд.

мистическаго. Наивная вѣра среднихъ вѣковъ готовится перейдти въ нездоровый сантиментализмъ позднѣйшаго католичества [119]).

Возвратимся на минуту къ исторіи легенды, чтобы видѣть, какимъ измѣненіямъ подверглась она на западѣ подъ вліяніемъ его самостоятельныхъ идей.

Самый крупный фактъ въ исторіи этой легенды на западѣ (такъ же, какъ и въ исторіи многихъ другихъ) есть ея закрѣпленіе въ знаменитомъ сборникѣ Якова де Ворагине (1230--1298 г.). У него сказаніе объ Успеніи Богоматери помѣщено въ двухъ видахъ. Въ главѣ CXIX [120]) онъ ссылается на апокрифическую книгу, приписанную евангелисту Іоанну, и затѣмъ довольно свободно, съ сокращеніями и вставками изъ псевдо-Іеронима пересказываетъ редакцію

---

[119]) Чрезвычайно поучительна наглядность этого перехода изъ одной формы Успенія въ другую: душа Богородицы, возносимая Христомъ или ангелами, постепенно выдѣляется изъ сцены, поднимается все выше и выше, чтобы исчезнуть потомъ за облаками и явиться совсѣмъ въ иной формѣ передъ престоломъ Божіимъ. У Орканьи ея вознесеніе въ такъ называемой мандорлѣ составляетъ отдѣльную верхнюю сцену. Въ Breviario Grimani (кон. XV в., изданъ Онганьей въ 1862 г.) Успеніе и Вѣнчаніе—не только двѣ разныя сцены, но и двѣ независимыя картины; въ первой изъ нихъ внизу лежитъ покойница; около нея опечаленные друзья ея (только слабый вѣнчикъ, котораго впрочемъ лишена сама Богоматерь, указываетъ на ихъ иконографическое значеніе); наверху подъ потолкомъ храмины какъ-бы въ медальонѣ изображена душа Богоматери; медальонъ этотъ съ боковъ поддерживаютъ 8 ангеловъ, а сверху его обхватываетъ небольшая мужская фигура, въ которой только аналогія даетъ возможность узнать Христа. Вѣнчаніе совершается въ небесной храминѣ: Богоматерь стоитъ на колѣняхъ передъ Господомъ въ тройной коронѣ, Который одной рукою возлагаетъ на Нее вѣнецъ, а другой благословляетъ Ее. Богоматерь благоговѣйно сложила руки; кругомъ какъ-бы въ туманѣ видны лики святыхъ; внизу славословящіе и кадящіе ангелы. — Любопытна ошибка, въ которую впалъ безъ умысла, но вслѣдствіе предвзятой идеи современный намъ католическій писатель (Франческо Занотто); онъ говоритъ (при табл. LXXXVIII): Assunta l'anima di Maria, veniva assunta eziandio la purissima *salma* sua, sichè unite dovessero tosto conseguire l'onore, a cui niuna umana creatura potea ottenere, т. е. коронованіе. Онъ доказываетъ, что Богоматерь не умерла, а уснула на нѣсколько мгновеній (per brevi istanti), и далѣе утверждаетъ: Ed che qui giunta la Vergine *in corpo ed anima* al trono dell'eterno suo Figlio, riceve dalle mani di lui l'aurea corona. Стало быть, здѣсь на небѣ мы должны видѣть то же самое лице, что и въ сценѣ Успенія. Но дореформаціонный художникъ понималъ дѣло совсѣмъ иначе: въ сценѣ Успенія (табл. 87) мы видимъ старую женщину лѣтъ 60—70 съ изсохшими руками, а здѣсь передъ Господомъ стоитъ дѣвушка лѣтъ 16—18. Вотъ одинъ изъ многихъ фактовъ, показывающихъ, какъ далеко новое католичество уходитъ отъ средневѣковаго! Въ Венеціанскомъ Св. Маркѣ (изд. Онганьи табл. XXIII, XV—XVI в.) Успеніе изображено такимъ образомъ: Богоматерь лежитъ внизу безъ сіянія, мертвая; наверху—выше потолка Христосъ держитъ Ея душу въ одеждѣ.

[120]) Legenda Aurea по изд. Грессе, Дрезденъ 1846.

псевдо-Мелитона [121]), а къ концу ея механически привязываетъ прибавку въ двухъ строкахъ о Ѳомѣ и поясѣ Богородицы. Интереснѣй для насъ другая редакція подъ заглавіемъ: «de modo assumptionis beatae Mariae», приводимая Яковомъ со ссылкою на Козьму Веститора [122]): это извѣстная намъ редакція D, но не въ томъ видѣ, въ какомъ мы находимъ ее въ извѣстномъ намъ латинскомъ текстѣ [123]), а въ болѣе первоначальномъ, *переведенномъ съ греческаго*, какъ это доказываетъ слово: *brachium* palmae; въ ней нѣтъ еще именъ ни Іосифа Аримаѳейскаго, ни Рубена, ни даже апостола Ѳомы; иначе сказать, это есть какъ-бы остовъ редакціи C, извѣстной намъ съ именемъ Іоанна Солунскаго. Она, во 1-хъ, позволяетъ намъ заключить, что ред. C, столь вліятельная на востокѣ, существовала когда-то въ простѣйшемъ видѣ, и во 2-хъ—сказать съ увѣренностью, что ред. D, которую мы знаемъ въ такой специфически-западной формѣ, есть только распространеніе редакціи греческой.

Подводя итоги этой кропотливой вознѣ съ редакціями, мы должны признать основными редд. A и C, обѣ принадлежащія востоку; дѣйствіе первой изъ нихъ имъ и ограничилось, и C произвела изъ себя B и D, которыя распространялись и на западѣ.

Изъ послѣдующихъ западныхъ передѣлокъ обращаемъ вниманіе нашихъ читателей, во-первыхъ, на средневѣковой народный стихъ объ Успеніи, записанный, можетъ быть, женской рукой XV столѣтія [124]); онъ начинается съ живаго и наивнаго изображенія сцены, какъ Христосъ посылаетъ арх. *Михаила* взять душу Богородицы; затѣмъ слѣдуетъ разговоръ Михаила съ Богородицей и Богородицы съ Ея дѣвами [125]); къ сожалѣнію, стихъ сохранился только въ отрывкѣ; но любопытенъ фактъ такого глубокаго проникновенія этого сюжета въ народъ.

Далѣе, указываемъ на старопечатную итальянскую книжку s. a. (XVII в.), которая сохранилась въ библ. Св. Марка въ Венеціи и заключаетъ въ себѣ Исторію пояса Богородицы въ стихахъ съ предпосланной ей легендой объ Успе-

---

[121]) Не по той рукописи, по которой издалъ ее Тишендорфъ, а по M B (см. у Тишендорфа стр. 131 прим. и ср. съ словами Павла Петру у Якова). На счетъ Іеронима мы относимъ вставку о годахъ Богоматери. Въ одномъ мѣстѣ, въ вопросѣ ангела: *Cur scire desideras nomen meum quod admirabile est et magnum?* мы привуждены видѣть вставку изъ ред. C, которая такимъ образомъ оказывается извѣстной, но не популярной на западѣ.

[122]) Graesse стр. 517 и слѣд.

[123]) У Тишендорфа: Transitus Mariae A.

[124]) См. Zeitschr. f. deutsch. Alt. Bd XXIII (N. T. XI) 1879 стр. 438; ср. съ нимъ пѣсню о томъ же у Ваккернагеля: Das deutsch. Kirchenlied № 1217.

[125]) Число ихъ уже въ Leg. Aur. (2-я ред.) возросло до 120; здѣсь ихъ *шесть тысячъ*; между ними находится и Марія Магдалина.

нiи [126]). Эта легенда довольно близко подходитъ къ ред. D, а мѣстами совпадаетъ съ печатаемымъ нами въ Приложенiи итальянскимъ прозаическимъ текстомъ [127]). Любопытны нѣкоторыя вполнѣ естественныя поэтическiя распространенiя и подробности; такъ напр. *писецъ Рубенъ* обратился въ доктора еврейской литературы; Мадонна воскресла и была вознесена на небо ангелами именно въ третiй день по погребенiи [128]), послѣ чего въ гробу Ея оказались розы и лилiи [129]).

Самая исторiя пояса, хранящагося въ Прато, имѣющая свое независимое вступленiе, въ главныхъ чертахъ согласна съ тѣмъ, какъ она пересказана много лѣтъ потомъ въ книгѣ доктора Джузеппе Бiанкини [130]) и какъ ее зналъ извѣстный Pio.

Отмѣтимъ еще, если не ошибаемся, нигдѣ не указанное, болѣе, чѣмъ вѣроятное частное вліянiе легенды объ успенiи на итальянскiй эпосъ эпохи возрожденiя. У Пульчи (пѣснь XXVII, строфа 154 Morg. Magg.) сказано, что въ моментъ исхода души Роланда было слышно, какъ ангелы пѣли: *In Exitu Israel de Egitto* (ср. редд. C и B).

Наконецъ, указываемъ на послѣднiя главы въ печатномъ (1472 г.) и рукописномъ (XV в.) итальянскихъ житiяхъ Богоматери, которыя подробно описаны въ вышеуказанной статьѣ: «Сказанiя о житiи Дѣвы Марiи» [131]). Въ нихъ разсказъ объ успенiи Богоматери и вознесенiи Ея на небо представляетъ слiянiе 2-хъ редакцiй: B и D; но въ заключенiе подробно описывается, какъ патрiархи и святые встрѣчаютъ Ее, Богоматерь, на небесахъ и какъ Господь Богъ изъявляетъ намѣренiе вѣнчать Ее вѣнцомъ небеснымъ, а первомученикъ Стефанъ молитъ о дозволенiи присутствовать при этомъ. Здѣсь оканчивается печатное житiе, а рукописное прибавляетъ еще 3 реторическiя главы, какъ Богородицу привѣтствовалъ Iисусъ Христосъ, Св. Духъ и вся Троица вмѣстѣ. Самое же вѣнчанiе не описывается.

---

[126]) Вотъ полное ея заглавiе: Historia della preziosa cintola della gloriosissima Vergine Maria, la quale hoggi si conserva in Prato. Composta per Fra *Gherardo da Prato* dell'ordine de' Frati Minori di S. Francesco. In Firenze. Al Canto de' Pazzi. Con licenza de' Superiori. Начало: A quella Madre del suo Figlio sposa Sopra de' Cori Angelichi esaltata della verginita candida rosa E del regno Celeste incoronata и т. д.

[127]) Напр., Богоматерь здѣсь, какъ и въ прилагаемомъ текстѣ, «visitava ogni giorno con fervore i luoghi santi».

[128]) Dapoi il terzo di Maria beata, dal ciel venendo gl'Angelichi cori, resuscitò e fu in ciel portata.

[129]) Ripieno fu il luogo ov'era stata di rose, e gigli, con suavi odori. Эта подробность, довольно часто встрѣчающаяся на изображенiяхъ успенiя эпохи возрожденiя, могла съ одинаковой вѣроятностью перейдти изъ живописи въ поэзiю и изъ поэзiи въ живопись.

[130]) Notizie istoriche etc. Prato 1795. См. у Джемсонъ стр. 320 и слѣд.

[131]) Ж. М. Н. Пр. Часть CCXXVIII, отд. 2.

Такимъ образомъ оказывается, что этотъ важный иконописный сюжетъ вошелъ въ легенду, но не проявилъ плодотворности, что зависѣло какъ отъ самаго характера его, такъ и отъ того, что время для развитія легенды прошло безвозвратно.

Возвращаемся въ Россію. Уже давно констатировано, что у насъ вѣнчаніе Богородицы появляется въ очень позднее время и подъ вліяніемъ запада. Изъ всѣхъ иконъ вѣнчанія, какія намъ случилось видѣть въ Ярославлѣ, Ростовѣ, Кіевѣ и въ коллекціяхъ Петербурга, только одна икона Ильинской церкви въ Ярославлѣ можетъ быть отнесена съ нѣкоторою вѣроятностью къ XVII столѣтію (остальныя всѣ принадлежатъ къ XVIII и XIX вѣкамъ); но въ ней ниже вѣнчанія по западному образцу художникъ помѣстилъ изображеніе Богородицы на престолѣ, передъ которымъ поклоняются два ангела, т. е. восточный сюжетъ, до извѣстной степени соотвѣтствующій западному вѣнчанію. Во всѣхъ остальныхъ случаяхъ наше вѣнчаніе есть простой сколокъ съ позднихъ преимущественно итальянскихъ картинъ, или занесенныхъ къ намъ въ гравюрахъ, или завезенныхъ въ копіяхъ путешествовавшими за границей барами. Такой же характеръ носятъ лубочныя картины съ изображеніемъ коронованія Богородицы [132]) и церковные сосуды съ тѣмъ же сюжетомъ [133]). Въ серіи иконъ изъ житія Богородицы, которая часто встрѣчается въ церквахъ XVII—XVIII вѣковъ, послѣ Успенія заключительнымъ изображеніемъ является икона Собора Пресвятыя Богородицы или Покрова Ея или «Взбранной воеводѣ» [134]).

Духовные стихи на Успеніе или вѣрнѣе *канты*, въ которыхъ упоминается «корона» Богоматери (Калѣки Пер. № 433) или Ея царствованіе въ небеси «ведлѣ боку» Христа (№ 435), явно выдаютъ свое польское происхожденіе. Прямое указаніе на вѣнчаніе нашли мы въ одномъ бѣлорусскомъ стихѣ, который сообщилъ намъ извѣстный собиратель г. Шейнъ:

Вѣнчана еси у престола Троическаго,
А за шату солнце стало,
Подножіе—луну дало.

---

[132]) Обыкновенно Богородицу коронуютъ всѣ три лица Св. Троицы; иногда Богоматерь стоитъ на змѣѣ и мѣсяцѣ; славянскія надписи на этихъ изображеніяхъ явно выдаютъ свое позднее происхожденіе. См. Ровинскій: «Русск. Нар. Картинки» III, 462 и слѣд.

[133]) См. напр. Арх. Макарія: «Памятники Церковныхъ Древностей Нижегор. Губ.» СПБ. 1857 г., стр. 48.

[134]) На извѣстной Ушаковской иконѣ этого типа направо находится Благовѣщеніе у кладезя, въ которомъ спускающійся ангелъ надѣваетъ на голову Дѣвы Маріи *вѣнецъ*. (См. снимокъ въ статьѣ Филимонова въ Труд. Общ. Люб. Др. Искусства). Не есть ли это отраженіе западнаго вѣнчанія, съ ясной формой котораго не могъ примириться православный иконописецъ?

Польское происхожденіе этого стиха видно, между прочимъ, изъ того, что авторъ его, насколько можно судить по немногимъ фактамъ, имъ приводимымъ, слѣдовалъ ред. D, извѣстной только на западѣ [135]).

Это подчиненіе западу есть характерная черта нашего XVIII вѣка, и въ данномъ случаѣ онъ даже не можетъ ссылаться на прецедентъ юго-западной культуры предыдущаго столѣтія. Какъ ни подходило *вѣнчаніе* къ цѣлямъ Іоанникія Галятовскаго, составителя извѣстнаго сборника «Небо Новое», онъ воздержался отъ указанія на него и рѣзко разграничилъ взгляды православія и католичества: по вѣрованію православныхъ Богъ скрылъ тѣло Богородицы, какъ тѣло Моисеево, а по «сентенціи» католической Она вознеслась на небеса.

Но было бы несправедливо и въ этомъ пунктѣ обвинять огульно послѣпетровскую Россію въ недостойномъ рабствѣ передъ западомъ и въ сознательномъ или безсознательномъ стремленіи порвать со всѣми преданіями старины: огромное большинство русскихъ новыхъ иконъ Успенія въ общемъ сохраняютъ древній типъ (большею частію безъ Аѳонія, но съ Христомъ, держащимъ одѣтую душу Богоматери); въ массѣ народа Печерское Успеніе несравненно популярнѣе всѣхъ «коронованій» вмѣстѣ взятыхъ; церковная служба, какъ и вообще наша церковь, незыблемо стоитъ на почвѣ древняго преданія; его же сознательно держатся распространенныя во многихъ изданіяхъ житія Богородицы, равно какъ и проповѣдническое слово; а кто въ послѣднее время бывалъ въ Ярославлѣ и Ростовѣ, видалъ реставрированные храмы, кто хоть нѣсколько знакомъ съ научно-патріотическимъ движеніемъ въ средѣ образованнаго сѣвернаго купечества, тотъ можетъ смѣло смотрѣть въ глаза будущему: христіанскій востокъ не уступитъ католическому западу, а скорѣй въ него вольетъ здоровые соки.

Собранный матеріалъ приводитъ насъ къ слѣдующимъ общимъ выводамъ.

1. Весь самостоятельный трудъ по выработкѣ основныхъ типовъ сказанія о концѣ земной жизни Богоматери и иконографіи этого сюжета выпалъ на долю восточной, греческой церкви. Западное искусство, какъ и западная письменность, оказывается въ этомъ, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, подъ

---

[135]) Начало:

Радуйтеся, ангеловъ лики!
Грядетъ до васъ Матерь Владыки.
Гавріилъ Ей *вѣтвь* принесе,
Зоветъ Тя Сынъ до небесе и т. д.

непосредственнымъ вліяніемъ востока, точнѣе сказать: только повторяетъ его уроки.

2. Отправляясь отъ тѣхъ-же данныхъ, востокъ и западъ впослѣдствіи (около времени крестовыхъ походовъ) существенно расходятся въ самыхъ принципахъ: въ то время, какъ западъ стремится къ большей опредѣленности внутренней и къ поэтической полнотѣ, но при этомъ вдается въ сантиментальность и свободу вымысла, которая рано или поздно должна потрясти самыя основы преданія, востокъ съ примкнувшей къ нему Россіей остается вѣренъ простѣйшимъ изъ архаическихъ формъ.

3. Начиная съ возрожденія, на западѣ крайній реализмъ идетъ рука объ руку съ крайнимъ идеализмомъ, и подъ ихъ вліяніемъ живой, глубокопоэтическій образъ превращается съ одной стороны въ печальную сцену изъ обыденной жизни, а съ другой расплывается въ мистической фантастикѣ и безразсудномъ преувеличеніи; между тѣмъ какъ у насъ до самаго конца XVII вѣка только развивается техника, а древнее преданіе остается незыблемымъ.

Отъ этого дорогаго наслѣдства съ прискорбнымъ легкомысліемъ былъ готовъ отказаться XVIII вѣкъ, но здравый инстинктъ народный додержалъ старину до времени пробужденія самосознанія въ русскомъ обществѣ.

Вмѣсто заключенія приводимъ слова изъ статьи Ѳ. И. Буслаева: «Общія понятія о русской иконописи»,— статьи, которая въ нѣмецкой литературѣ считалась бы *epochemachende* не только въ наукѣ, но и въ исторіи національнаго самосознанія народа, а у насъ почти четверть столѣтія скрывается въ спеціальномъ и малораспространенномъ изданіи.

«Между церковнымъ искусствомъ русскимъ и западнымъ нѣтъ и не можетъ быть ничего общаго. Чтобы согласить успѣхи цивилизаціи съ національною самостоятельностью, свѣтское искусство въ нашемъ отечествѣ можетъ идти по слѣдамъ западнаго; что же касается до искусства церковнаго и преимущественно до иконописи, то напрасно будетъ русскій художникъ искать себѣ руководства тамъ, гдѣ давно уже вдохновеніе изсякло, а руководство и всегда прежде было шаткое и обманчивое. Живопись свѣтская—одна для всего образованнаго міра; живопись церковная согласуется съ преданьями, вѣрованьями и убѣжденьями народныхъ массъ: она по преимуществу живопись національная. Отказываться отъ мысли о необходимости поддерживать и усовершенствовать нашу иконопись значило бы посягать на самые существенные элементы русской народности; не способствовать въ нашемъ отечествѣ успѣхамъ живописи свѣтской значило бы отказать искусству въ возможности идти въ уровень съ идеями цивилизаціи. Но по самому существу своему та и другая область искусства не должны быть между собою смѣшиваемы. Русскій художникъ можетъ съ успѣхомъ подражать Деларошу или Каульбаху въ живописи

исторической [136]); но съ этими же руководителями въ живописи церковной рискуетъ онъ впасть въ разслабленность и безсмысліе, какъ результатъ охлажденія религіознаго вдохновенія на западѣ, и стать въ смѣшное противорѣчіе съ преданьями и религіозными убѣжденіями своего отечества. *Единственное средство спасти русскую церковную живопись отъ всего пошлаго, безсмысленнаго, разслабленнаго и смѣшнаго — это основательное изученіе русской иконописи въ ея лучшихъ источникахъ*».

А. Кирпичниковъ.

---

[136]) Напомнимъ, что это было писано 23 года назадъ, до Верещагина, Рѣпина и ин. др.

ПРИЛОЖЕНІЕ № 1*).

Мца августа въ є҃ї дь стого апелога апла еврейста иоанна бгослова. слово на оуспѣніе престыѧ бцы. мчє вави.

Свѣтѣи прѣславнѣи господи бци всѣгда дв҃ѣ мр҃и по обычаю на ст҃ы гробъ г҃а нашего і҃сѹ х҃а ходила и кадила и молилася родивъшемоуся из нее х҃ѹ б҃ѹ нашемоу дабы к немѹ пошла . и то оузрѣли wканнии жидове што wна завъжьды ходить на ст҃ыи гробъ и прибѣгли к воимъ старѣишинамъ книжьникомъ и рекли. мр҃ыа на всакъ дь ходить на гробъ. и призвали сторожовъ ты штожь приставили абы стерегли штобы никомоу не оувонти вѣрны молитиса оу

*) Я воспроизвожу съ точностью рукописный текстъ со всѣми сокращеніями и титлами, такъ какъ для исторіи языка можетъ напр. имѣть значеніе и чувствуемое переписчикомъ различіе между писанною подъ титломъ книжною формою: г҃же и разговорною: wспоже. Я позволилъ себѣ только 1) исправить въ нѣсколькихъ мѣстахъ явныя и непитересныя описки; 2) не воспроизводить надстрочные знаки надъ гласными, поставленные только кое-гдѣ и безъ всякой системы, а между тѣмъ весьма затруднительные для типографіи 3) не вносить позднѣйшихъ поправокъ какого-то не остроумнаго владѣльца рукописи и наконецъ 4) раздѣлять слова. Точку, какъ знакъ препинанія, я оставляю тамъ, гдѣ она имѣетъ смыслъ, и кое-гдѣ въ случаѣ пропуска ставлю ее самъ по той же системѣ, какая принята писцомъ оригинала.

Вотъ послѣсловіе всей рукописи:

Списана бы книга сиа . наричемаа четыа . въ градѣ оу каманци при великомъ короли андрѣи . в лѣ ҂ѕ҃. ц. є чѯ индикта . въ ѯ҃ . а тогды держалъ w҃ короля . каманецъ . панъ третина . кухмистръ.

Я псл҃ . сію книгоу . нѣхтое . березка . з новагорока с литоско . поповичь. попа литовоцко снъ . семионовъ . долъбнича . и в нитрополии . а псл҃ есми w҃ початка книги сл҃ . w҃ доки до половины . w҃ стого семиѡна до соро стыхъ.

Я в тои книзе есть словъ бе мала м҃ wкромѣ . притонїка а сло стому семїонъ лѣтопроводцѣ. и. т. д.

Списана бы книга сиа . повелѣніе раба бжіа ѳеѡра.

Въ немногихъ статьяхъ встрѣчается *юсъ* большой, иногда правильно, чаще нѣтъ.

стого гроба гнѣ . и оуспытали w неи . есть ли правда што мрыа завжды ко гробоу ходить . и wни рекли . николи не видахомѣ . велика есть кѣжыа сила . не дала видити ее стого входа . такѣ же са пригодило вѣ wдинѣ днь оу пятницю пришла стаа wпожа бца ко робоу сна своего и ба нашего помолитиса и wтворилиса ее нбса . архангѣ же гаври вше к неи пода вѣтвь из раа и рекѣ . радоуиса wбрадованаа двце мрыа . матвоу твою приналъ роженыи хѣ бѣ нашь . и ты госпоже бце ннѣ мирѣ сеи wставиши на нбса на безъконечъныи животѣ поидеши . и оуслышавши то стаа бца возрадоваласа и пошла во вифлиwмѣ понемъши со собою . г. двы што ен слѣжили и пришеши оу вифлиwмѣ рекла двамѣ . принесѣ ми кадило да са помолю . принемъши кадило и рекла . ги мои исѣ хе . похотѣ еси w мене родитса велико ради своего мрдиа . оуслыши ннѣ гасѣ мои . пошли ми стого апла ивана богослова да оувидѣвши его начьноу веселитиса . и еще пошли ми стыа твоа апы што соуть на семь свѣтѣ и ты што вже к тобѣ wшли и оувидѣвши и похвалю многохваное има твое . надѣю бо са што послоушае мене рабы твоеа . егда са молила стаа бца . и в тотѣ ча пришолѣ к ней стыи иванъ бгословъ . дхѣ стыи восхитилѣ его на wболощѣ и постави гдѣ мти гна и вошо к ней похвали роженого w нее ха ба нашего и рекѣ . радоуиса мти га моего яко с великою славою wходиши житьа сего . и рада бы стаа бца оувидѣвши ивана . поменоула wное слово хво коли рекѣ ен на кртѣ . се снъ твои а се мти твоа . пристоупили к неи . г. двы и поклонилиса[1]) ен . рекла стаа бца иваноу . сотвори матвоу и вложи кадило . и нача молитиса сты иванъ рекоучи . ги исѣ хе бе . сотвори еси чюдеса многаа . и нинѣ вчини чюдесе прѣ мтрью твоею да поидеть мти твоа оу великои славѣ твоеи w житьа сего . штобы оустрашилиса wканнн жидовѣ которые не вѣрать оу твое стое има . и ка сию матоу зрекла стаа бца иванъ принеси ми кадиницоу . принесъши кади и рекла . ги испони мнѣ ка са еси wбецалъ еще не пошодъ на нбса . коли боудеть преставлѣнье мое ты самъ имлешь принти ко мнѣ со англы твоими стыми и со славою много ко мнѣ . и звѣдалѣ стыи иванъ стымъ дхомѣ прихо хвѣ и рекѣ ен . приидеть wспоже по словоу твоемоу ка же ти са wбеца . и рекла стаа бца . жидовѣ заклиналиса коли преставлюса имаютъ нжечи тѣло

[1]) Въ ркп. поклонисѧ. Въ другихъ мѣстахъ подобныя описки я буду исправлять, не дѣлая примѣчаній.

мое . и рекла ей иванъ . гже бце . не имаетъ видѣти истлѣнiа пречтое и стое тѣло твое . и рекла стаа бца иваноу аплоу . принеси ми кадило и вложи темiа и сотвори матвоу . и на матве изiавi емоу дхъ стый што имаютъ вси апли тоу принесени быть оболокомъ . каждыи w своее стороны хтожь бы хвымъ повелѣниемъ зашолъ вчити и кртити . петръ w рима . павелъ w тивѣриа . фома w иньдѣи далекое . iаковъ w iерама . андреи братъ петровъ . филипъ . лоука . симонъ и кананiи тыи w гро своихъ оустали стымъ дхмъ за ноужь были вже преставилиса . к нимъ рекла стыи дхъ . не мните w то мнѣ што есте оустали из мртвыхъ . но того дѣла оустали естѣ што бы есте пошли на целование и чтъ и чюдеса бжiи мтре на преставлѣнье еа . марко еще живъ бывъ w алеѯндрѣ пришо со иными аплы оу вифлiемъ к матри гнеи . и пришедъше вси вомѣстѣ апли поклонилиса и рекли гжи бци . не боиса не скорби гже бце . гь бъ похотѣ родитиса w тебѣ то та на нбсѣ с великою славою приимѣть . и возрадоваласа стаа бца мриа . возвеласа мало и сѣла на постѣли своеи и рекла . мнѣ вжо вѣрою што принидеть вчителъ вашь хъ бъ ко мнѣ коли ми да ва видети . тожь его видѣвъши wлоучюса тѣла своего . и еще повѣдаите ми . ка вразумѣли естѣ мое оуспѣние . w которы сторонъ и за колько днювъ пришли есте ко мнѣ . за ноужь оуборздѣ павилиса есте ко мнѣ навѣстити мене . не втанлъ бо мене гь бъ . и реко iа иванъ . азъ вшолъ бы оу стыи wлтарь во ефѣсѣ и хотѣхъ слоужьбоу испонити . дхъ стыи релъ ми . вже ча преставлѣньи мтре бжiи . иди во вифлiемъ на целованье еа . се wболокъ восухи ма и поставi ма здѣ оу гжи бци . и петръ рекла . iа в римѣ жилъ и оуслышахъ голо говорячи ко мнѣ . мти га твоего хощеть w тѣла wлоучитиса во нбною радость . иди во вифлiемъ на целованье еа . и wболо свѣтѣ восхити ма . и оувиделъ есми иныа аплы на оболоцѣхъ . и голо с нба рекоучи . вси то идѣтѣ оу вифлiемъ . и за тымъ рекла павелъ . а iа бы далео w рима в городе нареченомъ тиверiинѣ . в немъ же жилъ есми и оуслышахъ голо говорочи дхомъ сты ко мнѣ . мти ба твоего wставлаеть сесь свѣтъ и на нбное веселие идеть . поиди оу вифлiемъ на целованье еа . се wболо восухи ма и поставi ма здѣ гдѣ есте вы . и фома стоа рекла . iа индѣискоую стороноу прошо проповедаа хвоу вѣроу и вча . сна црвы сестры оу палатѣ хотѣхъ кртити именемъ давида . в тотъ ча дхъ стыи рекла ко мнѣ . и ты фомо иди во вифлiемъ на цѣлованье мтере бжiа . за ноужь

в нбо преставлѣнье твори . и се wболокъ свѣте восхити мѧ и постави мѧ с вами . и wвеща марко рекъ . ѩ по закоу .г. е годины во wлеѯндрѣиско городѣ матвоу твори . дхъ стын восхити мѧ и поставилъ мѧ пре вами . и іаковъ релъ . мнѣ боудоучи во ерамѣ дхъ стыи рекъ ми . боуди оу вифлиѡмѣ . за поужъ мти га ба твоего землю wставлаѣть к сноу своемоу въ небо идеть . и се wболо свѣтѣлъ восхити мѧ и постави мѧ пре вами . и матьфѣи рекъ . ѩ прославлѧ славихъ ба . бы есми на мори . оустали воны бѣз вѣдома . wболокъ свѣтѣ wсѣни и воны на мори внялисѧ и мене похвати и постави с вами. вафромѣи рекъ . ѩ оу вифаиде бы проповѣдаѩ слово бжие . и се стын дхъ рекъ ми . мти га твоего преставлѣнье творить . иди оу вифлиѡмѣ на целованиие ее . и се wболокъ свѣте взалъ мѧ и понесъ мѧ к вамъ . сиѧ вса исповедали стии апли . ка пришли к цви бжиимъ велѣниемъ . wна же понела роуцѣ свои . позрѣла на нбо . почала молити рекоучи . покланѩюся и хвалю и славлю многохваное има твое ги . штожь оувиделъ еси покорность мою рабы своее . и вчинилъ еси величие силное се бо хваллать мѧ вси роди . исполнивши матвоу и рекла аплома . возложете кадило и помолѣтеса . и по мтве оуслышали громъ с нба страшонъ . и множество силъ англьскихъ . и гла какъ бы сна чловѣьскаго слышати и сирафѣми оу кроугъ Хоромины стали . гдѣ лежить чтаѩ непорочнаѩ два мрїа мти бжиа . и то вси люди оу вилиѡме оувидѣвши шеше во ерамѣ исповѣдали што са дѣе в нихъ . ано такаѩ сила бжыа стала . ѩвилоса сонцѣ и мцъ wбаполъ домоу прчтое . и оувидѣвши вси таковаѩ знамениа силнаѩ и страшнаѩ всакъ пошолъ хто какимъ недоугомъ немоцонъ былъ толко хоромины тое доткноуса то воздоровелъ . слепни почали видети . глоухие слышати . прокаженни wчистилиса . бѣснии исцелѣли . вси немоцьнии различьными недоуги исцелѣли . с вѣрою воскликноули . w престаа дво мти хва чито вѣроуемъ оу ха ба роженого ѡ тебѣ . и тобѣ са молимъ бжии мтри боуди намъ матнва в семъ вѣцѣ боудоуще . и стала радость великаѩ ненсказанаѩ въ тотъ днь ѡ множества исцѣлѣвши славещи ха ба нашего и стою пречтоую е мтрь . весь вифлиѡмъ и ерамъ оувѣрившо возрадовалисѧ пѣсньми поючо и дховно веселачиса. ерѣи же жидовьские и вси wканни жидове почали дивитиса таковымъ чѵдо. но зависть ихъ тажька . и почали радити ка дьяво ихъ набчилъ . и оурадившо много людеи послали из ерама оу вифлиѡ на пречтоую і апли . и тыи посланни

пошлї . а ка за wдноу вєртоу w вифлиwма гдѣ мти бжиа вси не могли на пере постоупити ногами . всѣ wколѣли . а ка верноулиса наза ноги имъ ка первии стали . и wни познали таковаа чюдеса . и вероулиса бо ерлмъ к сонмоу жидовъскомоу и весь тотъ страхъ исповедали имъ . архиерѣи жидовъские попы ихъ тое слышавшо больше са гнѣвомъ разогли . пошли к гѣмоноу воеводѣ своемоу рекучї . погибла законъ нашь w жены сеа . wжени ю w вифлиwма w всее волости ерлмъское . игѣмонъ воевода оужасаѣса оуслышавъ таковаа чюдеса и знаменьа многаа . и рекъ имъ . ѣ ее не wгоню про . жидове болше почали на него кликати арекоучи . боудє на тебѣ цѣсарю тивѣрю писати . тогды бо ерлмъ слоухала цѣсара римъского . игѣмонъ воевода побоялса цѣсара што его wквадѣ и послалъ тичника вонта оу вифлиw штобы выгналъ пречтоую и аплы . дхъ стыи рекъ апломъ . гѣмонъ воевода послалъ на ва . вы не боитеса. се на wколоцѣхъ оувондѣте бо ерлмъ . жидове же изъ вифлиwма послали гнати . а стыи дхъ ихъ во ерлмъ несеть . восташе апли поднемъше на постелю мрь бжию . и вышли из домоу . и в тотъ ча дхъ стыи и вознемъши ихъ постави во ерлме во домоу гни . тоутъ же до . є . дно апли стии мтвоу творили не wпочивающи . а wныи тисечникъ вонтъ што его жидова послала оу вифлиw на стоую мтрь бжию и на аплы пришолъ та не нашолъ никого . и wтыхъ поимавши што вадили и повелъ к воеводѣ рекоучи . вы поведали што во вифлиwме мрьа и апли . а теперь ихъ нѣтъ . по пати же дне оувѣда гѣмонъ и жидова и ве ерлмъ яко во своемъ домоу ета мрїа и апли . ещежъ было тоутъ знаменьа многа и чюдеса великаа множество людеи моужь и женъ во домоу пречитое приходячи и голоно плачючи . w престаа дво мти ха не заборди рода чльча . и еще wканни жидове проклатии больше почали са розжигати арекоучи. подьмо (?) возмѣмо мрью ис постѣле ю и оувержмо оу вогнь . а иныи рекли . з домомъ сожьжѣмъ . и пошли хотѣли домъ тотъ зажечи гдѣ мти гиа и апли. самъ же гѣмонъ воевода издалѣка стоа смотрѣ . только пришли к воротамъ в тотъ ча з домоу прчтое вышла сила wгньнаа и попалила много людеи жидовъскихъ . и ста страхъ великъ во всѣмъ городѣ и вси вѣрнии хртьяне почали славити ха ба роженого w нее . гѣмонъ же воевода кликноу великимъ голосо передъ всѣми людми . истинаа правда . хъ снъ бл вышнего што родиса w нее . знаменьа и чюдеса великого бл соуть . и стало межи жиды великаа

раздраньа . многи ѿ нихъ почали вѣровати во г҃а нашего їс҃а х҃а . а к҃а с҃а то исполнило . дх҃ъ с҃тыи рекл҃ъ апломъ . вѣдаетѣ што в недѣлю пришолъ с нб҃а архангл҃ъ гаври бл҃говѣсти и҃ ей радость великоую коли дх҃омъ с҃ты х҃а зачала . в неделю родилса спс҃ъ во гр҃а вифлиюме . т҃а же в недѣлю х҃а на жрѣбати wсле оу ерл҃мъ оуеха и҃ и дѣти сречали его жидовъские съ ваеми вѣми кличючи . wсана во вышнихъ бл҃гословнъ҃ идеть во има г҃не . и в нелю восталъ из мр҃твыхъ . и в нелю имаетъ сѣдити живымъ и мр҃твымъ . в нлю имаетъ приити самъ к мр҃ти своеи со славою великою . взати имаетъ самъ оу свои роущѣ ее с҃тую дшю ѿ ее пречтого тѣла . в тоужь недѣлю рекла мр҃ти бжыа с҃тымъ апломъ . вжжѣтѣ кадило за нюжь идетъ самъ г҃ь со с҃тыми апл҃ы (sic). и вси апли начали мл҃твоу творити и набилса свѣтъ вѣликъ . и множество с҃тыхъ анг҃лъ . и пришолъ самъ wсподарь х҃ъ нб҃а и земли и рекл҃ъ мр҃три своеи . мр҃не . и wна рекла . се а г҃и мои . и рече ей г҃ь . не скорби но радоуися . нашла бо еси бл҃годать . и ви славоу мою што имаю со ѿцемъ и со с҃тымъ дх҃омъ . оузр҃ела с҃таа мр҃іа мр҃ти бжиа славоу е҃ оусты члвчьими не мочи исповедати а ни разоумѣти . се нн҃ѣ ч҃тное тѣло твое принесено боудетъ в раи а с҃таа дша твоа въ небныи ерл҃мъ оу славоу ѿца моего и въ свѣтлость гд҃ѣ есть миръ и весѣлие . и рекла ему с҃таа ѿца . г҃и положи правоую роукоу свою и бл҃гви ма . простр҃ъ же г҃ь с҃тоую свою правицю и почала цѣловати прест҃аа два правицю его рекоучи такъ . кланаюса правици твоеи . што сотвори нб҃о и землю и прошоу многохвалного имени твоего . г҃и бе цр҃ю всѣ вѣкъ единочадыи сноу бжию . прими ма рабоу свою што еси изволи ѿ мене родитиса смиренно спнма ради члвчкого и твоеи ради великое милти . хто коли призовѣтъ има мое подаи емоу помочь свою w чома же имоуть молитиса тобѣ . и се она рекла . пристоупили апли к ногамъ ее и поклонилися ее с҃тои мл҃ти и рекли . гже мр҃ти г҃а нашего . wстави всѣмъ бл҃гонье свое за ноу ѿходишь мира сего . родила еси свѣтъ всемоу миру . се же имъ изрекшимъ сама почала молитиса сноу своему бу нашему и такъ рекла во мл҃тве своеи . г҃и бе што своею моцью посла еси с нб҃а единочадыи снъ свои вселити в покорное мое тѣло и родитиса ѿ мене . помилоуи весь миръ свои и всякоу дшоу хто наречеть има твое с҃тое . и еще г҃и цр҃ю нбныи сне бж҃а живого . помилоуи всякого призывающаго има рабы твоее да похвалѣна боудоу . вса бо можеши на нб҃си и на земли . и гдѣ боудетъ имени моего хр҃а цр҃ковъ wсти и

мѣсто тое стымъ твоимъ дхомъ и прослави всѣхъ хто тебѣ хвалитъ имене моимъ . или гдѣ боудетъ празьникъ оуспѣнія моего а хто коли с вѣрою прибѣгнѣтъ ко цркви моеи и милотыню нищемоу дастъ мене ради подли емоу ги чого проситъ оу твоее стое мати . и ка стаа мти рекла б матве к неи рекла гъ бъ . радвиса мати моа ннѣ всякаа блодать и даръ данъ тобѣ е wцемъ моимъ мною и стымъ дхомъ да всякии хто имееть призывати и молитиса тобѣ наидеть великоую мть и застоупленіе въ сии вѣкъ и в боудоущии пред оцемъ нѣнымъ . и wбратиса гъ рече к петроу . вже ча петью . стыи же петръ началъ пѣти со матвою и вса силы нѣныя запѣли. аллѣа . тогды лицѣ мтре бжіи просвѣтилоса паче сонца . оуслонившиса мало стаа бца благвила апловъ . апли же воздали хвалоу хоу бу и его прчтои мтри. гъ же простеръ wбѣ двѣ свое роуцѣ приналъ стоую дшю непорочноую мтре своее . и того часоу напониласа храмина бговханиа много и дивного што ни оумъ чловѣч не возможетъ исповедати свѣта неизреченого . и се гла с неба рекоучи . стаа в женахъ пречистаа два мріа . стіи же апли чтныи ее нозѣ цѣловали оузложивше тѣ ее на wдръ и понесли . и е нѣхто жидовинъ именемъ афонія силѣнъ тѣломъ почалъ гнѣватиса ка его бѣсъ наоучилъ прибѣгши простеръ wбе свои роуцѣ и похватилъ за wдръ прчтое хотѣ совратити со апльски плѣчь на землю . и се аньгла бжіи невидимою силою wгненымъ мечемъ wсѣкла wбѣ роуцѣ жидовиноу по локти . и роуки такъ повисноули прильноувъше ко wдроу пречтое . и тое чюдо оузрѣвше людие жидовъскии воскликноули. воистиноу снъ бжіи есть што родила стаа бца мріа . и тотъ жидовинъ wфонія воскликалъ стомоу петроу . стыи петре помолиса о мнѣ бци ицели мл . петръ же рекъ . вѣроуи и цѣ боудешь . и wнъ рекъ что вѣроую во стоую трцоу и молюса истиннои бци стои двѣ мріи . и петръ рекъ . мтью гжиною вгородичиною прилѣпитаса роуцѣ афонію и по вѣрѣ е боуди емоу . и в тотъ ча прилепилиса роуцѣ жидовиноу што во wра висели и цѣлы стали ка перво были . и в тотъ ча почаа вѣровати афонии оу во wца и сна и стого дха хвала ба родившеса w нее . и коли положили апли чтное тѣло пречтое бци wкла свѣтѣлъ wкрылъ и до . г . днювъ стоялъ на гробомъ . по . г . тѣ же дни пришли аплы ко гробоу и не наши тѣла гжина . и се голо ис нба к нимъ . се по словоу своемоу гъ бъ дшю ее стоую во нѣбныи ермъ взаа а стое тѣло в рай

положилъ. апаї же ꙋвидѣвше великаꙗ чюдеса на чтное преставлѣние мтре бжии и похвалили ба и пошли кажьдыи оу свои стороны навчаючо вѣровати во стоую троицоу. та браꙗ намъ написа стыи великии ива бгослво што сѧ чинило пре оуспѣньемъ стыꙗ бцы. и по оуспѣньи та гь нашь їсъ хъ почтилъ мтрь свою такою славою што не мочи ꙋмо чювчкимъ достигноути. прото браꙗ вѣрнии хртьꙗне поидѣ вси ко цркви стиꙗ бцы молѧчисѧ ее стои мльти абы на избавила w врагъ наши видимы и невидїмы. празни сесь чтно проповѣдѣмъ не гнѣвомъ а ни братоненавидѣниемъ а ни иными неподобными дѣлы чого мти бжыꙗ ненавидить. та браꙗ празноꙋимо а быхомъ не разгневили ха ба але быхомъ оумолили. гнѣвъ wверзмо братью свою милоꙋимо. а хто на ненавидить и мы за ниχъ ба просїмъ. бѫ и е мстите. резоества не приимаемо. пише бо резоемци цртва нѣного не наслѣдѧ. но во wнь невгасимыи поидоу. а грѣшны во грѣсѣ не осоужаимо вѣоги в до свои призываимо. млтыню по силе своеи даимо. в чародѣи ни ворожи ни во сны оу стрѣчю и в зачиханье не вѣрѧимо. того мти бжиꙗ ненавиди а дыꙗво радоуетсѧ. за ноу хто оу ворожи вѣрїть и во стречи и во сны то е не бжии але сотонинъ вѣзлепа сѧ хртьꙗнином зовѣть. а w ворогъ бжии. слышьмо браꙗ што стое писмо вчить нд. wкѣгаимо все злого и твори добраꙗ дѣла да будеть на мльтива мтї бжыꙗ и ее стыми мльтвами надѣимосѧ наслѣдїтї цртва нѣного w хе ісе ге нашемъ ему же сла со wцемъ сно сты дхо ї нн̃ѣ прно.

ПРИЛОЖЕНІЕ № 2 [1]).

Qui chomincia la leggenda della nostra donna Vergine Maria.

Benedetto sia l'ora nella quale il nostro signiore Jesu Xpo fu nato, e benedetta sia quella pura vergine di chui il salvatore del mondo nostro signiore J. Xpo fu nato. Et benedetto et lodato et honorato sia quello omnipotente signiore J. Xpo per chui tutto il mondo conperato et salvato. Amen.

In quello tempo innanzi che Xpo s'approssimasse alla sua passione e morte, tra molte petitioni che la sua madre gloriosa gli porgeva et parole gli diceva dubitando del pericholo della morte volendo andare sicura al passare di questa vita e questa petitione continuamente dicendo: figliuolo mio dolcissimo! umilimente domando et prieggo ti per la tua santità perfetta e degna e conpiuta che quando l'anima mia si dee per morte partire dalla charne, tu, figliulo mio dolcie e amoroso, la debbi ricevere insieme cho gli angioli della chorte del cielo e tutti gli appostoli tuoi facci essere presenti nel mio passare..

Rispuose Xpo con riverenza alla sua charissima madre, albergho e chorte della maesta divina:

O vergine feconda sopra tutte le femine tu benedetta, o donna e reina di tutti i seculi sopra tutte le creature essaltata, dagli angioli e dalla umana natura benedetta! innanzi che nel tuo ventre mi richiudesti epportasti, ti ghuardaj santa immachulata et cibo celesstiale e angelicho cibai quando e quanto volesti; dunque chome nell'osstremo della tua vita te potrei io abbandonare, santa e dolce e chara madre mia? Tu mi concepesti et portasti et lattasti et nutrichastimi. Tu in Egipto per me fuggisti e allevastimi et cresciestimi et molte fatiche per me sosstenesti. Et voglio che sappi comio (т. come io) lo so, come langelo mio t'a guardata e servita insino a questo dì, chosi te guardera in tutti tuoi dì della tua vita insino alla morte e nella morte e dopo la morte. Vero è ch'io morro innanzi a te di morte di croce crudele per la natura humana che pigliar conforto cholle piaghe, ch'io pa-

[1]) Я не позволяю себѣ измѣнять орѳографію подлинника, только исправляю нѣкоторыя непослѣдовательности и явныя описки.

tiro nelle charne et tu sosterai nella mente et risucetero nel terzo dì e dopo quaranta dì saliro in cielo, e perpensa questo quando io sosterro morte accio chessi menòmi la tua pena che sosterrai per la mia la quale in charne mi vedrai patire dopo la morte mia et surressione et salimento in cielo a quella ora che l'angielo verra atte et recheratti una palma, la quale io ti mandero di cielo con darti segnio che in brieve et certo tempo debbo atte venire tutto accompagniato chon angeli e patriarchi et propheti e altri santi, e gli appostoli saranno tutti alla tua fine, et allora l'angielo Ghabriello t'annunziera il dì quando l'anima tua si partira dal corpo e chon allegressa sara ricevuta in cielo dagli angeoli et archangioli e patriarchi et propheti martiri et confessori e vergini, et per virtù divina ricongiugnero l'anima al corpo e faro il corpo come l'anima glorioso, ella tua sedia porro allato alla mia in cielo dove non sara tribulazione ne anghostia ma perpetuale allegressa et compiuto diletto. A quelle parole la nostra donna vergine Maria fecie riverentia a Xpo bacciandogli le ginocchia e benedisse Iddio Padre onnipotente creatore del cielo e della terra che tale gratia l'avea donata Xpo suo figliuolo. Poi la beata vergine Maria immachulata contínava la vita sua in horationi di dì et di nocte et nella passione accompagniando Xpo suo figliuló et dopo la resurressione vigitata (т. е. visitata) dallui quaranta dì in terra e nell'ascensione guardando in cielo cho discepoli tutti insieme in sino che dal padre fu ricevuto in cielo stettono rinchiusi in oratione continuamente per insino allo avvenimento dello spirito santo. La beata vergine Maria ogni dì vigitava i luoghi di Yerusalem ne quali Xpo suo figliuolo aveva predichato o fatto alcuno miracholo et lo luogho dove fu morto et lo sepulcro et dove stette Xpo quando salì in cielo et continuamente aveva lo suo figliuolo ammemoria ripensando gli atti elloperazioni sue. Et innanzi chella gloriosa vergine Maria passassi di questa vita tre dì Ghabriello angielo venne allei e apportolle nella mano diritta una palma et disse: ave Maria, et ella rispuose: deo gratias. Et poi l'angelo disse: ricevi questa palma la quale Xpo tuo figliulo te manda di cielo. Et la beata vergine Maria con riverenza la ricevette et cantò tutta la magnificat. La donna nostra in quello tempo abitava nella chasa di Giuseppo di Bramanzia dal quale ella era servita et ghuardata et reverentemente trattata et per ciò rivelò a lui ch'era richiesta ch'essi apparechiasse d'andar in cielo indi al terzo dì. Et Giuseppo manifestò questo a tutti i parenti et amici et conoscenti.

Allora la nostra donna si lavò tutta et vestisse et aspettava Xpo suo figliuolo con grande allegressa et preghava gli suoi parenti et congiunti che con lei si rallegrassono et facesse sollazzo et ghuardassono quando Xpo venisse. Et con la beata vergine Maria erano tre vergini che la seguivano et ghuardavano con grande riverenzia et erano queste Abrae, Giea et Zael. Passata ora et poi che l'angielo l'apparve furono grandi valenti tuoni et tremuoti et nuvoli scuri et aqqua grande, et la reina del cielo si puose in oratione nella sua camera chiusa nella quale subitamente venne Santo Giovanni vangelista et salutòlla: Ave Maria tutta, e quella rispuose:

deo gratias et abracciòlo dicendo: figliuolo mio charissimo et come ai potuto tanto stare contro al comandamento del tuo maestro et mio figliuolo che non m'ai vigitata ne veduta conciasiacosa ch'egli mi ti desse in guardia, morendo in croce per l'umana natura? Et santo Giovanni lagrimando l'adorò e fecele reverentia et la nostra donna lo benedisse e abracciòllo et baciòllo un altra volta et volendolo domandar donde viene e per che cagione s'e venuto in Yerusalem. E tutti gli appostoli si trovarono allato all'uscio della chasa, nella quale era la nostra donna, excietto che santo Tomme, e tutti insieme entrarono dentro e fecionle reverentia salutandola, dicendo: Ave Maria! et quella rispuose: amen, deo gratias. Questi sono i nomi degli appostoli, che si ritrovarono quivi con la nostra donna: Pietro, Pagholo, Andrea, Iachopo, Filippo, Bartolommeo, Matteo, Simone, Taddeo, Giovanni, Iachopo Maggiore, Zebedei et gli altri discepoli del signore.

Allora la nostra donna disse: figliuoli miei e fratelli! come(e)stato cio che in questa ora vi sete (вм. siete) qui presente trovati? Rispuose Piero innanzi a tutti: O reina del cielo, imperadrice del mondo, madre d'Iddio! noi doverremo cercare di volere sapere da te quello che addomandi e mostri di volere sapere da noi et fermamente credo che niuno di noi lo sappia la cagione della sua venuta in Yerusalem; che oggi fui in Antiochia et subitamente mi sono trovato qui et con tanta velocità venni, che io non avrei potuto ne pensare ne parlare solo una parola, et simigliantemente dissono tutti gli altri apostoli facendo manifesto la provincia donde venivano e in grande maraviglia della loro venuta.

Allora subitamente la reina del cielo disse: Lo Iddio vero et signore di tutto il mondo Xpo, mio figliuolo, m'a fatto manifesto che l'anima mia si debbe partire oggi dalla charne, et mostrò loro la palma che l'angielo l'avea recata di cielo da parte di Xpo. Et disse: vegghiate meco accio, che quando lo mio figliuolo verra per me, vi truovi vegghianti insieme con meco. Allora al detto della nostra donna gli apostoli rispuosono di cosi fare et vegghiarono tutta la notte in oratione cantando salmi spirituali, e fatto il dì, apparve una nuvola luminosa et splendiente come quando Xpo si transfigurò in presenza di Piero e di Iacopo e di Giovanni nel monte Tabor, et Xpo apparve nella nughola luminosa colla multitudine degli angeli et tutti gli ordini degli archangioli e gli altri santi (sic) et ricevette l'anima della sua diletta et charissima madre, e lo splendore apparve e la terratremo et grandissimo olore si sentiva in tanto che tutti ch'uddono in terra caderono; canti suavissimi che facevano gli angioli per ispatio d'una hora, et non si potevano i discepoli rizzare per lo sprendore che v'era cosi grande che l'umano occhio non lo potea sostenere. Et fu levata di terra et portata in cielo con allegressa e canti quella anima gloriosa et benedetta. In quel punto lo demonio intrò nel cuore de'perfidi, duri et pertinaci giudei et cercavano come potessono torre per forza e ardere il corpo della nostra donna accioche di lei non rimanesse memoria in terra e sissi armarono et vollono assalire gli apostoli per torre loro corpo glorioso et per

divino giudicio e sententia et vendetta gli perfidi Giudei in furia come gli uomini sanza freno e sanza senno sissi cominciarono a percuotere et afferire insieme come gli uomini arabbiati et demoniati et percotevanosi alle pareti e alle mura della casa. E allora gli apostoli pieni di divino amore, sanza paura presono il chataletto nel quale era il corpo mandando innanzi santo Piero colla palma in mano, la quale l'angelo l'aveva rechata di cielo. Essendo a mezza via uno degli scribi ch'aveva nome Rubeni della schiatta di Giuda et voleva gettare in terra il corpo beato, ma per volere di Dio porgendo la mano verso il chataletto diventò cieco et seccòglisi la mano e braccio in sino al gomito et non si poteva muovere dal chataletto; allora il miser chonoscendo la colpa sua e sentendo la pena ch'egli sentiva, fu pentuto et promisse agli apostoli che se procacciassino da Dio gratia della sua sanità si farebbe cristiano, e gli apostoli e tutto il popolo pregarono per lui e in contanente fu guarito e fece riverentia al corpo di nostra donna *e baciando i piedi ai tutti gli apostoli* et ricevette il battesimo et incontanente cominciò a predicare come Xpo era figliuolo di Dio et veracemente figliuolo della vergine Maria. Dopo questo il corpo della nostra donna fu portato e allogato nella valle di Giusafat da discepoli tutti con pianti d'amore e canti di dolcezza spirituale, et subitamente apparve una luce splendiente che coperse tutti gli apostoli et il corpo levò in cielo, e Xpo la congiunse collo spirito et ricevettelo dal suo lato diritto glorioso. E beato santo Tomme il quale non era presente salendo il monte Uliveto vide la nostra donna salire in cielo e con voci altissime cominciò a gridare: o madre dolcissima e santissima! o donna sopra tutte benedetta e di virtù e di grazia piena! O reina gloriosa e cara! Io veniva per te vedere e tu m'abbandoni! in che sara il mio rifugio? in che porro il mio solazzo? onde aspetto oggimai diletto o dono alcuno? rallegra il tuo discepolo afflitto. Allora la nostra donna piena di misericordia per conforto gli porse la cintura sua et egli ringratiando Iddio la ricevette et venne nella valle di Giusafat, dove egli trovò gli apostoli e tutto il popolo in tremore e sbalorditi per la luce ch'eglino aveano veduta, e vedendo santo Tomme si lo abbracciarono et baciandolo in bocca, et santo Piero gli disse: punito sè (вм. sei) della tua durezza et crudeltà che non è piaciuto addio la tua presenza nella sepultura della sua madre. Allora santo Tomme *con molte lagrime* confessò la sua colpa domandando a Xpo colla madre umilmente perdonanza, e tutti pregarono e adorarono Iddio per lui. Et fatto questo et santo Tomme disse: in che luogo avete voi posto il corpo santissimo? Et eglino gli mostrarono colà dove l'avevano posto. Rispuose santo Tomme: non e colà, la dove voi dite. E santo Piero irato disse: un altra volta la resurressione di Xpo non volesti credere se tu colle dita non avessi toccate le piaghe sue; non mi maraviglio se tu non credi che qui sia il corpo santo vedendo solamente lo sepulcro. Affermava con verità santo Tomme dicendo: alposstutto il corpo qui non è. Allora i discepoli in *furia et ira* levarono la pietra che copriva lo sepolcro e guardondo dentro non vidono il corpo di nostra

donna; anzi vidono manna candidissima. Allora si maravigliarono molto e pensavano come potessono rispondere a santo Tomme. Et egli vedendogli stupefatti che non s'ardivano di dirgli alcuna cosa cominciò a parlare e a dire: Fratelli miei e signori! ascoltate la ragione della mia pertinacia. Io cantai la messa oggi in India et ancora sono vestito del vestimento del prete siccome voi vedete et con voi mi ritrovo; in che forma o modo io sia venuto, non so, ma cotanto, vi dico, che salendo il monte Uliveto, vidi la madre di Xpo vergine Maria in carne salire in cielo, sich'io laddomandai la sua benedizione et ella mi gettò di sua mano la cintura sua, non solo per mio conforto, ma per vostro e d'ogni altro fedele cristiano et suo divoto, e mostrò la cintola la quale aveva la madre di Xpo cinta. Allora vedendo gli apostoli la cintola, chella madre di Xpo aveva cinta, et cognosciendo che santo Tomme per suo merito era stato degno di vedere lo corpo glorioso della nostra donna et di ricevere la cintura sua il pregarono che dovesse loro perdonare et tutti gli benedisse. Allora santo Tomme per l'allegressa lagrimando cominciò a dire: Voluntà divina è stata che noi ci siamo ritrovati insieme a soppellire la madre di Xpo et per cio in noi sia allegrezza ch'abbiamo la voluntà sua adempiata et che la reina è andata alla sua abitatione beata et è uscita della miseria di questo mondo. E detto questo subitamente ciascuno degli appostoli si fu portato alluogho donde erano venuti et predicarono per adempiere la loro ubbidientia a popoli di quelle provincie alle quali lo spirito santo gli avea mandati. Et non è cosa inpossibile a credere, anzi è degna di fede, che gli appostoli ritornassono in uno battere d'occhio alle provincie donde erano venuti però che quello signiore gia aveva adoperato la sua virtù che in uno subito fece portare Bachuccho profeta dal angelo della Giudea in Babillonia e di Babillonia in Giudea, e che nel ventre della Vergine Maria entrò sanza rottura di sua virginitade et partori sanza dolore. Et da morte a vita risucitò et poi che fu risucitato si apparve alle Marie e agli appostoli e mangiò con loro e stette quaranta dì. Et innanzi che emorisse fecie molti miracoli che i ciechi alluminò e i zoppi dirizzò e lebbrosi mondò e i sordi fecie udire e i mutoli fece udire e parlare e morti risucitò e fecie molti altri miracoli grandissimi, et santo Philippo per fare battezzare l'amicho portò e riportò di lontano paese.

Io Giuseppo chel chorpo del nostro Signore Jesu Xpo puosi nel mio sepolchro et poi lo vidi risucitato e parlai con lui e la madre sua ricevetti nel mio albergho et guardai et servi lei giusta alla mia possa in sino al dì chella salì in cielo e udi dalla sua bocca santissima molti e grandi sagreti quali (pn. e quali) conservai nel mio cuore et scrissi la leggenda della sua asciensione a fedeli cristiani amorosi e divoti di Dio e tutti i dì della vita mia promissi di dire e di predicare lo suo nome santissimo, e ogni huomo o femmina o cherico o laico o secolare o religioso che leggeranno o scriveranno o faranno leggere o scrivere o staranno a udire leggere meriteranno d'entrare nel regno celestiale, e in qualunche chasa sara

questa leggenda, non potra il nemico nuocere et niuno vi potra morire di morte subitana et non potra nè sordo nè mutolo diventare, nè cieco nè attratto nè povero divenire. Et qualunche persona una volta il dì la leggera, ogni petitione che chiedera ad Dio, sara exaudita et nel dì della morte sua da Xpo e dalla madre e da santi angeli in cielo ricevuto sara. Priego la dolce madre di misericordia, reina del cielo, Vergine Maria ch'abbia ammemoria me e tutti choloro che in lei sperano et credono nel suo figliuolo benedetto e piatoso il quale vive et regnia col padre et chollo spirito santo in secula seculorum. Alleluia. Ammen.

Ogni persona che leggiera questa leggenda prieghi Iddio et la beata vergine Maria per l'anima di me Giovanni di Barduccio di Cherichino chello scritta a dì 4 daprile 1442.

† Deo gratias. Ammen.

Планы древнихъ церквей Константинополя.

А. Г. Люкса.

(Съ 3 таблицами рисунковъ).

Этотъ трудъ есть результатъ наблюденій, которыя мнѣ было поручено сдѣлать въ Константинополѣ надъ оставшимися религіозными памятниками византійскаго искусства, во время экскурсіи, предпринятой въ 1884 г. по порученію Распорядительнаго Комитета VI-го Археологическаго Съѣзда. Извѣстно, что храмы христіанскаго культа, которыми могла гордиться древняя Византія, были предметомъ серьезныхъ изученій, и извѣстныя работы Зальценберга и Фоссати, и недавнія работы архитектора Пульгера изобилуютъ данными, важность и интересъ которыхъ не могутъ быть неизвѣстны. Но внимательное разсмотрѣніе памятниковъ на мѣстѣ доказало мнѣ, что многочисленные документы, собранные до сихъ поръ, должны быть снова пересмотрѣны.

Моя задача состоитъ въ изученіи религіозныхъ зданій исключительно съ точки зрѣнія архитектуры и конструкціи.

Я старался измѣрить зданія съ самой тщательной заботливостью, чтобы дать такой планъ каждаго, который можно будетъ разсматривать какъ документъ, представляющій гарантію наибольшей точности. Разборъ этихъ чертежей показываетъ намъ главные типы, чрезъ которые прошла византійская архитектура и даетъ возможность открыть въ различныхъ формахъ основную ихъ идею, по которой можно прослѣдить переходы къ различнымъ эпохамъ. Этотъ трудъ, безъ сомнѣнія, очень несовершенетъ, но, можетъ быть, не смотря на несовершенства, онъ—и таковъ какъ есть—окажетъ услугу тѣмъ, кого интересуетъ византійское искусство. Если онъ вызоветъ въ другихъ только желаніе изучить полнѣе этотъ спеціальный вопросъ, моя цѣль будетъ достигнута.

Прежде, чѣмъ приступить къ изслѣдованію византійскихъ церквей, т. е., собственно говоря, церквей съ куполами, полезно сказать нѣсколько словъ объ одной изъ главныхъ церквей базиличной формы въ Цареградѣ съ единственною цѣлью—дать полный очеркъ древнихъ христіанскихъ церквей Константинополя. Это зданіе перваго періода византійскаго искусства—отъ Кон-

стантина до Юстиніана—относящееся къ первой половинѣ V-го столѣтія, есть древняя церковь Іоанна Крестителя Студійскаго монастыря, преобразованная въ настоящее время въ мечеть подъ именемъ «Эмиръ ахоръ джами». Базилика, которая насъ занимаетъ, особенно замѣчательна довольно сохранившимися остатками фасада своего нартекса, раздѣлена внутри на три нефа рядомъ мраморныхъ колоннъ (vert antique). Между тѣмъ, какъ главный нефъ занимаетъ всю высоту зданія, боковые нефы раздѣлены на двѣ части; верхняя часть служитъ гинекеемъ. Колонны, поддерживающія полъ гинекея (полъ первоначально былъ деревянный, и его можно узнать по каменнымъ кронштейнамъ, находящимся въ наружныхъ стѣнахъ) держатъ не арки, а каменный антаблементъ, украшенія котораго цѣликомъ исчезли. На верху этого антаблемента находится второй рядъ деревянныхъ колоннъ, турецкой работы, какъ и строеніе крыши и потолка. Въ первоначальномъ состояніи эти колонны были изъ мрамора и поддерживали арки изъ того же матеріала. Эта базилика не сохранила оконъ на верху гинекея, которыя освѣщаютъ въ римскихъ базиликахъ сверху средній нефъ. Абсида полукруглая внутри, снаружи представляетъ фигуру въ три грани, и покрыта полукуполомъ; направо и налѣво, сообѣтственно боковымъ нефамъ, находятся двѣ двери (въ настоящее время замурованы), которыя въ началѣ вели въ ризницу (diakonikon) и въ камеру жертвенника (prothesis).

Прибавлю еще, что, по особымъ указаніямъ, найденнымъ на мѣстѣ, т. е. по остаткамъ стѣнъ, и по главному входу *атріума*, а равно руководясь фонтаномъ, возможно было возстановить планъ древняго атріума, какъ показываетъ чертежъ I, таб. I.

Господствующій признакъ, дающій византійскимъ церквамъ ихъ характеръ, ихъ особенную физіономію, конструктивный элементъ, отъ котораго зависятъ всѣ части памятника, это куполъ. Но этотъ послѣдній *пережилъ* различные характеры, и, прежде чѣмъ достигнуть купола на парусахъ, онъ прошелъ черезъ различныя фазы, которыя я изложу дальше, довольствуясь теперь изложеніемъ плановъ церквей.

Переходъ отъ куполовъ на круглой или многоугольной основѣ съ большимъ числомъ сторонъ (по способу, употребляемому римлянами уже при республикѣ), къ куполамъ на квадратномъ основаніи, или съ парусами, оставилъ слѣды въ Константинополѣ въ двухъ малыхъ памятникахъ, расположенныхъ около Св. Софіи.

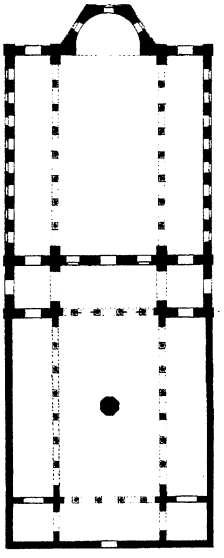
Первый изъ этихъ памятниковъ есть крещальня, которая находится съ сѣверо-восточной стороны церкви Юстиніана; планъ ея (чер. 2, таб. I) имѣетъ круглую форму. Стѣна представляетъ внутри одиннадцать экзедръ или нишъ и пробита входной дверью. На этой круглой стѣнѣ покоится куполъ по римскому образцу. Второй изъ этихъ памятниковъ, также крещальня, вы

строенный при Юстиніанѣ прежде св. Софіи, представленъ табл. 1, чер. 3. Половина рисунка налѣво есть планъ нижняго этажа, а другая—при началѣ купола. Зданіе снаружи представляетъ форму прямоугольника съ выступомъ, обращеннымъ на востокъ, мѣсто абсиды. Оно составляется изъ нартекса, наоса и изъ одной маленькой абсиды въ формѣ ниши, покрытой въ видѣ четверти шара. Внутри, часть, покрытая куполомъ, образуется изъ осьмиугольника и четырехъ полукруговъ. Это расположеніе, аналогичное съ расположеніемъ храма Минервы Medica въ Римѣ, принято строителемъ съ цѣлью избѣгать слишкомъ большаго свѣшиванія парусовъ. Эти послѣдніе въ самомъ дѣлѣ увеличиваются по мѣрѣ того, какъ уменьшается число сторонъ многоугольника, и достигаютъ maximum'а своего размѣра, когда многоугольникъ основанія обращается въ квадратъ. Въ этомъ случаѣ, о которомъ мы говоримъ, представляющемъ зародышъ пандантива, затрудненіе было избѣгнуто постановкою купола на плоскость осмиугольную, съ малыми парусами въ точкахъ соприкосновенія угловъ многоугольника съ куполомъ. Эта крещальня представляетъ первый типъ византійской архитектуры: тамъ еще замѣтны римскія традиціи, и она намъ показываетъ извѣстную нерѣшительность, съ которой строители начинали искать рѣшенія задачи парусовъ. Но во всякомъ случаѣ эта попытка должна быть разсматриваема, какъ шагъ къ грандіозному примѣненію въ св. Софіи, гдѣ задача парусовъ была такъ искусно рѣшена.

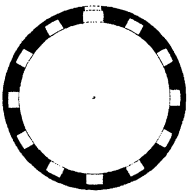
Очень близкая къ только что описанному типу, но и представляющая свои отличія, о которыхъ я буду говорить потомъ, древняя церковь монастыря, посвященнаго свв. Сергію и Вакху. Теперь это мечеть «Кучукъ-Ая-Софія». Она была выстроена въ царствованіе Юстиніана однимъ архитекторомъ, имя котораго не перешло въ потомство, и освящена въ 535 г., за два года приблизительно до св. Софіи. Планъ этой церкви (чер. 4) раздѣляется на четыре главныя и очень различныя части: 1-я—абсида, обращенная на востокъ по обычаю, который мы встрѣчаемъ во всѣхъ византійскихъ церквахъ; 2-я—главный нефъ или наосъ; 3-я—нефы второстепенные, раздѣленные въ высоту на два этажа, и, наконецъ, 4-я—нартексъ. Абсида внутри, въ формѣ сферической ниши, съ наружной стороны, образуетъ выступъ представляющій полигональную форму въ три грани, какъ въ церкви Іоанна Крестителя. Эта форма абсиды — характеристическая черта — встрѣчается во всѣхъ церквахъ, принадлежащихъ ко второму періоду византійской архитектуры. Плоскость нефа или центральной части, покрытой куполомъ, представляетъ форму осьмиугольника, а по сторонамъ его, исключая стороны отъ алтаря, внизу находятся боковые нефы, а вверху гинекей, къ которому ведетъ изъ нартекса лѣстница, обозначенная на чертежѣ справа.

Въ каждомъ изъ свободныхъ промежутковъ между восьмью точками опоры, исключая абсиды, находятся на каждомъ этажѣ по двѣ мраморныя, по большей

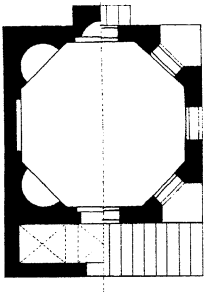
1.



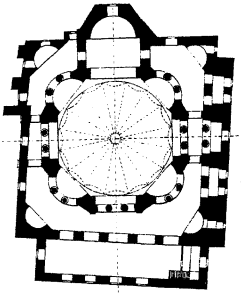
2.



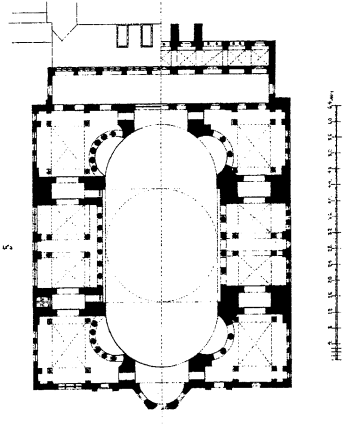
3.



4.



5.



6.

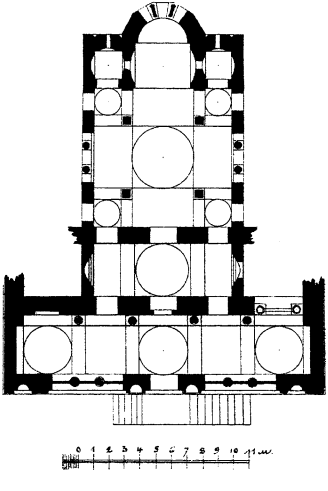


Фото-Гравюра Шерер, Набгольцъ и Ко въ Москвѣ.

части античныя (verde antico), колонны. На колоннахъ нижняго этажа, поддерживающихъ полъ гинекея, располагается антаблементъ по древнему образцу. Этотъ антаблементъ, смыслъ котораго можно объяснить необходимостью сберечь пространство въ высоту, украшенъ по фризу греческой надписью, въ похвалу Юстиніану и Θеодорѣ. Колонны верхняго этажа держатъ прямо на своихъ капителяхъ арки, которыя поддерживаютъ четыре большихъ угловыхъ ниши, и въ 3-хъ свободно остающихся частяхъ (аркада асбиды остается открытой во всю вытоту зданія) арки же связываютъ 8 столбовъ, поставленныхъ на углахъ многоугольника, на которомъ подымается куполъ. Въ отличіе отъ баптистерія Св. Софіи, куполъ покоится на осмиугольномъ основаніи, безъ посредства даже зачаточнаго паруса. Эта характеристическая черта даетъ церкви Свв. Сергія и Вакха особый типъ, совершенно отличный отъ другихъ церквей, съ которыми ее иногда сравнивали, напр. отъ церкви Св. Виталія въ Равеннѣ. Нартексъ въ своемъ теперешнемъ видѣ не представляетъ ничего интереснаго. Повидимому, кромѣ двери, ведущей изъ нартекса внутрь церкви, тутъ былъ еще одинъ ходъ, посреди наружной стѣны, расположенной на югѣ, на томъ мѣстѣ, гдѣ мы видимъ на нашемъ планѣ двѣ колонны. Наружныя стѣны, которыя даютъ зданію форму неправильнаго четырехсторонника, внутри образуютъ четыре угла, срѣзанныя плоскостями, въ которыхъ помѣщены полусферическія ниши. Внутренность церкви хорошо освѣщена просвѣтами наружныхъ стѣнъ, и куполомъ, который пропускаетъ свѣтъ черезъ восемь оконъ, соотвѣтственно срединѣ каждой стороны осьмиугольнаго основанія, и абсидою съ двумя рядами оконъ. Разсматривая этотъ планъ, поражаешься прежде всего его неправильностью. Въ самомъ дѣлѣ, стороны наружнаго четырехсторонника вовсе не параллельны соотвѣтствующимъ сторонамъ осьмиугольника: ось нартекса не соотвѣтствуетъ оси нефа, и, наконецъ, осьмиугольникъ, служащій основаніемъ куполу, неправиленъ, такъ что окружность нельзя въ немъ точно вписать. Я думаю, слишкомъ смѣло будетъ искать причины всѣхъ этихъ несовершенствъ въ недостаткѣ знанія или искусства строителя. Въ самомъ дѣлѣ, нельзя допустить, чтобы въ одно и то-же время, какъ воздвигалась церковь Св. Софіи, которая служитъ неопровержимымъ доказательствомъ высокаго развитія архитектуры въ эту эпоху, можно было дать неправильную форму плану памятника, столь важнаго какъ Малая Софія, благодаря заблужденіямъ въ разбивкѣ зданія. Не вѣрнѣе-ли будетъ смотрѣть на всѣ эти неправильности, скорѣе, какъ на неизбѣжный результатъ условія выравниванія, распланировки и прилаживанія къ другимъ прежнимъ зданіямъ, какъ условія предъявленнаго архитектору. *Какъ-бы то ни было*, церковь Свв. Сергѣя и Вакха производитъ на зрителя впечатлѣніе истинно грандіозное, а между прочимъ простой взглядъ на ея планъ даетъ возможность опредѣлить его изящество. Этотъ оригинальный и интересный въ византійскомъ искусствѣ памятникъ долженъ разсматриваться,

какъ переходъ отъ римскаго искусства къ настоящему типу византійской архитектуры во всемъ его величіи.

Церковь Св. Софіи представляетъ намъ самое древнее, ясно обозначенное положеніе купола на парусахъ, т. е. покрывающаго четырехугольное пространство. Въ ней имѣемъ настоящій византійскій куполъ, на который нужно смотрѣть, какъ на величайшее усовершенствованіе, достигнутое человѣкомъ въ архитектурѣ. Рѣшеніе задачи изобиловало затрудненіями, побѣжденными съ такими великими знаніями и съ такой отвагой, которыя никогда не были выше и не будутъ, безъ сомнѣнія, потому что куполъ Св. Софіи есть самый обширный изъ существующихъ куполовъ на парусахъ. Правда, есть купола большаго діаметра, но они другаго типа; такъ, куполъ пантеона Агриппы покоится на стѣнѣ круглой, а куполъ Св. Петра въ Римѣ, въ дѣйствительности, выстроенъ на осьмиугольномъ основаніи, въ чемъ не представляется затрудненій. При видѣ этого грандіознаго зданія, вами овладѣваетъ удивленіе и изумленіе, не смотря на то, что оно много потеряло изъ своего первоначальнаго блеска, и глубоко пораженный умъ недоумѣваетъ, не зная, чему удивляться — правильному-ли сочетанію всѣхъ элементовъ, составляющихъ остовъ зданія или богатству, котораго не щадили на его постройку. Но если человѣкъ, подавленный этой величавостью, чувствуетъ себя ничтожнымъ передъ этимъ колоссомъ, онъ можетъ возгордиться при мысли, что человѣческій геній былъ способенъ произвести на свѣтъ это чудо. Ибо лѣтописи христіанскаго искусства не могутъ записать равнозначительнаго этому памятника.

Центръ зданія покрытъ главнымъ куполомъ, который опирается на четыре большія арки посредствомъ парусовъ. Этому куполу служатъ опорою на уровнѣ съ арками двѣ большія ниши или полукупола въ направленіи главнойоси строенія, и онъ поддерживается еще четырьмя столбами, продолжающимися по сѣверной и южной сторонѣ въ формѣ контр-форсовъ. Такимъ образомъ, помѣщеніе церкви или нефъ представляетъ форму, подобную удлиненному эллипсу. Эта форма существенно раціональна, такъ какъ она происходитъ и изъ общей системы конструкціи, и изъ необходимости утвердить стойкость ея. Ея изящество, которое нельзя отрицать, основывается на той истинѣ, что въ постройкѣ (какъ и во многихъ другихъ вещахъ) прекрасное должно прежде всего отвѣчать условію — быть строго логичнымъ.

Структура Св. Софіи обладаетъ громаднымъ преимуществомъ: она развертываетъ передъ нашими глазами все зданіе, и, слѣдовательно, позволяетъ обнять его разомъ однимъ взглядомъ, который безъ усилій, безъ потрясеній притягивается къ куполу, который все увѣнчиваетъ и надъ всѣмъ господствуетъ. Отъ этого, безъ сомнѣнія, церковь, кажется, значительно больше, чѣмъ она есть въ дѣйствительности; это качество важное, которое должны

цѣнить всѣ, испытавшіе противоположное впечатлѣніе, производимое громадной церковью Св. Петра въ Римѣ:

Главнѣйшія подраздѣленія плана, представленнаго чер. 5, остаются тѣ-же, что и въ церкви Св. Сергія и Вакха; но — что должно вновь повторить — новый способъ соединенія всѣхъ элементовъ, составляющихъ остовъ зданія, въ одно гармоническое цѣлое, есть то что придаетъ оригинальный характеръ, индивидуальную особенность Св. Софіи. — Въ самомъ дѣлѣ, въ этомъ строеніи все держится, сцѣпляется, находится на своемъ мѣстѣ, наконецъ, все, съ точки зрѣнія конструкціи, имѣетъ свой смыслъ и назначеніе. Церковь представляется на планѣ съ наружной стороны въ видѣ четырехугольника, близкаго къ квадрату, съ полуокружной внутренней абсидой, выходящею въ видѣ многоугольника съ тремя плоскостями на восточный фасадъ, какъ въ церкви Св. Сергія и Вакха. Изъ партекса есть входъ въ центральный нефъ черезъ три двери, изъ которыхъ главныя, среднія, называемыя золотыми дверями, шире двухъ другихъ. Главный нефъ или наосъ окруженъ, исключая стороны отъ абсида, т. е. съ сѣвера и юга, боковыми нефами, раздѣленными на два этажа, изъ которыхъ верхній служитъ гинекеемъ. Этотъ послѣдній продолжается надъ партексомъ и обходитъ такимъ образомъ вокругъ церкви. Два полукупола, служащіе противовѣсомъ куполу, о чемъ мы говорили выше, имѣютъ по три полукруглыхъ отверстія. Центральное отверстіе крыто коробчатымъ сводомъ, который со стороны входа продолжается до стѣны партекса, между тѣмъ, какъ со стороны алтаря, онъ оканчивается сферическою нишею. Два другихъ отверстія образуютъ своими сводами двѣ ниши, открытыя надъ нефами и поддерживаемыя рядомъ аркадъ изъ мраморныхъ колоннъ, числомъ 6 въ гинекеѣ и двѣ въ нижнемъ этажѣ. Что касается до пространства между двумя арками сѣверной и южной, на которыхъ держится куполъ, оно забрано стѣной изъ арокъ, стоящихъ прямо на колоннадахъ. Эти послѣднія составлены изъ шести колоннъ, поднимающихся отъ гинекея и четырехъ колоннъ отъ земли. Не безинтересно замѣтить, что архитекторы, употребившіе всѣ старанія на то, чтобы покрыть центръ зданія куполомъ на парусахъ, оставляли въ полукуполахъ или нишахъ, которыя ихъ поддерживаютъ, тотъ-же типъ, который мы видѣли въ церкви Св. Сергія и Вакха, однако съ очень характерной разницей. Въ самомъ дѣлѣ, ниши эти держатся на многоугольной плоскости посредствомъ четырехъ точекъ опоры; но если мы ихъ представимъ себѣ нанизанными одинъ на другой, образуя цѣлый куполъ, то онъ намъ и представитъ единственный типъ въ Константинополѣ купола, покоющагося на 6 точкахъ опоры, или плоскость основанія котораго *шестиугольникъ*. Церковь имѣетъ свой центръ, обильно освѣщаемый, благодаря сорока просвѣтамъ (baies), продѣланнымъ въ основаніи купола, которыя отдѣляютъ свободно этотъ послѣдній отъ круглаго пояса, на которомъ онъ поставленъ. Изъ центра, сила свѣта въ вер-

тикальномъ такъ-же, какъ и въ горизонтальномъ направленіи распредѣляется съ замѣчательнымъ искусствомъ, идетъ ослабѣвая. Такое распредѣленіе свѣта, оставляющее нижнія и боковыя части зданія въ относительномъ полумракѣ, производятъ впечатлѣніе тихой величавости, а величественному куполу придаетъ много воздушной легкости.

Этотъ типъ византійской архитектуры, сокращенное описаніе котораго мы выше дали, заключаетъ собою списокъ памятниковъ, принадлежащихъ ко второму періоду византійскаго искусства. Всѣ церкви, о которыхъ еще будемъ говорить, принадлежатъ третьему періоду византійскаго искусства, который тянется отъ VIII вѣка до эпохи Латинской имперіи. Въ этотъ промежутокъ времени, когда византійская имперія достигла своего наибольшаго могущества и пользовалась полнымъ благосостояніемъ, архитектура имѣла двѣ эпохи процвѣтанія—въ IX и XI-мъ в. Религіозная архитектура въ продолженіе этого третьяго періода не потерпѣла важныхъ видоизмѣненій въ своихъ существенныхъ чертахъ. Но это не значитъ, что она была неподвижна, однообразна, это только служитъ доказательствомъ, какъ мы дальше и увидимъ, того единства, которое въ ней обнаруживалось.

Византійскіе строители, будучи подъ вліяніемъ типа Св. Софіи, не довольствовались копировкой: напротивъ, принимая всегда за исходную точку своего плана куполъ на парусахъ, они искали, не отставая отъ традиціи, различныхъ новыхъ и оригинальныхъ формъ. Планы, которые мы будемъ разсматривать теперь, могутъ раздѣлиться на два главные типа, хотя каждый изъ нихъ представляетъ интересныя особенности. Первый типъ третьяго періода византійскаго искусства представляетъ намъ церковь, посвященная Богородицѣ и извѣстная теперь подъ названіемъ мечети Мефа-джами. Эта церковь, построеніе которой относится къ концу IX-го столѣтія или къ началу X-го, была возобновлена въ XII-омъ вѣкѣ, и, наконецъ, въ XIII-мъ, матерью императора Андроника. Главныя части плана остаются тѣ-же, что и у Св. Софіи; наружная форма—всегда прямоугольникъ съ абсидою на востокъ; но конструкція представляетъ характерныя различія. Въ фиг. 6 находится планъ этого зданія въ его теперешнемъ состояніи. Первое отличіе, которое онъ представляетъ, когда его сравниваютъ съ храмами предшествующей эпохи,— это прибавленіе втораго нартекса, освѣщеннаго посредствомъ аркадъ, поддерживаемыхъ шестью мраморными колоннами. За этимъ нартексомъ, который вначалѣ былъ, вѣроятно, сообщенъ съ портиками или галлереей, которая окружала существующую постройку, слѣдуетъ эсонартексъ, покрытый посреди куполомъ; онъ сообщается съ церковью посредствомъ трехъ дверей. Центральное помѣщеніе представляетъ форму совершеннаго квадрата, углы котораго заняты четырьмя столбами, несущими арки, которые поддерживаютъ главный куполъ. Этотъ куполъ, какъ и три купола, которые покрываютъ экзонартексъ, построенъ на бара-

банѣ; они отличаются между собой тѣмъ, что въ барабанѣ перваго двѣнадцать оконъ, между тѣмъ, какъ барабаны куполовъ экзонартекса лишены ихъ. Свободныя пространства между столбами и стѣнами, ограниченныя полукруглыми арками, которыя соединяютъ ихъ между собой, покрыты въ четырехъ углахъ маленькими *плоскими* куполами. Четыре остальныхъ пространства покрыты цилиндрическими сводами (voûtes en berceau), которые подпираютъ (contrebutent) арки, на которыхъ покоится посредствомъ пандантивовъ куполъ и его барабанъ. Въ тѣхъ частяхъ наружныхъ стѣнъ сѣверной и южной, надъ которыми находятся цилиндрическіе своды,—пробито вверху по одному большому полукруглому окну. Подъ этимъ окномъ находится аркатура, возвышенныя арки которой держатся на двухъ мраморныхъ колоннахъ, соединявшая когда-то церковь съ портиками, о которыхъ я раньше говорилъ. Главный нефъ и боковые исключая четырехугольниковъ; занимающихъ четыре угла, вмѣстѣ имѣютъ форму греческаго креста. За наосомъ мы находимъ алтарь, который сообщается съ тремя абсидами. Первая, представляющая внутри полукруглую форму, снаружи обрисовывается многоугольникомъ въ 5 граней. Двѣ второстепенныя абсиды, по-меньше, назначенныя для дьяконикона и для протезиса, не выступаютъ на задній фасадъ памятника, но обозначены снаружи вертикальнымъ желобкомъ. Форма въ планѣ этихъ второстепенныхъ абсидъ очень оригинальна. Интересно замѣтить особенности куполовъ экзонартекса; они держатся на аркахъ, которыя съ одной стороны опираются и переносятъ давленіе на стѣну наружную, а съ другой — на колонны. Этимъ пріемомъ имѣлось, вѣроятно, въ виду сдѣлать шире партексъ, съ куполами относительно меньшаго діаметра, и въ то-же время устроить роскошнѣе декорацію у входа въ церковь.

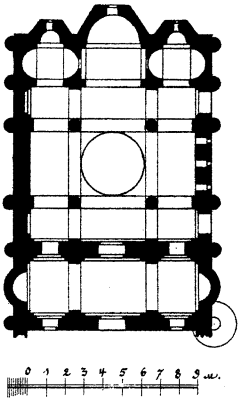
Другая церковь, планъ которой представленъ на чер. 10, таб. 2 относится къ тому-же типу; это церковь *Пантепопта*, извѣстная теперь подъ именемъ «Эски-Имаретъ-джами»; строеніе ея обозначено XI-мъ или началомъ двѣнадцатаго вѣка. Въ этомъ зданіи находится гинекей, который занимаетъ въ верхнемъ этажѣ мѣсто плана, соотвѣтствующее внѣшнему и внутреннему нартексу. Планъ церкви (считая центральный и боковые нефы) не представляетъ болѣе формы совершеннаго квадрата, какъ въ церкви Богородицы, но только форму прямоугольника. Благодаря этой прямоугольной формѣ, измѣняются пропорціи всего плана, не представляющаго уже совершенной формы греческаго креста, какъ на предшествующемъ планѣ. Система постройки тождественна съ системой ц. Богородицы, кромѣ четырехъ угловъ церкви, которые, представляя форму не квадрата а прямоугольника, покрыты цилиндрическими сводами вмѣсто плоскихъ куполовъ. Пространство, соотвѣтствующее на наружныхъ сѣверной и южной стѣнахъ цилиндрическимъ сводамъ, подпирающимъ куполъ, заполнено стѣною съ тремя окнами, покоясь на тройной крутой аркатурѣ, которую несутъ двѣ колонны. Эти окна съ тѣми, которыя есть въ барабанѣ купола, и въ стѣнѣ главной

абсиды, освѣщаютъ широко элегантную и очень пропорціональную внутренность храма. Три абсиды въ формѣ многоугольника выходятъ на восточный фасадъ, — это одна изъ характеристичныхъ чертъ эпохи, интересующая насъ и мы ее найдемъ во всѣхъ слѣдующихъ церквахъ. Особенное расположеніе діаконикона и протезиса обращаетъ на себя вниманіе.

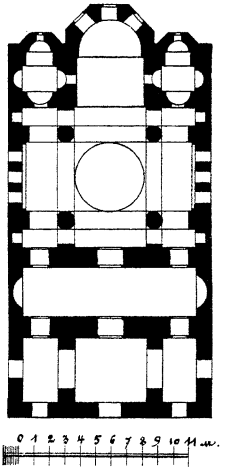
Мы находимъ еще тотъ-же типъ (чер. 9) въ зданіи одновременной конструкціи съ ц. Богородицы, возобновленный, какъ и этотъ послѣдній въ концѣ XIII-го вѣка; она принадлежала женскому монастырю, и извѣстна подъ именемъ мечети «Будрумъ джамисси». Это древняя церковь *Мирелея*. Экзо-нартексъ, лишь слѣды котораго замѣтны теперь, уничтоженъ, а на нартексѣ находится, какъ въ Пантепоптѣ, гинекей. Двѣ ниши, которыя обыкновенно заканчиваютъ нартексы церквей этой эпохи: сѣверная и южная, здѣсь особенно замѣчательны выходомъ на боковыя фасады, представляя круглую форму. Внутренность церкви имѣетъ полную аналогію съ внутренностью Пантепопта, съ тою разницею, что форма греческаго креста здѣсь почти совершенна и болѣе замѣтна, прямоугольникъ болѣе подходя къ квадрату.

Второстепенныя абсиды представляютъ разницу съ предшествующими, которую легко замѣтить при простомъ взглядѣ на планъ. Наружныя стѣны несутъ, въ своихъ точкахъ встрѣчи съ внутренними арками и стѣнами нартекса, тонкія колонны (colonnettes), которыя представляли раціональное украшеніе фасада, теперь сильно поврежденнаго. Чертежи 7 и 8 показываютъ намъ два религіозные монумента той-же самой эпохи; ихъ существенная особенность состоитъ въ образованіи цѣлаго изъ различныхъ строеній. Монастырская церковь Пантократора или Христа Вседержителя, нынѣ мечеть *Зейрекъ-джами*, есть первая изъ зданій, изображенная на планѣ чер. 7. Изъ экзо-нартекса ведутъ три двери во внутрь большей изъ двухъ церквей, которая сообщается съ центральной постройкой. Эта послѣдняя служила усыпальницею строителей зданія: императрицы Ирины, жены Іоанна Комнена, основательницы монастыря въ первой половинѣ двѣнадцатаго вѣка, и ея сына Мануила. Постройка двухъ церквей, раздѣленныхъ этой погребальной часовней, была, безъ сомнѣнія, предпринята съ цѣлью предназначить одну изъ нихъ монахамъ, а другую прихожанамъ. По устройству эти двѣ церкви аналогичны тѣмъ, которыя разсмотрѣны раньше. Они представляютъ характерную черту: абсиды снаружи имѣютъ форму многоугольника съ большимъ числомъ сторонъ, и съ изящнымъ украшеніемъ (особенно большей изъ 2 церквей). Мы находимъ также въ этомъ собраніи построекъ, именно въ погребальной, случай очень интересный, который мы встрѣчаемъ въ первый разъ: купола на парусахъ, построенныхъ на продолговатой (barlong) плоскости. Нынѣшнее состояніе построекъ доказываетъ, что онѣ подвергались нѣсколько разъ поправкамъ, какъ напримѣръ: утолщенность стѣнъ, съ цѣлью укрѣпить своды, и орнаментацію

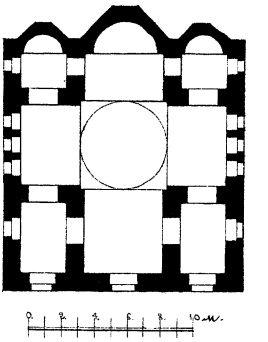
9.



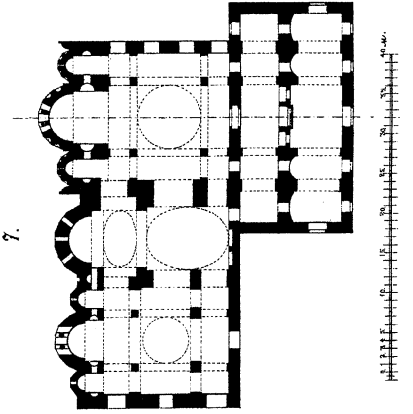
10.



11.



7.



8.

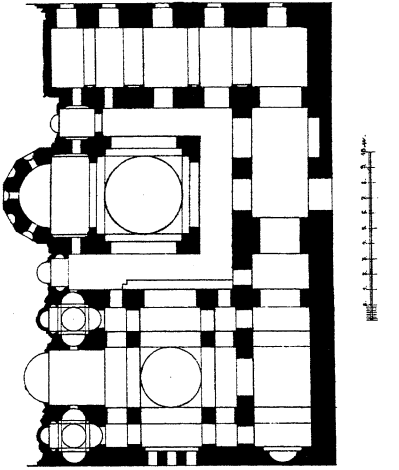


Фото-Граввюра Шерер, Набгольцъ и К°въ Москвѣ.

четырехъ столбовъ, поддерживающихъ куполъ главной церкви, — это все мусульманской работы.

Чертежъ 8 даетъ планъ мечети «Экклисія-Джамиси» въ Халинъ-Джеларъ Кіоскѣ древней церкви *Панахранты*.

Здѣсь мы видимъ двѣ церкви, сообщающіяся непосредственно между собою, и имъ предшествуетъ общій нартексъ, соединенный съ южной стороны съ придѣломъ. На этомъ нартексѣ находится гинекей, представляющій свою особенность, которую надо выяснить. Между тѣмъ, какъ въ церкви, расположенной на лѣво, гинекей существовалъ только надъ нартексомъ; въ той-же, которая на право, онъ занималъ, кромѣ верхней части нартекса, часть пространства церкви между нартексомъ и одной изъ четырехъ арокъ, на которыхъ держится куполъ. Мы находимъ аналогію съ этимъ расположеніемъ въ церквахъ Паммакаристы и Св. Апостола Андрея. Планъ церкви, расположенной на сѣверъ, не отличается отъ типа, изученнаго до сихъ поръ; тамъ находятъ только оригинальное положеніе второстепенныхъ абсидъ, которыя покрыты малыми сферическими сводами, покоющимися на квадратной плоскости. Строенія хотя и хорошо сохранились, но подчинялись ремонтировкѣ, особенно въ частяхъ, близкихъ къ жертвеннику главной церкви. Въ этой послѣдней достойно вниманія новое расположеніе частей. Ея центральный куполъ, до котораго продолжается гинекей, покрываетъ пространство до алтаря, противоположнаго образцамъ церквей этой эпохи, описаннымъ до сихъ поръ. Въ самомъ дѣлѣ, въ этихъ образцахъ между четырьмя столбами, претерпѣвающими давленіе купола, и поставленными въ нефѣ, остается четыре свободныхъ пространства—нартексъ и бема, и 2 стѣны, дающія центральной части зданія болѣе или менѣе правильную форму греческаго креста. Здѣсь нѣтъ уже свободнаго прохода между куполомъ и алтаремъ, и чтобы найдти на планѣ форму, болѣе или менѣе близкую къ греческому кресту, надо, чтобы одинъ изъ концовъ этой формы занялъ пространство алтаря до абсиды. Принимая эту систему, архитекторъ, повидимому хотѣлъ произвести такое расположеніе, которое было употребительно въ этой части религіозныхъ зданій во второмъ періодѣ архитектуры византійской.

Благодаря-же этому новому расположенію, планъ главной церкви *Панахранты* есть одинъ изъ представителей втораго типа 3-го періода византійской архитектуры, типа, встрѣчаемаго во всѣхъ церквахъ, о которыхъ мы будемъ еще говорить. Чер. 11, воспроизводящій планъ храма апостоловъ *Петра и Марка* (теперь мечеть: «Атикъ мустафа паша джамиси»), показываетъ намъ, что это зданіе не представляетъ другой разницы съ типомъ, сейчасъ описаннымъ, какъ только ту, что онъ образуетъ съ каждой стороны входа, какъ-бы отдѣльную комнату. Принципъ остается тотъ-же, но надо замѣтить, что благодаря принятому размѣщенію церковь много теряетъ и какъ-бы сдавлена; ибо со столбами, поддерживающими куполъ и связанными посредствомъ арокъ съ наружными

стѣнами, получается при одинаковой устойчивости большій эффектъ, храмъ становится болѣе открытъ и совершенно на виду со всѣхъ сторонъ. Первоначальный нартексъ исчезъ и замѣненъ теперь крытой галлереей, выстроенной мусульманами. Эта церковь, хотя и хорошо сохранена внутри, но какъ конструкція не представляетъ вмѣстѣ съ тѣмъ ничего особенно замѣчательнаго.

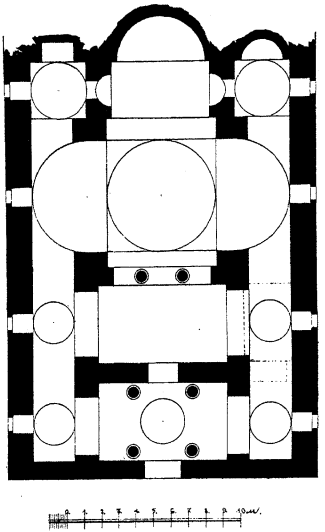
Перейдемъ къ плану церкви *апостола Св. Андрея*, извѣстной подъ именемъ мечети «Хаджи Мустафа паша джамиси», изображеніе которой находится на чер. 12, таб. 3. Этотъ планъ, сходясь въ общихъ чертахъ съ типомъ, о которомъ я только-что говорилъ, представляетъ тѣмъ не менѣе оригинальное и лучшее расположеніе. Церковь снабжена нартексомъ, надъ которымъ находится гинекей, продолжающійся надъ нефомъ до встрѣчи съ центральнымъ куполомъ, какъ въ церкви Панахранты. Съ каждой стороны нартекса и передней части церкви, раздѣленныхъ арками, находятся два пространства, напоминающія комнаты, которыя мы замѣтили въ церкви Петра и Марка; они покрыты маленькими плоскими куполами. Способъ уравновѣшиванія купола, принятый архитекторомъ, напоминаетъ тотъ, который былъ употребленъ въ Св. Софіи; онъ поддерживается двумя сферическими нишами и двумя цилиндрическими сводами; только здѣсь ниши не покоятся на многоугольной плоскости. Эта система покрытія центральной части зданія даетъ ему особенный вполнѣ оригинальный видъ. Обратимъ вниманіе на подробность: двѣ колонны поддерживаютъ арки, заполняющія пространство подъ гинекеемъ. Среди нартекса находятся четыре колонны, на которыхъ покоится такое-же число арокъ, несущихъ маленькій куполъ, который придѣлывается къ нимъ посредствомъ парусовъ. Этотъ пріемъ аналогиченъ съ тѣмъ, который мы уже имѣли случай замѣтить въ экзонартексѣ церкви Матери Божіей. Но здѣсь приложеніе его болѣе полное и раціональное, такъ какъ въ церкви Богородицы куполъ покоится съ одной стороны на двухъ колоннахъ, а съ другой—на наружной стѣнѣ.

Остается еще разсмотрѣть планы двухъ религіозныхъ памятниковъ, принадлежащихъ второму типу архитектуры византійской третьяго періода; церковь монастыря *Хора* и монастыря *Паммакаристы* [1]). Что-же касается до церкви, монастыря Хора, посвященной Спасу, теперь Кахріе-джамиси, то при взглядѣ на планъ ея (чер. 13) поражаешься прежде всего неправильностью, которую онъ представляетъ въ главныхъ чертахъ. Эти неправильности доказываютъ, что зданіе подчинялось ремонтировкѣ, которая совершенно измѣнила его первоначальный видъ. Церковь, выстроенная, по всей вѣроятности, въ XI-мъ вѣкѣ, женой Андроника Дуки на мѣстѣ другаго зданія Юстиніана, была возстановлена, увеличена и украшена Ѳеодоромъ Метохитомъ въ XIII-мъ вѣкѣ.

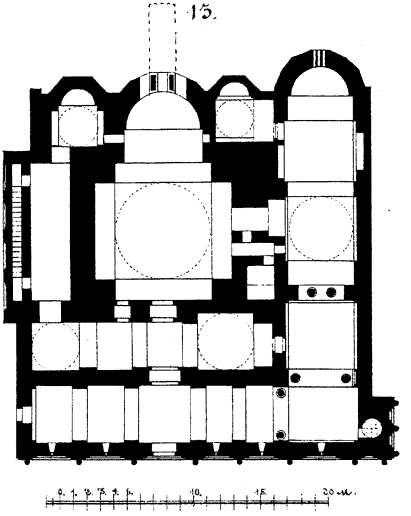
---

[1]) Смотри о послѣдней церкви нашу статью въ III-мъ томѣ «Трудовъ VI Арх. Съѣзда». Планъ ея представленъ чер. 14 и разрѣзъ чер. 15 таб. 3.

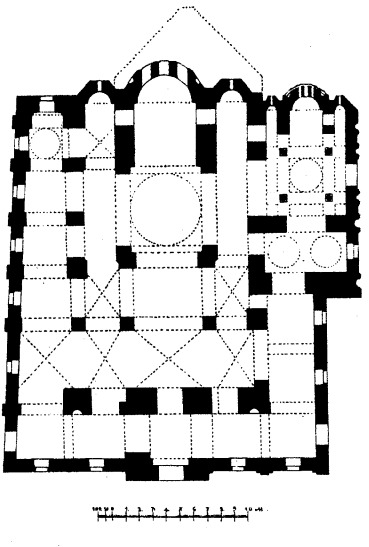
12.



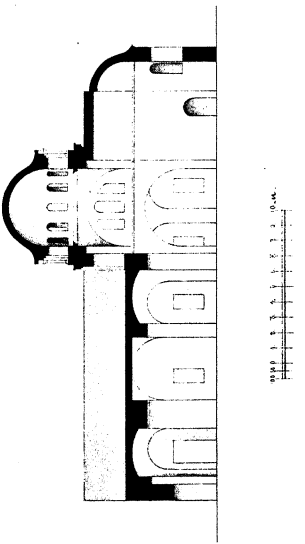
13.



14.



15.



Внимательно разсматривая планъ, можно его раздѣлить на двѣ разныя части: Первая есть, собственно говоря, церковь съ своимъ нартексомъ, экзонартексомъ (прибавленнымъ, можетъ быть), тремя абсидами, главнымъ нефомъ и его двумя второстепенными нефами. Эти послѣдніе дошли до такого состоянія, что тотъ, который направо, такъ сказать, совершенно исчезъ, а тотъ, который на-лѣво, превратился въ темный корридоръ, отъ котораго идетъ лѣстница, находящаяся въ наружной стѣнѣ, и ведущая на верхній этажъ, который служилъ жилищемъ. Эта первая часть зданія за исключеніемъ многочисленныхъ измѣненій, которымъ подчинился его планъ, входитъ въ типъ, который мы изучили, и то, что я сказалъ до сихъ поръ, увольняетъ меня отъ подробностей. Придѣлъ-же, который имѣетъ свой экзо-и эсонартексъ, свой центральный куполъ и свою собственную абсиду, образуетъ вторую часть зданія, безъ сомнѣнія, позднѣйшей конструкціи и погребальнаго назначенія. Памятникъ сохранилъ отчасти свои внутреннія украшенія скульптурныя, фресковыя и мозаическія. Эти послѣднія были предметомъ ученыхъ и интересныхъ изслѣдованій профессора Кондакова [2]).

II.

Всѣ разсмотрѣнные нами планы не могутъ представить намъ архитектурной наружности памятниковъ. Они лишь показываютъ только изображеніе отпечатка тѣхъ устойчивыхъ точекъ, которыми зданіе опирается на землю. Но изученіе ихъ имѣетъ важное значеніе, такъ какъ хорошо понятый планъ можетъ одинъ дать въ фасадѣ массы замѣчательнаго вида.

Такъ какъ въ архитектурѣ выражается характеръ времени, то всякая раціональная постройка, въ дѣйствительности, есть только слѣдствіе глубокаго изученія истинныхъ принциповъ, которые послужили основаніемъ всѣмъ истинно-артистическимъ народамъ, и, благодаря которымъ, они могли придать своимъ зданіямъ свой характеръ, принаравливая форму къ предмету.

Отъ отношеній между опорами и несомыми частями, отъ ихъ размѣра и пропорціи зависитъ весь остовъ зданія и, большей частью видъ его, который, будучи оживляемъ раціональной декораціей, передаетъ впечатлѣніе жизни, способной обнаружиться въ области искусства. Изъ этого слѣдуетъ, чтобы опредѣлить характеръ, стиль церквей, остается еще изучить составныя части ихъ конструкціи А такъ какъ несомыя части должны логически опредѣлить раз-

---

[2]) Исторія византійскаго искусства и иконографіи—II.—Мозаики мечети Кахріе-Джамиси въ Константинополѣ. Одесса, 1881 г.

мѣръ и пропорцію опоръ, подчиненныхъ давленію и распору то этими первыми частями мы и начнемъ разсмотрѣніе конструктивныхъ элементовъ нашихъ зданій.

Мы уже говорили о той части, которая служила точкой отправленія всей системы религіозной архитектуры въ Византіи, въ различныя эпохи ея развитія,—это куполъ на парусахъ [3]). Первая вещь, заслуживающая вниманія при изученіи византійскихъ куполовъ, это характеристическая разница, которую они представляютъ въ конструкціи съ римскими куполами. Дѣйствительно, остовъ этихъ послѣднихъ составляется изъ кирпичныхъ или каменныхъ дугъ. Свободные промежутки между дугами наполнены простымъ бетономъ, такъ что этотъ остовъ, который одинъ требуетъ быть построеннымъ на деревянныхъ кружалахъ сплачивается съ общею массою. Византійскіе купола, напротивъ, составленные изъ непрерывнаго ряда колецъ, цѣликомъ выстроены изъ кирпича, и ихъ шапка представляетъ въ разрѣзѣ рядъ пустыхъ усѣченныхъ конусовъ, вставленныхъ одинъ въ другой. Это расположеніе дало возможность уничтожить совершенно кружала съ экономическою цѣлью, которая была также предметомъ постоянныхъ заботъ римлянъ. Но между тѣмъ, какъ римляне принуждены были употреблять кружала по крайней мѣрѣ, для поддержки остова ихъ куполовъ, византійцы, для возведенія этихъ послѣднихъ, благодаря допущенной системѣ конструкціи, освободились отъ необходимости употреблять ихъ.

Основаніе куполовъ, построенныхъ во 2-мъ періодѣ византійскаго искусства снабжено снаружи каменной отдѣлкой до извѣстной высоты оканчивающейся изгибомъ. Архитекторы воспользовались этимъ ободомъ для помѣщенія въ его толщинѣ оконъ, служащихъ для освѣщенія центральной части зданія. Эта отдѣлка совершенно умѣстна, ибо части каменной кладки, остающіяся между этими отверстіями, освѣщающими центральную часть зданія, играютъ роль контрфорсовъ. Это расположеніе навело на мысль вставить между парусомъ и куполомъ барабанъ, составляющій характерную черту всѣхъ куполовъ, построенныхъ послѣ IX вѣка. Такимъ образомъ этотъ существенный элементъ въ третьемъ періодѣ византійскаго искусства сталъ однимъ изъ мотивовъ украшенія, употребляемаго строителями для того, чтобы дать ихъ куполу болѣе легкости, граціи и изящества. Они съумѣли дѣйствительно украсить эти барабаны такъ, что въ нихъ ясно выражается ихъ роль. Въ самомъ дѣлѣ, въ общемъ они дали имъ полигональную форму снаружи. Пробитые въ нихъ высскіе и узкіе просвѣты для освѣщенія обрамлены по угламъ многоугольника тонкими колонками, соединяющимися арками, которыя служатъ для украшенія купола.

Намъ остается еще разсмотрѣть византійскіе купола въ горизонтальномъ разрѣзѣ, что даетъ возможность причислить ихъ структуру къ нѣкоторымъ,

[3]) См. *L'art de bâtir chez les Byzantins* par Auguste Choisy, Paris, 1882, fol.

совершенно отличнымъ типамъ, которые мы опишемъ послѣдовательно. Къ первому изъ этихъ типовъ, къ типу купола съ нервюрами, относится большой куполъ церкви Св. Софіи; эти нервюри выступаютъ на остальномъ куполѣ, но совершенно отличаются по принципу своего назначенія отъ тѣхъ, которыя встрѣчаются въ римскихъ сводахъ на западѣ. Эти послѣднія, какъ мы уже сказали, служили остовомъ и назначались для уменьшенія давленія свода на деревянные кружала до минимума съ цѣлью экономіи въ плотничныхъ работахъ. Въ Св. Софіи этого давленія нѣтъ и ребра составляютъ цѣлое съ остальнымъ куполомъ, построены въ одно время съ нимъ и имѣютъ только одну цѣль, предупредить его искривленіе, придавая ему болѣе напряженности.

Второй типъ видимъ въ церкви Свв. Сергія и Вакха, которая представляетъ намъ въ Константинополѣ, древнѣйшій образецъ купола съ выпуклостями въ горизонтальномъ сѣченіи (à côtes) аналогичный съ формой (по тривіальному, но вѣрному сравненію нѣмцевъ) дыни.

Разница между этой системой и системой Св. Софіи значительная. Въ этой послѣдней церкви куполъ сферическій съ нервюрами, представляющими въ разрѣзѣ форму четырехугольника, между тѣмъ какъ у Свв. Сергія и Вакха куполъ имѣетъ остріе ребра и составляется изъ шестнадцати сегментовъ, представляющихъ въ планѣ криволинейную форму. Этотъ пріемъ, совершенно предупреждая искривленія купола, допускаетъ посадку этого послѣдняго прямо на осьмиугольномъ основаніи.

Купола, причисленные къ третьему періоду византійской архитектуры, представляютъ намъ третій типъ, самый простой изъ всѣхъ, типъ сферическаго купола, собственно говоря, безъ нервюръ, который есть только приложеніе системы, употребляемой въ предшествующіе періоды для покрытія нишъ на полукруглой плоскости; сферическая ниша была въ сущности только полукуполомъ. Это типъ, который встрѣчается въ церкви *Мирелея*, въ церкви апостола Св. Андрея, Панахранты и апостола Петра и Марка. Впрочемъ, по этому типу выстроены всѣ купола малаго діаметра и особенно тѣ, которые покрываютъ второстепенныя абсиды церквей 3-го періода.

Купола, представляющіе на планѣ форму эллиптическую, какъ мы это видѣли въ Пантократорѣ, не имѣя ни реберъ, ни нервюръ, входятъ въ этотъ 3-й типъ, слѣдствіемъ котораго они и явились. Ихъ форма, дѣйствительно, мотивирована необходимостью примѣниться къ продолговатой плоскости; *вся* разница состоитъ въ томъ, что ихъ шапка вмѣсто того, чтобы быть сферическою, представляетъ форму, подобную полуэллипсоиду.

Другіе типы, которые мы еще разсмотримъ, совершенно относясь къ тѣмъ, о которыхъ мы только что говорили, представляютъ съ этими послѣдними несходства и аналогіи, которыя, выражаясь конструктивно, позволяютъ разсматривать ихъ какъ различные типы.

4-й типъ представляется намъ съ куполами, представители которыхъ находятся въ церкви монастыря Хора, ц. Богородицы, Пантократора. Эти купола на первый взглядъ кажутся простыми куполами съ нервюрами, но они существенно отличаются отъ нихъ тѣмъ, что нервюри совсѣмъ не соединены съ каменной работой, образующей заполненіе. Эти ребра, начинаясь даже съ основанія круглаго барабана и продолжаясь вертикально до вершины купола, не служатъ, какъ въ первомъ типѣ, для того, чтобы придать устойчивости этому послѣднему. Этотъ новый образецъ народился изъ существеннаго принципа но служитъ только простой декораціей.

Церковь Богородицы представляетъ въ своемъ центральномъ кунолѣ смѣшанный типъ между куполомъ съ нервюрами и куполомъ втораго типа въ томъ смыслѣ, что ребра, (которыя начинаются въ основаніи барабана) вмѣсто того, чтобы оканчиваться угломъ, какъ у Свв. Сергія и Вакха, оканчиваются поверхностью, которая даетъ имъ видъ нервюръ.

Наконецъ, мы находимъ въ центральномъ куполѣ церкви монастыря Хора систему, въ которой барабанъ, поддерживающій куполъ, ребристой формы, между тѣмъ какъ куполъ—сферическій, то есть 3-го типа.

Обозрѣвши, насколько возможно коротко, варіаціи византійскихъ куполовъ, мы разсмотримъ способъ, которымъ куполъ, представляющій форму на планѣ вообще круглую, соединяется посредствомъ парусовъ съ четырехугольнымъ основаніемъ. Не входя здѣсь въ подробное изслѣдованіе исторіи развитія этихъ важныхъ частей византійской конструкціи, тѣхъ попытокъ, черезъ которыя прошли, пока достигли блестящаго рѣшенія задачи, какъ мы это видѣли въ Св. Софіи, и подтверждая то, что мы сказали выше о соединеніяхъ имѣющихъ форму сферическаго треугольника т. е. зачаточнаго паруса, въ крещальнѣ Св. Софіи (чер. 3), займемся лишь парусами церкви Св. Софіи, этого настоящаго типа византійскаго храма. Паруса, составляющіе цѣлое съ остальнымъ сводомъ, суть части шаровъ, полученныхъ пересѣченіемъ одного шара вертикальными плоскостями съ четырехъ сторонъ. Интересно замѣтить, что радіусъ шара, образующаго паруса, больше радіуса шапки купола, собственно говоря, такъ, что въ цѣломъ куполъ и пандантивы не представляютъ одного шара съ вписанной призмой съ четырехугольнымъ основаніемъ. Паруса образуютъ, впрочемъ, четыре части купола и ихъ конструкція похожа на конструкцію этого послѣдняго.

Византійскіе строители употребляли не одинъ только куполъ для покрытія своего храма. Способъ покрытія отдѣльныхъ частей, какъ-то: нартекса, придѣловъ, гинекея и т. п., состоитъ въ цилиндрическихъ и крестовыхъ сводахъ. Разсматривая внимательно системы принятыхъ покрытій, поражаешься логическимъ путемъ, которымъ шли византійскіе архитекторы. Такъ замѣчаютъ, что каждый разъ, какъ только можно было (т. е. какъ только это допускало пространство въ высоту), они всегда предпочитали—и совершенно правильно—

употреблять сферическій сводъ, такъ какъ онъ имѣетъ то преимущество, что обнаруживаетъ на стѣнахъ меньшее давленіе, чѣмъ крестовые своды. Они употребляли эти послѣдніе только въ тѣхъ случаяхъ, когда должны были ограничиваться въ высоту, какъ напр. въ нижнемъ этажѣ, въ придѣлахъ, для сводовъ, образующихъ полъ гинекея.

Всегда вѣрные экономическому, вполнѣ разумному принципу, который послужилъ исходной точкой прогресса въ искусствѣ строенія куполовъ, византійцы построили свои цилиндрическіе и крестовые своды по способу конструкціи par tranches вмѣсто сооруженій сводовъ лучеобразными рядами, какъ строятъ на западѣ. Такимъ образомъ, освобожденные отъ необходимости устройства кружалъ, они отдѣлались отъ употребленія этихъ предварительныхъ подпоръ и прибѣгали къ нимъ только въ томъ случаѣ, когда невозможно было ихъ миновать, напримѣръ при постройкѣ арокъ. Форма этихъ послѣднихъ была или полукруглая, сжатая или возвышенная Всѣ системы покрышки, употребляемыя въ церквахъ, которыя насъ занимаютъ, обнаруживаютъ давленія, уравновѣшиваемыя одно другимъ, и византійскіе архитекторы только въ томъ случаѣ употребляли контрфорсы, какъ средство противодѣйствія сводамъ, когда арки, на которыхъ покоится куполъ (какъ въ сѣверныхъ и южныхъ аркахъ Св. Софіи) уравновѣшены цилиндрическими сводами. Эти контрфорсы или подпирающіе каменные массивы, всегда, кромѣ того, внутренніе и не выдаются выступами на наружной стѣнѣ, противоположно тому, что мы видимъ въ западной архитектурѣ среднихъ вѣковъ. Отыскиваніе средствъ уравновѣсить давленіе сводовъ и куполовъ, благодаря правильной группировкѣ, было постоянной заботой византійскихъ строителей. Исканіе этого равновѣсія привело къ выработанному рѣшенію въ 3-емъ періодѣ; тамъ церкви покрываются большимъ или меньшимъ числомъ куполовъ.

Перейдемъ къ разсмотрѣнію несущихъ частей,—къ точкамъ опоры. Столбы, поддерживающіе большіе тяжести, на которыхъ покоятся своды и купола, построены по большей части изъ кирпича, и исключительно (какъ столбы центральнаго купола Св. Софіи) изъ камней, связанныхъ известковымъ растворомъ или даже родомъ цемента, состоящаго изъ известковаго раствора съ толченымъ кирпичемъ, дѣйствующимъ какъ пуццоланъ.

Что касается стѣнъ, то ихъ масса образована вообще изъ бетона, составленнаго изъ известковаго раствора, гравія и мелкаго камня. Въ этой массѣ вкрѣплены ряды кирпичей, числомъ отъ 3 до 5, въ вертикальномъ направленіи, и разстояніе между ними колеблется приблизительно между 1,50 и 3-мя метрами; ряды эти обезпечиваютъ поперечную связь массы.

Облицовка стѣнъ составляется иногда изъ тесаннаго камня, но чаще всего ее возводили посредствомъ песчаника между рядами котораго вставлены кирпичи, число рядовъ которыхъ было отъ 1 до 3.

Кирпичъ, употребляемый византійцами, напоминаетъ римскій кирпичъ: онъ

былъ превосходнаго качества и безукоризненной формы, въ чемъ можно убѣдиться и теперь; средній размѣръ его около 38 сантиметровъ длины и ширины, на 5 сантиметровъ толщины. Памятники показываютъ намъ, что строители древней Византіи возвели въ принципъ употребленіе известковаго раствора въ большихъ толщахъ. Сообразно съ допущенной системой конструкціи, этотъ способъ производства совершенно логичный. Какова-бы ни была каменная облицовка стѣны изъ камня или изъ кирпича, значительныя толщины слоевъ известковаго раствора имѣли цѣлью уравнять, насколько возможно, пропорцію известковаго раствора между забутовкой и облицовкою, которыя вслѣдствіе этого, содержали въ одинаковомъ объемѣ почти одинаковое количество раствора. Это было остроумное средство избѣгнуть разслабленія частей между облицовкой и забутовкой, какъ въ то-же время и экономическое средство, потому что оно позволяло дѣлать прочныя стѣны, не расточая кирпича, который, судя по тщательности его выдѣлки, долженъ былъ, безъ сомнѣнія, высоко цѣниться. Византійскій растворъ есть родъ бетона, въ массѣ котораго входятъ куски кирпича и черепицы величиною съ орѣшекъ, и строители всегда заботились о полировкѣ швовъ.

Чтобы уравнять давленіе на поверхностяхъ, которыя носятъ исключительныя тяжести, византійцы употребляли свинецъ, по обычаю, усвоенному въ эпоху великой имперіи: образцы этого находятъ въ Константинополѣ въ колоннѣ Марціана, въ базиликѣ Св. Іоанна, въ Св. Софіи и ц. Свв. Сергія и Вакха.

Въ продолженіи 3-го періода кирпичи лицевой стороны стѣнъ часто поставлены такъ, что образуютъ геометрическіе рисунки, которые украшаютъ фасады, давая имъ жизнь и движеніе. Въ стѣнахъ всегда преобладаетъ площадь кладки надъ площадью отверстій, что не мѣшаетъ церкви быть хорошо освѣщенной, благодаря освѣщенію съ высоты куполами. Между тѣмъ какъ окна, пробивающія стѣны, вообще полукруглы или раздѣлены на 2 или 3 части колонками, двери сохранили форму римскихъ дверей. Для прочности и элегантности, ихъ перемычки и наличники—мраморные.

Послѣдняя изъ точекъ опоры, которую намъ предстоитъ разсмотрѣть, —это колонна, которая играла важную роль въ византійской конструкціи. Стержни колоннъ обыкновенно мраморные и чаще взяты изъ болѣе древнихъ сооруженій.

Эти стержни почти всегда монолиты, и совершенно гладки: единственный образецъ желобчатой колонны замѣчается въ церкви Пантократора, но мусульманской работы. Роль колонны въ византійской архитектурѣ совершенно отличается отъ той, какую они исполняли у грековъ и у римлянъ. Для этихъ послѣднихъ она была только аксессуаромъ въ декораціи зданія, между тѣмъ, какъ для эллинскаго артиста она была главною точкой отправленія всей конструкціи; т. к. структура греческихъ памятниковъ подчинена только вѣсу, дѣйствующему

въ вертикальномъ направленіи. Въ византійской конструкціи, какъ мы уже сказали, главный базисъ всей системы заключается въ сводѣ, который требуетъ не только поддержки, но и равновѣсія и отъ котораго, слѣдовательно, зависитъ размѣръ подпоръ и колоннъ, что и даетъ этимъ послѣднимъ важное значеніе въ элементахъ строенія. У византійцевъ въ первый разъ встрѣчается приложеніе въ большомъ видѣ аркадъ, поддерживаемыхъ прямо колоннами. Однако отдѣльный образецъ, встрѣчаемый во дворцѣ Діоклетіана, въ Спалато, послужилъ, безъ сомнѣнія, исходной точкой этого типа.

3-й періодъ искусства доставляетъ намъ примѣры колоннъ, поддерживающихъ купола на парусахъ, минимальный діаметръ которыхъ позволяетъ обходиться безъ массивныхъ столбовъ. Мы видимъ здѣсь результатъ исканія изящнаго происшедшій отъ незначительности размѣровъ.

Колонны, взятыя часто изъ античныхъ памятниковъ, въ виду тяжести, ими несомой на новомъ мѣстѣ, снабжаются желѣзными кольцами или обручами (какъ это мы видѣли въ Св. Софіи), цѣль которыхъ было предохранить отъ трещинъ, получаемыхъ по направленію продольныхъ жилъ мрамора. Эти обручи имѣли, впрочемъ, и другое значеніе: они употреблялись въ случаяхъ, когда для уравниванія сильныхъ тяжестей на малыхъ сѣченіяхъ служилъ листъ свинца, о которомъ мы уже упоминали. Въ послѣднемъ случаѣ эти обручи служили предохраненіемъ отъ раздавливанія или отъ распаденія сжатаго свинца.

Разъ допущенный принципъ—ставить арки на колоннахъ прямо,—привелъ къ тому, чтобы вставить между прямоугольникомъ, съ котораго начинается арка, и стержнемъ колонны, имѣющей круглое сѣченіе, накладка (tailloir) большаго размѣра, чѣмъ капитель, верхняя часть которой квадратная.

Абакъ теряетъ свое значеніе въ томъ случаѣ, когда сѣченіе заплечія сводовъ имѣетъ форму настоящаго квадрата, и если существуютъ примѣры, когда въ этомъ случаѣ употреблялся абакъ, то цѣль его была повысить аркаду, увеличивая высоту колонны, которая ее несетъ.

Абакъ въ видѣ трапецоида вполнѣ объяснимый, впрочемъ, какъ и всѣ части византійской конструкціи, есть одна изъ характерныхъ чертъ этой архитектуры и не употреблялся, какъ намъ извѣстно, въ предшествующія эпохи.

Для наглядная сличенія, на прилагаемой таблицѣ даны размѣры церквей и пропорціи куполовъ, не включая абсидъ, выходящихъ на восточные фасады, нартексовъ и другихъ частей. Я удовольствовался для каждой церкви тѣмъ, что соединилъ только необходимые элементы, опредѣливши ихъ размѣры, и относительная величина къ цѣлому, центральнаго купола, оставляя всторонѣ второстепенные купола церквей 3-го періода, которыхъ бываетъ тамъ нѣсколько. Пропорціи этихъ послѣднихъ, впрочемъ, держатся вообще въ границахъ, близкихъ къ пропорціямъ, находящимся въ слѣдующей таблицѣ.

Обозначеніе таблицъ и чертежей	Обозначеніе церквей, эпоха основанія и типъ, къ которому онѣ принадлежатъ	Наружный размѣръ въ метрахъ: длина	Наружный размѣръ въ метрахъ: шир.	Площадь занимаемая зданіемъ въ кв. метрахъ. S	Внутренняя площадь поперечнаго купола въ кв. м. s	Отношеніе $\frac{s}{S}$	Внутренній діаметръ купола D	Внутренняя высота барабана h	Отношеніе $\frac{h}{D}$	Высота до начала купола или барабана въ метрахъ	Высота вершины купола H въ метрахъ	Отношеніе $\frac{H}{D}$	Примѣчанія.
	2-й эпохи												
Таб. 1	1-й типъ												
Чер. 4	Св. Сергія и Бакха 535	28	27,45	765	204,37	0,267	15,40	—	—	14	22	1,429	При неправильномъ планѣ церкви даны средняя длина и ширина.
	2-й типъ (служащій основаніемъ византійскаго искусства)												
Чер. 5	Св. Софія 537	71,50	66	4719	961	0,204	31	—	—	37,50	51	1,645	
	3-й эпохи												
	1-й типъ												
Чер. 6	Богородицы IX—X вѣк	13,50	10,50	141,75	16	0,113	4	3,50	0,875	9	14,50	3,625	
Таб. 2 Чер. 7	Пантократоръ въ половинѣ XII в. — Главная церковь (на планѣ направо)	21,50	19	408,50	54,76	0,134	7,40	3,60	0,486	17,20	24,50	3,311	
	Пантократоръ въ половинѣ XII в. — Церковь обозначенная на лѣво (для монаховъ)	20,80	16,40	341,12	33,64	0,099	5,80	—	—	—	—	—	При большой передѣлкѣ купола и барабана высота не можетъ быть точно опредѣлена
Чер. 9	Мирелей X-го в.	11,60	10,35	120,06	11,56	0,096	3,40	1	0,294	9,30	12	3,530	
Чер. 10	Пантепоптъ (XI—XII в.)	14,40	13,10	188,64	21,16	0,112	4,60	2,20	0,478	10,60	15,10	3,283	
Чер. 8	Панахрантъ, церковь лѣвая	14	11	154	15,21	0,099	3,90	2,25	0,577	10,50	14,70	3,769	
	2 й типъ												
Чер. 8	Панахрантъ, правая церковь (главная)	14	13,80	193,20	25	0,129	5,00	2,90	0,580	9,80	15,20	3,040	
Чер. 11	Петра и Марка	15,20	14,50	220,40	30,25	0,137	5,50	2,25	0,409	9,20	14,20	2,582	
Т. 3. Ч. 12	Св. Андрея	20	17,60	352	38,44	0,109	6,20	1,15	0,185	11,50	15,75	2,540	
Чер. 13	Хора	21,50	19,20	412,80	50,41	0,122	7,10	2,45	0,345	11,50	17,50	2,465	
Чер. 14	Паммакариста	16,60	14,50	240,70	25	0,104	5,00	2,00	0,400	9,50	14,00	2,800	

Простой взглядъ на эту таблицу останавливается на слѣдующемъ пунктѣ: въ третьемъ періодѣ византійскаго искусства, мы видимъ, что размѣры церквей далеко отличаются отъ размѣровъ предшествующей эпохи.

Не говоря о Святой Софіи, величина которой совершенно исключительная, самая большая изъ церквей 3-го періода, церковь мон. Хора занимаетъ площадь почти вдвое менѣе церкви Свв. Сергія и Вакха. Смыслъ этого уменьшающагося размѣра можно-бы было объяснить, можетъ быть, тѣмъ фактомъ, что въ продолженіи 3-го періода число церквей увеличилось и каждая изъ нихъ имѣла болѣе ограниченное число прихожанъ.

Эта таблица показываетъ намъ еще, что между тѣмъ, какъ во 2-мъ періодѣ отношеніе поверхности, покрытой куполомъ, къ поверхности всего зданія *замѣтно* равно 0,23; въ продолженіе-же 3-го періода оно уменьшается, колеблясь между minimum 0,096 и maximum 0,122, изъ чего можно заключить, что это отношеніе составляетъ не болѣе половины того, которое было въ предшествующій періодъ.

Замѣтно приблизительно то же самое отношеніе (т. е. 1:2) между діаметромъ самого большаго изъ куполовъ третьяго періода (куполъ главной церкви *Пантократора*, имѣющій 7 м., 40) и діаметромъ купола Свв. Сергія и Вакха, который равняется 15,40 м. Для купола-же меньшаго діаметра (3 м., 40) обозначеннаго въ таблицѣ, купола церкви *Мирелея*, отношеніе это доходитъ приблизительно до $^1/_5$.

Что касается до барабановъ, поддерживающихъ куполъ,—отношеніе, существующее между ихъ высотой и діаметромъ купола, колеблется между 0,3 и 0,6, исключая крайніе случаи въ церкви Св. Андрея и церкви Богородицы, гдѣ это отношеніе равно 0,185 и 0,875.

Между тѣмъ какъ въ продолженіи 2-го періода отношеніе высоты зданія, отъ земли до вершины купола, къ діаметру этого послѣдняго около 1,5, въ церквахъ 1-го типа и въ церкви *Панахранты*, въ которой мы видимъ 2-й типъ 3-го періода, отношеніе это въ среднемъ выводѣ приблизительно вдвое больше.

Въ другихъ церквахъ 2-го типа оно равно въ среднемъ 2,60; это показываетъ, что византійскіе архитекторы увлеклись увеличеніемъ размѣровъ въ высоту, въ церквахъ 1-го типа 3-го періода, и уменьшили ихъ потомъ въ церквахъ 2-го типа.

Византійскіе строители всегда давали себѣ отчетъ о матеріалѣ, вкладываемомъ въ дѣло, какъ при постройкахъ, такъ и при украшеніяхъ.

Ихъ наружная декорація вполнѣ и точно согласуется съ структурой памятника; вся конструкція разбирается тамъ ясно, своды и купола

обрисовываются свободно и не покрыты крышами, которыя маскировали бы ихъ форму.

Эта то ясность и придаетъ особый характеръ ихъ фасаду; и этотъ характеръ, продолжаясь даже въ 3-мъ періодѣ, гдѣ, повидимому, болѣе всего преобладаетъ наружная декорація, прежде всего раціональный: всѣ фальшивыя части и приставныя украшенія, или безполезные фронтоны, безпощадно исключаются изъ декораціи, черпающей всю свою привлекательность въ истинѣ. Такого рода пониманіе декораціи могло-бы дать хорошій урокъ и настоящему времени, когда господствующій вкусъ принуждаетъ часто архитектора составлять декорацію изъ наклейки пилястръ и другихъ украшеній, полезность которыхъ равняется нулю и часто соединена съ сомнительными формами.

Византійскіе архитекторы всегда подчинялись непреклоннымъ законамъ логики; они предназначали самыя большія богатства, самые драгоцѣнные матеріалы для внутренней декораціи ихъ зданія, гдѣ все скомбинировано правильно. Скелетъ строенія одинаково остается видимымъ и внутри. Богатыя мозаики, такъ поразительно украшающія своды и купола, оставляютъ форму ихъ совершенно явственной. Скульптура малаго размѣра, низкаго рельефа вообще при украшеніи капителей и абаковъ колоннъ (форма которыхъ приспособлена къ несенію арокъ), архивольтовъ и другихъ частей архитектуры, несомнѣнно весьма оригинальна; стѣны одѣты въ мраморъ. Карнизы имѣютъ малый свѣсъ и ихъ профили всегда хорошо приспособлены къ предмету. Сверхъ того, византійскіе художники съ большимъ искусствомъ умѣли воспользоваться цвѣтами строительныхъ матеріаловъ для декоративныхъ цѣлей, и можно сказать, что въ своей декораціи они разумно пожертвовали скульптурой въ пользу красокъ со вкусомъ, который не измѣняетъ себѣ никогда. Ихъ зданія образуютъ гармоническое цѣлое, гдѣ каждая мелочь подчиняется общему съ совершеннымъ пониманіемъ и спеціальнымъ чувствомъ декоративныхъ эффектовъ. Византійцы были великими художниками, и изученіе ихъ памятниковъ, еслибы только захотѣли вникнуть въ ихъ смыслъ, могло-бы плодотворно вліять и на наше время, когда архитектура, повидимому, ищетъ новаго пути. Этотъ путь она найдетъ только тогда, когда дастъ себѣ отчетъ въ принципахъ, всегда истинныхъ, которыми вдохновлялась прошедшая архитектура. И нельзя отрицать, что это условіе—важный факторъ красоты зданія.

Если византійцы и усвоили пріемы и принципы своихъ предшественниковъ, и черпали данныя изъ разныхъ источниковъ, то было-бы несправедливо непризнать за ними способности обосновать всѣ эти элементы, и составить изъ нихъ, силою своего предпріимчиваго духа и артистическаго генія, стиль по истинѣ оригинальный. Впрочемъ, простое посѣщеніе Св. Софіи, можетъ научить большему въ этомъ отношеніи, чѣмъ томы описаній. Искусство византійское имѣло, сверхъ того, преобладающее вліяніе на средніе вѣка, и если сами строи-

тели запада, увлекаясь этою архитектурой, не умѣли или боялись употреблять въ ихъ памятникахъ тѣ пріемы, которые въ византійской конструкціи давались легко,—то это вина не византійскихъ строителей. Въ самомъ дѣлѣ архитектура западная среднихъ вѣковъ, увлекаясь конструкціей византійскихъ куполовъ, старалась подражать имъ; но это подражаніе было робкое, нѣсколько наивное, потому что хотѣла отдѣлаться отъ затрудненій, вмѣсто того, чтобы смотрѣть на нихъ прямо, какъ это сдѣлали съ большимъ знаніемъ и смѣлостью византійцы. Это ясно замѣтно при разборѣ напримѣръ вопроса о строеніи парусовъ, который на западѣ, въ средніе вѣка былъ рѣшенъ только повидимому: паруса замѣнялись тромбами, (trombes) выступами (encorbellements) или перемычками (arcs de décharge), примѣры которыхъ встрѣчаются въ S. Front de Périgueux, въ Св. Маркѣ Венеціи и т. под. [4]). Эти пріемы употреблялись византійцами только тогда, когда искусство ихъ было въ упадкѣ.

А. Люпкесъ.

---

[4]) E. Viollet le Duc. *Dictionnaire raisonné de l'architecture française du XI-e au XVI-e siècle.* Paris. MDCCCLXXV—tome 4—page 350—358.

Византійскіе землемѣры. Наблюденія по исторіи сельскаго хозяйства.

Ѳ. И. Успенскаго.

Предлагая нѣсколько замѣчаній по различнымъ сторонамъ сельско-хозяйственной жизни византійскаго государства, считаемъ нужнымъ предварительно сдѣлать оговорку, чтобы не ввести читателя въ соблазнъ и устранить отъ себя всякія нареканія. Было бы слишкомъ самонадѣянно обѣщать рѣшеніе затрогиваемыхъ здѣсь вопросовъ: объ измѣреніи земли, о мѣрахъ, вѣсѣ и цѣнностяхъ, о доходности и мѣновой стоимости земли, объ организаціи крестьянскаго хозяйства, податяхъ, о положеніи помѣщичьихъ крестьянъ и т. п. Всего этого намъ необходимо коснуться, на сколько позволяютъ частію изданные, въ большинствѣ же неизданные матеріалы; но недостаточность тѣхъ и другихъ и неполнота часто останавливаетъ изслѣдованіе на полдорогѣ, не удовлетворяя вполнѣ научнаго любопытства.

Остается затѣмъ свободное поле для догадокъ, которыя могли бы имѣть значительную степень вѣроятности, если бы находили себѣ оправданіе въ общей сельско-хозяйственной исторіи. Но экономическая исторія даже въ Германіи и Франціи не имѣетъ еще установившейся формы; по отношенію къ Византіи, какъ и слѣдуетъ ожидать, дѣло обстоитъ гораздо хуже. Вотъ почему мы можемъ обѣщать не болѣе какъ нѣсколько объясненій и догадокъ по поводу небольшихъ отрывковъ изъ византійскихъ землемѣровъ и сельско-хозяйственныхъ замѣтокъ, извлеченныхъ изъ византійскихъ рукописей.

Какъ земледѣльческая страна, основавшая на мелкомъ землевладѣніи свою администрацію, податную систему и военное устройство, Византія не могла пренебрегать интересами сельскаго хозяйства. Многое, конечно, утрачено безвозвратно изъ памятниковъ, касающихся внутренняго устройства Византіи, но кое-что, какъ оказывается, сохранилось до нашего времени. Независимо отъ общихъ трактатовъ и руководствъ по геометріи и геодезіи, которыми довольно богата византійская литература, встрѣчаемъ въ рукописяхъ многочисленныя замѣтки и наставленія, относящіяся къ разнымъ сторонамъ сельскаго хозяй-

ства. Эти послѣднія имѣютъ тѣмъ больше значенія, что представляютъ собой случаи изъ практики и обнимаютъ такія явленія экономической жизни, которыя не могли быть предметомъ вниманія составителей ученыхъ трактатовъ: геопоникъ, геометрій, геодесій и т. д.

Небольшія анонимныя статьи, касающіяся сельскаго хозяйства, встрѣчаются или въ сборникахъ, носящихъ имя популярнѣйшихъ математиковъ и землемѣровъ, напримѣръ Ирона, или въ руководствахъ по судебной практикѣ, или же, наконецъ, вообще въ рукописяхъ юридическаго содержанія. Большею частію онѣ находятся въ началѣ или въ концѣ рукописи, имѣютъ форму замѣтки или записи владѣльца рукописи. Въ иныхъ обозначенъ годовой разсчетъ доходовъ съ хозяйства, въ другихъ показана схема размежеванія крестьянскихъ участковъ; въ однихъ предлагаются практическіе пріемы измѣренія земель, въ другихъ приводятся землемѣрные термины съ показаніемъ ихъ реальной величины. Попадаются наконецъ статьи, трактующія сельско-хозяйственные вопросы въ видѣ задачъ: если съ такого-то участка при извѣстныхъ условіяхъ получается такой-то доходъ, то какъ измѣнится сумма доходности при измѣнившихся условіяхъ. Не можетъ быть сомнѣнія, что въ подобныхъ записяхъ бьетъ живая струя бытовыхъ отношеній, и что изученіе ихъ можетъ пріобрѣсть большую научную цѣнность, если только окажется возможнымъ понять и объяснить смыслъ этихъ замѣтокъ. По отношенію къ весьма скудному изданному матеріалу по византійскому землевладѣнію, разумѣемъ акты и отрывки писцовыхъ книгъ, занимающія насъ анонимныя записи имѣютъ ту особенность, что часто представляютъ собой ариѳметическія или геометрическія формулы. Практическую важность и реальное значеніе этихъ формулъ во многихъ случаяхъ удалось намъ понять и оцѣнить до осязательной ясности, когда въ нашемъ распоряженіи оказывался текстъ писателя или земельный актъ, который самъ по себѣ или оставался темнымъ, или допускалъ различныя толкованія. Будучи сопоставленъ съ формулой, этотъ же самый текстъ не разъ получалъ ясный смыслъ. Чтобы обозначить ближе область, къ которой относятся сообщаемые ниже отрывки, мы не находимъ болѣе подходящей параллели, какъ *Gromatici veteres* [1]).

Прежде всего слѣдуетъ болѣе или менѣе полный трактатъ, касающійся разныхъ сторонъ экономической жизни. Оцѣнку заключающагося въ немъ матеріала мы пытаемся дать въ комментаріи къ тексту, необходимые же выводы и заключенія излагаемъ вслѣдъ за текстомъ.

---

[1]) *Blume, Lachmann und Rudorff*, Die Schriften der Römischen Feldmesser, Berlin 1848, два тома.

I.

ΜΕΘΟΔΟΣ ΤΗΣ ΓΕΩΜΕΤΡΙΑΣ [1]).

Καθῶς ἡμᾶς ὁ παλαιὸς λόγος [2]) διδάσκει, οἱ πλεῖστοι τὴν γεωμετρίαν καὶ διανομὴν ἀπησχολοῦντο, ἐν τούτῳ καὶ γεωμέτραι ἐκλήθησαν. Ἡ δὲ τῆς μέτρας ἐπίνοια εὕρηται παρ' Αἰγυπτίοις. Διὰ τὴν τοῦ Νείλου διάβασιν πολλὰ χωρία ἀπώλοντο, πλεῖστα δὲ καὶ μετὰ τὴν ἀντι-

Какъ узнаемъ изъ древнихъ сочиненій, очень многіе занимались измѣреніемъ и межеваніемъ земли, почему и названы геометрами. Изобрѣтеніе же мѣръ принадлежитъ Египтянамъ. При разлитіи Нила многіе участки утрачивали свои межевые знаки, такъ что

[1]) Содержаніе приводимаго трактата нѣсколько шире, чѣмъ можно судить по заглавію. Онъ занимается не только метрологіей, но и разными другими вопросами сельскаго хозяйства. Оригиналъ находится въ Вѣнѣ, въ дворцовой библіотекѣ, *Cod. Iuridicus Graecus* X f. 85 v. Рукопись отличается значительнымъ числомъ сокращеній, условныхъ знаковъ и не свободна отъ явныхъ ошибокъ писца. Сокращенія и знаки мы пытались раскрыть, точно также не считали нужнымъ воспроизводить завѣдомыя ошибки. Въ пріятный долгъ вмѣняемъ себѣ выразить глубокую благодарность *академику И. В. Ягичу*, который съ любезною готовностью провѣрилъ нашу копію по оригиналу.

[2]) Начало нашей статьи представляетъ перифразъ знаменитаго геометра Ирона. Такъ именно читаемъ въ сочиненіи его Ἀρχὴ τῶν γεωμετρουμένων. Καθῶς ἡμᾶς ὁ παλαιὸς διδάσκει λόγος, οἱ πλεῖστοι τοῖς περὶ τὴν γῆν μέτροις καὶ διανομαῖς ἀπησχολοῦντο· ὅθεν καὶ γεωμετρία ἐκλήθη. ἡ δὲ μετρήσεως ἐπίνοια εὑρηται παρ' Αἰγυπτίοις и проч., см. *Hultsch*, Heronis Alexandrini geometricorum et stereometricorum reliquiae. Berolini 1864, S. 43. Большинство византійскихъ авторовъ, писавшихъ по геометріи или геодезіи, отправляются изъ сочиненій Ирона, иногда дополняя и исправляя его. Такъ Іоаннъ Педіасимъ, писатель 14 вѣка, говоритъ въ предисловіи къ своей геометріи: ὁ γὰρ μετρήσεως ταύτης ἡγησάμενος ἥρων σοφῶς ἅμα καὶ σαφῶς περὶ τούτων διδάσκει· ὅθεν ὁρμώμενος συνοψίσω σοι τὸν περὶ τούτων λόγον, εἴ τί που καὶ παραλελειμμένον ἐκείνῳ ἐστί, συντόμως ἀναπληρῶν, т. е. основатель этого измѣренія Ионъ учитъ объ этомъ мудро и вмѣстѣ ясно; руководствуясь его сочиненіемъ, я изложу тебѣ этотъ вопросъ въ сокращеніи, а если что у него пропущено, то кратко пополню. См. *Friedlein*, Die Geometrie des Pediasimus. Programm zur öffentlichen Preise-Vertheilung an der Studien-Anstalt. Ansbach 1866. Обѣщаемыя дополненія дѣлаетъ Педіасимъ на стр. 22—23. Знакомство съ Ирономъ и критическое къ нему отношеніе находимъ также у *Георгія геометра*, Парижъ, *Cod. Graec.* Bibl. Regiae 2419 f. 195 v.

στροφὴν αὐτοῦ καὶ οὐκέτι ἦν δυνατὸν ἕκαστον ἐπιγινώσκειν τὰ ἴδια. Ἐν τούτῳ ἐπενόησαν οἱ Αἰγύπτιοι τὴν ἀναμέτρησιν τῆς γῆς, ποτὲ μὲν μετὰ καλάμου, ποτέ δὲ μετὰ σχοινίου ἤτοι σωκαρίου, ποτέ δὲ μετὰ καλάμου ἤτοι τῆς ὀργυιᾶς[1]· ἀναγκαίας γὰρ οὔσης τῆς μέτρας εἰς πάντας τοὺς τόπους περιῆλθεν ἡ χρεία.

Ἡ οὖν ἐπίπεδος γεωμετρία[2]) συνέστηκεν ἔκ τε κλίματος, σκοπέλου[3]), γραμμῶν καὶ γωνιῶν, ἐπιδέχεται δὲ γένη, εἴδη, σχήματα καὶ θεωρήματα. Κλίματα μὲν οὖν εἰσὶ τέσσαρα· ἀνατολή, δύσις, ἄρκτος καὶ μεσημβρία. Γωνίαι δὲ εἰσὶ τρεῖς· ὀρθή, ἀμβλεῖα καὶ ὀξεῖα. Ὀρθή μεν οὖν ἐστι γωνία ἥτις ἐπ' εὐθείας σταθεῖσα τὰς ἐφεξῆς γωνίας ἴσας ἀλλήλαις ποιεῖ· ἀμβλεῖα δὲ ἡ μείζων ὀρθῆς· ὀξεῖα δὲ ἡ ἐλάσσων ὀρθῆς. Ὅρος δέ ἐστι γωνίας τὸ πέρας ἢ ἐπαφὴ δύο γραμμῶν ἐπ' ἀλλήλας ἐπιβαλλουσῶν καὶ μὴ ἐπ' εὐθείας κειμένων πρὸς ἀλλήλας. Ἐπίπεδος δὲ γωνία ἐστὶν ἡ ἐν ἐπιπέδῳ δύο γραμμῶν ἐπ' ἀλλήλας ἐπιβαλλουσῶν καὶ μὴ ἐπ' εὐθείας κειμένων πρὸς ἀλλήλας ἐπαφή. Ὅταν δὲ εὐθεῖα ἐπ' εὐθεῖαν σταθεῖσα τὰς ἐφεξῆς γωνίας ἴσας ἀλλήλαις ποιῇ, ὀρθὴ ἑκατέρα τῶν ἴσων γωνιῶν ἐστι, καὶ ἡ ἐφεστηκυῖα εὐθεῖα κάθετος καλεῖται ἐφ' ἣν ἐφέστηκεν. Ἐπίπεδος δὲ ἐπιφάνειά ἐστιν ἡ ἐξ ἴσου τοῖς ἐφ' ἑαυτῆς εὐθείαις κειμέναις κειμένη. Ἐπιφανείας δὲ πέρατα γραμμαί εἰσιν. Ἐπιφάνεια δὲ ἐστὶ τὸ μεταξὺ τῶν γραμμῶν. Ἐπιφανείας δὲ σχῆμα ἐστὶν ἡ τῶν γραμμῶν περιοχή. Ἐπιφανείας δὲ σχημάτων τὰ μὲν ἐστὶν εὐθύγραμμα, τὰ δὲ περιφερῆ, τὰ δὲ ἐκ περιφερῶν καὶ εὐθειῶν. Εὐθύγραμμα μὲν οὖν ἐστὶ τὰ ὑπὸ εὐθειῶν περιεχόμενα, περιφερῆ δὲ τὰ ὑπὸ περιφερείας περιεχόμενα, ἐκ περιφερῶν δὲ καὶ εὐθειῶν τὰ ὑπὸ περιφερείας καὶ εὐθείας περιεχόμενα. Τριπλεύρων δὲ σχημάτων τὸ μὲν ἐστὶ τρίγωνον ἰσόπλευρον, τὸ δὲ ἰσοσκελὲς καὶ τὸ σκαληνόν. Τετραπλεύρων δὲ σχημάτων τὸ μὲν ἐστὶ τετράγωνον ἰσόπλευρον καὶ ὀρθογώνιον, τὸ δὲ ἑτερόμηκες ὀρθογώνιον, τὸ δὲ ῥόμβος ἰσόπλευρον μὲν ἀλλ' οὐκ ὀρθογώνιον, τὸ δὲ ῥομβοειδὲς καὶ ἰσόπλευρον καὶ οὐκ ὀρθογώνιον. Τὰ δὲ παρὰ ταῦτα τετράπλευρα τραπέζια καλεῖται. Κύκλος δέ ἐστι σχῆμα ἐπίπεδον ὑπὸ μιᾶς γραμμῆς περιεχόμενον, ἣ καλεῖται περιφέρεια, πρὸς ἣν ἀφ' ἑνὸς σημείου τῶν ἐντὸς τοῦ σχήματος κειμένων πᾶσαι αἱ προσπίπτουσαι εὐθεῖαι ἴσαι ἀλλήλαις εἰσίν. Σημεῖον δὲ τὸ κέντρον τοῦ κύκλου καλεῖται. Διάμετρος δὲ τοῦ κύκλου ἐστὶν εὐθεῖά τις διὰ τοῦ κέντρου ἀγομένη καὶ πέρατα ἐφ' ἑκάτερα ποιοῦσα ἐπὶ τῆς περιφερείας τοῦ κύκλου, ἥτις καὶ δίχα τέμνει τὸν κύκλον. Ἡμικύκλιον δέ ἐστι τὸ περιεχόμενον σχῆμα ὑπό τε τῆς διαμέτρου καὶ τῆς ἀπολαμβανομένης ὑπ' αὐτῆς περιφερείας τοῦ κύκλου. Τμῆμα δὲ κύκλου ἐστὶ τὸ περιεχόμενον σχῆμα ὑπό τε εὐθείας καὶ περιφερείας κύκλου ἢ μείζονος ἢ ἐλάσσονος ἡμικυκλίου. Τμήματος δὲ γωνία ἐστὶν ἡ περιεχομένη ὑπό τε εὐθείας καὶ περιφερείας κύκλου. Τμήματος δὲ βάσις ἐστὶν ἡ εὐθεῖα ἐφ' ἣν ἡ γωνία βέβηκεν. Ὁμοίων δὲ τμημάτων κύκλων ἐστὶν ἃ δέχεται γωνίας ἴσας ἀλλήλαις ἢ ἃ τὰς ἴσας γωνίας περιέχει. Ὁμοίων δὲ σχημάτων ἐστὶν ἃ τὰς ἴσας γωνίας περιέχει καὶ ἃ ἴσας ἔχει τὰς περιεχούσας γωνίας. Ἐγγράφεσθαι δὲ σχῆμα εἰς σχῆμα λέγεται, ὅταν ἑκάστη τῶν τοῦ ἐγγραφομένου σχήματος γωνιῶν ἑκάστην τῶν τοῦ ἐγγραφομένου σχήματος πλευρῶν ἅπτηται. Περιγράφεσθαι δὲ σχῆμα περὶ σχῆμα λέγεται, ὅταν ἑκάστη τῶν τοῦ περιγραφομένου σχήματος πλευρῶν ἑκάστης τῶν τοῦ περιγραφομένου σχήματος γωνιῶν ἅπτηται. Εὐθεῖα εἰς κύκλον ἐγγράφεσθαι λέγεται, ὅταν τὰ πέρατα αὐτῆς ἐπὶ τῆς περιφερείας ὦσι τοῦ κύκλου. Εὐθεῖα δὲ εἰς κύκλον ἐγγραφεῖσα ἴσον λέγεται δύνασθαι τῷ ἡμικυκλίῳ, ὅταν τὰ πέρατα αὐτῆς ἐπὶ τῆς περιφερείας ὦσι τοῦ ἡμικυκλίου. Ὅμοια δὲ τμήματα κύκλων ἐστὶν ἃ δέχεται γωνίας ἴσας ἀλλήλαις ἢ ἃ τὰς ἴσας γωνίας περιέχει. Ὁμοίων δὲ σχημάτων ἐστὶν ἃ τὰς ἴσας γωνίας περιέχει καὶ ἃ ἴσας ἔχει τὰς περιεχούσας γωνίας. Ἐγγράφεσθαι δὲ σχῆμα εἰς σχῆμα λέγεται, ὅταν ἑκάστη τῶν τοῦ ἐγγραφομένου σχήματος γωνιῶν ἑκάστην τῶν τοῦ ἐγγραφομένου σχήματος πλευρῶν ἅπτηται. Περιγράφεσθαι δὲ σχῆμα περὶ σχῆμα λέγεται, ὅταν ἑκάστη τῶν τοῦ περιγραφομένου σχήματος πλευρῶν ἑκάστης τῶν τοῦ περιγραφομένου σχήματος γωνιῶν ἅπτηται. Εὐθεῖα εἰς κύκλον ἐγγράφεσθαι λέγεται, ὅταν τὰ πέρατα αὐτῆς ἐπὶ τῆς περιφερείας ὦσι τοῦ κύκλου. Εὐθεῖα δὲ εἰς κύκλον ἐγγραφεῖσα ἴσον λέγεται δύνασθαι τῷ ἡμικυκλίῳ, ὅταν τὰ πέρατα αὐτῆς ἐπὶ τῆς περιφερείας ὦσι τοῦ ἡμικυκλίου.

послѣ спаденія воды невозможно было каждому распознать свое собственное владѣніе. Поэтому-то и изобрѣли Египтяне искусство измѣренія земли то посредствомъ шеста, то веревки или сокаря, то шеста или оргіи; вслѣдствіе же необходимости мѣръ, употребленіе ихъ распространилось по всѣмъ странамъ.

Планиметрія состоитъ изъ климата, скопела, линій и угловъ, допускаетъ же роды, виды, схемы и теоремы. Климатовъ четыре: востокъ, западъ, сѣверъ и югъ. Скопеломъ называется условно принимаемая точка. (Линій десять: прямая, параллельная, основаніе, вершина, стороны, діагональ, катетъ, гипотенуза, окружность, діаметръ). Угловъ три: прямой, тупой и острый. Прямымъ угломъ

---

[1]) Cod. ὀργυίας. Древнему языку извѣстна ὄργυια или чаще ὀργυιά. Это мѣсто у Ирона читается: διὰ τοῦτο ἐπενόησαν οἱ Αἰγύπτιοι τήνδε τὴν μέτρησιν, ποτὲ μὲν τῷ καλουμένῳ σχοινίῳ, ποτὲ δὲ καλάμῳ, ποτὲ δὲ καὶ ἑτέροις μέτροις, т. е. по сему придумали Египтяне измѣрять землю то такъ называемой веревкой, то шестомъ, то другими мѣрами. О различныхъ мѣрахъ, употреблявшихся въ Византіи, будетъ рѣчь впереди.

[2]) У Ирона, *Hultsch* S. 44, недостаетъ только выраженія σχήματα. Ἡ ἐπίπεδος γεωμετρία — это та часть геометріи, которая занимается измѣреніемъ плоскостей, т. е. планиметрія. Объясненіе термина дается у Ирона, S. 188: ἐπίπεδον δὲ τὸ ἐν μήκει καὶ πλάτει μετρούμενον, т. е. плоскость же (или поверхность) есть измѣреніе въ длину и ширину.— Такъ какъ въ нашемъ текстѣ встрѣчаются пропуски противъ текста Ирона, то мы въ русскомъ переводѣ возстановляемъ недостающія мѣста, гдѣ это необходимо для пониманія смысла, отмѣчая ихъ скобками.

[3]) Σκόπελος δὲ εἰς ὃ δή ἐστι λαμβανόμενον σημεῖον, см. Ironъ S. 44. Лучшее объясненіе термина даетъ I. Pediasimъ, S. 8: ἰστέον δέ σοι, ἐν τοῖς γεωμετρουμένοις ἀντὶ σημείου λαμβάνομεν σκόλοπα, τουτέστι τὸ σημεῖον, ἀφ' οὗ μετρεῖν ἀρχόμεθα, εἴτουν τὸ ξύλον τὸ ἐμπηγόμενον, ἐφ' οὗ δέδεται τὸ σωκάριον ἤτοι τὸ σχοινίον τὸ δεκαόργυιον.... τινὲς δὲ τοῦτο καὶ σκόπελον ὀνομάζουσιν, т. е. да будетъ тебѣ извѣстно, что при измѣреніи земли за точку принимается колъ, т. е. тотъ пунктъ, отъ котораго начинается измѣреніе; это есть деревянный колъ, утвержденный въ землѣ, къ которому привязанъ сокарь или веревка въ десять оргій.... нѣкоторые называютъ его скопеломъ.

νίας ἴσας ἀλλήλαις ποιεῖ [1]). Γένη μὲν οὖν τῆς μέτρας εἰσὶ τρία· εὐθυμετρικόν, ἐμβαδομετρικὸν καὶ στερεομετρικόν. Εὐθυμετρικὸν δὲ λέγεται πᾶν τὸ κατ' εὐθεῖαν μετρούμενον ὅ δὲ κἀὶ ἀρχὴ καὶ ἀριθμὸς καλεῖται· στερεομετρικὸν δὲ λέγεται ὅ τι ἔχον μῆκος καὶ πλάτος καὶ πάχος ἐξ οὗ καὶ τὸ στερεὸν γινώσκεται, ὅ δὲ καὶ κύβος καλεῖται [2]).

Τὸ δὲ μέτρον εὕρηται ἐξ ἀνθρώπων [3]), δακτύλου, κονδύλου, παλαιστῆς [4]), κοινοστόμου, σπιθαμῆς, πήχεως [5]), ὀργυιᾶς, ποδὸς, βήματος. Πάντων δὲ τῶν μέτρων

называется такой, котораго одна сторона будучи поставлена прямо къ другой, дѣлаетъ смежные углы равными между собой. (Когда же бываетъ одинъ больше, другой меньше, то тотъ, который больше, т. е. шире, называется тупымъ, а который меньше, т. е уже, называется острымъ). Родовъ измѣренія три: прямолинейное, поверхностное и стереометрическое. Прямолинейнымъ считается всякое измѣреніе, которое измѣряетъ въ прямую линію, оно называется началомъ и числомъ. (Поверхностное измѣреніе имѣетъ ширину и длину, и изъ него познается плоскость, оно называется квадратнымъ). Стереометрическое измѣреніе имѣетъ длину, ширину и толщину, чрезъ него познается измѣреніе тѣлъ, оно называется кубическимъ.

Мѣры же придуманы по членамъ человѣческаго тѣла: пальца, двухъ пальцевъ, четырехъ пальцевъ, разстоянія между вытянутыми большимъ и указа-

---

[1]) Cod. τὰς ἐφεξῆς γωνείας ἀλλήλας ποιεῖ. У Ирона, *Hultsch* S. 12, находимъ слѣдующее опредѣленіе: ὀρθὴ μὲν οὖν ἐστι γωνία ἡ τῇ ἀντικειμένῃ ἴσῃ, ἀντικείμεναι δέ εἰσιν ἃς ποιεῖ εὐθεῖα ἐπ' εὐθεῖαν σταθεῖσα. Ὅταν γὰρ εὐθεῖα ἐπ' εὐθεῖαν σταθεῖσα τὰς ἐφεξῆς γωνίας ἴσας ἀλλήλαις ποιεῖ, ὀρθὴ ἑκατέρα τῶν ἴσων γωνιῶν ἐστιν.

[2]) Cod. пропущено καὶ πάχος. Правильное чтеніе возстановляется по *Ирону*, S. 45: ἐμβαδομετρικὸν δὲ τὸ ἔχον καὶ μῆκος καὶ πλάτος, ἐξ οὗ καὶ τὸ ἐμβαδὸν γινώσκεται, ὅ δὴ καὶ δύναμις καλεῖται. Στερεομετρικὸν δὲ τὸ ἔχον καὶ μῆκος καὶ πλάτος καὶ πάχος, ἐξ οὗ τὸ στερεὸν γινώσκεται, ὅ δὴ καὶ κύβος καλεῖται, т. е. поверхностное измѣреніе имѣетъ ширину и длину, изъ него познается плоскость, оно называется квадратнымъ. Стереометрическое измѣреніе имѣетъ ширину, длину и толщину, чрезъ него познается измѣреніе тѣлъ, оно называется кубическимъ.

[3]) Τὰ δὲ μέτρα ἐξηύρηνται ἐξ ἀνθρωπίνων μελῶν, т. е. единицы мѣры заимствованы отъ членовъ человѣческаго тѣла, Ἥρων S. 47.

[4]) Παλαιστοῦ у Ирона.

[5]) Cod. πῆχυς, ὀργυίας.

ἐλαχιστότερός ἐστιν ὁ δάκτυλος, ὃς καὶ μονὰς καλεῖται, δεύτερος δὲ τούτου ὁ κόνδυλος, ὃς ἔχει δακτύλους δύο, τρίτος ὁ παλαιστὸς, ὅντινα παλαιστὸν τέταρτον καλοῦσι τινὲς διὰ τὸ τέσσαρας δακτύλους ἔχειν, τινὲς δὲ καὶ τρίτον τῆς σπιθαμῆς, τέταρτον δὲ ὡς εἶναι τοῦ ποδὸς τέταρτον, καὶ γὰρ ἡ σπιθαμὴ τρία τέταρτα ἔχει, ὁ δὲ ποῦς τέσσαρα. Ἡ διχὰς ἔχει παλαιστὰς δύο ἤγουν δακτύλους ὀκτὼ, κονδύλους τέσσαρας, ἥτις καὶ καλεῖται δίμοιρον τῆς σπιθαμῆς· διχὰς δὲ λέγεται τὸ τῶν δύο δακτύλων ἄνοιγμα, ἤγουν τοῦ ἀντίχειρος καὶ τοῦ λιχανοῦ· τοῦτο καὶ κοινόστομον καλοῦσι τινές. Ἡ σπιθαμὴ ἔχει παλαιστὰς τρεῖς ἤγουν δακτύλους δώδεκα, κονδύλους ἓξ· ὁ ποῦς ἔχει σπιθαμὴν μίαν τρίτον, ἤγουν παλαιστὰς τέσσαρας, κονδύλους ὀκτώ, δακτύλους ις΄· ὁ πῆχυς ἔχει πόδας α∠″ ἤγουν παλαιστὰς ξξ ἤτοι σπιθαμὰς δύο, κονδύλους ιβ΄, δακτύλους κδ΄ [1]), τὸ βῆμα τὸ ἁπλοῦν ἔχει πόδας β∠″ ἤτοι πῆχυν μίαν καὶ πόδα α΄, τὸ βῆμα τὸ διπλοῦν ἔχει πόδας ε΄ ἤτοι σπιθαμὰς ς∠″ [2]).

тельнымъ пальцемъ, пяди, локтя, сажени, стопы, шага. Самая меньшая изъ мѣръ есть дактилъ, который и называется единицей; за нимъ слѣдуетъ кондилъ, въ которомъ два дактила; третій палестъ, который одни называютъ четвертью, потому что въ немъ четыре пальца, нѣкоторые же третью спиѳамы или четвертью стопы, ибо спиѳама имѣетъ три четверти, а стопа четыре. Диха имѣетъ два палеста или 8 дактиловъ, кондиловъ 4 называется также мѣрой въ $^2/_3$ спиѳамы; дихой же называется раскрытіе двухъ пальцевъ, большаго и указательнаго, эту мѣру нѣкоторые называютъ киностомомъ. Въ спиѳамѣ три палеста, т. е. 12 дактиловъ или 6 кондиловъ. Стопа имѣетъ $1^1/_3$ спиѳамы, то-есть палестовъ 4, кондиловъ 8, дактиловъ 16. Локоть имѣетъ $1^1/_2$ стопы, то-есть палестовъ 6, спиѳамъ 2, кондиловъ 12, дактиловъ 24. Шагъ простой имѣетъ стопъ $2^1/_2$ или 1 локоть и 1 стопу; шагъ двойной имѣетъ стопъ 5 или спиѳамъ $6^1/_2$.

---

[1]) Ироиъ S. 47 ὁ πῆχυς ἔχει πόδας δύο, ἤγουν σπιθαμὰς β ω̄ (т. е. $2^2/_3$), παλαιστὰς ὀκτώ, κονδύλους ις΄, δακτύλους λβ΄. Какъ увидимъ ниже, въ нѣкоторыхъ областяхъ Византійской имперіи довольно значительные участки измѣрялись посредствомъ πῆχυς какъ единицы мѣры. Но въ нашемъ памятникѣ локоть имѣетъ 24 пальца, а у Ирона 32. Различается ὁ πῆχυς ὁ εὐθυμετρικὸς, πῆχυς ὁ λιθικὸς (Ироиъ S. 48, 221). О разницахъ въ единицахъ мѣры будемъ говорить ниже.

[2]) Cod. обозначаетъ дроби знаками. Въ большинствѣ случаевъ эти знаки показаны въ палеографіи *Монфокона* и *Гардтгаузена* (Griechische Palaeographie): ∠″ и ℄ обозначаетъ $^1/_2$, ω̄ значитъ $^2/_3$, вообще всѣ дроби съ единицей въ числителѣ. Слѣдуетъ обратить вниманіе, что нашъ памятникъ представляетъ разногласія съ текстомъ Ирона относительно величины локти и шага. Локоть анонимный писатель считаетъ на $^1/_4$ меньше ироновскаго. Относительно мѣры шага у Ирона находимъ слѣдующее: τὸ βῆμα τὸ ἁπλοῦν ἔχει σπιθαμὰς γ΄ γ″ ($3^1/_3$) ἢ πόδας β∠″ т. е. $2^1/_2$, ἢ παλαιστὰς 10, ἢ κονδύλους 20, ἢ δακτύλους 40. Τὸ βῆμα τὸ διπλοῦν ἔχει πόδας 5, ἢ σπιθαμὰς $6^2/_3$, ἢ

Ἡ πρώτη ποιότης τῆς γῆς ἔστιν ἡ μελίγαλος γῆ, ἥτις παρὰ πᾶσαν τὴν γῆν ἐπαινουμένη, τῆς οὖν μελιγάλου ταύτης καὶ λιπαρᾶς, ποταμιαίας καὶ πυργαίου, μαυργαίου τε καὶ βαθυγαίου ταύτης ἐν ἴσῳ μέτρῳ μετρᾶν καὶ πιπράσκειν· τῷ ὑπερπύρῳ γῆν μοδίου ἑνός[1]). Τὴν δὲ ὑπόποτον

Земля перваго качества есть медомлечная земля, ее ставятъ выше всякой другой. Эта медомлечная и жирная, орошаемая, пшеничная, черноземная и плодородная земля въ одну мѣру измѣряется и продается: одинъ модій за перперъ. Земля сухая и супесчаная, каменистая и песчаная считается втораго качества, ее должно продавать по

παλαιστὸς 20, ἢ κονδύλους 40, ἢ δακτύλους 80. Но вникая въ подробности терминологіи нашего автора, мы приходимъ къ заключенію, что его шагъ въ сущности имѣетъ ту же мѣру, что и у Ирона, ибо $2^1/_2$ стопы дѣйствительно соотвѣтствуютъ его 1 локтю и 1 стопѣ (это простой шагъ). Двойной шагъ вдвое больше величины простаго. Изобразимъ въ таблицѣ приведенныя мѣры:

βῆμα (ἁπλοῦν)	1						
πῆχυς	$1^2/_3$	1					
ποῦς	$2^1/_2$	$1^2/_3$	1				
σπιθαμή	$3^1/_3$	2	$1^1/_3$	1			
διγᾶς= κοινόστομον	5	$^1/_3$	$^1/_2$	$^2/_3$	1		
παλαιστής	10	6	4	3	2	1	
κόνδυλος	20	12	8	6	4	2	1
δάκτυλος	40	24	16	12	8	4	2

[1]) Здѣсь начинается оригинальная часть нашего документа, устанавливающая качественность земли и сравнительную ея цѣнность. Во всей дошедшей до насъ литературѣ по сельскохозяйственнымъ распорядкамъ въ Византіи нѣтъ болѣе точнаго и яснаго указанія на три степени качественности земли и на сравнительную стоимость земель перваго, втораго и третьяго качества. Въ статьѣ «Слѣды писцовыхъ книгъ въ Византіи», помѣщенной въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія за іюль 1885 г. (стр. 47—48), мы дѣлали попытку указать норму цѣнностей земли: на основаніи купчихъ сдѣлокъ и арендной платы. Высказанныя тамъ соображенія оправдались въ формулахъ, даваемыхъ разбираемымъ отрывкомъ. Есть только одно еще мѣсто въ Геопоникѣ Ирона (Hultsch, S. 222), которое также говоритъ о разныхъ качествахъ земли: ἔστι δὲ καὶ ἡ λιπαρὰ γῆ ἐνσπόρου καὶ γεωμένων, ἡ μελάγγεως γῆ ἡ παρὰ πᾶσιν ἐπαινουμένη, οἷα στέγει ὑστόν· ταύτης μετρεῖται ἰούγερα ρ΄ γεϊκὸν ἕν· τῆς μελαγγέου καὶ λιπαρᾶς καὶ τῆς ποταμοχόου ταύτης μιᾶς ἑκαστοτῆς ἡ γεωμετρία ἐν ἰσότητι μετρεῖ ἰούγερα ρ΄ γεϊκὸν ἕν, т. е. есть же мягкая земля пахотная и усадебная, черноземъ, которая у всѣхъ цѣнится какъ задерживающая дождевую влагу, ее отмѣриваютъ сто югеровъ на одинъ дворъ. Эту черноземную и мягкую, и орошаемую землю геометрія измѣряетъ каждую центурію круглымъ счетомъ: 100 югеровъ дворъ одинъ. — Къ землѣ перваго же качества должны быть относимы нижеслѣдующіе сорты у Ирона: τῆς δὲ ὑπογαίου ἤτοι βαθυγαίου μετρεῖ ἰούγερα ρκε΄ γεϊκὸν ἕν, τῆς δὲ ἐρυθρᾶς ἤτοι κοκκίνου μετρεῖ ἰούγερα ρκθ΄ γεϊκὸν ἕν, τῆς δὲ παγάδος (πηγάδος) μετρεῖ ἰούγερα ρλγ΄ γεϊκὸν ἕν.

καὶ ὑποψαμμίζουσαν, τραχεῖαν τε καὶ ἀμμώδη λογίζου ὡς δευτέρας ποιότητος, καὶ ὀφείλεις πιπράσκειν τῷ ὑπερπύρῳ μόδια δύο [1]). Τὴν ἀλσώδη καὶ πάντῃ ἄχρηστον, νομαδιαίαν τε οὖσαν καὶ οὐ λιβαδιαίαν ἀλλὰ πετρώδη [2]) ὀφείλεις πιπράσκειν τῷ νομίσματι γῆν μοδίων τριῶν.

Πρόσχες δὲ ἀκριβῶς ὅτ' ἂν ὀφείλεις μετρῆσαι κατὰ περιορισμὸν [3]) ἢ χωρίον, ἢ τόπιον τινὰ ἢ χωράφιον κ'ἄν τάχα στρόγγυλον οὐκ ἔστιν, οὔτε μὴν τετράγωνον, οὔτε πάλιν τρίγωνον, ἀλλὰ ποτὲ μὲν ἀναβαίνει, ποτέ δε καταβαίνει καὶ διέρχεται εἰς ῥυάκια καὶ ἀλσώδεις τόπους, κρημνώδεις τε καὶ πετρώδεις καὶ κακουργῶν [4]) ὀφείλει εἶναι τὸ τοιοῦτον σχοινίον τοῦ περιμέτρου ἤγουν τοῦ

два модія за перперъ. Поросшая кустарникомъ и совсѣмъ негодная для обработки, пастбищная, не имѣющая влаги и каменистая продается по три модія за перперъ.

Наблюдай внимательно, когда будешь измѣрять кругомъ участокъ, или мѣстечко, или помѣстье, которое не будетъ имѣть ни круглой формы, ни четыреугольной, ни треугольной, но въ одномъ мѣстѣ повышается, въ другомъ понижается и переходитъ въ овраги и пустоши, въ кручи и каменистыя мѣста и представляетъ кривыя линіи,—веревка для измѣренія такой окружности должна употребляться въ 12 оргій. И, вошедши, измѣрь это

[1]) Земля втораго качества вдвое ниже первой и потому вдвое дешевле: два модія за перперъ. У Ирона сюда относится слѣдующее мѣсто: τὴν δὲ ὑπὸ ποταμοῦ ἐπιψαμμιζομένην μετρεῖ ἰούγερα σν' γεϊκὸν ἕν, τὴν δὲ τραχεῖαν καὶ ἀμμώδη μετρεῖ ἰούγερα σν' γεϊκὸν ἕν, т. е. подвергающаяся песчанымъ заносамъ земля отмѣривается въ количествѣ 250 югеровъ на дворъ, каменистая и песчаная 250 югеровъ на дворъ. Должно замѣтить, что въ изданномъ текстѣ Ирона (Hultsch S. 222) недостаетъ цифры югеровъ въ первомъ случаѣ, но мы прочли эту цифру по *Supplem. Graec.* 452 f. 13 (въ Парижѣ).

[2]) Разумѣется земля третьяго качества, по преимуществу пастбищная. У Ирона не находимъ упоминанія объ этой землѣ. Но въ подтвержденіе того, что въ Византіи дѣйствительно земля раздѣлялась на три степени по качественности и по цѣнности, можемъ сослаться на *Cod. Palat.* 367 f. 98, гдѣ перечисляются: ἡ ποτίμη γῆ μόδια α ∠″ δ″ (т.е. $1+\frac{1}{2}+\frac{1}{4}$) εἰς τὸ ὑπέρπυρον, ἡ ἐργασμένη или ἐργασίμη γῆ μόδια γ ∠″ εἰς τὸ ὑπέρπυρον, χερσαία или χερσὴ μόδια ζ′ εἰς τὸ ὑπέρπυρον, т. е. орошаемая или влажная земля $1^3/_4$ модія на перперъ, воздѣланная или пахотная $3^1/_2$ модія на перперъ, невоздѣланная 7 модіевъ на перперъ. О разности оцѣнки качества земли будемъ говорить ниже.

[3]) Μετρῆσαι κατὰ περιορισμόν, т. е. измѣрять въ окружности или кругомъ. Такъ встрѣчаемъ у Ирона S. 48 выраженіе: οἱ περιορισμοὶ τῶν προαστείων καὶ τῶν χωρίων τῶν ολογύρως μετρουμένων, слѣдовательно ὁ περιορισμὸς ἐστὶ τὸ ὁλογύρως μετρούμενον.

[4]) Κακουργῶν и нѣсколько ниже κακεργίου, то и другое въ Cod. написано съ сокращеніемъ. Можетъ быть, было бы согласнѣй со смысломъ читать κακουργὸν, относя это къ τόπιον.

τοιούτου περιορισμοῦ δωδεκαούργιον[1]). Καὶ εἰσελθὼν περιόρισον τὸν τόπον καὶ ὅσα σχοινία εὑρεθῶσιν ἔσωθεν τούτου, ἅπαντα ἑνώσας ἀποδεκάτωσον[2]) ταῦτα, ὑφεξαιρῶν κατὰ δέκα σχοινία σχοινίον ἓν εἰς τύπον τῶν σκοπέλων, ῥυακίων καὶ κακεργίου, καὶ τὸ καταλειφθὲν τετραγώνισον[3]) κατ' ἰσότητα· εἶθ' οὕτως διώξας τὸ ἥμισυ τῶν σχοινίων, τὰ δὲ ἕτερα ἥμισυ ποίησον μέρη δύο μῆκος καὶ πλάτος· καὶ ἑνώτησον τὸ μῆκος πρὸς τὸ πλάτος ἢ τὸ πλάτος πρὸς τὸ μῆκος, καὶ ὅσα σχοινία ἀναβιβασθῶσιν, εἰ μὲν ἐστὶ τὸ

мѣсто и все количество отложенныхъ веревокъ сложи вмѣстѣ, потомъ отсчитай изъ этой суммы десятую часть, отнимая на каждыя десять веревокъ одну веревку—въ зачетъ скалистыхъ мѣстъ, овраговъ и извилинъ, и остальное раздѣли на четыре равныя части, то-есть отними половину веревокъ, остальную же половину раздѣли на двѣ равныя доли, это будетъ ширина и длина. Помножь ширину на длину или длину на ширину и изъ произведенія —если окружность измѣряется веревками—должно снова вычесть одну по-

---

[1]) Для измѣренія значительныхъ плоскостей принимается особенная единица мѣры τὸ σχοινίον δωδεκαούργιον, т. е. веревка въ 12 оргій или сажень; для небольшихъ измѣреній употреблялась веревка въ 10 оргій. Эта веревка обыкновенно называлась сокаремъ (σωκάριον). У Ирона находимъ основаніе для этихъ системъ измѣренія: τὸ σωκάριον τῆς σπορίμου γῆς δέκα ὀργυιὰς ὀφείλει ἔχειν, τοῦ δὲ λιβαδίου καὶ τῶν περιορισμῶν ιβ'. πλὴν οἱ βραχύτατοι καὶ πεδινοὶ τόποι μετὰ τοῦ δεκαοργυίου σχοινίου ὀφείλουσι μετρεῖσθαι· οἱ δὲ περιορισμοὶ τῶν προαστείων καὶ τῶν χωρίων τῶν ὁλοτύρως μετρουμένων μετὰ τοῦ δωδεκαοργυίου σχοινίου διὰ τὸ εὑρίσκεσθαι ἔσωθεν τῶν περιορισμῶν αὐτῶν πολλάκις ξηροχειμάρρους καὶ ῥύακας καὶ λόχμας καὶ ἀχρήστους τόπους, т. е. сокарь для измѣренія пахотной земли долженъ имѣть 10 оргій, для луговъ же и большихъ участковъ 12 оргій. Но небольшіе и ровные участки измѣряются десатисаженной веревкой. площади же помѣстій и селеній, измѣряемыхъ въ окружности, должны мѣряться двѣнадцатисаженной веревкой, ибо могутъ встрѣтиться часто на этихъ площадяхъ овраги, ручьи. кустарники и неудобныя мѣста.

[2]) Выраженіе ἀποδεκάτωσον хорошо объясняется и слѣдующими за тѣмъ словами, т. е. нужно отнять изъ всей суммы сокарей десятую часть. Объ этомъ говоритъ Ионъ: ἂν δὲ καὶ μετὰ τοῦ δεκαοργυίου σχοινίου μετρηθῶσιν, ὀφείλουσιν ὑπεξαιρεῖσθαι.. ἀπὸ τοῦ ἀναβιβασμοῦ τῶν σωκαρίων κατὰ δέκα σωκάρια σωκάριον ἕν, т. е. если же бы и десятисаженной веревкой производилось измѣреніе, то слѣдуетъ отсчитать изъ суммы сокарей одинъ сокарь на десять. Въ *Актахъ Русскаго на Св. Аѳонѣ монастыря*, Кіевъ 1873, стр. 204, мы встрѣчаемся съ терминомъ ἀποδεκατισμός въ томъ же значеніи.

[3]) Къ объясненію этого выраженія приводимъ мѣсто изъ Геометріи I. Педіасима, Friedlein S. 13: πᾶς ἀριθμὸς εἰς ἑαυτὸν πολυπλασιαζόμενος τετράγωνον ἰσόπλευρον ποιεῖ, т. е. всякое число, помноженное на себя, образуетъ четвероугольникъ равносторонній.

περίμετρον διὰ σχοινομετρίου, πάλιν ὀφείλεις μετὰ τὴν ἑνώτησιν τοῦ μήκους καὶ τοῦ πλάτους διῶξαι ἐκ τοῦ ποσοῦ τὸ ἥμισυ, καὶ τὰ καταλειφθέντα ἥμισυ ἐκεῖ ἐστὶν ὁ μοδισμὸς τοῦ περιορισθέντος τόπου [1]).

Ἐπὶ δὲ τῶν ὀργιῶν οὐχὶ οὕτως ὀφείλεις κόψαι δισσῶς ὡς καὶ ἐπὶ τῶν σχοινίων, ἀλλ' ἅπαξ. Καὶ πῶς, ἄκουσον· ἀφ' ὅτου μετρήσεις τὸ χωράφιον ἢ τὸ ἀμπελίον ἢ ἄλλο τι μετὰ τῆς ὀργιᾶς, τὰς συναχθείσας ἁπάσας ὀργίας τοῦ περιμέτρου οἱουδήποτε τόπου ἐκ τῶν τεσσάρων μερῶν· ἀνατολῆς, δύσεως, ἄρκτου καὶ μεσημβρίας, κόπτε μὲν τὴν ὁμάδα τῶν ἀμφοτέρων, τὰς δὲ περιλειφθείσας ἑτέρας ἥμισυ ἀπὸ τοῦ ποσοῦ ποίησον μοίρας δύο· πλάτος καὶ μῆκος, καὶ ἑνώτησον πρὸς ἀλλήλας τὸ μῆκος πρὸς τὸ πλάτος, καὶ τὸ ἀναβιβασθὲν ποσὸν ὡς ἐκ τῆς τοιαύτης ἑνωτήσεως οὐ δεῖ κόπτειν μὲν ὡς καὶ ἐπὶ τοῦ σχοινισμοῦ, ἀλλ' ἐᾶν ταύτας καὶ ποιεῖν τὸν μοδισμόν, καταλογίζειν ὀφείλεις τὰς διακοσίας ὀργίας γῆν μοδίου ἑνός [2]).

ловину, остальная же половина дастъ количество модіевъ въ измѣряемой мѣстности.

Когда же измѣряешь оргіями, не должно рубить (т. е. дѣлить) дважды какъ при измѣреніи веревкой, а однажды. И вотъ какъ. Измѣривъ участокъ или виноградникъ или какую угодно площадь оргіей, все количество найденныхъ оргій окружности какого-либо мѣста со всѣхъ четырехъ сторонъ: востока, запада, сѣвера и юга—раздѣли всю сумму оргій на двѣ части. Изъ остальной же половины сдѣлай двѣ доли, ширину и длину, перемножь между собой длину и ширину, но полученное произведеніе не должно опять разсѣкать на двое, что имѣетъ мѣсто при измѣреніи веревкой, но оставить его *и перевести его на модіи, считая на каждый модій 200 оргій.*

[1]) Переводъ числа веревокъ въ модіи составлялъ важнѣйшую операцію въ византійскомъ землеизмѣреніи. Въ большинствѣ случаевъ дошедшіе до насъ земельные акты обозначаютъ площади участковъ прямо въ модіяхъ. У Педіасима (S. 11) мы знакомимся съ слѣдующей аксіомой: геометрическій модій имѣетъ 40 литръ, а въ литрѣ пять оргій, —αἰτιάματα μὲν εἰσὶν οἷον τὸ εἶναι τὸν γεωμετρικὸν μόδιον τεσσαρακονταλίτρον, καὶ τὴν λίτραν ὀργυιὰς ἔχειν πέντε. Если въ модіѣ пахотной земли 40 литръ, а каждая литра засѣваетъ 5 оргій, то геометрическая площадь модія должна равняться 200 оргіямъ. На этомъ основываются всѣ подробности системы византійскихъ модіевъ. У Ирона такъ опредѣляется эта система: τὴν μίαν τῶν πλευρῶν ἐφ' ἑαυτὴν, ὃν τὸ ἥμισυ καὶ ἔστιν ὁ μοδισμός, т. е. помножить одну изъ сторонъ саму на себя, взять половину произведенія—это и будетъ количество модіевъ (Hultsch S. 50). Пусть будетъ данъ четвероугольникъ равносторонній и прямоугольный, каждая сторона котораго по 16 веревокъ. Помноживъ 16 на 16 получаемъ 256, половина произведенія т. е. 128 и даетъ модій.

[2]) Операція перевода на модіи оргій нѣсколько отличается отъ предыдущей. Въ руководствахъ по геометріи Ирона и Педіасима приводятся многочисленные и разнообразные примѣры на этотъ случай. Данъ четыреугольникъ, котораго каждая сторона равна 10 оргіямъ. Найдти его площадь. Помноживъ одну сторону на другую, получаемъ 100—это будетъ площадь четыреугольника. Чтобы найдти количество модіевъ, слѣдуетъ произведеніе

Ὅταν δὲ ὀφείλεις μετρῆσαι ὕπεργον γῆν, σπόριμόν τε καὶ λιβαδιαίαν εἰς πρώτην ποιότητα, μετὰ δεκαουργίου σχοινίου ποίησον τὴν ἀναμέτρησιν, ἐχούσης μιᾶς ἑκάστης ὀργίας σπιθαμὰς βασιλικὰς ἐννέα τέταρτον μετὰ τοῦ τετάρτου τῆς χειρός, ἢ παλαιστὰς εἴκοσι ὀκτὼ καὶ ἀντίχειρος [1])· τὸν γὰρ αὐτὸν ἀντί-

Когда хочешь измѣрять пахатную землю, засѣваемую хлѣбомъ и орошаемую, землю перваго качества, то употребляй для измѣренія веревку въ 10 оргій. Каждая оргія имѣетъ спиѳамъ царскихъ $9^1/_4$ съ четвертью руки, или 28 палестовъ съ прибавкой большаго пальца вершка, ибо этотъ вершокъ

одной стороны на другую раздѣлить на 200. Данный четыреугольникъ равенъ половинѣ модія или 20 литрамъ. Теорія переведенія оргій въ модіи дана въ руководствѣ Ирона, *Hultsch* s. 53.

[1]) Здѣсь трактуется интереснѣйшій вопросъ о величинѣ оргіи. Она должна имѣть $9^1/_4$ царскихъ спиѳамъ или 28 палестовъ съ надбавкой большаго пальца. Прежде всего мы укажемъ, что такое была оргія въ сельскомъ быту, для чего беремъ изъ Ирона описаніе ея мѣры (*Hultsch* S. 74 Anm.). Человѣкъ средняго роста, не слишкомъ малый и не очень высокій, ставъ прямо, подниметъ вверхъ правую руку, и то мѣсто, до котораго достанутъ концы его пальцевъ, укажетъ мѣру истинной оргіи. Или иначе: средняго роста человѣкъ, взявъ веревку или прутъ, защемитъ одинъ конецъ между пальцами ноги своей, другой же конецъ подниметъ на плечо себѣ; потомъ спуститъ веревку или прутъ до бедра. Такъ получится совсѣмъ вѣрная оргія. Такъ какъ оргія, какъ оказывается, имѣетъ полное сходство съ русской саженью, которая и теперь еще измѣряется описаннымъ здѣсь порядкомъ, то въ высшей степени интересно всмотрѣться ближе въ византійскія ея части. Въ образованіе оргіи входитъ *спиѳама*. Въ оргіи полагается $9^1/_4$ спиѳамъ, послѣдняя описывается слѣдующимъ образомъ: εἰ τοὺς δακτύλους ἀποτείνας ἀπὸ τοῦ μεγάλου πρὸς τὸν μικρότατον μετροῖς, σπιθαμὴ τὸ μέτρον, т. е. если, распростерши пальцы, измѣришь отъ большого къ мизинцу, то получишь мѣру спиѳамы; Poll. 2. 157, см. *Hultsch Griechische und Römische Metrologie*, S. 29. Читатель видитъ, что если спиѳама не наша нынѣшняя четверть, которая сама довольно поздняго происхожденія, то во всякомъ случаѣ очень сродни ей. Но спиѳама совершенно совпадаетъ съ той единицей мѣры, которую вытѣснила четверть, именно съ пядью. Пядь или пядень есть именно пространство между большимъ пальцемъ и мизинцемъ, когда они вытянуты. Въ нашей сажени 12 четвертей, а въ оргіи $9^1/_4$. Въ геометріи *Pediasima* (S. 12) есть одно мѣсто, показывающее, что оргія не всегда была въ эту мѣру: τὴν δὲ ὀργυιὰν ἤτοι τὸν γεωμετρικὸν κάλαμον σπιθαμὰς κοινὰς ἕνδεκα ἤτοι παλαιστὰς εἴκοσι ἑπτὰ καὶ κόνδυλον· παλαιστὴ δέ ἐστιν ὁ γρόνθος· γρόνθος δέ ἐστι τῶν τεσσάρων δακτύλων συνεσφιγμένων τὸ διάστημα· κόνδυλος δὲ ἡ τοῦ ἀντίχειρος ἔκτασις; т. е. оргія или геометрическій шестъ должна имѣть одиннадцать крестьянскихъ спиѳамъ или 27 палестовъ съ кондиломъ, палестъ же равняется гронеу, а гронеъ есть мѣра четырехъ сложенныхъ пальцевъ, кондиломъ называется мѣра протянутаго большаго пальца. Далѣе у Педіасима читается: τὴν μὴν οὖν σπορίμην καὶ ὑπάμπελον γῆν ἐν μὲν ταῖς βασιλικαῖς ἀπογραφαῖς ταύτῃ τῇ ὀργυιᾷ παραδιδόασι, διὸ καὶ βασιλικὴ αὕτη καλεῖται ἡ ἑνδεκασπίθαμος δηλαδὴ. ἐν δὲ ταῖς πράσεσιν ἑλλάτονι ὀργυιᾷ ποιοῦμεν τὴν καταμέτρησιν, ὡς καὶ ἐν τοῖς νόμοις διείληπται, ἀεὶ τῆς τῶν πενεστέρων καταστοχαζόμενοι βοηθείας· δοκεῖ γὰρ ὁ πωλῶν, καθὸ πωλεῖ, τοῦ ἀγοράζοντος εἶναι πενέστερος, εἰ καὶ μὴ ἀεὶ τοῦτο συμβαίνει· ἀλλὰ δὴ

χειρα ἐχαρίσατο ὁ βασιλεὺς τοῖς ἔχουσι δημόσιον [1]).

Πρόσεχε δὲ ἀκριβῶς, ὅταν μετρήσεις τὸ ἐν κατατομαῖς· [2]) καὶ ποιήσεις πέντε ἢ ἓξ μέρη καὶ ἑνώσεις τὰ πλάτη τούτων

царь пожаловалъ надѣляемымъ казенной землей.

Наблюдай особенную осторожность, когда измѣряешь участокъ не весь сразу, а по частямъ. Раздѣливъ его на пять

καὶ πρὸς τὸ μέρος τοῦ δημοσίου συγκρινόμενοι οἱ ἀπογραφικῶς παραλαμβάνοντες τὰ γήδια μυρίων εἰσὶ ταπεινότεροι· ὅτε μὲν οὖν παραλαμβάνουσιν ἐν τῇ ἀπογραφῇ, μείζονα δίκαιον εἶναι τὴν ὀργυιάν, ὅτε δὲ παραδιδοῦσι πιπράσκοντες, ἐλάττονα· τὴν δὲ λιβαδιαίαν καὶ ὀρεινήν, ὡς ἧττον εὔχρηστον, μείζονι ἢ ἐνδεκασπιθάμῳ ὀργυιᾷ μετροῦμεν, καὶ καλεῖται αὕτη τῶν ὑποβόλων ἡ ὀργυιά; т. е. пахотная и виноградниковая земля въ царскихъ описяхъ передается на эту оргію, почему оргія въ 11 спиѳамъ и называется царскою, при продажахъ же дѣлаемъ измѣреніе меньшей оргіей, какъ это установлено законами, въ виду вниманія къ нуждамъ бѣдныхъ. Ибо продавецъ уже потому, что онъ продаетъ, бѣднѣй покупщика, хотя на самомъ дѣлѣ это не всегда такъ; съ другой стороны, по сравненію съ цѣлымъ государствомъ, тѣ, которые получаютъ малые участки по описямъ, гораздо бѣднѣй цѣлой громады. Итакъ, когда ихъ надѣляютъ землей, справедливо мѣрять большой оргіей, а когда совершается продажа этой земли, то малой. Ливады же и горныя мѣста, какъ менѣе удобныя, измѣряемъ большой оргіей въ 11 спиѳамъ, она называется оргіей *надбавочной*.

[1]) Совершенно новый и громадный значенія экономическій фактъ открывается въ этомъ пожалованіи византійскими царями нарѣзки земли на большой палецъ въ каждой саженп. Смыслъ всего мѣста тотъ, что при надѣленіи крестьянъ землей обязательна была большая оргія, а при продажѣ крестьянскихъ земель въ частныя руки меньшая. Въ cod. Palat. 367 f. 94 находимъ слѣдующее замѣчаніе: ὅταν γὰρ ὀφείλεις ποιῆσαι τὴν οὐργίαν σοῦ, μέτρησον γρόνθους 27 ἐσφιγμένου τῆς χειρὸς τοῦ ἀντιχείρου σοῦ, εἰς δὲ τὸν 27 ὀφείλει ἁπλώνειν τὸν ἀντίχειρον, ὁ γὰρ ἀντίχειρ τρίτον ἐστὶ τῆς σπιθαμῆς, ὅντινα ἀπεχαρίσατο ὁ βασιλεὺς κῦρ Μιχαὴλ τοῖς χωρίταις, т. е. когда тебѣ нужно будетъ сдѣлать оргію, отмѣряй 27 гронеовъ, пригнувъ большой палецъ, на 27-мъ же протяни большой палецъ; большой палецъ составляетъ $^1/_3$ спиѳамы, эту величину подарилъ крестьянамъ царь Михаилъ. Что касается термина гронеъ, онъ опредѣляется въ $^1/_3$ спиѳамы; но онъ называется и четвертью, потому что обозначаетъ ширину четырехъ сложенныхъ пальцевъ, какъ это видно изъ той-же византійской рукописи: λέγεται δὲ καὶ τέταρτον διὰ τὸ τέσσαρα δάκτυλα ἔχειν, πλὴν καὶ ὁ ἀντίχειρος ἐσφιγμένος ὀφείλει εἶναι. Весьма любопытное упоминаніе о царѣ Михаилѣ мы оставляемъ пока безъ дальнѣйшихъ объясненій.

[2]) Τὸ ἐν κατατομαῖς. Рѣчь идетъ объ измѣреніи такого участка, который или самъ не имѣетъ правильной фигуры и потому не можетъ съ удобствомъ быть измѣренъ въ длину и ширину, или представляетъ такія разнообразія почвы, что вызываетъ необходимость отдѣльнаго измѣренія для каждаго вида почвы. Въ такомъ случаѣ рекомендуется раздроблять участокъ на мелкія части и измѣрять каждую часть отдѣльно. Таково именно значеніе выраженія ἡ κατατομὴ у Ирона (Hultsch S. 91). Сказавъ о способѣ измѣренія параллелограмма, раздѣленнаго на 16 прямоугольныхъ треугольниковъ, онъ замѣчаетъ: τὸ τοιοῦτον παραλληλόγραμμον καὶ μονομερῶς μετρούμενον καὶ εἰς διαφόρους κατατομὰς διαιρούμενον, ὡς δεδήλωται, συστοιχεῖ ἐπὶ πᾶσι κατ' οὐδὲν τῆς ἀληθείας ἐκπίπτον, т. е. упомянутый параллелограммъ, измѣрять-ли его просто, или раздѣлить на мелкія части—даетъ одно и то же измѣреніе.

ἰδίως καὶ τὰ μήκη τούτων ἰδίως τριπλάκις πληθύνεται ἡ γῆ εἰς τὸ εἶδος[1]).

Ὅταν ὀφείλεις ποιῆσαι μέτρον οὐργίας εἰς καλάμην ἢ εἰς ξύλον, μετατίθου τοὺς δακτύλους τῶν χειρῶν σου ἀλλεπαλλήλως· τὸ γὰρ ἔσωθεν τῶν δακτύλων ὡς ἐπίστασαι καλεῖται ἀφή· καὶ εἰ μετρηθῇ οὕτως ἡ οὐργία ὡς εἴρηται λαμβάνει τὸ καθὲν τέταρτον δάκτυλον περισσὸν καὶ γίνεται σφαλερὰ ἡ οὐργία· Ἀλλὰ τῆς μετρουμένης παρὰ σοῦ ταύτης οὐργίας ἂς[2]) ὄρῶσι κατ' ἰσότητα ἀμφότερα τὰ κύτζια τῶν δακτύλων σοῦ ἤγουν τῶν δύο σοῦ χειρῶν, καὶ οὕτως μετρηθείσης τῆς οὐργίας ἔστιν ἀκριβὴς καὶ ἀσφαλής.

Τοῦτο γὰρ λέγεται ἀντίχειρ, μεθ' ὅ κρατήσεις τὸ ξύλον ἢ τὸν κάλαμον τὸν εἰς τύπον οὐργίας μέλλοντα μετρηθῆναι. Ἐν πρώτοις τὸν μέγαν δάκτυλον τῆς μιᾶς χειρός σου στῆσον ὄρθιον, αὐτὸς γὰρ καλεῖται ἀντίχειρ, ὡς καὶ προείπομεν, τῶν δ' ἄλλων ἁπάντων εἴκοσι ἑπτὰ παλαιστῶν μετρηθέντων ἄνευ τοῦ δηλωθέντος ἀντίχειρος.

Μετὰ δὲ ταύτης τῆς οὐργίας ποίησον σχοινίον δεκαούργιον. Γίνωσκε δὲ καὶ

или на шесть частей, перемножь отдѣльно длины ихъ и ширины ихъ: трояко различается земля по виду.

Если тебѣ нужно сдѣлать примѣрную оргію изъ тростника или изъ дерева, то откладывай послѣдовательно пальцы рукъ твоихъ, ибо, какъ знаешь, внутренняя сторона пальцевъ называется осязаніемъ. И если отмѣрена будетъ оргія, такъ, какъ сказано, то на каждую четверть придется лишній палецъ, и будетъ оргія невѣрная. Но при измѣреніи твоей оргіи всѣ суставы пальцевъ твоихъ, то-есть обѣихъ рукъ, пусть будутъ одинъ противъ другаго и составятъ прямую линію: такъ измѣренная оргія будетъ точна и вѣрна.

Антихиромъ называется то, чѣмъ ты будешь держать дерево или тростникъ, имѣющій быть примѣрной оргіей. Прежде всего поставь прямо большой палецъ которой-нибудь руки твоей, онъ называется антихиромъ, какъ сказано, а прочіе всѣ 27 палестовъ откладываются безъ указаннаго антихира.

По этой оргіи сдѣлай веревку десятиоргійную. Но знай и слѣдующее. Ве-

[1]) Начиная съ выраженія τριπλάκις, которое можно читать τριπλασίως, слѣдующія 4 слова, написанныя сокращенно и не четко, мы не могли прочесть. Принятое у насъ чтеніе оставляетъ нѣкоторую неясность за этимъ мѣстомъ.

[2]) Отмѣчаемъ это мѣсто какъ важное для исторіи новогреческаго языка. Здѣсь мы имѣемъ повелит. наклоненіе настоящаго времени: ἂς ὄρῶσι κατ' ἰσότητα ἀμφότερα τὰ κύτζια τῶν δακτύλων σοῦ—пусть смотрятъ равно, т. е. пусть приходятся по прямой линіи всѣ суставы пальцевъ твоихъ или обѣихъ твоихъ рукъ. Болѣе ранній случай употребленія повелительнаго новогреческой формы имѣемъ у *Константина Порфиророднаго*, De administr. imperio p. 201: ἂς ἀποστείλῃ ὁ βασιλεὺς τουρμάρχην ἢ βασιλικόν τινα καὶ ἂς καθέζηται εἰς κάστρον τοῦ Κετζέου, καὶ ἂς θεωρῇ, т. е. да пошлетъ царь турмарха или царскаго мужа, и да сядетъ онъ въ крѣпости Кецеѣ и да наблюдаетъ.

τοῦτο· μὴ ἔστω τὸ σχοινίον, ὃ μέλλεις ποιῆσαι εἰς μέτρον δεκαούργιον ἢ δωδεκαούργιον τρίχινον, διότι ἔχει τι ὅπερ ἐστὶ δολερὸν καὶ γίνεται ἡ μέτρα ἀείποτε σφαλερά· ἐὰν γὰρ βραχῇ ἢ μερικῶς ἁπλῶς ἐν δρόσῳ συρθῇ, αὐτίκα σφίγγῃ καὶ φέρει ὕφεσιν οὐργίαν μίαν, εἶτα πάλιν ξηρανθέντος καὶ ταυριζομένου γίνονται αἱ τοῦ δεκαουργίου ὡς ἐκ τῆς χαυνώσεως καὶ τοῦ τονισμοῦ οὐργίαι ἕνδεκα, καὶ ἀείποτε σφαλερά ἐστιν ἡ τούτου μέτρα. Ἀλλὰ τὸ σχοινίον, τὸ ὀφεῖλον εἶναι εἰς μέτρον, ἔστω κανναβιτικὸν, παχὺν καὶ στερεόν. Καὶ πρότερον ποίησον κοντοπάλουκα ἔχοντος τοῦ μὲν ἑνὸς κατζίνου κάτω πλατὺν σίδηρον, ἵνα τέμνῃ καὶ σημειοῦται τὴν γῆν περὶ τὸ καθὲν σχοινίον· τὸ δ' ἄλλο σίδηρον ὀξὺν εἰς πῆξιν καὶ στάσιν ἐν τῷ σημείῳ τοῦ προτέρου, ἐχόντων καὶ ἀμφοτέρων παλλων[1]) τῶν κοντίων τῶν αὐτῶν σημείων σιδηρὰ στερεὰ κρικέλλια. Ἐν τούτοις ἀποδεθήτωσαν ἄκραι τοῦ σχοινίου καὶ βουλλωθήτωσαν διὰ μολυβδινῆς βούλλης. Ἑκάστης δὲ οὐργίας τοῦ σχοινίου κρεμασθήτω βάμμα χονδρὸν εἰς δήλωσιν τῶν οὐργιῶν. Ἀλλὰ καὶ ἡ οὐργία τοῦ ξύλου ἢ τοῦ καλάμου διὰ τὸ ἀσφαλὲς ἔστω ἄνω καὶ κάτω διὰ μολυβδινῆς βούλλης ἐσφραγισμένη, ὡς ἂν ἐκ τούτου τοῦ σημείου πᾶσα ἡ μηχανὴ τῶν χωριτῶν ἐκδικᾶται. Εἰ γὰρ εἶσιν οἱ πάλλοι μακροὶ ἔνθα τὸ τῆς μέτρας σχοινίον δεδεμένον, κλινομένου τούτου παρὰ τῶν ἑλκόντων τοῦτο ревка, которую имѣешь сдѣлать мѣрой въ десять или двѣнадцать оргій, не должна быть волосяная, ибо въ ней есть нѣчто измѣнчивое, почему всегда будетъ мѣра не вѣрная. Если она или даже если только часть ея попадетъ на росу, то она сейчасъ скрутится и окоротаетъ на одну оргію; когда же высохнетъ и будетъ натянута, то удлинится свыше мѣры, такъ что десятиоргійная веревка обратится въ одиннадцатиоргійную, и во всякомъ случаѣ обманчива такая мѣра. Но веревку, долженствующую быть мѣрой, слѣдуетъ приготовлять изъ конопля и вить толстую и крѣпкую. И прежде всего сдѣлай шестъ или колъ, и на одинъ конецъ его насади широкій желѣзный сошникъ, чтобы онъ рѣзалъ и бороздилъ землю при отложеніи каждой веревки; другой колъ долженъ быть заготовленъ съ острымъ желѣзнымъ наконечникомъ, чтобы его втыкать и укрѣплять на обозначенномъ первымъ мѣстѣ. Оба шеста или кола снабжаются крѣпкими желѣзными кольцами, къ которымъ прикрѣпляются концы веревки и припечатываются оловянной печатью. Каждая оргія на веревкѣ для вѣрности обозначается привѣской толстаго краснаго шарика. Но и оргія изъ дерева или тростника для безопасности должна быть сверху и снизу отмѣчена оловянной печатью, дабы тѣмъ устранить всякое коварство со стороны крестьянъ. Ибо если будутъ длинные шесты, къ которымъ прикрѣпляется землемѣрная веревка, то при наклонѣ ихъ въ-ту

[1]) Cod. имѣетъ здѣсь $\pi\lambda^{\eta}$, что можно читать πλησίων. Но мы затруднились бы истолковать подобное чтеніе.

λαμβάνει ἕκαστον σχοινίον σπιθαμὰς πέντε ἤτοι τὸ ἥμισυ τοῦ σχοινίου ἢ καὶ πλεῖον. Εἰ δὲ καὶ ἀβούλλωτον τό τε σχοινίον καὶ ἡ ὀργία ὑπάρχει, λέγουσιν ἑκάστῃ ὥρᾳ οἱ χωρῖται, ὅτι κοντή ἐστιν ἡ ὀργία ἢ τὸ σχοινίον τὸ δωδεκαόργυιόν ἐστιν ἐνναόργυιον, καὶ φροντίζουσι τοῦτο πυκνῶς, καὶ ἴσως κατὰ τύχην εἰ εὕρωσιν τὸ σχοινίον ἄχρι ἥμισυ σπιθαμῆς ἐλλεῖπον, ἀναιροῦσι καὶ ἀκυροῦσι τὴν ἅπασαν μέτραν καὶ ὡς οὐδὲ γεγονυῖαν ταύτην λογίζεσθαι [1]).

Εἶθ' οὕτως ἀπάρξου ποιεῖν τὴν μέτραν τῆς ἀρωσίμου καὶ καθαρᾶς γῆς καὶ τῶν ἀμπελώνων, ἐν οἷς οὐκ ἔστιν εὔτιμον μετρᾶσθαι τοὺς ἀμπε-

сторону, куда тянутъ веревку, эта послѣдняя получаетъ надбавки спиѳамъ пять или половину оргіи и даже больше. А если веревка и оргія не снабжена печатью, ежечасно крестьяне жалуются, что оргія коротка или что веревка не въ двѣнадцать, а въ девять оргій, и еслибы случайно веревка оказалась короче надлежащей мѣры хотя на полспиѳаму, крестьяне объявляютъ не дѣйствительнымъ все измѣреніе и считаютъ его совсѣмъ несостоявшимся.

Потомъ начинай измѣреніе плодородной и чистой земли и виноградниковъ, если по отношенію къ послѣднимъ не существуетъ обычая измѣренія шестомъ

---

[1]) Эти драгоцѣнныя подробности о способѣ измѣренія мелкихъ крестьянскихъ участковъ могутъ объяснить многія темныя мѣста у писателей и въ земельныхъ актахъ. При разверсткѣ или обмежеваніи мелкихъ участковъ имѣлось въ виду съ одной стороны установить норму крестьянскаго надѣла, съ другой же опредѣлить сумму земельной подати съ каждаго хозяйства. Такимъ образомъ, здѣсь постоянно вступалъ въ явную или тайную борьбу интересъ облагаемыхъ податью и представителей администраціи. Прежде всего рѣшался вопросъ о томъ, какой сокарь употреблять: двѣнадцати-или десятисаженный,—это зависѣло отъ качествъ измѣряемаго участка и другихъ условій. Затѣмъ, сокарь или веревка привязывалась къ колу, и тѣ, которые тянули веревку, могли натянуть ее слабо или сильно; во второмъ случаѣ колъ наклонялся въ сторону тяги, а потому другой конецъ веревки могъ приходиться дальше и ближе согласно степени наклона кола. Послѣ отложенія количества сокарей по всѣмъ сторонамъ измѣряемаго участка, предстояло выразить величину владѣнія въ модіяхъ. Это тоже не совсѣмъ легкая операція, при которой весьма возможно было дать преобладаніе одной сторонѣ надъ другой. Мы имѣемъ прекрасное мѣсто въ письмахъ Ѳеофилакта Болгарскаго, который жалуется именно на неправильное переложеніе веревокъ въ модіи (Patrologiae cursus completus, series graeca, t. CXXVI p. 452): ἐπὶ δὲ τῇ παραδόσει τῆς γῆς σχοινίου μέτρον κολοβοῖ, καὶ ἔτι περὶ τὴν τοῦ μοδισμοῦ συναρίθμησιν ἀμαθέστατα πράττει· ποῦ γὰρ αὐτῷ γεωμετρίας λόγους εἰδέναι, т. е. при отмежеваніи земли (землемѣръ или переписчикъ) употребляетъ сокарь незаконной мѣры и при переложеніи сокарей на модіи позволяетъ себѣ грубѣйшія ошибки: ибо какъ ему знать законы геометріи? Въ концѣ концовъ нужно было опредѣлить платежную силу участка, т. е. квалифицировать его доходность и обозначить его податную способность. Объ этомъ находимъ, между прочимъ, въ письмахъ Михаила Акомината (Λαμπρος 11, 66) слѣдующее мѣсто: διορισθήτω καταλογίζεσθαι τὸν ἀναγραφέα τὸν γεωμετρούμενον γήδια τοσούτων μοδίων τῷ νομίσματι ὅσων καὶ ταῖς ἀγχιθυρούσαις χώραις ἡμῖν κατελογίσθησαν, т. е. да будетъ опредѣлено, чтобы переписчикъ, измѣривающій мелкіе участки, считалъ бы на номисму столько же модіевъ, сколько полагается въ сосѣднихъ мѣстахъ.

λῶνας μετὰ καλάμου, ἢ (κατὰ) τάξιν χιλιάδων καὶ πλέθρων, ἀλλ' εἰς μοδισμὸν λογιζόμενος·[1]) τῶν γὰρ ἀμπελώνων τῶν εἰς μέτρον πλέθρων καὶ χιλιάδων μετρουμένων ἄλλο ἐστὶ τὸ τούτων μέρος. Καὶ ἐκεῖνον καὶ ἐν τούτοις τοῖς μέτροις ἀκριβῶς ἑρμηνεύσομεν.

Γίνωσκε δὲ καὶ τοῦτο, ὅπερ ἐστὶ τοῖς πολλοῖς ἄγνωστον. Τοῦ ἑνὸς μοδίου ἡ γῆ ἔχει λίτρας τεσσαράκοντα[2]), δέχεται

или по системѣ хиліадъ и плетровъ, но если счетъ при измѣреніи ведется на модіи. Ибо относительно виноградниковъ, измѣряемыхъ по системѣ хиліадъ и плетровъ, существуетъ другой способъ. Относительно этого способа мы сдѣлаемъ необходимыя объясненія.

Знай и это, чего не знаютъ многіе. Модій земли имѣетъ 40 литръ, считается же оргія квадратная, т. е. въ

[1]) Прежде всего здѣсь обращаетъ на себя вниманіе разница системы измѣренія пахотныхъ полей и виноградниковъ. Для измѣренія виноградныхъ плантацій употребительны были слѣдующіе способы измѣренія, кромѣ обыкновенной мѣры на модіи: 1) κάλαμος, т. е. прутъ или шестъ извѣстной величины и 2) система хиліадъ и плетровъ. Что касается κάλαμος въ смыслѣ единицы измѣренія, его величина опредѣляется у Ирона (S. 140) въ $6^2/_3$ локтей, этотъ же послѣдній (ὁ πῆχυς) имѣетъ $2^2/_3$ спиѳамы или пяди. Κάλαμος отожествляется еще съ ἄκαινα, которая имѣетъ 10 стопъ. Эти данныя приводитъ къ выводу, что κάλαμος есть единица измѣренія бо́льшая оргіи или сажени. Cod. Palat. 367 f. 96 даетъ ближайшее обозначеніе величины калама: ὀφείλει ἔχειν τὸ καλάμιον σπιθαμὰς 14, ἢ τετάρτων 42, ἡ γὰρ σπιθαμὴ ἔχει τέταρτα τρία, ἡ ὀργυιὰ ἔχει σπιθαμὰς 9 βασιλικάς, т. е. каламій долженъ имѣть 14 спиѳамъ или 42 четверти, ибо спиѳама имѣетъ три четверти, оргія девять царскихъ спиѳамъ. Слѣдовательно, разница между единицей измѣренія пахотныхъ полей и виноградниковъ сводится къ разницѣ между 14 и 9. Такъ какъ шестъ, употребляемый для измѣренія виноградниковъ въ полтора раза больше шеста или оргіи, которою измѣряется пахотная земля, то очевидно въ первомъ измѣреніи наблюдаема была особенная система, которой цѣль, какъ можно судить по нижеприведеннымъ ариѳметическимъ задачамъ, состояла не въ опредѣленіи площади виноградной плантаціи, а числа виноградныхъ лозъ. Объ измѣреніи виноградныхъ плантацій мы приводимъ ниже нѣсколько отрывковъ, по которымъ можно составить себѣ понятіе объ особенностяхъ этой системы.

[2]) Это отношеніе вѣса и мѣры опредѣлено у Ирона (*Hultsch*, S. 48), которымъ вѣроятно пользовался и нашъ авторъ. Χρὴ δὲ γινώσκειν καὶ τοῦτο, ὅτι ὁ σπόριμος μόδιος ἔχει λίτρας τεσσαράκοντα· μία δὲ ἑκάστη λίτρα σπείρει γῆν ὀργυιῶν πέντε; т. е. должно знать, что модій пахотной земли имѣетъ 40 литръ, каждая литра засѣваетъ пять оргій.

Πλάτος	γὰρ	καὶ	μῆκος	ὀργυιῶν	πέντε	ποιοῦσι	λίτραν	μίαν
»	»	»	»	»	δέκα	»	λίτρας	β′
»	»	»	»	»	ιε′	»	»	γ′
»	»	»	»	»	ρ′	»	»	κ′
»	»	»	»	»	σ′	»	»	μ′

Αἱ σ′	ὀργυιαὶ	εἰσὶ	τόπος	μοδίου	ἑνὸς
Αἱ τ′	»	»	»	»	$1^1/_2$
» 400	»	»	»	»	2
» 500	»	»	»	»	$2^1/_2$
» 1000	»	»	»	»	5

δε περίμετρον [1]) ἐνωτούμενον σοῦ ὀργυιᾶς, ἤγουν μιᾶς ἑκάστης λίτρας οὐργίαι πέντε, ἤγουν πεντάϊ τεσσαράκοντα διακόσιαι, αἱ ἑκατὸν οὐργίαι λίτρας εἴκοσι, ἤγουν μοδίου τὸ ἥμισυ, αἱ πεντήκοντα οὐργίαι λίτρας δέκα, ἤγουν μοδίου τὸ τέταρτον, αἱ εἴκοσι πέντε οὐργίαι λίτρας πέντε, μοδίου τὸ ὄγδοον [2]).

Ἔχει ὁ ὅλος μόδιος οὐγγίας 480 [3]), στατῆρας 2880, ἤγουν μιᾶς ἑκάστης οὐγγίας στατῆρας ἓξ [4]), ἐστὸν τὸ ἓν

каждой литрѣ пять оргій или 5×40=200. Сто оргій составляютъ 20 литръ или половину модія; 50 оргій равны 10 литрамъ или одной четверти модія; 25 оргій составляютъ 5 литръ или $^1/_8$ модія.

Въ цѣломъ модіѣ 480 унцій, эксагіевъ 2880, т. е. каждая унція имѣетъ 6 эксагіевъ; каждый эксагій вѣситъ 24

[1]) Относительно выраженія περίμετρος заимствуемъ изъ сочиненія Ирона слѣдующее опредѣленіе (*Hultsch* S. 45): Περίμετρος δὲ ἡ κέντρου δοθέντος καὶ διαστήματος περιφερομένη γραμμὴ ἔχουσα τὰς ἀπὸ τοῦ κέντρου ἐπ' αὐτὴν ἀγομένας εὐθείας ἴσας.

[2]) Далѣе авторъ переходитъ къ той части своего сочиненія, которая дѣйствительно «мало извѣстна». Въ одномъ изъ предыдущихъ примѣчаній мы имѣли дѣло съ модіемъ въ смыслѣ земельной мѣры. Этотъ модій поставленъ въ опредѣленныя отношенія къ литрѣ—единицѣ вѣса и денежному знаку. Теперь намъ предлагаются детальныя свѣдѣнія, имѣющія спеціальный интересъ по вопросу о мѣрѣ, вѣсѣ и денежныхъ знакахъ, приведенныхъ къ одному общему началу. Извѣстно, сколько еще трудностей предстоитъ изслѣдователю въ изученіи метрологіи, предмета мало разработаннаго и во многихъ частяхъ бѣднаго изданными матеріалами. Въ послѣднія десятилѣтія по византійской метрологіи появились два изданія, проливающія свѣтъ на дѣло: 1) *Hultsch*, Metrologicorum scriptorum reliquiae, Leipzig 1864—1866, и 2) въ приложеніи къ XV тому издаваемаго въ Константинополѣ эллинскимъ ученымъ обществомъ журнала Σύλλογος работа г. *Пападопуло-Керамевса;* въ послѣдней находимъ весьма важные отрывки о вѣсѣ и мѣрахъ Моисея Хоренскаго (V в.) и Ананія Сиракина (VII в.), которые всего ближе подходятъ для объясненія занимающаго насъ памятника.

[3]) Въ модіѣ 480 унцій. Очевидно, количество унцій дается вслѣдствіе вышеуказаннаго отношенія литры къ модію: 40 литръ составляютъ модій. Литра же, называемая иначе ἡ λογαρικὴ λίτρα (Cod. Palat. № 367 f. 88 v.), соотвѣтствуетъ аптекарскому фунту и имѣетъ 12 унцій: μεριζομένη δὲ ἡ λίτρα ποιεῖ οὐγγίας ιβ', или: σταθμὸς ιβ' οὐγγιῶν καλεῖται λίτρα.

[4]) Что модій имѣетъ 2880 статировъ, это дается понять и въ текстѣ, гдѣ сказано, что каждая унція имѣетъ 6 статировъ: 40×12=480; 480×6=2880. Но въ этомъ отношеніи данныя нашего памятника находятся въ противорѣчіи съ фактомъ установленнымъ въ метрологіи: μεριζομένη ἡ λίτρα ποιεῖ οὐγγίας 12, σίκλους 48, στάγια 72, στατῆρας 96; т. е. что $^1/_6$ унціи есть στάγιον иначе ἑξάγιον. Стагій или эксагій, иначе номисма или перперъ, есть весьма употребительная въ Византіи денежная единица, всего чаще встрѣчающаяся въ памятникахъ. Она раздѣляется на кератіи, которыхъ имѣетъ въ себѣ 24, въ каждомъ кератіѣ 2 лепты, въ лептѣ 2 коккія (или фолла?); слѣдовательно въ номисмѣ или стагіѣ 24 кератія, 48 лептъ, 96 коккіевъ. Что касается статира, то источники даютъ

ἑξάγιον ξυλόκοκκα 24, τὸ ἓν ξυλόκοκκον ἱστὸν σιτόκοκκα πέντε, ὡς γινόμενος τοῦ ἑνὸς ἑξαγίου ὁ σταθμὸς σιτόκοκκα 120[1]), ἡ μία οὐγγία ἔχει ξυλόκοκκα 144, σιτόκοκκα 720, ἡ μία λίτρα ἔχει ξυλόκοκκα 1728, σιτόκοκκα 8640[2]). Τὸ πέντε λίτραι ἔχει κοκκία χιλιάδας 43 καὶ κοκκία 200, τὸ δέκα λίτραι ἔχει κοκκία χιλιάδας 86 καὶ κοκκία 400[3]) καὶ στοιχεῖ τὸ ὅλον μόδιον ἤγουν τὰς τεσσαράκοντα λίτρας τὸ σιτηρὸν κοκκία μυριάδας λδ ͵εχ[4]) καὶ ἐμβαίνει

ксилококка, каждый ксилококкъ 5 ситококковъ. Такъ что вѣсъ одного эксагія 120 ситококковъ. Въ унціи 144 ксилококка, 720 ситококковъ. Литра имѣетъ 1728 ксилококковъ, 8640 ситококковъ. Пять литръ имѣютъ 43200 кокковъ, десять литръ 86400 кокковъ. Цѣлый модій или 40 литръ составляютъ жита 345600 кокковъ. Треть этого числа принимается въ счетъ модіевъ въ урожайные или удачные годы, треть (вѣроятно одной трети

ему другое значеніе и смыслъ. Ананій Сиракинъ опредѣляетъ его такъ: σταθμὸς ἡμίσεως καὶ γραμμαρίου καλεῖται ἑβραϊστὶ μὲν στατὴρ, ἑλληνιστὶ δὲ ὀβολός, т. е. вѣсъ половины (=12 кератіевъ) и граммарія (=6 кератіевъ) называется по еврейски статиръ, по гречески оволъ. Ясно, что статиръ оказывается меньше номисмы на $^1/_4$, такъ какъ въ первомъ 18 кератіевъ, во второй 24; статиръ равняется $^1/_8$ унціи, а номисма $^1/_6$, какъ и свидѣтельствуетъ объ этомъ Сиракинъ: κατὰ δὲ τὴν κοινὴν γλῶσσαν ὁ στατὴρ καλεῖται δραχμὴ, ἤ ἐστι τὸ η´ (то-есть $^1/_8$) τῆς οὐγγίας. Разница между номисмой и статиромъ сводится поэтому къ тому, что въ унціи номисмъ 72, а статировъ 96. Въ концѣ концовъ, въ нашемъ текстѣ мы должны признать порчу, почему и предпочитаемъ чтеніе στάγια или ἑξάγια вмѣсто στατῆρας.

[1]) Вѣситъ же каждый эксагій ксилококковъ 24, каждый ксилококкъ вѣситъ 5 ситококковъ, такъ что вѣсъ каждаго эксагія составляетъ 120 ситококковъ. Эксагій, какъ мы видѣли выше, есть $^1/_{72}$ часть литры, и имѣетъ болѣе употребительное названіе номисмы или перпера, на который всего чаще ведется счетъ. Номисма раздѣляется на 24 кератія: σταθμὸς 24 κερατίων ποιεῖ στάγιον ἕν... μεριζομένου δὲ τοῦ σταγίου γίγνονται... κεράτια 24, λεπτὰ 48 καὶ κόκκοι 96. Авторъ комментируемаго сочиненія даетъ здѣсь обращикъ соотношенія денежныхъ цѣнностей съ хлѣбомъ. Ксилококки вполнѣ совпадаютъ съ кератіями, ибо какъ тѣхъ такъ и другихъ въ эксагіѣ полагается 24. А какъ на каждый ксилококкъ идетъ по 5 ситококковъ, то послѣднихъ въ эксагіѣ будетъ 120 (т. е. 24×5).

[2]) Количество ксилококковъ и ситококковъ въ унціи опредѣляется помноженіемъ 24 и 120 на 6, такъ какъ въ унціи 6 номисмъ: 24×6=144, 120×6=720. Количество ксилококковъ и ситококковъ въ литрѣ опредѣляется помноженіемъ 144 и 720 на 12, такъ какъ въ литрѣ 12 унцій: 144×12=1728, 720×12=8640.

[3]) Въ пяти литрахъ коккіевъ 43200. Хотя не сказано, какіе коккіи разумѣются здѣсь, но цифра 43200 получается посредствомъ помноженія 8640 ситококковъ на 5, слѣдовательно разумѣются ситококки. Точно также слѣдуетъ понимать и вдвое взятое послѣднее число, представляющее 86400 коккіевъ въ 10 литрахъ.

[4]) Приравнивается модій, т. е. 40 литръ къ 345600 коккіевъ жита. Сумма опредѣляется посредствомъ помноженія 8640 (количество ситококковъ въ 1 литрѣ) на 40.

εἰς μοδισμόν εὐφορίας ἤγουν ἐπιτυχίας τὸ τρίτον [1]), μέσους τὸ τρίτον καὶ ἀστόχου τὸ λεῖον, πλήρους τὸ τρίτον καὶ ἐνίσταται ὁ μόδιος τοῦ σίτου διὰ τῶν τριῶν ποιοτήτων σταθμῶν καὶ μετρολογιῶν σιτόκοκκα μυριάδας λδ καὶ ξχ, γινόμενα ἀμφότερα χιλιάδες τμε χ [2]).

Τὸ παρὸν τόπον εὑρέθη ἔχον πρὸς μεν τὴν κεφαλὴν σχοινίον ἕν, πρὸς δε τὸν πόδα σχοινίον ἓν· ὁμοῦ σχοινίων δύο, τὸ ἥμισυ τούτων σχοινίον ἕν· ὡσαύτως εὑρέθη καὶ τὸ ἓν πλάγιον ἔχον σχοινία δύο καὶ τὸ ἕτερον πλάγιον ὁμοίως σχοινία δύο, ὁμοῦ σχοινία τέσσαρα, τὸ δὲ ἥμισυ τούτων σχοινία δύο. Εἰθ' οὕτως ἐνώτησον τὰ δύο σχοινία τῶν δύο πλαγίων μετὰ τοῦ ἑνὸς σχοινίου τῆς κεφαλῆς καὶ τοῦ ποδὸς, εἰπὼν· δίς μίαν δύο, τὸ ἥμισυ τῶν δύο ἕν, καὶ ἔστι ὁ τοιοῦτος τόπος γῆ μοδίου ἑνός [3]).

Τοῦ παρόντος τόπου εὑρέθη ἡ κεφαλὴ ἔχουσα σχοινίων 4 καὶ ὁ ποῦς σχοινία 4, ὁμοῦ σχοινία 8· δίωξον τὸ ἥμισυ τούτων ἤγουν τὰ τέσσαρα καὶ

указаннаго числа?) въ случаѣ средняго урожая, треть (вѣроятно противъ нормы средняго урожая) въ случаѣ полнаго неурожая. Такимъ образомъ модій жита по качеству, вѣсу и мѣрѣ составляютъ 345600 ситококковъ.

Данное мѣсто имѣетъ въ вершинѣ 1 веревку, въ основаніи 1 веревку, всего 2 веревки, а половина будетъ 1 веревка. Одна сторона имѣетъ 2 веревки, другая тоже 2, всего 4 веревки, половина же будетъ 2. Теперь помножь 2 веревки двухъ сторонъ на одну вершины и основанія, сказавъ: дважды одна двѣ, половина двухъ одна. Данное мѣсто будетъ заключать 1 модій земли.

Настоящее мѣсто имѣетъ въ вершинѣ 4 веревки, въ основаніи 4 веревки, всего 8. Вычти изъ этого половину, или 4, и скажи: половина осьми четыре.

---

[1]) О хозяйственномъ разсчетѣ по доходности 3 лѣтъ будетъ рѣчь впереди.

[2]) И бываетъ въ модіѣ хлѣба по качеству, по вѣсу и по мѣрѣ 345600 ситококкіевъ. Слѣдуетъ обратить вниманіе, что рѣчь начата была съ модія пахатной земли, а закончилась модіемъ жита, именно хлѣбной мѣрой того же имени. Модій въ смыслѣ хлѣбной мѣры заключалъ въ себѣ 22 ксеста: μέτρον κβ' ξεστῶν ποιεῖ μόδιον ἕνα. Что же касается ксеста, то такъ называлась мѣра въ 2 литры, эллинскій ксестъ нѣсколько менѣе 2 литръ. Такимъ образомъ, модій какъ мѣра приравненъ былъ также къ литрѣ и заключалъ въ себѣ около 40 литръ. Собственно важнѣйшій интересъ изучаемаго памятника и заключается въ указаніяхъ на соотношеніе между вѣсомъ и мѣрой равно какъ на соотвѣтствіе между денежными знаками и хлѣбной мѣрой. См. ниже таблицу.

[3]) Въ первомъ примѣрѣ дана схема модія: основаніе и противолежащая по 1 сокарю, стороны по 2 сокаря. Относительно общихъ правилъ, наблюдаемыхъ при переводѣ сокарей въ модіи, см. выше.

εἰπέ· ἥμισυ τῶν ὀκτὼ τέσσαρες. Ὁμοίως εὑρέθη τὸ ἓν πλάγιον ἔχον σχοινία 4 καὶ τὸ ἕτερον ὁμοίως σχοινία 4, ὁμοῦ σχοινία ὀκτὼ, δίωξον ἀπ' αὐτῶν τὸ ἥμισυ ἤγουν τὰ τέσσαρα σχοινία καὶ εἰπέ· ἥμισυ τῶν ὀκτὼ τέσσαρες. Εἶθ' οὕτως ἐνώτησον τὰ τέσσαρα σχοινία τῆς κεφαλῆς καὶ τοῦ ποδὸς μετὰ τῶν κάτωθεν σχοινίων τῶν δύο πλαγίων, εἰπὼν οὕτως· τετράκις τέσσαρες 16, κόψον τὸ ἥμισυ οὕτως· ἥμισυ τῶν 16 ὀκτώ, καὶ ἔστιν ὁ τοιοῦτος τόπος γῆ μοδίων 8.

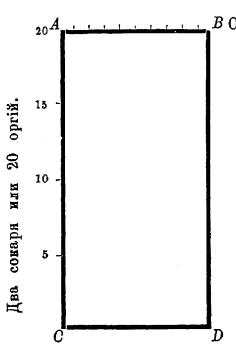
Τοῦ παρόντος τόπου εὑρέθη ἡ κεφαλὴ ἔχουσα ὀργιῶν δέκα, ὁ ποὺς ὀργιῶν δέκα, ὁμοῦ ὀργίαι εἴκοσι, τὸ ἥμισυ τούτων ὀργίαι δέκα, τὰ δύο πλάγια ὀργιῶν τεσσαράκοντα, τὸ ἥμισυ τούτων ὀργίαι εἴκοσι· καὶ ἐνώτησον τὰς δέκα ὀργίας μετὰ τῶν εἴκοσι καὶ εἰπέ οὕτως· δέκαϊ εἴκοσι διακόσιοι, καὶ ἔστιν ἡ γῆ μοδίου ἑνός [1]).

Точно также одна сторона имѣетъ 4 веревки и другая 4, вмѣстѣ 8; вычти половину или 4 и скажи: половина 8 четыре. Потомъ помножь 4 веревки вершины и основанія на веревки двухъ сторонъ, сказавъ такъ: четыре раза четыре 16, раздѣли на два такъ: половина 16 восемь. Данное мѣсто заключаетъ 8 модіевъ земли.

Данное мѣсто имѣетъ въ вершинѣ 10 оргій, въ основаніи 10, все вмѣстѣ 20, половина будетъ 10; двѣ стороны всего имѣютъ оргій 40, половина будетъ 20 оргій. Помножь 10 оргій на 20 и скажи такъ: десять разъ 20 двѣсти. Это будетъ земля въ 1 модій.

---

[1]) Первый и третій примѣръ предполагаетъ одну и ту же геометрическую фигуру модія:



CD основаніе, *AB* противолежащая, *AC* и *BD* стороны. Основаніе и противолежащая по 1 сокарю или по 10 саженъ, стороны по 2 сокаря или по 20 саженъ.

Приведенный трактатъ, который заслуживаетъ того, чтобы его назвать изслѣдованіемъ по византійской метрологіи и по разнымъ вопросамъ, имѣющимъ отношеніе къ сельскому хозяйству, въ цѣльномъ своемъ составѣ представляетъ совсѣмъ единичное явленіе въ литературѣ. Мы пытались дать объясненіе встрѣчающимся въ немъ техническимъ выраженіямъ и указать важность сообщаемыхъ въ немъ данныхъ, на сколько располагали для того научными средствами. Несомнѣнно, комментарій можно было бы увеличить, если бы имѣть въ виду обобщенія, такъ какъ памятникъ касается очень важныхъ и интересныхъ вопросовъ экономической жизни. Главнѣйшими данными слѣдуетъ признать:

1) указаніе употребительнѣйшихъ въ хозяйствѣ земельныхъ мѣръ. Точное выясненіе терминовъ этого рода имѣетъ большую важность, такъ какъ вообще свѣдѣнія въ этой области весьма ограничены. У нашего писателя употребляются именно тѣ метрическіе термины, которые сплошь и рядомъ встрѣчаются у писателей, напримѣръ у Константина Порфиророднаго, и которые комментаторъ этого писателя оставилъ безъ объясненій. Но что въ особенности увеличиваетъ цѣну метрологическихъ сообщеній нашего памятника, это то, что въ немъ разъясненъ весьма полно и удовлетворительно вопросъ о византійскомъ модіѣ, о которомъ были самыя неопредѣленныя представленія. Точно также въ немъ въ первый разъ получаетъ ясный смыслъ система измѣренія земли сокарями или веревками и саженями или оргіями, такъ какъ эти мѣры поставлены въ опредѣленное отношеніе съ одной стороны къ спиѳамѣ, византійской четверти, съ другой къ модію, то-есть византійской единицѣ квадратныхъ мѣръ.

2) Во всей литературѣ нѣтъ болѣе яснаго указанія на три качества земли, что имѣетъ громадную важность для изученія организаціи въ Византіи крестьянскаго хозяйства, помѣстной системы, военной службы съ пожалованнаго помѣстья и т. п.

3) Нѣтъ нужды говорить, какъ любопытно и какую важность пріобрѣтаетъ извѣстіе, что византійскіе цари при надѣленіи крестьянъ казенной землей узаконили въ интересахъ крестьянскаго сословія производить измѣреніе большой саженью. Эта внимательность къ нуждамъ мелкаго крестьянскаго землевладѣнія соотвѣтствуетъ духу новеллъ царей X вѣка, ополчившихся съ безпримѣрной энергіей противъ властелей и динатовъ.

4) Наконецъ, нельзя не упомянуть объ необычныхъ въ греческомъ выраженіяхъ κοντοπάλουκα и κατζίνου, которыя могутъ объясняться изъ славянскаго языка и указываютъ на употребленіе славянами и греками одной и той же системы измѣренія земли.

Метрологическія данныя занимаютъ, однако, по своей полнотѣ и подробности первостепенное мѣсто въ нашемъ памятникѣ. Мы имѣемъ основанія предполагать, что византійская система мѣръ можетъ быть съ значительною точностью передана старорусскими терминами. Припомнимъ, что при измѣреніи

земли употребительныя мѣры сводятся къ спиѳамѣ и оргіи. Спиѳама состоитъ изъ 12 дактиловъ, или 6 кондиловъ, или 3 палестовъ. Употребляя пріемъ, рекомендуемый въ нашемъ памятникѣ, можно получить мѣру вѣрной спиѳамы, если отложить на деревѣ или тростникѣ три раза по 4 пальца, т. е. три кисти руки безъ большаго пальца. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что это мѣра нашей четверти, и что спиѳама, слѣдовательно, вполнѣ можетъ быть названа этимъ русскимъ именемъ. Вторая важнѣйшая мѣра, въ которую спиѳама входитъ какъ составная часть, есть оргія. Эта послѣдняя была большая или царская и малая или обыкновенная. Въ первой было 11 четвертей, во второй $9^1/_4$. Само собой разумѣется, нѣтъ нужды много задумываться, чтобы назвать сажень эквивалентомъ византійской оргіи. Вопросъ заключается только въ томъ, предположить ли небольшую разницу между византійскою и русскою саженью или считать ту и другую равными. Извѣстно, что на Руси трехъ-аршинная сажень смѣнила собой сажень въ 2 или въ $2^1/_2$ аршина, въ древнее время употреблялась малая сажень. Въ памятникахъ первая называется царскою или печатной, вторая употребляется въ сельскомъ быту и до сихъ поръ подъ названіемъ косой или маховой; любопытно, что и мѣра ея та-же, какая дана въ нашемъ памятникѣ, т. е. разстояніе отъ подошвы лѣвой ноги до конца поднятой вверхъ правой руки. Съ 16 столѣтія только получила преобладаніе въ Россіи большая сажень въ 3 аршина. Слѣдовательно, если при сравненіи единицъ мѣры останавливаться на древней двухъ-аршинной или маховой и косой сажени, что̀ и необходимо, то ясно, что византійская оргія окажется вполнѣ соотвѣтствующей древней нашей сажени и что замѣна одного термина другимъ весьма законна.

Для измѣренія земельныхъ участковъ сажень рѣдко употреблялась въ качествѣ мѣры. Въ земельныхъ актахъ чаще встрѣчаемъ сокарь или веревку какъ единицу измѣренія. Сокарь или веревка была общеизвѣстной мѣры, въ 10 или въ 12 саженей. Разница величины сокаря зависѣла частію отъ качествъ измѣряемой земли, частію отъ цѣлей измѣренія. Вообще большой сокарь употреблялся тамъ, гдѣ измѣрялись значительные участки, въ которыхъ кромѣ пахатной и удобной земли могли случаться заросли, овраги, каменистыя мѣста и проч. Большимъ сокаремъ мѣрялись также крестьянскія земли.

Таковы мѣры линейныя, которыя съ помощію правилъ практической геометріи переводились въ квадратную мѣру. Система счета по модіямъ развита въ нашемъ памятникѣ весьма удовлетворительно, приведено даже нѣсколько примѣровъ переложенія саженей и веревокъ въ модіи. Основаніемъ счета по модіямъ (такъ называлась и мѣра сыпучихъ тѣлъ въ 40 литръ) служила слѣдующая теорема: геометрическій модій имѣетъ 40 литръ. Литра же приведена въ соотношеніе къ сажени по тому соображенію, что на засѣвъ 5 кв. саженей земли потребна 1 литра жита. А какъ 40 литръ могутъ засѣять поверхность въ 40 разъ больше, чѣмъ 1 литра, то геометрическій модій принятъ былъ какъ пло-

щадь въ 200 кв. сажень. На этомъ основываются всѣ подробности системы модіевъ. Византійскіе землемѣры имѣютъ въ своемъ модіѣ такой прямоугольникъ, одна сторона котораго равна 20, другая 10 саженямъ. Отличіе отъ русской системы измѣренія плоскостей заключается только въ томъ, что нашъ прямоугольникъ (десятина) больше: одна сторона 60, другая 40 сажень; иначе говоря, десятина въ 12 разъ больше модія. Не входя въ изслѣдованіе основаній, почему наша квадратная единица мѣры названа десятиной, замѣтимъ, что въ практическомъ отношеніи модій представляетъ гораздо больше удобствъ, чѣмъ десятина, ибо византійскій землемѣръ весьма легко могъ достигнуть точнаго измѣренія съ какой бы неправильной фигурой ни пришлось ему имѣть дѣло: ему легче откладывать два сокаря въ одну сторону и одинъ въ другую, чтобы получить модій, чѣмъ русскому землемѣру, въ тѣхъ же условіяхъ имѣющему дѣло съ гораздо большими мѣрами.

При переложеніи сокарей на модіи нужно перемножить между собой стороны (ширину на длину) и сумму раздѣлить на 2. Стороны получаются посредствомъ раздѣленія на 4 всей суммы сокарей, полученныхъ отъ измѣренія окружности участка. При переложеніи саженей на модіи нужно также и тѣмъ же способомъ опредѣлить стороны, затѣмъ помножить ширину на длину и произведеніе раздѣлить на 200.

Для наглядности представляемъ таблицу употребительнѣйшихъ названій денежныхъ знаковъ, которую любопытно сравнить съ хлѣбными мѣрами:

κεντηνάριον	1							
λίτρα	100..	1						
οὐγγία	1200..	12..	1					
νόμισμα	7200..	72..	6..	1				
δραχμή (στατὴρ?)	9600..	96..	8..	$1\frac{1}{3}$..	1			
γραμμάριον	28800..	288..	24..	4	..	3..	1	
μιλιαρίσιον	86400..	864..	72..	12	..	9..	3..	1
κεράτιον	172800..	1728..	144..	24	..	18..	6..	2..1
ὀβολὸν πλι λεπτόν	345600..	3456..	288..	48	..	36..	12..	4..2..1
κοκκίον πλι σιτάριον	691200..	6912..	576..	96	..	72..	24..	8..4..2

II.

Сообщаемый ниже отрывокъ носитъ имя геометра Георгія, о которомъ въ настоящее время мы не въ состояніи дать никакихъ свѣдѣній. Ни къ одному изъ извѣстныхъ въ византійской литературѣ Георгіевъ не подходитъ прозваніе геометра, не встрѣчается этого имени и между математиками. Мы приводимъ изъ его сочиненія небольшой отрывокъ, представляющій нѣсколько оригинальныхъ особенностей сравнительно съ произведеніями подобнаго же рода другихъ геометровъ. За свѣрку нашей копіи съ оригиналомъ приносимъ сердечную благодарность г. *Генриху Омону*, завѣдывающему отдѣломъ греческихъ рукописей въ парижской *Національной библіотекѣ*.

ΓΕΩΡΓΙΟΥ ΓΕΩΜΕΤΡΟΥ ΠΕΡΙ ΓΕΩΔΕΣΙΑΣ [1]).

Γεωδεσία ἐστὶν ἐπιστήμη τῶν ἐν τοῖς αἰσθητοῖς σώμασιν μεγέθων καὶ σχημάτων διαιρετικὴ καὶ συνθετική, ἐτυμολογεῖται δὲ ἀπὸ τοῦ δαίω τὸ μερίζω, τῆς γὰρ γῆς ἐστὶν μερισμός. Δοκεῖ δὲ παρ' Αἰγυπτίων αὐτὴν εὑρεθῆναι διὰ τὴν τοῦ Νείλου χύσιν. Ἐπειδὴ γὰρ ἐκχυθέντος τοῦ ποταμοῦ .... ξευρεῖνται δὲ τὰ μέτρα τῆς τοιαύτης ἐπιστήμης ἐξ ἐναντίων μελῶν· δακτύλων, παλεστῶν, σπιθαμῶν, ὀργιῶν, ποδός, πήχεως, βήματος, ἀμπέλου, ποσὸν ἀμπέλου [2]),

Геодезія есть наука раздѣлительная и синтетическая о величинахъ и фигурахъ подлежащихъ чувствамъ тѣлъ, производится отъ слова δαίω, что значитъ дѣлю или измѣряю, ибо занимается измѣреніемъ земли. Кажется, что она изобрѣтена Египтянами по случаю разливовъ Нила..... Мѣры этой науки заимствованы отъ различныхъ членовъ: пальцевъ, палестовъ, спиѳамъ, оргій, стопы, локтя, шага, винограда, количества виноград-

---

[1]) *Національная библіотека въ Парижѣ*, Bibl. Regiae Cod. 2419, Fol. 195 v. Начало не представляетъ интереса, такъ какъ воспроизводитъ, на основаніи Прона, общія положенія о началѣ геометріи. Различіе геометріи отъ геодезіи см. у *Pediasima*, Friedlein S. 7.

[2]) Любопытная прибавка, имѣющая спеціальное приложеніе къ измѣренію виноградниковъ и объясняющая довольно темное мѣсто безъименнаго автора статьи Μέθοδος τῆς γεωμετρίας. Тамъ указаны различныя системы измѣренія виноградной земли: по системѣ хиліадъ и плетровъ и на модіи. Выраженіе ποσὸν ἀμπέλου значитъ по количеству виноградныхъ лозъ или по хиліадамъ, что будетъ доказано въ IV главѣ.

τάκενος[1]), πλέθρον, ἰούγερον, στάδιον, μίλιν καὶ τῶν λοιπῶν....

Τὰ μὲν οὖν μέτρα τοσαῦτα εὕρει δ' ἂν τὶς καὶ πλείω ἴσως ἀκριβέστερον περὶ τούτων δὲ ἐξετακὼς, ἡμῖν δὲ πρὸ

ных лозъ, акены, плетра, югера, стадія, мили и проч.

Можно бы и увеличить число этихъ мѣръ, если бы углубиться въ разслѣдованіе, но мы, излагая методу геоме-

[1]) Такой земельной мѣры неизвѣстно. По всей вѣроятности, въ текстѣ ошибка, и нужно читать здѣсь ἄκαινα. Плетръ, югеръ и дальнѣйшія мѣры относятся къ числу менѣе распространенныхъ, и нашъ геометръ приводитъ ихъ мимоходомъ, не останавливаясь на объясненіяхъ. Но у византійскихъ землемѣровъ можно находить болѣе подробныя указанія на мѣстныя системы измѣренія земли. Такъ, въ Національной библіотекѣ, *Supplem. Graecum* 452 f. 12 находимъ слѣдующій отрывокъ:

Τὸ ἰούγερον ἔχει ἄκαινας σ΄, γεϊκῶν ποδῶν ,βυ΄, μήκους γὰρ ἔχει ἀκαίνας κδ΄, διαιρεῖται δὲ εἰς β΄ μέρη ἀνὰ ιβ΄, γίνονται πόδες σμ΄. πλάτους δὲ ἔχει ιβ΄ ἄκαινας, γίνονται πόδες ρκ΄. ἐὰν δὲ τὸ μῆκος ἐπὶ τὸ πλάτος, γίνονται πόδες ,βωπ΄. Ἡ ἄκαινα ἔχει πόδας ιβ΄, γίνονται παλαισταὶ μή΄, ὁ ποῦς ἔχει παλαιστὰς δ΄, δακτύλους ις΄, ὁ πῆχυς ὁ εὐθυμετρικὸς ἔχει πόδα α∠΄΄... Эта, повидимому, совершенно новая система мѣры съ необычными терминами, какъ ἄκαινα, γεϊκὸς ποῦς и проч. въ сущности соотвѣтствуетъ византійской системѣ, что доказывается слѣдующимъ отрывкомъ, прочитаннымъ нами въ Вѣнѣ, *Iurid. Graecus* 1 f. 346. Ὀφείλει μετρᾶσθαι ὁ μόδιος οὕτως· ἡ ὀργυιὰ ἔχει παλαιστὰς κδ΄, καὶ σπεῖ ποιοῦσι γῆν μοδίου ἑνὸς, ὀφείλει ψηφίζεσθαι οὕτως· ἵνα ἔχῃ τὸ μῆκος τὸ ἓν μέρος κδ΄ καὶ τὸ πλάτος ιβ΄ καὶ λέγεις· δέκαὶ κ΄ σ΄ καὶ δὶς κ΄ μ΄ καὶ τετραὶ ι΄ μ΄ καὶ δὶς τέσσαρες ἡ ὁμοῦ σπεῖ γινόμενα γῆ μοδίου α΄.

Модій считается здѣсь въ 288 квадр. оргій или саженъ, вмѣсто 200, на основаніи того, что измѣреніе производится двѣнадцатисаженной веревкой, а не десятисаженной, какъ это предусмотрѣно въ правилахъ византійской геометріи. Такъ, въ парижской *Національной Библ. Supplem. Graecum* 387 f. 16 читается: τὸ γὰρ σωκάριον τῆς σπορίμου γῆς δέκα ὀργίας ὀφείλει ἔχειν, τοῦ δὲ λιβαδίου καὶ τῶν περιορισμῶν δώδεκα. Καὶ μετὰ τοῦ δεκαοργίου σχοινίον ἔχει ὁ τόπος τοῦ μοδίου ὀργυιὰς 200 καὶ μόνας, μετὰ δὲ τοῦ δωδεκαοργίου ὀργυιὰς 280. Принимая однако въ соображеніе, что оргія считается здѣсь въ 24 палеста, между тѣмъ какъ обыкновенно она имѣетъ отъ 27 до 30, величина же акены вдвое почти больше, именно 48 палестовъ, мы должны придти къ выводу, что югеръ по крайней мѣрѣ въ полтора раза больше модія, равно какъ акена въ полтора раза больше оргіи. Любопытный отрывокъ объ югерѣ на греческомъ языкѣ напечатанъ у *Hultsch*, Heronis Alexandrini reliquiae, S. 222. Онъ заслуживаетъ вниманія потому, что здѣсь югеръ играетъ то же значеніе, какое въ писцовыхъ книгахъ модій, т. е. югерами обозначается количество земельнаго надѣла. Земли высшаго качества идетъ въ надѣлъ 100 югеровъ, средняго отъ 125 до 133, худшаго качества 250 югеровъ. Для сужденія о величинѣ югера есть одно мѣсто: югеръ имѣетъ 133⅓ локтя. По всей вѣроятности, локоть тутъ употребляется вмѣсто оргіи или акены, что иногда замѣчаемъ и въ земельныхъ актахъ. См. *Miklosich und Müller*, *Acta et Diplomata graeca* IV, 161—162, 169.

ἡμῶν στοιχεῖσα σοι [1]) περὶ τῆς γεωδεσίας μέθοδον καὶ τὰ πλεῖα τούτων παραλέληπται. Οἱ γὰρ μετὰ τὸν Ἥρωνα μικροῦ πάντες οὐργιᾶς καὶ σχοινίας ἐχρῶντο, δέκα οὐργιῶν ποσότητος ἀριθμῶν ἀποσώζουσιν [2]), σωκάρια δὲ ταῦτα καλεῖν εἰώθασι οἱ περὶ τὰ τοιαῦτα δεινοὶ καταμετροῦντες τὴν γῆν. Καὶ ἡμεῖς δὲ τοῖς νεωτέροις ἑπόμενοι οὕτωσί τὴν τῆς γῆς ἐτάξαμεν καταμέτρησιν. Δέχεται τοίνυν καὶ τῶν καθ' ἡμᾶς τούτῳ σχοινίῳ οὐργίαι δέκα, ἡ δὲ οὐργία παλαιστὰς 28, εἰ δὲ βραχεῖς τυχοῖεν οἱ παλαιστοὶ καὶ ὑπόμικροι [3]), κατὰ τὸν 30 ἀριθμὸν τῶν παλαιστῶν ἐπιδέχεται, καθόσον δηλονότι τοῦ μεγέθους ἐλλείπει δοκοῦντος εἶναι τοῦ παλαιστοῦ τοῦ προσήκοντος, τοσοῦτον τῆς οὐργιᾶς τοῦ ἀριθμοῦ ὑπερβαινούσης τῶν 28, κατὰ βραχὺ διερχόμενος τὴν μεταξὺ διαφορὰν καὶ μέχρι αὐτῶν φθανούσης 30. Ὅτι δὲ ἐστὶν παλαιστὴς καὶ οὐργία, περὶ μέτρων λέγουσιν ἡμῖν εἴρηται.

Τὴν δὲ Αἰγύπτιον γῆν μετράσθαι, φασὶν, οὐργίαις 200 τὴν δεχομένην δηλονότι σίτου μοδίον λιτρῶν ὄντα τῶν

тріи согласно съ (ближайшими) предшественниками, оставляемъ въ сторонѣ большинство этихъ мѣръ. Ибо всѣ почти землемѣры, слѣдовавшіе за Ирономъ, пользовались оргіями и веревками, принявъ 10 оргій за единицу измѣренія, которая знаменитыми геометрами *названа сокаремъ*. И мы, слѣдуя новѣйшимъ руководствамъ, приняли ту же систему измѣренія. И у насъ считается въ сокарѣ (или въ веревкѣ) десять оргій, а въ оргіи 28 палестовъ. Если же бы палесты оказались коротки и маловаты, то на оргію полагается и до 30 палестовъ: чѣмъ палестъ короче надлежащей величины, тѣмъ больше 28 палестовъ считается на оргію, такъ что она можетъ, не говоря о малыхъ прибавленіяхъ, достигать числа 30 палестовъ. Что же касается палеста и оргіи, о томъ мы говорили, излагая мѣры.

Землю въ Египтѣ измѣрялась, по свидѣтельству землемѣровъ, мѣрой въ 200 оргій, такъ какъ на обсѣвъ такой

---

[1]) Хотя мы оставили въ текстѣ чтеніе подлинника, но думаемъ, что слѣдуетъ его исправить: στοιχήσασι, т. е. соединить это слово съ ἡμῖν.

[2]) Cod. δέκα οὐργιῶν ποσότητος $\overline{\text{gg}}$ ἀποσώζουσιν.

[3]) Это объясненіе Георгіемъ разности величины оргіи тѣмъ, что могутъ быть маловаты палесты, не совсѣмъ основательно. Во всякомъ случаѣ у нашего писателя не находимъ ни малѣйшаго намека на тѣ причины, которыя обусловливали появленіе большой и малой оргіи, большаго и малаго сокаря, что прекрасно объяснено авторомъ сочиненія Μέθοδος τῆς γεωμετρίας. Колебанія въ величинѣ оргіи отъ 28 до 30 палестовъ, очевидно, зависѣли отъ надбавки вершка (антихиръ).

τεσσαράκοντα [1]). Καὶ οὗτοι μὴ πέρας τοῦ προσήκοντος εἶναι [2]), δοκεῖ τὸ ἔργον αὐτοῖς, ψαμμώδους γὰρ οὔσης ἐκείνης τῆς γῆς καὶ ἀπίου [3]), αὐτὴν εἰκὸς τὸν σπόρον ὀλιγοστὸν ἐπιδέχεσθαι. Τὴν δὲ καθ' ἡμᾶς ταύτην πιωδήνουσαν καὶ λιπαρὰν καὶ κάρπιμον 100 καὶ μόναις οὐργιαῖς μετράσθαι τὴν δεχομένην τὸν μόδιον γῆν ἡ πεῖρα παρέδωκεν, ὡς δυναμένη δηλονότι πλείωναν σπόρον δέχεσθαί τε καὶ τρέφειν καὶ καλῶς τελεσιουργεῖν [4]). Ὅθεν καὶ τοῖς τῶν

площади требовался модій жита въ 40 литръ. Что дѣйствительно имъ не нужно было высѣвать больше модія на 200 оргій, этому научилъ ихъ опытъ, такъ какъ песчаная и мало орошаемая земля должна принимать на обсѣмененіе небольшое количество жита. Напротивъ, наша жирная и мягкая и плодородная почва должна быть измѣряема мѣрой въ 100 оргій, такъ какъ опытъ показываетъ, что модіемъ жита засѣвается площадь въ 100 оргій, т. е. наша почва можетъ принять и воспитать и хорошо

---

[1]) Это было основнымъ положеніемъ византійской геометріи, какъ то доказываютъ многочисленные примѣры. *Hultsch*, Heronis Alexandrini, S. 48—49; *Friedlein*, Die Geometrie des Pediasimus, S. II.

[2]) Мысль автора понять можно, но относительно чтенія этого мѣста являются сомнѣнія. Можетъ быть, вмѣсто πέρας лучше читать πέραν?

[3]) Это весьма неожиданное заявленіе, что житница древняго міра представляетъ собой песчаную и сухую, т. е. неорошаемую землю, поставило насъ въ немалое затрудненіе. По мнѣнію автора, почва областей византійской имперіи по крайней мѣрѣ вдвое лучше египетской, и на этомъ основаніи модіемъ жита въ Египтѣ можно засѣвать 200 квадратныхъ саженъ (оргій), а въ Византіи только 100! По всей вѣроятности, египетской почвѣ противопоставляются здѣсь Ѳракія и Македонія, потому что о Малой Азіи едва-ли могла быть рѣчь у автора, писавшаго никакъ не раньше 14 вѣка, о Греціи еще менѣе, потому что въ ней почва далеко не плодородная. Въ высшей степени интересное изслѣдованіе о культурѣ Египта можно указать на французскомъ языкѣ, *Robiou*, Mémoire sur l'économie politique, l'administration et la législation de l'Égypte au temps des Lagides, Paris 1876. Приведемъ нѣсколько строкъ, принадлежащихъ другому знатоку древняго и новаго Египта *Жомару*: Beaucoup de parties du territoire ont été *envalies par les sables*, depuis qu'avec ses lois et ses anciens usages le pays *a perdu* sans retour cette *police vigilante* qui protégeait le territoire... On peut estimer à *un quart l'étendue stérilisée* par cette cause (p. 45 сочиненія *Робіу*). D'autre part, l'aménagement des eaux dans la basse Égypte, une vigilance savante dans le choix et l'entretien de leur regime, avaient des conséquences que l'oubli de ces soins a fait éclater. Aussi sous les gouvernements anarchiques qui se sont succédé en Égypte les terrains cultivés de la basse Égypte ont-ils diminué considérablement, et le Nouveau Delta n'est-il guère que la moitié de l'ancien (p. 48).

[4]) Авторъ уничтожаетъ этимъ господствующее правило византійской геометріи. Нигдѣ мы не встрѣчали модія, имѣющаго поверхность во 100 кв. саженъ, да и самъ онъ сейчасъ же будетъ говорить о модіи какъ площади въ 200 кв. саженъ. Такъ какъ выше мы нашли, что югеръ есть площадь въ полтора раза больше модія, то можно бы разсужденіе нашего автора объяснить предположеніемъ, что онъ сравниваетъ югеръ съ модіемъ.

κλιμάτων καλῶς εἰδόσιν κρίνειν διαφορὰν τὴν τε τῶν μέτρων ἀκρίβειαν, οὕτω τὰ καθ' ἡμᾶς χωρία τῇ πείρᾳ παραλαβοῦσιν καὶ λόγοις παραδεδώκασιν ἡμῖν καὶ τοῖς καθ' ἡμᾶς περὶ τὰ τοιαῦτα δοκίμοις, καλῆς δοκούσης εἶναι τῆς φύσεως ταύτης τῶν ὀργιῶν. Καὶ ἡμῖν οὕτως ἐτάχθημεν μετράσται ἐν ὀργιαῖς 100 δηλονότι τὴν γῆν τοῦ μοδίου. Ὡς δὲ λίτρα χωρεῖ μ΄ [1]).

Ἀλλ' ἱστέον καὶ τοῦτο ὡς οὐ διὰ δύο, ἀλλὰ τριῶν εὐθειῶν χωρίον [2]), ὅ δὴ καὶ σχῆμα καὶ ἐμβαδὸν λέγεται, τουλάχιστον περιέχεται. Τούτων τοίνυν διασαφηνισθέντων, δέον καὶ μεθόδους προσθεῖσθαι, δι' ὧν ἑκάστῳ χωρίῳ τοῦ ἐμβαδοῦ ῥᾳδία γένοιτ' ἂν ἡ καταλήψις, καὶ δὴ ἀπὸ τῶν τετραγώνων ἀρκτέον τὸ πρῶτον.

Γινωσκέτω ὅτι μετὰ τὸν πολλαπλασιασμένον αἱ ε΄ ὀργίαι ποιοῦσιν λίτρον

уродить большее количество сѣмянъ. Такъ это и принято тѣми, которые хорошо умѣютъ наблюдать различіе климатическихъ условій и занимаются мѣрами, и которые по отношенію къ нашимъ полямъ выработали систему, основанную на практикѣ и теоріи, и передали ее намъ и всѣмъ, кого это занимаетъ. Считая мѣру оргіи пригодною по природѣ единицей, мы рекомендуемъ измѣрять модій земли 100 оргіями, а модій вмѣщаетъ 40 литръ.

Но должно знать и то, что геометрическая фигура, называемая также тѣломъ и площадью, описывается не двумя, но по крайней мѣрѣ тремя прямыми линіями. Объяснивъ это, должно присоединить и способы, по которымъ легко было бы опредѣлить площадь въ каждомъ тѣлѣ; начнемъ съ четыреугольника.

Знай, что послѣ перемноженія 5 оргій составятъ одну литру или половину

---

[1]) Можетъ быть, лучше бы всю фразу поставить въ связь съ τοῦ μοδίου и читать ὃς δὲ λίτρα (λίτρας) χωρεῖ μ΄.

[2]) Cod. ὡς οὐ διὰ δύο, ἀλλὰ τριῶν εὐθυῶν χωρίων... Прежде всего слѣдуетъ замѣтить, что здѣсь мы имѣемъ дѣло со спеціально геометрическими выраженіями, изъ которыхъ каждое должно быть истолковано отдѣльно. Χωρίον, ὅ δὴ καὶ σχῆμα καὶ ἐμβαδὸν λέγεται ясно выдаетъ дополнительными словами свое спеціальное значеніе. Въ геометріи Ирона находимъ слѣдующія параллельныя мѣста: δύο εὐθεῖαι χωρίον οὐ περιέχουσιν (S. 246), οὔτε μία εὐθεῖα οὔτε δύο σχῆμα τελοῦσιν (S. 9), εὑρεῖν δύο χωρία τετράγωνα (S. 218). Ясно, что χωρίον обозначаетъ здѣсь геометрическую фигуру, имѣющую измѣреніе въ длину и ширину, квадратную поверхность, что обозначаетъ ἐμβαδόν. Такимъ образомъ χωρίον=τὸ σχῆμα=ἐμβαδόν. Авторъ, слѣдовательно, хочетъ сказать, что вообще площадь или фигура или измѣряемое тѣло описывается не двумя, но тремя прямыми линіями. Что касается выраженія σχῆμα, объ немъ находимъ у Ирона (S. 15): τῶν δὲ σχημάτων ἃ μέν ἐστιν ἐπίπεδα, ἃ δὲ στερεά.

α΄ [1]), ἤτοι πινάκιν ἥμισυ [2]), αἱ δὲ λίτραι ι΄ ποιοῦσιν πινάκιν α΄ [3]), αἱ ρ΄ ὀργίαι ποιοῦσιν λίτρα κ΄ ἤτοι μόδιον ἥμισυ [4]), αἱ σ΄ ὀργίαι ποιοῦσιν λίτρα μ΄ ἤτοι μόδιον α΄. Καὶ εἰ βούλει μετρῆσαι καὶ ψηφίσματα σχοινίων [5]), καὶ αὐτὰ οὕτως εὑρίσεις ἀσφαλῶς, ὥσπερ καὶ τὰς ὀργίας, καὶ μετὰ τοῦ πολλαπλασιασμοῦ τὰ δύο σχοινία ποιοῦσιν μόδιον α΄ [6]). Ἀποδείγματος χάριν, τοῦ σχήματος τὸ μῆκος ἐστὶν τὰ δύο πλευρὰ ἀνὰ ς΄, κράτησον δὲ τὰ ς΄, τοῦ δὲ πλάτους τὰ δύο μέρη ἀνὰ δ΄, καὶ λαβὼν τὰ δ΄ καὶ πολλαπλασίασον μετὰ τῶν ς΄, πинака, 10 оргій составляютъ 1 пинакъ, 100 оргій составляютъ 20 литръ или полмодія, 200 оргій составляютъ 40 литръ или 1 модій. Если хочешь измѣрять счетомъ на сокари, то и ихъ легко опредѣлить посредствомъ перемноженія, также какъ и оргіи: два квадр. сокаря составляютъ 1 модій. Напримѣръ, дана фигура, длина которой съ обѣихъ сторонъ по 6 сокарей, беремъ 6; ширина также съ обѣихъ сторонъ по 4 сокаря. Беремъ 4 и помножаемъ на 6, получимъ 24,—данная фигура представляетъ участокъ въ 12 модіевъ. Если же измѣряемъ оргіями и

---

[1]) Нельзя сказать, чтобы авторъ пользовался здѣсь точнымъ геометрическимъ языкомъ. Если бы у насъ не было другихъ матеріаловъ, въ которыхъ излагается та же самая процедура переложенія саженъ въ модіи, то указанное мѣсто представило бы значительныя затрудненія. Μετὰ τὸν πολλαπλασιασμένον—слишкомъ кратко, такъ какъ не указываетъ, что помножается и на что. Очевидно, имѣются въ виду правила, изложенныя въ геометріяхъ *Ирона* (SS. 50, 53, 143) и *Недіасима* (SS. 11, 12) и объясненныя нами въ комментаріи къ Μέθοδος τῆς γεωμετρίας. Параллельное и объяснительное мѣсто у Ирона (S. 49): πλάτος γὰρ καὶ μῆκος ὀργυιῶν πέντε ποιοῦσι λίτραν μίαν.

[2]) 1 литра равняется половинѣ *пинака*. У *Дюканжа* находимъ объясненіе слова πινάκιον: quarta pars medimni. Разъ встрѣчается это слово у *Зонары*, въ исторіи Михаила Дуки: σίτου γενομένης ἐνδείας... ὡς μὴ ἅλον μέδιμνον εἰς νόμισμα ἀποδιδόσθαι, ἀλλὰ παρὰ πινάκιον, ὅ ἐστι μεδίμνου τὸ τέταρτον. Можно отсюда вывести, что въ модіѣ считалось 80 пинаковъ, или 20 медимновъ.

[3]) Cod. здѣсь представляетъ описку. Нужно читать или αἱ δὲ ὀργίαι ι΄, или αἱ δὲ λίτραι β΄.

[4]) Cod. αἱ ρ΄ ὀργίαις ποιοῦσιν λίτρα μ΄,—очевидная ошибка.

[5]) ψηφίσματα σχοινίων, первое слово имѣетъ техническій смыслъ. Въ ариѳметическихъ и геометрическихъ задачахъ весьма обычно выраженіе ψηφίζειν, ψῆφος въ смыслѣ считать, вычислять, условіе, задача вычисленія, счетъ, см. *Hero* S. 74, 193, 196, 197, 199.

[6]) Переводъ сокарей въ модіи выраженъ не точно. У *Ирона*, S. 53: ἐν παντὶ γὰρ μέτρῳ εἰ μὲν μετὰ σχοινίου γίνεται ἡ μέτρησις τὰ τοῦ πολυπλασιασμοῦ σχοινία ἡμισειαζόμενα δηλοῦσι τὸν μοδισμόν, или (S. 50) τὴν μίαν τῶν πλευρῶν ἐφ' ἑαυτὴν, ὥστε ἥμισυ, καὶ ἔστιν ὁ μοδισμός; ср. S. 143. Модій судетъ поверхность, имѣющая 2 сокаря въ длину и 1 въ ширину, или просто 2 квадр. сокаря.

γίνονται κδ΄, καὶ ἰδοὺ γῆ μοδίων ιβ΄ [1]). Εἰ δὲ καὶ ἐπὶ τῶν λεπτῶν ὀργιῶν [2]), οὕτω καὶ ἑτέρα μέθοδος· διὰ τῶν δ΄ τίθεμεν μ΄ καὶ διὰ τὰ ἓξ τίθεμεν ξ΄ [3]), καὶ πολλαπλασιασθέντα γίνονται ὀργίαι 2400, καὶ ἐστὶν ἡ γῆ μοδίων ιβ΄.

меньшими мѣрами, то слѣдуемъ другому методу: вмѣсто 6 считаемъ 60, а вмѣсто 4 беремъ 40, перемноженныя между собой эти числа даютъ 2400 оргій, это будетъ участокъ въ 12 модіевъ. (Слѣдуютъ въ рукописи примѣры).

Приведенный отрывокъ изъ сочиненія Георгія геометра даетъ нѣсколько новыхъ и оригинальныхъ данныхъ относительно системы измѣренія земли въ Византіи. Здѣсь мы не можемъ пока ничего прибавить къ комментарію, ограничимся сведеніемъ въ таблицу результатовъ, полученныхъ отъ изученія квадратныхъ мѣръ.

Ἰούγερον		1	Модій	1
ἄκαινα		200	сокарь	2
ὀργυιὰ	ок.	350	оргія	200
πῆχυς		1200	локоть	800
ποῦς		2400	стопа	1600
σπιθαμή		3200	спиѳама	2400

---

[1]) Изъ этой задачи совершенно ясно вытекаетъ, что Георгій геометръ слѣдуетъ общей системѣ правилъ, изложенныхъ у Ирона и Педіасима. Его модій есть поверхность въ 200 квадр. саженъ, а не во 100. Предложенная имъ задача рѣшена на основаніи точныхъ правилъ, указанныхъ въ геометріи Ирона, см. предыдущее примѣчаніе.

[2]) Τὰ λεπτά техническое выраженіе—дробь. Геометрія *Педіасима*, S. 13—14: πρῶτον μὲν γὰρ διὰ τῶν λεπτῶν ἐξετάζομεν τὸ θεώρημα, οἷον δι' ἡμισείας ὀργυιᾶς ἢ τριτημορίου ἢ τεταρτημορίου ἢ τοιούτου τινὸς λεπτοῦ.... ἀλλὰ τὰ μέρη τοῦ τοιούτου λεπτοῦ, οἷον παλαιστὰς ἢ σπιθαμὰς ἢ δακτύλους ἢ τοιοῦτόν τι. Ясно, что подъ выраженіемъ ἐπὶ τῶν λεπτῶν ὀργιῶν нужно разумѣть саженки и входящія въ образованіе саженки меньшія мѣры.

[3]) У Георгія геометра дается упрощенный способъ перевода саженей на модіи и, прибавимъ, очень практичный. Такъ какъ въ сокарѣ 10 саженей, а измѣреніе земель обыкновенно производилось сокарями, то для опредѣленія количества квадр. саженъ въ измѣряемой площади можно было измѣренныя сокарями стороны выразить въ саженяхъ, помноживъ каждую на 10, затѣмъ помножить длину на ширину и произведеніе раздѣлить на 200. Всѣ эти вычисленія предполагаются сдѣланными и въ нашей задачѣ, пропущено только объясненіе, что 2400 квадратн. саженъ даютъ 12 модіевъ при посредствѣ раздѣленія перваго числа на 200. У Ирона правило перевода саженей въ модіи выражено такъ: αἱ τοῦ πολυπλασιασμοῦ ὀργυιαὶ ὑπεξαιρούμεναι ἐπὶ τῶν διακοσίων ἀποτελοῦσι τὸν μοδισμόν. Напримѣръ, пусть данъ четыреугольникъ, котораго 4 стороны имѣютъ по 36 саженъ. Помноживъ длину на ширину (36×36), получимъ 1296, т. е. площадь четыреугольника. Это число дѣлимъ на 200 и получаемъ 6 модіевъ, 19 литръ и 5 саженей.

III.

ОРГАНИЗАЦІЯ ЗЕВГАРЯ.

Въ Ватиканской библіотекѣ между палатинскими рукописями находится любопытнѣйшій отрывокъ, вводящій въ самую организацію сельскаго хозяйства. Онъ представляетъ собой въ нѣкоторомъ родѣ безцѣнный матеріалъ для выводовъ о *зевгарѣ*, экономическомъ и податномъ терминѣ, подъ которымъ подразумѣвается совокупность условій организаціи крестьянскаго тягла. Такъ какъ по отношенію къ этому термину въ наукѣ не установлено еще точныхъ воззрѣній, за недостаткомъ источниковъ, то понятна важность дополнительныхъ на этотъ счетъ данныхъ. Нашъ отрывокъ о зевгарѣ до сихъ поръ совершенно ускользалъ отъ вниманія читавшихъ палатинскія рукописи: объ немъ ни единымъ словомъ не упомянуто въ недавно появившемся I томѣ каталога греческихъ рукописей Ватикана[1]), хотя этотъ каталогъ составленъ вообще весьма знающимъ и начитаннымъ въ рукописяхъ ученымъ. Упоминаемъ объ этомъ для свѣдѣнія тѣхъ, кто занимается спеціально той или другой отраслью византійской исторіи. Почти съ увѣренностью можно сказать, что надежда на открытіе новыхъ значительныхъ кодексовъ въ западно-европейскихъ библіотекахъ теперь уже должна быть оставлена. Но поиски въ библіотекахъ даже хорошо описанныхъ и новое тщательное изученіе хотя бы и хорошо извѣстныхъ рукописей несомнѣнно можетъ привести къ обнаруженію такихъ подробностей, которыя ускользали отъ вниманія прежнихъ ученыхъ и которыя тѣмъ больше получаютъ значенія въ наукѣ, чѣмъ она шире развивается по своимъ методамъ и задачамъ изслѣдованія.

Ἡ ἀποκοπὴ τῶν ψωμίων[2]) ὧν ἤρξαντο ἀπὸ τὸν καιρὸν τῆς ε´ ἰνδικ- | Скидка дробей, начатая 5 индикта въ 1000 году. Гористая мѣстность.

---

[1]) *Codices manuscripti Palatini Graeci Vaticani*, descripti praeside *Cardinali Pitra*, recensuit et digessit *Henricus Stevenson S nior*, Romae 1885.

[2]) *Cod. Palatinus* 367, F. 98. Ἡ ἀποκοπὴ τῶν ψωμίων отсѣченіе кусковъ. Общее значеніе этого выраженія хорошо объясняется у *Плутарха*, Solon c. XV: πρώτου Σόλωνος ἦν, ὡς ἔοικε, σόφισμα, τὴν τῶν χρεῶν ἀποκοπὴν σεισάχθειαν ὀνομάσαντος. У византійскихъ писателей чаще въ этомъ случаѣ употребляется ἐκκοπή, напр. Михаилъ Ἀκομινάτου (изд. Λάμπρος) II. 54: εἰ δὲ τὴν γενομένην ἐπὶ τοῦ μακαρίτου βασιλέως κῦρ Ἀλεξίου ἐκκοπὴν λέγοις... ibid. II. 48 καὶ πρῶτον τὴν ἄνισον διανομὴν τῶν ἐκκοπέντων τελῶν, ἣν καὶ πρόφασιν... τῆς ἀμέτρου παρεισπράξεως ὁ πράκτωρ προβάλλεται. Образецъ чрезвычайно сложной системы византійскаго счетоводства приводитъ *Zachariae* III SS. 385—490; изъ приводимаго

τιῶνος τῆς Μ ἐγχρονίας [1]) εἰς τὴν ὀρι-
νήν [2]).

Νὰ καταγράφεται [3]) ἡ λογαρικὴ εἴσο-
δος ὅλη τὰ εἰσόδια ὁμοίως τῶν πα-
ελθόντων τριῶν χρόνων καὶ ἀπ' αὐτῆς
τῆς ὁμάδος νὰ κρατήσεις τὸ τρίτον [4]),
καὶ εἰ τί εὑρεθῇ νὰ λογαριάζεται οὕτως [5]).

Составь счетъ всѣмъ доходамъ вмѣ-
стѣ за минувшіе три года, и изъ сум-
мы возьми $^1/_3$ и считай что окажется
такъ:

имъ документа, относящагося ко времени Алексѣя I Комнина, видно, какое страшное оружіе въ руки сборщика податей давала разность ходячей монеты, система вычисленія долей и начеты. Λεπτὰ ψηφία, какъ называются въ немъ дроби, возрастаютъ до весьма крупной величины цѣлыхъ чиселъ. Правительство часто принуждено было прощать эти дроби, или дѣлать спеціальныя разъясненія относительно счетоводства. Въ жизнеописаніи *Василія Македонянина* (*Theophanes Continuatus*, p. 260 ed. Bonn.) находимъ любопытное свѣдѣніе объ этой системѣ. Царь, говоритъ жизнеописатель, находя, что для злыхъ людей представляется поводъ къ неправдѣ въ существующей системѣ, принятой въ податныхъ спискахъ, выражать требуемое количество не буквами выраженными и ясными числами, а—ради сокращенія—долями чиселъ и частями половины и частями шестой и двѣнадцатой доли — διωρίσατο καὶ γράμμασι λιτοῖς, ἃ καὶ τοῖς ἀγροίκοις ἀναγινώσκειν ἐστὶν ἐν δυνατῷ καὶ ὁλογράφοις καὶ φανεραῖς ταῖς ψήφοις τῆς δηλουμένης ποσότητος τοὺς τῶν ἀπαιτήσεων γράφεσθαι κώδικας. Сравнить *Theophanes*, *de Iustiniano Rhinotmeto* p. 314. Что касается слова τὸ ψωμίον, оно значитъ кусокъ хлѣба. Въ новогреческомъ τὸ ψωμί хлѣбъ. Хотя употребленіе его у писателей въ этомъ именно смыслѣ обычно, напр. *Constantini*, De administr. imperio 78. 4, но мы предпочли придать слову болѣе отвлеченный смыслъ, въ виду содержанія отрывка, въ которомъ идетъ рѣчь не о скидкѣ хлѣба, а сообщаются правила счетоводства въ округленныхъ итогахъ.

[1]) Обозначеніе года выраженіемъ ἐγχρονεία не можетъ считаться необычнымъ въ византійскихъ памятникахъ, см. *Montfaucon*, Palaeographia Graeca p. 55, 69; *Zachariae* III S. 400. Но дата все же остается крайне сомнительной. Индиктъ 5 не можетъ совпадать съ 1000 годомъ (тогда приходился индиктъ 13); притомъ же чтеніе литеры Μ, которую мы допускаемъ здѣсь только съ тѣмъ, чтобы избѣжать уже совсѣмъ страннаго греческаго μ΄, отстоять намъ было бы затруднительно. Да и что должна обозначать здѣсь дата? Если бы она опредѣляла эпоху, съ которой вошелъ въ употребленіе способъ рекомендуемаго здѣсь исчисленія хозяйственныхъ статей, то это имѣло бы научный интересъ, но быть можетъ дата указываетъ только срокъ, съ котораго введенъ былъ этотъ пріемъ самимъ помѣщикомъ въ его хозяйствѣ.

[2]) Нужно читать ὀρεινήν, разумѣется горная, гористая мѣстность, ὀρεινὴ καὶ τραχεῖα въ противоположность къ низменнымъ и ровнымъ мѣстамъ, πεδιὰς καὶ ἁμαλὴ или μαλακὴ χώρα.

[3]) Присоединеніемъ νὰ выражаются формы conjunctivi въ новогреческомъ языкѣ.

[4]) Совершенно понятный пріемъ опредѣленія средней доходности помѣстья: нужно вывести среднюю доходность по совокупности доходовъ за три года. Объ этомъ говорится въ Μέθοδος τῆς γεωμετρίας: καὶ ἐμβαίνει εἰς μοδισμὸν εὐφορίας ἤγουν ἐπιτυχίας τὸ τρίτον...

[5]) Сложивъ продукты сельскаго хозяйства за три года, въ которые могъ быть неодинаковый урожай, для опредѣленія средняго урожая нужно взять всего по $^1/_3$ и потомъ разные продукты выразить въ денежныхъ цѣнностяхъ.

τὸ σιτηρὸν μόδια [1]) α γ″ εἰς τὸ ὑπέρπυρον	жито $1\frac{1}{3}$ модія считай за 1 перп.
τὸ κριθάριον μόδια β ω″ εἰς τὸ ὑπέρπυρον	ячмень $2\frac{2}{3}$ модія считай за 1 перп.
τὸ κρασὶ τὰ ρ΄ μέτρα [2]) ὑπέρπυρα νε΄	вино 100 метровъ » 55 перп.
τὴν ποτίμην γῆν μόδια α ∠″ δ″ εἰς τὸ ὑπέρπυρον	землю 1 качества $1\frac{3}{4}$ модія за 1 перп.
τὴν ἐργασμένην γῆν μόδια γ ∠″ εἰς τὸ ὑπέρπυρον	» 2 » $3\frac{1}{2}$ » за 1 перп.
καὶ τὴν χερσαίαν γῆν μόδια ζ΄ εἰς τὸ ὑπέρπυρον [3]).	» 3 » 7 » за 1 перп.

Εἰς δὲ τὴν ὁμαλὴν γῆν καὶ κατωμερίαν [4]) ὅλην ὀφείλει ποιεῖν οὕτως

Ровныя мѣстности и низины считаются такъ:

ὁ ζευγαράτος ὑπέρπυρα ξ΄	зевгаратъ 60 перпер.
ὁ μονοβοΐδριος ὑπέρπυρα μ΄	одноволовый 40 »
ὁ πεζὸς ὑπέρπυρα κ΄	пѣшій 20 »
ὁ παῖς ὑπέρπυρα ιε΄	несовершеннолѣтній 15 »
ὁ ἱερεὺς ὑπέρπυρα κ΄	священникъ 20 »
ἡ χήρα ὑπέρπυρα ς΄	вдова 6 »
εἰ ἔχει ζευγαράτον ὑπέρπυρα μς΄	вдова съ зевгаремъ 46 »
— εἰ δὲ ἥμισυ ὑπέρπυρα κ ς΄ [5]).	» съ половиной зевгаря 26 »

---

[1]) Модій, очевидно, здѣсь имѣетъ значеніе хлѣбной мѣры. Выше мы опредѣлили его вѣсъ и вмѣстимость въ 40 литръ. См. *Hultsch, Griechische und Römische Metrologie*, S. 80—83, въ особенности же сообщенные г. *Пападопуло-Керамевсомъ* матеріалы въ XV т. Константинопольскаго *Συλλόγου*.

[2]) Такое общее обозначеніе «вина 100 мѣръ» въ сущности ничего не даетъ. Объ употребительнѣйшихъ мѣрахъ жидкостей см. *Гульча* въ указанномъ сочиненіи. Если подъ мѣрой разумѣть здѣсь μετρητής, то вѣсъ его сводится къ модію: μέτρον κβ΄ ξεστῶν ποιεῖ μετρητὴν ἕνα, ὃς ἐστιν ἰσόμετρος μοδίῳ (*Керамевсъ*, XV т. Силлога, 18).

[3]) Три качества земли и сравнительная оцѣнка стоимости земельныхъ участковъ. Мы приписываемъ важное значеніе этому мѣсту и дѣлаемъ на основаніи его заключенія объ организаціи крестьянскаго надѣла; см. ниже вслѣдъ за текстомъ.

[4]) Смыслъ ясенъ, но употребленіе слова κατωμερία—въ значеніи низины или равнины совсѣмъ неизвѣстно въ древнемъ языкѣ; очевидно, это слово новаго образованія. Точно также нельзя объяснить, въ чемъ заключается съ точки зрѣнія сельскаго хозяина разница по отношенію къ возвышеннымъ мѣстностямъ сравнительно съ низинами. Едва-ли не слѣдуетъ поэтому относить всю фразу къ предыдущему: такъ же слѣдуетъ поступать и относительно низменныхъ мѣстъ.

[5]) Перечисленіе разрядовъ лицъ, имѣющихъ неодинаковые земельные надѣлы, находитъ себѣ освѣщеніе въ писцовыхъ книгахъ. Въ Лампсакской (издана мной въ февр.

Ἡ ποτίμη γῆ μόδια α∠″ δ″ εἰς τὸ ὑπέρπυρον	Земля 1 качества $1^3/_4$ модія за 1 перперъ
ἡ ἐργασίμη μόδια γ∠″ εἰς τὸ ὑπέρπ.	» 2 » $3^1/_2$ » » 1 »
ἡ χέρση μόδια ζ′ εἰς τὸ ὑπέρπυρον [1]).	» 3 » 7 » » 1 »
Ὀφείλει ἔχειν ὁ ζευγαράτος γῆν μοδ. μ′	Зевгаратъ долженъ имѣть земли 40 мод.
ὁ μονοβοΐδριος μοδ. λ′	одноволовый » » » 30 »
ὁ πεζὸς μοδίων κ′ [2]).	пѣшій » » » 20 »
Ὁμοίως ἐὰν ἔχει εἰς τὸν τόπον καὶ ἀμπέλιον... τῶν παροίκων ἵνα ψηφίζεται οὕτως· τὸ $^1/_3$ τοῦ ζευγαράτου ἢ τὸ ἑπέρη ὁ αὐθέντης ὑπέρπυρα 3 [3])	Равно, если есть въ данномъ мѣстѣ и виноградникъ... паричскій, считается такъ: $^1/_3$ зевгарата или что получаетъ помѣщикъ перперовъ 3 и идущія

кн. *Журнала Мин. Народнаго Просвѣщенія* за 1884 г.) перечислены *zeugarati*, *voidati*, *actimones et apori*. Въ Хиландарской (моя статья *Матеріалы для исторіи землевладѣнія въ XIV в.* Одесса, 1883) описаны крестьянскіе дворы, между которыми отмѣчены владѣющіе зевгаремъ, т. е. парой воловъ, владѣющіе однимъ воломъ, наконецъ вдовьи дворы. Не встрѣчалось намъ въ писцовыхъ книгахъ только *пѣшихъ* надѣловъ, если не разумѣть подъ ними *actimones* и *apori*. Тѣ же самые термины для обозначенія крестьянскихъ надѣловъ попадаются въ византійскихъ *формулахъ* актовъ и дѣловыхъ бумагъ. Одну изъ такихъ формулъ приводимъ въ V главѣ. Любопытно совпаденіе пѣшихъ надѣловъ нашего памятника съ пѣшими крестьянами и пѣшими дворами въ Малороссіи. Приписывая большую важность занимающему насъ памятнику по отношенію къ способу организаціи крестьянскаго тягла, мы займемся ниже разсмотрѣніемъ сообщаемыхъ въ немъ для этого данныхъ.

[1]) Устанавливается норма цѣнности земли сообразно качествамъ почвы. У анонимнаго автора статьи Μέθοδος τῆς γεωμετρίας также даны три степени земли: 1) ἡ μελίγαλος γῆ, 2) ὑπόποτος, 3) ἀλσώδης, νομαδιαία или πετρώδης. Въ рукоп. Національной Библіотеки *Supplem. Graec.* 452 f. 13 (изд. ар. *Hultsch*, Heronis Alexandrini S. 222) также перечисляются три качества земли: 1) ἡ λιπαρὰ γῆ ἐνσπόρου καὶ γεωμένων, ἡ μελάγγεως γῆ... οἷα στέγει ὑετόν—въ надѣлъ идетъ 100 югеровъ; 2) ὑπόγαιος ἤτοι βαθύγαιος—въ надѣлъ идетъ 125 югеровъ, ἐρυθρὰ ἤτοι κόκκινος—тоже; 3) ὑπὸ ποταμοῦ ἐπιψαμμιζομένη—250 югеровъ. Несомнѣнно земля 3 качества должна быть подразумѣваема въ выраженіи *luscillo* facto et *chersochorio* Лампсакской писцовой книги, *Журналъ Министр. Народнаго Просвѣщенія*, февраль 1884, стр. 290, 328.

[2]) Здѣсь главнѣйше возбуждаетъ недоумѣніе цифра модіевъ, записанныхъ на зевгарь и другіе надѣлы. Если выше зевгарь квалифицируется какъ участокъ цѣнностью въ 60 перперовъ, если притомъ опредѣлена цѣнность земли высшаго, средняго и худшаго качества, то надѣлъ земли на зевгарь долженъ быть не менѣе 100 модіевъ.

[3]) Статья не вполнѣ прочитанная. Рѣчь идетъ о податныхъ сборахъ въ пользу помѣщика. Общимъ правиломъ, повидимому, было, что помѣщикъ бралъ $^1/_3$ продуктовъ сельскаго хозяйства, $^1/_3$ налоговъ на зевгарь. Въ статьѣ показаны 3 перпера какъ часть господина, слѣдовательно сумма налоговъ на зажиточный крестьянскій дворъ простиралась до 9 перперовъ. Это подтверждается *Лампсакской писцовой книгой*, гдѣ сумма податей съ 21 зев-

καὶ τὸ ἄνοικον [1]) αὐτοῦ δημόσιον.

Ὁμοίως ἐὰν ἔχει.. περιβόλου ἢ ἄλλο τι ἵνα ψηφίζεται.

съ него казенныя подати. Такъ же считается, если есть садъ или другое что.

Χρὴ γινώσκειν καὶ τὰ δημόσια τῆς γῆς ὑπάρχωσιν οὕτως [2])

Должно знать, что казенныя подати съ земли идутъ такъ:

Ἡ πρώτη πιότης μοδίων μή εἰς τὸ ὑπέρπυρον	земля 1 качества	1	перперъ на	48 модіевъ
ἡ δευτέρα πιότης μοδίων ρ΄ εἰς τὸ ὑπέρπυρον	» 2 »	1	» »	100 »
ὑποπότιμος... μοδίων λς΄ εἰς τὸ ὑπέρπυρον	орошаемая	1	» »	36 »
ὑποπότιμος... [3]) μοδίων μ΄ εἰς τὸ ὑπέρπυρον	»	1	» »	40 »
τὰ ὑπο(πότιμα?) μοδίων κς΄ εἰς τὸ ὑπέρπυρον	»	1	» »	26 »
ἐλαίας λ΄ εἰς τὸ ὑπέρπυρον.	маслины	1	» »	30 маслинъ

гарата показана въ 208 перперовъ, слѣдовательно почти по 10 перперовъ на зевгарь. Нѣсколько любопытныхъ данныхъ для освѣщенія этого вопроса заимствуемъ изъ сборника ариѳметическихъ задачъ, *Cod. gr. Palatinus* 367 f. 69. Первая: Χωράφιον ἦν πότιμον ἀφ᾽ οὗ ἐλάμβανεν ὁ αὐθέντης αὐτοῦ τὴν γ΄ μερίδα, εἶχε δὲ τοῦτο σπόρον μόδια ς΄, εἶχε δὲ καὶ ἕτερον χωράφιον χέρσον ὅπερ εἶχε σπόρον μόδια ή καὶ ἐλάμβανε ἐξ αὐτοῦ τὴν δ΄ μερίδα· εἶχε δὲ καὶ ἕτερον χωράφιον καὶ εἶχε σπόρον μόδια ι΄ καὶ ἐλάμβανε ἐξ αὐτοῦ ε΄ μερίδα. Εἶτα ἔμιξαν τὰ ὅλα χωράφια καὶ ἔλαχον ὁμοῦ τῶν ἀμφοτέρων μόδια ρ΄. Πόσα τυγχάνει τὸ καθένα; Вторая: Ἐὰν ἐπάρῃ ὁ αὐθέντης ἀπὸ τῶν παροίκων αὐτοῦ ἀπὸ τῶν ή μοδίων μόδια γ΄ ∠΄΄ καὶ ἐπάρῃ ὁ αὐθέντης μόδια ξ΄, ὁ πάροικος τί θέλει νὰ ἐπάρῃ;—Доля париковъ будетъ 77½ модія. Третья: Ἐὰν ἐπάρῃ ὁ αὐθέντης ἀπὸ τοῦ παροίκου αὐτοῦ ἀπὸ τὰ ή μόδια μόδια γ∠΄΄ καὶ ἐπάρῃ ὁ πάροικος μόδια ξ΄, πόσα τυγχάνει τὸν αὐθέντην νὰ ἐπάρῃ;—Доля помѣщика будетъ 46⅔ модіевъ.

[1]) Нужно читать ἀνῆκον.

[2]) Казенныя подати съ земли. Интереснѣйшая статья, объясняющая многія цифровыя показанія въ писцовыхъ книгахъ; изъ сопоставленія данныхъ писцовыхъ книгъ съ приведенной формулой можно вывести заключеніе, что земля перваго качества облагалась казеннымъ налогомъ приблизительно въ размѣрѣ 1 перпера съ 50 модіевъ, земля средняго качества въ размѣрѣ 1 перпера на 100 модіевъ.

[3]) Точками мы обозначили не совсѣмъ понятыя мѣста рукописи. Рѣчь идетъ о такихъ участкахъ, которые находятся въ весьма выгодномъ положеніи относительно орошенія, что дается выраженіемъ ὑποπότιμος или ὑπόποτος, обозначеннымъ въ Cod. сокращено $\overset{\pi\tau}{\upsilon\pi\bar{o}}$, но при этомъ реченіи есть еще опредѣлительное слово, въ первомъ случаѣ ὁλοκαιρί, во второмъ ὁχειμερό—то и другое мы не могли объяснить себѣ.

Ὀφείλει δὲ ἔχειν τὸ μῆκος τοῦ σχοινίου τῆς μέτρας καθῶς τὸ ἔταξαν κάννας ις′ 1/3 [1]).

Ἑρμηνεία εἰς ἀποκοπὴν ψωμίων τῆς κατωμερίας.

Νὰ καταγράφουνται οἱ ζευγαράτοι καὶ οἱ μονοβοΐδριοι καὶ οἱ πεζοί, επ᾽ ἂν καταγράψῃς τούτους καὶ ποιήσῃς τὴν δμάδα τούτων. Ἵνα καταγράψῃς καὶ τὴν γῆν ὅλην τοῦ χωρίου πόσων μοδίων ὑπάρχει, ἔκτοτε ἵνα ἐπιδώσῃς τοῦ ζευγαράτου μόδια μ΄, τοῦ μονοβοϊδρίου μόδια λ΄ καὶ τοῦ πεζοῦ μόδια κ΄ καὶ ὀφείλῃς ψηφίζειν οὕτως

τὸν ζευγαράτον ὑπέρπυρα ξ΄
τὸν μονοβοΐδριον ὑπέρπυρα μ΄
καὶ τὸν πεζὸν ὑπέρπυρα κ΄.

Τὴν δὲ λοιπὴν γῆν ὅσην ὑπομείνῃ μετὰ τὴν ἱκάνωσιν τούτους καθῶς ἄνωθεν δεδηλώκαμεν ἵνα ψηφίζῃς

τὴν ποτίμην γῆν μοδ. $1^3/_4$ εἰς τὸ ὑπέρπ.

τὴν ἐργασμένην » » $3^1/_2$ » » »

καὶ τὴν χερσαίαν » » 7 » » »

Ποιήσωμεν οὖν τούτων ὡς ἐν παραδείγματι [2]). Ἤβρομεν εἰς προάστειον ζευγαράτους $11^1/_2$ καὶ τὴν γῆν μοδίων 1497, ἢ ἐργασμένην μόδια 1367 καὶ χερσαίαν μόδια 130.

Длина веревки должна быть какая установлена, $16^1/_3$ каннъ.

Толкованіе на снятіе дробей въ ровной мѣстности.

Опиши зевгаратовъ и одноволовыхъ и пѣшихъ и описавъ сложи число ихъ. Опиши и всю землю этого мѣстечка—сколько есть модіевъ. Потомъ отдѣли на зевгарь 40 модіевъ, на имѣющихъ одного вола по 30 модіевъ, на пѣшаго 20 модіевъ и считай такъ:

зевгарь	60 перперовъ
одноволовый	40 »
пѣшій	20 »

Остальную же землю, какая останется за надѣломъ ихъ, считай по вышеобъясненному

орошаемую землю (или 1 качества) на 1 перперъ $1^3/_4$ модія

воздѣлываемую (или 2 качества) на 1 перперъ $3^1/_2$ модія

пастбищную (или 3 качества) на 1 перперъ 7 модіевъ.

Представимъ это на слѣдующемъ примѣрѣ. Пусть будетъ дано въ помѣстьи зевгарей $11^1/_2$ и земли 1497 модіевъ, то-есть 2 качества 1367 модіевъ и пастбищной 130 модіевъ.

[1]) Длина сокаря должна быть въ $16^1/_3$ каннъ. Употребленіе слова κάννα въ этомъ смыслѣ весьма рѣдко. У *Полибія*, 14, 1, 15 слово κάννα употребляется вмѣсто κάλαμος и, повидимому, обозначаетъ величину шеста. Вообще сокарь имѣетъ отъ $9^1/_4$ до 12 саженъ (или шестовъ), сокарь въ $16^1/_3$ шестовъ употреблялся для измѣренія виноградныхъ плантацій. Такъ какъ здѣсь опредѣляется величина единицы мѣры земельной, то мы можемъ только остановиться на догадкѣ, что канна была меньше калама—оргіи. Въ Словарѣ *Дюканжа* приведено слово κάννα въ смыслѣ *vasculum* и καννίον въ смыслѣ οἱ κόνδυλοι τῶν καλάμων.

[2]) Объясненія по отношенію къ этому примѣру даемъ ниже; $11^1/_2$ зевгарей нужно понимать какъ 11 зевгарей и 1 воидатъ. Остальныя выраженія и цифровыя данныя всѣ понятны. Но въ общемъ остается нѣсколько неразъясненныхъ подробностей.

ὑπὲρ ζευγαράτα ια′ ∠′ καὶ γῆν μόδια υο′ ὑπέρπυρα ψ′	ὑπὲρ τῆς λοιπῆς γῆς τῶν ωιζ′ μοδίων ὑπέρπυρα σνς′ κόκ. ς′	ὑπὲρ τῆς στερεᾶς χερσαίας γῆς τῶν ρλ′ μοδίων ὑπ. ιη′ κόκ. ιγ′.

ὑπέρπυρα ϡοδ ∠′ δ″
ἄφες δεκατισμὸν

τὸ λιγφθὲν ὑπέρπυρα ωο′

За 11½ зевгарей и за 470 модіевъ земли перперовъ 700.	За остальную землю 897 модіевъ перп. 256, коккіевъ 6.	За 130 модіевъ пастбищной земли перп. 18, кокк. 13.

Всего перперовъ 974¾.

За скидкой одной десятой доли остается 877 перперовъ.

Какъ смотрѣть на приведенный отрывокъ? Не можетъ быть сомнѣнія прежде всего, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ теоріей хозяйственнаго разсчета, составленнаго неизвѣстнымъ помѣщикомъ и, по всей вѣроятности, владѣльцемъ населенной крестьянами земли. Слѣдовательно, отрывокъ не имѣетъ за собой оффиціальнаго значенія и долженъ быть разсматриваемъ какъ запись совершенно частнаго характера, пригодная для экономическихъ соображеній сельскаго хозяина. По всей вѣроятности, она была сдѣлана на болѣе древнемъ кодексѣ владѣльцемъ рукописи, и въ 13 вѣкѣ переписана была въ новый кодексъ, въ которомъ и сохранилась до настоящаго времени. Въ такомъ характерѣ происхожденія этой записи убѣждаетъ насъ то обстоятельство, что въ палатинской рукописи она раздроблена на двѣ части, причемъ первая находится на 98 листѣ, вторая на 164. Ясно, что переписчикъ этой рукописи нашелъ въ своемъ оригиналѣ двѣ записи на бѣлыхъ незаписанныхъ страницахъ, и, хотя въ прежней рукописи онѣ размѣщены были на разныхъ листахъ только за недостаткомъ свободнаго мѣста, но переписчикъ, не мудрствуя лукаво, вписалъ также въ разныя части своей копіи оба отрывка записи, какъ нашелъ ихъ въ оригиналѣ.

Не смотря на частный характеръ, запись имѣетъ на нашъ взглядъ важное значеніе. Не говоря уже о томъ, что въ той области, къ которой относятся приводимые здѣсь матеріалы, частно-бытовая дѣйствительность даетъ изслѣдователю гораздо больше, чѣмъ оффиціальный актъ купли, продажи, завѣ-

щанія или раздѣла земли,—мы имѣемъ въ этой записи указанія на такія стороны экономической жизни, которыхъ не касается ни одинъ сохранившійся оффиціальный актъ. Запись вводитъ насъ въ распорядки помѣщичьяго хозяйства и даетъ любопытныя черты къ характеристикѣ экономическаго состоянія зависимаго отъ помѣщика населенія. Этимъ спеціальнымъ характеромъ записи должны объясняться нѣкоторыя особенности, находимыя въ ней сравнительно съ другими матеріалами по исторіи землевладѣнія въ Византіи.

Не возвращаясь къ общему содержанію и частностямъ, о чемъ говорено въ примѣчаніяхъ, сосредоточимъ теперь вниманіе на главной мысли отрывка и посмотримъ, какъ можно поставить въ связь сообщаемыя имъ данныя съ другими матеріалами. Важнѣйшимъ и совершенно оригинальнымъ считаемъ взглядъ на *зевгарь*, о которомъ ни одинъ изъ сохранившихся источниковъ не даетъ такого полнаго и яснаго представленія.

О зевгарѣ говорили мы нѣсколько разъ на страницахъ «Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія», поэтому здѣсь достаточно будетъ указать, что относительно этого вопроса существуютъ два мнѣнія, примыкающія къ противоположнымъ воззрѣніямъ въ римскомъ правѣ на *jugum*. Какъ относительно jugum, такъ и зевгаря колеблются мнѣнія на счетъ реальной измѣримости: представляютъ ли собой эти термины реальную, или же идеальную величину, т. е. можно ли по данному числу зевгарей заключать о количествѣ модіевъ, веревокъ, саженъ и т. п. Что касается въ частности зевгаря, всѣ заключенія до сихъ поръ основывались на трехъ актахъ[1]), представляющихъ вообще значительныя неясности въ главнѣйшихъ своихъ частяхъ, именно въ цифровыхъ показаніяхъ.

Межевое дѣло объ отводѣ земли монастырю Русику вызываетъ сомнѣнія относительно цифры 748. Этой суммы модіевъ нельзя получить сложеніемъ данныхъ въ актѣ величинъ, которое приводитъ къ суммѣ модіевъ $830^1/_2$. Если допустить обычный вычетъ десятаго модія, то получимъ въ итогѣ 748, показанную въ актѣ цифру. Но съ этой величиной мы не можемъ считаться какъ съ безспорнымъ итогомъ, потому что въ актѣ показано рядомъ два итога: «вмѣстѣ 616, а всего 748 модіевъ». Единственное и, полагаемъ, вѣрное средство объяснить эту странность заключается въ предположеніи, что первая цифра показываетъ сумму модіевъ земли одного качества, а недостающая до 748 сумма или 132 модія должна представлять землю иного качества. Затѣмъ, хотя мы и знаемъ, что 748 модіевъ въ нашемъ актѣ должны составлять 3 зевгаря, но въ виду неодинаковаго качества земли едва-ли имѣемъ основаніе принимать круглымъ счетомъ въ каждомъ зевгарѣ $249^1/_3$ модіевъ. Если уже искать точнаго счета модіевъ въ зевгарѣ, то правильнѣй было бы дѣлить на 3 не число, полученное послѣ выдѣленія $^1/_{10}$ доли, а сумму всѣхъ модіевъ, т. е. $830^1/_2$, причемъ на зевгарь пришлось бы около 277 модіевъ.

[1]) *Акты Русскаго на св. Аѳонѣ монаст.*, стр. 191, 203; *Miklosich*, Acta IV 146—150

Не менѣе затрудненій представляетъ и другой актъ, и тоже въ счетѣ модіевъ. Задача землемѣра заключалась въ томъ, чтобы опредѣлить квадратную площадь цѣлаго участка и сдѣлать падѣлъ въ 30 зевгарей. Онъ разрѣшилъ ее согласно практикѣ: отмѣрилъ кругомъ пограничную черту участка, отмѣчая число отложенныхъ веревокъ при каждомъ поворотѣ пограничной черты. Сумма всѣхъ сокарей получилась 413. По системѣ перевода сокарей на модіи, указанной выше, и послѣ скидки $^1/_{10}$ доли, землемѣръ опредѣлилъ квадратную площадь участка въ $4039^1/_2$ модіевъ. Но мы нашли здѣсь ошибку въ вычисленіяхъ, которую не можемъ себѣ объяснить: ожидалась бы сумма значительно бо́льшая, именно $4324^1/_2$ модіевъ. Ясно однако, что если мы возьмемъ и бо́льшую сумму, то раздѣливъ ее на 30, все же получаемъ въ частномъ почти вдвое меньше модіевъ на зевгарь, чѣмъ сколько выходитъ по первому акту.

Въ противоположность къ приведеннымъ, въ третьемъ актѣ не встрѣчаемъ указанія на количество модіевъ, а въ замѣнъ того есть указанія на любопытный способъ отвода земли: въ протоколѣ отвода сказано, что такая-то *земля оцѣнена свѣдущими людьми въ шесть зевгарей.*

Не можетъ быть сомнѣнія, что здѣсь шла рѣчь объ оцѣнкѣ качественности и производительности земли. Не объясняются ли этимъ обстоятельствомъ найденныя выше весьма несогласныя между собой суммы модіевъ, образующія зевгарь?

Этотъ вопросъ, какъ намъ кажется, разрѣшаетъ въ утвердительномъ смыслѣ занимающая насъ неоффиціальная запись.

Какъ приведенные выше акты, такъ и писцовая книга, напримѣръ Хиландарскій практикъ, не показываютъ ни въ одномъ случаѣ *нормальнаго* количества пахотной земли, приписанной къ зевгарату; напротивъ, свидѣтельствуютъ о безконечномъ разнообразіи подворныхъ надѣловъ, помѣченныхъ зевгаремъ. Вопросъ о качественности земли и объ оцѣнкѣ ея сравнительнаго достоинства самъ собой возникалъ въ умѣ для объясненія разнообразія надѣловъ, но до сихъ поръ недоставало прямыхъ данныхъ, по которымъ бы можно было подвести подъ опредѣленныя формулы всѣ разнообразія.

Теперь мы получаемъ эту формулу, объясняющую возможность почти безконечнаго колебанія количества модіевъ въ зевгарѣ. Практически зевгаремъ записывался такой земельный крестьянскій надѣлъ, который *оцѣнивался свѣдущими людьми, по соображенію качествъ земли, въ 60 перперовъ.* Правда, въ нашемъ отрывкѣ сказано еще, что *зевгаратъ долженъ имѣть 40 модіевъ*, но это величина условная, очевидно зависящая отъ идеальной качественности земли, это исходное количество модіевъ въ организаціи зевгаря. Главнѣйшій выводъ, получаемый на основаніи данныхъ записи, заключается въ томъ, что количество модіевъ въ зевгарѣ находится въ зависимости отъ качества почвы, иначе говоря, тѣмъ больше модіевъ земли записывается на зевгарь, чѣмъ ниже

по качеству почва, и наоборотъ. Практически земля по свойствамъ раздѣлялась на три степени и оцѣнивалась по такой формулѣ:

1 качества $1^3/_4$ модія на 1 перперъ
2 качества $3^1/_2$ модія на 1 перперъ
3 качества 7 модіевъ на перперъ.

Эту формулу мы считаемъ въ высшей степени важною въ ученіи о зевгарѣ, ибо ею объясняются, съ одной стороны, разнообразія количества модіевъ въ извѣстныхъ актахъ и писцовыхъ книгахъ, съ другой устанавливается ясное правило, которому подчинены эти разнообразія.

Для удобства обозрѣнія представимъ въ таблицѣ отношеніе цѣнностей земли къ организаціи надѣла:

	Модіи		
Перперы	Земля 1 качества	Земля 2 качества	Земля 3 качества
1	$1^3/_4$	$3^1/_2$	7
2	$3^1/_2$	7	14
3	$5^1/_4$	$10^1/_2$	21
4	7	14	28
5	$8^3/_4$	$17^1/_2$	35
6	$10^1/_2$	21	42
7	$12^1/_4$	$24^1/_2$	49
8	14	28	56
9	$15^3/_4$	$31^1/_2$	63
10	$17^1/_2$	35	70
11	$19^1/_4$	$38^1/_2$	77
12	21	42	84
13	$22^3/_4$	$45^1/_2$	91
14	$24^1/_2$	49	98
15	$26^1/_4$	$52^1/_2$	105
16	28	56	112
17	$29^3/_4$	$59^1/_2$	119
18	$31^1/_2$	63	126
19	$33^1/_4$	$66^1/_2$	133
20	35	70	140
25	$43^3/_4$	$87^1/_2$	175
30	$52^1/_2$	105	210
35	$61^1/_4$	$122^1/_2$	245
40	70	140	280
50	$87^1/_2$	175	350
60	105	210	420

Таблица наглядно убѣждаетъ, что если зевгарь квалифицируемъ былъ какъ хозяйственная и податная единица стоимостью въ 60 перперовъ, то реальное количество модіевъ въ зевгарѣ должно было колебаться, судя по качеству почвы, между 105 и 420 модіями. На практикѣ никогда, конечно, не могло случиться, чтобы отходящая въ надѣлъ крестьянамъ земля вся была или лучшаго, или средняго, или худшаго качества, оттого необходимо крайнее разнообразіе количества модіевъ въ зевгарѣ. Примемъ за нормальную величину 40 модіевъ и посмотримъ, какъ будетъ измѣняться это число по условіямъ качественности почвы. Сорокъ модіевъ земли лучшаго качества оцѣнивается въ 23 перпера (собственно $22^6/_7$), слѣдовательно, для образованія зевгаря цѣнностью въ 60 перперовъ, къ участку въ 40 модіевъ нужно прирѣзать еще почти 65 модіевъ земли перваго качества, или почти 130 средняго качества, или же почти 260, если на прирѣзку идетъ земля худшаго качества. Въ такомъ случаѣ нашъ зевгарь будетъ заключать въ себѣ или 105, или 170, или же наконецъ 300 модіевъ. Понятно, что въ дѣйствительной жизни чаще случалось такъ, что въ крестьянскій надѣлъ входила земля разныхъ качествъ, видоизмѣняя до безконечности сумму модіевъ.

Первая часть записи объясняетъ весьма удовлетворительно самый трудный вопросъ по отношенію къ организаціи крестьянскаго надѣла, давая ключъ къ пониманію разнообразія количества модіевъ въ зевгарѣ. Но признаемся, остаются еще другія сомнѣнія, вызываемыя второй ея частью, именно *толкованіемъ*.

Толкованіе слѣдуетъ поставить въ непосредственную связь съ первой частью, хотя въ рукописи онѣ раздѣлены; ибо здѣсь мы находимъ практическое примѣненіе высказанныхъ въ первой части и повторенныхъ въ толкованіи положеній на одномъ примѣрѣ. Дано помѣстье съ $11^1/_2$ зевгарями, въ которомъ земли 1497 модіевъ и именно пахатной 1367 и пастбищной 130 модіевъ. Таблица, представляющая земельныя величины въ модіяхъ и оцѣнку ихъ въ перперахъ, вообще не возбуждаетъ никакихъ сомнѣній относительно пониманія отдѣльныхъ частей. Такъ, $11^1/_2$ зевгарей слѣдуетъ понимать въ смыслѣ 11 зевгаратныхъ и 1 вондатнаго хозяйства. Если зевгарь условно долженъ имѣть 40 модіевъ, а вондатъ 30, то на $11^1/_2$ зевгарей дѣйствительно приходится та сумма, которая дана въ таблицѣ, 470 модіевъ. Далѣе, если зевгарь оцѣнивается какъ хозяйственная и податная единица стоимостью въ 60 перперовъ, вондатъ же въ 40, то цифра 700 перперовъ въ дѣйствительности обозначаетъ экономическую стоимость 11 зевгаратовъ и 1 вондата. Разсчетъ по отношенію къ землѣ, оставшейся за вычетомъ 470 модіевъ, также совершенно простъ. Это очевидно земля средняго качества, потому что цѣнность ея опредѣляется по формулѣ $3^1/_2$ модія на 1 перперъ. Въ самомъ дѣлѣ, 897 дѣленное на $3^1/_2$ даетъ въ частномъ $256^1/_4$, т. е. сумму перперовъ, показанную въ таблицѣ. Такъ какъ

1 перперъ имѣетъ 24 коккія, то $^1/_4$ перпера соотвѣтствуетъ 6 коккіямъ. Статья о пастбищной землѣ представляетъ оцѣнку ея стоимости по формулѣ 7 модіевъ на 1 перперъ. Приведенная въ таблицѣ сумма 18 перперовъ и 13 коккіевъ есть частное отъ дѣленія 130 на 7. Всѣ сложенныя суммы даютъ итогъ $974^3/_4$ и, послѣ скидки $^1/_{10}$, 877 перперовъ, т. е. такой суммой выражается стоимость помѣстья въ $11^1/_2$ зевгарей при 1497 модіяхъ земли.

Главнѣйшій камень преткновенія заключается въ томъ, что здѣсь прямо утверждается, будто зевгарь есть надѣлъ въ 40 модіевъ, такъ какъ только эти 40 модіевъ идутъ въ счетъ при классификаціи зевгаря какъ хозяйственной единицы въ 60 перперовъ. Если давать вѣру этому положенію, то оно прежде всего оказалось бы въ противорѣчіи съ другими источниками по византійскому землевладѣнію и лишало-бы всякаго значенія вопросъ о качественности земли въ организаціи крестьянскаго надѣла. Но допустить это—значило-бы снова погрузиться въ непроницаемый мракъ.

Нужно обратить вниманіе, что наша запись есть сельско-хозяйственный разсчетъ помѣщика времени господства проніарской или помѣстной системы и представляетъ, такимъ образомъ, картину положенія крестьянъ, сидящихъ на помѣщичьей землѣ. Надо думать, что помѣщичья власть наложила руку на крестьянскія вольности и ограничила право захвата вольныхъ не занятыхъ земель. Интересъ помѣщика заключался въ томъ, чтобы имѣть по возможности больше крестьянскихъ надѣловъ на пожалованной ему землѣ и заставить крестьянъ приложить руки къ обработкѣ небольшихъ надѣловъ. Понятно, что помѣщикъ урѣзывалъ общинныя крестьянскія земли, съ тѣмъ чтобы выдѣлить изъ нихъ новыя «*стаси*» и поселить на нихъ охочихъ людей со стороны. Такъ долженъ былъ округляться крестьянскій зевгарь, чтобы придти къ нормѣ въ 40 модіевъ.

Весьма любопытно, что въ то время какъ помѣстная система такъ ограничивала крестьянскій надѣлъ, государство продолжало съ своей стороны надѣлять крестьянъ казенными землями по старому обычаю, считая на зевгарь втрое или вчетверо больше модіевъ. Въ сохранившихся актахъ надѣленія землей XIII и XIV в. проведенъ тотъ принципъ, что на зевгарь нарѣзывалось тѣмъ больше земли, чѣмъ она хуже по качеству, притомъ земля высшаго качества оцѣнивалась по формулѣ $1^3/_4$ модія на перперъ, между тѣмъ на помѣщичьей землѣ, къ крайнему удивленію, мы встрѣчаемъ весьма неблагопріятную оцѣнку—1 модій $1^1/_2$ перпера. Что дѣйствительно наша запись не составляетъ исключенія, а выражаетъ господствующій обычай, доказательство находимъ въ Хиландарской писцовой книгѣ. Тамъ также бросается въ глаза то обстоятельство, что 18 церковныхъ зевгарей въ селѣ Градцѣ имѣютъ пахатной земли 1335 кобловъ, между тѣмъ какъ 19 проніарскихъ зевгарей въ томъ же селѣ владѣютъ только 825 коблами земли. Эта странная неравномѣрность объясняется

теперь, благодаря новымъ матеріаламъ, тѣмъ, что помѣщики села Градца ограничили зависимые отъ нихъ зевгараты самыми небольшими земельными надѣлами, именно 43 коблами, между тѣмъ какъ на долю церковныхъ зевгарей приходится по 74 кобла.

Слѣды прежней, такъ сказать, отживающей системы вольнаго сельскаго хозяйства сказываются въ излишкѣ земли, остающейся за выдѣленіемъ зевгаратныхъ и воидатныхъ надѣловъ. Въ Хиландарской и Лампсакской писцовыхъ книгахъ эти излишнія земли находятся въ общинномъ пользованіи и составляютъ значительный экономическій запасъ въ распоряженіи сельской общины. Въ нашей записи тоже оказывается значительный излишекъ, именно 897 модіевъ земли средняго качества и 130 модіевъ земли пастбищной. Помѣщикъ организовалъ свое примѣрное хозяйство, очевидно, по обыкновенному типу реальныхъ помѣщичьихъ усадебъ, въ которыхъ крестьяне владѣли, кромѣ подворныхъ участковъ, еще правомъ участія въ общинной землѣ и въ пастбищахъ. Если бы въ записи не было оцѣнки 470 модіевъ въ 700 перперовъ, то мы бы имѣли право всю землю помѣстья, т. е. 1497 модіевъ, разсматривать какъ входящую въ организацію $11\frac{1}{2}$ зевгарей, тогда на каждый зевгарь приходилось бы по 130 модіевъ.

Въ записи есть еще одна важная статья—указаніе нормы казенной подати съ земли. По этому вопросу имѣемъ въ источникахъ весьма скудныя свѣдѣнія. Единственныя прямыя данныя можно почерпать въ Хиландарской писцовой книгѣ, какъ памятникѣ богатомъ цифровыми показаніями для разнообразныхъ сторонъ крестьянскаго хозяйства. Такъ какъ Хиландарскій практикъ есть оффиціальный памятникъ, въ которомъ показаны только круглыя цифры сбора съ разныхъ статей, а наша запись носитъ совершенно частный характеръ и сообщаетъ или мотивы или основанія для той или другой податной статьи, то очевидно, что значеніе обоихъ памятниковъ много выиграетъ, если теоретическія показанія одного оправдаются фактическими данными въ другомъ, и наоборотъ. Въ такомъ именно соотвѣтствіи оказываются показанія нашихъ обоихъ источниковъ относительно нормы казенной подати съ земли.

Казенная подать взималась по такой системѣ:

съ земли 1 качества 1 перперъ на 48 модіевъ

съ земли 2 качества 1 перперъ на 100 модіевъ

съ разныхъ видовъ земли, находящейся въ особенно благопріятныхъ условіяхъ относительно орошенія, 1 перперъ взимался то на 40, то на 36, то наконецъ на 26 модіевъ

съ масличныхъ садовъ подать шла въ размѣрѣ 1 перпера съ 30 масличныхъ деревъ.

Можемъ съ полной увѣренностью сказать, что эта формула дѣйствительно выражаетъ господствующую систему обложенія, ибо она находитъ себѣ под-

твержденіе и прекрасно комментируетъ слѣдующія цифровыя показанія Хиландарской писцовой книги:

за землю Муньзеньскую	1800	кобловъ	36	перперовъ
за мѣсто Лужьчко	2000	»	40	»
въ Крушицахъ	800	»	16	»

Какъ приведенныя, такъ и другія цифровыя данныя Хиландарскаго практика, касающіяся казенной подати съ земли, объясняются общимъ положеніемъ, что государство брало 1 перперъ съ 50 кобловъ. Единственное, повидимому, исключеніе представляетъ столбецъ о подати съ села Градца, но и тутъ мы скорѣй склонны объяснить дѣло ошибкой въ текстѣ, или въ нашемъ чтеніи. Нужно читать не восемьсотъ хиліадъ, а восемь хиліадъ, что и правдоподобнѣй.

Указанная формула обложенія земли государственными податями въ размѣрѣ 1 перпера съ 50 модіевъ земли лучшаго качества или со 100 модіевъ средняго качества, безъ сомнѣнія, уже даетъ нѣкоторыя общія основанія къ заключеніямъ о податной системѣ византійскаго государства. Принимая въ соображеніе, что арендная плата за землю, какъ свидѣтельствуютъ объ этомъ акты найма, краткосрочной и долгосрочной аренды и т. п., стояла гораздо выше и достигала 1 перпера за 12 модіевъ, или 5 съ участка въ 60 модіевъ, мы должны придти къ заключенію, что государство вообще облагало землю очень низкой податью.

Не можемъ оставить безъ вниманія еще весьма любопытныхъ особенностей *въ перечисленіи разрядовъ крестьянскихъ хозяйствъ*: ζευγαράτος, μονοβοΐδριος, πεζός. Въ примѣчаніи къ этому мѣсту мы сослались на писцовыя книги, которыя позволяютъ усматривать въ этихъ терминахъ разнаго рода надѣлы или дворы крестьянскіе. Но *пѣшаго* надѣла или двора въ писцовыхъ книгахъ мы не встрѣчали, хотя думаемъ, что его обозначаетъ отдѣлъ крестьянъ, называемыхъ ἀκτήμονες. Не останавливаясь, однако, на этомъ сближеніи и усматривая нѣкоторую градацію въ наименованіяхъ надѣловъ: *парный* или зевгаратный, *одноволовый* или вондатный и *пѣшій*, мы естественно приведены были къ мысли искать объясненія этихъ терминовъ въ системѣ артельной пашни или общинной обработки земли. Въ высшей степени интересныя данныя по этому вопросу желающій можетъ почерпнуть въ прекрасномъ сочиненіи *Сибома*[1]), который показалъ соотношеніе между названіями земельныхъ надѣловъ къ плуговой запряжкѣ. Обычаи, наблюдаемые въ старой Англіи, едва-ли не должны служить объясненіемъ для занимающихъ насъ терминовъ.

Пашня въ складчину вызывалась необходимостью имѣть плуговую запряжку въ 8 воловъ, а какъ не всякій домохозяинъ могъ имѣть потребное

---

[1]) *Seebom*, The English Village Community, London 1883. Объ этой книгѣ моя статья въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія, ч. 241, отд. 2.

количество скота, то ставили въ артельный плугъ кто сколько могъ: одинъ пару, другой одного, третій, за неимѣніемъ рабочаго скота, участвовалъ въ артельной пашнѣ лично, служа погонщикомъ воловъ или направляя плугъ. Участіемъ домохозяина въ артельной пашнѣ опредѣлялся его надѣлъ: кто являлся съ 2 волами, имѣлъ и надѣлъ больше, кто съ однимъ—имѣлъ надѣлъ вдвое меньше противъ перваго, наконецъ кто не имѣлъ рабочаго скота—владѣлъ участкомъ вдвое меньшимъ противъ втораго [1]). Весьма важно при этомъ то обстоятельство, что разность земельныхъ надѣловъ, объясняющаяся условіями запряжки въ плугъ, имѣетъ мѣсто какъ въ свободной сельской общинѣ, такъ и зависимой отъ помѣщика-землевладѣльца. Въ послѣднемъ случаѣ разность земельныхъ надѣловъ: парный, одноволовый, пѣшій—будетъ зависѣть отъ способа отбыванія крестьяниномъ натуральныхъ повинностей въ пользу помѣщика. Если онъ является на господскую пашню съ 2 волами, то надѣлъ его парный, если съ однимъ—одноволовый и т. д.

Такимъ образомъ, пѣшій надѣлъ нашего памятника является выразителемъ тѣхъ же условій сельскохозяйственной жизни, какія отмѣчены англійскимъ изслѣдователемъ въ сельскихъ общинахъ Великобританіи.

Гораздо любопытнѣй другое сближеніе, которое удалось намъ подмѣтить въ приложеніи *къ русскому землевладѣнію*. Въ Малороссіи до сихъ поръ въ употребленіи пѣшій дворъ и пѣшій надѣлъ, хотя нельзя сказать, чтобы значеніе и въ особенности историческое происхожденіе термина было сколько нибудь объяснено. Тѣмъ съ бо́льшимъ удовольствіемъ остановимся на сравненіи византійскаго и малорусскаго пѣшаго надѣла, что это дастъ, можетъ быть, лишнее доказательство въ пользу этнографическаго и культурнаго обмѣна между греками и русскими въ средніе вѣка. Едва-ли ошибемся, сказавъ, что новые матеріалы по исторіи экономическаго быта крестьянскаго сословія, изданные послѣ великой освободительной реформы, не равняются по своему качеству, стройности и цѣлостности съ тѣмъ, что изслѣдователь можетъ находить въ «Мѣстномъ Положеніи» о поземельномъ устройствѣ крестьянъ, или въ работахъ коммиссій и губернскихъ присутствій, или въ обработкахъ этихъ матеріаловъ, каково изданіе *Скребницкаго* «Крестьянское дѣло въ царствованіе Императора Александра II. Матеріалы для исторіи освобожденія крестьянъ». Бонпъ на Рейнѣ, 1863. Какъ ни громоздки эти матеріалы, за которыми нужно обращаться, между прочимъ, къ Своду Законовъ, но изученіе ихъ не можетъ не вознаградить сугубо, ибо изслѣдователь скоро убѣждается въ серіозномъ, глубокомъ и старательномъ изученіи крестьянской жизни со стороны тѣхъ почтенныхъ дѣятелей, изъ которыхъ многіе приступили къ дѣлу реформы, повидимому, безъ надлежащей теоретической под-

[1]) *Seebom*, p. 62—63, артельная пашня p. 118—125.

готовки, но съ искреннимъ желаніемъ добра ближнему и не увлекаясь подчасъ весьма толково и энергично отстаиваемыми идеями поборниковъ противоположныхъ взглядовъ. Въ дѣлопроизводствѣ по проведенію реформы въ Малороссіи мы замѣчаемъ, что существованіе здѣсь особаго вида крестьянскихъ дворовъ, называемыхъ пѣшими, послужило главнымъ основаніемъ въ разрѣшеніи вопроса о надѣлѣ крестьянъ землей[1]). Именно, особая норма надѣла, отличная отъ Великорусской, принята была для тѣхъ мѣстностей, гдѣ *признано господствующимъ Малороссійское хозяйственное устройство, т. е. раздѣленіе хозяевъ на тяглыхъ и пѣшихъ.*

Какимъ образомъ выработались въ Малороссіи такія особенности, этимъ, конечно, дѣятели крестьянской реформы не задавались. Едва-ли вѣрно они судили и о томъ, что отличія малорусскаго сельскохозяйственнаго строя сводятся къ незнакомству съ общинными порядками, господствующими въ Великороссіи и что тяглые и пѣшіе дворы, современные реформѣ, развились въ весьма недавнее время, то-есть или въ началѣ 19 вѣка, или еще ближе ко времени реформы. Что касается незнакомства Малороссовъ съ общиннымъ бытомъ, это уже теперь достаточно опровергнуто вновь найденными матеріалами; что же касается періода образованія крестьянскаго землевладѣнія въ томъ видѣ, какъ его наблюдали современники реформы, то безъ сомнѣнія онъ подготовлялся не десятками лѣтъ, а столѣтіями. Сдѣлавъ эти оговорки, обращаемся къ матеріаламъ для освѣщенія занимающаго насъ вопроса. Надѣлы тяглый и пѣшій являются выразителями формы натуральныхъ повинностей крестьянина относительно помѣщика. Помѣщики давали крестьянамъ столько земли, сколько было у послѣднихъ рабочаго скота: которые имѣли свой рабочій скотъ, составили разрядъ тяглыхъ, а которые не имѣли онаго, разрядъ пѣшихъ[2]).

Такъ какъ работа со скотомъ стоитъ дороже работы безъ скота, а притомъ тяглый крестьянинъ имѣетъ потребность въ большемъ количествѣ земли для содержанія скота, то пѣшій надѣлъ вообще былъ гораздо меньше тяглаго. Самое выгодное устройство для пѣшихъ тамъ, гдѣ пѣшій надѣлъ вдвое менѣе противъ тяглаго. Подъ тяглыми разумѣются въ Малороссіи тѣ хозяева, которые имѣютъ по крайней мѣрѣ пару рабочихъ воловъ (или пару лошадей), въ послѣднее время сталъ выдѣляться особый разрядъ хозяевъ *полутяглыхъ или одноволовыхъ*[3]).

---

[1]) Это указано въ *Полномъ Собраніи Законовъ*, Собраніе II, т. XXXVI, отдѣленіе II № 37439 (Законъ 1861 г. сентября), равно въ *Приложеніи* къ т. XXXVI. Прил. къ ст. 150 *Мѣстнаго Положенія.*

[2]) Пользуемся разсужденіями г. *Скребницкаго*, *Матеріалы* т. II, ч. I, стр. 45 и слѣд.

[3]) Читатель пойметъ, что это вполнѣ совпадаетъ съ терминами византійской писцовой книги: зевгараты и βοϊδατы или μονοβοιδρίη, т. е. одноволовые.

Ко времени крестьянской реформы, въ Малороссіи оказалась масса безземельныхъ крестьянъ, напримѣръ въ Полтавской губерніи было 83193 хозяйства съ пахатной и усадебной землей, 47674 только съ усадебной и 24940 безземельныхъ. Поэтому, когда нужно было рѣшить вопросъ о надѣлѣ крестьянъ землей, оказалось затруднительнымъ дать надѣлъ сельскимъ обществамъ, незнакомымъ съ общинными порядками Великороссіи. Редакціонныя коммиссіи склонились въ этомъ вопросѣ къ мнѣнію генералъ-адъютанта Ростовцова, находившаго несправедливымъ насильственно вводить общинное владѣніе тамъ, гдѣ господствовало подворное, и рѣшились ограничиться утвержденіемъ за каждымъ домохозяиномъ того участка, какимъ онъ владѣлъ лѣтомъ 1859 года. Такимъ образомъ, земельное владѣніе въ Малороссіи выражается въ трехъ разрядахъ надѣловъ или дворовъ: тяглые, полутяглые и пѣшіе. Эти надѣлы поставлены въ опредѣленныя отношенія къ помѣщику по натуральнымъ повинностямъ. Тяглый надѣлъ отбываетъ повинность парой воловъ, полутяглый однимъ воломъ, пѣшій отбываетъ повинность личнымъ трудомъ, безъ скота.

Между матеріалами по освобожденію крестьянъ отъ крѣпостной зависимости встрѣчаются иногда въ высшей степени цѣнныя мнѣнія и наблюденія, которыя даютъ ключъ къ уразумѣнію самаго процесса измѣненія сельскохозяйственныхъ порядковъ въ Малороссіи.

Мы указали выше, что преобладающее количество пѣшихъ дворовъ имѣло рѣшающее значеніе на судьбу реформы въ Малороссіи. Сообразно этому малорусскіе губерніи и уѣзды были раздѣлены на полосы и въ каждой полосѣ опредѣленъ особо размѣръ пѣшаго надѣла: въ лучшихъ по качеству земли полосахъ пѣшій надѣлъ былъ въ $4^1/_2$ десятины и ниже, въ худшихъ доходилъ до $9^1/_2$ десятинъ. Кіевская коммиссія, представлявшая много возраженій противъ принципа надѣленія землей соразмѣрно дѣйствовавшей въ 1859 и 1860 годахъ сельскохозяйственной практикѣ въ помѣщичьихъ имѣніяхъ, сдѣлала нѣсколько ретроспективныхъ наблюденій, весьма для насъ любопытныхъ [1]). Кіевскіе помѣщики указывали, что дѣленіе хозяйствъ на тяглыя и пѣшія, принятое въ новыхъ инвентарныхъ спискахъ, совершенно не раціонально и далеко не всеобщее, ибо вводилось по хозяйственнымъ видамъ самихъ помѣщиковъ. До введенія инвентарныхъ правилъ въ томъ краѣ существовали весьма разнообразные надѣлы, соотвѣтствующіе разнообразнымъ, налагаемымъ на крестьянъ повинностямъ. Различіе въ повинностяхъ по мѣстному обычаю заключалось... въ томъ, что крестьянинъ являлся на работу или безъ скота, или съ парой, двумя или тремя парами скота. Сообразно этому установлялись и разряды надѣловъ: *пѣшій, тяглый, паровой, четверной* и *плуговой*. Въ 1847 г. этотъ

[1]) *Скребницкій*, т. II, ч. I, стр. 21 прим. 39; т. II. ч. 2, стр. 1087.

порядокъ нарушенъ и введены только два разряда тяглыхъ и пѣшихъ. Что касается величины надѣловъ [1]), то можно считать каждый тяглый надѣлъ состоящимъ изъ 4 частей, изъ коихъ двѣ части служатъ вознагражденіемъ за работу крестьянина и по одной части за каждаго вола или лошадь. На такомъ основаніи пѣшій надѣлъ во всѣхъ мѣстностяхъ, какъ наибольшій, такъ и наименьшій установленъ въ половину противъ тяглаго, и одноволовый и одноконный въ три четверти противъ тяглаго.

Порядки малорусскаго сельскохозяйственнаго строя, насколько они подмѣчены нами въ матеріалахъ по реформѣ крестьянскаго сословія, заслуживаютъ серіознаго вниманія съ сравнительно исторической точки зрѣнія. Плуговой, четверной, паровой и тяглый надѣлъ не могъ образоваться въ недавнее время, напротивъ, и терминологія и существо дѣла приводятъ къ убѣжденію, что здѣсь мы имѣемъ передъ собой остатокъ глубокой старины, иначе говоря, встрѣчаемся съ общими законами, по которымъ развивалась сельско-хозяйственная исторія. Это усматривается изъ того, что малорусскіе термины находятъ себѣ объясненіе въ англійской писцовой книгѣ, и что происхожденіе ихъ, по всей вѣроятности, скрывается въ артельной пашнѣ и стоитъ въ зависимости отъ полной запряжки въ плугъ. Англійскіе термины, соотвѣтствующіе малорусскимъ: гайда, карука, виргата и бовата [2]). А какъ съ другой стороны византійскій пѣшій надѣлъ можетъ быть объясненъ съ достаточной полнотой на основаніи малорусскаго, то едва ли не слѣдуетъ думать, что въ сельскохозяйственныхъ распорядкахъ, уцѣлѣвшихъ въ Малороссіи, скрываются весьма интересные остатки старины. Но по этому вопросу мы желали-бы узнать мнѣніе компетентныхъ судей, болѣе насъ знакомыхъ съ бытомъ Малороссовъ.

---

[1]) *Скребницкій* II, часть 2, стр. 1085.

[2]) Кромѣ указаннаго выше сочиненія *Сибома*, съ удовольствіемъ можемъ обратить вниманіе на прекрасную русскую книгу московскаго профессора *П. Виноградова*, посвященную изученію аграрной исторіи Англіи: Изслѣдованія по соціальной исторіи Англіи въ средніе вѣка, СПБ. 1887.

IV.

ИЗМѢРЕНІЕ ВИНОГРАДНЫХЪ ПЛАНТАЦІЙ.

Не разъ приходилось намъ по поводу предыдущихъ отрывковъ упоминать объ *особенной системѣ измѣренія виноградныхъ плантацій*. Анонимный составитель трактата Μέθοδος τῆς γεωμετρίας, помѣщеннаго у насъ подъ № 1, указываетъ нѣсколько различныхъ пріемовъ, употребляемыхъ при измѣреніи виноградниковъ: 1) измѣреніе посредствомъ *шеста*, 2) по системѣ *хиліадъ* и *плетровъ*, 3) по системѣ *модіевъ*. Этимъ однако не исчерпываются особенности измѣренія виноградной земли, мѣстные обычаи и способъ культуры, очевидно, вліяли многообразно на системы измѣренія и на оцѣнку виноградныхъ плантацій. Собранные нами въ разныхъ греческихъ рукописяхъ отрывки и небольшія замѣтки позволяютъ до нѣкоторой степени понять эти различныя системы.

Что касается мѣры шеста (κάλαμος или καλάμιον), она встрѣчалась ранѣе, какъ употребительная при измѣреніи пахотной земли. Разница между тѣмъ и другимъ шестомъ только въ размѣрахъ: шестъ для измѣренія пахотной земли равенъ сажени—оргіи и замѣняетъ ее, а шестъ для измѣренія виноградниковъ имѣетъ отъ 14 до 18 спиоамъ (четвертей), то-есть вообще въ полтора раза больше обыкновенной сажени. Объясненіе этой разницы мы надѣемся дать при истолкованіи помѣщаемыхъ ниже текстовъ.

Измѣреніе *хиліадами* есть любопытнѣйшая особенность въ приложеніи къ виноградникамъ. Здѣсь имѣется въ виду на первомъ планѣ не площадь земли подъ виноградникомъ, а количество кустовъ или лозъ. Само собой разумѣется, это измѣреніе должно стоять въ зависимости отъ густоты посадки виноградныхъ лозъ; той-же системой посадки объясняется и то, почему шестъ для измѣренія виноградниковъ больше обыкновеннаго шеста саженнаго.

Измѣреніе *плетрами* и *модіями* не нуждается въ особыхъ объясненіяхъ, такъ какъ модій представляетъ собой площадь въ 200 квадр. оргій—саженъ, а плетръ въ половину меньше модія. Понятно также, что если извѣстна будетъ употребительнѣйшая система посадки виноградныхъ кустовъ, то не представитъ затрудненія опредѣлить: сколько находится кустовъ на той или другой площади.

Гораздо труднѣй сказать что-нибудь рѣшительное по поводу нѣсколькихъ встрѣченныхъ нами случаевъ, гдѣ счетъ виноградниковъ идетъ по *климатамъ* (κλίμα) и по *головамъ* (κεφαλή).

Приводимъ самые отрывки.

1. Μέτρον γῆς καὶ ἀμπελίων τοῦ κόλπου[1]).

Χρὴ μετρᾶν τὸν βλεπόμενον τόπον διὰ τεσσάρων ἤγουν ἐκ δύο πλευρῶν κεφαλῆς τε καὶ ποδὸς, καὶ ὅτ' ἂν εὑρίσκηται τὸ ἕν πλευρὸν τοῦ ἑτέρου πλέον, ἢ ἡ κεφαλὴ τοῦ ποδὸς ἢ ὁ ποῦς τῆς κεφαλῆς, δανείζει τὸ ἕν μέρος τοῦ ἑτέρου ἤγουν ἡ κεφαλὴ τῷ ποδὶ καὶ τὸ ἕν πλάγιον τῷ ἑτέρῳ καὶ γίνονται ἀμφότερα ἐξ ἰσότητος, ἤγουν τὰ δύο πλάγια ἕν. Καὶ γὰρ εὑρίσκεται πολλάκις πρὸς μὲν τὴν κεφαλὴν ἔχον καλάμους 6, πρὸς δὲ τὸν πόδα 7, ἅ ἑνούμενα γίνονται 13· πρόσθες αὐτοῖς καὶ τὸ ἥμισυ τῶν 13 καὶ γίνονται 20, περὶ γὰρ τὸ ἥμισυ τοῦ ἑνὸς οὔκ ἐστι πολλὴ ζήτησις. Ὡσαύτως εὑρίσκεται τὸ ἕν πλάγιον τοῦ αὐτοῦ τόπου ἔχον καλάμους 16, τὸ δὲ ἕτερον 17, ἅπερ ἑνούμενα γίνονται $33^1/_2$· πρόσθες ὁμοίως ἐν αὐτοῖς καὶ τὸ ἥμισυ τῶν 33 καὶ γίνονται 50, καὶ εὑρίσκεται ὁ τοιοῦτος τόπος, ἡ μὲν κεφαλὴ μετὰ τοῦ ποδὸς ἔχει καλάμους 20, τὰ δὲ δύο πλάγια 50, καὶ λέγε οὕτως· εἰκοσάκις πεντήκοντα 1000, καὶ ἔστιν ὁ τοιοῦτος τόπος χιλιάδος μιᾶς[2]).

2. Ὀφείλει ἔχειν τὸ καλάμιον[3]) σπιθαμὰς 14 ἢ τετάρτων 42, ἡ γὰρ

1. Измѣреніе земли и виноградниковъ.

Должно измѣрять наблюдаемое мѣсто съ четырехъ сторонъ, т. е. съ двухъ боковъ, съ вершины и основанія. И если окажется одна сторона болѣе другой, или вершина основанія, или основаніе вершины, то занимаетъ одна часть у другой, т. е. вершина у основанія и одна сторона отъ другой, и дѣлаются обѣ части равными, т. е. двѣ стороны одинаковыми. Такъ, часто возможно, что вершина имѣетъ 6 каламовъ, основаніе 7, въ сложеніи это даетъ 13; прибавь сюда половину 13 и получится 20, ибо о $^1/_2$ не стоитъ много толковать. Точно также одна сторона того-же мѣста имѣетъ 16 каламовъ, другая 17, сложенныя даютъ $33^1/_2$; присоедини и къ этому половину 33 и будетъ 50. И оказывается это мѣсто въ вершинѣ и основаніи 20 каламовъ, въ двухъ же сторонахъ 50, и скажи такъ: 20 разъ 50=1000. И есть это мѣсто въ *одну хиліаду*.

2. Каламій долженъ имѣть спиѳамъ 14 или 42 четверти, ибо въ спиѳамѣ

[1]) *Вѣнская библіотека*, *Cod. Iuridicus graecus I.* Fol. 346.

[2]) Отрывокъ не представляетъ трудностей для чтенія и пониманія, каждая операція съ числами сама по себѣ совершенно понятна. Но въ цѣломъ—изъ него нельзя извлечь опредѣленныхъ правилъ въ приложеніи къ измѣренію виноградниковъ, ибо землемѣръ не дѣлаетъ указаній, почему онъ къ сложеннымъ сторонамъ находитъ нужнымъ прибавлять еще половину того-же числа. Тѣмъ не менѣе указанный здѣсь пріемъ практически приводитъ къ вѣрному результату: какъ увидимъ ниже, геометрическимъ методомъ можно доказать, что данное мѣсто должно заключать хиліаду.

[3]) *Ватиканская библіотека*, *Cod. graecus Palatinus* 367, f. 96.

σπιθαμὴ ἔχει τέταρτα γ΄, ἡ ὀργυιὰ ἔχει σπιθαμὰς θ΄ βασιλικὰς καὶ ὁ πῆχυς σπιθαμὰς $5^1/_2$ [1]), ὁ ποῦς ἔχει παλαιστὰς δ΄, δακτύλους ις΄, ὁ πῆχυς ὁ εὐθυμετρικὸς ἔχει σπιθαμὴν α΄, δακτύλους ις΄, ὁ πῆχυς ὁ λιθικὸς ἔχει σπιθαμὰς α΄ ⌐″, δακτύλους ις΄ καὶ ἡ΄ ἢ κδ΄ [2]) καὶ ἔχει [3]) τὸ μονολισκάριον φόλλιν α΄, τὸ δὲ λισκάριον β΄, εἰς δὲ τὴν ἀνόναν κατὰ τὸ ἔθιμον τοῦ τόπου, εἰς δὲ τὸ κόπρισμα αἱ ποῦνται χιλιάδες ἔχουν ὑπέρπυρον α΄ μιλιαρίσιας γ΄ καὶ τὰς ἀνόνας καθὼς ἔχει τὸ ἔθιμον τοῦ τόπου, ἡ δὲ σούδια καθὼς ἔχει τύπον τὸ κύλισμα, οὕτως καὶ τοῦτο.

3. Ἔχει [4]) ἡ κεφαλὴ καλάμια 26 καὶ τὰ δύο πλάγια 43· τὰ μὲν ἥμισυ ἄφες, τὰ δὲ ἥμισυ κράτει, ἢ τὰ ἥμισυ τῶν 26 εἰσὶ 13, καὶ τὰ ἥμισυ τῶν 43 εἴκοσι ἓν ἥμισυ. Εἶθ᾽ οὕτως τρίπλασον τὰ 13 καὶ τὰ $21^1/_2$ οὕτως· 3 13, 39, ἰδοὺ ἐποίησας τὰ 13 39, τρίπλασον δὲ τὰ $21^1/_2$ καὶ γίνονται $64^1/_2$, λοιπὸν ἐνώτησον τὰ 39 μετὰ $64^1/_2$ καὶ ἔνθα ἀναβιβασθῇ ὁ ἀριθμὸς αὐτῶν ὡς τόσων φυτῶν ἀμπελῶν καὶ λέγει οὕτως·

3 четверти; оргія имѣетъ 9 царскихъ спиѳамъ, локоть $5^1/_2$ спиѳамъ, стопа имѣетъ палестовъ 4, дактиловъ 16; локоть линейный имѣетъ 1 спиѳаму, дактиловъ 16; локоть—$1^1/_2$ спиѳамы, дактиловъ 16 и 8, то есть 24. Лопата 1 фоллъ, заступъ 2, содержаніе по обычаю мѣста, навозъ 1000 вилъ 1 перперъ и 3 милліарисія, продовольствіе по обычаю мѣста, рытье канавъ по той-же цѣнѣ какъ бороньба (?).

3. Вершина имѣетъ 26 каламіевъ и двѣ стороны 43: половину отбросъ, а половину держи. Половина 26 есть 13, а половина 43 будетъ $21^1/_2$. Потомъ помножь 13 и $21^1/_2$ на 3, изъ 13 получишь 39, изъ $21^1/_2$ $64^1/_2$; *когда перемножишь эти числа между собой, произведеніе покажетъ количество лозъ виноградника.* И скажи такъ: 30 разъ 60=1800, 30 разъ 4=120,—вотъ 30 помноженное на 64 дало 1920 лозъ; помножь и 9 отъ числа 39 на $64^1/_2$: 9 разъ 60=540 и 9 разъ 4=36 и по-

[1]) Отношеніе локтя къ спиѳамѣ совершенно необычное. Обыкновенно въ локтѣ полагается 2 или $2^1/_2$ спиѳамы Но памятникъ вообще отличается мѣстными особенностями. въ чемъ и заключается его интересъ.

[2]) Виды локтя опредѣляются въ Геометріи *Ирона*, *Hultsch*, S. 47—48.

[3]) Совершенно неожиданный переходъ къ указанію цѣнъ на хозяйственные предметы и на рабочую плату. По всей вѣроятности, переписчикъ внесъ въ текстъ сдѣланныя на поляхъ помѣты владѣльца рукописи. Хотя это совсѣмъ не относится къ нашему предмету, но въ виду нѣкотораго интереса для экономической исторіи мы считали возможнымъ привести весь отрывокъ.

[4]) *Codex Palatinus* 367 f. 96.

τριακοντάκις ἡ 60 1800, τριακοντάκις ἡ 4 120· ἰδοὺ τὰ 30 μετὰ 64 ἐγένοντο φυτὰ 1920... ἐνώτησον δὲ τὰ 9 τῶν 30 μετὰ $64\frac{1}{2}$· ἐννάκις ἡ 60 540 καὶ ἐννάκις ἡ 4 36 καὶ τὰ ἥμισυ τῶν 39 $19\frac{1}{2}$. Ἔχεις δὲ ὧδε λεπτὰ $595\frac{1}{2}$, ἕνωσε δὲ αὐτὰ μετὰ τῶν ἄλλων ἢ μετὰ τῶν 1920 καὶ γίνονται αὐτὰ μετ' ἐκεῖνα ὁμοῦ τὰ ἀμφότερα λεπτὰ ἢ φυτὰ[1]) χιλιάδες $2\frac{1}{2}$ ἢ φυτὰ $15\frac{1}{2}$. Εἰσὶ δὲ τὰ φυτεύματα τῶν ἀμπελώνων τῆς Θούρακεν, τὸ κάλαμον ὀφείλει ἔχειν γρόνθους 42 [2]).

4. Θέμα τοῦ Ὀψικίου[3]). Ὀφείλει ἔχειν τὸ καλάμιον σπιθαμὰς ιβ΄, ἔχει δὲ ἡ κεφαλὴ καλάμους ε΄ καὶ ἡ πόδωσις καλάμους ε΄, ὁμοίως δὲ καὶ τὰ δύο πλάγια ἀνὰ καλάμους ι΄, καὶ ἔστι τὸ τοιοῦτον ἀμπελίον κλιμάτων[4]) χοέ.

5. Χρὴ[5]) γινώσκειν ὅτι ὁ μὲν κάλαμος μεθ' οὗ μετροῦσι τὴν σκαφεῖσαν γῆν τῶν ἀμπελώνων ὀκτάπους ἐστὶν, ἑκάστου ποδὸς ἀνὰ δύο σπιθαμὰς βασιλοβινα 39=$19\frac{1}{2}$. Вотъ ты имѣешь $595\frac{1}{2}$ лозъ, сложи ихъ съ первыми, то-есть съ 1920 и составитъ вмѣстѣ то и другое число лептъ или кустовъ $2\frac{1}{2}$ хиліады и $15\frac{1}{2}$ кустовъ (то-есть $2515\frac{1}{2}$).

Виноградныя лозы изъ Θурака; каламъ долженъ имѣть 42 гронеа.

4. Θема Опсикій. Каламій долженъ имѣть 12 спиѳамъ, вершина имѣетъ 5 каламовъ, основаніе 5, обѣ стороны по 10 каламозъ. Такой виноградникъ заключаетъ 675 *климатовъ*.

5. Должно знать, что шестъ для измѣренія вскопанной земли виноградниковъ имѣетъ 8 стопъ и каждая стопа равна двумъ царскимъ спиѳамамъ, такъ

---

[1]) Извѣстно употребленіе слова λεπτόν въ смыслѣ мелкой разменной монеты и въ смыслѣ единицы мѣры (*Pediasim*, ap. Friedlein S. 15—16); здѣсь λεπτόν имѣетъ значеніе τὸ φυτόν, то есть кустъ или виноградная лоза.

[2]) Словомъ τῆς Θούρακεν обозначенъ или сортъ винограда или мѣстное имя, откуда виноградныя лозы пересажены. Гронеъ—то-же что палестъ.

[3]) Византійская область Ὀψίκιον въ Малой Азіи, съ главнымъ городомъ Никеей. Провинція Опсикія съ 8 вѣка была въ значительномъ числѣ колонизована славянами.

[4]) Какое значеніе имѣютъ здѣсь климаты? Въ данномъ примѣрѣ не обозначенъ способъ, какимъ геометръ пришелъ къ заключенію о количествѣ 675 климатовъ. Такъ какъ не можетъ быть сомнѣнія, что и здѣсь цѣль измѣренія заключалась въ опредѣленіи числа кустовъ на данной площади, засаженной виноградомъ, то нужно предполагать, что τὰ κλίματα имѣетъ то же значеніе, что τὰ φυτὰ или λεπτά. Итогъ нужно признать ошибочнымъ, на самомъ дѣлѣ данная площадь должна имѣть 450 лозъ.

[5]) *Cod. Graecus Palat.* 8 f. 222; тоже въ Вѣнѣ *Jurid. Graecus* 1 f. 345.

λικὰς ἔχοντος[1]), ὡς εἶναι τὸν κάλαμον κοινῶν σπιθαμῶν 18, ὁ δὲ ἕτερος κάλαμος ὁ τῶν κυλισμάτων ἔστιν ἑπτάπους. Μετρεῖται δὲ ἡ τοιαύτη ὑπάμπελος γῆ οὕτως· ἐὰν ἔχῃ κατὰ τὰς δύο πλευρὰς ἀνὰ καλάμους δέκα καὶ κατὰ τὰς ἑτέρας δύο πλευρὰς εἴτε τοῦ μήκους εἴτε τοῦ εὔρους ἀνὰ καλάμους εἴκοσι πέντε, γίνεται τὸ μῆκος καλάμων πεντήκοντα καὶ τὸ εὖρος καλάμων εἴκοσι καὶ ψηφίζεται οὕτως· εἰκοσάκις πεντήκοντα χίλιοι.

что въ шестѣ 18 обычныхъ спиѳамъ. Шестъ для измѣренія укатанной земли имѣетъ 7 стопъ. Измѣряется же виноградная земля такъ. Если двѣ стороны имѣютъ по 10 каламовъ и другія двѣ, т. е. ширина и длина, по 25 каламовъ, то принимается длина въ 50, а ширина въ 20 каламовъ и считается такъ: двадцать разъ пятьдесятъ тысяча.

Изъ предыдущаго легко убѣдиться, что измѣреніе виноградныхъ плантацій представляетъ такія разнообразія и особенности, которыя на первыхъ порахъ могутъ поставить въ недоразумѣніе. Не считая отрывка, помѣщеннаго подъ № 2, мы имѣемъ 4 случая, въ которыхъ примѣняются, повидимому, неодинаковыя системы измѣренія и счета. Попытаемся, однако, внимательно всмотрѣться въ данные примѣры, не окажется ли возможнымъ подмѣтить въ нихъ что-либо общее.

Рѣшеніе задачи № 1 имѣетъ ту особенность, что землемѣръ, не объяснивъ своихъ основаній, рекомендуетъ а) уравнять вершину съ основаніемъ, если онѣ не равны, точно также поступить и относительно сторонъ; б) присоединить къ суммѣ шестовъ вершины и основанія половину того-же числа; точно также поступить и относительно сторонъ; в) помножить найденныя числа одно на другое и въ результатѣ получится счетъ на хиліады. Основаніе и противолежащая даннаго примѣра составляютъ 13 каламіевъ, стороны $33\frac{1}{2}$ каламія, по присоединеніи къ каждому изъ этихъ чиселъ по половинѣ того-же самаго числа вмѣсто 13 будемъ имѣть 20, вмѣсто $33\frac{1}{2}$ получаемъ 50, если не будемъ гоняться, по примѣру византійскаго геометра, за дробными числами. Затѣмъ, перемноживъ полученныя числа (20 и 50) имѣемъ 1000, что и показываетъ, что измѣряемая площадь равна *хиліадѣ*.

---

[1]) Въ предыдущихъ примѣрахъ мы имѣли дѣло съ шестомъ въ 12 спиѳамъ (№ 1) и въ 14 (№ 2), здѣсь шестъ принимается въ 18 спиѳамъ или четвертей. Трудно иначе объяснять это различіе единицы мѣры, кромѣ какъ мѣстными обычаями разсадки кустовъ, что могло зависѣть какъ отъ почвы, такъ и отъ сортовъ винограда.

Пока мы остаемся въ полномъ невѣдѣніи, чѣмъ вызвана потребность присоединенія къ суммамъ сторонъ половины того-же числа, какими законами руководствовался землемѣръ и что обозначаетъ его хиліада. Посмотримъ въ другихъ примѣрахъ разрѣшенія этой загадки.

Задача № 3 предлагаетъ иной способъ измѣренія виноградной земли. Кратко говоря, въ этой задачѣ рѣшеніе заключается въ слѣдующемъ: а) взять половину основанія и противолежащей, точно также половину сторонъ; б) помножить на 3 то и другое число; в) полученныя произведенія перемножить между собой, и въ результатѣ получится *количество кустовъ виноградника*. Въ этомъ примѣрѣ вообще остается неяснымъ только *основаніе*, по которому половины сторонъ помножаются на 3, но за то эта задача безспорно разрѣшаетъ вопросъ о *хиліадѣ*, которая означаетъ 1000 кустовъ. Ограничимся пока выводомъ, что цѣль измѣренія виноградной земли состояла въ опредѣленіи числа лозъ на данной площади.

Но если въ этомъ состоитъ задача измѣренія виноградника, то мы можемъ до нѣкоторой степени понять и объяснить особенности измѣренія въ приведенныхъ двухъ задачахъ. Почему помножается вершина или основаніе и одна изъ сторонъ на 3? Въ основаніи этого геометрическаго пріема несомнѣнно лежитъ обычай посадки виноградныхъ кустовъ.

Возьмемъ для примѣра небольшой виноградникъ (задача № 4), имѣющій основаніе 5 каламіевъ, противолежащую тоже 5, боковыя стороны по 10 каламіевъ. Геометрически можно изобразить данную площадь изрѣзанною небольшими квадратами, каждый въ одинъ квадр. каламій.

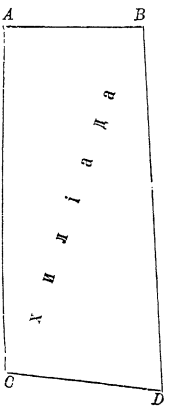
Основаніе CD и противолежащая AB имѣютъ по 5 квадратовъ, стороны AC и BD по 10, всего 50 квадратовъ. Въ первой и третьей задачѣ предполагается такая система посадки, что на каждый квадр. каламій приходится 9 кустовъ, т. е. на AB всего 15 кустовъ и на AC 30 кустовъ, всего же на изображенной площади 450 кустовъ. Полагая каламій въ $1^1/_2$ сажени, имѣемъ систему разсадки лозъ на разстояніи полусажени одна отъ другой.

Теперь, обращаясь къ рѣшеніямъ задачъ 1 и 3, мы находимъ, что понять ихъ можно только при предположеніи, что землемѣръ имѣлъ передъ собой способъ посадки винограда по 9 лозъ на квадр. каламій. Въ самомъ дѣлѣ, безъ всякихъ геометрическихъ и ариѳметическихъ правилъ, а просто на основаніи практики, въ первой задачѣ землемѣръ пришелъ къ правильному рѣшенію, присоединивъ къ суммамъ сторонъ по половинѣ того же числа. Если эту задачу рѣшать по тому способу, какимъ рѣшена третья задача, результатъ получится одинаковый. Именно, если возьмемъ половину основанія и противолежащей ($6^1/_2$) и половину сторонъ (почти 17) и помножимъ ихъ на 3 и снова перемножимъ между собой произведенія (20 и 50), то получимъ ту-же хиліаду, къ которой онъ пришелъ, слѣдуя своему практическому, а не геометрическому пріему. *Геометрическое правило* должно заключаться въ слѣдующемъ: взять половину основанія и противолежащей и половину сторонъ, помножить то и другое число на 3, затѣмъ снова перемножить произведенія. Этимъ пріемомъ рѣшена задача 3.

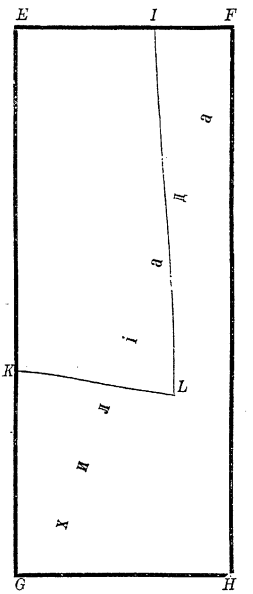
Относительно 4 задачи не находимъ нужнымъ дѣлать замѣчаній, такъ какъ она рѣшена по сказанному геометрическому способу, если допустить ошибку въ итогѣ, т. е. полагать 450 вмѣсто 675. Мы можемъ даже не особенно настаивать на предполагаемой ошибкѣ въ итогѣ 675 въ виду весьма понятныхъ и практически необходимыхъ отклоненій отъ указанной выше системы посадки. Весьма вѣроятно, что особенности почвы и разные сорты винограда допускали необходимость посадки и менѣе 9 кустовъ на квадр. каламѣ, какъ то доказываетъ задача № 5.

Въ *пятой* задачѣ каламій принятъ самой большой величины, именно 18 спиѳамъ, т. е. почти двѣ *маховыхъ* сажени. Далѣе, въ рѣшеніи задачи землемѣръ слѣдуетъ совсѣмъ другой системѣ, чѣмъ по какой рѣшены предыдущія задачи, ибо ни одинъ изъ показанныхъ выше способовъ не можетъ имѣть примѣненія въ этой задачѣ. Но что мы вѣрно уяснили себѣ существенную сторону дѣла въ измѣреніи виноградниковъ, видно изъ того, что и послѣдняя задача легко можетъ быть объяснена, если дадимъ себѣ отчетъ въ системѣ посадки лозъ. Припомнимъ, что данная въ задачѣ 1-й площадь имѣетъ хиліаду кустовъ, точно также и указанная въ 5 задачѣ площадь выражаетъ хиліаду. Но геометрически обѣ площади далеко не совпадаютъ, если даже не обращать вниманія на разность каламія, который въ первой принятъ въ 14, во второй въ 18 спиѳамъ. Разность между площадями, данными въ первой и пятой задачѣ, будетъ еще значительнѣй, чѣмъ это видно на рисункѣ, если принять въ разсчетъ разность единицы мѣры.

№ 1.



№ 5.



Въ фигурѣ 1 AB равна 6 каламамъ, CD=7, AC=16, BD=17; въ фигурѣ 5 EF=10 кал., GH=10, EG=25, FH=25. Фигура $EIKL$ въ фигурѣ 5 представляетъ площадь соотвѣтствующую 1-й фигурѣ.

Очевидно, одна площадь гораздо больше другой, между тѣмъ землемѣръ считаетъ въ той и другой по хиліадѣ кустовъ. Способъ рѣшенія задачи № 5 объясняется тѣмъ, что на данной въ ней площади предполагается не та посадка кустовъ, что на площади къ первой задачѣ. Именно, вмѣсто 9 кустовъ на каждомъ квадр. каламѣ здѣсь посажено только 4. Это легко провѣрить, если вообразимъ данную въ 5 задачѣ площадь раздѣленною на правильныя плоскости въ 1 квадр. каламій. Всего будетъ 10 плоскостей по основанію и 25 по сторонамъ, т. е. 250. Если на каждомъ посажено по 4 куста, то сумма всѣхъ кустовъ на этой площади будетъ 1000. Слѣдовательно, *геометрическое* правило для рѣшенія подобныхъ задачъ будетъ: взять половину основанія и противолежащей (т. е. 10) и половину сторонъ (т. е. 25), помножить то и другое число на 2, затѣмъ снова перемножить между собой произведенія. По этому способу и рѣшена занимающая насъ задача.

Общее заключеніе состоитъ въ томъ, что при измѣреніи хиліадами вино-

градныхъ плантацій имѣется въ виду опредѣленіе количества кустовъ; но по данному количеству хиліадъ нельзя еще приходить къ опредѣленію площади виноградной плантаціи, такъ какъ существенную роль здѣсь играетъ обычай разсадки виноградныхъ лозъ. Такимъ образомъ, напримѣръ, въ нижеслѣдующей имущественной и земельной переписи остается открытымъ вопросъ о размѣрахъ площади подъ виноградникомъ[1]): ..φενώμεθα ἀφιερούντες τὴν γονικὴν ἡμῶν..... μετὰ πάντων τῶν διαφερόντων ἤγουν ζεύγων υοῶν δύο καὶ ὀνικοῦ, καὶ προυάτων κεφαλίων τριάκοντα καὶ ἀμπελίου ἔχωντος χιλιάδας τέσσαρις, καὶ χωράφια ζευγαρίων πέντε... καὶ υουττία πέντε [2]).

Такъ какъ приведенные въ этой главѣ отрывки не могли быть объяснены безъ помощи геометрическихъ вычисленій, то мы, не полагаясь на собственныя въ этой области знанія, обращались за совѣтомъ и помощію къ *А. П. Старкову*, бесѣды съ которымъ много помогли намъ уяснить себѣ дѣло. Выражая здѣсь искреннюю благодарность А. П. Старкову, мы съ удовольствіемъ предоставляемъ заключительную страницу этой главы его выводамъ, которые онъ обязательно изложилъ по нашей просьбѣ.

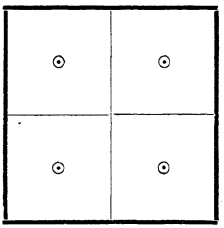
Основаніемъ измѣренія виноградниковъ служила *не геометрическая единица площади*, а извѣстное количество кустовъ—именно 1000 или *хиліада*, принимаемая за единицу. Разсадка винограда производилась не во всѣхъ мѣстностяхъ одинаково—въ иныхъ болѣе густо, въ иныхъ рѣже.

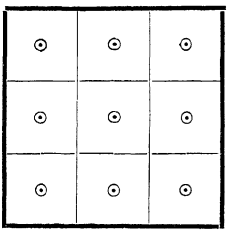
Изъ приведенныхъ задачъ выясняются два способа разсадки на квадратный каламій: или по 4 куста или по 9 кустовъ, т. е. сторона каламія дѣлится на двѣ или на три части.

---

[1]) *Trinchera*, Syllabus graccarum membranarum, Neapoli 1864 p. 64.

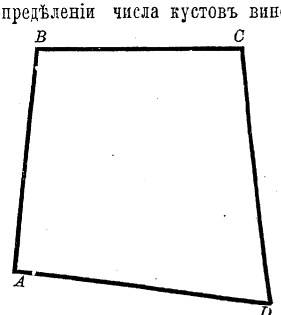
[2]) Не можетъ быть сомнѣнія, что нужно читать βοΐδια πέντε, т. е. 5 *воидатовъ*. Остается сказать еще нѣсколько словъ по поводу переписи малыхъ крестьянскихъ участковъ, состоящихъ большею частію изъ виноградниковъ и изъ садовъ. Мы имѣемъ эту перепись въ копіи, сдѣланной *В. Э. Регелемъ* во время ученыхъ работъ его въ Испаніи и любезно предоставленной имъ въ наше распоряженіе. Эта перепись, сдѣланная на 6 листахъ пергамента, относится къ XII или XIII в. и попала въ Испанію изъ Южной Италіи, какъ то несомнѣнно доказываютъ мѣстныя имена и нѣкоторые термины. При ближайшемъ знакомствѣ съ этой писцовой книгой, которую назовемъ по мѣсту ея нахожденія Барцелонской, мы должны были убѣдиться, что ею весьма трудно воспользоваться для дополнительныхъ выводовъ по занимающему насъ вопросу. Прежде всего, она сохранилась въ весьма неисправномъ видѣ. Главная же ея особенность состоитъ въ томъ, что она отмѣчаетъ имена владѣльцевъ (большею частью греческія), усадебную или садовую, или пахотную землю или виноградникъ и наконецъ количество идущей съ участка подати, обозначая послѣднюю въ кератіяхъ и въ таренахъ,—при чемъ послѣдній денежный знакъ соотвѣтствуетъ византійской номисмѣ или перперу. Такимъ образомъ, не отмѣчая единицами мѣры подлежащихъ обложенію статей хозяйства, эта писцовая книга лишаетъ изслѣдователя средствъ сравнить между собой денежныя единицы и земельные термины и сдѣлать выводы къ нормѣ обложенія земли налогомъ.





Теперь посмотримъ, какимъ образомъ можетъ быть получено количество кустовъ винограда на данномъ участкѣ земли, иначе сказать, сколько хиліадъ содержитъ данный участокъ. Съ этой цѣлію можемъ предварительно опредѣлить геометрическую площадь даннаго участка и помножить её на 4 при разсадкѣ по 4 куста и на 9 при разсадкѣ по 9 и затѣмъ раздѣлить на 1000, тогда получимъ число хиліадъ, заключающихся въ данномъ участкѣ. Но этотъ математическій пріемъ простъ и ясенъ для современнаго состоянія землемѣрія, прежде-же необходимъ былъ болѣе наглядный способъ, который дѣйствительно и указанъ во всѣхъ приведенныхъ задачахъ. Надо замѣтить, что какъ теперь, такъ и въ особенности прежде предпочиталось раздѣлять землю на четыреугольные участки для ея обработки и притомъ такъ, чтобы эти четыреугольники, не будучи точными прямоугольниками, по крайней мѣрѣ были бы близки къ этимъ послѣднимъ по формѣ. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ площадь ихъ можетъ быть опредѣлена такъ же, какъ и площадь прямоугольника, т. е. перемноженіемъ двухъ рядомъ лежащихъ сторонъ, которыя въ этомъ случаѣ берутся средними изъ двухъ противолежащихъ. Исключительно такіе четыреугольные участки земли имѣются въ виду во всѣхъ задачахъ.

Такъ какъ размѣръ участка земли выражается въ хиліадахъ, то самое измѣреніе состояло въ опредѣленіи числа кустовъ винограда на данномъ участкѣ. Здѣсь византійскіе землемѣры пользовались пріемомъ, основаннымъ на геометрическихъ соображеніяхъ, а именно. Площадь всякаго четыреугольника, близкаго по своей формѣ, можетъ быть опредѣлена съ достаточной степенью точности перемноженіемъ полусуммы двухъ противолежащихъ сторонъ на полусумму двухъ другихъ противолежащихъ взаимно сторонъ. Напримѣръ, пло-



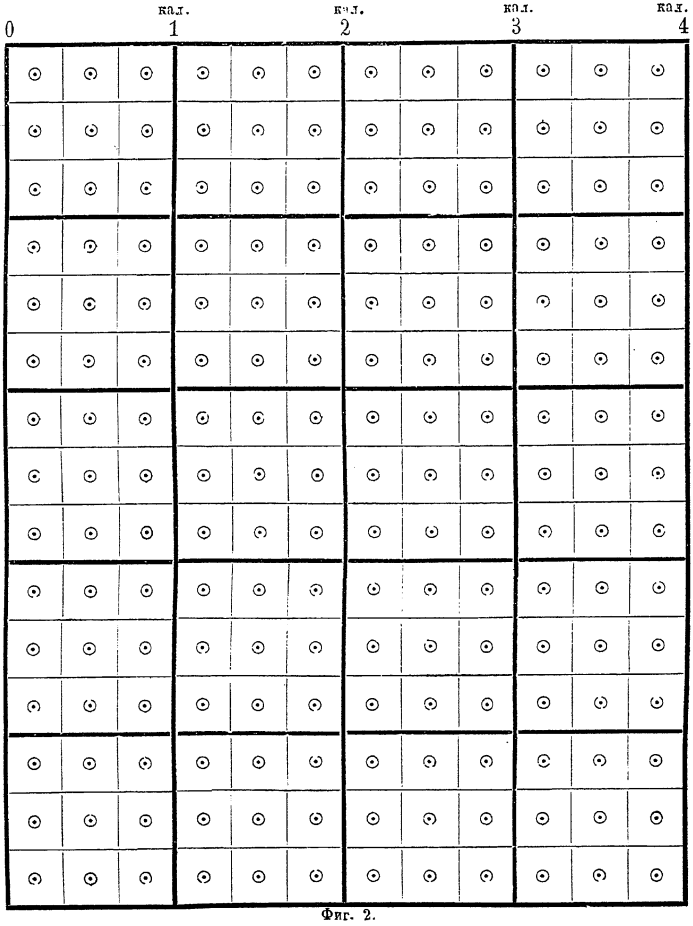
Фиг. 1.

щадь четыреугольника $ABCD$ (фиг. 1) можетъ быть опредѣлена выраженіемъ

$$\frac{\overline{AB}+\overline{CD}}{2} \cdot \frac{\overline{BC}+\overline{AD}}{2}$$

получаемая при этомъ степень точности вполнѣ достаточна для практическихъ цѣлей. Размѣръ сторонъ опредѣляется въ каламіяхъ

3×4=12 рядовъ.



Фиг. 2.

5×3=15 кустовъ.

или саженяхъ. Такъ какъ главная цѣль опредѣленія размѣровъ участка состояла въ счетѣ засаженныхъ или могущихъ быть посаженными на немъ кустовъ винограда, то достаточно знать, какое число кустовъ расположено на каждомъ каламіѣ. А какъ большею частію было по три куста, то остается то и другое число каламіевъ, полученныхъ отъ измѣренія сторонъ, помножить на 3; все это вполнѣ явствуетъ изъ прилагаемаго чертежа (фиг. 2). Такимъ образомъ, число кустовъ на площади ABC (фиг. 1) получится

$$\left(\frac{\overline{AB}+\overline{CD}}{2}\cdot 3\right) \quad \left(\frac{\overline{BC}+\overline{AD}}{2}\cdot 3\right)$$

формула для опредѣленія числа хиліадъ

Но три раза взятая половина суммы сторонъ AB и CD составляетъ двѣ половины или цѣлую сумму и еще одну половину, именно:

$$\frac{\overline{AB}+\overline{CD}}{2}\cdot 3 = \left(\overline{AB}+\overline{CD}\right)+\left(\frac{\overline{AB}+\overline{CD}}{2}\right)$$

Точно также относительно другихъ двухъ сторонъ

$$\frac{\overline{BC}+\overline{AD}}{2}\cdot 3 = \left(\overline{BC}+\overline{AD}\right)+\left(\frac{\overline{BC}+\overline{AD}}{2}\right)$$

и формула для опредѣленія числа хиліадъ принимаетъ видъ

$$\left[\left(\overline{AB}+\overline{CD}\right)+\left(\frac{\overline{AB}+\overline{CD}}{2}\right)\right]\cdot\left[\left(\overline{BC}+\overline{AD}\right)+\left(\frac{\overline{BC}+\overline{AD}}{2}\right)\right]$$

т. е. *возьми сумму* (или сложи) *двухъ противоположныхъ сторонъ* $\overline{AB}$ *и* $\overline{CD}$ *и къ этой суммѣ приложи половину ея; затѣмъ возьми сумму* (или сложи) *двухъ другихъ противоположныхъ сторонъ* $\overline{BC}$ *и* $\overline{AD}$ (т. е. вершина и основаніе) *и также приложи къ ней половину ея. Перемноживъ полученныя такимъ образомъ два числа, получишь число кустовъ, а раздѣливъ число кустовъ на 1000, получишь число хиліадъ.*

Правило это имѣетъ мѣсто при разсадкѣ по 3 куста на каламій, при разсадкѣ же по 2 на каламій оно значительно упростится и будетъ:

Возьми сумму двухъ противолежащихъ сторонъ и потомъ сумму двухъ другихъ противолежащихъ сторонъ, перемножь эти суммы и раздѣли на 1000, получишь число хиліадъ.

Оба эти правила встрѣчаются въ задачахъ, именно: первое встрѣчается въ первой и въ 3-й, второе правило—въ 5 задачѣ.

V.

ФОРМУЛЫ.

Въ VI томѣ *Средневѣковой греческой библіотеки* [1]), издаваемой г. Саѳой, помѣщено нѣсколько образцовъ, по которымъ составлялись разные дѣловые акты и оффиціальныя бумаги. Сборники подобныхъ образцовъ оказали уже большую услугу въ изученіи внутренней исторіи западно-европейскихъ государствъ. Кратко говоря, подъ именемъ формулъ извѣстны такія произведенія, которыя назначены были служить образцами при составленіи документовъ, оффиціальныхъ и частныхъ актовъ, протоколовъ и т. п. Значеніе ихъ въ качествѣ источника для изученія внутренней исторіи усматривается изъ того, что они служатъ показателемъ такихъ частно-бытовыхъ отношеній, которыя часто не отмѣчены въ записанномъ и дѣйствующемъ правѣ, а между тѣмъ касались весьма существенныхъ сторонъ жизни, регулируемыхъ обычаемъ и стариной. Извѣстнѣйшіе сборники западно-европейскихъ формулъ восходятъ къ самымъ темнымъ періодамъ средней исторіи, таковы *Dictati Andegavenses* (VI в.), *формулы Маркульфа* (VII в.). Лучшее собраніе формулъ можно находить въ изданіи *Розіера* [2]).

Что касается Византійской имперіи, г. Саѳа первый издалъ по Парижской рукописи № 2509 нѣсколько любопытныхъ формулъ, которыя проливаютъ свѣтъ на бытовую жизнь Византіи. Укажемъ, между прочимъ: образцы брачнаго контракта (№ 1), дарственной записи (2—3), запродажнаго акта (48), завѣщанія въ монастырь (5—7, 11), освобожденія на волю (9), найма и аренды (13, 14—16), усыновленія (18), раздѣла имущества (20), примиренія по суду (21), завѣщанія, свидѣтельскаго показанія и т. п., всего 29 формулъ.

Въ слѣдъ за этими формулами, относящимися до частнаго права, помѣщены еще 19, которыя касаются государственнаго права и указываютъ на права и обязанности разныхъ административныхъ и должностныхъ лицъ. Можно надѣяться, что накопленіе матеріала, подобнаго тому, который изданъ у г. Саѳы, дастъ въ будущемъ возможность предпринять на основаніи формулъ спеціальныя изслѣдованія по Византіи. Пока предлагаемъ въ дополненіе къ сборнику г. Саѳы нѣсколько дополнительныхъ формулъ.

---

[1]) Σαθα, Μεσαιωνικὴ Βιβλιοθήκη, Τ. ΣΤ΄, ἐν Παρισίοις 1877.

[2]) *De-Rozière*, Recueil général des formules usitées dans l'empire des Francs du V au X siècle, Paris 1871, три тома. Литература указана у *Zoepfl*, Deutsche Rechtsgeschichte, I. S. 77. Braunschweig 1871.

1. Ἀπόδειξις ἐκμάρτυρος εἰς ἀκρόστιχον χώρας [1]).

Ποσοῦται τὸ ἀκρόστιχον τῆς ὁ δεῖνα ἐνορίας, εἰς ὑπέρπυρα τόσα, ἐξ αὐτῶν εἰσεκομίσθη παρὰ τοῦ ὁ δεῖνα καὶ ὁ δεῖνα τόσα κατὰ τὸν ὁ δεῖνα μῆνα, λοιπάζονται δὲ καὶ τόσα. Καὶ ταῦτα μὲν ἐλογαριάσθησαν [2]) παρ' ἡμῶν προστάξει αὐθεντικῇ κατὰ τὴν ἡμετέραν διάγνωσιν· εἴ τι δὲ ἴσως παρέλειψε κατὰ λήθην καὶ οὐκ ἐτέθη ἐν τῇ τῆς εἰσόδου δμάδι [3]), διαγινωσκομένου καὶ τούτου ζητηθήσεται ἀπὸ τοῦ λογαριαζομένου τοῦ καὶ τὴν τοιαύτην ποιησαμένου ἀπαίτησιν τοῦ ὁ δεῖνα, ἡμῶν ἀνευθύνων καὶ ἀλογοπραγήτων ἐπὶ τούτων διατρουμένων. Εἰς γοῦν ἀσφάλειαν καὶ διάγνωσιν τῆς ἀληθείας καὶ τὴν παροῦσαν ἐκμάρτυρον ἀπόδειξιν πεποίηκα, ὡς ἂν καὶ ζῶν καὶ μετὰ θάνατον ἐγώ τε καὶ τὸ μέρος μου τὸ ἀκατάκριτον καὶ ἀζήμιον ἔχομεν. Ἐγένετο δὲ ἡ παροῦσα φανερὰ παρ' ἐμοὶ ἀπόδειξις, παρόντος τοῦ σεκρεταρίου κῦρ Νικολάου καὶ τοῦ ἑτέρου σεκρεταρίου

1. Росписка въ уплатѣ акростиха округомъ.

Акростиха съ области такой-то идетъ перперовъ столько-то. Внесено такимъ-то и такимъ-то столько-то, мѣсяца такого-то. Остается столько-то. И мы произвели учетъ этой суммы по указу государеву и по нашему разсмотрѣнію. Если что окажется пропущеннымъ и не внесеннымъ въ общій итогъ, то, въ случаѣ обнаруженія, взыщется съ плательщика и сборщика такого-то, а мы въ томъ неповинны и неотвѣтственны. Посему для благонадежности и въ доказательство истины я составилъ настоящій актъ, скрѣпленный свидѣтельскими показаніями, дабы мнѣ и моимъ наслѣдникамъ не подвергаться никакимъ взысканіямъ. Составленъ этотъ актъ въ присутствіи г. секретаря Николая и другаго секретаря Константина и въ присутствіи славнѣйшаго вассала государя нашего короля, такого-то и другаго—такого-то, при понятыхъ и іереяхъ всѣхъ такой-то области, мѣсяца такого-то, индиктіона 2-го. Такой актъ нужно составлять всякій разъ, когда

---

[1]) *Codex Graecus Palatinus* 367, f. 91. Техническій смыслъ оглавленія статьи истолковывается на основаніи параллельныхъ мѣстъ, напр. у *Zachariae a Lingenthal*, Jus Graeco-Romanum III, S. 391: ἐτίθεντο δὲ εἰς τὸ κατάστιχον αὐτοῦ οὐκ εἰς τὴν ἀπόδειξιν τοῦ τελοῦντος τὴν γενομένην αὐτῷ παρὰ τοῦ διοικητοῦ... καὶ γράφει ἐν τῇ ἀποδείξει τοῦ τελοῦντος χωρίου οὕτως... Σαθα, Μεσαιωνικὴ Βιβλιοθήκη VI, p. 627, 638, 639, 641. *Акростихомъ* или *катастихомъ* называлась въ Византіи писцовая книга и подать съ земли.

[2]) Техническое значеніе слова λογαριάζω находимъ у *Цахаріэ* III. 395: οἱ γὰρ σεκρετικοὶ γνωρίσαντες ἴσως, ὅτι οὐ κατὰ τὴν πρόσταξιν τῆς βασιλείας μου γίνεται ἡ ἀπαίτησις, καὶ σκοπὸν ἔχοντες λογαριάσαι τοὺς διοικητὰς καθὼς ἀπῄτησαν ὑπομιμνήσκουσι περὶ τούτου.

[3]) Если итогъ неправильно подведенъ, или если не всѣ доходныя статьи обложены податью.

κῦρ Κωνσταντίνου καὶ τοῦ μεγαλοδοξοτάτου λιντζίου τοῦ αὐθέντου ἡμῶν τοῦ ῥηγὸς τοῦ δ δεῖνα καὶ τοῦ ἑτέρου δ δεῖνα, παῤῥησίᾳ καὶ μαρτυρίᾳ τῆς αὐτῆς δ δεῖνα ἐνορίας καὶ τῶν ὁμοτῶν καὶ τῶν ἱερέων πάντων τῶν ἐν αὐτῇ, μηνὶ δ δεῖνα, ἰνδικτιῶνος β΄. Αὐτὴν τὴν ἀπόδειξιν ποιῆς, ὅταν ποιήσῃς λογαριασμὸν εἰς ἐνορίαν καὶ ἀπὸ ἕτερον εἰς ἕτερον παραδοῦναι, εἶθ' οὕτως ὑπογράφουσιν οἱ τυχόντες σεκρετάριοι καὶ λίζιοι καὶ ἄλλοι διὰ τὸ ἀξιόπιστον.

2. Παράδωσις παροίκων[1]) παρὰ τοῦ κατὰ χώραν δουκὸς πρὸς στρατιώτην(?).

Κατὰ τὸν παρόντα δ δεῖνα μῆνα τῆς νῦν τρεχούσης ἰνδικτιῶνος τοῦ ἔτους τοῦ δ δεῖνα θεῖον καὶ βασιλικὸν προσκυνητὸν πρόσταγμα προσκομισθὲν ἡμῖν παρὰ τοῦ μεγαλοδοξοτάτου ἢ κατὰ τὸ ἀξίωμα κῦρ τοῦδε, οὕτω κατὰ ῥῆμα διεξιὸν ζήτει καταστρωθῆναι τὸ πρόσταγμα[2]). Κατὰ γοῦν τὴν περίληψιν τοῦ τοιούτου βασιλικοῦ προστάγματος καθ' ἣν ἔχομεν ἐντὸς παρὰ τοῦ ἁγίου ἡμῶν αὐθέντου καὶ τοῦ πανσεβάστου σεβαστοῦ ἢ δουκὸς ἢ στρατοπεδάρχου ...παραδοῦναι τοῖς τὰ θεῖα καὶ βασιλικὰ ἡμῖν προστάγματα προσκομίζουσι, παραπροизводишь сборъ подати и по образцу его дѣлать другія росписки. Потомъ для достовѣрности даютъ подпись секретари, какіе тамъ окажутся, вассалы и другіе.

2. Передача париковъ дукой области стратіоту.

Настоящаго мѣсяца, текущаго индикта и года такого-то, по силѣ божественнаго и царскаго покланяемаго указа, пересланнаго намъ отъ свѣтлѣйшаго, или по титулу, господина такого-то, и далѣе слово въ слово до выраженія «*приказали исполнить*». На основаніи сего царскаго указа и по предписанію святаго нашего господина и пречестнѣйшаго севаста, или дуки или стратопедарха, мы передали такому-то
зевгарей столько-то
въ мѣстечкѣ такомъ-то
или изъ проніи такого-то
въ помѣстьи такомъ-то, крестьянина такого-то, имѣющаго сына, именемъ такого-то, жену... дочь...
зевгарей два или столько-то, невоздѣ-

---

[1]) *Cod. Graecus Vaticanus* 867 f. 35. Въ кодексѣ приведено нѣсколько формулъ дѣловыхъ актовъ.

[2]) Καταστρωθῆναι, κατεστρώθη на языкѣ византійскаго дѣлопроизводства обозначаетъ или «опредѣлено, утверждено», или «издано, опубликовано», см. *Zachariae* III. 396: εἶχε καὶ τὸ· κατεστρώθη τοῦ λογοθέτου καὶ τοῦ μεγάλου λογαριαστοῦ· καταστρωθήτω οὖν εἰς εἴδησιν ἡ παροῦσα λύσις τῆς βασιλείας μου; ср. *Дюканжа Glossarium Graecitatis*, s. v.

ραδεδώκαμεν τῷ δεῖνι ζευγάρια τόσα[1]) ἐν τῷ χωραφίῳ τῷ δεῖνι, ἤγουν ἀπὸ τῆς προνοίας τοῦ δεῖνος εἰς τὸ χωρίον τὸ δ δεῖνα, ὃς δ δεῖνα ἔχει υἱὸν τὸν δεῖνα, τὴν γυναῖκα.. θυγατέρα.., ζευγάρια δύο ἢ τόσα, ἀρνὰ τόσα, πρόβατα τόσα, χοίρους τόσους, τὸν ἕτερον τὸν δ δεῖνα... и далѣе перепись семьи и имущества, ὁμοῦ ζευγάρια ἢ βοϊδάτα ἢ ἀκτήμονα ἢ ἄπορα. Λοιπάζεται δὲ δ τοιοῦτος καὶ ἕτερα ζευγάρια τόσα, παραδοθήσεται δὲ καὶ ταῦτα αὐτῷ, ὁπόταν εὑρεθῶσιν[2]). Μηνὶ καὶ ἰνδικτιῶνι δεῖνι, καὶ ὑπογράφει αὐτὸ δ ἄρχων.

ланной земли, овецъ, свиней такое-то количество, другаго крестьянина.... всего зевгарей, или воидатовъ, или актимоновъ, или апоровъ столько-то, остается дополучить ему столько-то зевгарей, которые будутъ переданы, когда отыщутся. Мѣсяцъ и индиктъ, подпись архонта.

Военная служба въ имперіи, въ особенности морская и конная, организована была на системѣ пожалованій земельными надѣлами. Поэтому, розыскивая новые матеріалы по сельскохозяйственной исторіи вообще, мы не могли не напасть на нѣкоторыя замѣчанія и относительно военной системы. Военно-податная земля передаваема была служилымъ людямъ по писцовымъ книгамъ, въ которыхъ точно обозначены были имена домохозяевъ и членовъ семьи, количество пахатной и пастбищной земли, разныя статьи хозяйства и проч. Военный участокъ состоялъ, такимъ образомъ, изъ извѣстной совокупности крестьянскихъ дворовъ: зевгарей, воидатовъ, актимоновъ и апоровъ. Мы знаемъ, что различные надѣлы оцѣнены были въ Византіи слѣдующимъ образомъ: зевгарь 60 перперовъ, воидатъ 40, пѣшій, вѣроятно, синонимъ актимона, 20. Эти цифры имѣютъ большую важность для разрѣшенія многихъ вопросовъ военной

[1]) Въ дальнѣйшемъ мы усматриваемъ схему писцовой книги, въ которую вносимы были слѣдующія статьи: 1) домохозяинъ и вся семья поименно, 2) количество крупнаго скота, 3) мелкій скотъ, 4) огородная и пахотная земля. Въ нашей формулѣ на первомъ мѣстѣ стоитъ общее количество зевгарей, записанныхъ за служилаго человѣка, потомъ слѣдуетъ перечисленіе крестьянскихъ хозяйствъ, помѣченныхъ *зевгариями, воидатами, актимонами* и *апорами*.

[2]) Весьма любопытно, что могли быть случаи, когда служилый человѣкъ не сразу получалъ полный земельный надѣлъ, обезпечивающій его службу. Не останавливаясь здѣсь на организаціи военныхъ участковъ, не можемъ оставить безъ замѣчанія, что *стратіотскіе* участки имѣли тѣсную связь съ *проніей*, какъ это доказываетъ и приведенная формула.

организаціи, на сколько объ ней можно судить по новелламъ[1]) и по извѣстіямъ писателей. Изъ послѣднихъ по преимуществу имѣемъ въ виду Константина Порфиророднаго, котораго сочиненія и главнѣйше *De caerimoniis aulae Byzantinae* остаются до сихъ поръ неисчерпаннымъ источникомъ для изученія византійскихъ древностей. Особенно отмѣтимъ слѣдующее мѣсто[2]): «Конный воинъ долженъ имѣть недвижимое имущество или помѣстье на 5 литръ, или по крайней мѣрѣ на 4; матросъ царскаго флота долженъ имѣть недвижимое имущество или помѣстье на 3 литры. Должно знать, что установлено обычаемъ при объявленіи набора не допускать записанныхъ на военные участки, какъ владѣющихъ имуществомъ, быть вносимыми въ призывные списки складчиковъ, но самолично и одиночно идти въ походъ. Если же они объѣдпѣютъ, принимать ихъ въ списки складчиковъ, дабы они при помощи этихъ послѣднихъ были въ состояніи исполнять службу».

Итакъ, конный участокъ оцѣнивался въ 5 литръ. Такъ какъ, однако, онъ состоялъ изъ зевгаратовъ, вопдатовъ и пѣшихъ крестьянскихъ хозяйствъ, и такъ какъ зевгаратный надѣлъ оцѣнивался въ 60 перперовъ, то мы легко можемъ представить конный участокъ въ 5 литръ, какъ совокупность 6 зевгаратовъ или 9 вопдатовъ или 12 пѣшихъ надѣловъ. Военный участокъ можетъ доставлять средства для службы, если экономическое положеніе крестьянъ благопріятно, въ противномъ случаѣ такой участокъ не могъ содержать коннаго воина. Какъ видно изъ формулы, недостаточность военнаго участка могла обусловливаться и неполнымъ надѣломъ.

3. Ὅρκος ὃν ὑπέχουσιν οἱ τὰς ἀρχὰς λαμβάνοντες[3]).

Ὀμνυμι ἐγὼ τὸν θεὸν καὶ τὸν υἱὸν αὐτοῦ τὸν μονογενῆ καὶ τὸ ἅγιον πνεῦμα, τὴν ἁγίαν ἔνδοξον θεοτόκον καὶ ἀειπάρθενον Μαρίαν καὶ τὰ τέσσαρα εὐαγγέλια ἃ ἐν ταῖς χερσί μου κρατῶ καὶ τοὺς ἁγίους ἀρχαγγέλους Μιχαὴλ καὶ Γαβριὴλ, καθαρὸν συνειδὸς

3. Присяга, даваемая при полученіи высшихъ государственныхъ должностей.

Клянусь Богомъ и единороднымъ Его Сыномъ и Святымъ Духомъ, святой славной Богородицей и Приснодѣвой Маріей и четвероевангеліемъ, которое держу въ монхъ рукахъ, и святыми архангелами Михаиломъ и Гавріиломъ, въ томъ, что сохраню чистую совѣсть

---

[1]) *Zachariae von Lingenthal*, Geschichte des griechisch'—römischen Rechts, S. 255—259.

[2]) *Constantini*, De caerimoniis II. 49 p. 695 (ed Bonn.).

[3]) *Національная Библіотека*, *Supplem. Graecum* 538 f. 82 v. Что въ особенности обращаетъ на себя вниманіе въ этой формулѣ, это вставка имени царя Іустиніана и Ѳеодоры. Конечно, мы не можемъ принять на себя смѣлость утверждать, что дѣйствительно такова была присяга въ VI в. Но достаточно и небольшой начитанности въ средневѣковыхъ греческихъ произведеніяхъ и нѣкотораго знакомства съ исторіей языка, чтобы положительно признать этотъ памятникъ по языку весьма близкимъ ко времени Іустиніана.

καὶ γνησίαν δουλείαν φυλάξω τοῖς θειοτάτοις καὶ εὐσεβεστάτοις ἡμῶν δεσπόταις Ἰουστινιανῷ καὶ Θεοδώρᾳ τῇ δμοζύγῳ τοῦ αὐτοῦ κράτους, προφάσει τῆς παραδεδομένης μοι παρὰ τῆς αὐτῶν εὐσεβείας ἀρχῆς, καὶ πάντα πόνον καὶ κάματον μετ᾽ εὐνοίας ἀδόλως καὶ δίχα τέχνης τινὸς ἀναδέξομαι ἐπὶ τῇ δοθείσῃ μοι παρ᾽ αὐτῶν ἀρχῇ ὑπὲρ τῆς αὐτῶν βασιλείας καὶ πολιτείας καὶ κοινωνικῶς εἰμὶ τῇ ἁγιωτάτῃ τοῦ θεοῦ καθολικῇ καὶ ἀποστολικῇ ἐκκλησίᾳ, καὶ κατ᾽ οὐδένα τρόπον ἢ χρόνον ἐναντιωθῶ αὐτῇ οὐδὲ ἄλλῳ τινὶ συγχωρήσω καθόσον δυνάμεως ἔχω. Ὀμνυμι δὲ τοὺς αὐτοὺς ὅρκους ὡς οὐδενὶ παντελῶς οὔτε δέδωκα, οὔτε δώσω προφάσει τῆς δεδομένης μοι ἀρχῆς, οὔτε προφάσει προστασίας, οὐδὲ ἐπηγγειλάμην, οὐδὲ ὡμολόγησα ἐκ τῆς ἐπαρχίας πέμπειν, οὔτε πέμψω [1]), οὔτε προφάσει δεσποτικοῦ σου σφραγίου δώρου χάριν ἢ βοηθείας [2]), οὔτε τοῖς ἐνδοξοτάτοις ὑπάρχοις, οὔτε τοῖς ἄλλοις πανευφήμοις ἀνδράσι τοῖς τὰς ἀρχὰς ἔχουσιν, οὔτε τοῖς περὶ αὐτοὺς καθεστῶσιν, οὐδὲ ἄλλῳ τῶν πάντων οὐδενί, ἀλλ᾽ ὥσπερ ἅμισθον παρέλαβον τὴν ἀρχήν, οὕτω καὶ καὶ вѣрную службу благочестивѣйшимъ нашимъ владыкамъ Іустиніану и Θеодорѣ, супругѣ его величества, при исполненіи пожалованной мнѣ благочестіемъ ихъ должности, и что приму всякій трудъ и безпокойство во ввѣренной ими мнѣ власти, ради ихъ царства и государства, съ благорасположеніемъ и безъ коварства или какого ухищренія, и буду въ общеніи съ святѣйшей каѳолической и апостольской церковью Божіей и никогда не окажу ей противленія и, на сколько это будетъ въ моихъ силахъ, не позволю того и другому. Приношу эту присягу еще и въ томъ, что совершенно никому не далъ и не дамъ по случаю пожалованной мнѣ власти и высшей должности, равно какъ не давалъ обѣщанія и обязательства выслать изъ провинціи и не вышлю, ни за твою государеву печать не платилъ въ качествѣ дара или помощи ни славнѣйшимъ ипархамъ, ни другимъ знатнѣйшимъ, облеченнымъ высшею властію, лицамъ, ни ихъ приближеннымъ, и никому вообще. Но какъ не мздоимно получилъ я власть, такъ чистымъ явлюсь и по отношенію къ подданнымъ благочестивѣйшихъ нашихъ владыкъ, доволь-

[1]) Что присяга мало соотвѣтствовала дѣйствительному положенію вещей, иначе говоря, что на практикѣ было совсѣмъ иначе, въ этомъ убѣждаетъ характеристика царствованія Іустиніана у *Прокопія*, равно какъ система пожалованія званій и должностей, описанная у *Константина Порфиророднаго*. Въ IX и X в. всякое повышеніе по должности и полученіе чина и званія сопряжено было съ громадными расходами, которые иногда въ нѣсколько разъ превышали присвоенный получаемому званію казенный окладъ. Высшія должности военныхъ губернаторовъ (стратиги) требовали такихъ расходовъ, что получавшіе должности расплачивались за нихъ по прибытіи къ мѣсту службы, при полученіи жалованья и при возвращеніи въ столицу, *Constantini de Cerimoniis* 783, 798.

[2]) Лучше было бы ожидать συνηθείας.

θαρὸς φανοῦμαι περὶ τοὺς ὑποτελεῖς τῶν εὐσεβεστάτων ἡμῶν δεσποτῶν, ἀρκούμενος ταῖς ἀφορισμέναις μοι ἐκ τοῦ δημοσίου σιτήσεσι [1]). Καὶ πρῶτον μὲν πάντων ποιήσομαι σπουδὴν τὸ τοῖς δημοσίοις ἀργύπνως προσέχειν καὶ τοὺς μὲν ἀγνωμονοῦντας καὶ δεομένους ἀνάγκης μετὰ πάσης εἰσπράξω τῆς σφοδρότητος οὐδὲν ὑποκατακλινόμενος, οὐδὲ ὑπὲρ αὐτοῦ κέρδους παντάπασιν ἐννοῶν ἢ πρὸς χάριν ἢ πρὸς ἀπέχθειαν ἀπαιτῶν τινὰ παρὰ τὸ προσῆκον ἢ συγχωρήσω τινί, τοῖς δὲ εὐγνωμονοῦσι πατρικῶς προσενεχθήσομαι καὶ τοὺς ὑπηκόους τῶν εὐσεβεστάτων ἡμῶν δεσποτῶν ἀνεπηρεάστους πανταχόθεν ὅσον δυνάμεως ἔχω φυλάξω [2])· καὶ ἴσος ἐν ταῖς δίκαις ἑκατέρῳ μέρει καὶ ἐν ταῖς δημοτικαῖς καταστάσεσι γινόμενος καὶ οὐδενὶ μέρει παρὰ τὸ δίκαιον προστεθήσομαι, ἀλλ' ἐπεξελεύσομαι πᾶσι τοῖς ἁμαρτάνουσι καὶ πᾶσαν ἰσότητα φυλάξω κατὰ τὸ φαινόμενόν μοι δίκαιον, καὶ τοὺς μὲν ἀνευθύνους ἀνεπηρεάστους φυλάξω, τοῖς δὲ ὑπευθύνοις ἐπιθήσω τιμωρίαν πρὸς τὸν νόμον· καὶ πᾶσαν δικαιοσύνην, καθ' ἃ εἴρηται, ἔν τε τοῖς δημοσίοις ἔν τε τοῖς ἰδιωτικοῖς συναλλάγμασιν ἀκραιφνῆ αὐτοῖς διατηρήσω, μᾶλλον εἰ εὕρω τὸ δημόσιον ἀδικούμενον· καὶ οὐκ ἐγὼ μόνος ταῦτα

ствуясь опредѣленнымъ мнѣ отъ казны содержаніемъ. И прежде всего приму неусыпное попеченіе объ общественныхъ дѣлахъ, съ нерадивыхъ и нуждающихся въ побудительныхъ мѣрахъ буду взыскивать со всей суровостью, ничего не уступая, но и не преслѣдуя корыстныхъ цѣлей и не руководясь ни расположеніемъ, ни враждой, ни самъ не буду требовать больше должнаго и никому того не позволю; къ старательнымъ же отнесусь отечески и, на сколько хватитъ силы, всячески предохраню отъ убытковъ подданныхъ благочестивѣйшихъ нашихъ владыкъ. Будучи безпристрастнымъ и не склоняясь ни къ которой сторонѣ въ судебныхъ дѣлахъ и во внутреннихъ распорядкахъ крестьянъ, я не склонюсь ни къ какой партіи въ нарушеніе справедливости; но буду преслѣдовать всѣхъ нарушителей закона и сохраню всякую справедливость по искреннему моему разумѣнію: невинныхъ оставлю въ покоѣ, виновнымъ же назначу наказаніе согласно закону, и всякую правду, какъ сказано, сохраню въ чистотѣ въ общественныхъ и частныхъ дѣлахъ ихъ, въ особенности не допущу нарушенія правды въ общественныхъ дѣлахъ. И не только я самъ буду такъ поступать, но употреблю всяческое стараніе, чтобы и товарищъ мой руководился такими же воззрѣніями и подчиненные, мнѣ чины

[1]) О денежныхъ окладахъ высшихъ государственныхъ должностей см. *Constantini de Cerimoniis* 696.

[2]) Въ формулѣ отмѣчается по преимуществу административная и судебная власть должностнаго лица. У *Саѳы* VI. 641, 642 приводятся формулы надѣленія должностями, могущія служить объясненіемъ этой части присяги.

πράξω, ἀλλὰ καὶ τὸν ἀεί μοι παρεδρεύοντα τοιοῦτον σπουδάσω παραλαβεῖν καὶ τοὺς περὶ ἐμὲ πάντας, ὥστε μὴ ἐμὲ μὲν καθαρεύειν, τοὺς δὲ περὶ ἐμὲ κλέπτειν καὶ ἁμαρτάνειν· εἰ δὲ εὑρεθῇ τὶς τῶν περὶ ἐμὲ τοιοῦτος καὶ τὸ γενόμενον παρ' αὐτοῦ θεραπεύσω καὶ αὐτὸν ἀποδιώξω. Εἰ δὲ μὴ πάντα ταῦτα οὕτω φυλάξω, ἀπολάβω ἐνταῦθα καὶ ἐν τῷ μέλλοντι αἰῶνι ἐν τῇ φοβερᾷ κρίσει τοῦ μεγάλου δεσπότου καὶ σωτῆρος ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ καὶ σχῶ τὴν μερίδα τοῦ Ἰούδα καὶ τὴν λέπραν τοῦ Γιεζῆ [1]) καὶ τὸν τρόμον τοῦ Κάϊν, πρὸς τὸ καὶ ταῖς ποιναῖς ταῖς τῶν νόμων τῆς αὐτῶν εὐσεβείας περιεχομέναις ὑπεύθυνον εἶναι.

дабы не оказалось, что я остаюсь съ чистыми руками, а служащіе у меня воруютъ и преступаютъ законъ. Если же кто оказался бы изъ моихъ подчиненныхъ таковымъ, то я постараюсь уврачевать нанесенный имъ вредъ, а его прогоню. А если я не исполню всего этого согласно моей клятвѣ, то обрекаю себя здѣсь и въ будущемъ вѣкѣ на страшномъ судѣ Великаго Владыки и Спасителя нашего Іисуса Христа раздѣлить жребій Іуды и проказу Гіезія и дрожаніе Каина. Ко всему этому подлежу пенямъ, опредѣляемымъ законами благочестивыхъ владыкъ.

---

[1]) *Царствъ книга* 4, глава 5, стихъ 27. Гіезій, слуга пророка Елисея, за мздоимство былъ наказанъ проказой. «И проказа Нееманова да прильпнетъ къ тебѣ и къ сѣмени твоему во вѣки: и изыде отъ лица его прокаженъ яко снѣгъ».

УКАЗАТЕЛЬ СЛОВЪ И ВЫРАЖЕНІЙ.

Поставленная ниже цифра обозначаетъ примѣчаніе.

Акена (ἄκαινα) 287_1. 296_1. 301.
Акоминатъ Михаилъ 286_1.
акростихъ 305_3. 306. 315. 333.
антимонъ 304_3. 315. 335.
Алексѣй I. Комнинъ 302_2.
ἀνώνα 322.
ἀποδεκατισμός 280.
ἀποκοπή 302. 307.
апоръ 304_5. 335.
бовата 319.
Василій Македонянинъ 302_2.
vasculum 307_1.
веревка (σχοινίον, сокарь) 275. 280_1. 282. 284. 285. 296_1. 307.
вершокъ (ἀντίχειρ) 282. 283. 284.
виргата 319.
воидатъ (βοΐδιον, ουυττίον, μονοβοίδριος) 304_5. 328;—размѣры надѣла 305. 315. 316. 317_3;—цѣнность 304;—относительно военнаго надѣла 335. 336.
гайда 319.
Георгій геометръ 274_2. 295. 301.
γεϊκόν 278_1. 279_1.
голова (κεφαλή) 320.
Градецъ село 313. 315.
граммаріи (γραμμάριον) 288_4. 294.
гронѣ (γρόνθος) 282_1. 283_1. 323.
дактилъ (δάκτυλος) 277. 278.
Dictati Andegavenses 332.
динатъ 292.
диха (δίχάς) 277.
драхма (δραχμή) 288_4. 294.
дука 334.
ἐγχρονία 303.
ἔκκοπή 302_2.
эксагій (ἑξάγιον) 288. 289.
зевгарь (ζευγαράτος ζευγάριον) 302; надѣлъ 305. 310. 312. 313. 328; цѣнность 304. 310. 313; платежная повинность 305; отношеніе къ военному и другимъ надѣламъ 315—317. 334—336.
земля—сорты 278. 279. 305_1; цѣнность 278_1. 304. 305. 311;—подать 306. 314. 315. 328_2; измѣреніе 279. 281—283. 286. 293. 296_1. 298—299.
ипархъ 338.
Иронъ (Ἥρων) 274_2. 297.
jugum 309.
каламій (κάλαμος, καλάμιον) 275, 282_1. 287_1. 320. 323. 324. 331.
канна (κάννα) 307.
карука 319.
катастихъ 333_2.
καταστρωθῆναι 334.
κατατομή 283.
κατωμερία 304_4. 307.
κεντηνάριον 294.
κατζίνος 285. 292.
кератій (κεράτιον) 288_4. 294. 328_2.
Κετζέου κάστρον 284_2.
киностомъ (κοινόστομος) 277. 278.
климатъ (κλίμα) 275. 320. 323.
книги писцовыя 333_1. 335_3;—Барцелонская 328_2;—Лампсакская 304_5;—Хиландарская 314.
коблъ 315.
коккій (κοκκίον) 288_4. 289. 294.
кондилъ (κόνδυλος) 277. 278. 282_1. 307_1.
κοντοπάλουκα 285. 292.
Крушицы 315.
ксестъ (ξεστός) 290_2.

ксилококкъ (ξυλόκοκκον) 289.
лепта (λεπτόν) 288$_4$. 294; 301$_2$; 323.
литра (λίτρα) 281$_1$. 288. 289. 290$_2$. 293. 294. 300$_2$. 336.
Λογαριασμός 333.
λογαριαστής 334$_2$.
λογοθέτης 334$_2$.
локоть (πῆχυς) 278. 296$_1$. 301. 322.
Лужьско 315.
Малорусское земское устройство 316—319.
Маркульфа формулы 332.
медимнъ (μέδιμνος) 300$_2$.
метритъ (μετρητής) 304$_2$.
миліарисій (μιλιαρίσιον) 294. 322.
миля (μίλις) 296.
Михаилъ, царь визант., 283$_1$.
модій (μόδιος) 281. 287—290. 293. 294. 296$_1$. 300. 304. 320.
μοδισμός 281. 286$_1$. 293. 294. 300$_6$. 301$_3$.
Моисей Хоренскій 288$_2$.
Муньзеньская земля 315.
надѣлъ—пѣшій 304. 315. 316;—**военно-конный** 304, 305$_1$;— 335. 336.
новелла 292. 336.
номисма (νόμισμα, перперъ) 279. 288$_4$. 294. 328$_2$.
оволъ (ὀβολός) 288$_4$. 294.
окладъ казенный 337$_2$. 338 (σίτησις).
описи царскія 282$_1$.
Опсикій 323.
оргія (ὀργυιά) 281. 282—284. 287$_1$. 293. 296$_1$. 297. 300. 301. 320. 322.
палестъ (παλαιστής) 277. 278. 282. 297.
парикъ (πάροικος) 305$_3$. 334.
Педіасимъ Іоаннъ 274$_2$.
περιορισμός 279. 280$_1$.
перперъ (ὑπέρπυρον) 278. 279. 288$_4$. 304. 305. 306. 315. 322. 328$_2$. 333.
печать—βούλλη μολυβδινή 285. 286;—σφραγίον δεσποτικόν 338.
пинакъ (πινάκις, πινάκιον) 300.
плата арендная 315.
плантація виноградная 286. 287; измѣреніе 320—331.
плетръ (πλέθρον) 287. 295$_2$. 296$_1$. 320.
подданные (ὑποτελεῖς) 338.
понятые (ὁμοταί) 333.
пронія (πρόνοια) 334. 335.
пядь 282$_1$.
распорядки крестьянскіе 338.
Сибскъ 315.
σίκλος 288$_4$.
Сиракинъ Ананій 288$_2$.
σιτάριον 294.
ситококкъ (σιτοκόκκον) 289.
складчикъ 336.
складчина 315.
скопелъ (σκόπελος) 275.
сокарь (σωκάριον, веревка) 280$_1$. 286$_1$. 291. 297. 300. 301.
списки призывные 336.
списки податные 302$_2$.
спиѳама (σπιθαμή) 278. 279. 282. 283$_1$. 293. 301. 323.
стагій (στάγιον, перперъ) 288$_4$.
стадій (στάδιον) 296.
стась 313.
статиръ (στατήρ) 288.
стопа (ποῦς) 277. 278. 301. 322. 323; γεῖακὸς ποῦς 296$_1$.
стратіотъ 334.
стратопедархъ 334.
счетоводство визант. 302$_2$.
таренъ (перперъ) 328$_2$.
τετραγωνίζειν 280.
турмархъ 284$_2$.
тягло 302. 317. 318. 319.
унція (οὐγγία) 288. 289$_2$. 301.
фоллъ (φόλλις) 322.
формула—вычисленія хиліадъ 331;—росписки въ уплатѣ акростиха 333; — передача париковъ дукой стратіоту 334;—присяга при полученіи высшихъ государств. должностей 337—339.
хилліада 287. 320. 325. 328.
ψήφισμα, ψηφίζειν 300. 324.
ψωμίον 302. 307.
центурія (ἑκαστοτή) 278$_1$.
четверть 282$_1$. 283$_1$.
шагъ (βῆμα) 277. 278.
ѳема (θέμα) 323.
Ѳеодора, императрица визант. 337.
Ѳеофилактъ Болгарскій 286$_1$.
югеръ (ἰούγερον) 278$_1$. 296$_1$. 301.
Юстиніанъ I, 337.

Русскіе плѣнники и невольники въ Крыму.

М. Н. Бережкова.

Вопросъ о вліяніи татарскаго ига на нашу жизнь государственную и бытовую справедливо привлекаетъ постоянное вниманіе русскихъ историковъ. Но въ оцѣнкѣ сего вліянія не всегда соблюдается, на нашъ взглядъ, настоящая мѣра: иногда слишкомъ много значенія приписывается татарскому игу въ дѣлѣ происхожденія и образованія Московскаго государства; слишкомъ много также говорится о дурномъ вліяніи татаръ на наши нравы и обычаи. Менѣе вниманія обращается на тяжесть ига въ отношеніи экономическомъ, что, по нашему мнѣнію, есть сторона дѣла наиболѣе существенная, которую слѣдуетъ выставлять на первый планъ въ исторіи нашихъ отношеній къ Золотой Ордѣ и преемницѣ ея, Ордѣ Крымской.

Въ самомъ дѣлѣ, татары не только брали поголовную дань и разнообразные поборы со всего русскаго населенія, за исключеніемъ духовенства, но еще уводили въ Орду немалую часть сего населенія, пользовались не только плодами трудовъ, но и самими работниками. Извѣстно, что они требовали отъ русскихъ князей, какъ и отъ всѣхъ вообще подвластныхъ народовъ, десятины въ людяхъ и во всякомъ имуществѣ. Уже въ первые годы ига, при Батыѣ, была произведена перепись южно-русскаго населенія съ цѣлію обложить его поголовною данью: по словамъ Плано-Карпини, проѣзжавшаго тогда чрезъ южную Россію, въ нее былъ присланъ отъ великаго хана и Батыя одинъ саррацинъ для производства переписи и набора людьми; отъ каждаго отца семьи, имѣвшаго троихъ сыновей, онъ бралъ одного; сверхъ того забиралъ безсемейныхъ мужчинъ и женщинъ, также нищихъ и всякихъ несостоятельныхъ плательщиковъ дани; все остальное населеніе было поголовно обложено данью изъ мѣховъ [1]). По извѣстію того же и другихъ европейскихъ путешественниковъ

[1]) Собраніе путешествій къ татарамъ, перев. Д. *Языкова*, Спб. 1825, стр. 184—185. Итакъ, южная Русь была переписана раньше, чѣмъ сѣверная. Перепись и соединенный съ нею наборъ людей длились нѣсколько лѣтъ, судя по тому, что лѣтописи говорятъ о производствѣ переписи въ сѣверо-восточной Руси подъ разными годами: тѣмъ тяжелѣе для населенія. — О десятинѣ со всѣхъ покоренныхъ народовъ говоритъ Плано-Карпини, стр. 182—183. Срвн. лѣтопись по Лавр. списку, изд. 2-е Археогр. Ком., стр. 487.

къ татарамъ, они выбирали изъ подвластнаго населенія искусныхъ ремесленниковъ [1]). Русскія лѣтописи говорятъ и ханскіе ярлыки духовенству подтверждаютъ, что по требованію хановъ русскіе князья ставили имъ вспомогательные отряды войска и людей для исполненія разныхъ натуральныхъ повинностей [2]). Если взять все это въ разсчетъ, т. е. уводъ изъ земли военноплѣнныхъ во время татарскихъ нашествій, наборы рекрутовъ и ремесленниковъ, обращеніе въ рабство лицъ безсемейныхъ, бобылей и нищихъ, какъ несостоятельныхъ плательщиковъ дани, то мы, кажется, не преувеличимъ, предполагая, что татары дѣйствительно успѣвали иногда уводить въ Орду не меньше требуемой ими десятой части русскаго населенія, особенно въ первый вѣкъ ига, наиболѣе тяжелый по причинѣ многократныхъ опустошительныхъ нашествій татарскихъ, т. е. до Ивана Даниловича Калиты. Въ этомъ-то уводѣ людей и обложеніи поголовной данью всего остальнаго населенія, да въ уплатѣ различныхъ ордынскихъ проторей заключается особенная тяжесть ига: оно было въ собственномъ смыслѣ слова *порабощеніемъ*.

И пусть впослѣдствіи распалась Золотая Орда; пусть совершилось такъ называемое сверженіе татарскаго ига, благодаря великому князю Ивану III Васильевичу, который столь искусно воспользовался враждою астраханскихъ и крымскихъ татаръ. Скоро зависимость отъ Золотой Орды смѣнилась другою, правда, менѣе тяжелою, однако и не легкою зависимостью отъ Крыма, который считалъ себя наслѣдникомъ власти и правъ Золотой Орды и, какъ подручникъ Турціи, опирался на ея могущественную поддержку. Дѣло въ томъ, что съ прекращеніемъ подданства Золотой Ордѣ Московское государство ставитъ себѣ новую трудную задачу, а именно—возвращеніе отъ Литвы и Польши старыхъ русскихъ земель; началась вѣковая упорная тяжба Московскаго государства съ польскорусскимъ, какъ нельзя болѣе выгодная для крымскихъ хановъ. Роли мѣняются: теперь крымскіе ханы вмѣшиваются въ отношенія двухъ тяжущихся сторонъ, вступаютъ въ союзъ то съ Москвой, то съ Польшей, смотря по тому, какая сторона больше платитъ поминковъ; и въ то же время безпрестанно грабятъ московскую и польскую украйны, уводятъ въ плѣнъ

---

[1]) *Плано-Карпини*, стр. 55; 193—197. Жизнь и дѣянія великаго Тамерлана, сочиненіе и дневникъ *Клавихо*, перев. и комментаріи гг. Срезневскихъ въ Сборникѣ отд. рус. языка и словесн. Акад. Наукъ, т. XXVIII, № 1, стр. 327. Срав. записки *Барбаро*, перев. Семенова, въ Библіотекѣ иностр. писат. о Россіи I, стр. 31.

[2]) Напримѣръ, лѣтоп. по Лаврент. сп. стр. 498. Лѣтопись по Ипатск. сп. стр. 585; 588—589 (также 2 изд. Арх. Ком.). Ср. Плано-Карпини, стр. 184. Между повинностями ханскіе ярлыки упоминаютъ «войну»: см. тексты ярлыковъ у *Григорьева*, О достовѣрности ханскихъ ярлыковъ, стр. 115. О русскомъ народѣ въ татарскихъ кочевьяхъ и въ войскѣ срав. въ Исторіи Россіи *Д. И. Иловайскаго*, ч. 2, стр. 394—404.

сотни и тысячи русскаго народа. Умный, опытный дипломатъ своего времени, баронъ Герберштейнъ, съ перваго разу понялъ причину силы крымскаго хана: она заключалась не въ чемъ иномъ, какъ въ соперничествѣ государствъ Московскаго и Польскаго, старавшихся поднимать Крымскую Орду другъ на друга и откупаться подарками отъ ея нападеній на собственныя границы [1]). Цѣлые вѣка продолжалась такая политика, — и татарское иго въ видѣ ежегодныхъ поминковъ и дачи крымскимъ ханамъ, да увода ими въ неволю многочисленнаго русскаго населенія съ обѣихъ украинъ, московской и польской, продолжало тяготѣть надъ обоими государствами вплоть до паденія Польши и Крыма. Два вопроса, тѣсно межъ собою связанные, польскій и крымскій, разрѣшились для Россіи одновременно, именно по причинѣ тѣсной внутренней ихъ связи: какъ только стала кончаться тяжба съ Польшей за древнія русскія земли, такъ пало и крымское ханство, жившее на счетъ этой тяжбы двухъ государствъ: можно сказать, что распаденіе Польши неменѣе рѣшительно повліяло на судьбу Крыма, какъ и разгромъ его и Турціи нашими войсками въ первую турецкую войну при Екатеринѣ. Иначе было въ прежніе вѣка. Московская и Польская украйны со стороны Крыма, весьма протяженныя и мало защищенныя, были въ любомъ мѣстѣ удобны для татарскихъ вторженій. Занимая огромныя, но весьма рѣдко населенныя пространства, государства Московское и польское представляли собой какъ бы малокровные, хотя и большіе по природнымъ задаткамъ организмы, а кража татарами украинскаго народу еще болѣе обезсиливала ихъ. Оба государства были очень бѣдны: ни въ чемъ другомъ такъ ярко не высказывается эта бѣдность, простота и чернота жизни, какъ въ этой дешевизнѣ и необезпеченности человѣка, въ возможности для крымскихъ разбойниковъ безнаказанно красть русскій украинскій людъ. Притомъ, если Московское государство не всегда могло оказывать защиту пограничному населенію по причинѣ отдаленности его отъ центра, если государству нерѣдко приходилось оборонять не украйну сѣверскую, а гораздо ближайшую, т. е. берега Оки у Серпухова, Каширы или Коломны, то въ безпорядочной Рѣчи Посполитой не всегда хотѣли оказывать эту защиту: воинскій духъ шляхты замѣтно упалъ уже въ XVI вѣкѣ, и такіе мужественные, дѣятельные воины, каковы князья Острожскіе, были весьма рѣдки [2]). Чѣмъ дальше, тѣмъ хуже шло дѣло: случалось, что украинское русское населеніе умышленно отдавалось поляками на жертву татарамъ. Такъ напримѣръ, въ 1653 году, договоромъ подъ Жванцемъ, король Янъ Казиміръ

[1]) Записки о Московіи, перев. Анонимова, Спб. 1866, стр. 155.

[2]) О польской и литовской шляхтѣ XVI-го вѣка весьма любопытны замѣчанія кн. Курбскаго, лично и близко знавшаго ее: комическое изображеніе шляхтичей, храбрыхъ дома за виномъ и трусливыхъ предъ татарами, на глазахъ ихъ забиравшими народъ, отзывается у Курбскаго жизненною правдой: Сказанія, изд. 2, стр. 65—68.

позволилъ крымскому хану грабить Украйну въ продолженіи сорока дней и забирать въ плѣнъ русскихъ, но не поляковъ; такою цѣной польскій король покупалъ дружбу и союзъ хана! Или: въ 1676 году крымскіе татары сдѣлали нападеніе на Волынь, Подолію и Галицію; страна была беззащитна, по неимѣнію войска; татары набрали до сорока тысячъ полону, а поляки, по донесенію нашего резидента Тяпкина, говорили однѣ рѣчи: «пусть поганая Русь, схизматики, погибаютъ» [1]). Такъ къ розни политической двухъ государствъ присоединялась племенная и религіозная вражда населенія внутри польскаго государства, дававшая татарамъ еще больше возможности грабить и плѣнять русское населеніе, бывшее въ загонѣ даже дома. Ко всему этому надобно прибавить обычную славянскую безпечность, которая сказывалась даже въ такомъ дѣлѣ, какъ обереганіе своей свободы и жизни отъ крымскихъ хищниковъ, отъ татарской неволи и турецкой каторги...

Въ настоящемъ рефератѣ, представляемомъ Одесскому Археологическому Съѣзду, мы желаемъ намѣтить въ самыхъ общихъ чертахъ исторію русскаго невольничества въ Крыму, въ видѣ краткой программы сего предмета, подробное разсмотрѣніе котораго потребовало бы особаго продолжительнаго труда,— впрочемъ, весьма интереснаго и благодарнаго труда для того автора, который бы рѣшился посвятить ему себя. Въ нашихъ отношеніяхъ къ Крыму и Турціи вопросъ о невольникахъ, о ихъ потерѣ и выкупѣ изъ бусурманской неволи, былъ важнымъ жизненнымъ вопросомъ для государства и народа въ продолженіи нѣсколькихъ вѣковъ къ ряду, — существенною частью того великаго, сложнаго историческаго вопроса, который принято называть «восточнымъ».

I.

Прежде всего поражаетъ многочисленность русскихъ плѣнниковъ, уводившихся въ Крымъ, а оттуда продававшихся въ разныя страны востока. По словамъ извѣстнаго славянскаго патріота XVII-го вѣка, Юрія Крижанича, на всѣхъ военныхъ турецкихъ галерахъ не видать было почти никакихъ другихъ гребцовъ, кромѣ русскихъ; по всей Греціи, Сиріи, Палестинѣ, Египту и Анатоліи, то есть по всему турецкому царству, было такое множество русскихъ плѣнныхъ, что они обыкновенно спрашивали у своихъ земляковъ, вновь приходившихъ: «да ужъ остались ли на Руси еще какіе-нибудь люди?» [2]). Подобными чертами изображаетъ дѣло Михалонъ литвинъ, авторъ XVI-го вѣка, которому принадлежитъ любопытное публицистическое, впрочемъ, сильно тенденціозное сочиненіе «о правахъ татаръ, литовцевъ и мо-

[1]) *Соловьевъ*, Ист. Россіи, т. X, 280 (2 изд.) и XIII, 268.

[2]) *Крижаничъ*, О Промыслѣ, Моск. 1860, стр. 9—10.

скивтянъ»; по его словамъ, одинъ еврей мѣняла, жившій въ Перекопѣ, безпрестанно видя множество привозимыхъ туда плѣнниковъ русскихъ изъ Литвы, спрашивалъ: «остаются ли еще люди въ нашихъ странахъ (т. е. въ Литвѣ), и откуда берется такое множество народу?»[1]). Злая насмѣшка въ устахъ евреевъ, которые были дѣятельными участниками невольничьей торговли въ Крыму!

Постояннымъ, обычнымъ средствомъ къ пріобрѣтенію русскихъ плѣнниковъ крымскими татарами были набѣги. Они начинаются съ XVI-го вѣка, съ начала княженія Василія III Ивановича; въ продолженіи сего вѣка наиболѣе значительныхъ набѣговъ было больше двадцати, т. е. среднимъ числомъ по одному набѣгу меньше чѣмъ на каждое пятилѣтіе; по количеству набѣговъ крымскихъ и опустошительности нѣкоторыхъ изъ нихъ XVI-й вѣкъ есть наиболѣе тяжкій для Московскаго государства. Берега Оки были обыкновенною границей, до которой быстро добѣгали крымцы: побывать хотя однажды на берегахъ сей рѣки каждый ханъ крымскій считалъ для себя дѣломъ почти обязательнымъ и въ своемъ родѣ воинскою честью[2]). Конечно, не всѣ набѣги были одинаково удачны для татаръ; иные были совершенно неудачны и бѣдственны для нихъ самихъ; за то нѣкоторые были такъ опустошительны, что напоминали времена Батыя. Въ 1521 году Махметъ-Гирей и братъ его, царь казанскій Саинъ-Гирей, вывели, говорятъ, изъ Московскаго государства до восьми сотъ тысячъ плѣнныхъ, которыхъ послѣ продавали въ Кафѣ и Астрахани; впрочемъ, Герберштейнъ, приводящій эту цифру, самъ справедливо сомнѣвается въ ея подлинности[3]). Въ 1533 году крымскій Саинъ-Гирей хвалился, что онъ вывелъ въ этотъ годъ изъ Московскаго государства не меньше ста тысячъ народу[4]). Въ 1571 году Девлетъ Гирей сжегъ самую Москву, наполненную людьми и имуществомъ; народу погибло въ ней, говорятъ, до восьми сотъ тысячъ, да въ плѣнъ уведено до ста пятидесяти тысячъ[5]). Допустимъ, что и

---

[1]) Латинскій текстъ съ русскимъ переводомъ Шестакова въ «Архивѣ истор.-юрид. свѣдѣній Калачова» кн. 2, полов вторая, подъ заглавіемъ: Извлеченія изъ сочиненія Михалона литвина. Оно было сокращено уже первымъ его издателемъ, Грассеромъ, но не вездѣ понятно сокращено. Авторъ бывалъ въ Крыму, какъ видно изъ его собственныхъ словъ на стр. 9 и 25. Названіе «Михалонъ литвинъ» не есть ли псевдонимъ публициста?— Приведенное мѣсто на стр. 21.

[2]) *Карамзинъ*, И. Г. Р. X, 84 (изд. 5-е).

[3]) Записки о Московіи, стр. 144. Срав. замѣч. *Соловьева* V, 338 (изд. 4-е).

[4]) *Карамзинъ* VII, 98.

[5]) *Карамзинъ* IX, 107—108 и примѣч. 356, гдѣ показаніе Флетчера о 800 тысячахъ погибшихъ въ пожарѣ Москвы, безъ сомнѣнія весьма преувеличенное, отзывающееся, на нашъ взглядъ, просто повтореніемъ цифры Герберштейна о потерѣ плѣнныхъ въ 1521 году, вслѣдствіе или смѣшенія двухъ набѣговъ, или подражанія Герберштейну. Срав. замѣч.

здѣсь мы имѣемъ весьма значительныя преувеличенія со стороны татаръ, слишкомъ похвалявшихся своими успѣхами; положимъ далѣе, что наши и иностранные писатели также слишкомъ увеличиваютъ число плѣнныхъ, отчасти подъ вліяніемъ ужаса, внушеннаго набѣгами крымскихъ татаръ, отчасти съ цѣлію подѣйствовать на общественное мнѣніе современниковъ и правительства,—возбудить ихъ къ болѣе энергичной защитѣ государства; но во всякомъ случаѣ потеря людей въ три названные набѣга крымцевъ была огромная.

Но какъ именно велика была потеря? Чтобы имѣть нѣкоторую возможность судить о надежности цифръ плѣнниковъ, захватываемыхъ татарами, намъ надобно принять во вниманіе количество татарскаго войска, выступавшаго въ набѣги, и нѣкоторыя другія условія набѣговъ.

Однажды крымскій ханъ Саипъ-Гирей писалъ въ Москву на имя малолѣтняго великаго князя Ивана Васильевича (въ 1539 году) между прочимъ слѣдующее: «болѣе ста тысячъ рати у меня есть и возьму медъ изъ твоей земли по одной головѣ, сколько твоей землѣ убытку будетъ, и сколько моей казнѣ прибытку»? Такъ разсчитывалъ татаринъ, но, конечно, сильно прихвастывалъ: очень трудно, даже невозможно себѣ представить, чтобы толпа крымцевъ во сто тысячъ человѣкъ успѣла забрать равную числомъ толпу русскихъ плѣнныхъ, а потомъ угнать ее, проходя сквозь чужую землю, когда плѣнные, при первомъ благопріятномъ случаѣ, напримѣръ, съ появленіемъ погони въ тылу, могли возстать на своихъ притѣснителей. Даже при самыхъ удачныхъ набѣгахъ, — когда крымцы вторгались неожиданно и цѣлою ордой, когда на обратномъ пути уходили безъ погони, — даже и тогда едва ли они успѣвали уводить среднимъ числомъ «по одной головѣ» на каждаго участника набѣга. Но обратимся къ другимъ даннымъ. Тотъ же Саипъ-Гирей для набѣга 1541 года велъ сто тысячъ войска [1]); Девлетъ-Гирей въ обоихъ набѣгахъ 1571 и 1572 годовъ имѣлъ по сто двадцати тысячъ татаръ, а по другимъ источникамъ даже болѣе [2]). Правда, Михалонъ Литвинъ говоритъ, что въ его время крымскій ханъ имѣлъ войско не болѣе, какъ въ тридцать тысячъ; но другой писатель, почти современный ему, Мартинъ Броневскій, бывшій въ Крыму два раза по-

---

Соловьева VI, 298. Вообще Флетчеръ и въ главѣ о татарахъ многое преувеличиваетъ: онъ напримѣръ говоритъ не разъ о *ежегодныхъ* нападеніяхъ татаръ на Московское государство; но это замѣчаніе требуетъ провѣрки по русскимъ источникамъ. Притомъ вопросъ, какъ понимать эти набѣги: иное дѣло набѣгъ большаго отряда или цѣлой орды, а иное — вторженіе какой нибудь грабительской шайки. Мы пользовались Флетчеромъ во французск. переводѣ: La Russie au XVI-e siècle, par *Fletcher*. Leipzig et Paris, 1864, avec une introduct. par Ch. *Bouzet*. О ежегодныхъ нападеніяхъ татаръ говор. на стр. 42, 45 и 50, ч. II.

[1]) *Карамзинъ* VIII, пр. 82; VIII, 39.

[2]) *Карамзинъ* IX, 119. *Солов.* VI, 297; 301. Флетчеръ говоритъ о 200 тысячахъ ханскаго войска: II, 42; 45.

сланникомъ отъ Стефана Баторія, сообщаетъ, что тогда ханское войско простиралось до 120-ти или до 130-ти тысячъ и болѣе, включая въ то число вспомогательные отряды татаръ ногайскихъ, очаковскихъ, бѣлгородскихъ, добруджскихъ, а также черкесъ пятигорскихъ [1]). По извѣстіямъ автора XVII вѣка, Боплана, кажется, хорошо знавшаго о нападеніяхъ на Украину татаръ, они пускались въ набѣгъ отдрядами въ 40—50 тысячъ человѣкъ, а когда предводительствовалъ самъ ханъ, то шло цѣлое войско тысячъ въ 80-тъ. Допуская, что эта толпа татаръ, войдя въ предѣлы Московскаго или Польскаго государства, не вся пускалась въ разъѣзды по странѣ, такъ какъ главная часть войска, по описанію Боплана, оставалась на одномъ мѣстѣ, образуя центръ и сборный пунктъ для мелкихъ отрядовъ, разсѣявшихся на грабежъ и добычу; предполагая далѣе, что на обратномъ пути каждый всадникъ [2]) успѣвалъ захватить на свою долю по одному плѣнному или плѣнницѣ, мы можемъ заключить, что при благопріятныхъ условіяхъ, т. е. при неожиданности набѣга на беззащитныхъ жителей, неуспѣвшихъ скрыться, при отсутствіи погони за грабителями и т. п., татары дѣйствительно успѣвали забрать въ плѣнъ не одну тысячу русскаго народу [3]). Главное дѣло было именно въ удачѣ набѣга, обусловленной разными обстоятельствами, иногда совершенно непредвидѣнными; количество же войска было второстепеннымъ дѣломъ. Набѣгъ небольшаго легкаго отряда могъ имѣть сравнительно большій успѣхъ, нежели набѣгъ цѣлой орды, о которомъ въ Москвѣ своевременно узнавали чрезъ пословъ въ Крыму, чрезъ станичниковъ и сторожей, державшихъ разъѣзды и сторожку въ степи, обязанныхъ немедля увѣдомлять воеводъ степныхъ городовъ о движеніяхъ татаръ: въ столицѣ приготовлялись и брали мѣры къ отраженію или преслѣдованію крымцевъ. Гораздо труднѣе было предупредить, а еще труднѣе для насъ теперь опредѣлить ту мелкую, но постоянную кражу людей на границахъ и въ степи, которой предавались татары на ряду съ охотой за степными животными: эта мелкая, такъ сказать, будничная охота за людьми, далеко не всегда записанная въ памятникахъ историческихъ, обошлась русскому государству конечно не дешевле большихъ набѣговъ крымскихъ.

Въ сущности однако мы лишены возможности провѣрить цифры татарскаго войска, пускавшагося въ набѣгъ, и цифры плѣнниковъ русскихъ; все, что

---

[1]) Извлеченіе изъ сочин. Михалона, стр. 9.—Описаніе Крыма *Мартина Броневскаго*, перев. съ латинскаго Шершеневича въ Запискахъ Одесск. Общ. Истор. и Древн. т. VI, стр. 364.

[2]) То есть изъ тѣхъ, которые посылались на разъѣзды для грабежа и добычи.

[3]) Beschreibung der Ukraine, der Krim und deren Einwohner, Breslau, 1780, S. 62—68. Общее число плѣнниковъ въ каждомъ большомъ набѣгѣ Бопланъ опредѣляетъ не меньше, какъ въ 50-тъ тысячъ; въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ о 50—60 тысячахъ народу, за разъ уводимаго татарами; стр. 47.

намъ можно сказать, это — одно неопредѣленное выраженіе, что плѣнниковъ уводилось очень много; но цифры ихъ, приводимыя въ источникахъ, надо считать сильно преувеличенными, а иногда совершенно фантастическими и произвольными.

Въ XVII-мъ вѣкѣ набѣги крымскихъ татаръ на Московскую украйну становятся рѣже и малоуспѣшнѣе: постепенное усиленіе колонизаціи въ сторону Сѣверской украйны, возникновеніе новыхъ городовъ, линія которыхъ все дальше спускается въ степь, увеличеніе военныхъ силъ государства, улучшеніе развѣдочной и сторожевой службы въ степяхъ и на границѣ [1]), — все это были дѣйствительныя средства къ тому, чтобы предупредить или отбить крымскихъ разбойниковъ. Наиболѣе замѣчателенъ былъ набѣгъ крымцевъ 1633 года, имѣвшій немаловажное вліяніе на исходъ смоленской осады: потому что многіе ратные люди, бывшіе у Шеина, разъѣхались изъ-подъ Смоленска, когда узнали, что татары воюютъ ихъ помѣстья и вотчины. Этотъ набѣгъ былъ возбужденъ поляками: «Не спорю—говорилъ литовскій канцлеръ Радзивиллъ — не спорю, какъ это по богословски хорошо напускать поганцевъ на христіанъ, но по земной политикѣ оно вышло очень хорошо» [2]). Въ началѣ царствованія Алексѣя Михаиловича между московскимъ и польскимъ правительствами поднялась было рѣчь о заключеніи союза противъ крымцевъ, сдѣлавшихъ нападеніе на московскія области въ концѣ 1645 года [3]), какъ вдругъ поднялось возстаніе Хмѣльницкаго, на первый разъ съ помощью крымскаго хана, совершенно измѣнившее ходъ дѣлъ. Московское государство вступило въ тяжкую, рѣшительную борьбу съ Польшей за Малороссію, гетманы которой постоянно измѣняли царю, увлекаясь то въ польскую сторону, то въ крымскую и турецкую. Никогда Малороссія не испытывала болѣе частыхъ, болѣе опустошительныхъ набѣговъ крымскихъ татаръ, никогда не теряла больше народу, какъ въ эту несчастную пору, когда городъ Чигиринъ, резиденція «турецкаго» гетмана Дорошенка, обратился, по выраженію историка, въ обширный невольничій рынокъ [4]). Отъ 1664 года до насъ дошло нѣсколько любопытныхъ писемъ татарскихъ мурзъ къ ихъ родственникамъ и знакомымъ въ Крыму о счастливомъ для нихъ набѣгѣ въ названномъ году на Малороссію: съ радостью они пишутъ, что такой-то мурза захватилъ себѣ два ясыря, другой — три, иной — четыре, пять, десять, а одинъ мурза даже двадцать человѣкъ ясырей; одинъ пишетъ, что у него «милостью божьей четыре добрыхъ ясырей, да два мерина», другому по-

---

[1]) Объ устройствѣ станичной и сторожевой службы при Грозномъ см. у *Соловьева*, VII, 22—27 и у *Бѣляева* въ Чтен. Общ. Ист. и Древн. Росс. 1846, № 4.

[2]) *Солов.* IX, 202 (изд. 3-е).

[3]) Тамъ же, X, 120—129 (изд. 2-е).

[4]) Тамъ же, XII, 180 (изд. 2-е).

пался «ясырь диковинной» и т. д. Вообще изъ писемъ мурзъ видно, что набѣгъ того года былъ для нихъ необыкновенно удачный, что такой большой добычи людьми никогда прежде они не получали [1]). Не разъ и царскіе воеводы терпѣли тяжелыя неудачи, каковы были особенно пораженія Конотопское и Чудновское, сопровождавшіяся отводомъ въ крымскій плѣнъ многихъ людей, въ томъ числѣ боярина В. Б. Шереметева, князя Ромодановскаго, и другихъ знатныхъ служилыхъ людей,—или даже избіеніемъ плѣнныхъ, какъ было подъ Конотопомъ, гдѣ въ числѣ убитыхъ плѣнниковъ былъ князь С. Р. Пожарскій, сгоряча выбранившій крымскаго хана въ глаза жестокой бранью [2]). Въ то же время крымскіе татары нападали на Сѣверскую украйну, какъ было въ 1662 году, когда они захватили до 20-ти тысячъ плѣнныхъ; но царскіе воеводы настигли разбойниковъ, отбили обратно всѣхъ плѣнныхъ и сверхъ того взяли много въ плѣнъ самихъ татаръ [3]).

Андрусовское перемиріе, потомъ вѣчный миръ съ Польшей 1686 года составляютъ новую эпоху въ отношеніяхъ Московскаго и Польскаго государствъ къ Крыму и Турціи: теперь дѣло пошло къ тому, чтобы общими силами дѣйствовать противъ враговъ христіанства. Правда, походы князя Голицына на Крымъ были неудачны, и ханъ мстилъ за нихъ новыми набѣгами: въ 1688 году, въ промежутокъ перваго и втораго похода, ханъ кидался то на Волынь и Украйну, откуда вывелъ до шестидесяти тысячъ народу, то на восточную сторону Днѣпра, прошкая тамъ до Полтавы и уводя также значительное количество плѣнныхъ [4]); тѣмъ не менѣе крымскіе походы кн. Голицына имѣли свое немалое значеніе: они отвлекли крымскихъ татаръ отъ соединенія съ турками, а главное — ясно показали важную перемѣну въ отношеніяхъ къ Крыму: наступленіе вмѣсто обороны. Послѣ крымскихъ походовъ, особенно же послѣ азовскихъ походовъ молодаго Петра и появленія нашего флота на Дону, въ Азовскомъ морѣ и Черномъ, Московское государство принимаетъ рѣшительный тонъ въ переговорахъ съ турками, дѣлаетъ ихъ строго отвѣтственными за набѣги крымцевъ и отказывается отъ всякой дани имъ поминковъ: «а ханамъ крымскимъ отставлена дача за многія неправды; давалось же имъ жалованье въ тѣ времена, когда Московское государство было не въ такой силѣ, какъ теперь; а нынѣ война татарская не страшна, къ Перекопи и татарскимъ юртамъ войска Царскаго Величества пути познали, — и жалованья впредь въ дачѣ

---

[1]) Акты, относ. къ исторіи Южн. и Запад. Россіи, V, № 103.

[2]) *Солов.* XI, 59—60; 104—109 (изд. 2-е). Около пяти тысячъ плѣнныхъ, взятыхъ у Конотопа, были перерѣзаны, по предварительному уговору Выговскаго съ ханомъ.

[3]) Тамъ же, XI, 126.

[4]) *Устряловъ*, Ист. царств. Петра В. I, 214.

не будетъ»[1]). Въ царствованіе Анны Ивановны наши уполномоченные для веденія мирныхъ переговоровъ съ турецкими послами заговорили о присоединеніи Крыма къ Россіи[2]): вопросъ въ этомъ смыслѣ былъ рѣшенъ въ царствованіе Екатерины, послѣдней собирательницы русской земли, смѣлой и счастливой рѣшительницы старыхъ, запутанныхъ политическихъ задачъ. Однако и въ ея славный вѣкъ Южная Россія потерпѣла опустошительный набѣгъ татарскій, — послѣдній набѣгъ крымскихъ татаръ: онъ произошелъ въ январѣ 1769 года, въ началѣ первой турецкой войны, подъ предводительствомъ хана Крымъ-Гирея, котораго провожалъ въ походъ французскій консулъ баронъ Тоттъ, посвятившій въ своихъ мемуарахъ нѣсколько страницъ этому набѣгу. По его словамъ, татары напали тремя арміями: одна въ сорокъ тысячъ была подъ начальствомъ Нуреддина, другая подъ начальствомъ Калги была въ шестьдесятъ тысячъ; третью во сто тысячъ велъ самъ ханъ. Кромѣ собственно крымскихъ татаръ въ набѣгѣ принимали участіе ногайскія орды, отрядъ турецкихъ спаевъ, отрядъ лезгинцевъ и наконецъ козаки некрасовцы, или «игнатъ-козаки», какъ ихъ звали татары; къ войску были присоединены триста тысячъ лошадей. Главный отрядъ самого хана направился въ Новую Сербію; французскій консулъ былъ при этомъ отрядѣ и видѣлъ все опустошеніе. Онъ хвалитъ личность хана, говоритъ объ отвращеніи его отъ жестокости, о его любознательности и интересѣ къ французской литературѣ; въ одномъ мѣстѣ даже такъ выражается, что идеи, которыя ханъ ему высказывалъ, сдѣлали бы честь самому Монтескье и т. п. Но все это не помѣшало цивилизованному хану, который впрочемъ, кажется, былъ приверженъ болѣе къ французской кухнѣ и винамъ, чѣмъ къ литературѣ, произвести на глазахъ представителя цивилизованной націи опустошеніе Новой Сербіи и набрать полону свыше двадцати тысячъ человѣкъ, по примѣрному опредѣленію консула[3]).

Уже послѣ присоединенія Крыма, наканунѣ второй турецкой войны, Екатерина въ частномъ разговорѣ съ французскимъ посланникомъ Сегюромъ, укоряя Францію за ея туркофильскую политику, говорила ему между прочимъ такія слова: «что еслибы вы имѣли въ Піемонтѣ или Испаніи такихъ сосѣдей, которые ежегодно заносили бы къ вамъ чуму и голодъ, истребляли бы у васъ

---

[1]) Тамъ же, III. 280.

[2]) *Солов.* XX, 139 (конференціи въ Немировѣ съ австрійскими и турецкими уполномоченными 1737 года).

[3]) Записки барона Тотта о татарскомъ набѣгѣ 1769 г. на Новую Сербію въ «Кіев. Старинѣ» 1883, сент. окт. Срав. о количествѣ плѣнныхъ у Соловьева XXVIII, 19, гдѣ оно опредѣляется въ 1800 человѣкъ; но, по словамъ консула, около двухъ тысячъ досталось одному хану, какъ десятая часть, по обычаю на его долю слѣдующая. Срав. любопытное письмо имп. Екатерины о семъ набѣгѣ и другихъ попыткахъ татаръ — къ г-жѣ Бельке: *Соловьевъ* XXVIII, 55.

и забирали въ плѣнъ по двадцать тысячъ человѣкъ ежегодно, а я взяла бы ихъ подъ свое покровительство, что бы вы тогда сказали? О, какъ вы стали бы тогда упрекать меня въ варварствѣ»! [1]). Во столько императрица опредѣляла ежегодную потерю людей въ Крымъ и Турцію! Повидимому, кража русскихъ людей и продажа въ Турцію изъ крымскихъ и турецкихъ городовъ Черноморья по прежнему продолжались и послѣ присоединенія Крыма. Въ отвѣтъ французскій посланникъ высказывалъ общія замѣчанія, вродѣ «поддержанія политическаго равновѣсія въ Европѣ»; но въ своихъ запискахъ онъ болѣе искренно прибавляетъ, что лично ему кажется постыдною эта ложная и близорукая политика, по которой сильныя державы вступаютъ въ союзъ и дѣлаются почти данниками грубыхъ мавровъ, алжирцевъ, аравитянъ и турокъ [2]). Императрица Екатерина, по всей вѣроятности, намекала на этотъ фактъ данничества европейскихъ государствъ туркамъ и алжирскимъ пиратамъ, что было въ полной силѣ и въ XVIII вѣкѣ. Въ интересной статьѣ французскаго ученаго, г. Граммона объ алжирской неволѣ, которая нынѣ начинается печатаніемъ, приводятся любопытные факты, представляющіе большую аналогію съ нашими отношеніями къ Крыму и Турціи. По словамъ автора, «Смертельный ударъ варварійскому пиратству нанесло прекращеніе борьбы между Франціей и Испаніей: ибо прежде Франція закрывала глаза на варварійскія грабительства, нимало не заботилась объ ихъ прекращеніи, очень хорошо сознавая ихъ пользу для себя; она смотрѣла на нихъ, какъ на постоянную рану, обезсиливавшую соперницу ея, Испанію [3]). Менѣе сильныя государства были принуждены платить подать варварійскимъ владѣтелямъ, особенно алжирскому бею, чтобы обезопасить свою торговлю на Средиземномъ морѣ; первый примѣръ къ тому дала Голландія, за ней послѣдовали Швеція, Данія, Ганзейскіе города и мелкія государства южной Европы; другихъ средствъ сдержать варварійскихъ пиратовъ не было; лучше было заплатить имъ страховыя деньги, нежели все потерять. Хуже всего было то, что эту подать или подарки (donatives) европейцы выплачивали такими произведеніями своей промышленности, какъ пушки, ружья, сабли, порохъ, пули и ядра, т. е. давали сами на себя же оружіе. Что касается потери людей въ варварійскій плѣнъ, то она была огромная: по разсчету одного французскаго писателя XVII-го вѣка, за первое только тридцатилѣтіе того вѣка, варварійскіе пираты захватили болѣе милліона народу (на счетъ цифры мы и здѣсь позволимъ себѣ выразить сомнѣніе). «Нельзя удер-

[1]) Записки графа *Сегюра* о пребыв. его въ Россіи въ царств. Екатерины II, перев. съ франц. Спб. 1865, стр. 144—145.

[2]) Тамъ же, 145.

[3]) Revue historique, 1884, mai—juin: La course, l'esclavage et la redemption à Alger, par m-r *H. de Grammont*, pag. 16.

жаться отъ скорби, замѣчаетъ г. Граммонъ, при мысли объ этихъ несчастныхъ плѣнникахъ, и въ то же время нельзя не подивиться живучести тѣхъ народовъ, которые терпѣли отъ пиратовъ такія испытанія»[1]). Съ своей стороны мы прибавимъ, что русское и все вообще славянское племя выказало еще больше этой живучести и терпѣнія, имѣя линію соприкосновенія съ мусульманскимъ міромъ еще большую, чѣмъ народы европейскіе[2]), находясь съ нимъ въ ближайшемъ сосѣдствѣ, выдерживая первые удары татаръ и турокъ, ежедневно теряя въ ихъ пользу свой трудъ и работниковъ. Нельзя не замѣтить и той еще разницы, что когда Россія, въ XVIII вѣкѣ, стала энергично наступать на Крымъ и Турцію, поднимая знамя освобожденія христіанъ изъ бусурманской неволи, то европейскія государства для поддержки будто бы «политическаго равновѣсія» стали покровительствовать Турціи и даже возбудили ее къ войнѣ противъ Россіи за присоединеніе Крыма.

Но возвратимся еще разъ къ крымскимъ набѣгамъ прежнихъ вѣковъ, представимъ нѣкоторыя подробности ихъ.

Изъ описанія сихъ набѣговъ у разныхъ авторовъ, каковы Михалонъ Литвинъ, Бопланъ и другіе, видно, что они имѣли характеръ разбоевъ въ большихъ размѣрахъ: это не были военные походы въ собственномъ смыслѣ слова, предупреждаемые объявленіемъ войны чрезъ своихъ или чужихъ пословъ. Напротивъ, такъ какъ они имѣли цѣлью кражу людей и грабежъ добычи, то предпринимались втихомолку, нечаянно, съ обманомъ и хитростями: «царемъ бусурманскимъ есть обычай издавна инуды лукъ потянуть, а инуды стрѣлять», выражается одинъ изъ нашихъ наблюдателей сихъ набѣговъ, не разъ мужественно бившійся съ крымцами и въ своихъ запискахъ давшій интересное описаніе нѣкоторыхъ набѣговъ ихъ[3]). Чтобы сдѣлать набѣгъ на Польшу, крымскій ханъ долженъ былъ спрашивать позволенія у султана[4]), быть можетъ отчасти потому, что Польша платила болѣе щедро и болѣе исправно поминки; но такого позволенія не требовалось относительно нападенія на московскую украйну: Московское государство стояло такимъ образомъ какъ бы внѣ мусульманскихъ законовъ. Свои нападенія татары обыкновенно направляли мимо городовъ, осада которыхъ долго бы стала ихъ задерживать, что̀ не входило въ ихъ

---

[1]) Въ статьѣ того же автора на стр. 26 и др.

[2]) На восточной границѣ также происходила кража русскаго народу и продажа его въ среднеазіатскія ханства; вспомнимъ для примѣра, что въ царствованіе Анны Ивановны посланный къ башкирамъ выручать русскихъ плѣнныхъ графъ Головкинъ дѣйствительно успѣлъ освободить ихъ 20-ть тысячъ семействъ; и послѣ того башкиры продавали русскій полонъ въ Среднюю Азію, особенно хану Бухарскому, который держалъ у себя гвардію изъ трехъ тысячъ русскихъ. *Солов.* XX, 412.

[3]) Курбскій, Сказанія, стр. 12—15; 49—53.

[4]) Броневскій, 359. Бопланъ, 61.

планъ; да осада городовъ обыкновенно имъ и не удавалась[1]). Они нападали на сельскій народъ: «ночью старались обложить селеніе, раскладывали по всѣмъ его сторонамъ огонь, дабы никто изъ жителей не могъ убѣжать; раннимъ утромъ начинали грабить и зажигать зданія, убивать тѣхъ, кто оказывалъ сопротивленіе; всѣхъ прочихъ, мужчинъ и женщинъ съ грудными дѣтьми, забирали вмѣстѣ съ домашнимъ скотомъ, за исключеніемъ свиней, которыхъ сгоняли въ сарай или другое огороженное мѣсто и сожигали»[2]). Лѣтнею порой татары нерѣдко хватали народъ прямо на полѣ за работой: что нѣкогда говорилъ Владиміръ Мономахъ о половцахъ, которые наѣзжали на кіевскихъ смердовъ, пашущихъ въ полѣ, и убивали ихъ, а женъ и дѣтей съ домашнимъ скотомъ угоняли въ плѣнъ, то самое цѣлые вѣка продолжалось на Украйнѣ при нападеніяхъ крымскихъ татаръ[3]). Въ походъ татары запасались большимъ количествомъ лошадей, чтобы лучше убѣжать въ случаѣ преслѣдованія и удобнѣе увезти добычу: 80-ти тысячное войско татаръ, по словамъ Боплана, гнало съ собой до 200 тысячъ лошадей; лошади были нужны отчасти на пропитаніе самихъ татаръ, любимою пищей которыхъ служила конина. Для ухода за лошадьми брались погонщики, которые хотя не были вооружены, но конечно помогали забирать, связывать и гнать плѣнный народъ и скотъ; запасались также ремнями и веревками для связыванья плѣнныхъ, плетьми—для погонки ихъ[4]). Малорусское народное преданіе сохранило память объ одномъ способѣ, употреблявшемся татарами при захватѣ людей: «бывало — говоритъ

---

[1]) Такъ, въ 1521 году Махметъ-Гирей былъ отбитъ отъ Рязани воеводой Хабаромъ Симскимъ; въ 1542 году Саипъ-Гирей не могъ взять Пронска; въ 1552 году Девлетъ-Гирей не успѣлъ овладѣть Тулой, не смотря на храбрые приступы янычаръ и турецкую артиллерію; тотъ же ханъ въ 1554 г. безуспѣшно приступалъ къ Рязани, обороняемой мужественными Басмановыми; въ 1591 году Казы-Гирей былъ отбитъ отъ Москвы.— Герберштейнъ въ свое время замѣтилъ про крымскихъ татаръ, что они рѣдко осаждаютъ города и крѣпости: Опис. Москов. стр. 138.

[2]) Боплань, 65. Флетчеръ съ своей стороны замѣчаетъ: «украинскіе русскіе, въ ожиданіи каждое лѣто набѣговъ татарскихъ, не держатъ никакого скота, кромѣ свиней: ибо татары, будучи вѣры турецкой, не ѣдятъ свинины, а потому не касаются этихъ животныхъ, оставляя ихъ жителямъ»: La Russie au XVI-e siècle, II, 50.

[3]) Лѣтопись по Лавр. сп. стр. 267, о долобскомъ съѣздѣ князей 1103 года. Припомнимъ кстати, что въ начальной лѣтописи впервые нарисована яркая картина увода въ плѣнъ народу степняками, половцами: см. событія подъ 1093 годомъ, на стр. 215—217. —Флетчеръ говоритъ, что татары дѣлали нападенія иной разъ около Троицы, но чаще во время жатвы: II, стр. 45.

[4]) Герберштейнъ, стр. 136—138. Михаловъ Литвинъ, стр. 9—13; 55. Броневскій, 360—365. Флетчеръ, II 50. Боплань, 61—77. Крижаничъ, Русское государство, раздѣлъ 52 «Объ татарахъ», стр. 123—126.

оно—татаринъ навяжетъ людей за руки къ жерди, да такъ и гонитъ»[1]); но случалось, что плѣнники порвутъ ремень (сирицю) или инымъ способомъ освободятъ свои руки, бросятся на татаръ и побьютъ ихъ. Плѣнниковъ татары забирали на обратномъ пути, чтобы не затрудняться движеніемъ впередъ внутрь страны; въ концѣ похода, при роздыхѣ, еще до возвращенія въ Крымъ происходила дѣлежка людей и всякой добычи: десятая часть ея, въ томъ числѣ отборные плѣнники, назначалась хану; остальныхъ дѣлили межъ собой мурзы и рядовые татары. «Самое жестокое сердце тронулось бы—говоритъ Бопланъ—при видѣ, какъ татары разлучаютъ мужа съ женой, мать съ дочерью, безъ надежды когда нибудь снова имъ увидѣться; самый хладнокровный человѣкъ пришелъ бы въ содраганіе, слыша дикое веселье татаръ, плачъ и вой несчастныхъ русскихъ»[2]). Тутъ же происходила запродажа нѣкоторой части полону другъ другу и разныя сдѣлки на счетъ его, послѣ чего одни плѣнники направлялись въ Константинополь, другіе въ Анатолію, иные въ Крымъ, куда возвращалось и все войско.

II.

Положеніе русскихъ плѣнниковъ въ Крыму, отнынѣ большею частію невольниковъ, было тяжелое. Не говоря о самомъ дурномъ содержаніи ихъ пищею и питьемъ, одеждой и жилищемъ, ихъ предавали изнурительнымъ работамъ и истязаніямъ: по словамъ Михалона Литвина, болѣе сильныхъ невольниковъ дѣлали кастратами, инымъ рѣзали ноздри и уши, клеймили на лбу и щекахъ; днемъ мучили на работѣ скованными, а ночью держали въ темницѣ и т. д.[3]). Пусть названный авторъ любитъ употреблять слишкомъ яркія краски; но несомнѣнно, крымская неволя была дѣйствительно тяжела для русскихъ плѣнныхъ. Но еще тяжелѣе становилось ихъ положеніе, когда они попадали на турецкія галеры или каторги: прикованные цѣпями къ скамейкамъ, они тяжелыми веслами приводили въ движеніе галеру, вдоль которой расхаживалъ надзиратель, ключникъ галерскій, нерѣдко ренегатъ, или, какъ мѣтко называетъ его народная дума, «недовѣрокъ христіанскій», ударами бича возбуждавшій послѣднія силы невольниковъ[4]). Для галернаго турецкаго флота невольники со-

---

[1]) Записки о Южной Руси *П. Кулиша* I, стр. 5—6.

[2]) Бопланъ, стр. 68—69. О десятинѣ всего количества плѣнныхъ въ пользу хана—у Броневскаго, стр. 362. Срав. также Описаніе перекопскихъ и ногайскихъ татаръ *Жана де Люка* въ Запискахъ Одес. Общ. Исторіи и Древностей, томъ XI, стр. 482. Срав. выше стран. 349, примѣч. 3-е, о набѣгѣ 1769 года.

[3]) О нравахъ татаръ, стр. 20. Срав. у Броневскаго на стр. 363.

[4]) Чит. думу «О побѣгѣ Самуила Копки изъ турецкой неволи» въ изданіи гг. *Антоновича* и *Драгоманова*, Историч. пѣсни малорусскаго народа, т. I, стр 208—220. (Кіевъ, 1874),—одна изъ лучшихъ малорусскихъ думъ, пѣлая невольницкая поэма. Какъ эта, такъ и прочія думы обставлены въ семъ изданіи цѣнными историческими примѣчаніями.

ставляли живую силу, замѣнявшую паръ современныхъ флотовъ... Вотъ почему русскіе плѣнники находили скорый сбытъ изъ Крыма въ Турцію: иначе Крымъ переполнился бы ими очень скоро.

Главный рынокъ невольниковъ русскихъ въ Турціи былъ Константинополь, гдѣ издавна, еще со временъ кіевской Руси Олега и Игоря, продавались русскіе рабы [1]). Въ турецкую пору, по словамъ грековъ, къ Константинополю иногда приставали по три, по четыре корабля ежедневно, наполненные русскими невольниками; на торговыхъ площадяхъ города стояли священники и монахи, юноши и дѣвицы, которыхъ толпами отвозили въ Египетъ на продажу [2]). Въ 1578 году венеціанскій посланникъ Джіованни Карраро доносилъ, что въ Константинополѣ турки, евреи и христіане совсѣмъ не имѣютъ наемной прислуги, а только рабовъ и рабынь, что потребность въ рабахъ удовлетворяютъ преимущественно татары, которые ходятъ на охоту за людьми въ области польскую и московскую, да въ землю черкесовъ: захваченную добычу они приводятъ въ Кафу, гдѣ она продается тамошнимъ купцамъ, а за тѣмъ перевозится въ Константинополь, въ которомъ есть постоянно полный базаръ невольниковъ, рядомъ съ базарами всякаго рода скота; сверхъ того безчисленное множество плѣнниковъ проводятъ мимо города въ Анатолію, гдѣ ихъ заставляютъ заниматься земледѣліемъ и другими работами въ пользу турокъ [3]). Въ 1655 году цезарскій посланникъ Аллегретти, бывшій прежде посломъ испанскаго короля въ Турціи, а теперь находившійся въ Москвѣ, также говорилъ о множествѣ русскихъ и поляковъ, продаваемыхъ въ Царьградѣ татарами; на это московскіе приставы отвѣчали ему между прочимъ, что вѣдь крымскіе татары берутъ много людей и изъ нѣмецкихъ государствъ, которыхъ также продаютъ въ работы и на каторги [4]). Возраженіе отчасти справедливое.

Часть плѣнниковъ и плѣнницъ ежегодно посылалась изъ Крыма султану въ видѣ нѣкоторой дани ему; сверхъ того султанъ посылалъ въ Крымъ подарки отъ себя, прося за нихъ лишняго количества рабовъ [5]). Иногда онъ настоятельно требовалъ присылки русскихъ невольниковъ на свои галеры, въ виду особенныхъ нуждъ: такъ въ 1646 году султанъ Ибрагимъ, приказавши сдѣлать сто новыхъ каторгъ, послалъ къ крымскому хану гонца съ грамотой, чтобы тотъ шелъ немедленно на Московское и Польское государства набрать

---

[1]) См. договоры ихъ съ греками въ лѣтописи. О древности невольничьяго базара въ Царьградѣ срав. у Соловьева I, прим. 397.

[2]) *Солов.* Исторія Р. XI, 290.

[3]) Это любопытное донесѣніе венеціанскаго посланника см. въ новомъ изданіи *В. И. Ламанскаго*, Secrets d'état de Venise, St.-Pétersbourg 1884, pag. 380—383.

[4]) *Солов.* X, 349.

[5]) Броневскій, 359. Жанъ де Люкъ, Опис. перекоп. и ногайск. татаръ, стр. 484.

полону на новыя его каторги; султанъ спѣшилъ тогда выручить свое войско, осажденное венеціанцами на Критѣ [1]). Подобныя требованія султана были очень непріятны крымскимъ татарамъ, видѣвшимъ въ нихъ, быть можетъ, наиболѣе тяжелую сторону своей зависимости отъ Турціи; иногда татары выказывали открытое неповиновеніе своимъ ханамъ, если тѣ намѣревались исполнять требованія изъ Константинополя на счетъ плѣнниковъ слишкомъ съ большимъ усердіемъ: ибо въ такомъ случаѣ производился наборъ плѣнниками съ частныхъ лицъ, интересъ коихъ былъ въ томъ, чтобы получить за раба выкупъ или продажную цѣну [2]). Въ этомъ отношеніи любопытны крымскія происшествія 1666 года, какъ о нихъ разсказывали въ Малороссіи и въ Москвѣ наши выходцы изъ крымской неволи. Въ этотъ годъ султанъ рѣшилъ прислать въ Крымъ новаго хана; заслыша о его приближеніи, прежній ханъ съ Калгой и Нурединомъ, съ преданными татарами числомъ до 25-ти тысячъ, ушелъ черезъ Перекопъ въ область Запорожскую, захватя съ собой и знатнаго плѣнника, боярина В. Б. Шереметьева, вслѣдъ за тѣмъ прибылъ новый крымскій ханъ, который поспѣшилъ отплатить султану за его благодѣяніе,—началъ набирать ему въ Крыму плѣнниковъ, хотѣлъ набрать ихъ 20 тысячъ. Но это намѣреніе его произвело открытый бунтъ среди татаръ: они не давали плѣнниковъ, грозили свергнуть самого хана; дѣло кончилось тѣмъ, что новый ханъ бѣжалъ сначала въ Кафу, а потомъ въ Константинополь. По показанію другаго выходца, ханъ началъ требовать въ свою казну особаго сбора, именно по десяти копъ съ каждаго плѣнника; но орда грозила убить его за такой новый налогъ [3]). И позже Крымъ волновался вопросомъ на счетъ плѣнниковъ: ханы смотрѣли на нихъ, какъ на свою собственность, или по крайней мѣрѣ какъ на казенную собственность; татары же утверждали, что ханъ не воленъ отбирать у нихъ ясырь: «то имъ дано за службу, за кровь и за смерть: кто что возьметъ на войнѣ, тѣмъ онъ и живетъ» [4]).

Но и сверхъ продажи невольниковъ въ Турцію, сверхъ посылки ихъ султану, въ Крыму въ любое время не было въ нихъ недостатка. Купцы разныхъ народностей занимались тамъ невольничьей торговлей, какъ-то: евреи, армяне, турки и греки. Главными невольничьими рынками были Кафа, Карасубазаръ, Евпаторія и Бахчисарай, особенно-же первый изъ названныхъ городовъ, по выраженію Михалона Литвина, «не городъ, а пучина поглощающая нашу кровь». Корабли, приходящіе изъ Азіи съ разными товарами, отходятъ изъ Крыма на-

---

[1]) *Солов.* X, 121—122.

[2]) Тамъ же XII, 83.

[3]) Акты, относ. къ истор. южн. и зап. Россіи, VI, № 51, — показанія боярскихъ дѣтей Аристова и Долгова.

[4]) *Солов.* XII, 82.

груженные рабами, замѣчаетъ тотъ-же авторъ. Такъ какъ невольники представляли ходкій товаръ, во всякое время удобный для внѣшняго сбыта, то естественно, что и внутри Крыма они шли въ оборотъ для разнообразныхъ сдѣлокъ: «всѣ крымскіе рынки знамениты только этимъ товаромъ, который у татаръ всегда подъ руками и для продажи, и для залога, и для подарковъ, какъ будто люди нашей породы были у нихъ всего на задворьяхъ». Далѣе Михалонъ вдается въ подробности на счетъ аукціона, съ котораго рабы продавались скованными по десятку за шеи, причемъ будто-бы продавцы выхваляли польскихъ плѣнныхъ предъ московскими,—потому что московское племя считается де у нихъ дешевымъ, какъ коварное и обманчивое, — о перепродажѣ ихъ отдаленнымъ народамъ: саррацинамъ, сирійцамъ и пр. Рѣчь, которую авторъ влагаетъ въ уста одного плѣнника, имѣющаго отъѣхать за море, хотя отзывается нѣкоторою искусственностью, не лишена однако горькой правды и энергіи выраженія[1]).

Нѣкоторая, конечно, меньшая часть русскихъ невольниковъ навсегда оставалась въ Крыму въ услуженіи у своихъ хозяевъ, не будучи проданной за море и не отпущенной на выкупъ. Разные источники говорятъ, что крымскіе татары, при всемъ ихъ хищническомъ образѣ жизни и отвращеніи къ законному труду, не вовсе пренебрегали земледѣліемъ и нѣкоторыми промыслами, употребляя на обработку земли плѣнныхъ русскихъ, поляковъ, венгерцевъ и молдаванъ. Всѣ купцы и ремесленники, находящіеся въ Крыму, по словамъ Броневскаго, были также либо христіанскіе невольники, либо турки, армяне, евреи, пятигорскіе черкесы и цыгане. Простые невольники несли всякую хозяйственную службу, рыли колодцы, добывали соль, собирали въ степи навозъ; невольницы, судя по народнымъ о нихъ пѣснямъ, несли болѣе легкія домашнія работы: пряли шерсть и ленъ, пасли дворовую птицу, ухаживали за дѣтьми и т. п.[2]). Нѣкоторые, вѣроятно, болѣе знатные по происхожденію плѣнники, оставаясь въ Крыму продолжительное время, получали, кажется, земельные надѣлы: такъ можно думать на основаніи словъ Броневскаго, который говоритъ, что ханъ ежегодно взималъ отъ знатнѣйшихъ военноплѣнныхъ по три золотыхъ монеты, отъ менѣе знатныхъ—по одному талеру и десятую часть ихъ дохода[3]). Да и про-

[1]) О нравахъ татаръ, стр. 21—27. О Кафѣ сказано: «non urbs, sed vorago sanguinis nostri». По замѣчанію Боплана, въ Кафѣ въ его время жило въ постоянномъ услуженіи у своихъ господъ до 30-ти тысячъ рабовъ: стр. 50—51. Срав. въ описаніи Жана де Люка, стр. 482.

[2]) Броневскій 345, особ. 356—357 стр. Срав. у Михалона, О нравахъ татаръ, 13—15, у Жана де Люка, Описаніе перекоп. и ногайск. татаръ, стр. 477. Пѣсни, собр. *П. Кирѣевскимъ*, изд. Общ. любит. росс. словесн. вып. VII, 56 и Прилож. стр. 188—213.

[3]) Броневскій, стр. 359.

стые русскіе плѣнники садились на землю и такъ привыкали къ ней, что наконецъ отлагали заботу о возвращеніи на родину; вѣроятно, это были тѣ плѣнники по преимуществу, которые получили нѣкоторое облегченіе неволи, или почти полное отъ нея освобожденіе послѣ извѣстнаго срока: Герберштейнъ говоритъ, что проданные въ рабство, по истеченіи шести лѣтъ, становятся свободными, хотя не смѣютъ уйти изъ страны; Михалонъ Литвинъ также сообщаетъ, что рабовъ, пріобрѣтенныхъ войною или куплей, татары не держатъ въ рабствѣ дольше семи лѣтъ; по словамъ Дж. Каррaро, константинопольскіе христіане также отпускали своихъ рабовъ на свободу по истеченіи семи лѣтъ, если только раньше они не дѣлались жертвой чумы, постоянно свирѣпствовавшей въ Константинополѣ [1]). Такъ или иначе, кто бы ни были эти осѣдлые плѣнники, относительно ихъ мы имѣемъ указанія, что они иногда вполнѣ обживались въ Крыму, вполнѣ свыкались со своимъ положеніемъ. Въ лѣтописи Самуила Велички подъ 1675 годомъ находимъ любопытный разсказъ о вторженіи запорожскаго кошеваго Сѣрко въ Крымъ. Знаменитый воинъ вывелъ на этотъ разъ до семи тысячъ плѣнныхъ христіанъ, но, какъ видно, не всѣ изъ нихъ охотно послѣдовали за нимъ, потому что когда Сѣрко, замѣтя такое настроеніе ихъ, началъ ихъ испытывать, предлагая на ихъ волю или воротиться въ Крымъ, или съ нимъ оставаться, то дѣйствительно три тысячи христіанъ и тумовъ, отъ христіанъ въ Крыму родившихся [2]), пожелали вернуться обратно: они говорили, что въ Крыму они имѣютъ осѣдлость и имущество, а потому лучше желаютъ вернуться туда, чѣмъ быть на Руси, ничего не имѣя. Однако они не успѣли воротиться: ибо когда пустились было въ дорогу, суровый Сѣрко приказалъ своимъ запорожцамъ догнать ихъ и перебить всѣхъ до послѣдняго... Затѣмъ лично убѣдясь въ исполненіи приказа, Сѣрко промолвилъ надъ ихъ трупами слѣдующія слова: «простите насъ, братья, да лучше спите здѣсь до страшнаго суда Господня, чѣмъ было вамъ между бусурманами размножаться на наши головы христіанскія, молодецкія, да на свою вѣчную погибель, безъ крещенія» [3]). Несомнѣнно, что примѣры подобной натурализаціи русскихъ плѣнниковъ въ Крыму были нерѣдки; если не съ перваго разу, то во второмъ, третьемъ поколѣніи многіе изъ нихъ забывали вѣру и языкъ отцовъ, а съ принятіемъ мусульманства, вѣроятно, приравнивались къ остальной массѣ татаръ. Во всякомъ случаѣ обращеніе въ мусульманство облегчало судьбу

---

[1]) Записки о Московіи, 144. О нравахъ татаръ стр. 47. Secrets d'état de Venise, pag. 381.

[2]) О значеніи слова «тума» см. замѣтку г. *Потебни* въ Русск. Филолог. Вѣстн. т. II, стр. 242—251.

[3]) Лѣтопись Самуила Велички, изд. времен. коммис. для разбора древн. актовъ томъ II, 376—377.

плѣнныхъ, если не тотчасъ дѣлало ихъ свободными. Доминиканскій монахъ Жанъ-де-Люкъ, бывшій въ Крыму въ первой половинѣ XVII-го вѣка, говоритъ въ описаніи своего путешествія, что татары стараются принудить своихъ рабовъ принять магометанство, обѣщая подъ этимъ условіемъ свободу, чѣмъ нѣкоторыхъ и совращаютъ [1]). Впрочемъ, особой ревности къ обращенію невольниковъ въ магометанство не замѣтно у крымскихъ татаръ. Многіе изъ плѣнныхъ христіанъ, жившихъ въ городахъ крымскихъ, имѣли нѣкоторую свободу вѣроисповѣданія, тѣмъ болѣе, что слѣды христіанства никогда не были окончательно сглажены въ Крыму, гдѣ не переставали жить греки, генуэзцы и другіе христіане. Съ другой стороны, вновь прибывавшіе изъ Руси плѣнники значительно усиливали христіанскій элементъ въ Крыму и Турціи, поддерживали христіанскія святыни, сберегали остатки церквей, иконъ, мощи святыхъ и пр. Нѣкоторыя христіанскія святыни, какъ напримѣръ, древняя икона Богоматери въ Бахчисараѣ, пользовались почитаніемъ самыхъ мусульманъ [2]). Временно проживавшіе въ Крыму московскіе и польскіе послы и разные христіане изъ пріѣзжихъ содѣйствовали той-же цѣли поддержки христіанства [3]). Но надо

[1]) Опис. стр. 482.

[2]) Очень любопытную легенду о сей иконѣ сообщаетъ одинъ французскій авторъ XVI-го вѣка въ сочиненіи «La description du royaume de Pologne et pays adjacens», par *Blaise de Vigener*, Paris, 1573; отрывокъ изъ книги, содержащій сію легенду, перепечатанъ въ книгѣ *П. Кулиша*, Истор. возсоединенія Руси, II, Приложеніе. Явленіе иконы, по преданію, относится ко временамъ Хаджи-Гирея, отца Менглигиреева: въ то время въ крымскихъ горахъ поселился змѣй, все пожиравшій; греки и генуэзцы обратились тогда къ заступленію Богородицы и были спасены Ею: въ одинъ день они увидали чудовищнаго змѣя издохшимъ и поверженнымъ предъ иконою Пресвятой Дѣвы, явившеюся на высокомъ утесѣ. Преданіе прибавляетъ, что сію икону чтилъ самъ Хаджи-Гирей, ставившій предъ нею свѣчи на счетъ военной добычи: стр. 452—453. То же сказаніе передаетъ нашъ священникъ Андрей *Лызловъ*, авторъ скиѳійской исторіи: въ Москвѣ знали объ этой иконѣ, вѣроятно, по разсказамъ пословъ. Такъ, напримѣръ, *Тяпкинъ* и *Зотовъ*, заключившіе бахчисарайскій договоръ 1681 года, по окончаніи посольскаго дѣла заѣзжали въ предмѣстье Бахчисарая на поклоненіе иконѣ Богоматери. См. статейный ихъ списокъ 1681 года, одинъ изъ самыхъ любопытныхъ памятниковъ нашихъ сношеній съ Крымомъ, въ Запискахъ Одес. Общ. Ист. и Древн. II, 568—658.

[3]) См., напримѣръ, «Повѣсть извѣстну и удивленія достойну о мощахъ невѣдомаго святаго, списанную многогрѣшнымъ попомъ Іаковомъ», въ Запискахъ Одес. Общ. Ист. и Древн. т. II, 685—692. Священникъ Іаковъ былъ въ Крыму съ посланникомъ Дворяниновымъ въ 1634: онъ много разспрашивалъ о святыняхъ Инкермана, особенно о мощахъ невѣдомаго по имени святаго, у тутошнихъ грековъ и русскихъ полоняниковъ. Кстати—о полоняникахъ: двое изъ нихъ названы въ сказаніи Іакова; первый—Максимъ Ивановъ, родомъ Новосилецъ, жившій въ плѣну 32 года, другой—Василій Хромой, родомъ бѣлоруссъ, жившій въ Инкерманѣ уже сорокъ лѣтъ: Сказ. стр. 689. — Посолъ Броневскій также много интересовался у грековъ на счетъ древностей и святынь Крыма, многимъ обязанъ имъ за свое интересное описаніе: не разъ онъ ссылается на разсказы грековъ, какъ напримѣръ на стр. 342—344; 347. Глава объ Инкерманѣ и его древностяхъ особенно хороша у него.

также признаться, что бывали случаи добровольнаго обращенія въ мусульманство русскихъ людей въ Крыму. Такъ, человѣкъ боярина В. Б. Шереметева добровольно обусурманился, чтобы стать толмачемъ при ханскомъ дворѣ [1]). По показанію бывшаго крымскаго плѣнника, Ивана Глистина, данному имъ въ Москвѣ, въ 1689 году, въ ханскомъ войскѣ было нѣсколько нашихъ измѣнниковъ, которые за годъ предъ тѣмъ бѣжали съ Дону и обусурманились: быть можетъ, часть вины за неуспѣшность крымскихъ походовъ кн. Голицына лежитъ именно на этихъ русскихъ измѣнникахъ. И когда Голицынъ, во второй свой походъ, сталъ договариваться о выдачѣ всѣхъ нашихъ плѣнныхъ, то получилъ отвѣтъ, что ханъ не можетъ освободить ихъ, тѣмъ болѣе, что многіе изъ нихъ обусурманились, «и оттого имъ стало сытно» [2]). Провѣрить такой отвѣтъ было трудно, но предлогъ былъ очень благовидный, возразить противъ котораго было нечего; да и въ самомъ дѣлѣ отступникамъ могло быть «сытно», особенно на первое время... Наконецъ, въ Крыму находили себѣ временное пристанище такіе проходимцы, какъ Болотниковъ, взятый въ плѣнъ татарами, затѣмъ проданный въ Константинополь, тамъ выкупленный нѣмцами, послѣ проживавшій въ Венеціи и наконецъ воротившійся домой, чтобы сыграть свою темную роль въ событіяхъ Смутнаго времени [3]), или какъ казакъ Вергуненокъ, игравшій роль московскаго царевича: съ Дону онъ попалъ въ плѣнъ къ татарамъ, которые продали его въ Кафу къ одному еврею; тутъ казакъ назвался царевичемъ, хозяинъ и другіе русскіе плѣнники повѣрили ему, стали почитать его, носили ему пить и ѣсть; но скоро о самозванцѣ узналъ самъ ханъ, приказавшій перевести его въ Старый Крымъ и крѣпко тамъ стеречь; послѣ самозванецъ былъ пересланъ въ Константинополь, гдѣ и посаженъ въ заключеніе [4]). Такъ разнообразны были элементы русскіе въ Крыму! Можно сказать, что онъ во всякое время былъ на половину русскою землей, политой русской кровью и потомъ, ареной дѣятельности для разныхъ подозрительныхъ людей, а иногда такихъ лицъ, какъ Богданъ Хмѣльницкій, возставшій противъ Польши съ помощью крымскаго хана.

Что касается плѣнницъ, то нѣкоторыя изъ нихъ достигали важнаго положенія: красивѣйшія, принимая мусульманство становились женами и госпожами дома. Не говоря о такихъ плѣнницахъ, которыя бывали женами султановъ и хановъ [5]), обратимъ вниманіе на то, что говоритъ Михалонъ вообще о плѣн-

---

[1]) Статейный списокъ Тяпкина и Зотова, стр. 616.

[2]) *Устряловъ*, Истор. царств. Петра В. I, 234—235.

[3]) *Карамзинъ*, XII, 19.

[4]) *Соловьевъ*, X, 115—118.

[5]) Замѣчанія по сему предмету можно найти въ упомянутомъ изданіи «Историч. пѣсенъ малорусскаго народа» I, стр. 236—237.

ницахъ славянскаго происхожденія среди восточныхъ жителей: «всѣ они, т. е. восточные жители, съ жадностью ищутъ себѣ въ жены плѣницъ; у нынѣшняго турецкаго султана любимая его супруга, мать его первенца и наслѣдника, похищена изъ нашей земли; перекопскій ханъ Саипъ-Гирей родился отъ христіанки и женатъ на христіанкѣ; всѣ министры этихъ тирановъ, евнухи, секретари и прочіе чиновники, ихъ особое войско, называемое янычары, — всѣ происходятъ отъ нашей крови» [1]). Если не всѣ, а даже часть высшаго класса въ Турціи и Крыму происходила отъ женщинъ славянскаго племени, то и въ такомъ случаѣ мы должны признать великую важность христіанскаго женскаго элемента въ Турціи, этомъ хищномъ, во всѣхъ отношеніяхъ чужеядномъ царствѣ; чрезъ этотъ женскій элементъ мусульманство количественно и качественно усиливалось, такъ какъ ренегатки вливали въ него свѣжую кровь и вносили ревностный духъ. Народныя пѣсни великорусскія и малорусскія въ живыхъ чертахъ изображаютъ типъ плѣнницы и ея судьбу. Вспомнимъ для примѣра богуславскую поповну Марусю, которая обусурманилась, стала женою паши, но еще не до конца заглушила въ себѣ чувства, внѣдренныя родиной: въ день христіанской пасхи она освободила изъ тюрьмы, тайно отъ мужа, нѣсколькихъ несчастныхъ земляковъ своихъ, — случай, по всей вѣроятности, взятый въ пѣсню изъ дѣйствительности. Сама она уже не хотѣла освобожденія и просила казаковъ, ею отпущенныхъ, заѣхать въ городъ Богуславъ къ ея отцу, сказать ему, чтобы онъ не заботился объ ея выкупѣ:

«Бо вже я потурчилась,
«Побусурменилась,
«Для роскоши турецькой,
«Для лакомства несчастнаго...»

Вообще всѣ невольницкія думы, сверхъ чисто художественныхъ своихъ достоинствъ, представляютъ важный историческій источникъ для познанія быта невольниковъ въ Крыму и Турціи. Ихъ превратная судьба и разнообразныя приключенія въ плѣну и на каторгѣ; ихъ задушевныя чувства и желанія, ненависть къ землѣ турецкой, вѣрѣ бусурманской, разлукѣ христіанской; ихъ встрѣчи въ плѣну радостныя и вмѣстѣ печальныя; ихъ молитвы о возвращеніи на родину, въ міръ крещеный, на ясны зори, на тихи воды, — все это выражено въ думахъ необыкновенно сильно и правдиво. И пусть нелегко было положеніе крестьянъ въ Московскомъ государствѣ, а особенно въ Польскомъ; пусть говорятъ, что польскіе крестьяне (т. е. русскій народъ) мучились у своихъ господъ какъ въ чистилищѣ, что у дурныхъ помѣщиковъ они находились въ положеніи худшемъ, чѣмъ невольники на каторгѣ [2]); пусть наконецъ иные

[1]) О нравахъ татаръ, стр. 23. Срав. стр. 17.
[2]) Бопланъ, стр. 11.

невольники вполнѣ свыкались со своимъ положеніемъ, а иные, не стерпя его тяжести и «для лакомства несчастнаго», принимали бусурманство. При всемъ томъ, однако, народная дума вполнѣ вѣрно выразила глубокое, идеальное чувство невольниковъ, давая понять, что родина оставалась для нихъ вожделѣнною землей, о которой они плакали съ неменьшей горестью, чѣмъ евреи объ Іерусалимѣ на рѣкахъ вавилонскихъ, по удачному выраженію одного малорусскаго этнографа [1])...

Что же дѣлала родина для ихъ освобожденія?

III.

Главное, почти единственное надежное средство къ освобожденію попавшихъ въ плѣнъ невольниковъ былъ выкупъ ихъ или государствомъ, или частными лицами. Такъ какъ набѣги крымскихъ татаръ были больше разбойническимъ промысломъ, нежели войною въ точномъ смыслѣ слова, то съ трудомъ могла быть рѣчь о выдачѣ плѣнныхъ безъ выкупа или о размѣнѣ ихъ масса на массу въ томъ случаѣ, когда татары теряли въ плѣнъ своихъ: они были не военноплѣнные, а украденная добыча, которую слѣдовало выкупать деньгами. Если иногда крымскіе ханы готовы были стать на государственную точку зрѣнія относительно плѣнныхъ, т. е. отпустить ихъ безъ выкупа или въ обмѣнъ на своихъ плѣнныхъ, то подданные ихъ сопротивлялись имъ, говорили, что для нихъ нѣтъ прибыли въ размѣнѣ, что для нихъ прибыльнѣе отпускать плѣнныхъ съ посланниками, чтобы брать за нихъ окупъ въ Москвѣ [2]).

Выкупъ имѣлъ разныя формы, совершался на основаніи различныхъ сдѣлокъ. Или плѣнникъ самъ вступалъ въ договоръ со своимъ хозяиномъ, — и такой договоръ могъ имѣть мѣсто тотчасъ послѣ взятія въ плѣнъ, еще до увода въ Крымъ; или его выкупали родственники, отправлявшіеся въ Крымъ и тамъ отыскивавшіе его въ какомъ нибудь городѣ или аулѣ [3]); или выкупъ дѣлали сначала купцы греческіе, армянскіе, татарскіе и другіе, которые потомъ привозили выкупленнаго въ Москву и тамъ получали свою плату изъ казны, либо съ родственниковъ и знакомыхъ его; или же дѣло выкупа брало на себя государство, въ лицѣ своихъ пословъ въ Крымъ, которые договаривались тамъ

---

[1]) *П. Кулишъ*, Записки о Южной Руси, I, 214.

[2]) *Соловьевъ*, XII, 83. Впрочемъ, и размѣнъ плѣнныхъ голова на голову (но не масса на массу) часто происходилъ между Московскимъ государствомъ и Крымомъ: см. общее о томъ замѣчаніе въ сочиненіи *Котошихина*, О Россіи въ царств. Алексѣя Михайловича, стр. 48 (изд. 2-е). Срав. у Броневскаго, Опис. Крыма, стр. 364.

[3]) Броневскій, стр. 357.

о размѣрѣ выкупной платы, о срокѣ и мѣстѣ выдачи плѣнныхъ, а иногда тутъ же выкупали нѣкоторое количество ихъ на сумму, даваемую имъ въ распоряженіе государствомъ. Эта послѣдняя форма выкупа чрезъ пословъ была обыкновенною, что и понятно: у государства гораздо больше средствъ и авторитета для совершенія сего дѣла, чѣмъ у частныхъ лицъ.

Бывшій два раза посломъ въ Крыму и хорошо знавшій порядокъ выкупа плѣнныхъ, М. Броневскій въ своемъ донесеніи объясняетъ, какъ нелегко было выкупиться самому плѣннику безъ посторонней помощи, особенно — сильной помощи посла. По его словамъ, нерѣдко бывали такіе случаи, что плѣнникъ не стерпя тяжести неволи, а иногда по легкомыслію или тщеславію, наговоритъ о себѣ, что онъ де человѣкъ знатный, имѣющій богатыхъ родственниковъ, которые могутъ представить за него выкупъ больше обыкновенной рыночной цѣны раба; но хозяинъ начинаетъ оттого содержать его еще строже, какъ дорогаго раба, и нетерпѣливо поджидать пріѣзда посла отъ его государства. Завидя посла, татаринъ выѣзжаетъ впередъ со своимъ узникомъ и начинаетъ требовать обѣщаннаго ему выкупа; но посолъ даетъ видъ, что онъ равнодушенъ къ судьбѣ земляка или замѣчаетъ вслухъ, что онъ незнатнаго происхожденія, небогатъ и не можетъ дать за себя большаго выкупа; тогда татаринъ уѣзжаетъ обратно со своимъ плѣнникомъ, а посолъ между тѣмъ употребляетъ другой способъ къ выкупу: онъ обращается къ мѣстнымъ купцамъ, особенно къ евреямъ, которые на полученныя отъ посла деньги покупали плѣнника, какъ бы на свой счетъ, за цѣну меньшую, чѣмъ та, какую спрашивали съ посла: ибо плѣнникъ являлся пренебреженнымъ со стороны посла. Такимъ образомъ евреи и другіе купцы за полученный отъ посла подарокъ сбивали цѣну на плѣнниковъ; тѣ же купцы наддачею цѣны на нихъ могли оказать важныя затрудненія какъ плѣнному, такъ и самому послу. Впрочемъ, по словамъ Броневскаго, татары предпочитали имѣть дѣло съ посломъ, нежели съ купцами. Если посолъ не выкупалъ невольника, хозяинъ-татаринъ приказывалъ послѣднему писать письма къ роднымъ, — и тѣ дѣйствительно пріѣзжали иногда сами выкупать своего родича [1]). Само собою разумѣется, что хозяинъ-татаринъ во всякое время могъ продать своего узника за море или мѣстнымъ купцамъ для перепродажи, или же оставить его навсегда у себя въ услуженіи, если не нуждался въ продажѣ: потому что крымскіе татары не считали для себя обязательнымъ отдавать плѣнниковъ на выкупъ вообще, или ихъ соотечественникамъ въ частности. При такихъ условіяхъ, московскимъ и польскимъ посламъ въ Крыму надобно было много умѣнья и изворотливости, чтобы вовремя и съ выгодой сдѣлать выкупъ своихъ соотечественниковъ.

---

[1]) У него же, глава о содержаніи и способѣ выкупа плѣнныхъ, стр. 363—364.

Въ Московскомъ государствѣ выкупъ плѣнныхъ является правильно организованнымъ приблизительно съ половины XVI-го вѣка. Молодой, ревностный къ устройству земли, царь Иванъ Васильевичъ предложилъ на обсужденіе Стоглавому собору вопросъ о выкупѣ плѣнныхъ и обезпеченіи ихъ по возвращеніи изъ плѣна [1]). Соборъ приговорилъ, что плѣнники въ Царьградѣ, Крыму, Кафѣ, Казани, Астрахани и во всѣхъ дальнихъ ордахъ должны быть выкупаемы царскими послами изъ царевой казны; что плѣнники, привозимые въ Москву на окупъ греками, армянами, турками и иными гостями, должны выкупаться также на казенный счетъ и ни въ какомъ случаѣ не должны выпускаться обратно изъ Москвы безъ выкупа, какъ это до сихъ поръ случалось; что сумма, потребная на выкупъ, должна быть раскинута на сохи по всей землѣ: ибо выкупъ есть дѣло общее земское и общая христіанская милостыня [2]). Таково было постановленіе митрополита Макарія и прочихъ отцовъ собора, одно изъ самыхъ важныхъ его постановленій, сдѣланныхъ по почину царя и имъ утвержденныхъ. Правда, митрополитъ Іоасафъ, предшественникъ Макарія, въ то время проживавшій въ Троицкомъ Сергіевомъ монастырѣ, выразилъ особое мнѣніе на счетъ полоняничнаго сбора: когда дѣянія и постановленія собора были присланы ему на просмотръ, то онъ замѣтилъ, что сумму на выкупъ плѣнныхъ было-бы справедливѣе брать изъ казны митрополита, владыкъ и монастырей, а не раскладывать ее на сохи, такъ какъ крестьяне и безъ того уже несутъ большое тягло. Но это мнѣніе не получило силы и не измѣнило соборнаго рѣшенія, хотя всѣ замѣчанія митрополита Іоасафа присоединены къ Стоглаву въ видѣ особой главы [3]). Итакъ, полоняничный сборъ первоначально былъ посошнымъ, т. е. падалъ на землю, въ томъ числѣ, конечно, и на церковную, бывшую во владѣніи митрополита, владыкъ и монастырей. Уложеніе царя Алексѣя Михайловича дѣлаетъ дальнѣйшій, болѣе послѣдовательный шагъ въ законодательствѣ о плѣнныхъ: съ того времени полоняничный сборъ становится подворнымъ и для всѣхъ обязательнымъ [4]). Уложеніе опредѣляетъ и количество окупа, даваемаго отъ казны въ помощь плѣнникамъ, притомъ въ довольно значительныхъ размѣрахъ, — именно: за плѣннаго дворянина да-

---

[1]) Стоглавъ, стр. 56—57 (изд. казанское). О земскомъ выкупѣ плѣнныхъ въ болѣе раннее время см. у *Соловьева* VII, 179—180 (письмо правительницы Елены Васильевны и великаго князя Ивана Васильевича, ея сына, къ архіепископу новгородскому Макарію, отъ 1535 года).

[2]) Стоглавъ, глава 72-я «О искупленіи плѣнныхъ».

[3]) Тамъ же, глава 100-я.

[4]) Уложеніе, глава 8-я «О искупленіи плѣнныхъ»: а збирать тѣ денги погодно въ Посольскій приказъ, по новымъ переписнымъ книгамъ, а не по сошному письму, чтобы въ томъ денежномъ сборѣ никто въ избылыхъ не былъ». (Уложеніе, изд. 1737 г. стр. 21).

валось по 20-ти рублей съ каждыхъ ста четвертей его помѣстной земли, за московскаго стрѣльца — по 40-ка рублей, за украинскаго стрѣльца и козака по 25-ти рублей, за посадскаго человѣка — 20-ть рублей, за пашеннаго крестьянина и боярскаго человѣка по 15-ти рублей. Впрочемъ, относительно дворянъ, взятыхъ въ плѣнъ не на войнѣ и не въ посылкѣ, Уложеніе опредѣляетъ гораздо меньшую сумму окупа, именно 5-ть рублей со ста четвертей помѣстной земли [1]). Еще ранѣе того правительство объявляло, что тѣ дворяне и дѣти боярскія съ женами и дѣтьми, которые по извѣщенію воеводы не пріѣдутъ въ осаду, т. е. не соберутся заблаговременно изъ уѣзда въ городъ и будутъ захвачены въ плѣнъ татарами, вовсе будутъ лишены помощи отъ казны на выкупъ, а должны будутъ выкупаться на собственный счетъ [2]). Конечно, на эти цифры Уложенія нельзя смотрѣть какъ на точную норму, ни даже какъ на средній размѣръ выкупной платы, — ибо эта плата колебалась въ разное время по разнымъ причинамъ, и никакъ не могла быть впередъ опредѣлена, какъ нѣчто обязательное для Крыма и Турціи; по нашему мнѣнію, на эти цифры надо смотрѣть именно какъ на размѣръ пособія отъ казны, на которое имѣли право разсчитывать освободившіеся на своей счетъ плѣнники или родственники, выкупившіе ихъ изъ неволи, причемъ дѣйствительная-то выкупная плата могла быть и больше, и меньше казеннаго пособія; вѣроятнѣе, однако, что она бывала обыкновенно больше установленнаго пособія. Само собою разумѣется, что знатные плѣнники выкупались изъ Крыма гораздо большею цѣной: такъ напримѣръ, царь Иванъ Васильевичъ въ 1577 году заплатилъ за своего любимца Василія Грязнаго, попавшаго въ крымскій плѣнъ при разъѣздѣ въ степи, двѣ тысячи рублей выкупа; но при этомъ не оставилъ замѣтить ему въ письмѣ: «мы для приближенья твоего тысячи двѣ рублевъ дадимъ, а доселѣва такіе какъ ты по пятидесяти рублевъ бывали...» [3]). Еще дороже и съ гораздо большими заботами обошелся царю Алексѣю Михайловичу выкупъ его боярина В. Б. Шереметева, взятаго въ плѣнъ татарами подъ Чудновымъ (въ октябрѣ 1660 года); выкупъ боярина затрудняли, между прочимъ, другіе русскіе плѣнники, которые, по словамъ Шереметева, внушали татарамъ, что если онъ будетъ отпущенъ, то послѣ ни размѣна, ни окупа за остальныхъ

---

[1]) Тамъ же, стр. 22.

[2]) См., напримѣръ, наказъ кропивненскому воеводѣ Кикину отъ 1631 года: Синбирскій сборникъ, акты, относящ. до рода Кикиныхъ, стр. 26. Въ этихъ актахъ встрѣчаются и другія указанія, къ нашему предмету относящіяся, напр. про брата сейчасъ названнаго воеводы, по имени Петра Ѳедоровича, который въ 1614 году былъ взятъ у Николы Зарайскаго въ плѣнъ татарами и проданъ на каторгу, гдѣ провелъ многое время, пока не былъ выкупленъ въ Азовѣ: стр. 5.

[3]) *Карамзинъ* IX, примѣч. 405—407.

плѣнныхъ не будетъ. За молодаго князя Ромодановскаго, раздѣлявшаго судьбу Шереметева, татары запрашивали 80 тысячъ ефимковъ, да плѣнныхъ татаръ шестьдесятъ человѣкъ; но Ромодановскій сердился и рѣшительно отвѣчалъ татарамъ, что больше десяти тысячъ за него не будетъ дано [1]). Приведемъ еще нѣсколько указаній на выкупную цѣну русскихъ плѣнниковъ въ XVII вѣкѣ. Въ 1642 году посланники Милославскій и Лазаревскій, отправляясь въ Константинополь, получили казну, между прочимъ, на выкупъ плѣнныхъ: въ наказѣ имъ говорилось, чтобы цѣну давать смотря по тамошнему, дабы даромъ никому не дать: за дворянъ и дѣтей боярскихъ давать отъ 20—50 рублей за человѣка, а за мелкихъ людей отъ 10—20 рублей, т. е. за стрѣльцовъ, козаковъ и черныхъ людей [2]). Эти цифры оказываются нѣсколько ниже уставленныхъ впослѣдствіи въ Уложеніи; но онѣ, очевидно, только приблизительныя, проэктировавшіяся въ Москвѣ; дѣйствительная цѣна плѣнникамъ на мѣстѣ могла быть иная, т. е. и больше, и меньше проэктированной; притомъ много стоили издержки за провозъ выкупленныхъ людей отъ Царьграда до Москвы. Въ 1674 году къ кіевскому воеводѣ князю Трубецкому пріѣхалъ греческій купецъ Дмитрій Ивановъ и объявилъ, что онъ, по совѣту своего сопленника, кіевскаго купца, выкупилъ на свой счетъ въ Царьградѣ тридцать четыре человѣка плѣнниковъ, мужчинъ и женщинъ, за сумму 8.280 ефимковъ, т. е. среднимъ числомъ свыше 240 ефимковъ за человѣка; это были большею частію служилые люди: рейтары, драгуны, стрѣльцы и козаки. Показанная цѣна, если только вѣрно показывалъ ее грекъ, гораздо выше опредѣленнаго въ Уложеніи пособія; очевидно, что недостающую сверхъ уставленной Уложеніемъ сумму купецъ долженъ былъ выбирать на самихъ освободившихся или родственникахъ ихъ [3]).

Мѣстомъ сбора полоняничныхъ денегъ былъ Посольскій приказъ, по крайней мѣрѣ во время службы въ немъ подъячаго Котошихина; сумма же полоняничныхъ денегъ, по его словамъ, простиралась до ста пятидесяти тысячъ рублей ежегодно [4]). Эта сумма полоняничнаго сбора возбуждаетъ сомнѣніе нѣкоторыхъ изслѣдователей; они находятъ, что ее трудно согласить съ количествомъ дворовъ и народонаселенія въ Московскомъ государствѣ; остановимся нѣкоторое время на этомъ вопросѣ.

По Уложенію опредѣлено собирать полоняничныя деньги въ слѣдующихъ размѣрахъ: съ посадскихъ людей, съ ямщиковъ и всякихъ городскихъ жителей, а также съ крестьянъ патріаршихъ, архіерейскихъ и монастырскихъ по

---

[1]) *Соловьевъ*, XII, 81—83.

[2]) Тамъ же, IX, 277.

[3]) Синбирскій сборникъ, Малоросс. дѣла, № 172.

[4]) *Котошихинъ*, О Россіи въ царств. Алексѣя Михаиловича, стр. 72.

восьми денегъ съ двора; это былъ весьма значительный классъ плательщиковъ полоняничнаго сбора и съ наивысшимъ окладомъ. Съ крестьянъ государевыхъ, дворцовыхъ и черныхъ и съ помѣщичьихъ крестьянъ бралось по четыре деньги съ двора; это былъ самый обширный классъ плательщиковъ, хотя съ окладомъ на половину меньшимъ противъ перваго класса. Наконецъ, со служилыхъ людей: стрѣльцовъ, козаковъ, пушкарей, затинщиковъ и воротниковъ, съ казенныхъ плотниковъ и кузнецовъ взималось по двѣ деньги съ двора; это былъ классъ плательщиковъ, незначительный по числу и по окладу. Можно полагать, — разсчитываетъ г. Лохвицкій — что среднимъ числомъ платилось на окупъ плѣнныхъ по пяти денегъ съ двора: въ такомъ случаѣ выйдетъ, что въ царствованіе Алексѣя Михайловича Россія имѣла 6 милліоновъ дворовъ или 30 милліоновъ жителей, за исключеніемъ дворянства, духовенства, инородцевъ и пр., что, очевидно, неправдоподобно [1]). Нѣтъ нужды, однако, дѣлать такого вывода, да и самый способъ такого разсчета нельзя признать правильнымъ. Во 1-хъ, нельзя согласиться съ выводомъ средней цифры по пяти денегъ съ двора: ибо первые два класса плательщиковъ, самыхъ многочисленныхъ и съ наивысшимъ окладомъ, т. е. всѣ посадскіе и всѣ крестьяне платили, какъ было сказано, одни 8 денегъ, а другіе — 4 деньги; слѣдовательно, средняя цифра скорѣе будетъ *шесть*, чѣмъ *пять* денегъ съ двора. Во 2-хъ, мы не видимъ основаній, почему слѣдуетъ полагать, что въ шести милліонахъ дворовъ жило тридцать милліоновъ народу, т. е среднимъ числомъ по пяти человѣкъ во дворѣ, когда источники говорятъ иное, указываютъ гораздо меньшіе по числу душъ дворы. Вотъ для примѣра нѣсколько строкъ изъ описи городовъ 1667 года: «городъ *Тотьма*, на посадѣ 215 дворовъ, людей въ нихъ 296. Въ уѣздѣ 2098 дворовъ, людей въ нихъ 3725; дворовъ половничьихъ 36 людей въ нихъ 51. Денегъ данныхъ и оброчныхъ 1495 рублей, полоняничныхъ 68 рублей, таможенныхъ и кружечныхъ 2350 рублей. Городъ *Вязьма*, на посадѣ 379 дворовъ, людей въ нихъ 400. Въ уѣздѣ крестьянскихъ и бобыльскихъ 1542 двора, людей въ нихъ 1563. Данныхъ и оброчныхъ 93 рубля, полоняничныхъ 30, таможенныхъ и кружечныхъ 1196 рублей. Городъ *Клинъ*, на посадѣ 25 дворовъ и въ нихъ столько же людей. Въ уѣздѣ 615 дворовъ. Данныхъ, оброчныхъ и полоняничныхъ 2 рубля, съ уѣзду полоняничныхъ 12 рублей, съ кружечнаго двора 228 рублей» [2]). Въ 3-хъ, весьма вѣроятно, что

---

[1]) *А. Лохвицкій*, О плѣнныхъ по древнему русскому праву, Моск. 1855, стр. 15, въ гл. 3-й. Эта глава — наиболѣе обработанная въ названной монографіи; но теперь требуется много новыхъ дополненій и поправокъ къ книгѣ. Не знаемъ, были ли другія изслѣдованія историко-юридическія въ этомъ родѣ.

[2]) Солов. XIII, прилож. II, на стр. 388—389 (важное по даннымъ относительно полоняничныхъ денегъ).

большіе монастыри и богатыя частныя лица не ограничивались платою полоняничныхъ денегъ въ установленномъ размѣрѣ, а жертвовали больше чѣмъ казенную сумму на такое доброе дѣло, какъ выкупъ христіанъ изъ бусурманской неволи. Во всякомъ случаѣ, по нашему мнѣнію, нѣтъ основаній заподозривать цифру полоняничнаго сбора у Котошихина и считать ее «невѣроятно большою», тѣмъ больше, что Котошихинъ, обстоятельный и добросовѣстный писатель, приведя цифру полоняничнаго сбора, замѣчаетъ, что «окромѣ выкупу тѣхъ денегъ не даютъ ни въ какіе расходы»; эта оговорка можетъ служить косвеннымъ подтвержденіемъ правильности цифры полоняничной суммы, у него показываемой.

Выходитъ такимъ образомъ, что полоняничный сборъ, ежегодно отправляемый въ Крымъ и Турцію на выкупъ русскихъ плѣнныхъ, значительно превышалъ сумму поминокъ, въ тотъ же Крымъ посылаемыхъ («а будетъ тѣхъ поминковъ на годъ больши 20.000 рублевъ»), а вмѣстѣ съ ними составлялъ очень значительную каждогодную дачу въ пользу Крыма отъ Московскаго государства, хотя, конечно, не каждый годъ одинаково большую [1]).

Впрочемъ, организація государственнаго выкупа плѣнныхъ, раскладка полоняничнаго сбора, размѣры его и дѣйствительнаго отпуска въ Крымъ каждогодно — предметъ большой и сложный, заслуживающій особаго внимательнаго изслѣдованія; въ настоящемъ очеркѣ мы касаемся его только мимоходомъ.

Въ заключеніе скажемъ нѣсколько словъ о другихъ способахъ освобожденія плѣнниковъ изъ крымской и турецкой неволи.

Какъ ни трудно, какъ ни опасно было со стороны плѣнниковъ отважиться на побѣгъ изъ плѣна, бывали, однако, нерѣдкіе случаи, что они рѣшались на побѣгъ и благополучно его совершали. Выходцы являлись къ воеводѣ ближайшаго города, обыкновенно въ Кіевъ, и передавали различныя вѣсти о положеніи дѣлъ въ Крыму и Турціи, о намѣреніяхъ тамошняго правительства, о настроеніи умовъ среди подвластныхъ христіанъ, о расположеніи войскъ и т. п. Выслушавъ эти вѣсти, воевода со своею отпиской отправлялъ выходцевъ въ Москву, гдѣ они подтверждали свои показанія и затѣмъ получали награду за полонное терпѣніе и доставку вѣстей, вѣроятно, въ размѣрѣ, опредѣленномъ въ Уложеніи на пособіе плѣннымъ. Такіе выходцы, бывшіе плѣнники конотопскіе и чудновскіе, а иногда еще болѣе ранняго времени, не разъ приходили въ Кіевъ къ воеводѣ князю Трубецкому въ семидесятыхъ годахъ XVII вѣка и разсказывали ему исторію своего плѣна, иногда долговременнаго и многотруд-

[1]) Котошихинъ, стр. 47. Какъ извѣстно, даваніе въ Крымъ поминковъ было отмѣнено въ концѣ XVII вѣка; турки также были принуждены признать эту отмѣну. См. переговоры въ Константинополѣ думнаго дьяка Украинцева въ 1699 и 1700 годахъ у *Соловьева* И. Р. XIV, стр. 306—310; въ частности о поминкахъ на стр. 309.

наго, исполненнаго разнообразныхъ приключеній. Такъ, въ 1674 году въ Кіевъ пришли шестеро выходцевъ: одинъ изъ нихъ родомъ изъ Полтавы, Дмитрій Алексѣевъ, — имя это должна сохранить исторія — былъ захваченъ татарами въ лѣсу подъ Полтавой, назадъ тому *тридцать семь лѣтъ*, тотчасъ былъ проданъ туркамъ на которгу *и все послѣдующее время провелъ на каторгѣ*, — примѣръ продолжительности жизни невольника на галерѣ, въ высшей степени замѣчательный! Другіе его товарищи воротились домой кто чрезъ Молдавію и Польшу, кто чрезъ Венецію и европейскія земли [1]). Очень любопытное извѣстіе о подобныхъ плѣнникахъ, бѣжавшихъ изъ турецкой неволи и потомъ скитавшихся въ Венеціи и разныхъ странахъ европейскихъ, иногда попадавшихъ что называется изъ огня да въ полымя, находимъ въ статейномъ спискѣ стольника Чемоданова, бывшаго посланникомъ въ Венецію въ 1657 году вмѣстѣ съ дьякомъ Посниковымъ; въ бытность ихъ тамъ, къ нимъ пришли однажды больше пятидесяти человѣкъ «турскихъ полоняниковъ русскихъ людей»—пришла просить милостыни и съ вѣстями, что въ Царьградѣ и во всей турецкой землѣ «Отъ Великаго Государя, Его Царскаго Величества, турскій царь и всѣ паши страшны и остерегаются вельми государевыхъ ратныхъ людей со всѣхъ сторонъ; а которыми-де государствы они полоненики шли изъ полону, и въ тѣхъ во всѣхъ государствахъ его государское имя прославляютъ; а иные-де паша братья полоненики пошли розными государствы къ Москвѣ» и т. д. [2]). Такъ-то православная вѣра, да надежда на Великаго Государя, Его Царское Величество, поддерживали духъ невольниковъ въ ихъ тяжелой судьбѣ, давали имъ силы достигать до любезной родины изъ далекихъ концовъ Европы и Азіи.

Весьма важныя услуги дѣлу освобожденія плѣнниковъ оказало козачество. Мимо государства, часто вопреки приказаніямъ правительства московскаго и польскаго, козаки вели войну съ крымскими татарами и турками; цѣль этой войны была не только въ томъ, чтобы добыть зипуновъ, но и въ томъ еще, чтобы освободить своихъ единовѣрцевъ изъ бусурманской неволи. Въ борьбѣ съ бусурманствомъ — значеніе козачества и существенная заслуга его предъ государствомъ; этою борьбой оно искупило свои грѣхи предъ нимъ. Безпрестанная война, мелкая и крупная, козаковъ съ татарами и турками кипѣла въ степи, на морѣ, въ устьяхъ черноморскихъ и азовскихъ рѣкъ, гдѣ турки поставили укрѣпленія, чтобы запереть козакамъ выходъ въ море; однако Азовъ неоднократно былъ осаждаемъ и разрушаемъ донскими козаками въ XVI и XVII

---

[1]) Синбирскій сборникъ, Малоросс. дѣла, №№ 158 и 179. Срав. тамъ же показанія греческихъ купцовъ №№ 149 и 172.

[2]) Древ. Росс. Вивліоѳика, ч. IV, стр. 246 (изд. 2-е). Припомнимъ также трогательный разсказъ въ запискахъ Болотова объ одномъ изъ его предковъ, спасшемся бѣгствомъ изъ крымской неволи.

вѣкахъ, не смотря на его сильныя укрѣпленія и неоднократные походы турокъ въ помощь ему. Равнымъ образомъ нерѣдки были походы въ Крымъ козаковъ донскихъ, запорожскихъ и украинскихъ: вспомнимъ для примѣра походъ гетмана Конашевича-Сагайдашнаго въ 1606 году, когда онъ взялъ Кафу, погромилъ 14 тысячъ мусульманъ, перетопилъ и сжегъ турецкія каторги и освободилъ многихъ христіанскихъ плѣнниковъ [1]). Кошевой Сѣрко дѣлалъ туда неоднократныя вторженія; изъ описанія похода его 1675 года видно, что запорожцы его очень хорошо знали дороги и всю топографію Крыма; въ упомянутомъ году они ворвались въ Крымъ не чрезъ перекопскій перешеекъ, а чрезъ Сивашъ, притомъ такъ нечаянно, что ханъ съ дворомъ едва успѣлъ убѣжать въ горы; козаки опустошили окрестности Евпаторіи, Карасубазара, Бахчисарая, захватили тринадцать тысячъ плѣнныхъ татаръ и христіанъ, затѣмъ тою же дорогой воротились въ Сѣчь. Выше было сказано о судьбѣ тѣхъ плѣнныхъ, которые хотѣли было вернуться въ Крымъ; остальные христіанскіе плѣнники были отпущены въ Малороссію; одна часть татарскихъ ясырей была отправлена въ Москву, другая—къ гетману Самойловичу, а третья числомъ до четырехъ тысячъ удержана въ Сѣчи до выкупа [2]). Доступъ въ Крымскіе города съ моря былъ для козаковъ не болѣе труденъ: такъ въ 1657 году донскіе козаки обогнули Крымъ и вошли внутрь его чрезъ устье Альмы; въ 1659 году они же дѣлали высадки подъ Кафой, Керчью, Балаклавой, углублялись внутрь полуострова верстъ на пятьдесятъ, взяли плѣнныхъ татаръ двѣ тысячи, освободили своихъ полтораста человѣкъ [3]). Вообще при всѣхъ нападеніяхъ козаки старались захватить по больше бусурманскаго ясырю, который могъ пригодиться въ обмѣнъ за своихъ, или же доставить за себя выкупъ, причемъ—замѣчаетъ Бопланъ — они также брали дѣтей, которыхъ потомъ употребляли въ домахъ для прислуживанья. Въ самомъ дѣлѣ: обычай держать для услугъ въ домѣ турченковъ, татарченковъ, арапченковъ и т. п. былъ, вѣроятно, очень давнимъ въ Польшѣ и Россіи. Старыхъ же плѣнниковъ мусульманскихъ, по словамъ Боплана, козаки не брали, развѣ только богатыхъ, за которыхъ надѣялись получить хорошій выкупъ [4]). Въ первую половину XVII вѣка козаки вообще вели энергичную наступательную борьбу съ Крымомъ и Турціей, переплывали даже Черное море, громили берега азіатской и европейской Турціи,

---

[1]) Собраніе сочиненій *М. Максимовича* I, стр. 359—360 (Кіевъ, 1876).

[2]) Лѣтопись Самуила Велички II, 372—383: «О войнѣ Сѣрковой на Крымъ». Бопланъ говоритъ о пути козаковъ чрезъ Сивашъ, какъ обыкновенномъ ихъ пути въ Крымъ: Beschreib. d. Ukraina u. d. Krim, 52.

[3]) *Соловьевъ*, XI, 15; 62.

[4]) Бопланъ, стр. 5.

угрожая самому султану въ Царьградѣ [1]). Во вторую половину того же вѣка положеніе дѣлъ въ Малороссіи измѣнилось далеко не къ ея выгодѣ; теперь наоборотъ начинается стремительное наступленіе татаръ и турокъ. Но это было почти послѣднее ихъ наступленіе; усилившееся могущество Московскаго государства, обратившагося въ Россійскую Имперію, положило конецъ борьбѣ съ Польшей, послѣ чего и Крымъ легко былъ присоединенъ къ имперіи; вмѣстѣ съ тѣмъ былъ положенъ конецъ русскому невольничеству въ немъ [2]).

Да будетъ же благословенна память Петра и Екатерины Великихъ, поднявшихъ государственную мощь Россіи и окончательно свергнувшихъ татарское иго! Да не забудутся и страданія многочисленныхъ, безвѣстныхъ и безымянныхъ полоняниковъ русскихъ въ тяжкой бусурманской неволѣ!

М. Бережковъ.

---

[1]) Кромѣ Боплана, весьма интересныя свѣдѣнія о морскихъ походахъ козаковъ сообщаютъ современники его—англійскій посланникъ *Ѳома Рой* и итальянскій путешественникъ *Петръ де ла Валле:* они приведены въ книгѣ В. И. Ламанскаго, О славянахъ въ Малой Азіи, въ Африкѣ и въ Испаніи, стр. 90—100.

[2]) При занятіи Крыма нашими войсками при Екатеринѣ оттуда было выведено болѣе десяти тысячъ рабовъ: Сочиненія С. М. Соловьева, стр. 34 (Москва, 1882)

Малороссіяне въ Оренбургскомъ краѣ при началѣ его заселенія.

(По рукописн. документамъ Архива Министерства Юстиціи).

Памяти В. П. Маслова.

Г. И. Перетятковича.

Историческій матеріалъ, относящійся къ данному вопросу, не великъ, что отчасти обусловливается короткимъ промежуткомъ времени, въ теченіи котораго малороссіяне принимали дѣятельное участіе въ заселеніи Оренбургскаго края. Но, не смотря на количественную незначительность этого матеріала, нѣкоторыя его части вошли вмѣстѣ съ сенатскими и именными указами въ Полное Собраніе Законовъ; вошли же они туда вслѣдствіе важности, которую въ то время придавали этому вопросу не только представители центральнаго управленія, относившіеся къ нему теоретически, но и главные правительственные дѣятели въ Оренбургскомъ краѣ, сильно затруднявшіеся, особенно на первыхъ порахъ, въ достаточномъ колонизаціонномъ матеріалѣ при тѣхъ соціальныхъ условіяхъ, которыя господствовали въ тогдашней Россіи.

На основаніи матеріала, напечатаннаго въ Пол. Собр. Зак., и свѣдѣній, сообщаемыхъ объ этомъ вопросѣ въ сочиненіи современника тогдашнихъ событій Рычкова, интересующій насъ вопросъ разработанъ былъ въ новѣйшее время профессоромъ русской исторіи Казанскаго университета Н. Ѳирсовымъ въ его трудѣ, говорящемъ, между прочимъ, также и о колонизаціи Закамскихъ земель до 1762 года. На немногихъ страницахъ, относящихся къ интересующему насъ вопросу, опытною рукою сдѣлано нѣсколько довольно мѣткихъ замѣчаній, съ которыми согласится всякій, занимавшійся этимъ вопросомъ. Но, изучая это дѣло по одному лишь печатному матеріалу, авторъ вынужденъ былъ по необходимости ограничиться однимъ только выдающимся, которое изъ донесеній первыхъ начальниковъ Оренбургской экспедиціи въ Правительствующій Сенатъ въ сокращеніи и извлеченіи попало въ сенатскіе и именные указы, помѣщенные въ Полномъ Собраніи Законовъ. Вѣроятно вслѣдствіе этого такой важный фактъ, какъ построеніе и удачное заселеніе Илецкаго городка малороссіянами

съ соизволенія правительства, послужившаго толчкомъ вопросу о заселеніи малороссіянами нѣкоторыхъ вновь сооруженныхъ пограничныхъ укрѣпленій въ Оренбургскомъ краѣ, остался незамѣченъ для автора этого во многихъ отношеніяхъ почтеннаго труда. Этимъ же обстоятельствомъ отчасти обусловливается и то, что г. Өирсову остался неизвѣстенъ внутренній составъ колонизаціоннаго матеріала второй эпохи заселенія малороссіянами укрѣпленныхъ пограничныхъ мѣстъ Оренбургскаго края. Вслѣдствіе вышеупомянутаго и заключеніе уважаемаго автора объ этомъ вопросѣ нуждается въ нѣкоторомъ измѣненіи, чтобы стать научно обязательнымъ.

Закамье, какъ извѣстно, представляетъ обширный край съ разнообразными землями не только въ строеніи поверхности, но и во внутреннемъ составѣ почвъ. Искони здѣшнія страны въ нѣкоторыхъ частяхъ были достояніемъ кочевыхъ племенъ, которыя различались между собой больше языкомъ, чѣмъ образомъ своей жизни; иныя изъ нихъ образовывали изъ среды своей общественные союзы, которые, пользуясь выгодами своего мѣстоположенія, по временамъ достигали извѣстной степени культуры и являлись дѣятелями въ исторіи закамскихъ странъ, не особенно богатой разнообразіемъ жизни. Между этими племенами издавна мы встрѣчаемся здѣсь съ башкирцами, которые, впрочемъ, не играли самостоятельной роли, а обыкновенно входили въ составъ другихъ общественныхъ союзовъ, вслѣдствіе чего, при подчиненіи этихъ союзовъ новой власти, башкирцы были ею подчиняемы безъ труда. Такъ, послѣ завоеванія Казанскаго царства, во второй половинѣ XVI вѣка, башкирцы легко подчинились русской власти, и съ этого времени обширныя земли по р. Бѣлой и другимъ притокамъ Камы сдѣлались достояніемъ Россіи. Русское правительство на первыхъ же порахъ своего господства построило въ землѣ башкиръ нѣсколько городовъ — Бирскъ, Осу, позднѣе Уфу, гдѣ постоянно жили представители русской власти, собиравшіе ясакъ съ башкирцевъ; въ этомъ ясакѣ по преимуществу и выражалось долгое время подчиненіе этого племени Россіи.

Понятно, что въ то время, при обширности русской территоріи и при сравнительной рѣдкости населенія даже въ ея центральныхъ частяхъ, не могло быть рѣчи о скоромъ заселеніи Башкиріи русскими людьми. И дѣйствительно, ни во второй половинѣ XVI, ни въ XVII вѣкѣ мы не встрѣчаемся съ указаніями на сколько-нибудь серьезное движеніе русскаго населенія въ страну, занимаемую башкирцами.

Но при отсутствіи русскаго движенія въ Башкирію нельзя сказать, чтобъ населеніе этого края серьезно не увеличивалось,— напротивъ, современный наблюдатель начала XVIII вѣка говоритъ слѣдующее о башкирцахъ: «народъ сей время отъ времени непрестанно умножается и растетъ такъ, что чрезъ 20 прошедшихъ лѣтъ прямыхъ башкирцевъ не было больше сорока тысячъ, а нынѣ съ бѣглецами стало больше ста тысячъ; а именно казанскіе, сибирскіе

и прочихъ уѣздовъ ясачные татары, бо́льшая половина, въ башкиры перешли. Къ тому-же и прочіе иновѣрцы—мордва, чуваши, черемисы и вотяки цѣлыми селами и деревнями съ ясаковъ туда перешли» [1]). Новѣйшій изслѣдователь полагаетъ, что послѣ паденія мусульманскихъ юртовъ въ Казани, Астрахани и Сибири, когда на мѣсто князей и мурзъ, управлявшихъ ихъ судьбами, появились русскіе люди и служилые люди Русскаго царства, то тогда мѣстные поборники общественнаго строя, основаннаго на господствѣ князей и мурзъ, ревнители вѣры Магомета, обратили свое вниманіе на Башкирскій край, какъ на сподручный для себя притонъ, вслѣдствіе чего здѣшнія страны становятся мѣстомъ пропаганды для магометанъ; а въ началѣ XVIII столѣтія начинаются ихъ стремленія возстановить въ восточной Россіи независимое ханство, и они стараются возвратить магометанству авторитетъ, которымъ оно пользовалось въ областяхъ Волги и Камы, а также и въ Сибири до паденія упомянутыхъ ханствъ [2]).

Но вмѣстѣ съ стремленіями инородческихъ племенъ магометанскаго исповѣданія сдѣлать Башкирскій край на востокѣ Европы главнымъ мѣстомъ порядковъ, господствовавшихъ раньше въ среднемъ Поволжьѣ, начинается усиленное движеніе русскаго населенія изъ центральныхъ земель съ бѣдною отчасти истощенной почвой въ среднее Поволжье и въ Закамскій край, гдѣ было изобиліе дѣвственной почвы, богатой производительными силами для земледѣльческаго занятія, въ то время господствовавшаго на Руси. Такъ, изъ правительственныхъ распоряженій, напечатанныхъ въ П. С. З., мы знаемъ, что въ Нижегородской губерніи въ 1701 году явилась противъ старыхъ переписныхъ книгъ 1676 года не малая пустота, въ замѣнъ же того въ Казанской губ. явилась прибыль противъ тѣхъ же переписныхъ книгъ болѣе чѣмъ на 13 тысячъ дворовъ. Спустя четыре года, въ той же Казанской губерніи открылась убыль противъ переписныхъ книгъ на 35 тысячъ крестьянскихъ дворовъ, и, по всей вѣроятности, большинство изъ нихъ перешло за Каму.

И по всѣмъ даннымъ русское населеніе здѣсь сосредоточивалось въ началѣ преимущественно по границамъ Башкирскаго края,—около г. Уфы съ пригородами, Такъ, въ 1719 г. въ Уфѣ съ пригородами крестьянскихъ дворовъ было 1198, а въ 1722 г. въ Уфимской провинціи этихъ дворовъ находилось 4332 [3]).

Извѣстно, что около половины XVII столѣтія на Руси вмѣсто поземельной посошной была введена подворная подать, которая въ XVIII ст., при Петрѣ В., замѣнена была подушной. Русское правительство, бѣдное матеріальными средствами, все время было сильно заинтересовано тѣмъ, чтобъ при переписи на-

---

[1]) «Инородч. насел. прежн. Казан. царства» Н. Фирсова 1869 г. 228—229 сс.

[2]) Тамъ же 231—232 сс.

[3]) Древ. и Нов. Россія. 1876 г. № 6. «Колонизація Оренбург. края» М. Свирѣлина, ст. 1-ая 183, 185 сс.

селенныхъ мѣстъ какъ можно меньше было пустыхъ дворовъ или же людей, уклоняющихся отъ платежа подворной и подушной, ибо вся финансовая система Русскаго государства покоилась на нихъ. Отсюда энергическое стремленіе правительства и частныхъ лицъ, сильно заинтересованныхъ послѣ окончательнаго прикрѣпленія крестьянъ къ землѣ, совершившагося въ половинѣ XVII вѣка, къ возвращенію сходцевъ и бѣглецовъ на старыя запустѣлыя мѣста. Вслѣдствіе этого русское правительство требовало отъ башкирцевъ высылки сходцевъ, поселившихся между ними на ихъ земляхъ, отъ башкирцевъ же на эти требованія получались, по словамъ правительства, «противные отвѣты»[1]). Тогда начинаются столкновенія между русскимъ правительствомъ и башкирцами.

Башкирцы жили въ Закамьѣ въ XVII и началѣ XVIII вв. по сосѣдству съ другими кочующими племенами — калмыками, каракалмыками и киргизами; и вотъ въ своихъ неудовольствіяхъ на Россію они стараются привлечь на свою сторону сосѣдей своихъ противъ русскихъ; благодаря силѣ хищническихъ наклонностей въ другихъ кочевникахъ, охотѣ къ грабежу болѣе зажиточнаго осѣдлаго населенія, они легко успѣваютъ въ этомъ и нерѣдко дѣйствуютъ совмѣстно. Вслѣдствіе этихъ вторженій не только было много грабежа и разоренія въ русскихъ пограничныхъ селахъ и деревняхъ, но множество русскихъ людей уводимо было при этомъ въ степи и сбывалось потомъ какъ товаръ на восточныхъ рынкахъ[2]).

Со вступленіемъ на престолъ Петра В. начинаются энергическія старанія увеличить государственные доходы эксплоатаціей новыхъ средствъ, которыя только могли обратить на себя вниманіе этого геніальнаго преобразователя, вслѣдствіе чего столкновенія съ башкирцами осложняются новыми стремленіями русскаго правительства относительно закамскихъ странъ. Такъ, Петръ не могъ оставить безъ вниманія закамскія земли, богатыя металлами, минералами и другими дарами природы,—и вотъ на границахъ Башкиріи появляются разные заводы, и царь приказалъ для работъ на нихъ, ради покровительства заводскому дѣлу, приписать слободы, ибо заводамъ безъ нихъ, по его словамъ, «обойтись не можно». При этомъ велѣно было съ приписныхъ слободъ подушныхъ денегъ не брать, «а тѣ подушныя деньги слободскимъ крестьянамъ на заводахъ зарабатывать», деньги же зачитывать имъ за работу по указу 13-го генваря 24 года. Слободы эти состояли изъ крестьянъ выходцевъ изъ русскихъ губерній, которые, какъ видно изъ указа, успѣли уже въ это время обстроиться въ новомъ краѣ и вносили подати.

Самимъ башкирцамъ чрезъ графа Головкина, отправленнаго въ 1720 г. въ ихъ землю, было объявлено: «чтобъ они въ Уфимскомъ округѣ и въ прочихъ

---

[1]) Тамъ же 182—183 сс.

[2]) «Инород. насел. преж. Каз. цар.» Н. Ѳирсова 233 с.

мѣстахъ, гдѣ будетъ сыскана руда, хотя бы въ ихъ владѣніи, посланнымъ изъ Бергъ коллегіи офицерамъ и прочимъ служителямъ въ искапіи и копаніи тѣхъ рудъ и въ строеніи заводовъ, служа Великому Государю, помѣшательства не чинили, а чинили бы всякое вспоможеніе; и ежели изъ ихъ народа кто такую руду сыщетъ, то имъ объявить оную приставленнымъ отъ Бергъ коллегіи, а имъ за то противъ печатной привиллегіи платить, какъ и россійскому народу, опредѣлено будетъ безъ задержанія». Но кромѣ стремленія эксплоатировать на пользу Россіи природныя богатства башкирской земли, чтобъ они, по выраженію Петра, «втуне не пропадали», башкирцамъ сенатскимъ указомъ 1724 г. запрещено было въ ихъ землѣ рубить такъ называемые заповѣдные лѣса, а приказано было довольствоваться незаповѣдными; въ случаѣ же надобности брать на нѣкоторыя нужды дерево изъ заповѣдныхъ лѣсовъ — имъ дозволялось, какъ и въ остальной Россіи, лишь съ разрѣшенія вальдмейстеровъ и лѣсныхъ надсмотрщиковъ.

При такомъ рѣзко обозначившемся направленіи царской политики относительно Башкирскаго края обитателямъ его стало ясно, что Петръ смотритъ на ихъ земли какъ на русскія и старается его эксплоатировать для Россіи, что они, башкирцы, при подобныхъ обстоятельствахъ должны будутъ сдѣлаться вскорѣ «прислужниками» русскихъ и перестанутъ быть хозяевами въ своей землѣ. Поэтому при Петрѣ Великомъ среди башкирцевъ замѣтны уже непріязненныя движенія противъ русскаго правительства, противъ русскихъ заводовъ, слободъ и деревень населенныхъ русскими, и Петръ по настоянію генерала Геннинга, завѣдывавшаго всѣми здѣшними заводами, въ 1724 году велѣлъ тутъ «строить для защищенія заводовъ, точно также какъ и заводскихъ слободъ крѣпости, укрѣплять ихъ палисадами и пушками и селить въ нихъ драгуновъ, и ежели случится нападеніе на заводы и приписныя слободы отъ казачьей орды (Киргизъ-Кайсацкой) и воровскихъ башкирцевъ, въ такомъ случаѣ сибирскому губернатору тамошними гарнизонами и другими служилыми людьми вспомогать и отъ непріятелей охранять [1]).

Послѣ смерти великаго преобразователя преемники его продолжали дѣйствовать въ томъ же направленіи, какъ и онъ.

Такъ, Екатерина I подтвердила Геннингу прежніе указы о строеніи крѣпостей на границахъ Башкиріи, съ каковою цѣлью въ 1725 г. на р. Сакмарѣ [2]) построенъ былъ городокъ Сакмарскъ, снабженный чугунными пушками и бое-

---

[1]) Тамъ же 236—239 сс.; Древн. и Нов. Рос. № 6. «Колон. Оренб. края». М. Свирѣлина 184 с.

[2]) Рѣка Сакмара — значительный притокъ р. Урала (Яика), впадающій съ правой стороны.

выми снарядами [1]); въ это же время приказано было деревни въ здѣшнихъ мѣстахъ свести въ одно мѣсто и укрѣпить пушками и палисадами. Заводамъ, которые находились на здѣшнихъ границахъ, давались значительныя привиллегіи: съ слободъ, приписанныхъ къ такимъ заводамъ, не брали рекрутъ, имѣя въ виду, что имъ приходилось защищаться часто отъ нападенія башкирцевъ. На мѣсто бѣглыхъ, высланныхъ отсюда, для безопасности отъ набѣговъ кочевниковъ, велѣно было здѣсь селить казаковъ. Въ 1727 году, вслѣдствіе общаго указа о поселеніи преимущественно по границамъ Россіи пѣхотныхъ и драгунскихъ полковъ, въ тогдашней Казанской губерніи поселено было 10 полковъ; строились новыя укрѣпленія для защиты мѣстныхъ заводовъ и русскихъ, селившихся на границахъ Башкиріи; тамъ, гдѣ не было укрѣпленій, русскіе поселенцы снабжались оружіемъ и порохомъ, при чемъ, съ цѣлью лучшаго наблюденія надъ кочевниками, на горахъ и высокихъ мѣстахъ ставились маяки, которые, при появленіи кочевниковъ, зажигались, и такимъ образомъ извѣщалось объ этомъ окрестное русское населеніе [2]).

Но всѣ такія мѣры въ началѣ тридцатыхъ годовъ XVIII ст. почитались уже недостаточными, ибо увеличилась опасность со стороны башкирцевъ, вслѣдствіе новаго притока въ ихъ землю бѣглыхъ инородцевъ; поэтому въ 1731 г. велѣно сдѣлать разборъ инородческому населенію Уфимскаго края на слѣдующихъ основаніяхъ: «о которыхъ иновѣрцахъ Уфимскаго уѣзда башкирцы объявляютъ, что они сходцы изъ другихъ уѣздовъ, а кто откуда сошелъ, доказательствъ не показываетъ, а тѣ инородцы допросами показываютъ, что дѣды и отцы ихъ и сами они родиной Уфимскаго уѣзда ясачные татары, и по справкѣ въ ясачныхъ книгахъ записаны и ясакъ платятъ, — такимъ жить въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ по прежнему кто живетъ; а которыхъ иновѣрцевъ дѣдовъ и отцевъ въ ясачныхъ книгахъ не написано и ясакъ на Уфѣ не платятъ, о высылкѣ такихъ въ прежнія мѣста чинить по прежнимъ указамъ». Вмѣстѣ съ этимъ рѣшено было перенести южнѣе часть укрѣпленій старой Закамской линіи, которая построена была въ половинѣ XVIII ст.; это рѣшеніе обусловливалось тѣмъ, что осѣдлое русское населеніе стало селиться ниже, вслѣдствіе чего укрѣпленія старой линіи уже не достигали своей первоначальной цѣли. Какъ извѣстно, старая линія начиналась укрѣпленнымъ городомъ—острогомъ, стоявшимъ на Волгѣ, и затѣмъ шла вдоль р. Черемшана. Новая же линія должна была начинаться южнѣе, у города Самары, и потомъ по р. Самарѣ шла до пригорода Алексѣевскаго, отъ него до р. Сока, затѣмъ степью до приго-

---

[1]) Городокъ—крѣпость окончена была въ 1727 г. при Петрѣ II, и въ немъ поселено было до 300 яицкихъ казаковъ. «Татищевъ и его время» Н. Попова, 171 с.

[2]) Древ. и Нов. Рос. 1876 г. № 7. 2-ая ст. М. Свирѣлина 232—233 сс.

рода Сергіевскаго, отъ котораго шла на соединеніе съ старой Закамской линіей — на Новошешминскъ и Зоинскъ до верховьевъ р. Мензелы.

Вообще, укрѣпленная линія должна была такъ строиться, чтобы жилыя мѣста остались «въ закрытіи линіею и крѣпостями». Вся линія протяженіемъ своимъ должна была равняться 222 верстамъ, въ открытыхъ мѣстахъ, какъ и на старой линіи, имѣлъ быть воздвигнутъ валъ, длина котораго равнялась 165 верстамъ; лѣсныя мѣста по преимуществу должны были защищаться засѣками. На извѣстномъ разстояніи отъ 100 до 120 саженей одинъ отъ другаго долженствовали быть построены хорошо укрѣпленные редуты и фельдшанцы, при которыхъ должны были быть поселены четыре ландмилицкіе полка: Билярскій, Шешминскій, Сергіевскій и Алексѣевскій. Офицерамъ и солдатамъ этихъ полковъ назначена была здѣсь земля въ надѣлъ: пѣхотному солдату по 20 десятинъ, а конному по 55. Для сооруженія укрѣпленій на новой линіи назначено было сперва 3000 рабочихъ, а въ 1733 году съ Казанской губерніи потребованы были 15 тысячъ человѣкъ рабочихъ въ двѣ смѣны: одна должна была работать съ мая до половины іюня, а вторая съ половины іюня до 1-го октября. Нѣкоторыя укрѣпленія вновь строющейся линіи уже воздвигались внутри Башкиріи, потому что ей предшествовало утвержденіе русскихъ поселеній въ здѣшнихъ мѣстахъ, которыя новая линія должна была защищать отъ нападеній кочевниковъ [1]).

Но въ то время какъ уже ведены были работы по сооруженію новой Закамской линіи для лучшей защиты русскаго окраиннаго населенія отъ кочевниковъ, въ Закамьѣ совершилось происшествіе, которое побудило правительство оставить построеніе укрѣпленій по новой Закамской линіи и заняться новымъ болѣе обширнымъ и смѣлымъ предпріятіемъ. Поводомъ къ этому послужило принятіе въ здѣшнихъ мѣстахъ русскаго подданства одной изъ трехъ Киргизъ-Кайсацкихъ ордъ, — такъ называемой меньшою. Орда эта, будучи тѣснима другими кочевниками, двинулась на сѣверъ и очутилась на рр. Уралѣ и Ори, въ сосѣдствѣ съ башкирцами. И вотъ ханъ меньшой орды Абдулъ-Хаиръ, соперничая съ ханами большой и средней ордъ, пожелалъ увеличить свою силу предъ ними и значеніе между киргизами съ помощью сосѣдней Россіи и принялъ русское подданство. Дѣйствительно, онъ, какъ подручникъ Россіи, при ея поддержкѣ, увеличилъ среди киргизовъ свое значеніе. Но когда другіе ханы замѣтили это, то и они въ свою очередь начали склоняться къ тому же. Посредникомъ въ сношеніяхъ хановъ большой и средней орды съ русскимъ правительствомъ является уже ханъ меньшой орды Абдулъ-Хаиръ, поддерживаемый и поощряемый въ этомъ русскими властями. Такимъ образомъ, Россія силою вещей втягивалась въ кругъ новыхъ отношеній на границахъ средне-азіатскихъ

[1]) Древ. и Нов. Рос. 1876 г. № 7. 2-ая ст. М. Свирѣлина 234—235 сс.

степей. Подъ вліяніемъ представителя русской власти ловкаго мурзы Тевкелева, киргизы, въ ожиданіи большихъ торговыхъ выгодъ, рѣшились хлопотать чрезъ своихъ представителей у русскаго правительства въ Петербургѣ о построеніи новаго русскаго города на р. Ори [1]).

Въ то время какъ въ Петербургъ прибыло торжественное посольство отъ всѣхъ киргизъ, во главѣ котораго находился сынъ Абдулъ-Хаира, и русское правительство занято было этимъ вопросомъ, одинъ изъ сотрудниковъ Петра Великаго, даровитый и энергическій оберъ-секретарь сената Кириловъ, извѣстный уже своими основательными трудами по исторіи и географіи Россіи, подалъ правительству проектъ о построеніи новаго города, колонизаціи тамошнихъ земель, а также и о торговлѣ съ странами центральной Азіи. Лично извѣстный Петру В. и нерѣдко съ нимъ бесѣдовавшій о русскихъ дѣлахъ на юговосточной окраинѣ Руси, Кириловъ, по словамъ его современника Рычкова, былъ посвященъ въ планы великаго преобразователя относительно этихъ дѣлъ и обо всемъ, сообщенномъ ему Петромъ, хранилъ у себя записки, дожидаясь только благопріятнаго случая, чтобъ употребить ихъ въ дѣло. Подданство киргизъ побудило Кирилова выступить съ вышеупомянутымъ проектомъ, средоточіемъ котораго былъ новый городъ на р. Ори, о чемъ, какъ мы знаемъ, хлопотали киргизы. Кириловъ проводитъ въ своемъ проектѣ мысль, что отсюда должно направляться русское колонизаціонное движеніе какъ въ Башкирію, такъ и въ страны средней Азіи; онъ доказываетъ, что изъ этого города безъ большихъ затрудненій русскіе будутъ въ состояніи удерживать въ повиновеніи и покорности Россіи кочевые народы, обитавшіе въ тамошнихъ мѣстахъ; что новый городъ отдѣлитъ и закроетъ собою башкирцевъ и пресѣчетъ набѣги кочевниковъ; что отсюда можно будетъ обуздывать кочевниковъ, наклонныхъ къ грабежу, другъ другомъ, потому что они большею частью между собою враждуютъ; для этого русской власти нужно будетъ только поддерживать среди нихъ эту вражду и при случаѣ напускать ихъ другъ на друга, когда этого потребуютъ выгоды Россіи: «ежели калмыки, по его словамъ, какую противность покажутъ, то на нихъ можно киргизцевъ обратить, а напротивъ того, буде киргизъ-кайсаки что сдѣлаютъ, то на нихъ калмыкъ и башкирцевъ послать, и такъ другъ другомъ смирять и къ лучшему послушанію приводить». Далѣе, говоря о возможномъ будущемъ значеніи новаго города на р. Ори, Кириловъ указываетъ, что чрезъ него удобно проложить путь русскимъ товарамъ въ Бухарію, Балхъ и въ самую Индію, «чего, по его словамъ, Петръ Великій весьма домогался и не жалѣлъ ни казны, ни людей» для этого. Убѣдительность Кириловскихъ доводовъ подѣйствовала на руководителей тогдашней рус-

[1]) «Татищевъ и его время» Н. Попова 172—175 сс.

ской политики, — проектъ Кирилова былъ одобренъ 1-го мая 1734 года, и автору на мѣстѣ предоставлено было его осуществить. Для этого снарядили цѣлую экспедицію, во главѣ которой поставленъ Кириловъ; въ этой экспедиціи находились не только сухопутные военные чины, а были также и морскіе чины для будущаго порта на Аральскомъ морѣ, которые были снаряжены вмѣстѣ съ плотниками и конопатчиками; въ ней же находились люди съ разными спеціальными свѣдѣніями: геодезистъ для составленія чертежей и ландкартъ, натуралистъ, горные чиновники, лекарь, аптекарь вмѣстѣ съ канцелярскими служителями всякаго рода. Въ Казани и Уфѣ Кириловъ получилъ въ свое распоряженіе часть мѣстныхъ войскъ съ артиллеріей, а зимой съ частью экспедиціи выступилъ къ Сакмарскому городку и Верхне-Яицкой крѣпости для осуществленія цѣли экспедиціи — построенія новаго города [1]).

Такъ какъ новый значительный городъ на р. Ори долженъ былъ возникнуть въ сосѣдствѣ съ башкирцами, которые уже имѣли въ сѣверо-западной части своей территоріи русскіе города, то понятно, что городъ, воздвигаемый съ восточной стороны, которому притомъ русскіе придавали такое большое значеніе, не могъ серьезно не озаботить башкирцевъ, ибо онъ долженъ былъ отдѣлить ихъ отъ киргизовъ и другихъ кочевыхъ народовъ, естественныхъ союзниковъ ихъ въ борьбѣ съ Россіею. Да и русское правительство вполнѣ сознавало большую важность для себя именно въ настоящее время хорошихъ отношеній къ башкирцамъ, потому что приказано было, при построеніи новаго города, для построекъ назначать тархановъ, мещеряковъ и тептерей, жившихъ вмѣстѣ съ башкирцами, «а башкирцевъ отнюдь на работу не наряжать и тѣмъ ихъ.... не озлоблять». Но башкирцевъ еще ранѣе настоящаго момента стало тревожить то, что прежде не внушало имъ такихъ опасеній. Такъ, они теперь сами обращаются къ правительству по поводу того, что «русскіе крестьяне, приходя нерѣдко съ помѣщиками, завладѣли ихъ землями и угодьями», — въ то время какъ раньше они обыкновенно отказывали русскому правительству въ выдачѣ подобныхъ переселенцевъ. А теперь новая мѣра со стороны Россіи, которая могла лишить башкирцевъ возможности въ будущемъ соединяться съ сосѣдними кочевниками, и должна была лишить ихъ независимости; понятно, что при такихъ условіяхъ они не могли оставить безъ противодѣйствія построенія новаго города въ подобномъ мѣстѣ [2]).

Непріязненныя дѣйствія со стороны башкирцевъ противъ Оренбургской экспедиціи, двинувшейся для построенія города на р. Ори, обнаружились сперва

---

[1]) «Инородч. насел. Каз. цар.» Н. Ѳирсова, 246—250 сс. «Татищевъ и его время» Н. Попова 176—177 сс.

[2]) Древн. и Нов. Россія. 1876 г. № 7. 2-ая ст. М. Свирѣлина 237—238 сс. «Инород. насел.» Н. Ѳирсова, 259 с.

въ формѣ незначительной и не совсѣмъ ясной и только потомъ приняли рѣшительный характеръ. Кириловъ въ началѣ относился недовѣрчиво къ сообщеніямъ другихъ начальниковъ о конечной цѣли незначительныхъ башкирскихъ нападеній; но послѣ основанія новаго города на р. Ори и послѣдовавшихъ серьезныхъ нападеній со стороны башкирцевъ, онъ поспѣшилъ, съ помощью присланнаго изъ Петербурга къ нему генерала Румянцева, принять рѣшительныя мѣры для подавленія возгорѣвшагося мятежа. Мы не станемъ здѣсь разсматривать всѣхъ мѣръ, которыя предприняты были Кириловымъ не только для усмиренія разросшагося мятежа, но имѣли также въ виду сдѣлать въ будущемъ невозможными возстанія башкирскія, подобныя настоящему [1]). Болѣе же дѣйствительными изъ этихъ мѣръ впослѣдствіи оказались слѣдующія. Между башкирцами, на ихъ земляхъ, жили въ довольно значительномъ числѣ другіе инородцы: мещеряки, тептери и бобыли, которые находились въ зависимомъ положеніи относительно башкирцевъ. Кириловъ всѣмъ имъ выхлопоталъ право на вѣчное владѣніе землями и угодьями, которыя тѣ снимали у башкирцевъ, за то «что эти инородцы не пристали къ противностямъ башкирцевъ»; за эти земли они, съ этого времени, должны были платить въ казну лишь небольшой ясакъ. Вслѣдствіе подобнаго распоряженія всѣ эти инородцы приняли сторону Россіи противъ башкирцевъ и стали энергически помогать русскимъ командамъ ловить и казнить мятежныхъ башкирцевъ. Но, стараясь привлечь инородцевъ, жившихъ среди башкирцевъ, на свою сторону, русское правительство признало вмѣстѣ съ тѣмъ необходимымъ увеличить въ Башкирскомъ краѣ населеніе русскаго происхожденія. Вслѣдствіе этого прежнее запрещеніе русскимъ покупать и крѣпить за собою земли и угодья башкирцевъ было отмѣнено. Тамошніе жители изъ русскихъ—дворяне и офицеры получили теперь право покупать земли и угодья. Указомъ 11 февраля 1736 разрѣшено было отставнымъ драгунскимъ солдатамъ, матросамъ съ свободными паспортами, кто только изъ нихъ пожелаетъ быть снова на царской службѣ, селиться въ Оренбургѣ и въ другихъ мѣстахъ Башкиріи, причемъ Кирилову позволено было награждать ихъ при поселеніи участками земли отъ 20 до 30 четвертей на семью; сверхъ того на проѣздъ и на обзаведеніе давалась ссуда деньгами изъ Оренбургской экспедиціи [2]).

Кромѣ того рѣшено было въ башкирской землѣ въ разныхъ мѣстахъ, главнымъ образомъ по рѣкамъ Самарѣ и Уралу, на опредѣленномъ разстояніи другъ отъ друга, построить крѣпости и редуты, которые долженствовали быть заселены частью ландмилицкими пограничными полками, жившими по старой

---

[1]) Интересующіеся могутъ прочесть о нихъ въ вышеупомянутомъ сочиненіи Н. Өирсова сс. 270—273.

[2]) Древ. и Нов. Рос. 1876 г. № 7. «Колон. Оренб. края» М. Свирѣлина 241 с.

Закамской линіи, а частью казаками. Благодаря этой мѣрѣ въ башкирской землѣ появились укрѣпленныя мѣста, населенныя русскими военными людьми, а сама Башкирія по своимъ границамъ должна была быть окаймлена цѣпью укрѣпленій, которыя отдѣляли ее отъ иныхъ кочевыхъ народовъ и такимъ образомъ изолировали. Но для заселенія такого значительнаго числа укрѣпленій, разбросанныхъ на 20, 30 и болѣе верстъ, нужно было большое количество людей особаго закала, которые вмѣстѣ съ навыкомъ къ труду земледѣльческому и промышленному соединяли бы значительный запасъ военной неустрашимости и нѣкоторое умѣнье защищаться отъ неожиданныхъ вражескихъ нападеній, ибо поселенецъ піонеръ, чѣмъ бы онъ здѣсь ни занимался, долженъ былъ быть и воиномъ, равно какъ и военныя поселенія, вслѣдствіе недостатка въ земледѣльческихъ и промышленныхъ людяхъ, должны были въ свою очередь заниматься земледѣліемъ и промыслами. Понятно, что мысль о матеріалѣ для заселенія такого значительнаго числа крѣпостей, которыя, кромѣ Башкирскаго края, по идеѣ правительства, должны были еще способствовать «свободному проѣзду каравановъ и обозовъ къ Оренбургу и лучше содержать въ надлежащемъ подданствѣ бухарскую сторону», — мысль объ этомъ должна была серьезно занимать Кирилова; и вотъ ему дозволено было «для поселенія легкихъ войскъ при Оренбургѣ и въ другихъ городкахъ, принимать охотниковъ изъ яицкихъ казаковъ до 500, изъ ближайшихъ сибирскихъ городовъ до 1000 казачьихъ и дворянскихъ дѣтей, не верстанныхъ и не положенныхъ въ подушный окладъ, и, кромѣ того, служилыхъ мещеряковъ Уфимскаго уѣзда»; всѣмъ имъ при поселеніи велѣно было дать на строеніе домовъ денежнаго жалованья противъ волжскихъ казаковъ, а для ихъ содержанія въ будущемъ—подъ селеніе и подъ пашню отвести имъ земель и угодій въ такомъ же количествѣ, какъ уфимскимъ дворянамъ и казакамъ; мещеряковъ приказано во всѣхъ мѣстахъ селить между русскими поселенцами [1]). Но этотъ матеріалъ по своей незначительности не могъ удовлетворить Кирилова, вслѣдствіе чего онъ выхлопоталъ себѣ для этого именной указъ отъ 11-го февраля 1736 г., которымъ ему разрѣшили принимать для службы въ Оренбургъ и въ другіе городки «бѣглецовъ съ Яику, спрашивая только, чьи они и давно-ль бѣжали и на Яикъ пришли», причемъ вѣдомость съ такими допросами велѣно было Кирилову посылать въ тѣ губерніи, откуда бѣглецы окажутся родомъ, чтобъ ихъ можно было зачесть помѣщикамъ вмѣсто рекрутъ. Мѣра эта Кирилову разрѣшена была лишь въ крайности, на время и, повидимому, конфиденціально, ибо сказано: «статскому совѣтнику Кирилову велѣно на Яикѣ (Уралѣ р.) *подъ рукою объявить*, дабы бѣглецы, кои тамъ живутъ безъ службы и безъ податей,

[1]) Арх. Мин. Юст. Дѣла и приг. Правит. Сен. за № $\frac{3}{134}$ 1224 с.

работая только на казаковъ, шли съ Яику для службы въ Оренбургъ и кои явятся, тѣхъ опредѣлять въ Оренбургѣ и въ другихъ новыхъ городкахъ»; затѣмъ Кирилову приказано было «о томъ, сколько человѣкъ явится, репортовать въ кабинетъ Императорскаго Величества». Для того же чтобъ на р. Уралѣ бѣглыхъ вновь не прибавлялось, сдѣлано было распоряженіе: учредить крѣпкія заставы и разъѣзды въ Самарѣ и въ Сызранѣ, и сверхъ того велѣно осматривать зимніе обозы, которые ходятъ съ хлѣбомъ на р. Уралъ за рыбою, чтобъ обратно возвращалось столько же людей, сколько ихъ ѣхало туда [1]). Благодаря упомянутому разрѣшенію, которое еще понималось въ широкомъ смыслѣ, ибо Оренбургская экспедиція вскорѣ стала принимать бѣглыхъ не только съ Урала, а и съ разныхъ иныхъ мѣстъ, воздвигаемые города и укрѣпленія стали довольно энергично заселяться русскими служилыми людьми. Но Кирилову не суждено было видѣть осуществленія своихъ плановъ: изнурительная болѣзнь (чахотка) вмѣстѣ съ служебными непріятностями и излишнимъ напряженіемъ силъ преждевременно свели его въ могилу (16-го апрѣля 1737 г.). Къ счастью для начатаго дѣла и для края, по смерти Кирилова оно попало въ руки людей той же школы, къ коей принадлежалъ покойникъ, которые и довели это сложное и трудное дѣло до желаннаго конца.

Въ послѣдніе мѣсяцы дѣятельности Кирилова, совершенно отдавшагося мыслямъ о судьбѣ вновь устраиваемаго края съ городами и укрѣпленіями, изъ коихъ одни были уже основаны, но еще слабо населены, а другіе находились еще въ проектахъ,— въ это-то время, въ началѣ февраля мѣсяца, въ Оренбургскую экспедицію явились два яицкихъ казака «черкасской природы», т. е. изъ малороссовъ, Иванъ Никифоровъ Изюмскій и Андрей Денисовъ Черкасовъ, и стали просить разрѣшенія, «чтобъ имъ поселиться и построить городъ на устьѣ р. Илека, впадающей съ бухарской стороны въ р. Яикъ, межъ казачьихъ городковъ Сакмарска (на сѣв.-зап.) и Яика (на югѣ), гдѣ они изберутъ пристойное мѣсто», обязуясь для сего «прiискать изъ другихъ такихъ же черкасовъ, изъ уфимскихъ мещеряковъ, татаръ, калмыкъ и иныхъ иновѣрцевъ, не положенныхъ въ подушный окладъ, до 500 семей». Это обязательство они брали на себя при условіи, если имъ разрѣшатъ, чтобъ они будущихъ служилыхъ людей-насельниковъ могли «обнадежить, что имъ не точію земли и всякія угодья, рыбныя и звѣриныя ловли дадутся, а и въ строеніи городка учинено будетъ (правительствомъ) вспоможеніе» [2]). Понятно, съ какимъ удовольствіемъ больной Кириловъ далъ имъ просимое разрѣшеніе, обязавъ только «ясауловъ» подать въ Оренбургскую экспедицію «именныя росписки тѣхъ, кого они

[1]) Тамъ же.

[2]) Тамъ же 393 с.

къ себѣ наберутъ въ товарищество, чтобъ не было бѣглыхъ» и дабы «охотники были подлинные казаки и иновѣрцы», словомъ, были бы люди «не положенные въ подушный окладъ» [1]).

Татищевъ, назначенный вмѣсто Кирилова начальникомъ Оренбургской экспедиціи, подобно ему принадлежалъ къ числу птенцовъ великаго преобразователя, дѣйствовалъ въ томъ же направленіи и съ тою же энергіею, только въ дѣятельности своей держался болѣе его коллегіальнаго начала, совѣщаясь при всякомъ подходящемъ случаѣ съ своими товарищами [2]). Желая полнѣе населить воздвигнутыя Кириловымъ крѣпости, равно какъ вновь заселить укрѣпленія, имъ самимъ выстроенныя, Татищевъ, естественно, не могъ быть особенно разборчивымъ къ тому колонизаціонному матеріалу, который находился у него подъ рукою: такъ, онъ не довольствовался одними уральскими бѣглецами, а пользовался при этомъ вообще бѣглыми крестьянами великороссійскихъ губерній, откуда бы кто ни былъ; вслѣдствіе этого онъ вскорѣ получилъ (февр. 1738 г.) замѣчаніе изъ Петербурга съ указаніемъ на то, что ему такъ «собою поступать и великороссійскихъ принимать не надлежало, особливо не освидѣтельствовавъ подлинно, какіе они люди, ибо на однихъ ихъ сказкахъ утвердиться никакъ не возможно»; за этимъ говорится, что подобные бѣглые, пріѣзжая за своими семьями на прежнія жилища, другихъ съ собою подговариваютъ и увозятъ, что этимъ они разоряютъ своихъ помѣщиковъ, и на ихъ прежнихъ жилищахъ многіе домы пустѣютъ, отъ чего въ сборѣ государственныхъ податей являются недоимки, почему «пріемъ такихъ пришлыхъ изъ великороссійскихъ городовъ накрѣпко (Татищеву) запрещается» [3]). За то удачнѣе оказалась дѣятельность преемника Кирилова относительно заселенія проектированнаго Илецкаго городка при впаденіи р. Илека въ Уралъ. Для болѣе вѣрнаго успѣха къ яицкимъ казакамъ, наборщикамъ служилыхъ поселенцевъ въ будущій городокъ, Татищевымъ былъ прикомандированъ поручикъ Михаилъ Карамзинъ; послѣднему по этому поводу дана была инструкція, въ которой «ему велѣно было всѣхъ записныхъ козаковъ Оренбургской экспедиціи Илецкаго городка, какъ Танбовскаго, такъ Керенскаго и прочихъ уѣздовъ, вывесть для зимовья въ село Чардышъ Пензенскаго уѣзда, чтобъ (они) будущею весною могли заблаговременно селиться» [4]). По всей вѣроятности, село Чардышъ назначено было такимъ пунктомъ по желанію есауловъ-наборщиковъ, которые не безъ задней

---

[1]) Тамъ же 991 с.

[2]) «Татищевъ и его время», Н. Попова 182 с.

[3]) Арх. Мин. Юст. Сенат. д. и приг. по Оренбург. губ., за № $\frac{12}{143}$ 522 с. (напеч. въ П. С. З. № 7514).

[4]) Тамъ же № $\frac{12}{131}$ 991 с

мысли остановили на немъ свое вниманіе; ибо оказалось, что село это было хорошо извѣстно Ивану Изюмскому, который хотя и былъ родомъ черкашенинъ, но вмѣстѣ съ своими земляками товарищами прежде живалъ здѣсь. Само село Чардышъ много лѣтъ принадлежало знатному, богатому и вліятельному князю Дмитрію Михайловичу Голицыну, который вмѣстѣ съ своимъ братомъ знаменитымъ фельдмаршаломъ княземъ Михаиломъ Голицынымъ принадлежалъ къ числу выдающихся сотрудниковъ Петра Великаго, не сочувствовавшихъ однако всѣмъ стремленіямъ великаго преобразователя. Дмитрій Голицынъ выдвинулся на первый планъ уже послѣ смерти Петра В. и вмѣстѣ съ Долгорукими имѣлъ руководящее значеніе при избраніи на престолъ императрицы Анны Іоанновны. Мы знаемъ, что въ XVII и XVIII вв. многіе крестьяне при столкновеніи съ произволомъ помѣщиковъ, дававшимъ себя сильно чувствовать послѣ окончательнаго закрѣпощенія, спасались отъ нихъ бѣгствомъ на земли богатыхъ и вліятельныхъ людей, которые, нуждаясь въ рабочихъ рукахъ, охотно ихъ принимали къ себѣ и скрывали въ своихъ имѣніяхъ, куда, вслѣдствіе ихъ могущества, съ трудомъ проникали правительственные сыщики, посылаемые для розыска бѣглыхъ людей. Но не одни крестьяне великорусскихъ губерній искали и находили въ то время пристанище на земляхъ богатыхъ и вліятельныхъ людей,— малороссіяне тоже охотно селятся у нихъ. Уходъ малороссіянъ со своихъ мѣстъ въ это время могъ обусловливаться тѣмъ, что сплошная и единообразная масса малороссійскаго народа начинаетъ мало по малу раздробляться и выдѣлять изъ своей среды разныя общественныя группы, получающія характеръ отдѣльныхъ классовъ, между которыми происходятъ отдѣльныя столкновенія [1]). Поэтому малороссы тоже нерѣдко покидаютъ родныя палестины, ищутъ новыхъ пристанищъ и находятъ ихъ въ селахъ, принадлежавшихъ могущественнымъ временщикамъ, которые ихъ охотно принимаютъ у себя, чтобъ пользоваться энергіею и трудомъ переселенцевъ.

Такъ, въ обширномъ и многолюдномъ селѣ Чардышѣ на ряду съ крестьянами сходцами великороссійскихъ земель встрѣчаются сходцы изъ малороссійскихъ казаковъ, между которыми попадаются люди молодые, среднихъ и даже преклонныхъ лѣтъ, добровольно покинувшіе родину и переселившіеся въ селеніе, когда оно еще принадлежало князю Дмитрію Голицыну. Но, какъ извѣстно, вскорѣ послѣ восшествія на престолъ Анны Іоанновны, такъ называемыхъ верховниковъ постигла опала: однихъ изъ нихъ казнили, а имущество всѣхъ ихъ отобрано въ казну. Дмитрій Голицынъ, бывшій однимъ изъ верховниковъ, также подвергся опалѣ, а имѣнія его конфискованы. Для управ-

---

[1]) «Кіевская Старина» 1883 г., декабрь м. «Займанщина въ лѣвобережной Украйнѣ XVII и XVIII вв.» Дмитр. Багалѣя 582 с.

ленія отписными Голицынскими вотчинами изъ дворцовой канцеляріи посланъ былъ поручикъ князь Иванъ Макуловъ.

Послѣ прибытія навербованной партіи переселенцевъ въ Чардышъ здѣсь началась дѣятельность ея руководителей. Возлѣ поручика Карамзина встрѣчаемъ вліятельное лицо—черкашенина Игнатія Дмитріева, вмѣстѣ съ которымъ прибыло множество людей съ женами и дѣтьми, набранными уже въ другихъ мѣстахъ для поселенія въ Илецкую крѣпость. Центромъ дѣятельности вербовщиковъ въ селѣ, какъ и слѣдуетъ ожидать, явился кабакъ, содержимый малороссомъ Иваномъ Григорьевымъ. Понятно, какія сцены при этомъ разыгрывались въ кабакѣ, въ результатѣ которыхъ оказалось, что иные великороссы и большинство малороссіянъ, жившихъ въ селѣ, волею или неволею были записаны въ число поселенцевъ будущей крѣпости, — кабакъ разоренъ, а его хозяинъ очутился подъ карауломъ. Главные же дѣятели изъ малороссіянъ по заселенію будущаго города — Изюмскій и Дмитріевъ — были привлечены въ Пензенскую провинціальную канцелярію по дѣлу о смертоубійствѣ [1]).

Вскорѣ, однако, съ бухарской стороны р. Урала на р. Илекѣ, при ея впаденіи въ Уралъ, построена была довольно значительная Илецкая крѣпость, въ которой водворено было болѣе 500 человѣкъ казаковъ [2]). Переходя къ вопросу о родинѣ малороссовъ Илецкаго городка, мы видимъ, что въ общемъ значительный процентъ переселенцевъ, какъ и слѣдуетъ ожидать, дали поляки, расположенные въ восточныхъ частяхъ Украйны, а меньшій процентъ западныя земли [3]). Разсматривая затѣмъ показанія, данныя нѣкоторыми колонистами малороссами о классѣ, къ коему они тянули, жизни и занятіяхъ внѣ родины, мы видимъ, что всѣ они, по ихъ словамъ, «*казаки*» или же «*казачьи сыновья*», которые въ разное время *добровольно покинули* родныя палестины; возрастъ казаковъ самый разнообразный, начиная отъ 30 до 60—70 и даже болѣе лѣтъ. Многіе изъ казаковъ до своей записки въ Илецкой городокъ жили въ селахъ, принадлежащихъ богатымъ и вліятельнымъ вельможамъ; такъ встрѣ-

---

[1]) Арх. Мин. Юст. Сенат. д. за № $\frac{13}{134}$ 991—992 сс. Въ любопытномъ донесеніи объ этомъ Пензенской канцеляріи сказано, что «Черкашенинъ Дементій Осиповъ, наказанный отъ Карамзина, явился жестоко битъ плетьми», быть можетъ, за отказъ записаться въ число колонистовъ.

[2]) Всего по оффиціальному исчисленію было 524 челов. Набраны они были: изъ Яицкаго городка русскихъ казаковъ—5, татаръ—17, изъ черкасъ—160 челов., остальные изъ разныхъ русскихъ городовъ и уѣздовъ. По спеціальной же описи 1740 г. казаковъ было 165 челов., женъ ихъ—137; дѣтей у нихъ мужскаго пола 187, женскаго—143; братей мужскаго пола 32, женскаго—10, 2 отца и 3 матери.

[3]) Такъ, Изюмскаго полка было 28 казаковъ, Сумскаго—25, Харьковскаго—16, Ахтырскаго—10, Нѣжинскаго—2, Глуховскаго—1, Прилуцкаго—1 и т. д.

чаются села князя Дмитрія Голицына, князя Александра Меньшикова, фельдмаршала графа Бориса Петровича Шереметева, генерала Григорія Петровича Чернышева. Нѣкоторые изъ поселенцевъ показываютъ, что раньше этого въ теченіи болѣе или менѣе долгаго времени «торговали въ разныхъ деревняхъ великороссійскихъ и инородческихъ» (табакомъ и др. товарами), чѣмъ и промышляли до своей записи: прозвища нѣкоторыхъ казаковъ свидѣтельствуютъ, что имъ повидимому не чужды были какъ ремесленныя, такъ и нѣкоторыя другія знанія и промышленныя занятія; такъ среди нихъ попадаются: «Чеботарь», «Бондаревъ», «Коноваловъ», «Авчаръ», «Ратушный» [1]).

Этотъ первый опытъ заселенія малороссами значительнаго пограничнаго укрѣпленія въ Оренбургскомъ краѣ оказался для правительства вполнѣ удачнымъ, ибо онъ былъ осуществленъ главнымъ образомъ при посредствѣ свободныхъ малороссійскихъ казаковъ, безъ ущерба какъ интересамъ великороссійскихъ помѣщиковъ, такъ и самому правительству. Честь этого дѣла приписана была всецѣло Татищеву, которому именнымъ указомъ велѣно было и дальше пользоваться малороссіянами, какъ подходящимъ матеріаломъ, для заселенія здѣсь вновь воздвигаемыхъ укрѣпленій. Генералъ-лейтенантъ князь Урусовъ, замѣнившій вскорѣ Татищева по управленію Оренбургскою экспедиціею, свидѣтельствуетъ предъ правительствомъ о чрезвычайной выгодѣ для края и правительства колонизаціи подобной Илецкой, потому что «оной Илецкой городокъ, населенный черкасами, никакого содержанія (отъ казны) не требуетъ, и *казаки* (мѣстные) *прочихъ гораздо заводнѣе*», т. е. зажиточнѣе [2]); Урусовъ же въ другомъ своемъ донесеніи сенату говоритъ, что онъ изъ Илецкихъ казаковъ во время «послѣдняго башкирскаго замѣшанія по необходимой нуждѣ нарядилъ для поисковъ надъ ворами башкирцами до 200 человѣкъ», которые хорошо выполнили порученную имъ службу, но, возвратившись изъ похода, они, по его словамъ, «бьютъ челомъ, чтобы имъ за ту бывшую ихъ службу выдать жалованье противъ яицкихъ казаковъ», требуя по этому случаю, чтобъ имъ въ будущемъ вообще были бы назначены опредѣленные оклады жалованья «противъ волжскихъ казаковъ, объявляя, что они, не имѣя жалованья, впредь къ такимъ нарядамъ и къ поискамъ надъ воровскими киргизъ-кайсаками и калмыками будутъ не въ состояніи, затѣмъ что поселены на бухарской сторонѣ, гдѣ имъ пашню развести невозможно»; а такъ какъ они Татищевымъ причислены къ Яицкому казачьему городку и необходимы для мѣстныхъ разъѣздныхъ службъ на бухарской сторонѣ р. Урала, то онъ, Урусовъ и ходатайствуетъ предъ правительствомъ объ опредѣленномъ навсегда жалованьѣ для

---

[1]) Тамъ же 710—753 сс.

[2]) Тамъ же № $\frac{3}{134}$ с. 1224 и др.

нихъ [1]). Такимъ образомъ мы видимъ, что сравнительно бо́льшая зажиточность поселенцевъ малороссіянъ въ Илецкой крѣпости въ соединеніи съ энергіей въ поискахъ за кочевниками явилась послѣдствіемъ разрѣшенія, которое далъ Кириловъ яицкимъ казакамъ изъ малороссіянъ для набора земляковъ въ новое пограничное укрѣпленіе. При подобныхъ обстоятельствахъ князю Урусову, который подобно своимъ предшественникамъ по управленію экспедиціей сильно затруднялся въ подходящемъ матеріалѣ для заселенія уже построенныхъ и вновь сооруженныхъ укрѣпленій, естественно было увлечься идеей привлечь малороссіянъ въ значительномъ числѣ для колонизаціи края, тѣмъ болѣе, что само правительство, запрещая ему принимать и селить великорусскихъ крестьянъ, рекомендовало его вниманію эту мѣру [2]). Поэтому, когда 30 августа 1739 года послѣдовалъ на имя князя Урусова Высочайшій указъ, которымъ велѣно было ему принимать черкасъ для поселенія въ Оренбургскій край, то онъ поспѣшилъ отправить въ Малороссію капитана Алексѣевскаго пѣхотнаго полка Качалова, чтобъ тотъ на мѣстѣ набиралъ людей, которые пожелаютъ со своими семьями переселиться изъ Малороссіи въ Оренбургскіе городки. Вмѣстѣ съ этимъ посланы были объ этомъ публикаціи изъ сената въ Малороссійскую войсковую генеральную канцелярію [3]). Быть можетъ, вслѣдствіе естественнаго желанія отличиться блестящимъ исполненіемъ порученнаго дѣла, капитанъ Качаловъ старался набрать побольше подобныхъ людей, для чего держался не особенно точно инструкціи, которая дана была ему княземъ Урусовымъ; по крайней мѣрѣ изъ Малороссійской генеральной канцеляріи его впослѣдствіи обвиняли передъ сенатомъ въ томъ, что онъ на мѣстѣ понадавалъ малороссамъ множество обѣщаній, на которыя онъ совершенно не былъ уполномоченъ своимъ начальникомъ [4]). И вотъ, благодаря большимъ обѣщаніямъ Качалова, во многихъ слободахъ, селахъ и деревняхъ на Украйнѣ оказались семьи, выразившія желаніе переселиться въ Оренбургскій край; мѣстами среди жителей даже обнаружилась переселенческая горячка, ибо огромное большинство выражали желаніе покинуть родину, такъ что иногда на мѣстѣ оставались лишь нѣсколько семей изъ всей деревни.

Вслѣдствіе этого не замедлили обнаружиться столкновенія между Малорос-

---

[1]) Тамъ же Сенат. д. за №$\frac{7}{138}$, 591—592 сс.

[2]) Тамъ же Сенат. д. за №$\frac{3}{134}$ и №$\frac{12}{143}$.

[3]) Нѣкоторыя частности въ этомъ эпизодѣ опущены, ибо онѣ напечатаны въ П. С. З.; интересующіеся же этимъ могутъ найти сіе въ не разъ цитированномъ соч. Ѳирсова, 382—388 сс.

[4]) Такъ, напримѣръ, онъ разрѣшалъ переселяющимся не платить на родинѣ долговъ, обѣщалъ большее жалованье и сверхъ того еще не мало денегъ и проч. подоб.

сійской генеральной канцеляріей съ одной стороны, гдѣ имѣла вліяніе мѣстная войсковая старшина, среди коей въ то время многіе владѣли обширными землями, и потому въ качествѣ собственниковъ земель были заинтересованы рабочимъ населеніемъ на нихъ или по сосѣдству съ ними, съ другой стороны— капитаномъ Качаловымъ; по этому поводу пошли обоюдныя пререканія и жалобы въ Правительствующій Сенатъ. Окончательнымъ же результатомъ миссіи Качалова явилось то, что въ октябрѣ 1741 года отправлено было имъ въ Оренбургскій край до 1000 подводъ переселенцевъ за конвоемъ двухъ капраловъ [1]). Но, не доходя Воронежа, среди переселенцевъ произошло несогласіе, вслѣдствіе чего одни изъ нихъ переправились чрезъ р Донъ, многіе же, за неимѣніемъ провіанта, покинули конвойныхъ и, для заработки хлѣба, разошлись по разнымъ поселеніямъ Острогожскаго полка, по донскимъ юртамъ и инымъ мѣстамъ. При этомъ нѣкоторые изъ переселенцевъ были задержаны здѣсь, и о нихъ дано знать начальнику Малороссійской генеральной канцеляріи Леонтьеву, который велѣлъ отпустить ихъ на волю, дабы они шли по желанію, — либо домой, либо въ Оренбургскій край.

До мѣста назначенія малороссіянъ дошло въ 1742 году 509 семей «изъ казаковъ и тамошнихъ мужиковъ». Въ настоящее время мы можемъ представить интересныя извѣстія о бѣдствіяхъ и страданіяхъ, испытанныхъ въ пути двумя значительными группами изъ числа вышеупомянутыхъ переселенцевъ. Одна изъ этихъ группъ состояла изъ 55 семей «Слободскаго Харьковскаго полку, разныхъ сотенъ, селъ и деревень», которыя шли въ глубокую осень съ капраломъ Богатыревымъ на зимовье въ Самару; другая состояла изъ семидесяти украинскихъ семей, «набранныхъ тамъ на поселеніе въ оренбургскіе крѣпости» и конвоируемыхъ самимъ виновникомъ ихъ переселенія капитаномъ Качаловымъ; конечнымъ пунктомъ въ ихъ маршрутѣ стояла та же Самара. Капралъ Богатыревъ, конвоировавшій первую группу, въ октябрѣ мѣсяцѣ того же года доносилъ Оренбургской коммиссіи, «что со оными малороссійцами онъ слѣдовалъ въ теплое время благополучно; а ныне, за неимѣніемъ корму въ полѣ, отъ морозовъ и отъ дальняго пути, скотъ у нихъ сталъ, и въ день болѣе шести и осьми верстъ итти не могутъ»; далѣе онъ пишетъ, что нѣкоторые изъ переселенцевъ *«за скудостью на покупку корму скоту и для себя хлѣба продали съ себя одежды, — и они опасенъ, чтобы ихъ и дѣтей ихъ въ зимнее время не познобить»*.

Вслѣдствіе сего въ Оренбургской коммиссіи рѣшили въ началѣ ноября послать къ нимъ «на встрѣчу нарочнаго оберъ-офицера, которому, будучи при

[1]) Какъ по печатнымъ, такъ и по рукописнымъ документамъ замѣтно, что значительное большинство переселенцевъ состояло изъ малороссійскихъ крестьянъ. Такъ, напримѣръ, изъ 33 душъ мужскаго пола перекопской сотни только пятеро взрослыхъ были изъ казаковъ. Объ этомъ же см. П. С. З. № 8111.

нихъ для препровожденія до Самары, какъ ихъ лошадей, такъ и скотъ довольствовать въ пути сѣномъ, покупая оное отъ обывателей за деньги настоящею цѣною, безъ передачи, при ихъ старшинахъ, и имъ (переселенцамъ), сколько кому надлежитъ, по числу лошадей и скота давать оное сѣно съ запискою»; на лошадь велѣно отпускать по 16 фунтовъ, а на рогатый скотъ, примѣняясь къ этой пропорціи; для покупки фуража приказано было выдать офицеру 50 рублей, но эти деньги онъ могъ расходовать лишь въ крайности, а долженъ былъ продовольствовать больше въ кредитъ, выдавая мѣстнымъ обывателямъ «во взятье того сѣна надлежащія квитанціи».

Вторая, болѣе значительная группа шла вслѣдъ за первой также на Самару и находилась въ такомъ же печальномъ состояніи, какъ это можно видѣть изъ донесенія капитана Качалова Оренбургской коммиссіи, свидѣтельствовавшаго, «что тѣ бѣдные черкасы какъ себѣ пропитанія въ пути, такъ и имѣющемуся при нихъ скоту, (которыхъ у нихъ имѣется лошадей и воловъ съ двѣсти), корму не имѣютъ и претерпѣваютъ въ томъ великую нужду, у него же, Качалова, денегъ, кромѣ прогонныхъ до Самары, не имѣется», — вслѣдствіе этого онъ требуетъ присылки денегъ въ счетъ слѣдуемаго имъ, переселенцамъ, жалованья, какъ людямъ, зачисленнымъ уже въ крѣпостныя службы. Въ заключеніе своего донесенія Качаловъ говоритъ: «а ежели ему денегъ не будетъ прислано, то те черкасы сами помрутъ голодомъ и холодомъ и скотъ поморятъ». Поэтому изъ оренбургской канцеляріи послали «на встрѣчу капитану съ черкасами парочнаго унтеръ-офицера съ тѣмъ солдатомъ, который отъ него, Качалова, присланъ, съ коимъ къ нему, Качалову, послать тѣ 50 рублевъ, которые прежде выданы были прапорщику Тарбѣеву, *ибо изъ оныхъ въ расходъ ничего не употреблено*»; затѣмъ повторяется, чтобъ кормъ выдавать имъ въ опредѣленномъ количествѣ, сообразно тому, сколько у кого находится скота, и деньги расходовались бы лишь въ крайности; въ заключеніе же велѣно Качалову «подтвердить, дабы онъ въ путь съ малороссіянами слѣдовалъ медлительнѣе, чтобъ (онъ) могъ прибыть въ Самару не ранѣе какъ къ февралю мѣсяцу». Послѣднее распоряженіе обусловливалось недостаткомъ въ то время кормовъ въ Самарѣ, въ которой затруднялись одновременно помѣстить и продовольствовать въ теченіи зимы значительное число людей голодныхъ и со скотомъ.

Переселенцевъ малороссіянъ сперва предполагали «расположить въ городѣ Самарѣ по казачьимъ домамъ, и сѣна для ихъ скота собирать съ самарскихъ дворянъ и казаковъ, съ каждаго по 10 пудъ», — о чемъ и посланы были надлежащіе указы въ Самару къ атаману Черному и ротмистру Пастухову; но вскорѣ отъ нихъ пришло увѣдомленіе, «что казакамъ и дворянамъ въ селѣ и безъ того крайняя нужда и недостатокъ..... за недородомъ отъ засухи нынѣшняго года» (1741 г.), вслѣдствіе чего во многихъ мѣстахъ по ночамъ тайно

увозятъ сѣно, почему невозможно будетъ «всѣхъ тѣхъ малороссійцевъ, скотъ и лошадей черезъ зиму пробавить». Поэтому явилось другое мнѣніе: расположить переселенцевъ на зиму въ Самарскомъ уѣздѣ по дворамъ иновѣрцевъ и ясачныхъ русскихъ крестьянъ; но вскорѣ и эта мѣра была благоразумно оставлена, ибо если люди городскіе страдали отъ недорода, то естественно, что и въ уѣздѣ они отъ этого не могли благоденствовать. И вотъ окончательно рѣшили направить переселившихся малороссовъ въ болѣе сѣверныя мѣста Поволжья и Прикамья, въ которыхъ расположенъ былъ Шешминскій полкъ, гдѣ въ запасѣ хранилось довольно какъ казеннаго хлѣба въ полковыхъ магазинахъ, такъ и сѣна для казенныхъ драгунскихъ лошадей. Сохранилось извѣстіе о томъ, въ какомъ состояніи были несчастные переселенцы, достигши Самары въ концѣ октября мѣсяца.

Такъ, доносящій объ этомъ, говоря о томъ, что «имъ ѣхать въ Оренбургскіе городки за осеннимъ временемъ никакъ невозможно», свидѣтельствуетъ: «понеже какъ (они) пошли изъ Малороссіи съ женами и съ дѣтьми, и волею Божіею дорогою какъ лошади, такъ и рогатый скотъ померли; и по прибытіи въ Самару они поставлены были по квартирамъ въ Самарскомъ уѣздѣ»; затѣмъ, упоминая о томъ, что переселенцы часть скота взяли съ собою, а другую за безцѣнокъ продали на мѣстѣ, доноситель заключаетъ: «а нынѣ они пришли во всеконечную скудость: многіе имѣются безъ одежи и безъ обуви», почему онъ опасается, «чтобъ они отъ осеннаго времени и отъ голоду не померли-бъ, такожъ лошади и коровы (сохранившіеся еще у нихъ) безъ корму не поморили-бъ» [1]).

Начальникъ Оренбургской экспедиціи, князь Урусовъ, зная, что колонисты «весьма неимущіе люди и требуютъ во всемъ снабденія», учредилъ для малороссійскихъ переселенцевъ, по его мысли предназначенныхъ къ несенію тяжелыхъ крѣпостныхъ и пограничныхъ службъ, особливую экономическую контору, которую онъ снабдилъ наставленіями о томъ, какъ ей стараться о приведеніи служилыхъ людей изъ малороссіянъ въ лучшее состояніе [2]). По наступленіи весны слѣдующаго года переселенцамъ былъ сдѣланъ смотръ, — ихъ оказалось всего 509 семей [3]), изъ числа коихъ 935 человѣкъ записались на казачью службу въ крѣпостяхъ.

---

[1]) Изъ рукописныхъ документовъ покойнаго В. П. Маслова, служившаго въ Архивѣ Мин. Юст.

[2]) Арх. Мин. Юст. Сенатск. дѣла за №$\frac{12}{143}$ с. 1732.

[3]) По реестру, который представленъ въ сенатъ 9-го мая 1742 года, число семей расположено такъ: изъ поселеній, числящихся за Полтавскимъ полкомъ, вышло 87 семей; за Сумскимъ—68 семей, за Харьковскимъ—54 семьи, за Прилуцкимъ-Переяславскимъ—50 семей, Гадяцкимъ—201 сем., Лубянскимъ—161, Нѣжинскимъ—68. Тамъ же с. 1780.

Но не князю Урусову суждено было докончить устройство Оренбургскаго края; уже въ 1741 г. онъ умеръ отъ изнурительной болѣзни: эта трудная и сложная задача выпала на долю Ивана Ивановича Неплюева, одного изъ даровитыхъ и энергическихъ птенцовъ Великаго Петра, воспитавшагося подобно Кирилову и Татищеву въ трудовой школѣ геніальнаго преобразователя. Выдающимся умомъ и энергіею Неплюевъ походилъ на Татищева, но отличался отъ него своею честностью и строгимъ соблюденіемъ казеннаго интереса, вслѣдствіе чего и можетъ почитаться болѣе прямымъ ученикомъ великаго учителя, чѣмъ его даровитый предшественникъ.

Весною 1742 года (26 апрѣля) Неплюевъ былъ уже на мѣстѣ и доносилъ сенату, что онъ во время своего проѣзда «отъ Самары до Орской крѣпости принужденъ былъ въ каждой крѣпости останавливаться и медлить, и какъ крѣпостныя, такъ и обывательскія состоянія разсматривать, и на все то, что поправленія и лутчаго порядка требовало, чинить особыя опредѣленія; сверхъ того, пришедшимъ изъ Украйны къ здѣшнему поселенію черкасамъ назначилъ слободы; въ нѣкоторыхъ же мѣстахъ, между крѣпостьми, гдѣ было большое разстояніе, опредѣлилъ сдѣлать редуты, и городскихъ командировъ снабдилъ инструкціями, въ которыхъ, сколько возможно было нынѣ усмотрѣть, все нужное, по обстоятельствамъ тѣхъ мѣстъ, изобразилъ и поселенныхъ казаковъ ихъ же призрѣнію поручилъ» [1]).

Переселенцы малороссіяне распредѣлены были по крѣпостямъ частью на р. Яикѣ, или Уралѣ, частью на р. Самарѣ. Такъ, малороссійскими колонистами засселены были на Уралѣ крѣпости: Разсыпная, отъ Уральска вверхъ, за нею слѣдовала Татищевская пристань, далѣе Чернорѣченская, недалеко отъ города Оренбурга, потомъ Нѣжинская; двѣ же крѣпости — Красносамарская и, кажется, Владимірская заселены были по р. Самарѣ ими.

Въ теченіи полутора года Неплюевъ старался пользоваться малороссійскими переселенцами какъ подходящими служилыми людьми для службъ на здѣшней окраинѣ. Къ поднятію ихъ благосостоянія предпринимаемы были Неплюевымъ многія мѣры, соединенныя съ довольно значительными государственными издержками, о чемъ онъ и свидѣтельствуетъ въ своихъ донесеніяхъ правительству. Но спустя годъ съ небольшимъ, совершается фактъ, который показалъ Неплюеву совершенную непригодность послѣднихъ переселенцевъ изъ Малороссіи какъ служилыхъ людей для несенія службы въ пограничныхъ оренбургскихъ крѣпостяхъ. Лѣтомъ 1743 года малороссіяне Яицкой крѣпости Разсыпной, находившейся въ 25 верстахъ отъ Илецкаго казачьяго городка, основаннаго, какъ мы знаемъ, раньше ихъ земляками, заняты были на полѣ убор-

[1]) Арх. Мин. Юст. Сенат. дѣла №$\frac{29}{151}$ с. 189, 229—230.

кой своего хлѣба. На нихъ безоружныхъ напали изъ сосѣдней степи киргизы и захватили въ плѣнъ 82 человѣка мужскаго и женскаго пола. То же произошло съ малороссійскими переселенцами Нѣжинскаго редута, который получилъ свое названіе отъ малороссіянъ Нѣжинскаго полка, кои были здѣсь поселены и занялись хлѣбопашествомъ. Эти происшествія вмѣстѣ съ нѣкоторыми иными ясно показали Неплюеву, что «воинской службы отъ нихъ (малороссіянъ-колонистовъ) и надѣяться невозможно, но паче (онъ, Неплюевъ) принужденъ и жительство ихъ другими регулярными и нерегулярными охранять, безъ чего самимъ они охраниться не могутъ, какъ то уже чрезъ прошедшее лѣто въ разныхъ мѣстахъ самымъ дѣйствіемъ оказалось».

Въ послѣдующемъ донесеніи своемъ Неплюевъ даже опасается, «чтобы ихъ неосторожныхъ и слабыхъ людей киргизъ-кайсаки внезапными набѣгами не перетаскали, какъ то прошедшаго лѣта не въ одномъ мѣстѣ съ ними случилось».

Вслѣдствіе подобныхъ нападеній и уводовъ число служилыхъ казаковъ изъ малороссіянъ въ теченіи полутора года съ 935 уменьшилось до 686 человѣкъ. При этомъ и мѣры Неплюева серьезно поднять благосостояніе переселенцевъ ссудами изъ казны имъ денегъ, зерна и облегченіемъ службъ ихнихъ, оставались почти безъ результатовъ, такъ что, по его донесенію, «*всѣ они находятся въ самомъ низкомъ состояніи и почти гладомъ помираютъ*»; въ этомъ же донесеніи онъ констатируетъ, что среди переселенцевъ находится «много вдовъ, сиротъ, престарѣлыхъ и малолѣтнихъ», которые естественно сильно отягощали собой жизнь и положеніе переселенцевъ; что «*всѣ они* (переселенцы-малороссіяне) *непрестанно скучаютъ.... и желаютъ, чтобъ отпущены были по прежнему въ Малороссію*» [1]).

Въ заключеніе настоящаго донесенія Неплюевъ прямо свидѣтельствуетъ, «что исправной казачьей службы отъ нихъ (малороссіянъ-колонистовъ) не надежно, *яко они изъ прежнихъ мѣстъ не изъ такихъ людей, какъ бы военнымъ быть, но видно, что изъ крестьянъ или какихъ негодныхъ или*» [2]). Вслѣдствіе этихъ донесеній начальника Оренбургскаго края правительство разрѣшило несчастнымъ переселенцамъ либо возвратиться въ Малороссію на свои старыя мѣста, либо переселиться съ пограничныхъ окраинныхъ мѣстъ, которыя подвергались безпрестаннымъ нападеніямъ кочевниковъ, на свободныя земли, близкія къ населеннымъ мѣстамъ Россіи, болѣе безопаснымъ отъ вторженій степняковъ. Огромное большинство переселенцевъ согласилось возвратиться обратно въ родныя палестины, и лишь незначительная группа, состоявшая изъ

---

[1]) Арх. Мин. Юст. Сенат. дѣла № $\frac{20}{151}$ 170—180 с.

[2]) Тамъ же.

46 семей, рѣшилась остаться въ низовомъ Поволжьѣ,—они переселились на р. Кинель и здѣсь на р. Большомъ Кинелѣ малороссіяне основали такъ называемую Черкасскую Слободу, въ которой, въ началѣ шестидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія, насчитывали уже 150 дворовъ[1]).

Изъ вышеизложеннаго можно видѣть, что идея о привлеченіи малороссіянъ къ заселенію пограничныхъ укрѣпленій въ Оренбургскомъ краѣ возникла въ концѣ управленія Кирилова экспедиціей и только была осуществлена удачно при Татищевѣ. Вслѣдствіе очень благопріятныхъ послѣдствій заселенія малороссіянами Илецкой крѣпости, правительство само уже рекомендуетъ подобное заселеніе пограничныхъ крѣпостей какъ Татищеву, такъ и его преемнику князю Урусову; послѣдній увлекается этою мѣрою и посылаетъ капитана Качалова въ Малороссію, снабдивши его инструкціею, для набора оттуда переселенцевъ. Качаловъ, желая, вѣроятно, отличиться блестящимъ исполненіемъ порученнаго ему дѣла, не скупился на обѣщанія, мало стѣсняясь данною ему инструкціей; и вотъ значительное число легковѣрныхъ крестьянъ и другихъ легкомысленныхъ людей, воображеніе которыхъ воспламенено было щедрымъ на обѣщанія всякаго рода капитаномъ, рѣшились покинуть родныя мѣста и вмѣстѣ съ дѣтьми, женщинами и стариками поплелись въ страну, которой разстоянія и мѣстоположенія совсѣмъ не знали. Мы видѣли массу бѣдствій и страданій, по всей вѣроятности мало ожидаемыхъ переселенцами, которыя они должны были перенести въ дорогѣ и по прибытіи на мѣсто. Все это не могло не произвести въ нихъ значительнаго разочарованія, заставивши ихъ вскорѣ пожалѣть о покинутой ими такъ легко родинѣ. По прибытіи на мѣсто водворенія тяжелая пограничная служба въ крѣпостяхъ и непрестанныя опасности со стороны степи отъ кочевниковъ постоянно требовали отъ нихъ съ одной стороны крайняго напряженія силъ, съ другой—эти безпрестанныя опасности не давали имъ возможности заниматься привычнымъ хлѣбопашествомъ, которымъ только они могли прокормить себя и свои семьи. Теперь намъ будутъ понятны послѣдствія всего этого,—особенно если припомнить значительное количество безпомощныхъ старцевъ, дѣтей и женщинъ въ ихнихъ семьяхъ, о чемъ такъ положительно говоритъ Неплюевъ въ своемъ донесеніи правительству; понятенъ становится для насъ и окончательный результатъ, если обратить вниманіе на внутренній составъ переселенцевъ.

Совершенно не то было съ малороссіянами заселителями Илецкой крѣпости: всѣ они были либо коренные казаки, закаленные въ опасностяхъ и лишеніяхъ военной службы, которые добровольно покинули родной край и не

---

[1]) Оренб. Топогр. Рычкова. (Въ ежемѣсяч. соч. и перев. 1762 г. сент. м. 210—211 с.) Арх. Мин. Юст. Сенат. дѣла, №$\frac{20}{151}$, 205—206 сс.

мало скитались уже по бѣлу свѣту, либо молодые, крѣпкіе сыновья подобныхъ казаковъ, унаслѣдовавшихъ отъ родителей ихъ свойства, которые притомъ добровольно покинули свои родныя палестины, почему они явились такимъ подходящимъ матеріаломъ для заселенія здѣшнихъ мѣстъ по своему настроенію и по своимъ свойствамъ.

Послѣ сказаннаго намъ будетъ понятна необходимость слѣдующихъ поправокъ въ сочиненіи нашего уважаемаго товарища по наукѣ, который въ своемъ сочиненіи на 383 с. говоритъ, что «мысль о поселеніи малороссіянъ въ Закамскихъ земляхъ *возникла во время управленія Татищева Оренбургской экспедиціей*, когда нашли неудобнымъ допускать къ поселенію тамъ великороссійскихъ выходцевъ изъ крестьянъ, которыхъ охотно принимали Кириловъ и Татищевъ». Затѣмъ, на 386 стр. того же сочиненія авторъ по ошибкѣ печатнаго указа Полнаго Собранія Законовъ, куда оно попало по ошибкѣ рукописнаго донесенія, говоритъ, что число всѣхъ переселившихся семей было всего 209, въ которыхъ 849 записаны были въ казаки; между тѣмъ какъ по рукописному реестру, помѣщенному въ сенатскихъ дѣлахъ, количество семей оказывается 509, изъ среды коихъ 935 человѣкъ записано въ казаки. Наконецъ и самый выводъ почтеннаго автора, выражающійся въ словахъ: «опытъ заселенія малороссіянами Оренбургскихъ мѣстъ показалъ, что малороссіяне плохіе колонисты, что они далеко не обладаютъ тѣми качествами, которыя нужны поселенцамъ при занятіи земель въ краѣ, гдѣ нужно было въ одно и то же время пріобрѣтать себѣ хлѣбъ пашнею, промыслами, торговлею и быть всегда готовымъ встрѣтиться со врагомъ, т. е. способностью бороться съ препятствіями, умѣньемъ найтись въ затруднительныхъ обстоятельствахъ, способностью въ отдаленной и негостепріимной странѣ чувствовать себя какъ дома, качествами, которыми всегда отличалось Великороссійское племя».

Не сомнѣваясь и не оспаривая великихъ колонизаціонныхъ заслугъ великороссовъ, обнаруженныхъ въ заселеніи обширныхъ пустынныхъ пространствъ восточной Европы и сѣверной Азіи; признавая вполнѣ культурныя способности великорусской вѣтви, рельефно выразившіяся при созданіи и укрѣпленіи на востокѣ Европы великаго Русскаго государства, являющагося въ настоящее время едва ли не единственнымъ серьезнымъ политическимъ оплотомъ для обширной группы родственныхъ славянскихъ племенъ въ Европѣ, мы тѣмъ не менѣе должны сказать, что выводъ г. Өирсова относительно колонизаціонныхъ способностей малороссійской вѣтви слишкомъ поспѣшенъ и несправедливъ. Мы видѣли, что въ крупномъ фактѣ заселенія Илецкаго городка, давшаго импульсъ вопросу о колонизаціи Оренбургскаго края малороссіянами, малороссіяне оказались колонистами нисколько не хуже великороссовъ, мѣстные начальники въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ даже отдавали имъ преимущество предъ великороссами.

Что же касается неудачи второй эпохи въ колонизаціи, то мы видѣли

уже, что она всецѣло зависѣла отъ тѣхъ условій, при конхъ произошелъ выводъ матеріала для заселенія, видѣли, кто главнымъ образомъ принялъ участіе въ этомъ дѣлѣ. Если же принять во вниманіе, что наша Украйна или Малороссія издавна была въ сосѣдствѣ съ Крымомъ, гдѣ постоянно жили хищные татары, вторгавшіеся то и дѣло чрезъ Украйну въ предѣлы Россіи и Польши, что малороссіяне издавна стали выдѣлять изъ своей среды особыхъ людей, которые бороться съ татарами во имя отечества и религіи почитали своимъ общественнымъ призваніемъ, не покидая въ то же время и свои мирныя занятія, то очень трудно предположить, чтобъ эта вѣтвь русскаго племени могла серьезно затрудняться въ выдѣленіи отъ себя людей смѣлыхъ, отважныхъ и находчивыхъ въ борьбѣ съ опасностями, проистекавшими отъ сосѣдства со степью и ея хищными обитателями. По нашему мнѣнію, для этого только надо было умѣючи и съ толкомъ приняться за дѣло; тогда, быть можетъ, многіе изъ малороссійскихъ казаковъ, которые впослѣдствіи эмигрировали въ предѣлы Турціи, могли бы очутиться на отдаленной восточной окраинѣ Россіи, защищая своимъ умомъ и энергіею русскіе предѣлы отъ хищниковъ, не хуже Илецкихъ сотоварищей своихъ, продолжая такимъ образомъ миссію своихъ предковъ на родной Украйнѣ.

Изъ сказаннаго можно видѣть, какое серьезное значеніе для правильнаго научнаго вывода имѣетъ въ работѣ по новой русской исторіи архивный матеріалъ, ибо при повѣркѣ отрывочнаго печатнаго матеріала Полнаго Собранія Законовъ болѣе подробными рукописными документами уважаемый авторъ, по всей вѣроятности, не сдѣлалъ бы тѣхъ погрѣшностей, которыя имъ допущены, не смотря на добросовѣстность и основательность научныхъ пріемовъ въ его почтенномъ трудѣ.

Г. Перетятковичъ.

Одесса въ народной поэзіи.

А. И. Маркевича.

(посвящается маріи николаевнѣ поповой).

Край, лежащій на югѣ Россіи, былъ населенъ русскими племенами съ давняго времени, можетъ быть, раньше какой либо иной мѣстности; но нынѣ онъ зовется Новороссіей, т. е. Новой Россіей, чѣмъ обозначается какъ его сравнительно позднее вступленіе въ составъ Русскаго государства, такъ и новое движеніе въ этотъ край русской колонизаціи, въ значительной степени вытѣснившей расположившійся здѣсь инородческій элементъ. Впрочемъ, новые труды русскихъ ученыхъ доказываютъ, что даже въ самыя тяжелыя времена татарщины по крайней мѣрѣ сѣверная часть Новороссіи не лишена была русскаго населенія, которое въ иныхъ мѣстахъ выдвигало отъ себя далеко въ степь и къ морю ленты русскихъ поселеній.

Само собою понятно, что въ теченіи своей долгой совмѣстной жизни съ остальнымъ русскимъ народомъ русскія племена, населявшія нынѣшнюю Новороссію, жили умственною жизнью, общею со всею Русью и въ особенности съ тѣми племенами, къ которымъ они тѣсно примыкали по своему географическому положенію. Съ другой стороны колонизація Новороссійскаго края произошла главнымъ образомъ со стороны нынѣшней Малороссіи, почему и неудивительно, что народная литература Новороссійскаго края примыкаетъ къ южно-русской.

Этотъ фактъ хорошо знакомъ всѣмъ собирателямъ и изслѣдователямъ памятниковъ народной поэзіи. Пѣсни, сказки, вообще преданія, записанныя въ Елисаветградскомъ, Александрійскомъ, Верхнеднѣпровскомъ и другихъ уѣздахъ, насколько можно судить по тому, что напечатано, рѣшительно ничѣмъ не отличаются отъ пѣсенъ кіевщины или полтавщины [1]). Таковы же и памятники

---

[1]) См. множество памятниковъ народной поэзіи, напечатанныхъ въ Кіевской Старинѣ за все время ея существованія, т. е. съ 1882 по 1887 г., въ Извѣстіяхъ и Замѣткахъ—особенно Ястребовымъ и Манжурою, имѣющими цѣлые сборники памятниковъ народной поэзіи Новороссійскаго края.

народной поэзіи, записанные у русскаго населенія Бессарабской губерніи. Мнѣ приходилось записывать пѣсни, которыя поютъ въ предмѣстіяхъ г. Одессы, особенно на окраинахъ такъ наз. Молдованки — это самыя обычныя южно-русскія пѣсни [2]). Я наблюдалъ и сходство обрядовъ, напр. я видѣлъ подъ Одессою хороводъ, видѣлъ на улицахъ одесскихъ предмѣстій прыганье черезъ огонь въ ночь на Ивана Купала. Впрочемъ, это все обряды и общерусскіе, почему они могутъ соблюдаться въ Одессѣ и не одними малороссіянами. Пѣсни же своимъ языкомъ вполнѣ выдаютъ свое малорусское происхожденіе.

Если кому покажется страннымъ, что въ томъ городѣ, который всегда считался въ Россіи городомъ не русскимъ, сохраняется русская народная поэзія, то мы можемъ сказать, что инородческій элементъ г. Одессы вовсе не великъ, сравнительно со всѣмъ числомъ ея населенія. Онъ, можетъ быть, больше, чѣмъ въ иныхъ русскихъ городахъ, да и то еще вопросъ. Онъ въ Одессѣ больше на показъ, ибо занимаетъ центральныя части города; но болѣе обширныя, чѣмъ самый городъ, одесскія предмѣстья почти всплошь заселены русскими, что особенно рельефно замѣчается по спискамъ домовладѣльцевъ, повторяющимъ въ безконечномъ числѣ обычныя малороссійскія фамиліи, или вѣрнѣе

---

[2]) Имѣемъ малорусскія пѣсни, записанныя въ началѣ 1888 г. г-жами А. С. Геккеръ и М. С. Гуковскою въ Одессѣ; первая записала отъ горничной, одесской дворянки, слѣдующія пѣсни: 1) Сидить голуб на березі, голубка на вишні; 2) Та вчадився журавель, журавель; 3) Ой, спать мені не хочется; 4) Діду мій, світе мій; 5) У сосіда хата біла; 6) Хилилися густи лози; 7) Підмовляла дівчина; 8) Чоловікъ сіе жито; 9) Ой у полі могила; 10) Дідъ рудий, баба руда; 11) Ой ти, дівчино, горда та пишна; 12) Ворскла річка невеличка; 13) Дівчино, кохана, здорова була; 14) Ой вжеж чумак дочумакувався и 15) Болить моя головонька. Г-жею Гуковскою записаны тоже отъ горничной, одесской мѣщанки, слѣдующія пѣсни: 1) Повій вітре в ту краіну; 2) Ой в долини вітер віе; 3) Ой на горі ячмень; 4) Лугом иду, коня веду, и 5) и 6) два русскихъ романса, не безъ малороссизмовъ, первый романсъ сентиментальный, второй патетическій и, вѣроятно, херсонскаго или екатеринославскаго происхожденія, ибо разсказывается о двухъ дѣвушкахъ, утонувшихъ въ Днѣпрѣ, послѣ гулянья на островѣ. Всѣ исчисленныя выше малорусскія пѣсни мы и сами не разъ слыхали и записывали въ Одессѣ, причемъ онѣ, какъ прежде, такъ и въ 1888 г., оказывались сходны съ уже напечатанными, представляя лишь въ рѣдкихъ случаяхъ какіе либо значительные варіанты. Извѣстная малорусская пѣсня: Ой зійди, зійди, ясен місяцю! записана была учителемъ Зайкевичемъ въ Одессѣ (Сборникъ Лысенка, вып. 2-й). См. также пѣсни, записанныя въ Одесскомъ уѣздѣ, напечатанныя въ малорусскомъ сборникѣ Нива. Въ Кіевской Старинѣ 1885 г. № 10, стр. 353 и д. приведены записанные въ Одессѣ же народные разсказы; они не только малорусскіе, но и общерусскіе; напр. Злодні (см. нѣсколько варіантовъ въ сборникѣ Чубинскаго)—это извѣстная сказка «Двѣ доли»; ср. въ сборн. Чубинскаго I, вып. 1, стр. 125 записанные В. Ал. Яковлевымъ заговоры, совершенно сходные съ иными малорусскими, напечатанными у Чубинскаго жъ. Одесскій балаганный Ванька Ру-тю-тю есть общерусскій Петрушка.

прозвища [1]); о рабочемъ же элементѣ г. Одессы и говорить нечего, — онъ совершенно южно-русскій [2]).

Если Одесса по большинству своего населенія имѣетъ южно-русскій характеръ, то о другихъ поселеніяхъ Новороссіи, кромѣ какихъ либо спеціально иностранныхъ колоній, нечего и говорить. Этимъ вполнѣ объясняется и малорусскій характеръ народной литературы Новороссійскаго края. Можетъ быть, и даже весьма вѣроятно, изслѣдователямъ народной жизни Новороссіи удастся современемъ открыть спеціально мѣстные мотивы въ ея народной поэзіи, но пока они, повидимому, еще не опредѣлились [3]).

Было бы не основательно считать мѣстнымъ новороссійскимъ эпосомъ запорожскія пѣсни [4]), которыя создались при условіи тѣснаго единенія Запорожья съ остальною Малороссіей, отражаютъ общую ихъ исторію и поются вездѣ, гдѣ живутъ малороссы — отъ Кракова до Кавказа.

Поется въ Новороссіи обширный эпосъ о борьбѣ съ Ордою — поется онъ и по всей Малороссіи; народные герои Малороссіи въ родѣ Палія или дѣятелей гайдамачины занимаютъ большое мѣсто и въ преданіяхъ Новороссійскаго края.

Но неужели измѣненіе положенія Новороссійскаго края съ конца XVIII вѣка совершенно не отразилось въ южно-русской народной литературѣ? По присоединеніи къ Россіи, пынѣшній Новороссійскій край получилъ много новыхъ впечатлѣній, и, если новые переселенцы южной Россіи принесли сюда и южно-русскую литературу, то неужели же южно-русскій народъ не создалъ чего нибудь новаго, въ чемъ бы отразились эти новыя для южной Руси условія жизни?

Едва ли не самымъ характеристичнымъ событіемъ въ жизни Новороссіи съ конца XVIII вѣка было появленіе въ ней большихъ торговыхъ городовъ. Херсонъ, Николаевъ, Одесса, Ростовъ-на-Дону, обновившійся Таганрогъ стали болѣе притягивать русское населеніе, чѣмъ прежніе торговые центры: Азовъ, Карасубазаръ, или Бендеры. Понятно, что новые города тотчасъ же нашли себѣ мѣсто въ народной поэзіи, что особенно замѣтно, напримѣръ, въ чумацкихъ пѣсняхъ.

Изъ этихъ городовъ довольно скоро выдвинулась Одесса, и въ пѣсняхъ всей Малороссіи она встрѣчается чаще прочихъ новыхъ городовъ; при чемъ

---

[1]) См. еще статьи о населеніи г. Одессы И. Пантюхова въ «Одесскомъ Вѣстникѣ» 1885 г., хотя самъ авторъ нѣсколько иначе смотритъ на этотъ вопросъ. Въ составѣ первоначальнаго населенія Одессы вошло много запорожцевъ, см. Скальковскій Исторія Новой Сѣчи, изд. 3, т. III, стр. 196 и 210; они сидѣли около Хаджибея уже въ 1775 г.

[2]) См. новѣйшее впечатлѣніе отъ г. Одессы—Экономическій журналъ 1887 г. № 8—9, Одесса, ст. А. С. стр. 78.

[3]) См. напр. драматическія произведенія Кропивницкаго, изображающія новороссійскій, а въ сущности южнорусскій бытъ.

[4]) Нѣкоторыя изъ нихъ записаны А. А. Скальковскимъ подъ Одессою, см. Ист. Нов. Сѣчи III, 209 и далѣе.

она, по сужденію народа, какъ сейчасъ увидимъ, создала и новыя черты народной жизни.

Предшественникъ Одессы — Хаджибей, кажется, совсѣмъ не нашелъ себѣ мѣста въ народной поэзіи [1]). Можетъ быть это объясняется незначительностью самаго поселенія, а можетъ быть и тѣми извѣстными мѣрами, которыя приняты были одесской администраціей, чтобы народъ забылъ о Хаджибеѣ и помнилъ лишь Одессу: пріѣзжающихъ въ Одессу крестьянъ сѣкли, если они на вопросъ лицъ, находящихся на заставахъ — куда они ѣдутъ? отвѣчали: въ Хаджибей, — и при сѣченіи приговаривали: въ Одессу, въ Одессу, въ Одессу! [2]).

Ниже я приведу много народныхъ отзывовъ объ Одессѣ, взятыхъ какъ изъ пѣсенъ уже напечатанныхъ, такъ и находящихся въ моемъ рукописномъ собраніи. Очень можетъ быть, что даже не весь печатный матеріалъ мною и исчерпанъ, такъ какъ нѣкоторыхъ изданій пѣсенъ я не имѣлъ подъ руками.

Любопытно, что Одесса встрѣчается въ народныхъ пѣсняхъ на всемъ протяженіи Малой Россіи, не исключая даже Галиціи, хотя Галиція политически была оторвана отъ русскаго народа раньше основанія г. Одессы. Но этотъ фактъ нисколько не удивитъ знатоковъ народной поэзіи, такъ какъ сознаніе народнаго единства сильнѣе какихъ либо искусственныхъ внѣшнихъ перегородокъ.

Черты, которыми отразилась Одесса въ народной поэзіи, можно обозначить и a priori, зная ея бытовую исторію. Въ Одессу идутъ чумаки за солью, добываемою изъ одесскихъ лимановъ. Впрочемъ, чумацкое движеніе въ одесскій періодъ Новороссійскаго края было уже на исходѣ [3]), и въ Одессу больше ѣздили для перевозки ея товаровъ извощики, такъ наз. хурщики [4]). Затѣмъ въ Одессу, какъ и вообще въ Новороссійскій край, бѣгутъ на житье люди, которымъ почему либо нельзя, тѣсно жить на родинѣ, напримѣръ, бѣгутъ крестьяне отъ тяжелой работы на пана [5]) и т. п. Городъ Одесса веселый, можно

---

[1]) Есть впрочемъ легенды о взятіи Ходжибея—см. Р. Стар. 1886 г. № 10, стр. 84. Объ участіи во взятіи Хаджибея запорожцевъ см. Скальковскій op. cit. 210—211.

[2]) Передано намъ образованнымъ одесситомъ, какъ издавна существовавшее преданіе. Народъ знаетъ впрочемъ Хаджибейскій лиманъ, часто называя его Кочубеевскимъ.

[3]) Добываніе казаками соли у Хаджибея имѣетъ свою исторію; за соль казаки въ XVI в. дрались здѣсь съ татарами (Кулишъ Истор. возсоед. Руси I, стр. 179).

[4]) См. превосходное описаніе такихъ поѣздокъ, сдѣланное бывшимъ хурщикомъ, въ Кіевской Старинѣ 1887 г. № 12, стр. 734—741; видно, что еще въ 30-хъ годахъ XIX в. путь былъ далеко не безопасенъ, см. ниже. Примѣръ договора съ фурщикомъ см. въ сборникѣ Чубинскаго VI, стр. 363.

[5]) Что въ Одессу бѣжало много крѣпостныхъ, имѣемъ достаточно указаній; см. Орловъ Историч. очеркъ Одессы стр. 15; мы подобрали нѣсколько указаній на случаи

тутъ не только покутить, но и совсѣмъ прокутиться, можно даже свихнуться и погибнуть, или стать разбойникомъ. Вотъ тѣ мотивы, которые являются по поводу Одессы въ народной поэзіи.

Внѣшній видъ Одессы, повидимому, мало отразился въ народной поэзіи, если не считать пословицы: «Кто въ Одессѣ не бывалъ, тотъ и пыли не видалъ», которая хотя и приведена у Худякова за народную, но скорѣе уже дѣланная и отражаетъ тотъ, нѣсколько устарѣлый взглядъ русскаго общества на Одессу, который нашелъ себѣ мѣсто въ извѣстныхъ строкахъ Евгенія Онѣгина.

Впрочемъ, я знаю начало одной пѣсни о внѣшнемъ видѣ г. Одессы; лицо, мнѣ ее сообщившее [1]), читало ее лѣтъ 15 назадъ въ какомъ-то печатномъ лубочномъ сборникѣ стихотвореній и продиктовало мнѣ ее уже на память, не ручаясь за строгую точность; я же самъ пока этого сборника не нашелъ. Вотъ это начало:

Городъ Одес стоить браво
Коло моря на горі,
И на ліво и на право
По улицям горять лихтарі.
Видко въ ночі чумаку
Де сіна купити,
Рожків, сухарів, табаку
И водки випити.

Еще было строчекъ двѣнадцать.

Въ этой пѣснѣ внѣшность Одессы кажется достаточно привлекательною, но мнѣ разсказывалъ А. Ст. Лашкевичъ (нынѣ редакторъ журнала «Кіевская Старина»), что крестьяне, переселенные помѣщичьимъ капризомъ въ Теофильполь (Балтскаго уѣзда) и тамъ надѣленные гораздо лучшими усадьбами, очень желали вернуться на прежнія убогія мѣста, объясняя свое желаніе тѣмъ, что

бѣгства въ г. Одессу изъ мѣстъ, сравнительно довольно отдаленныхъ отъ нея (напр. изъ подъ Москвы—Русск. Стар. 1887 г. № 10, стр. 135): не приводимъ ихъ болѣе, такъ какъ это общеизвѣстно; см. развѣ обстоятельный разсказъ И. Горбунова Изъ деревни въ Нов. Времени за 1885 г. № 3530 (Дѣло о Фокѣ), составленный очевидно на основаніи дѣйствительно попавшихъ въ руки автора документовъ: только онъ передѣлалъ фамиліи. Въ извѣстномъ разсказѣ гр. Л. Толстого Поликушка крестьянинъ, имѣя при себѣ чужія деньги, разсуждаетъ, что онъ можетъ съ ними убѣжать въ Одессу. Тѣмъ болѣе бѣжали крестьяне отъ польскихъ помѣщиковъ; паны посылали подъ Одессу ловить своихъ подданныхъ, причемъ бывало, что такихъ ищущихъ лицъ гдѣ-либо, напр. на Тилигулѣ, и рѣзали—Кіевская Старина 1886 г. № 5, стр. 121.

[1]) Мой бывшій ученикъ Ферд. Ф. Шоффа.

«тожъ таки батькивщина, а се (Теофильполь) друга Одесса!» и объясняли, что имъ не нравится ровность мѣста для усадебъ и ихъ прямолинейность. Можно думать, что здѣсь сказалось и вообще недовольство Одессою, о которомъ смотри ниже.

Замѣтимъ кстати, что народъ называетъ нашъ городъ не только Одесса, но и Одесъ, Одестъ, Адесъ, Гадесъ, Адестъ, Адеста, даже во множественномъ числѣ: Адессы. Употребительнѣе всего названіе мужескаго рода — Адесъ, которое до нѣкоторой степени усвоено и культурнымъ классомъ въ Новороссійскомъ краѣ, гдѣ нерѣдко можно услышать, напр., выраженіе: нашъ Одессъ.

Затѣмъ, какія еще впечатлѣнія получалъ народъ отъ Одессы?

Извѣстно, что сохранилось очень много чумацкихъ пѣсенъ. Онѣ изданы г. Рудченкомъ [1]), и между ними есть и такія, которыя говорятъ о движеніи чумаковъ въ Одессу. Такъ какъ всѣ чумацкія пѣсни довольно однообразны, и мѣстныхъ одесскихъ чертъ въ нихъ нѣтъ, то я укажу лишь на одну, находящуюся у меня рукописную пѣсню [2]), изъ которой видно особенное стремленіе въ Одессу чумаковъ, бросавшихъ изъ за этого даже свое хозяйство:

Насіяли, нагорали,
Нікому збірати, —
Пошли наши чумаченьки
У Гадес гуляти.

Ходятъ чумаки въ Одессу постоянно. Въ чумацкихъ пѣсняхъ часто говорится о чумакѣ, что онъ работалъ в Одесі пять (по другому варіанту семь) лѣтъ.

Предметомъ для чумачества въ Одессу является лиманная соль. Въ приведенной чумацкой пѣснѣ встрѣчаемъ такія строфы:

Годі, годі, чумаченько,
Все пити, гуляти,
Займай воли до лиману
Солі набірати.
Молоденькій чумаченько
Солі набірае,
Чорнявая дівчинонька
Тай з ним розмовляе.
Ой за горі, за крутоі

---

[1]) Чумацкія народныя пѣсни. Кіевъ, 1874 г.

[2]) Записана бывшею моею ученицею М. Н. Поповою въ Немировѣ въ 1880-хъ годахъ.

Вітрець повівае,
Молоденькій чумаченько
Тай сіль приставляе.
Вози риплять, ярма скриплять,
Воли выринкують.
Попереду чумаченько
Тай выгукуе.
На тім боци, на толоці,
На турецкім полі
Тамъ вывернув чумаченько
Штирі вози солі.

Пѣсенъ объ отвозѣ въ Одессу хлѣба мнѣ не попадалось, лишь въ одной чумацкой пѣснѣ [1]) говорится:

Косіть, хлопці, и овес —
Поідемо у Одес.

Но, кажется, здѣсь Одес находится лишь для риемы къ слову овес.

Мы сказали выше, что путь въ Одессу былъ не всегда безопасенъ; вотъ что разсказываетъ одна редакція довольно популярной чумацкой пѣсни:

У неділю рано, як сонечко сходить,
Ой щось наш атаман невеселій ходить,
Ой він ходить, білі руки ломить,
И словечка не промовить.
Гей, запрягайте ви сиви воли
Та поідемъ до Одесси. —
Нові вози риплять, дорогою йдучи,
Сірі воли рогами махають. —
Гей, як пріидем к зеленому гаю,
То тут будем ночувати.
Изъ-за гаю, гаю, зеленого гаю
Розбійничок виізжае.
Ой виізжае, сивим конем грае,
До табора привертае.
Ов ви, хлопці, ви, добрі молодці,
А де вашъ отаман?
Ой наш отаман сидить між повими,

[1]) Часто встрѣчается, напр. въ Сборникѣ Коцюпинского стр. 44.

На віз нахилився,
Слизоньками вмився:
Ой, через свою дурную волю
Пропадаю в чистому полю [1]).

Любопытно, что въ чумацкихъ разсказахъ объ Одессѣ постоянно встрѣчаются жалобы на то, что лицъ, привозящихъ хлѣбъ въ Одессу, здѣсь обманываютъ, особенно евреи [2]); жалобы эти благополучно доходятъ и до нашего времени.

Положеніе извощиковъ—хурщиковъ вообще не пользуется въ народѣ расположеніемъ, можетъ быть потому, что приходилось быть большею частью «наймытомъ» на чужихъ хурахъ; такъ въ одной пѣснѣ объ Одессѣ, которую я приведу ниже, разорившійся въ Одессѣ чумакъ говоритъ:

Або піду утоплюся.
Або де до хур наімуся,
Буду чужи волі гнати,
Бо хочу чумаковати.

Такимъ образомъ страсть къ чумачеству оказывается настолько сильною, что скрашиваетъ положеніе хурщика.

Что же именно тянуло народъ въ Одессу?

Многія пѣсни говорятъ о томъ, что бѣгутъ въ Одессу люди, которымъ плохо живется на родинѣ, и такія пѣсни записаны были даже въ Галиціи. Изъ одной пѣсни [3]) эти причины становятся особенно ясны:

А в Одесі добре жити,
Мішком хліба не носити,
На паньщину не ходити,
Подушного не платити,
Ні за плугом, ні за ралом,
Називають мене паном!

Пѣсня эта, распространенная по всей Малороссіи, представляетъ въ сущности передѣлку общеизвѣстной пѣсни: На Вкраіні добре жити. Повторяю, что она очень рельефно рисуетъ тѣ причины, отъ которыхъ вообще уходилъ малорусскій народъ съ роднаго мѣста.

---

[1]) Чубинскій, т. V. стр. 1051; пѣсня записана И. П. Новицкимъ, кажется, въ правобережной Малороссіи.

[2]) См. напр. Кіевская Старина 1887 г. № 12, стр. 741 и далѣе.

[3]) Рудченко, стр. 117.

Изъ начала этой пѣсни видно, что послѣднимъ поводомъ для ухода въ Одессу была потеря семьи. Семья часто, не смотря на всѣ невзгоды, могла привязать человѣка къ родинѣ: убѣгать съ семьею было слишкомъ трудно, убѣгать безъ семьи — жалко. А, если человѣкъ лишался семьи, то уже ничто не привязывало его къ родному мѣстѣ, и онъ бѣжалъ.

Теперь в мене нема жінки,

говоритъ крестьянинъ въ этой пѣснѣ:

В кого жінка, в кого діти,
Тому в Польщі (т. е. въ правобережной Украинѣ) [1]) добре жіти,
А я жіночкі не маю,—
Я въ Одесі прогуляю.

Такъ какъ въ приведенной выше пѣснѣ является ожиданіе, что бѣжавшій окажется въ Одессѣ паномъ, поэтому онъ и думаетъ, что онъ не будетъ носить въ Одессѣ мѣшкомъ хлѣба; но для рабочаго класса г. Одессы это очень обычное, хотя и страшно изнурительное занятіе — ношеніе мѣшками хлѣба въ магазины, иногда на весьма значительную высоту.

Интересно, что простой крестьянинъ ожидаетъ стать въ Одессѣ паномъ, подразумѣвается, при условіи обезпеченнаго состоянія, избавляющаго отъ необходимости работать. Черта типическая, такъ какъ паномъ въ Одессѣ всегда былъ лишь человѣкъ состоятельный, независимо отъ его происхожденія и прежней жизни [2]).

---

[1]) Какъ упорно держатся въ народѣ названія; мнѣ пришлось, бывши присяжнымъ, слышать показаніе свидѣтеля, жителя одесскаго хутора, что онъ былъ отправленъ въ Польшу за картофелемъ; оказалось въ дѣйствительности, что онъ ѣздилъ всего верстъ за 50 отъ Одессы въ Херсонскую губернію, но лишь за линію юго-запад. желѣзн. дороги.

[2]) См. Орловъ, Очеркъ исторіи Одессы, стр. 15—16: бѣглые въ Одессу во время ревизіи записывались не только въ мѣщанство, но и въ купечество; какимъ купцомъ былъ въ началѣ XIX в. В. П. Овчинниковъ; см. и въ цитированномъ разсказѣ Горбунова очень типичное письмо бѣглаго Фоки. Спасались въ Одессу и преступники, изъ коихъ многіе были первыми поселенцами въ Одессѣ и потомъ здѣсь разбогатѣли; въ Одессу бѣжали преступники и западно-европейскіе; таковы, по преданію, были предки Иснаровъ (Жирондистъ?) и Замбрини. Особенно много бѣжало сюда дѣлателей фальшивыхъ ассигнацій (Орловъ стр. 23). Не здѣсь ли надо искать источникъ преданій, что какой либо одесскій богачъ, котораго еще знали далеко не богатымъ человѣкомъ, разбогатѣлъ дѣланіемъ фальшивыхъ ассигнацій, или провозомъ ихъ особымъ образомъ въ каретѣ? Подобные разсказы встрѣчаются и въ другихъ городахъ Россіи, напр. мнѣ извѣстны такіе же московскіе. Иныя лица, по преданію, разбогатѣли контрабанднымъ провозомъ товаровъ, о чемъ существуетъ особый циклъ легендъ, такъ сказать таможенныхъ, но обычныхъ. Объ иныхъ уважаемыхъ нынѣ одесситахъ сообщаются преданія, что отцы ихъ разбогатѣли пиратствомъ (тоже слышалъ я въ Таганрогѣ, преимущественно о богатыхъ грекахъ), или какимъ ни-

Приведенная выше пѣсня, хоть отрицательнымъ образомъ, но указываетъ на главное условіе, по крайней мѣрѣ по настоящее время, одесской жизни—торговлю. Дѣйствительно зерновые продукты и въ особенности пшеница имѣли въ Одессѣ огромное значеніе. Много разъ я самъ слыхалъ, что пріѣзжавшіе въ Одессу называли ее въ видѣ брани или насмѣшки пшеничнымъ городомъ. Такое представленіе объ Одессѣ существуетъ и въ народѣ, по крайней мѣрѣ извѣстный ученый Д. И. Мейеръ слышалъ въ народѣ поговорку: «Одесса пшеницею управляется» [1]).

Уходятъ въ Одессу и отъ другихъ причинъ. Козакъ, обезславившій дѣвушку и не желающій на ней жениться, иронически говоритъ ей:

Тепер же ти ні дівка, ні жінка,
Тепер тобі Адеська мандрівка! [2])

Очевидно для такой дѣвушки лучшая доля — идти въ ту Одессу, которая составляетъ центръ такъ называемой невѣнчанной (Херсонской) губерніи.

Вольные нравы этой невѣнчанной губерніи и въ частности г. Одессы достаточно общеизвѣстны. Дѣвушка, отправляющаяся изъ села жить въ Одессу, считается на селѣ потерянною.

Мнѣ приходилось по селамъ (напр. въ Ананьевскомъ уѣздѣ) слышать разсказы, можетъ быть основанные на единичныхъ дѣйствительныхъ фактахъ, но уже обратившіеся въ общенародныя преданія, что какая либо дѣвушка пошла въ Одессу въ услуженіе и тамъ исчезла безъ вѣсти. Вдругъ мать (или сестра, или тетка) встрѣчаетъ ее на улицѣ (даже именно на Соборной площади) разодѣтою, какъ барыня, и т. п.; но встрѣченная дѣвушка уже не узнаетъ своихъ родныхъ. Иногда, впрочемъ, такая дѣвушка находитъ счастье въ Одессѣ — выходитъ замужъ за богача и пр.; но подобные разсказы сложились не только объ Одессѣ, но вообще о большихъ городахъ [3]).

будь мелкимъ занятіемъ, напр. продажею апельсиновъ и т. п. Иногда пріобрѣтеніе богатства въ Одессѣ является по народнымъ представленіямъ дѣломъ волшебства (см. у Горбунова l. c. и также ниже разсказъ о Гармизонѣ), иногда результатомъ удачной любви; см. Кіев. Стар. 1885, № 2, стр. 261, крестьянинъ воображаетъ себя то влюбленнымъ въ какую-то бурлачку, то разбогатѣвшимъ по милости влюбившейся въ него одесской купчихи; послѣдняя черта является типичною въ народныхъ разсказахъ. Женщины въ Одессѣ богатѣютъ тоже разными, иногда своеобразными, способами, напр. открытіемъ особаго рода модныхъ магазиновъ.

[1]) Юридич. Сбор. Казань 1855, Д. Мейеръ Юридич. изслѣдованія относ. торг. быта Одессы, стр. 450.

[2]) Народни українські пісні зібр. О. Гулакъ Артемовскимъ, изд. 2, стр 22.

[3]) Ср. вопросъ бабъ-бродягъ у Левицкаго (Баба Параска да баба Палажка К. 1887, стр. 38): Чи й загранницею тягалася, волоцюго, чи тілько по Одесі старців водила? Также въ Кіев. Стар. 1887. № 12, стр. 729,—разсказъ о бѣгствѣ женщины подъ Одессу и возвращеніи на родину.

Легкость нравовъ г. Одессы отразилась и на ея простомъ населеніи. Я приведу въ примѣръ пѣсню, хотя дошедшую въ значительно испорченномъ видѣ, но особенно интересную потому, что она записана около самой Одессы въ сел. Дальникѣ [2]); она рисуетъ и легкость нравовъ и трагическія зачастую послѣдствія:

Ой у городи та Одесі
Новая лу́на:
Ой там же то дівчинонька
Дитя родила,
Та не пустила на світ Божій—
В морі втопила.
Ой рибалоньки тягли невід
З пізночі до дня,
Та не піймали щуки риби—
Піймали лиця;
Роздивилися, розсмотрилися:
Малее дитя!
Узяли дитя, узяли мале
На біли руки,
Понесли дитя, понесли мале
На казенній двір.
Ой ударили, та ударили
В большой колокол;
Созови, созови, наш атамане,
Весь дівчачій кол.
Ой которая дівчинонька
Дитя родила,
Та не пустила на світ Божій —
В морі втопила?
У неділеньку та ранесенько
Всі дзвони ревуть;
Ой тую же дівчиноньку
Під наказ ведуть.
А за нею мати, а за нею стара
Плаче – ридае.

---

[2]) Н. Ф. Бордоносомъ отъ крестьянина Березны. Варіанты этой пѣсни, хотя довольно отдаленные и безъ упоминанія объ Одессѣ, записанные въ Галиціи, есть въ Сборникѣ Головацкаго I, стр. 54 и III, стр. 26. Отдѣльныя мѣста изъ этой пѣсни попадаются часто. С. Дальникъ, какъ увидимъ ниже, пользуется въ Одессѣ очень дурною славою.

Ой не плачь, мати, ой не плачь, стара,
Бо в тебе ще пьять,
Та не пускай іх на досвітки
По довгу гулять.

Послѣдній отзывъ о досвіткахъ встрѣчается и вообще въ малорусской поэзіи.

Замѣтимъ кстати, по поводу этой пѣсни, что хотя выраженіе «дівчачій кол» намъ въ пѣсняхъ болѣе и не попадалось, но оно вполнѣ соотвѣтствуетъ дѣйствительности: Извѣстно, что по селамъ честне дівоцтво (подобно славному парубоцтву) составляетъ особое общество, кругъ, колъ, съ особыми правилами, соблюденіе которыхъ требуется весьма строго.

Одесскія замужнія женщины тоже по народному представленію отличаются легкостью нрава. Мнѣ извѣстенъ русскій quasi — романсъ, очень нелѣпый, впрочемъ, сложившійся не болѣе 2—3 лѣтъ назадъ и распѣваемый на мельницахъ за Большимъ вокзаломъ; въ романсѣ этомъ мужъ убѣдительно проситъ кузнеца сковать ему цѣпь, чтобы приковать къ постели молодую жену; жена эта:

Она къ любови такъ чутка,
Она бы вышла за ворота —
Но цѣпь тяжола, коротка.

Прозаическихъ разсказовъ о невѣрности одесскихъ женъ извѣстно много.

Приводимъ еще одинъ примѣръ бѣгства въ Одессу по находящейся у насъ рукописной комической пѣснѣ [1]). Разсказывается въ пѣснѣ, что купили порося и стали приготовлять его къ Свѣтлому Празднику; привязали ланцугомъ въ печи, всунули въ зубы обычный хрѣнъ и начали смалить; вдругъ порося срывается и удираетъ — въ Одессу!

Як сказав піп: Хрістос воскрес!
Порвало порося ланцух увесь,
Втікло ж воно під Гадес,
Понесло в зубах хрін увесь.

Очевидно и порося знаетъ, гдѣ ему искать воли.

Чѣмъ же привлекала къ себѣ Одесса?

Одинъ отвѣтъ мы уже видѣли; тамъ, въ Одессѣ:

На паньщину не ходити,
Подушного не платити,
Ні за плугом, ні за ралом,
Називають мене паном!

[1]) Записанной М. Н. Поповою въ Немировѣ въ 1880-хъ годахъ.

Но въ Одессѣ имѣются положительныя достоинства. Тамъ легко можно разбогатѣть [1]). Прежде мнѣ случалось слышать, какъ народъ отзывался о лицахъ, разбогатѣвшихъ чумачествомъ: еге! вони мабуть були въ Одесі. Въ народныхъ представленіяхъ Украины Одесса именно рисуется какимъ то раемъ [2]), не говоря уже о томъ, что какъ мы видѣли, въ Одессу чумаки уходятъ пить и гулять [3]). У меня есть слѣдующій варіантъ пѣсни: А в Гадесі добре жити [4]):

А в Гадесі добре жити:
Е що істи, пити,
Чорнявую дівчинопьку
За ручку водити.

Обращаемъ вниманіе опять на типическую черту: дівчина въ Одессѣ по всѣмъ пѣснямъ непремѣнно чорнявая. Одесситамъ давно извѣстно, да и пріѣзжіе легко замѣчаютъ, что господствующій типъ въ одесскомъ населеніи именно чернявый.

Одесскія женщины могли заставить пришлеца, напр. чумака, забыть о любящей его на родинѣ дѣвушкѣ; приведемъ въ примѣръ пѣсню изъ своего собранія [5]):

Ой любів козак дівчинопьку,
Та пішов до Гадеси:
Рости, рости, дівчинопько,
До другої весни.
Росла, росла дівчинопька,
На станочку стала,
Ждала, ждала козаченька,
Тай плакати стала.
Повій, повій, буйнесенькій,
Съ глибокого яру,
Прибудь, прибудь, мій миленькій,

---

[1]) См. выше стр. 405, примѣчаніе 2.

[2]) Имѣемъ напр. указаніе (Р. Арх. 1885 г. № 5 стр. 150), что жители одного села Михайлова Новооскольскаго уѣзда Курской губерніи ходили въ Одессу продавать сапоги и продавали таковыхъ на 9000 р. с.

[3]) Такое же представленіе объ Одессѣ, какъ пріятномъ, дешевомъ и т. д. городѣ (когда здѣсь было портофранко), существовало и въ культурныхъ классахъ русскаго общества; таковы напр. были, судя по воспоминаніямъ моего дѣтства, представленія объ Одессѣ въ полтавщинѣ; ср. Вѣстн. Евр. 1886 г. № 3 Пыпинъ, стр. 309 и д. свѣтлыя воспоминанія объ Одессѣ, даже о ея природѣ польскаго эмигранта Яворскаго.

[4]) Записанъ М. Н. Поповою въ Немировѣ въ 1880 годахъ.

[5]) Записана въ 1880-хъ годахъ въ с. Игнатковѣ, Ямпольскаго уѣзда, Подольск. губ.

З далекого краю.
Ой рад бы я повіяти,
Коли яр глибокій;
Ой рад бы я прибувати,
Коли край далекій.
Хилитеся, густі лози,
Звітки витер віе,
Дивитеся, чорні гочі,
Звітки милій іде.
Хилилися густі лози,
А вжей перестали;
Дивилися чорні гочі,
Тай плакати стали.
Не велика поляночка—
Тай густо копиці,
Утратив я щастя—долю
Черезъ молодиці;
Утратив я щастя—долю,
Утратив я весну,
Утратив я дівчиноньку,
Лишь у долоні сплеснув.

Вообще Одесса любезно принимаетъ приходящихъ къ ней.

Въ одной изъ пѣсенъ[1]) дается совѣтъ по случаю голода уходить въ Одессу:

А въ Адесах рідна мать,
Не дасть же нам загибать.

Однако удовольствія одесской жизни обходятся не дешево; въ Одессѣ можно оставить всѣ свои деньги:

Ой іхав я до Адесі
Та мав грошей два чересі,
А з Адесі повертаю—
Ні копіечкі не маю[2]).

Можно даже разориться въ Одессѣ, погибнуть.

---

[1]) Собственно солдатская, часто встрѣчается; есть и въ моемъ собраніи.

[2]) Рудченко, стр. 123.

Хлопець жалуется, что его дівчина:

И любіла, и кохала,
Покіль Одеса пріяла;
Тепер любить богатого,
Мене мина нещастного.
Ой, Одеса, моя мила,
Що ти мені поробила!
С хозяина—пьяницею,
Гулякою, бурлакою...[1])

Даже богатство, нажитое въ Одессѣ, идетъ не въ прокъ; чумакъ тѣ деньги,

Що в Одесі
За сім рокив заробив,—
А в Полтаві зробив славу,
За дві ярмарки пропив[2]).

Разорившемуся въ Одессѣ, мы видѣли, приходится или утопиться, или наняться къ чужимъ людямъ; но Одесса можетъ научить и грабежу. Въ той пѣснѣ объ Одессѣ, которую я уже не разъ цитировалъ[3]), чумака научаетъ разбою одесская чернявая дівчина; она говоритъ ему:

Годі, годі, чумаченьку,
Під возом лежати,

и сперва предлагаетъ жать пшеницу, косить траву, отъ чего чумакъ, уже избалованный одесскою жизнью, съ презрѣніемъ отказывается:

Бодай же ти, дівчинонько,
Цёго не діждала,
А щоб моя біла ручка
Пшениченьку жала
(Травиченьку тяла).

Тогда дівчина предлагаетъ ему:

Бери бучі, тай йди в корчі
Людей розбивати.

---

[1]) Тоже, стр. 128.

[2]) Тоже, стр. 237.

[3]) См. выше стр. 403, примѣч. 2.

Чумакъ отвѣчаетъ:

Бодай же ти, дівчинонько,
На світі прожила,
Що ти мене молодого
Робити навчила [1]).

Впрочемъ, такія черты одесской жизни объясняются прежнею близостью къ ней границы; не даромъ въ народныхъ южно-русскихъ преданіяхъ еще болѣе близкая къ границѣ Бессарабія является классическою страною разбоя [2]).

Наконецъ, чумакъ можетъ въ Одессѣ и умереть, и на родину возвращается лишь его тѣло; по одной пѣснѣ:

Гей помер чумак, помер молоденькій
У Гадесі на ринку;
Гей везуть его, хлопця молодого,
Як ту зъялину рибку.
Дівчина вчула, тяженько зітхнула,
Жалобно заплакала:
Гей видан везуть того чумаченька,
Що я й вірно кохала [3]).

Еще одно любопытное представленіе объ Одессѣ встрѣтилось намъ въ глухой деревушкѣ Ананьевскаго уѣзда,—какъ о мѣстѣ, гдѣ можно добиться правды, хоть нѣсколько и оригинальнымъ путемъ: одинъ крестьянинъ совѣтывалъ другому, обиженному помѣщикомъ и сѣтовавшему, кому ему жаловаться, идти въ Одессу, подать прошеніе консулу; консулъ отдастъ прошеніе на пароходъ, оно кругомъ свѣта обойдетъ и до Царя дойдетъ. Помѣщикъ объяснялъ это представленіе фактомъ, что въ деревнѣ живетъ колонистъ, италіянскій под-

---

[1]) Ср. нѣкоторыя мѣста выше на стр. 406 въ примѣч. 2. Извѣстна поговорка въ Кіевщинѣ и въ Новороссійскомъ краѣ: Одесъ—песъ (Чубинскій I, вып. 2-й, стр. 277.— Записана въ Чигиринскомъ уѣздѣ. Маякъ 1882 г. № 31, стр. 495). Къ этой поговоркѣ крестьяне, замѣтившіе, что ихъ обманываютъ (см. выше стр. 405) собственно на Пересыпи (предмѣстіе Одессы), присоединили другую, идентичную: Пересыпь—собака (Чубинскій ibid.). Одесса дурной городъ даже для культурнаго класса — Р. Старина, 1886 г., № 10, стр. 107. Знаемъ много культурныхъ преданій объ одесскихъ нѣкогда оргіяхъ, о знатныхъ дамахъ, оригинально принимавшихъ своихъ любовниковъ, или тайно рожавшихъ дѣтей въ одесскихъ катакомбахъ, о продажѣ женъ мужьями, о лицахъ, отравленныхъ женами или ихъ любовниками, странно исчезнувшихъ заграницу, или объявленныхъ умершими, хотя и живыхъ на дѣлѣ и т. п.

[2]) О бѣгствѣ туда крестьянъ изъ Херсонской губерніи см. Р. Стар. 1886 г. № 2, статью В. Семевскаго стр. 399; см. указаніе и въ разсказѣ Горбунова.

[3]) Записана въ 1880-хъ годахъ въ с. Игнатковѣ Ямпольскаго уѣзда, Подольск. губ.

данный, которому случалось обращаться къ своему консулу въ Одессѣ и тотъ за него всегда заступался. Но едва ли не надо смотрѣть на это дѣло иначе; имѣемъ параллельный разсказъ, что жители одного волынскаго села телеграфировали австрійскому императору съ просьбой передать русскому Царю о тѣхъ неправдахъ, которыя причиняютъ народу паны вмѣстѣ съ начальствомъ [1]).

Вотъ тѣ немногія черты, которыми отразилась Одесса въ народныхъ представленіяхъ. Опѣ, повидимому, не отличаются новизною, хотя и возможно, что новыя условія одесской жизни или факты ея былевой исторіи уже нашли себѣ отраженіе въ народной поэзіи, какъ это случилось относительно другихъ мѣстностей Россіи. Имѣемъ вѣдь малорусскія народныя преданія и пѣсни объ уничтоженіи крѣпостнаго права (напр. объ отмѣнѣ панщины), о дѣятельности мировыхъ посредниковъ — т. е. о явленіяхъ въ русской жизни сравнительно еще недавнихъ. Есть пѣсни о позднѣйшихъ войнахъ Россіи, напр. о завоеваніи Кавказа, о Плевнѣ и т. п.

Изъ одесской былевой исторіи имѣемъ въ народной поэзіи указаніе развѣ на чуму, вѣроятно 1811 г.; въ чумацкой пѣснѣ говорится, что чумаки на родину изъ Одессы

Преславну чуму привезли [2]).

Затѣмъ Крымская война стала источникомъ невообразимо нелѣпаго разсказа объ Одессѣ, записаннаго П. И. Якушкинымъ около г. Богодухова (Харьковской губерніи), во время самой войны и, что особенно удивительно, отъ помѣщика, хотя и мелкопомѣстнаго:

Турченинъ выслалъ подъ нашего царя своего генерала Калафата [3]), а нашъ русскій царь своихъ противъ него генераловъ. Наши генералы станутъ изъ пушекъ палить въ того генерала Калафата, а у генерала Калафата шаровары широкія, попадетъ ядро изъ пушки въ тѣ штаны — ядро и запутается, никакого вреда той турецкой арміи не сдѣлаетъ. Видитъ русскій царь — дѣло плохо! «Дай пошлю», говоритъ русскій царь, «подъ того Калафата генерала Одесту». Послалъ это русскій царь Одесту... а Одестъ генералъ — человѣкъ хитрый, хитрый. Одестъ генералъ сталъ въ Калафата каленными ядрами палить: ядро попадетъ въ штаны Калафату генералу, штаны загорятся. Дай Богъ штаны чинить, а куда тутъ объ арміи думать! А Одестъ то все палитъ да палитъ. Такъ всю армію Одестъ Калафатову и побилъ! Такъ и побилъ! [4]).

[1]) Истор. Вѣстн. 1887 г. № 3. Украинцы о царѣ, Лоначевскаго стр. 677 — на основаніи подлиннаго дѣла о бунтѣ крестьянъ с. Алексинецъ Кременецкаго уѣзда; при дѣлѣ есть и самая телеграмма, перехваченная полиціей.

[2]) Сообщено Н. И. Петровымъ.

[3]) Извѣстная битва при Калафатѣ.

[4]) Соч. П. И. Якушкина, стр. 161; на связь Одессы съ войною см. и указаніе въ Истор. Вѣстн. 1886 г. изъ солдатскихъ разсказовъ: Англичанка! Она только на морѣ и сильна; сйное дѣло: подойди къ Одестѣ, ну и стой, пожалуй!

Казалось бы въ Одессѣ должны были циркулировать преданія о герцогѣ Ришелье. И странное названіе дюка, какъ его здѣсь зовутъ, и фантастическій памятникъ на бульварѣ, и Дюковскій садъ — все это могло дать матеріалъ для легендъ; но мнѣ ихъ слышать почти не приходилось. На вопросъ: кто такой былъ дюкъ? Отвѣчаютъ; а Бог его Святый знае, мабуть чоловік такій був. Исключеніе составляетъ широко распространенный въ Малороссіи, кажется впрочемъ, лишь правобережной [1]), разсказъ, что дюкъ, держащій въ одной рукѣ бумагу, планъ Одессы, а другою показывающій на море, этимъ поучаетъ народъ: чѣмъ судиться (варіантъ: чѣмъ съ богатымъ судиться), лучше въ морѣ втопиться. Но подобный же разсказъ существуетъ и по поводу петербургскаго памятника Петра Великаго, стоящаго между сенатомъ и р. Невой.

О де-Рибасѣ и такого преданія нѣтъ. Имя его, кажется, осталось лишь въ народномъ названіи дерибасомъ полеваго жасмина [2]). Почему? Не по его ли иниціативѣ начался обычай ограждать подгородныя усадьбы полевымъ жасминомъ [3]).

И другіе историческіе дѣятели Одессы не оставили по себѣ народныхъ преданій, по крайней мѣрѣ мнѣ таковыя не извѣстны. Можетъ быть иные собиратели окажутся счастливѣе меня [4]).

Названіе одесскихъ урочищъ облеклись нѣкоторою легендарностью, напр. Нарышкинскій спускъ; но нельзя причислять эти легенды къ народнымъ.

Приходилось мнѣ слышать и разсказы о колдунѣ, жившемъ на такъ называемой дачѣ Зарифи, возлѣ Дюковскаго сада, но очень неопредѣленные. Въ этихъ разсказахъ, конечно, отразился фактъ таинственной жизни тамъ но-

---

[1]) Я слышалъ его между прочимъ и въ Кіевѣ; одинъ изъ варіантовъ разсказанъ былъ мнѣ во время VI-го Археологическаго Съѣзда Л. И. Шпановскимъ.

[2]) Тоже арсеникъ, дереза, дърморосъ, новій и др. названія; см. Анненкова Ботаническій Словарь: Lycium barbarum. Названіе этого растенія дерибасомъ я самъ слышалъ лѣтомъ 1886 г. отъ одесскаго извощика.

[3]) Въ чумацкихъ пѣсняхъ дереза давно встрѣчается; но дерезою называются еще иныя, такъ сказать дерущія (ср. я коза дереза) растенія, напр. ракитникъ (Cytisus biflorus), звѣробой (hypericum perforatum) и др. Можно, впрочемъ, думать, что слово дерибасъ въ сущности замѣнило какое нибудь иное, сходное по звуку названіе полеваго жасмина, въ которомъ была идея, что онъ деретъ.

[4]) Есть кое какіе разсказы легендарнаго характера объ архіепископахъ Иннокентіѣ и Димитріѣ, особенно о благотворительности послѣдняго (основанныя впрочемъ на дѣйствительныхъ фактахъ), но, кажется, не народные. Такого же происхожденія разсказы о княгинѣ Воронцовой и другихъ выдающихся одесситкахъ. За тѣмъ есть преданія объ основателѣ Успенской церкви, но обычныя, параллельныя тѣмъ, которыя дали содержаніе Некрасовскому Власу; лѣтъ 15 назадъ они были нѣсколько освѣжены комическою исторіей появленія птицы на Успенской церкви. Преданія о старомъ памятникѣ (какой-то Софіи) на кладбищѣ очень сбивчивы и неопредѣленны.

слѣдняго русскаго графа Разумовскаго, который, повидимому, прятался у себя на дачѣ отъ кредиторовъ [1]).

Еще болѣе легендъ, подобныхъ тѣмъ, которыя существуютъ чуть ли не въ каждомъ городѣ о старыхъ заброшенныхъ большихъ домахъ [2]), есть въ Одессѣ о такъ наз. Чудномъ домѣ (нынѣ Розенталя на углу Преображенской и Елисаветинской улицъ); этотъ Чудный домъ былъ въ дѣйствительности мѣстомъ собраній одесскихъ масоновъ и на острокопечномъ углу его ограды еще до недавняго времени стояли два рыцаря съ мечами, не мало пугавшіе народъ; потомъ эти рыцари долго валялись во дворѣ этого же дома.

Другимъ мѣстомъ гдѣ собирались масоны, была тоже хорошо извѣстная одесситамъ дача Гогеля (нынѣ Бенедато) возлѣ Дюковскаго сада [3]). Дача эта, очень затѣйливой архитектуры, построена масономъ архитекторомъ Гартвигомъ для себя; здѣсь онъ и похороненъ. По одесскому повѣрью, домомъ можетъ владѣть только масонъ; иные же владѣльцы должны скоро умереть. На усиленіе этого повѣрья повліялъ случай странной смерти владѣльцевъ дачи — Гогеля и его сестры отъ вывиха ноги въ одинъ и тотъ же день черезъ годъ одинъ послѣ другаго [4]).

---

[1]) См. объ этомъ гр. Разумовскомъ въ соч. Васильчикова о Разумовскихъ, также у Мурзакевича въ Р. Ст. 1886 г. № 6. стр. 644. Памятью о Разумовскомъ нынѣ остается Разумовская улица. Очень жаль, что никто изъ богатыхъ одесситовъ не пріобрѣтетъ прекраснаго и роскошно отдѣланнаго дворца Разумовскаго; онъ еще могъ бы быть реставрированъ, хотя существованіе въ немъ нѣсколько лѣтъ назадъ увеселительнаго заведенія не могло ему не повредить.

[2]) Въ Таганрогѣ такія легенды ходили о домѣ Александровскаго, хотя и новомъ, но пустомъ; источникомъ ихъ была гигантская каменная баба, стоявшая въ саду и которую было видно даже чрезъ высокую ограду.

[3]) Еще масоны собирались въ домѣ графини Эделингъ на углу Екатерининской улицы и Театральнаго переулка; нынѣ домъ Маленберга, гдѣ кондитерская Робина.

[4]) Недавно кто то на этой дачѣ опять вывихнулъ ногу, что снова оживило повѣрье. Но съ этимъ домомъ связана и легенда культурнаго класса: на этой дачѣ будто бы бывалъ Гоголь, родственникъ хозяина, и даже тамъ живутъ еще лица, помнящія его пріѣзды. На образованіе этой легенды повліяло два факта: смѣшеніе фамилій Гогель и Гоголь и желаніе пріурочить къ личности нашего знаменитаго писателя, дѣйствительно бывавшаго въ Одессѣ, какъ можно больше фактовъ изъ одесской жизни. Есть и еще такія же преданія о Гоголѣ и особенно о Пушкинѣ, даже проникшія въ печать и многими считаемыя за вѣрныя; не распространяюсь о нихъ въ виду того, что, какъ сказано, это легенды культурнаго класса, большею частью того же самаго происхожденія, какъ и разсказы Ивана Александровича Хлестакова. Впрочемъ, собираніе и такихъ легендъ весьма желательно, особенно въ виду предстоящаго исполненія столѣтія Одессы. Нѣкоторые факты «старой» одесской жизни нашли себѣ выраженіе въ беллетристическихъ произведеніяхъ, напр. въ разсказахъ С. О. Рабиновича, въ романѣ Полонскаго «Дешевый городъ», въ повѣсти М. Филиппова «Полиціймейстеръ Бубенчиковъ» (Современникъ 1859 г. № 10) Желательно,

Какъ въ народѣ отразились разсказы о масонахъ, или фармазонахъ [1]) — франкъ-масонахъ, съ ихъ типическою чертою — представленіемъ о неразмѣнномъ фармазонскомъ рублѣ, я имѣю весьма интересный разсказъ о Гармизонѣ, записанный отъ ямщика въ Ананьевскомъ уѣздѣ, недалеко отъ Одессы. Въ этомъ разсказѣ ямщикъ объяснилъ скоропостижную смерть извѣстнаго въ Одессѣ помѣщика, перваго богача Херсонской губерніи, и очень удачнаго хозяина, близкаго родственника одной, нынѣ весьма высокопоставленной особы. Въ виду оригинальности разсказа приведу его цѣликомъ:

Десь не десь, в нашому таки царстві, превеликому государстві есть болото, несходиме и не проходиме. Поросло воно очеретом, лозою, верболозом та потрями такими, що и не продереться,—тілько і е стежочки, що по ним чорти ходять. Дак стежочкою тою чоловік не пройде, в багно залізе так, що и не вилізе; там ёму жаба й цицки дасть!

Посеред того болота есть озеро велике и глибоке, тілько не з води, а з самоі болотноі тванюки; у тому то озери, кажуть люде, и проживае той Гармизон. Черево ёго на самому дні, а з верху тілько спина манячить; голова при березі завбільшки з панскій будинок, и при неі стоять два чорти на часах.

Хто хоче у заклад души своеі юзичить грошеі у того Гармизона, треба поеднаться з чортом и той уже доведе до нёго. А дае, кажуть, гроши тільки тому, хто знае грамоту і святе письмо; души темного чоловіка у заклад неприймае — опасуется, щоб Бог не простив и не пропали ёго гроши.

Кого чорт доставить на заклад души, опрошуе, чі знае грамоту и святе письмо? а там уже открива рот і идуть вони як у ворота. По один бік сидять ті, що в книги заводять, а по другий патрет здиймають. Завівши в книгу и знявши патрет, видають гроші, за скільки заложена душа ёго; чім лучче знае святе пісьмо, тим більш дають и грошей ёму. А тілько більш тисячи не дають. Коли ж то таки гроші, що з сотни можно забогатіть; бо чи дасть кому, чи купить що, на що б не поклав десять — візьме двадцать, сто — візме двісті. Забогатіе, наживеться в роскошах, а задумае тільки покаяцця, обернуцця до Бога, там зараз дознаюцця — и бах! у патрет, пробьють на вилёт, и капут закладчику. До покаянія не допустять, ні!

чтобы кто либо изъ старожиловъ раскрылъ настоящія имена лицъ, изображенныхъ въ этихъ произведеніяхъ; теперь это уже можно сдѣлать. Называть имена лицъ, подразумѣваемыхъ у насъ въ примѣч. на стр. 406, 413 и 415, еще несвоевременно. Вообще господа одесскіе старожилы очень мало пишутъ о прежней Одессѣ, даже Г. Сумароковъ прекратилъ печатаніе своихъ интересныхъ воспоминаній.

[1]) Ср. Чубинскій I, вып. 1-й, стр. 187.

О нѣкоторыхъ лицахъ, разбогатѣвшихъ не совсѣмъ яснымъ и по общему мнѣнію не разборчивымъ путемъ, иногда разсказывается даже, какъ о чертяхъ или колдунахъ [1]).

Закончу рефератъ указаніемъ, что въ дѣтскихъ играхъ на улицахъ Одессы мнѣ приходилось уже подмѣчать отраженіе такихъ сравнительно позднихъ событій, какъ одесскій еврейскій погромъ, и притомъ въ очень полномъ видѣ съ арестами и проч [2]). Очевидно, мы еще стоимъ передъ новымъ одесскимъ народнымъ эпосомъ.

А. Маркевичъ.

---

[1]) Какъ о чортѣ, даже съ хвостомъ, разсказывали объ одномъ очень богатомъ, тоже извѣстномъ въ Одессѣ херсонскомъ помѣщикѣ, подъ конецъ лишившемъ себя жизни Кстати сказать у одесскаго простонародья слывутъ колдунами всѣ жители, даже самые молодые, села Дальника. Это огромное подгородное село, даже принадлежащее къ одесскому градоначальству, лежитъ на бойкомъ нѣкогда пути между Одессою и низовьями Днѣстра. Въ Дальникѣ и по дорогѣ къ нему множество трактировъ, гдѣ вѣчныя драки и даже смертоубійства; много воровства въ Одессѣ дѣлается дальничанами, или краденное укрывается въ Дальникѣ,—отсюда идетъ на село такая дурная слава.

[2]) Была въ Одессѣ пѣсня, сложенная по поводу пребыванія въ Одессѣ Сары Бернаръ, тоже сопровождавшагося значительными безпорядками, причемъ въ актрису бросили камнемъ. (Мы таланты уважаемъ—ихъ каменьями встрѣчаемъ...). Начало этой пѣсни сообщено намъ тремя лицами: Е. М. Блюмскою, М. С. Городецкимъ и Н. О. Ерошевскимъ, но окончанія никто изъ нихъ вспомнить не могъ,—знакъ, что эта пѣсня не получила популярности; что и не удивительно, такъ какъ она пренелѣпая; вотъ ея начало:

Сара Бернара, гдѣ ты гуляла?
Въ Русскомъ театрѣ туфель (шляпу) потеряла.
Сара Бернара, гдѣ ты гуляла?
Въ саду Форкатти зонтикъ потеряла.

Въ варіантѣ, сообщенномъ г-жею Блюмскою, продолженіемъ служитъ очень не складная и въ данномъ случаѣ совершенно неумѣстная пѣсня въ родѣ солдатской, прославляющая генераловъ Гурко и Скобелева.

Объ изданіяхъ Виленской археографической коммиссіи.

Я. Ѳ. Головацкаго.

Я памѣренъ сдѣлать краткое сообщеніе о дѣятельности Виленской археографической коммиссіи, которой я имѣю честь быть предсѣдателемъ, въ особенности же доложить почтенному собранію объ ея изданіяхъ, которыя находятся въ печати и въ непродолжительномъ времени должны появиться въ свѣтъ. Со времени своего учрежденія Коммиссія [1]) преимущественно занимается разборкой актовыхъ книгъ, хранящихся въ Центральномъ Архивѣ. Виленскій центральный архивъ весьма богатъ старинными актовыми книгами, гораздо богаче Кіевскаго и Витебскаго. Въ Виленскомъ центральномъ архивѣ находится болѣе 19-и тысячъ книгъ, толстыхъ фоліантовъ, заключающихъ въ себѣ 500—3000 листовъ. Они содержатъ въ себѣ акты и документы бывшихъ въ княжествѣ Литовско-Русскомъ судовъ городскихъ, земскихъ, подкоморскихъ, трибунальныхъ, магдебургскихъ, магистратскихъ и т. п. нынѣшнихъ губерній: Виленской, Ковенской, Городненской, Минской, отчасти Смоленской и Могилевской. Рядъ актовыхъ книгъ начинается съ 30-ыхъ годовъ XVI-го столѣтія, даже съ XV-го столѣтія и продолжается, конечно, съ частыми пропусками многихъ лѣтъ, сплошь до конца XVIII вѣка. Древнѣйшія книги почти до конца XVII столѣтія писаны на русскомъ языкѣ, русскими письменами и славяно-русскимъ правописаніемъ. Почеркъ скорописный, такъ называемый западно-русскій, который употреблялся, по статьямъ Литовскаго статута, въ канцеляріяхъ и дѣлопроизводствѣ В. княжества Литовско-русскаго, пока въ 1696 г. сеймовымъ постановленіемъ языкъ русскій въ судебно-административной практикѣ не былъ замѣненъ польскимъ. [2])

---

[1]) Виленская Коммиссія для разбора и изданія древнихъ актовъ или Виленская археографическая Коммиссія открыта по Высочайшему повелѣнію въ 1864 году.

[2]) Постановленіе сейма 1696 г. рѣшено было завести польскій языкъ вмѣсто русскаго: Pisarz powinien po Polsku, a nie po Rusku pisać. См. Volumina Legum, изд. Отрызки. Спб., 1860, т. V, f. 863, pag. 418.

Изъ этой массы бумагъ Коммиссія успѣла разсмотрѣть болѣе двухъ тысячъ актовыхъ книгъ и, выбравъ изъ нихъ документы, оказавшіеся важными для исторіи религіознаго и политическаго быта западнаго края, издала XII томовъ актовъ, которые раздѣлены по содержанію: 1) на акты, относящіеся къ исторіи западно-русской церкви, 2) акты юридическіе и 3) акты административные. Сверхъ того изданы акты магистратовъ и магдебургій, церковныхъ братствъ и цеховъ, объясняющіе мѣщанскій бытъ западнаго края и наконецъ акты, касающіеся Кальвинскаго вѣроисповѣданія и еврейскихъ дѣлъ. Ученые спеціалисты, занимающіеся разработкой отечественной исторіи, находили въ этихъ матеріалахъ важное подспорье и новыя данныя для разъясненія и изученія судебъ западно-русскаго края.

Между актовыми книгами центральнаго архива особеннаго вниманія достойны такъ называемыя ревизорско-коммисарскія или писцовыя книги и инвентари съ половины XVI столѣтія, составляющіе особые томы. Въ нихъ подробно описаны королевскія имѣнія, города, села и пущи, съ показаніемъ именъ и фамилій владѣльцевъ земель всѣхъ сословій: шляхты, земянъ, бояръ, мѣщанъ и сельчанъ, не исключая и церковныхъ земель, принадлежавшихъ владыкамъ, священнослужителямъ и монастырямъ. Всѣмъ участкамъ показаны границы, описано качество и количество земли и угодья; у мѣщанъ и сельчанъ—обозначенъ чиншъ и другія повинности, которыя они должны были уплачивать и отбывать. Писцовыя книги сочинены по приказанію короля Сигизмунда Августа для административно-экономическихъ цѣлей, послѣ измѣренія земли *на уволоки* по 30-и морговъ и раздѣленія участковъ на *три поля* или смѣны. Размежеваніе земель производилось подъ руководствомъ королевскихъ коммиссаровъ: Григорія Воловича, Лаврина Войны, Севастіана Дыбовскаго, Димитрія Сапѣги, Станислава Хвальчевскаго и др. Эти писцовыя книги замѣчательны, какъ документы, представляющіе политико-экономическій и этнографическій бытъ западнаго края, его хозяйственные и податные порядки. Въ этихъ книгахъ перечислены всѣ рѣки, рѣчки, села, урочища, поля, луга, лѣса, озера, острова, болота и проч. съ усвоенными имъ названіями; всѣ владѣльцы земель поименно показаны съ вычисленіемъ участковъ надѣла и имѣнія, и по этому писцовыя книги весьма важны для изученія подробной географіи, этнографіи и экономіи западно-русскаго края.

Коммиссія обратила особенное вниманіе на писцовыя книги. Со времени учрежденія она издала: *Ревизію пущъ и переходовъ звѣринныхъ въ б. В. княжествѣ Литовскомъ*, составленную Г. Воловичемъ въ 1559 г. и *Ревизію Кобринской экономіи*, сост. Д. Сапѣгою въ 1563 году. Обѣ эти писцовыя книги написаны на русскомъ языкѣ тогдашняго времени. Затѣмъ коммиссіею изданы на польскомъ языкѣ: *Писцовая книга Пинскаго старостваа*, сост. Лавриномъ Войною 1561—1566 г. два тома съ русскимъ переводомъ; *Писцовая книга*

Городненской экономіи, въ II томахъ, въ составъ которой вошло *Уволочное земъреніе Городненской экономіи* съ 1558 г., составленное Севастіаномъ Дыбовскимъ и Л. Войною, а также *Инвентарная опись Городненскаго и Городницкаго замковъ*. Наконецъ коммиссіею изд. *Ординація королевскихъ пущъ въ лѣсничествахъ б. В. княжества Литовскаго* съ 1641 г.

Теперь коммиссія приступила къ изданію *Писцовой книги Пинскаго и Клечскаго княжествъ*. Княжества Пинское и Клечское въ концѣ XV и въ началѣ XVI столѣтій принадлежали князьямъ Ярославичамъ (вѣроятно потомкамъ Рюриковичей), сперва Ивану Ярославичу, а послѣ сыну его Ѳеодору, по смерти котораго, умершаго безъ наслѣдниковъ, княжества перешли во владѣніе короля Сигизмунда Стараго, который отдалъ ихъ въ 1519 году въ пожизненное пользованіе второй женѣ своей Бонѣ. При королевѣ Бонѣ произведена была ревизія и уволочное измѣреніе земель вышеупомянутыхъ княжествъ съ цѣлью увеличенія доходовъ съ доставшихся ей имѣній и обезпеченія недвижимаго имущества подданныхъ.

Король Сигизмундъ I, замѣтивъ, что крестьяне, обременяемые тяжелыми работами и большими налогами, разбѣгались, и что многія земли оставались пустыми, не принося никакой пользы королевской казнѣ, издалъ въ 1529 г. *Уставу*, которой оградилъ Жмудскихъ крестьянъ отъ самоуправства и жадности старостъ, подстаростій и тивуновъ. Такая же *Устава* издана была для дворовъ В. Княжества Литовскаго, вслѣдствіе чего былъ обезпеченъ быть королевскихъ крестьянъ и, конечно, увеличены доходы королевскихъ имѣній. Сынъ и пріемникъ его Сигизмундъ Августъ приказалъ сдѣлать повсемѣстное измѣреніе и описаніе королевскихъ имѣній. Для руководства землемѣрамъ, ревизорамъ и управителямъ коронныхъ имѣній онъ издалъ на русскомъ языкѣ въ 1557 г. «*Уставу на волоки... во всемъ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ*» [1]). Въ то же время, по приказанію королевы Боны, матери Сигизмунда Августа, Станиславъ Хвальчевскій предпринялъ измѣреніе и описаніе княжествъ Пинскаго и Клечскаго и послѣ того составилъ писцовую книгу въ 1552—1555 г. Рукопись, съ которой коммиссія сдѣлала изданіе, принадлежала Пинскому подкоморскому суду; и судя по всѣмъ признакамъ ее слѣдуетъ считать или подлинникомъ, который былъ представленъ королевѣ Бонѣ, или современной ему копіей. Это драгоцѣнный кладъ для топографіи, этнографіи и политико-экономическаго быта западнаго края.

Послѣ измѣренія на уволоки, земли отдаваемы были въ пользованіе крестьянамъ или лицамъ другихъ сословій. Земли различались по качеству: на

---

[1]) Уставъ этотъ изданъ въ *Памятникахъ временной Коммиссіи*, въ Кіевѣ 1846 г. во 2-омъ томѣ.

хорошія, *среднія* и *плохія*, (gruntu dobrego, srzednyego y zlego). Сообразно съ этимъ опредѣлены были повинности крестьянъ: издѣльная или *тяглая служба*, 2 дня въ недѣлю съ уволоки [1]). Денежная или *чиншъ*, 12—20 грошей съ уволоки, смотря по качеству земли и *натуральная* повинность, ссыпомъ ржи и овса; кромѣ того былъ сборъ для королевы, въ случаѣ ея пріѣзда: *стаціи*, по два гроша, курицы, 10 яицъ и одного гуся. Были *толоки*, *гвалты* (т. е. поголовная работа всѣхъ взрослыхъ крестьянъ), *сторожа* и *подводы*, поочередно съ каждой уволоки. *На голомъ чиншъ* принимали землю лица свободныхъ сословій: мѣщане, земяне и духовенство. Въ Клечскомъ повѣтѣ существовала особая плата-*куница*, съ земли называемой куничною; была также медовая и бобровая дань. Надо замѣтить, что повинности у частныхъ владѣльцевъ того времени были болѣе обременительны, нежели въ королевскихъ имѣніяхъ. Въ ксендзовскихъ имѣніяхъ крестьяне должны были давать десятину хлѣба съ полей; этой повинности подвергаемы были и православные, не исключая даже духовенства. Въ писцовой книгѣ упоминается о *боярахъ путныхъ и панцырныхъ* и о Татарахъ и ихъ татарской службѣ, *путной*, *конной и замковой*.

Наконецъ въ книгѣ перечислены всѣ православныя церкви и поименовано состоящее при нихъ духовенство съ показаніемъ земель Пинскаго владыки, игуменовъ, священниковъ, діаконовъ; при томъ показаны всѣ земли, церковныя и земянскія, отошедшія къ королевскимъ имѣніямъ въ обмѣнъ на земли духовенства или частныхъ лицъ. Во всѣхъ участкахъ опредѣлены точныя границы съ названіями урочищъ. При этомъ перемеживаніи дѣлался часто большой ущербъ частнымъ владѣльцамъ, особенно православному духовенству, отъ котораго брались ближайшія и лучшія земли въ пользу королевы, а взамѣнъ отдавались дальнія и худшаго качества. Крестьянъ же перегоняли съ мѣста на мѣсто и они должны были устраиваться на новыхъ усадьбахъ. Перемеживаніе земель съ многочисленными замѣнами представляетъ намъ сплошную ломку старинаго русскаго быта, коренную реформу, заведенную польскимъ правительствомъ по системѣ подворнаго землевладѣнія и трехпольнаго хозяйства, но во многихъ мѣстахъ проглядываютъ древніе обычаи и древній русскій порядокъ общиннаго землевладѣнія. Писцовая книга представляетъ намъ ясный образъ состоянія городовъ, мѣстечекъ и селъ въ половинѣ XVI столѣтія, съ обозначеніемъ плацовъ, улицъ, усадебъ, огородовъ, пахатныхъ полей, луговъ и пр. съ ихъ границами и названіями фамилій всѣхъ

---

[2]) Повинности крестьянъ были постоянно увеличиваемы. При В. кн. *Витовтѣ* крестьяне отбывали съ уволоки 14 дней въ годъ барщины; В. кн. Александръ въ 1501 г. увеличилъ барщину на 52 дня, т. е. по одному дню въ недѣлю: «Kmieć za szczęśliwej pamięci W. X. *Witolda* z włoki 14 dni na rok państszczyzny robił, *Alexander* każe robić jeden dzień natydzień». M. Вишневскаго Histor. liter. polsk. Krak. 1843, т. V, стр: 148.

землевладѣльцевъ. Чисто русскія имена и фамиліи крестьянъ, записанныхъ въ писцовыя книги, доказываютъ, что въ XVI столѣтіи Пинское и Клечское княжества были заселены сплошнымъ русскимъ православнымъ населеніемъ; тоже можно сказать о городѣ Пинскѣ и мѣстечкахъ, въ которыхъ жило только ничтожное количество евреевъ и польскихъ выходцевъ. Земяне тоже были по большей части Бѣлоруссцы.

Станиславъ Хвальчевскій извѣстенъ какъ писатель *Хроники Польской*, которая издана была въ Варшавѣ въ 1829 г. въ II томахъ [1]), но настоящая Писцовая книга Пинскаго и Клечскаго княжествъ, какъ вообще писцовыя книги въ своемъ полномъ содержаніи не были извѣстны; Виленская археографическая коммиссія въ первый разъ напечатала и открыла ихъ для ученаго міра. Въ виду важности этого памятника письменности относительно языка и правописанія коммиссія печатаетъ эту писцовую книгу со всею точностію съ соблюденіемъ стариннаго правописанія; сверхъ того къ изданію будетъ приложенъ снимокъ съ одной страницы подлинника [2]). Почеркъ современный началу второй половины XVI столѣтія; языкъ и правописаніе — тѣ же, что въ напечатанной Хроникѣ Хвальчевскаго, но нужно замѣтить, что языкъ и правописаніе гораздо старше, чѣмъ въ современныхъ изданіяхъ, появившихся въ типографіяхъ въ Краковѣ и другихъ городахъ. Слѣды чешскаго правописанія, имѣвшаго столь вѣское вліяніе на начинающую развиваться польскую письменность, вездѣ замѣтны. Нарѣчіе языка тоже имѣетъ свои особенности и смахиваетъ на Мазовецкій или Мазурскій жаргонъ. Замѣчательно, что вмѣсто носовыхъ польскихъ юсовъ *ą* и *ę* почти вездѣ пишется *a* и *e*; *sz* и *cz* смѣшиваются съ *s* и *c*: по мазурски; *ć* и *ś* замѣняется — *cz* и *sz*, какъ нынѣшніе Мазуры говорятъ «Dejczie szoli poszolicz kasę»; *z* вм. *ź* необозначено черточкой, вм. *y* часто употребляется *ey*; *i* встрѣчается весьма рѣдко, его замѣняетъ *y*, *ÿ*, особенно въ прилагательныхъ Vyadsky, vyelgy, *zyemya* n*ye yesth*; вм. *t* пишется *th*: *then*, *thego*; слова *thelko, bela, kozdey* вм. tylko, była, każdy и проч. напоминаютъ мазурскій діалектъ.

Можно надѣяться, что польскіе грамматики найдутъ богатый матеріалъ для разработки стеропольской фонетики, графики и діалектологіи—и имъ-то мы предоставляемъ этотъ трудъ.

Теперь позвольте мнѣ обратить ваше вниманіе на второе изданіе Коммиссіи, которое благодаря средствамъ, отпущеннымъ г-номъ Попечителемъ Виленскаго учебнаго округа, выйдетъ въ этомъ году въ свѣтъ, подъ заглавіемъ:

---

[1]) М. Вишневскій, Histor. liter. pol: т. VII, стр. 449.—В. Мацѣевскій, Pismiennictwo pol. т. I, стр. 371.

[2]) При чтеніи референтомъ былъ представленъ литографированный снимокъ съ писцовой книги.

Сборникъ палеографическихъ снимковъ съ древнихъ грамотъ и актовъ, хранящихся въ Виленскомъ Центральномъ архивѣ и Виленской публичной библіотекѣ. Выпускъ I. (1432—1548 г.). Изъ находящихся въ этихъ двухъ заведеніяхъ пергаменныхъ грамотъ и актовыхъ книгъ Коммиссія выбрала наиболѣе интересные акты и намѣрена въ палеографическихъ снимкахъ издавать образцы актовой или дѣловой западно-русской письменности, съ присовокупленіемъ описанія внѣшняго вида каждаго акта, мѣстонахожденія его, наконецъ содержанія и другихъ особенностей. Первый выпускъ будетъ содержать 59 актовъ съ 1432 по 1548 годъ, и именно: королевскія грамоты и листы, продажныя записи, судебные приговоры, мировыя сдѣлки и проч. Первые двадцать девять №№ взяты изъ пергаменныхъ подлинниковъ, хранящихся частью въ Виленскомъ центральномъ архивѣ, частью въ публичной библіотекѣ; остальные же тридцать актовъ —изъ актовыхъ книгъ: Дорогицкаго (Дрогичинскаго) земскаго и гродскаго судовъ, Дорогицкаго магистрата, Ковенскаго магистрата, Городенскаго земскаго суда и Кнышинской ратуши. Самыя древнія книги центральнаго архива это— Дорогицкія земскія, начиная съ 1444 г., магистратскія съ 1498 г., затѣмъ Ковенскія магистратскія съ 1522 г., Городненскія земскія съ 1539 г. и Кнышинскія съ 1545 г. и проч.

Изъ предлагаемыхъ здѣсь снимковъ[1]) документы подъ №№ 1, 2, 5, 6, 12, 14, 20, 25 и 29 относятся къ городу Вильнѣ. Самая древняя грамота— в. князя Жигимонта Кейстутовича съ 1432 г. данная «*Виленскимъ мѣстичомъ Ляхамъ и Руси*»[2]), о невзысканіи мыта и «*пошлинъ торговыхъ въ Луцку, въ Кіевѣ и Подольской земли, у Смоленску и у Берестьи, въ Новѣгородку, у Мьнску, въ Ковне, и по иным пакъ мытомъ, по рекамъ*» и проч. Изъ этого акта видно, какую обширную торговлю вели тогдашніе Виленцы: *Ляхи и Русь* (евреевъ было вѣроятно весьма мало) съ отдаленными городами. № 2-й грамота того-же в. князя и года на Магдебургское право, которое онъ «*даруетъ Виленскимъ мѣстичомъ вѣры римское и русскимъ, што суть русское вѣры, и всему посольству мѣста Виленскаго нѣмецкое право, што словеть Майтьборское, потомужъ какъ мѣсто Краковское тое истое право нѣмецкое Майтьборское держитъ, отдаляючи отъ иныхъ правъ, што суть польская и литовскалрусская*». Языкъ этихъ грамотъ чистый русскій, безъ малѣйшаго признака вліянія польскаго языка, который въ то время еще не употреблялся въ пись-

---

[1]) При чтеніи представлены были литографированные листы снимковъ съ подлинныхъ документовъ.

[2]) О Литовцахъ не упоминается, какъ будто ихъ не существовало въ столицѣ Литвы. Очевидно, что Литовская національность не признавалась законами и природные Литовцы или Жмудины должны были по вѣроисповѣданіямъ причисляться къ Ляхамъ или Руси.

менности [1]). Подъ №№ 4, 5 и 6—грамоты В. Князя Александра, между иными съ 1505 г. грамота, которою онъ разрѣшаетъ построить въ Вильнѣ *Гостинный домъ* для пріѣзжихъ купцовъ: *Москвичей*, *Новгородцевъ*, *Псковичей*, *Тверичей* и иныхъ земль купцовъ, чужеземцовъ, ведущихъ торговлю въ Вильнѣ. №№ 7 и 8 съ 1507 и 1513 г., затѣмъ съ 12 по 29 №, за исключеніемъ 13-го (продажной данной Татарами на продажу городу Вильнѣ горы) 23 и 26—всѣ пергаменныя грамоты съ 1517—1542 г. принадлежатъ королю и в. князю Сигизмунду I-му (Старому). Замѣчательно, что въ титулѣ королей и в. князей Казиміра IV, Александра и Сигизмунда I, а именно въ грамотахъ №№ 7, 8, 11, 14 и 41 т. е. по 1526 г. пишется: «Божію милостію король Польскій, Великій *Князь* Литовскій и Русскій»—и послѣ: «*Княжа* Прусское, Жомоитское, Мазовецкій и иныхъ», дѣлая различіе между пространнымъ В. Княжествомъ Литовско-Русскимъ и крошечными княжествами Прусскимъ, Жмудьскимъ и Мазовскимъ. Въ позднѣйшихъ грамотахъ съ 1528 г. №№ 15, 18, 31, 42 писалось безъ разбора объ однихъ и другихъ в. князь Литовскій, Русскій, Прусскій, Жомоитскій, или в. княжа Литовское, Русское, Прусское, Жомоитское [2]).

Съ № 30 по 59 помѣщены такіе-же снимки съ актовыхъ книгъ, находящихся въ Виленскомъ центральномъ архивѣ разныхъ категорій присутственныхъ мѣстъ въ б. воеводствахъ Виленскомъ, Берестейскомъ, Минскомъ, даже Подляшскомъ и въ княжествѣ Жомоитскомъ, т. е. въ коренной Литвѣ или Жмуди. Во всѣхъ присутственныхъ мѣстахъ обширнаго Литовско-Русскаго Княжества издревле писались дѣла и акты на русскомъ языкѣ, употребляемомъ въ дѣлопроизводствѣ и законодательствѣ особымъ такъ называемымъ запа·порусскимъ почеркомъ. Русскій скорописный почеркъ выработался отъ частаго употребленія, такъ какъ уставныя и полууставныя церковно-славянскія буквы

---

[1]) Въ XV стол. польскій языкъ до того былъ не развитъ и правописаніе столь безобразно, что если въ латинской грамотѣ пришлось назвать какую нибудь мѣстность, то канцлеры такъ исковеркивали названіе, что нельзя было узнать, о какомъ городѣ идетъ рѣчь «Kanclerz pisząc nazwisko polskie wsi lub miasta w nadaniu naprz. Książęcem, nie mając pewnych zasad, dziwnie wykręcali alfabet, tak dalece, że nieraz niepodobieństwem jest domyśleć się, o jakiej nam prawią miejscowości. Jedną wieś ci tak, drudzy inaczej piszą... Wieś *Miedznę* piszą w dyplomatach *Meduna*, miasto *Zgierz—Sguyr*, *Sądecz* jest *Sudech* albo *Sadech*, *Czerwińsk—Cyrventzk* i т. д. *I. Бартошевскій* Hist. liter. polsk. Kraków, 1877, т. I стр. 96.

[2]) Кстати здѣсь упомянуть, что въ древней Польшѣ названіемъ «*князя*» злоупотребляли католическіе духовные тѣмъ, что переводя польское слово *ксёндзъ* на русское *князь*, князьями писались не только католическіе епископы, но и простые пробощи или клебаны: *князь бискупъ*, *князь плебанъ*, *князь гардіанъ* (гвардіанъ) вовсе не происходящіе отъ княжескаго рода, а просто ксёндзы. На литовскомъ языкѣ называется *ксёндзъ* (священникъ) kunigas, *князь* также kunigas или kunigaykszt̃s, *княгиня*—kunigie.

оказались неудобными для скораго писанія. Начало его слѣдуетъ отнести еще къ XV столѣтію. Насъ поражаетъ множество древнихъ бумагъ въ архивахъ западнорусскаго края, насъ поражаетъ господствованіе въ нихъ однообразнаго, четкаго, бойкаго, твердаго скорописнаго почерка и распространеніе его до такой степени, что не только Статутъ Литовскій въ 1588 г. въ Вильнѣ былъ напечатанъ этимъ скорописнымъ шрифтомъ, но и многія полемическія книжки, для большаго распространенія въ народѣ, печатались имъ.

Спрашивается, гдѣ обучались всѣ эти судьи, подсудки, писаря и кандидаты на эти должности изъ мѣстнаго дворянства по всѣмъ уѣздамъ обширной Литовско-Русской земли? Откуда набирались эти безчисленные генералы, возные, дѣтскіе, вижи, уполномоченные прокураторы, необходимые при всякомъ судѣ: гродскомъ, земскомъ, подкоморскомъ, задворномъ, воеводскомъ, старостинскомъ, трибунальномъ, магистратскомъ и проч. и проч. на такомъ громадномъ пространствѣ? По словамъ Литовскаго Статута съ 1566 г. (розд. III арт. 9) на всѣ должности В. Княжества Литовско-Русскаго никто не могъ быть избираемъ, только «уроженецъ В. Княжества Литовскаго Литвинъ и Русинъ» [1]. Въ другой статьѣ Статута (розд. IV, арт. 1) предписано было, что «судьи, подсудки и писаря» по всѣмъ уѣздамъ должны быть избираемы изъ дворянъ, имѣющихъ въ данномъ уѣздѣ свои помѣстья; на эти должности земствомъ представлялось королю по 4 кандидата, всего 12 человѣкъ съ уѣзда и изъ нихъ король избиралъ трехъ. Законъ требовалъ, чтобы избираемые были способными къ дѣловодству, т. е. чтобы знали законъ и письменное дѣлопроизводство, чтобы умѣли читать и правильно писать по русски [2]. Безъ сомнѣнія не только всѣ судьи,

---

[1]) «Мы Господарь обецуемъ и шлюбуемъ подъ присегою нашею, которую учинили есьмо В. князству Литовскому и всимъ станомъ и обывателемъ его, беручи то изъ статуту старого пана отца нашого короля его милости тому панству В. князству Литовскому даного, а въ весь викладаючи и на то позволяючи, штожъ въ томъ панствѣ В. кн. Литовскомъ и во всихъ земляхъ ему прислухаючихъ достойностей духовныхъ и свѣцкихъ, городовъ, дворовъ и кгрунтовъ, старествъ, въ держаньи и поживаньи и вѣчностей жадныхъ чужоземцомъ и заграничникомъ, ани сусѣдомъ того панства давати не масмъ; але то все мы и потомки наши В.-князи Литовскіе давати будутъ повинни только Литвѣ а Руси, родичомъ старожитнымъ и врожонцамъ В. кн. Литовского и иныхъ земль тому В. князству належачихъ.... *А на достоенства и всякій врядъ духовный и свѣцкій не масть быти обкраны, ани отъ насъ господаря ставлены, только здавна продковъ своихъ уроженецъ В.-кн. Литовского Литвинъ и Русинъ.* А гды бы одержалъ обчого народу человѣкъ который кольвекъ врядъ духовный и свѣцкій противъ сему статуту (и), напомненый того пустити не хотѣлъ; тогды таковый маетность свою на насъ В.-князя Лит. тратить, кгдижъ около того и въ статутѣ судейскомъ польскомъ есть описано». Временникъ Имп. Моск. Общ. ист. и др. росс. Моск. 1855 кн. 23 стр. 46.

[2]) Не можемъ непривести здѣсь изъ Статута Литовскаго съ 1566 г. любопытной статьи: *О выбиранью судей въ повѣтѣ* (розд. IV арт. 1). «Уставуемъ, ижъ въ тыхъ по

подсудки, писаря и урядники, но и начальники областей, воеводы, старосты, державцы и ихъ намѣстники, при которыхъ были свои суды [1]), должны были также знать русскіе законы, русскую грамоту и русское письмо. Стало быть по необходимости почти все Литовское и Русское дворянство, преимущественно служащіе люди, должны были знать русскую грамоту, русское письмо и русскій языкъ, на которомъ отбывалось все дѣлопроизводство, судъ и расправа, во всемъ Литовско-русскомъ В. Княжествѣ.

Спрашиваемъ, кто же обучалъ Литовско-русскихъ дворянъ и русскій народъ грамотѣ и письму русскому? Публичныхъ школъ не было. Рѣчь посполитая польская, во все свое существованіе, не расходовала на русскія школы и обученіе русской грамотности ни одного гроша. Во время короля Александра Ягеллона въ 1496 г. особымъ постановленіемъ запрещено было крестьянамъ посылать дѣтей въ школу и отдавать на обученіе ремесла, кромѣ одного сына, если было больше дѣтей въ семьѣ (см Бандке Ius polon. стр. 343) [2]). Въ XV и первой половинѣ XVI стол. не было ни Острожской академіи, ни греко-славянской школы Львовскаго ставропигійскаго братства, ни другихъ братскихъ школъ въ Кіевѣ, Вильнѣ, Луцкѣ, Могилевѣ и др., которыя возникли только

вѣтѣхъ, которые суть нижей росписаны, и въ кождомъ таковомъ повѣтѣ, гдѣ еще до сихъ часовъ не обраны, зособна маютъ быти судья, подсудокъ и писарь, которые такъ и тыхъ обычаемъ маютъ быть выбраны и на таковые уряды установлены. На первой маемъ мы Господарь часъ певный зложити и то листы нашими по всихъ таковыхъ повѣтѣхъ ознаймити, гдѣ въ каждомъ повѣтѣ княжата, панове рада наша, также рыцерство и шляхта вси, хтокольвекъ якого стану будетъ тамъ имѣньи свои мѣти, зъѣхатися маютъ до двора, которій на посродку того повѣту будетъ, и тые которые ся съѣдутъ, нежедучи никого, хто бы въ повѣтѣ имѣнье маючи крѣхати не хотѣхъ, ку тому року маютъ выбрати зо всее шляхты того повѣту, братьи своее, на кождый врядъ таковый, на судейство чотырохъ людей добрыхъ: на подсудство другихъ чотырохъ, на писарство третьихъ чотырохъ *людей добрыхъ, цнотливыхъ, ростропныхъ, въ правѣ умѣстныхъ, роду шляхетского, въ томъ повѣтѣ добрѣ осѣлыхъ, не иное вѣры только Хрестіанское;* и выбравши ихъ, тыхъ выбраныхъ черезъ листы свои намъ Господарю ознаймити маютъ, а мы съ тыхъ всихъ двенадцати особъ выберемъ трехъ до того повѣту на врядъ земскій, на судъ судью и подсудка и писара. Которые отъ насъ выбраные и потверженые на першихъ рокохъ судовыхъ передъ повѣтовыхъ воеводою, або въ небытности воеводиной передъ Кашталяны, а въ земли Жомоитской передъ старостою жомоитскимъ, при зобранью шляхты, што ихъ тамъ въ томъ часѣ будетъ, маетъ судья, подсудокъ и писарь присегнути.

[1]) Тамъ же розд. IV, арт. 20. *Што маютъ судити воеводове, старостове, державцы и о ихъ позвехъ.* Врем. Моск. Общ. ист. и др. росс. Москва, 1855, кн. 23.

[2]) Za Alexandra Jagiellonczyka stanelo prawo (1496 r.), że wieśniak kilku synów mający, może jednego tylko wysyłać do szkół lub do rzemiosła oddawać, a reszta ma pilnować roli; gdyby zaś jedynaka miał, powinien był ten że pozostać we wsi W. Maciejowski. Piśmiennictwo polskie. Warszawa, 1852, т. II, стр. 73.

въ концѣ XVI стол. и въ началѣ XVII стол. Учебныя грамматики изданы только въ концѣ XVI и въ первой половинѣ XVII столѣтія: Львовская еллино-словенскаго языка 1591 г., Лаврентія Зизанія въ Вильнѣ 1596 г. Мелетія Смотрискаго изд. въ Евью 1619 г., Грамматика или Писменница языка Словенскаго въ Кремянцѣ 1638 г. и онѣ явились уже результатомъ долголѣтней письменной практики. Гдѣ же, спрашиваемъ еще разъ, изучали всѣ эти чиновники и правители письменныхъ дѣлъ разныхъ вѣдомствъ, употреблявшіе русскій языкъ по всѣмъ воеводствамъ, землямъ и повѣтамъ громаднаго пространства Литовско-русскаго В. княжества? гдѣ они всѣ выучились русской грамотѣ, русскому правописанію и русской грамматикѣ, до того твердо и вѣрно, что во всѣхъ актахъ замѣчается тотъ же однообразный, красивый, бойкій русскій скорописный почеркъ, одно и то же правописаніе, одни и тѣ же грамматическія правила, одинъ и тотъ же языкъ?... Нѣтъ сомнѣнія, что въ XV и XVII вѣкахъ и раньше этого, многочисленные монастыри и церкви были разсадниками книжнаго образованія, въ которыхъ молодежь обучалась грамотѣ, привыкала къ правильному славянорусскому правописанію и письменному употребленію языка. Въ нѣкоторой мѣрѣ монастыри имѣли тоже назначеніе, что учебныя заведенія и потому въ древности учредить монастырь значило столько, что устроить школу граммотности. Въ 10-омъ правилѣ вселенскаго собора, которымъ руководствовались въ древней Руси, было вмѣнено священникамъ обучать дѣтей: *Паче же всего подобаетъ учити отроковъ, читая имъ божественное писаніе ибо для сего и священство получили».* Знатные и богатые люди держали для своихъ дѣтей домашнихъ учителей (дидаскаловъ), подготовляемыхъ въ тѣхъ же монастырскихъ училищахъ. Патріархъ, подтверждая уставъ Львовскаго Ставропигійскаго братства, поручилъ ему воспитаніе и образованіе дѣтей. Въ своей грамотѣ отъ 1590 г. онъ приказалъ, чтобы во Львовѣ, кромѣ одного братскаго училища, не было другаго, *прибавляя при томъ:* «Аще же будетъ имѣти кто даскала только для своихъ дѣтей, будетъ ему вольно учити, но не иныхъ. Также и *великій* отъ священниковъ да учитъ единаго или двоихъ дѣтей для послуги (церковной), но не болѣе къ упиченію и перешкодѣ общей школѣ» [1]). Это постановленіе повторено было также на Берестейскомъ соборѣ 1594 г. о братскихъ школахъ Львовской и Виленской, которыя названы «соборнѣйшими». Они подчинены были самому Кіевскому митрополиту, въ это время еще православному, съ тѣмъ примѣчаніемъ, чтобы и иные всѣ *малые школы*, ко перешкодѣ братской постановленные, абы не были; только для помочи священникомъ при *каждой* церквѣ дѣтей по двою или трою имѣти

[1]) См. Современный переводъ греческой грамоты въ Львовскомъ Ставропигійскомъ архивѣ. — Галицкая Зоря. Альбумъ на 1860 годъ, въ Львовѣ стр. 440.

вольно [1]). Въ этихъ то *малыхъ* школахъ, которыя были при *каждой* церквѣ, въ особенности при соборахъ и монастыряхъ, молодые люди обучались русской грамотѣ и дополняли свои знанія въ высшихъ училищахъ или же на практикѣ въ судахъ и другихъ присутствіяхъ.

За исключеніемъ Подляхіи или воеводства Подляшскаго, въ которомъ актовыя книги писаны по большей части по латини и Жмудьскаго воеводства, въ которомъ часто попадаются акты на латинскомъ, польскомъ и даже на нѣмецкомъ языкѣ, всѣ другіе суды и присутствія употребляли русскій языкъ и русскія письмена. Во всемъ громадномъ количествѣ актовыхъ книгъ не встрѣчалось ни одного документа, ни одной фразы, ни одного слова на Литовскомъ языкѣ, даже на Жмуди, гдѣ жилъ и до сихъ поръ живетъ коренной жмудьскій или литовскій народъ и господствуетъ (въ селахъ) исключительно литовскій языкъ. Такимъ образомъ Литва, соединяясь съ Русью, дала В. княжеству Литовско-русскому свое имя и свою династію—и больше ничего За то Литва приняла отъ Руси языкъ, письменность, образованность и всѣ гражданскіе и административные порядки. Такъ называемая Литва—это была собственно западная и югозападная Русь!

Касательно письма нельзя не обратить вниманія на королевскія грамоты, въ которыхъ начальныя буквы или инціалы, разрисованны съ особымъ вкусомъ и причудливой фантазіей, разцвѣчены въ видѣ деревъ, цвѣтовъ, змѣй, птицъ и своего рода арабесковъ и другихъ орнаментовъ. Довольно посмотрѣть на буквы *Б*, *В*, *Ж*, *К*, *С*, *Ч*, *Я*, и не-надивиться затѣйливой фантазіи писца, тѣмъ болѣе, что эти вычурныя буквы воспроизводимы были писцами тутъ же въ канцеляріи отъ руки перомъ безъ всякихъ образцовъ и приготовленій. Если обращено особенное вниманіе ученыхъ на церковно-славянскія рукописи для объясненія народнаго вкуса въ орнаментикѣ узловатыхъ заставокъ, прописныхъ и начальныхъ буквъ и такъ называемыхъ по польско-русски *вензелей*, то не безполезно обратить вниманіе на орнаментику вычурныхъ черченій буквъ, которыя выводимы были писцами или писарями королевской канцеляріи и актовыхъ книгъ. Въ этихъ послѣднихъ рисунки рѣдки, но почеркъ буквъ тотъ же самый, что и въ грамотахъ.

На счетъ мѣстности, гдѣ сочинялись и писались эти грамоты, должны мы замѣтить, что значительная часть предлежащихъ грамотъ писана въ Вильнѣ, именно 17 королевскихъ и 3 частныхъ лицъ; двѣ (№ 1 и 2) писаны въ Трокахъ, двѣ—№ 6 и 7—въ Городнѣ, одна—№ 3—въ Овручѣ, одна—№ 5—въ Берестьѣ, одна—№ 9—въ Пинскѣ. Между тѣмъ есть много грамотъ и докумен-

---

[1]) Акты западной Россіи, т. IV, стр. 69. — Преданіе объ этихъ церковныхъ училищахъ осталось у народа до сихъ поръ. Въ Галичинѣ и теперь народъ называетъ домъ церковнаго дьячка сплошь да рядомъ *школою*, а *дьяка—бакаляремъ*, хотя бы у него не было никакого училища для дѣтей.

товъ, писанныхъ по русски за границами В. княжества Литовско-русскаго, напр. № 14—въ Берестьи Куявскомъ, въ Великой Польшѣ, № 16 частная сдѣлка составлена въ Новомъ Корчинѣ, въ Польшѣ, а восемь королевскихъ грамоты №№ 19, 25, 27, 28, 31, 33, 40 и 42 и одна королевы Боны № 32 писаны въ самомъ Краковѣ. Изъ этого видно, что при королѣ, гдѣ бы онъ ни былъ, находились писаря, которые писали русскія грамоты и канцлеръ или подканцлерій, который подписывалъ и прикладывалъ печать В. княжества Литовскаго. Но и для частныхъ лицъ находились русскіе чиновники, которые составляли акты и писали грамоты, напр. въ Новомъ Корчинѣ и въ Краковѣ. Въ 1531 году дѣлается мировая сдѣлка между Станиславомъ Пеcецкимъ (судя по имени—полякомъ) и Анной Скиндеревой, при второй сдѣлкѣ присутствовали «едначи полюбовные», т. е. мировые судьи: Николай Замостицкій, пробощъ Судомірскій, Войницкій, секретарь королевскій, канторъ Судомірскій, каноникъ Краковскій, Михаилъ Васильевичъ, писарь Господарскій, державца Медницкій, Андрей Мацковичъ и Семенъ Константиновичъ Жаба. Слѣдовательно при этой мировой сдѣлкѣ, производимой въ Краковѣ, было два ксендза, королевскій писарь и два семянина—и не смотря на это актъ писанъ по русски.

Время, опредѣленное для чтенія реферата, не позволяетъ мнѣ распространиться о разныхъ затронутыхъ мною вопросахъ, но позвольте мнѣ сказать нѣсколько словъ о языкѣ и правописаніи актовой письменности. Языкъ актовыхъ книгъ, дѣловой и дипломатическій бывшаго литовскорусскаго княжества, всегда былъ называемъ языкомъ *русскимъ* (не литовскорусскимъ, не западнорусскимъ, не бѣлорусскимъ, не малорусскимъ, не червонорусскимъ, не русинскимъ, не украинскимъ, а просто русскимъ). Такъ названъ онъ въ Статутѣ Литовскомъ, гдѣ говорится въ IV гл., 1 статѣ: «А писарь земскій маетъ *по руски*, литерами и *словы рускими* вси листы и позвы писати, не иншимъ языкомъ и словы». — Какой же это былъ русскій языкъ? Наше языковѣдѣніе едва коснулось этого вопроса. Въ сочиненіяхъ Срезневскаго, Потебни, Колосова, Житецкаго и др. далеко еще не исчерпанъ весь предметъ. Ни лексикографическая, ни грамматическая сторона не разработаны. Ученые даже не опредѣлили ему названія. Николай Гречъ назвалъ этотъ языкъ польскорусскимъ (вѣроятно, въ политическомъ отношеніи, т. е. языкъ, употребляемый въ областяхъ, подчиненныхъ Польшѣ). Его переводчикъ Сам. Богумилъ Линде, увлекшись польскимъ патріотизмомъ, понялъ это выраженіе по польски и назвалъ языкъ *польскимъ нарѣчіемъ* powiatowszczyzną [1]), значитъ оторвалъ всю письменность Руси и однимъ взмахомъ пера присвоилъ ее польской литературѣ. За нимъ слѣдовали и другіе писатели, а библіографъ Эстрейхеръ, тоже

[1]) См. Mik. Grecza Rys historyczny literatury russyyskiey. Warszawa, 1823, стр. XIII.

національзованный полякъ, включаетъ всѣ книги и всю письменность, возникшую на территоріи б. Польши въ старыхъ границахъ, пресеріозно въ польскую литературу. Безпристрастная научная критика должна отрезвить увлекающихся патріотовъ и поставить дѣло какъ оно есть, должна показать, изъ какого источника произошла эта письменность, до какихъ поръ сохранялся русскій языкъ въ своей чистотѣ, что впослѣдствіи времени было заимствовано изъ мѣстныхъ говоровъ, что было внесено польскимъ вліяніемъ, и какъ собственно читались эти памятники письменности, по бѣлорусскому или малорусскому произношенію?

Мы предполагаемъ, что въ XV, а навѣрно въ XVI стол. уже существовали простонародные говоры, бѣлорусскій и малорусскій, по крайней мѣрѣ въ зародышѣ, но письменный, актовый языкъ не слѣдовалъ фонетикѣ, ни одного ни другого нарѣчія, а сочинители актовъ соблюдали правила древнихъ грамматистовъ и аксіомы у нихъ были: Etymologia, analogia linguae et usus. Слѣдуя этимъ началамъ они придерживались церковно-славянской этимологіи, соображались съ аналогіей русскаго языка и сколько возможно не отклонялись отъ древней русской письменности, развившейся въ Руси во время ея самостоятельныхъ княженій, не подчиненныхъ ни вліянію Польши, ни ея латинства. Этимологическое начало славяно-русскаго языка вполнѣ соблюдаемо было тогдашними грамотѣями и если въ XV и XVI стол. прорывается какая нибудь особенность мѣстнаго говора, то это можно считать опиской или недосмотромъ писца, а не правиломъ. Только съ XVI и XVII в. замѣчается усиливающееся вліяніе польщизны, содѣйствовавшее образованію разныхъ говоровъ.

Въ актовыхъ книгахъ XVII стол. встрѣчаются копіи съ документовъ и съ актовъ, особенно въ такъ называемыхъ транссумптахъ, писанныя польскими буквами, т. е. фонетическимъ правописаніемъ. Въ Виленскомъ центральномъ архивѣ хранится рукопись писцовой книги Кобринской экономіи, писанная также польскими буквами. Это копія подлинной русской рукописи, находящейся въ Виленской публичной библіотекѣ, слово въ слово переписанная. Въ Памятникахъ Кіевской археографической коммиссіи въ IV томѣ отпечатано «*Описаніе Украинскихъ замковъ*» съ 1545 года съ копіи, переписанной польскимъ письмомъ въ концѣ XVIII столѣтія. Такимъ же письмомъ печатали Даниловичъ «Кронику Литовскую и Лѣтописецъ Русскій» [1]), Дзялынскій—«Памятники Литовскихъ правъ» [2]) и мн. др. По этимъ изданіямъ мы можемъ соображать, какъ читались въ то время русскіе памятники Литвы.

Время не позволяетъ намъ распространяться объ отношеніи дѣловаго языка къ народнымъ говорамъ Бѣлой и Малой Руси, поэтому попытаемся вы-

[1]) И. Даниловичъ, Latopisiee Litwy i Kronika Ruska. Wilno, 1827.

[2]) Т. Дзялынскій, Zbiór praw Litewskich. Poznań, 1841.

двинуть самыя типичныя черты обоихъ нарѣчій и представить ихъ отношеніе къ письменному или дѣловому языку древняго Литовско-Русскаго В. Княжества.

Характеристикой бѣлорусскаго нарѣчія можно назвать такъ называемое *дзяканье* и *цяканье* или перегласованіе *д*, *т*, (дь, ть) въ *дз* и *ц*: а также замѣна неударяемаго *о* на *а* и *е*, *ъ* на *я*, или ударяемаго *е* на *ё*: *людзе*, *дзявчына*, *цяпѣръ*, *цёмный*, *ёонъ адзинъ гаваривъ*, ты *будзешъ*, *ёонъ будзецъ*, мы *будземъ*, вы *будзеце*, они *будуцъ писаци*, *ходзици*, *робици* и проч. Въ актовомъ языкѣ нѣтъ ни слѣда дзяканья, ни замѣны *о* на *а*; *е*, *ъ* на *я*; ни *е* на *ё*.

Характеристическія свойства Малорусскаго нарѣчія считаются: 1) перемѣна *о* на *и*; *е* и *ъ* на мягкое *и* (йи): *вйнъ пйшовъ* на *мйсто*, *принйсъ сйль* и положывъ на *стйлъ*; 2) твердое произношеніе *и* почти какъ *ы* и твердое произношеніе *е* какъ *э*: ты *будэшъ*, мы *будэмо*, вы *будэтэ робыты*, *ходыты*, *пысаты* и проч. Этихъ примѣтъ, этого *йканья* и *ыканья* также не находимъ въ актовомъ языкѣ, развѣ иногда писали *нинѣ* вм. нынѣ. *четире* вм. четыре.

Наконецъ обоимъ нарѣчіямъ, такъ бѣлорусскому, какъ и малорусскому свойственны: 1) произношеніе *г* какъ *х*, лат. *h*: *городъ*=*агародъ*, *говорыты*=*гаварицы*, и 2) перемѣна *л* на *в*: *стовпъ*, *довгій*, *мавчу*, особенно же въ прошедшемъ времени: *стоявъ*, *писавъ*, *гаваривъ* и пр. Что касается *Г*, то въ польской транскриціи (какъ въ старину выражались *переложенью съ русскаго письма на польское*) пишется вездѣ *h* [1]). Для литовскихъ именъ и иностранныхъ словъ принято было *кг* вм. *g*: *Жикгимонтъ*, *Кгаштольдъ*, *кгрунтъ*, *кгвалтъ*, *кглейтъ*.

Во 2-мъ пунктѣ всегда пишется этимологически: *лъ*, *л*, польск. *ł*.

Наконецъ *ы* выражается въ транскриціи польскимъ *y*; *и* польск. *i*.

Такимъ образомъ Бѣлоруссы уступили свое фонетическое *а* и *я*, *дз* и *ць* въ пользу *о*, *е*, *ъ*, *д* и *т*; Малороссы и Червонорусцы пожертвовали своимъ *й* (йи), и писали по этимологіи *о* и *ъ*, писали *ы*, *л* и проч., и такимъ способомъ образовался одинъ письменный русскій или русьскій языкъ, съ однимъ этимологическимъ правописаніемъ для всѣхъ. Пререканій о нарѣчіяхъ никакихъ небыло, не-дѣлали разницы между бѣлорусскимъ, малорусскимъ и червонорусскимъ (галицкимъ) діалектами, хотя одни принадлежали къ Литво-Руси и могли называться Литвинами, Бѣлоруссами, Волынцами, Подолянами, Украинцами, Запорожцами, другіе Подляшанами, Червонорусцами (Русинами); одни жили подъ литовско-русскимъ правленіемъ, другіе подъ польскимъ—а если можно принять аналогію—одни жили будто бы въ Цисъ-Лейтаніи, другіе въ Трансъ-Лейтаніи.

---

[1]) С. Б. Линде ошибочно пишетъ *г* чрезъ *g*, *кг*=*к*, *е*=*e*: *его*=*ego*. См. O statuede Litewskim ruskim językiem i drukiem wydanym. Warszawa, 1816, стр. 4, 5.

Если бы Русскій народъ, принадлежавшій къ Литвѣ и Коронѣ, слѣдовалъ не этимологическому, а фонетическому началу и если бы между его племенными и административными разновидностями явился такой сепаратизмъ, какъ напримѣръ у южныхъ Славянъ, то Литво-Русь могла бы разбиться на столько нарѣчій, языковъ, правописаній и письменностей, сколько ихъ было на югѣ: Сербскій, Босняцкій, Далматинскій, Дубровницкій, Хорватскій, Славонскій и проч. языки и столько же литературъ. Наши предки были въ этомъ отношеніи умнѣе. Не было грамматики, не было общей школы, но практика или древне-русскій usus — обычай — научилъ ихъ не разъединяться, а держаться и трудиться вмѣстѣ, такъ какъ въ единствѣ сила! Concordia res parvae crescunt. Благодаря этому единству, Литво-Русь спасла свою народность, свой родной языкъ и православіе.

Я. Головацкій *).

---

*) Уже заключался настоящій томъ, когда получено было печальное извѣстіе о смерти Якова Ѳедоровича Головацкаго, предсѣдателя Виленской архивной коммиссіи, 1-го мая, на 75 году жизни.

Заслуженный писатель, ученый и патріотъ, покойный только послѣдніе два десятка лѣтъ своей долгой трудовой дѣятельности принадлежалъ Россіи; но, уроженецъ восточной, русской, Галичины (въ 1814 г. въ селѣ Чепелѣ, Бродскаго округа), сынъ бѣднаго уніатскаго священника, Головацкій, лучшіе годы своей жизни проведши среди забытой части русскаго народа, духомъ своимъ всегда принадлежалъ намъ, съ первой минуты своей сознательной дѣятельности. Окончивъ курсъ въ доминиканской гимназіи во Львовѣ (1831), т. н. «философію» слушалъ въ Кошицахъ и въ Пештѣ въ Венгріи, засимъ богословіе опять въ Львовѣ, а въ 1841 сталъ священникомъ на селѣ. Но къ этому времени Головацкій былъ уже знатокомъ своего края и писателемъ съ именемъ.

Двадцатые годы вызвали серьезное этнографическое изученіе славянства. Явились труды Шафарика, Коллара, Челаковскаго. Менѣе всего извѣстны были Карпаты, изучить которые тщетно стремился нашъ Кеппенъ. Шишковъ, открывая при Россійской Академіи Славянское отдѣленіе, вмѣнилъ было приглашаемому изъ Праги Челаковскому объѣздить Карпатскій край. Но изъ проэкта не вышло ничего, и эта задача перепала на долю юнаго Головацкаго. Въ 1837 г. является въ свѣтъ первый результатъ этнографическихъ трудовъ Головацкаго. Это была «Русалка Днѣстровая». Въ 1848 г. онъ профессоромъ въ Львовѣ, и съ этого времени усиливается и разнообразится его литературная и ученая дѣятельность, до самой отставки изъ университета. Въ концѣ 1867 г. Головацкій переселился въ Россію и назначенъ въ Вильну для организаціи мѣстнаго историческаго музея и изданія актовъ, и изъ священника сдѣлался статскимъ совѣтникомъ. Богатыя и разнообразныя изданія Виленской археограф. коммиссіи, при самыхъ слабыхъ матеріальныхъ средствахъ послѣдней, прекрасно оправдали назначеніе. Тогда же Головацкій сталъ дѣлиться плодами многолѣтнихъ работъ по южнорусской этнографіи: въ знаменитыхъ «Чтеніяхъ» Бодянскаго стало печататься обширное собраніе пѣсенъ, образовавшее потомъ большія 4 тома. Изъ числа послѣднихъ его трудовъ отмѣтимъ полезный для всѣхъ его Справочный географическій словарь славянскихъ земель.

Представители русской археологической науки хорошо помнятъ неутомимаго старика на всѣхъ археологическихъ съѣздахъ. Участники послѣдняго съѣзда въ Ярославлѣ конечно не забыли, съ какимъ юношескимъ пламенемъ говорилъ уже сильно подавшійся старикъ о своей излюбленной русской этнографіи, по поводу доклада автора этихъ строкъ — «О Руси Трансильванской». *А. Кочубинскій.*

Примѣчаніе къ статьѣ В. Н. Юргевича: Замѣчаніе о нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Новороссійскаго края.

Приводя выше на страницѣ 33 начало псифисма Діофанта, я перевелъ слова подлинника «прибывъ въ нашъ городъ, сдѣлалъ (Діофантъ) со всѣмъ войскомъ отважную переправу черезъ море», понимая это выраженіе въ томъ *смыслѣ, что здѣсь* говорится о переправѣ Діофанта въ Херсонисъ съ Малоазіатскаго берега, сопряженной съ опасностью, вѣроятно, по причинѣ бурнаго времени года, вслѣдствіе чего, исчисляя его подвиги, Херсонисцы поставили ему самую переправу въ заслугу. Знаю, что высокоуважаемый мною В. В. Латышевъ и передъ нимъ Фукаръ и Диттенбергеръ, объяснявшіе псифисмъ, думаютъ здѣсь о переправѣ Діофанта послѣ прибытія въ Херсонисъ, но можно ли назвать ее отважною, если принять вмѣстѣ съ ними, что Діофантъ переправился черезъ севастопольскую бухту, когда мы видимъ изъ того же псифисма, что никто не мѣшалъ ему переправляться. Это именно обстоятельство не дозволяетъ намъ думать о севастопольской бухтѣ, потому что нельзя предположить, чтобы скиѳы, осаждавшіе Херсонисъ, дозволили ему переправиться безпрепятственно. Самое же выраженіе: «прибывъ въ городъ, совершилъ переправу» равнозначитъ съ выраженіемъ: «прибывая въ городъ, совершилъ переправу», какъ мы говоримъ: подписавъ условіе, сдѣлалъ промахъ, или женившись сдѣлалъ глупость Ср. греч. καλὸν ἔργον ἐξεργάσασθε διασπάσαντες ἀπὸ τῆς βουλῆς τὸν δῆμον Dion. Hal.

В. Юргевичъ.

ОПЕЧАТКИ.

Стран.	Строка	Напечатано	Должно быть
24	9 снизу	взглядѣться	вглядѣться
25	1 сверху	πρεσβεῦται	πρεσβευταί
26	15 »	ὀνόμοτα	ὀνόματα
»	1 снизу	греческой	жреческой
27	7 сверху	опредѣленіе	есть опредѣленіе
»	11 »	литературѣ,	литературѣ
»	12 »	Cices въ Cyrrhestia	Cyrrhus въ Cyrrhestica
30	2 снизу	182	181
34	17 »	Тамиранскимъ	Тамиракскимъ
40	9 сверху	можно бы	слѣдуетъ
»	3 снизу	Серрпетори	Серристори
41	7 сверху	не можетъ считаться окончательно рѣшеннымъ	сводится къ тому, что было двѣ Таны, древнѣйшая до 1395 г. и новѣйшая послѣ переселенія итальянцевъ въ Азакъ, и потому
44	1 снизу	Дебрюкса	Дюбрюкса
46	16 »	благодаря,	благодаря
49	9 сверху	древняго	древнимъ
75	6 снизу	возникуть	возникнуть
98	13 »	Не означаетъ скорѣй ли	Не означаетъ ли скорѣй
101	14 »	змѣиннымъ	змѣинымъ
105	1 сверху	«Царь (Zar)	«Царь
»	18 »	эта монета	эти монеты
143	3 снизу	Σαρανειον (VI	Σαραπειον (IV
»	18 »	Roïraz-bounou	Roïraz-bournou
144	5 »	C. I. G.	C. I. G. vol. II
146	23 сверху	XIII	XII

Стран.	Строка	Напечатано	Должно быть
150	4 снизу	Beleze	Belezze
151	7 »	ὑπόμνημα περὶ τῆς	ὑπόμνημα τῆς
152	1 сверху	1113	1112
»	9 снизу	218	288
»	13 »	1114	1143
154	10 сверху	τῶν ὁρῶν,	τῶν ὁρῶν καὶ ἁπλῶς ὡς γήλοφός τις
»	14 »	σκολιαὶ, ἀλλ'	σκολιαὶ καὶ καμπύλαι αἱ τροχιαί, ἀλλ'
156	4 сверху	μαθεῖν	λαθεῖν
»	20 »	κατίσον	κατ' ἴσον
157	6 »	ψύσις	φύσις
»	13 »	δικάζονται	καταδικάζονται
159	16 »	ἢ ἐκκλησιαστικοῖς	ἢ ἐκκλησιαστικοῖς ἢ προσωπικοῖς
»	11 снизу	πατρὸς	σωτῆρος
160	15 »	ἐν ᾗ	ἐν ᾗ
161	14 сверху	μετὰ τὸν σεπτέβριον κατὰ	κατὰ τὸν ὀκτώβριον
»	15 »	1144	1143
161	6 снизу	παρατουῆς εἰς κρίμα ἐκπέσωμεν	παραβασίας εἰς κρίμα ἐμπέσωμεν
162	13 сверху	καὶ τῇ ἑβδομάδι	καὶ τῇ αὐτῇ ἑβδομάδι
»	17 »	ἐκπίπτων	ἐκπίπτον
163	4 »	Kaisib	Kiatib
167	1 сверху	Yiderim	Yldérim
169	10 снизу	ἄλλο[θι πρ]οειδῶσιν	ἀλλ[ήλους π]είθωσιν
171	9 »	Cexoδ(ν)δα	Cexoδ(ν)δα Ιλαίου
172	5 »	0,23	0,28
174	14 сверху	l'an 1372	l'an 1375—1385
175	6 сверху	ἀναστάσιος	Ἀναστάσιος
»	23 »	ὥλα	ὥσα
177	1 et passim	patriarchaux, patriarchat	patriarcaux patriarcat
179	2 снизу	φιλήμονα	Φιλήμονα
180	6 сверху	ὑπομείνεις	ὑπομείνοι
»	12 »	ἐσχάτως	ἐσχάτοις
184	19 сверху	παρὰ κλη[θ]ρας	παρὰ κλή[θ]ρας
185	10 снизу	Nesibis	Nisibis
186	3 »	Mydoniae	Mygdoniae
195	6 сверху	[25])	[21])
203	14 »	Являются	Является

Стран.	Строка	Напечатано	Должно быть
206	10 сверху	в. Марка	св. Марка
211	2 »	о убѣжденіе	убѣжденіе о
224	18 »	затоя	застоя
312	16 снизу	приѣнененіе	примѣненіе
370	14 сверху	пришла	пришли
373	10 снизу	его трудѣ	его трудѣ «Инородческое населеніе Казанскаго царства»
376	12 сверху	каракамыками	каракалпаками
379	1 »	Зоинскъ	Заинскъ
399	5 снизу	Зладні	Злидні
406	5 сверху	мѣстѣ	мѣсту
421	2 »	*зимъреніе*	*измъреніе*
423	9 снизу	стеропольской	старопольской